
ЙЕН
МАКДОНАЛЬД
Река Богов
«Махабхарата» в жанре «киберпанк»
Village Voice
ALT·SF

Река Богов
Йен Макдональд

Аннотация
Йен Макдональд – Река Богов
ГАНГА МАТА
1. Шив
2. Господин Нандха
3. Шахин Бадур Хан
4. Наджья
5. Лиза
6. Лалл
7. Тал
8. Вишрам
САТ ЧИД ЭКАМ БРАХМА
9. Вишрам
10. Шив
11. Лиза, Лалл
12. Господин Нандха, Парвати
13. Шахин Бадур Хан, Наджья
14. Тал
15. Вишрам
КАЛКИ
16. Шив
17. Лиза

18. Лалл
19. Господин Нандха
20. Вишрам
21. Парвати
22. Шахин Бадур Хан
23. Тал
24. Наджья
25. Шив

ТАНДАВА НРИТЬЯ

26. Шив
27. Шахин Бадур Хан
28. Тал
29. Банановый клуб
30. Лиза
31. Лалл
32. Парвати
33. Вишрам
34. Наджья, Тал
35. Господин Нандха
36. Парвати, господин Нандха
37. Шахин Бадур Хан
38. Господин Нандха
39. Кунда Кхадар
40. Вишрам
41. Лиза
42. Лалл

43. Тал, Наджья
44. Шив
45. Развязка Саркханд
ЙОТИРЛИНГА
46. Все вместе
47. Лалл, Лиза
ГЛОССАРИЙ

Аннотация

Индия.

Новая Мекка компьютерных технологий...

Новый рай для любителей экстремальных развлечений, признанных незаконными во всем остальном мире...

Страна, вновь расколовшаяся на десятки крошечных независимых княжеств, постоянно балансирующих на грани вражды и открытой войны — войны, в которой «пушечным мясом» становятся не люди, а мехи, а полководцами и стратегами — искины.

Индия. Матерь Богов.

Земля, где на берегах священного Ганга появляются новые мехадеви — боги, созданные машинами и для машин.

Боги, созданные компьютерным брахмой для одного из бесчисленных обитаемых миров — мира виртуального.

Но виртуальность вот-вот станет сильнее реальности...

Йен Макдональд – Река Богов

Переводчик: С. Минкин

ГАНГА МАТА

1
Шив

Тело поворачивается в потоке воды. Там, где новый мост пересекает Ганг пятью асфальтовыми пролетами, вокруг опор виднеются гирлянды из палок и пластиковых сучьев — плоты из речного мусора. Какое-то мгновение кажется, что тело может стать его частью, темной бесформенной грудой в черном потоке. Ровное движение воды несет его, переворачивает с боку на бок, протаскивает ногами вперед под стальной аркой, где грохочет бесконечный поток автомобилей. Там, наверху, ревут тяжелые грузовики, несущиеся высоко над рекой. День и ночь блестящие хромированные конвои могучих машин с яркими изображениями богов на бортах мчатся по мосту в город, а из громкоговорителей, установленных на крышах кабин, раздается оглушительная киномузыка. Воды Ганга дрожат от отвращения.

Стоя по колено в реке, Шив с наслаждением затягивается сигаретой. Священный Ганг!.. Ты достиг мокши* [Индийские реалии (здесь и далее по тексту) см. в *Глоссарии* в конце книги]. Ты сво-

боден от кармы. Венки из бархатцев обвивают его ноги в насквозь промокших брюках. Шив наблюдает за тем, как уплывает тело, затем щелчком выбрасывает окурок, улетающий с фейерверком мелких искр, и идет назад к своему «мерседесу», который тоже наполовину погрузился в воду.

Слуга протягивает ему туфли. Хорошие туфли. Хорошие носки. Итальянские носки. Не всякое там индийское дерьмо. Слишком хорошие обувь и носки, чтобы их можно было пожертвовать Гангу, позволив стать частью ила и грязи. Шив включает зажигание. Загораются фары, и видно, как тоненькие фигурки разбегаются по белому песку. Чертова ребятня! Он им покажет.

«Мерседес» выезжает на берег, едет по грязи к белому песку пляжа. Шиву никогда не приходилось видеть, чтобы уровень воды в реке настолько понижался. Конечно, он не принадлежал к числу тех, кто поклоняется богине Ганга — Ганга Дэви, — пусть этим занимаются женщины, раджа должен быть разумным человеком, иначе какой он раджа... Но смотреть, как низко опустилась вода в Ганге, понимать, что река ослабела, — тяжело и мучительно, словно наблюдать за тем, как из раны на руке друга густой струей хлещет кровь, и не иметь возможности ему помочь. Кости тре-

щат под покрышками автомобиля. «Мерседес» разбрасывает в разные стороны угольки костра, который разводили здесь мальчишки.

Затем слуга Шива, Йогендра, бросает машину вперед, и они въезжают вверх по берегу, прорезав две глубокие борозды на лужайке, заросшей бархатцами. А ведь всего пять лет назад Шив был таким же бездомным мальчишкой, жившим за счет реки, вечерами сидевшим на корточках у костра, копошившимся в песке, просеивавшим ил в поисках какого-нибудь старья, которым можно поживиться. Когда-нибудь он снова окажется там — в конце пути. Да, здесь Шив закончит свой земной путь. В этом он всегда был уверен. Все заканчивают там. Река уносит всех и вся. Грязь и человеческие останки.

Течение вертит тело, треплет шелк сари и медленно раскручивает ткань. Приближаясь к низкому понтонному мосту под давно заброшенным фортом у Рамнагара, труп в последний раз переворачивается и освобождается от оков земной одежды. Змейка из шелка цепляется за округлый выступ понтона и, подхваченная течением, вьется с обеих его сторон. Этот мост построили британские саперы в той стране, которая существовала до той страны, что предшествовала

нынешней.

Пятьдесят понтонов, соединенных узкими полосками стали. Здесь проезжает более легкий транспорт. Фатфаты, мопеды, мотоциклы, велорикши, изредка какой-нибудь «марути», пробирающийся между велосипедами. Истошно гудят автомобильные сирены: здесь всегда масса пешеходов. Понтонный мост — настоящая звуковая дорожка, бесконечная магнитофонная лента с записью шума колес и шагов человеческих ног. Лицо обнаженной женщины покачивается на поверхности воды на расстоянии всего нескольких сантиметров от колес авторикш.

За Рамнагаром восточный берег расширяется, переходя в песчаный пляж. Здесь обнаженные садху строят свои селения из лозняка и бамбука и предаются предельной аскезе до того момента, как рассвет начинает вплывать в священный город. За их кострами на фоне широкого неба виднеются громадные веера дыма и пара, возносящиеся из труб больших транснациональных предприятий по переработке сырья. Они отбрасывают длинные дрожащие тени на черную реку, освещая блестящие спины буйволов, сбившихся в кучу в воде под разрушающейся Ази Гхат, первой из священных гхат Варанаси. На воде вдруг вспы-

хивают огоньки — это несколько паломников и туристов пускают в реку дийя в маленьких блюдечках из листьев манго. Они будут плыть много километров, гхат за гхатом, пока река не превратится в сплетение водного потока и световых полос, сложный узор, в котором мудрецы прозревают дурные предзнаменования, предвестия великих переворотов и судьбы целых народов.

Свечки, проплывая мимо, бросают отсветы на обнаженное тело женщины. Освещают лицо, не старое и не молодое. Обычное лицо — лицо, о котором не вспомнят, одно из одиннадцати миллионов лиц этого города. Существует пять классов людей, которых не разрешено предавать кремации, а следует просто бросать в реку: прокаженные, дети, беременные женщины, брахманы и умершие от укуса королевской кобры. Одежда женщины свидетельствует о том, что она не принадлежит ни к одной из упомянутых каст. Поток проносит ее, никем не замеченную, мимо суеты и мельтешения туристических лодок. Ее бледные руки нежны, не привычны к тяжелой работе.

Большие погребальные костры пылают на Маникарника-гхате. Участники похоронной процессии несут бамбуковые носилки по усыпанным пеплом ступенькам, по засохшей и потрескав-

шейся грязи к кромке воды. Они опускают тело, облаченное в одежды цвета шафрана, в очищающие воды реки так, чтобы все оно омылось водой. Затем несут его к костру. А пока неприкасаемые складывают погребальные поленья поверх закутанного в ткани тела, маленькие фигурки стоят по колено в Ганге и процеживают воду сквозь мелкие корзинки из ивняка, пытаясь среди пепла сожженных трупов отыскать золото.

Еженощно на гхате, где Брахма-творец принес жертву из десяти лошадей, пятеро брахманов приносят аарти богине Ганга. Владельцы местного отеля платят каждому из них по двадцать тысяч рупий в месяц за совершение этого ритуала, что никак не влияет на молитвенное рвение. Они возносят огненную пуджу богам, моля о дожде. Со времени последнего муссона прошло три года. Нечестивая плотина Авадха в Кунда Кхадар превратила остатки крови в жилах Ганга Мата в прах. И теперь даже неверующие и агностики бросают лепестки роз в воды священной реки.

А в той другой реке, реке из колес, не знающей засух, Йогендра ведет огромный «мерседес» сквозь пелену нестерпимого шума, вечную чакру транспорта Варанаси. Он непрерывно сигналит, проносясь мимо фатфатов, огибая рикш на вело-

сипедах, выезжая на встречную полосу, чтобы не наехать на корову, спокойно жующую какую-то старую куртку. Шиву наплевать на любые правила уличного движения, но он в самом деле боится наехать на корову.

Проезжая полоса и тротуар сливаются в единое мутное пятно; мимо проносятся ларьки, киоски, храмы, уличные алтари, увешанные гирляндами из цветов. «Дайте нашей реке течь свободно!» — гласит написанный от руки плакат противника строительства плотины. Группка юношей-проституток в идеально чистых рубашках и брюках, вышедших на охоту за клиентами, оказывается прямо перед автомобилем. Их грязные руки касаются блестящих боков машины. Йогендра не может удержаться от восклицания при виде подобной наглости. Поток прохожих становится все гуще, все многочисленней: наконец женщинам и паломникам приходится прижиматься к стенам и дверям, чтобы пропустить Шива. От испарений спиртового автомобильного топлива начинает кружиться голова. Они едут горделиво, будто в королевской повозке. Сжимая в руке ледяную металлическую флягу, Шив въезжает в город своего имени и наследия.

Первым был Каши — первородный из горо-

дов. Сестра Вавилона и Фив, пережившая их. Город света, где Йотирлинга Шивы, божественная творящая энергия, вышла из земли в виде светоносного столпа. Затем пришло время Варанаси, самого священного из всех городов, супруга богини Ганга, города смерти и паломников, пережившего множество империй, царств, повелителей и великих народов, жизнь которого течет сквозь время, подобно тому, как его река течет по великой равнине северной Индии. За ним вырос Нью-Варанаси. Бастионы и крепости новых жилых районов и взмывающие к небесам штабы из стекла и бетона, принадлежащие межнациональным корпорациям, громоздящиеся позади дворцов и паутины узких улочек с тех пор, как мировые доллары полились в бездонный колодец рабочих ресурсов Индии.

И вот возникли новая страна и новый народ, а Старый Варанаси вновь стал Каши из легенды. Пуповина возрожденного мира. Это город-шизофреник. На переполненных улицах паломники смешались с японскими секс-туристами. Похоронные процессии проносят мертвецов мимо клеток с девочками-проститутками. Отощавшие европейцы и американцы, давно обосновавшиеся в Индии, увешанные бусами и заросшие

бородами, предлагают массаж головы, а местные деревенские девицы толкутся в брачных агентствах, хищным взором впиваясь в данные о доходах возможных претендентов на их руку и сердце.

Привет, привет... какая страна? Ганджа, ганджа Храм Непали? Хотите повидаться с молоденькой девочкой, туда-сюда?

Хотите посмотреть, как в женщину входит маленький американский футбольный мяч? Десять долларов. От этого ваш член станет таким большим, что всех напугает. Карты джанампатри, хора чакра, жирные красные тилаки, которые наносят на лоб туристам. Гуру-близнецы. Давай! Давай! Фильм последнего месяца, озвученный одним человеком, одним голосом в спальне вашей двоюродной сестры; истощенные рабочие, что трудятся чуть ли не целый день напролет, и прожигатели жизни; самопальные джин и виски, изготовленные на старых сыромятнях («Джонни Э. Уокер», самая уважаемая марка). А со времени последнего муссона также еще и вода. В бутылках, чашках, просто глотками, из баков, цистерн, на подносах и в пластиковых бутылках, в рюкзаках и козьих мехах. Эти бенгальцы с их айсбергом, как вы думаете, они поделятся с нами

хоть одной каплей здесь, у нас в Бхарате? Покупайте и пейте...

Мимо пылающего гхата и храма Шивы, медленно опрокидывающегося в ил, нанесенный Варанаси, река течет дальше на северо-восток. От третьего ряда мостовых опор на реке возникают водовороты. На поверхности появляется сильная рябь. Рябят и огни, отраженные в зеркале воды, огни скоростного шатабди, пересекающего реку по направлению к станции Каши. Изящный современный экспресс с тяжелым грохотом пролетает по мосту как раз в тот момент, когда вода выносит из-под его опор труп женщины.

За Каши и Нью-Варанаси есть еще и третий Варанаси. Новый Сарнат, он появляется на планах и в пресс-релизах архитекторов и компаний, занимающихся их пиаром, живущих за счет славы древнего буддистского города. Для всех остальных он называется Ранапуром. Недостроенная столица молодой политической династии. Но как бы ее ни называть, это самая крупная стройка Азии. Тут никогда не гаснут огни. Работа не прекращается ни на секунду. Шум повергает в ужас. Здесь постоянно трудятся сто тысяч человек, начиная от подсобных рабочих и кончая инженерами. Небоскребы немыслимой красоты

и конструкторской смелости взмывают вверх из коконов бамбуковых лесов. Бульдозеры торят широкие бульвары и проспекты, которые украсят тенистые деревья с измененной генной структурой. Новым государствам требуются новые столицы, и Ранапур станет витриной культуры, промышленности и перспектив развития Бхарата. Культурный центр Саджида Рана. Центр общественных форумов Раджива Рана. Телекоммуникационная башня Ашока Рана. Музей современного искусства. Система скоростных перевозок. Министерства и различные государственные учреждения, посольства, консульства и все другие атрибуты столицы. То, что англичане сделали для Дели, Рана сделают для Варанаси. И название самого главного здания во всей этой стройке: «Бхарат Сабха» — лотос из белого мрамора, — здание парламента и правительства Бхарати, «премьер-министерство» Саджида Рана.

Стройка отражается в реке. Новые гхаты могут быть сделаны из мрамора, но дети реки — настоящие обитатели Варанаси. Резко поднимаются головы. Там что-то есть. Что-то легкое, яркое, отливающее светом. Гасятся сигареты. Обитатели берега прыгают в воду, во все стороны разлетаются брызги. Они идут по прибрежной полосе по

колено в мелкой, теплой как кровь воде, окликая друг друга. Нечто. Тело. Женское тело. Обнаженное женское тело. Для Варанаси это не в новинку, но мальчишки вытаскивают труп на береговой песок. Возможно, им удастся чем-то поживиться. Какие-нибудь драгоценности. Золотые зубы. Что-нибудь еще, имеющее цену. Ребята шествуют по воде через полосы света, отбрасываемые прожекторами с великой стройки, и тянут за собой свою добычу, тащат ее за руки по песку. У нее на шее мерцает серебро. Жадные руки тянутся к медальону-тришул — трезубцу, который носят почитатели Господа Шивы. С приглушенными криками мальчишки отскакивают.

От грудины до лобка тело женщины распорото. Кольца кишок и прочие внутренности сверкают в полосе света, что отбрасывает стройка. Двумя короткими грубыми разрезами начисто удалены яичники.

Сидя в шикарной немецкой машине, Шив бережно придерживает на коленях серебряную флягу с капельками конденсата влаги на ней, а Йогендра мчит его сквозь густой поток автомобилей.

2
Господин Нандха

Господин Нандха, Сыщик Кришны, едет сегодняшним утром в поезде, в вагоне первого класса. Господин Нандха — единственный пассажир в вагоне первого класса на электропоезде-экспрессе шатабди на железной дороге Бхарат. Состав несется по специально построенной сверхскоростной линии со скоростью триста пятьдесят километров в час, время от времени поворачивая на некрутых виражах. Деревни, дороги, города, поля, храмы сливаются в одно туманное пятно в предрассветной дымке, которая никак не хочет оставлять долину. Но господин Нандха ничего этого не видит. Он сидит у затонированного окна, полностью погрузившись в виртуальные страницы «Бхарат таймс». Статьи и видеорепортажи проносятся над столом — лайтхёк вводит данные прямо в зрительные центры его мозга. А в слуховом центре звучит Монтеверди, «Вечеря Пресвятой Девы», в исполнении венецианской «Камераты» и хора Святого Марка.

Господин Нандха очень любит музыку итальян-

ского Возрождения. Господин Нандха обожает любую музыку европейской гуманистической традиции. Господин Нандха считает себя человеком Ренессанса. Поэтому о чем бы он сейчас ни читал — рассуждения о возможной войне, репортаж о демонстрации у статуи Ханумана или сообщение о предполагаемом строительстве станции метро у Старкханда, последние скандалы и светские сплетни, спортивные новости, — сокровенная часть зрительной коры его больших полушарий, та, которой никогда не сможет достичь лайтхёк, любуется piazza* [площадь *(ит.).*] и campanile** [колокольня *(ит.).*] Кремоны семнадцатого столетия.

Господин Нандха никогда не бывал в Кремоне. Он вообще никогда не бывал в Италии. Воображаемые картины Кремоны — суть кадры, взятые из планетарного телеканала «История», перемежающиеся с собственными воспоминаниями господина Нандхи о Варанаси, его физиологической родине, и о Кембридже, его родине интеллектуальной.

Поезд пролетает мимо сельского кирпичного завода. Дым от печей для обжига и сушки лежит поверх слоя тумана. Ряды сложенных кирпичей производят впечатление развалин какой-то так

и не появившейся на свет цивилизации. Внизу стоят дети: они смотрят на проносящийся мимо поезд, подняв руки в молчаливом приветствии, завороженные невероятной скоростью. Состав убегает вдаль, и дети устремляются к линии в поисках монеток-пайса, которые при его приближении заложили в стыки рельсов. Скоростные экспрессы вдавливают монетки в рельс. Конечно, на монетку можно что-нибудь купить, но может ли какая угодно покупка сравниться с возможностью увидеть, как монета становится мутным пятнышком?..

Проводник, покачиваясь, проходит по вагону.

— Саиб?..

Господин Нандха протягивает ему чайный пакетик, покачивающийся на нитке. Проводник кланяется, берет пакетик, опускает его в пластиковую чашку и наливает кипяток из специального приспособления. Господин Нандха вдыхает аромат чая, кивает и передает проводнику влажный горячий пакетик. Господин Нандха страдает от грибковой инфекции. Чай — аюрведический, приготовлен по его собственной рецептуре. Господин Нандха также старается избегать злаковых, фруктов, пищи, при приготовлении которой использовался процесс брожения

(включая алкоголь), а также соевых и молочных продуктов.

Ему позвонили в четыре часа утра. Господин Нандха только что уснул после приятных занятий любовью со своей прелестной женой. Он попытался встать, не потревожив ее, но она никогда не могла спокойно спать, когда супруг бодрствовал, и потому тоже поднялась, принесла его дорожную сумку, за которой по ее указанию внимательно следил слуга, постоянно наполняя свежими продуктами. Она проводила мужа до министерского автомобиля.

Машина обогнула привокзальную площадь, запруженную фатфатами и рикшами, ожидающими прихода поезда из Агры, и подвезла господина Нандху, минуя ту часть станции, где происходила сортировка вагонов, прямо к платформе, у которой ждал длинный блестящий состав скоростного электропоезда. Чиновник Бдаратской железнодорожной компании проводил важного пассажира к зарезервированному для него месту в зарезервированном для него вагоне. Тридцать секунд спустя поезд туманным призраком скользнул за пределы вокзала Каши. Все триста метров его длины были предоставлены в полное распоряжение Сыщика Кришны.

Господин Нандха в воспоминаниях возвращается к занятиям любовью с женой и вызывает ее на своем палме. Она появляется в зрительных зонах мозга. Он не удивляется, увидев ее на крыше. С тех пор как начались работы по разведению сада, Парвати все больше времени проводит на самом верху их дома. За бетономешалкой, кучами блоков, мешками с компостом и трубами для увлажнителя почвы господин Нандха видит зажигающийся свет в окнах квартир в домиках, расположившихся на узких улочках. Цистерны с водой, солнечные батареи, спутниковые антенны, ряды гераней в горшках вырисовываются на фоне тусклого туманного неба. Парвати закладывает за ухо выбившуюся прядку волос, искоса бросает взгляд в «бинди».

— Все в порядке?

— Все хорошо. Я приезжаю через десять минут. Просто захотелось тебе позвонить.

Она улыбается. Сердце господина Нандхи замирает.

— Спасибо, это так приятно... Тебя беспокоят твои дела?

— Нет, обычная экскоммуникация. Нам необходимо взять все под контроль до того, как распространится паника.

Парвати кивает, прикусив нижнюю губу. Она делает так всегда, когда задумывается над какой-нибудь важной проблемой.

— А чем ты будешь заниматься сегодня?

— Ну, — отвечает она, оглядываясь на сад, — появилась одна идея. Только, пожалуйста, не сердись, но, как мне кажется, нам не нужно так много кустов. Я бы предпочла овощи. Несколько грядок бобов, томаты, перец. Они будут очень мило выглядеть. Может быть, следует посадить даже бхинди и бринджал. И травы — я обожаю выращивать травы: тулси, кориандр и хинг.

Сидя на своем месте первого класса, господин Нандха улыбается:

— Настоящая маленькая городская фермерша.

— О, тебе не придется за меня краснеть. Всего несколько грядок, пока мы еще не переехали в загородный дом. Я смогу выращивать те самые овощи для салатов, которые тебе нужны. Это сэкономит массу денег, ведь их привозят на самолетах из Европы и Австралии, я сама видела этикетки. Ну как, ты согласен?

— Как пожелаешь, мой цветок.

Парвати хлопает в ладоши от восторга.

— О, хорошо! Знаешь, я уже набралась наглости запланировать поход с Кришаном к торговцу

семенами.

Господин Нандха часто задается вопросом, правильно ли он поступил, привезя очаровательную жену в жестокое и лицемерное общество Варанаси, привел простенькую сельскую девушку туда, где гнездятся кобры. Все те игры, в которые склонны были играть жители города — его коллеги, те, кого он считал равными себе, — ужасали его. Перешептывания, многозначительные взгляды, слухи, все всегда так любезны, так воспитанны, но постоянно наблюдают, взвешивают, измеряют. Очень ненадежное равновесие добродетели и порока. Для мужчин в этом нет ничего страшного. Ищи себе жену такую, какую сможешь, если вообще сможешь. Но господин Нандха нашел себе жену гораздо лучше многих, лучше, чем Арора, его начальник в министерстве безопасности, лучше, чем большинство его современников. Хороший прочный брак Каяста-Каяста, однако, похоже, старые условности более не имеют значения в новом Ранапуре. Жена Нандхи? А вы слышали акцент? А вы видели руки? А как насчет цветов, которые она предпочитает, а стиль одежды? И вообще, знаете ли, она не умеет разговаривать. Вообще не умеет. Ей просто не о чем говорить. Открывает рот, и оттуда с жужжанием вылетает

муха. Сразу видно, глухая деревушка или маленький городок. Захолустье. До сих пор боится сесть на унитаз — влезает на него с ногами.

Господин Нандха чувствует, как сжимаются у него кулаки от гнева при мысли о том, как Парвати закручивает водоворот этих жутких салонных игр с перешептываниями «мой муж то-то...», «мои дети там-то...», «мой дом такой-то...». Ей не нужен загородный домик, два автомобиля, пять слуг и дизайнер. Подобно всем современным невестам, Парвати прошла необходимую финансовую проверку и генное сканирование, по их брак всегда был союзом, основанным на уважении и любви, а вовсе не результатом прыжка за первой приглянувшейся приманкой на дарвинистском брачном рынке Варанаси. В былые времена женщина приходила в семью с приданым. Мужчина считался благословением, он был сокровищем. Это создавало определенные проблемы. И вот теперь, по прошествии более чем четверти века применения эмбриональной селекции в тихих, не слишком бросающихся в глаза пригородных клиниках, мужское население среднего класса в Бхарате по численности в четыре раза превосходит женское. Господин Нандха чувствует изменение в скорости экспресса. Поезд замед-

ляет ход.

— Любовь моя, мне нужно выходить.. Мы подъезжаем к Наваде.

— Тебе там ничего не угрожает? — спрашивает Парвати. Глаза ее широко открыты: она так боится за мужа.

— Что мне может угрожать? Я исполнял десятки подобных поручений.

— Я люблю тебя, супруг мой.

— Я люблю тебя, мое сокровище.

Супруга господина Нандхи исчезает из его зрительных зон. Я сделаю это для тебя, думает он. Я буду думать о тебе, когда расправлюсь с ним.

Миловидная женщина-джемадар из местного отделения Гражданской обороны встречает господина Нандху на нижней платформе. Два ряда джаванов сдерживают зевак с помощью бамбуковых дубинок. Здесь же находится и эскорт.

Навада — агломерат, образовавшийся из четырех грязнущих городишек. Однажды прямо с небес на них посыпались крупные гранты на развитие, на строительство дорог, в кратчайшее время были возведены заводы, центры связи и «фермы данных». Стоит лишь соединить все кабелем и спутниковой связью, подключить к единой энергосистеме, и проект начнет приносить вам

горы рупий. Именно здесь, среди рифленого алюминия и карбоновых конструкций строек Навады, творится будущее Бхарата, а вовсе не там, где взмывают ввысь небоскребы Ранапура. В армейском «хаммере» господин Нандха проносится мимо небольших магазинов и автомастерских. Он чувствует себя наемным убийцей, въезжающим в город. Скутеры с деревенскими девицами, примостившимися на задних сиденьях, отскакивают с дороги.

Эскорт сворачивает на узкую улицу между двумя спусками, своими сиренами освобождая путь для автомобиля, везущего господина Нандху. Столб линии электропередачи сгибается под тяжестью незаконных отводок. Сидящие на корточках женщины угощают друг друга чаем и завтраком рядом с громадным бетонным кубом без окон. Мужчины собираются кучкой — насколько позволяет геометрия квартала — покурить. Господин Нандха поднимает голову и смотрит на распростертые благословляющие длани солнечного энергоцентра «Энергия луча». Приветствие солнцу.

— Выключите сирены, — приказывает он миловидной женщине-джемадару, которую зовут Сен. — Эта штука обладает неким зачаточным ра-

зумом — по крайней мере на уровне животного. Она способна к выработке рефлексов.

Сен опускает окно и выкрикивает приказ. Сирены умолкают.

Автомобиль — настоящая душегубка. От пота брюки господина Нандхи прилипают к виниловому покрытию сиденья, но он слишком горд, чтобы подвинуться даже на дюйм. Он сдвигает хёк поближе к уху, устанавливает сенсорный преобразователь над зоной наилучшего восприятия и открывает коробку с аватарами.

Ганеша, Повелитель Благоприятных Начинаний, Устранитель Препятствий, восседающий в повозке, возносится над плоскими крышами и антеннами Навады, громадный, как грозовое облако. В руках он держит свои атрибуты: стрекало, петлю, сломанный бивень, клецку из рисовой муки и горшок с водой. В его выпирающем животе — вселенные киберпространства. Ганеша — это портал. Господин Нандха наизусть знает все шаги, необходимые для вызова каждой аватары. Движением руки он вызывает летящего Ханумана с его булавой и горой. Шива Натараджа. Бог Танца, на расстоянии одного шага от вселенского распада и возрождения. Темная Дурга, богиня праведного гнева: каждая из десяти

ее рук сжимает оружие. Бог Кришна с флейтой и ожерельем. Кали Разрушительница с поясом из отрубленных рук. В воображении господина Нандхи божественные агенты министерства низко склоняются над крошечной Навадой. Они готовы. Они полны нетерпения. Они голодны.

Конвой сворачивает в служебный проезд. Несколько полицейских пытаются сдерживать толпу. Пространство запружено самыми разными средствами передвижения: здесь и карета «скорой помощи», и полицейская патрульная машина, и электроджип срочной доставки. Под передним колесом грузовика что-то лежит.

— Что здесь происходит? — требует объяснений господин Нандха, который проходит сквозь строй полицейских, высоко подняв министерское удостоверение.

— Сэр, у одного из рабочих с фабрики случился припадок, он выбежал на улицу и попал прямо под... — отвечает сержант. — Он кричал что-то о джинне... Джинн находится на фабрике и хочет ими всеми завладеть.

Вы называете его джинном, думает господин Нандха, осматривая место. Я называю его «мемом». Нематериальные репликаторы. Шутки, слухи, обычаи, детские считалки. Психовирусы.

Боги, демоны, джинны, суеверия. То, что сейчас находится на фабрике, вовсе не сверхъестественное существо, не какой-нибудь дух огня, а вне всякого сомнения, просто нематериальный репликатор...

— Сколько внутри?..

— Двое мертвых, сэр. Была ночная смена. Остальным удалось бежать.

— Немедленно очистите зону от людей, — приказывает господин Нандха.

Джемадар Сен передает приказание джаванам. Господин Нандха проходит мимо трупа, лицо которого закрыто кожаной курткой, мимо дрожащего водителя грузовика, который сидит на заднем сиденье полицейского автомобиля. Господин Нандха осматривает место происшествия. В этом металлическом сарае производят макароны «тикка». Им владеет семейство эмигрантов из Англии, из Бредфорда. Возвращаются домой и создают новые рабочие места. В этом суть Навады. Макароны «тикка» вызывают у господина Нандхи чувство омерзения, но азиатская кухня в исполнении британской диаспоры — настоящий гвоздь нынешнего сезона.

Господин Нандха, прищурившись, смотрит на коробку телефонного кабеля.

— Пусть кто-нибудь перережет кабель.

Пока полицейский бегает в поисках приставной лестницы, господин Нандха находит менеджера ночной смены, толстого бенгальца, нервно цепляющего ногтем заусеницы на пальцах. Бенгалец источает сильный запах, который господин Нандха идентифицирует как аромат макарон «тикка».

— У вас есть сотовая или спутниковая связь?

— Да-да, внутренняя сеть сотовой коммуникации, — отвечает бенгалец. — Для роботов. И одна из тех штуковин, что отражает сигналы от метеорных хвостов. Чтобы общаться с Бредфордом.

— Офицер Сен, пусть кто-нибудь из ваших людей позаботится о спутниковой антенне. Возможно, у нас еще есть время для того, чтобы остановить самовоспроизводство этой мерзости.

Полицейским наконец удается оттеснить народ к концу проезда. Джаван машет рукой с крыши — работа выполнена успешно.

— Пожалуйста, выключите все устройства связи, — приказывает господин Нандха.

Джемадар Сен и местный сержант Сандер сопровождают его на фабрику, «захваченную демоном». Господин Нандха поправляет свою куртку в стиле Неру, одергивает манжеты и, на-

клонив голову, проходит под свертывающуюся штору на «поле боя».

— Держитесь поблизости от меня и в точности выполняйте мои команды.

Размеренно дыша в соответствии с техникой пранаямы, которой в министерстве безопасности обучают всех Сыщиков Кришны, господин Нандха совершает первоначальный визуальный осмотр местности.

Типичное предприятие, созданное на деньги гранта по экономическому развитию. Пластиковая тара с исходным сырьем с одной стороны, основная переработка производится в середине, паковка и транспортировка — в другом конце. Никакой техники безопасности, никакой защитной одежды, никакого оборудования по снижению уровня шума, никаких кондиционеров. Одна душевая для мужчин и комната отдыха для женщин. Все направлено на то, чтобы предельно сэкономить. Минимальная роботизация. Человеческие руки в подобных агломератах, образованных из бывших деревень, всегда были значительно дешевле. Справа в нескольких пластиковых кубах размещены офисы и системы поддержки сарисинов — устройств с САмоРазвивающимся ИСкусственным ИНтеллектом.

Водоохладители и вентиляторы не работают. Солнце уже высоко. Все здание представляет собой настоящую металлическую печь.

Вильчатый погрузчик находится у самой стены слева от господина Нандхи. Труп едва различим между платформой и перегородкой из рифленого металла. Он зажат почти в вертикальном положении. Кровь, в которой копошатся мухи, уже засохла под колесами. Зубцы погрузчика пронзили человека насквозь на уровне живота. Губы господина Нандхи изгибаются в гримасе отвращения.

Повсюду камеры слежения. Теперь с этим ничего не поделаешь. Они наблюдают...

За три года работы в качестве охотника за вышедшими из-под контроля сарисинами господин Нандха видел достаточное количество жертв столкновения людей с искусственным интеллектом. Он вынимает пистолет. Глаза джемадара расширяются. Пистолет господина Нандхи большой, черный, тяжелый и выглядит так, будто его изготовили в аду. На нем имеются все необходимые Сыщику Кришны приспособления, он самонаводящийся и двойного действия. Нижний ствол поражает плоть — разрывными пулями. Один выстрел при попадании в любую часть

тела смертелен. Не случайно Думдум* [Место, где впервые были изготовлены разрывные пули] — район Калькутты. Верхний ствол убивает «дух». Его действие основано на электромагнитном импульсе. Луч гугльваттной мощности изрыгается в течение трех миллисекунд. Протеиновые чипы превращаются в чипсы. Квантовые процессоры дематериализуются. Углеродные нанотрубки испаряются. Именно этот пистолет и предназначен для уничтожения неконтролируемых сарисинов. Направляемый гироскопами, ориентируемыми глобальной системой позиционирования и управляемый визуальной аватарой Индры, бога грома и молний, пистолет господина Нандхи никогда не дает промаха.

Навязчивый запах бредфордских макарон «тикка» начинает действовать на желудок господина Нандхи. Как на подобное дерьмо может возникать мода?.. Одна большая чаша из нержавеющей стали опрокинулась, и ее содержимое вылилось на пол. Рядом лежит второй труп. Верхняя его часть покрыта тестом. Господин Нандха чувствует запах обожженной человеческой плоти, вынимает носовой платок и зажимает им рот. На трупе изящные брюки, дорогие туфли, выглаженная рубашка. Это, по-видимому, инженер по

информационным технологиям. Господину Нандхе хорошо известно по опыту, что сарисины, как и собаки, сперва набрасываются на своих хозяев.

Он манит к себе Сен и Сандера. Местный полицейский явно нервничает, зато джемадар решительно поднимает оружие.

— Он может нас слышать? — спрашивает джемадар Сен, поворачиваясь.

— Вряд ли. Сарисины первого уровня редко обладают способностью к пониманию речи. То, с чем мы имеем дело, скорее всего обладает интеллектом обезьяны.

— И яростью тигра, — добавляет сержант Сандер.

Господин Нандха вызывает Шиву из пространства фабрики, складывает руки в мудру, и Шива оживает, питаемый энергией информационных каналов. Шиве требуется всего одно мгновение для того, чтобы получить доступ к интранету фабрики, отследить сервер — маленький, ничем не примечательный куб в углу стола — и проникнуть сквозь брандмауэр в информационную систему фабрики. На границе сознания господина Нандхи словно в тумане проносятся списки файлов. Вот оно! Пароль. Он вызывает Ганешу. И сразу же Устранитель Препятствий наталкивается на

квантовый ключ. Господин Нандха раздосадован. Он отпускает Ганешу и призывает Кришну. За квантовой стеной может скрываться джинн. Но с той же вероятностью там могут оказаться три тысячи фотографий китаянок, занимающихся любовью со свиньями. Больше всего господин Нандха боится, что неуправляемый сарисин уже успел размножиться. Всего один способен расплодиться в таком количестве, что потребуются недели, чтобы все вычистить. Кришна сообщает, что протокол исходящего трафика чист. Значит, эта штука все еще где-то в здании. Господин Нандха прерывает связь, отключает сервер и сует его под мышку. Сотрудникам министерства придется разгадывать его тайны.

Он останавливается и принюхивается. Кажется, вонь макарон «тикка» становится сильнее и резче?.. Господин Нандха кашляет, что-то застряло у него в горле... жжет, как красный перец... Он видит, как принюхивается Сен. Слышит гудение: такой звук издают оборванные электрические провода под высоким напряжением.

— Всем покинуть помещение! — кричит господин Нандха, и в то же мгновение двигатель на металлической шторе начинает работать: одновременно взрывается второй чан, распространяя

вокруг черный удушающий дым с резким запахом чили.

— Быстрее, быстрее! — командует Сыщик Кришны, смахивая горячие слезы и прижимая платок ко рту.

Он следует за всеми, в последний момент ныряет под опускающуюся штору. Уже на улице господин Нандха с раздражением стряхивает с идеально отутюженного костюма пыль и грязь.

— В высшей степени неприятно, — говорит он. Потом, обращаясь к работникам фабрики, спрашивает: — Эй, вы там, есть другой вход?

— Да, нужно обойти вокруг, господин, — отвечает подросток с каким-то кожным заболеванием, с которым, по мнению господина Нандхи, нельзя и близко подпускать к производству пищи.

— Нельзя терять времени, — говорит Сыщик Кришны, поднимая свое оружие. — Возможно, он предпринял ложный маневр, чтобы сбежать. Следуйте за мной.

— Я туда больше не пойду, — решительно заявляет Сандер, положив руки на бедра. Он человек средних лет, с намечающимся животиком. Полиция Навады подобными делами не занимается. — Я не суеверен, но должен сказать, что там у нас засел самый настоящий джинн.

— Джиннов не существует, — говорит господин Нандха.

Сен следует за ним. Ее маскировочный костюм в точности повторяет цвет макарон «тикка». Они прикрывают лица, протискиваясь по вонючему боковому проходу, забросанному сигаретными окурками, и врываются в здание фабрики через пожарный выход. Воздух обжигает запахом перца. Господин Нандха чувствует, как чили царапает ему горло, пока он ищет среди своих аватар самую мощную программу — Кали Разрушительницу. Сыщик Кришны входит в фабричную сеть и запускает ее в систему. Программа проникнет в сеть, во все проводные и беспроводные устройства, размножится в мобильных и стационарных электронных устройствах. Она отыщет все незаконное, отметит его и уничтожит. К тому времени, когда Кали закончит работу, от «Паста Тикка Инк. » останутся только лохмотья. Именно для работы с Кали господин Нандха приказал изолировать фабрику от связи с внешним миром. Стоит впустить Разрушительницу в глобальную сеть, как она за несколько секунд устроит погром на несколько миллиардов рупий. Самый лучший охотник за сарисинами — другой сарисин. Господин Нандха поглаживает свое оружие. Одного

«запаха» Кали, мангусты, устремившейся за змеей, часто бывало достаточно, чтобы выманить затаившегося сарисина из его укрытия.

При полном разрешении лайтхёка Кали производит устрашающее впечатление: с поясом из отрубленных рук, с подъятым ятаганом, с высунутым языком и широко открытыми глазами, возвышающаяся над оседающим облаком чили, а вокруг нее одна за другой проступают констелляции данных. Такой, наверное, всегда бывает смерть, думает господин Нандха. Постепенно голубоватое свечение информационного потока начинает мерцать и исчезает. Нервные импульсы теряют силу, ощущения угасают, сознание распадается.

Испуганная тем, что звуки работающих агрегатов внезапно замолкают, Сен подходит поближе к господину Нандхе. Здесь действуют силы и сущности, которые она не способна понять. Выждав минуту, в течение которой не было слышно ни одного нового звука, Сен спрашивает:

— Вы думаете, их больше нет?

Господин Нандха проверяет сообщение, поступившее от Кали.

— Я стер двести подозрительных файлов и программ. Если хоть один процент из них — са-

мовоспроизведения сарисинов...

Господин Нандха умолкает: что-то значительно более сильное, чем острое жжение перца, начинает давить на его органы чувств.

— Но что заставляет их вести себя таким образом? Почему они ни с того ни с сего становятся неуправляемыми? — продолжает задавать вопросы Сен.

— Я убежден в том, что корень всех компьютерных проблем — в слабости самого человека, — отвечает господин Нандха, медленно поворачиваясь и пытаясь понять, что же вызвало его беспокойство. — Думаю, наш друг приобретал нелегальные гибриды сарисинов у сундарбанов. По собственному опыту знаю, что ничего хорошего от информационных гаваней ждать не приходится.

Сен хочет задать еще один вопрос, однако господин Нандха жестом заставляет ее замолчать. Он ощущает едва заметное движение. Кали оставила нетронутым определенное количество офисных аппаратных средств, необходимое для того, чтобы Шива мог подключиться к системе защиты. На видеокамерах, как и ожидал господин Нандха, ничего нет, но что-то шевелится в диффузном инфракрасном мире. Он резко поворачивает голову

к порталу крана в задней части прохода.

— Я тебя вижу, — произносит он, сделав жест в сторону Сен.

Женщина направляется к одному концу портала, господин Нандха — к другому. Нечто, по всей вероятности, находится где-то у потолка. Они движутся по направлению друг к другу.

— Полагаю, — говорит господин Нандха, — что эта штука скопировала себя в робота и намерена ускользнуть таким образом. Ожидает чего-нибудь небольшого по размеру и быстро движущегося.

Господин Нандха уже явственно слышит посторонний шум. Что-то скребется у самой крыши, пытаясь выбраться. Сыщик Кришны поднимает руку, давая понять джемадар Сен, что она должна двигаться крайне осторожно. Он чувствует, что находится прямо под ним. Господин Нандха поднимает голову и смотрит на сплетение проводов и труб. Камера слежения на стреле устремляется на него. Господин Нандха отскакивает. Сен поднимает оружие и, не задумываясь, стреляет в потолок. Какой-то предмет падает на пол, настолько близко к господину Нандхе, что почти задевает его. Нечто — как будто сплошь состоящее из движущихся конечностей, которые хаотически дергаются. Это инспекционный

робот — маленькое неуклюжее создание, напоминающее одновременно и паука, и крошечную обезьянку. Отдельные компании, как правило, не могут себе их позволить, но крупные корпорации обычно держат одного такого робота, чтобы обслуживать всех сотрудников в блоке. Агрегат подобного типа имеет доступ ко всем устройствам в данной промышленной зоне.

Машина отступает, потом вновь устремляется на господина Нандху, затем поворачивается и неуклюжими зигзагами мчится по порталу к Сен. Единственное, что оно понимает, — это то, что два создания, находящиеся здесь, хотят его уничтожить, а оно страшно хочет жить. В панике от собственного выстрела Сен в тот момент, когда *нечто* несется на нее, мгновенно утрачивает все свои воинские навыки. Она лихорадочно дергает затвор винтовки. Господин Нандха с четкой и спокойной ясностью понимает, что ее паника убьет его самого.

— Нет! — кричит он и выхватывает оружие.

Индра прицеливается и стреляет.

Перегрузку мгновенно чувствует даже хёк господина Нандхи. Все вокруг исчезает в ослепительной вспышке. Робот несколько раз дергается и падает, рассыпая большие желтые искры. Его

конечности судорожно сокращаются, «глаз» вылезает наружу. Он замирает и как будто успокаивается. Изо всех отверстий начинает маленькими струйками подниматься дымок. Но господин Нандха вовсе не удовлетворен достигнутым. Он подходит к мертвому сарисину и внимательно рассматривает его, затем опускается на колени и подключает «коробку аватар» к контактному гнезду. Ганеша вступает во взаимодействие с операционной системой: Кали стоит рядом с поднятым мечом.

Сарисин мертв. Экскоммуницирован. Господин Нандха встает, стряхивает с себя пыль. Убирает оружие. Слишком грязная работа. Он не удовлетворен. Кроме того, остается масса вопросов. На многие из них будет найден ответ, когда «Группа пятнадцатого этажа» вскроет сервер, но невозможно стать Сыщиком Кришны, не обладая особой интуицией, а интуиция господина Нандхи подсказывает ему, что это хитросплетение металла и пластика — начало новой и очень запутанной истории. Он прочтет ее до конца, он разрубит все ее хитроумные узлы, проанализирует все события и доведет дело до логического конца, но в данный момент его гораздо больше заботит, как избавиться от запаха горелых мака-

рон «тикка», который въелся в его костюм.

3
Шахин Бадур Хан

Шахин Бадур Хан смотрит вниз на антарктические льды. С высоты в две тысячи метров лед выглядит просто цветным пятном на географической карте, белым островком, Шри-Ланкой, вдруг почему-то взбунтовавшейся и побелевшей. Океанские буксиры, пришедшие сюда из Персидского залива, — самые крупные, самые мощные, самые новые, но отсюда они кажутся паучками, плетущими паутину под куполом цирка, тянущими шелковую канатную растяжку. Теперь остается лишь наблюдать. Юго-западное муссонное течение зацепило айсберг и влечет его на северо-восток со скоростью пять морских миль в день. Но здесь, в океане, на расстоянии пятисот километров к югу от дельты, единственное, за что может зацепиться глаз, — только лед, небо и густая синева океанских глубин. Здесь полное ощущение неподвижности. С какой же силой должны тянуть буксиры, чтобы заставить его остановиться в нужном месте? Шахин Бадур Хан задумчив. Он представляет, как айсберг вго-

няют в Гангасагар, устье священной реки, и над мангровыми деревьями возвышаются горы льда.

По указанию бенгальских политиков и их гостей-дипломатов из соседнего и когда-то совсем не дружественного штата Бхарат самолет, принадлежащий штату Бенгал, делает рывок и поднимается вверх от плавучей льдины. Шахин Бадур Хан успевает заметить, что ее поверхность испещрена выемками и пересечена бороздами, расселинами и котловинами, в которых блестит вода. Ручьи проделали большие впадины в стенках, с выступов айсберга изливаются потрясающие по красоте водопады.

— Он постоянно смещается, — говорит энергичный климатолог Бангла. — С потерей массы изменяется центр тяжести. Нам следует поддерживать равновесие, внезапное значительное смещение может оказаться катастрофическим.

— И других цунами в дельте не понадобится, — откликается Шахин Бадур Хан.

— Если он вообще когда-нибудь достигнет дельты, — подает голос министр водоснабжения и энергетики Бхарата, кивая в сторону айсберга. — Скорость, с которой он тает...

— Господин министр... — начинает Шахин Бадур Хан, но главный бенгальский климатолог

перебивает его, он не может упустить возможности блеснуть познаниями.

— Все продумано до последнего грамма, — говорит он. — Мы не выходим за параметры микроклиматических сдвигов.

Это произносится с демонстрацией блеска зубов — дорогой работы дантиста. Климатолог сжимает большой и указательный пальцы, чем желает подчеркнуть четкость и точность выполненной работы. Безупречность. Шахин Бадур Хан чувствует сильнейший стыд, когда один из его высокопоставленных чиновников на людях демонстрирует невежество, в особенности же перед всегда вежливыми и спокойными бенгальцами. Он уже давно убедился в том, что в политике не нужны ни какой-то значительный талант, ни мастерство, ни ум. Для всего перечисленного существуют советники. Мастерство политика как раз и заключается в том, чтобы вовремя воспользоваться чужими мыслями и выдать их за собственные. Шахину Бадуру Хану неприятно думать, что у кого-то может сложиться мнение, будто он недостаточно добросовестно относится к своим обязанностям. Поезжай с ними, Шах, попросила его премьер-министр Саджида Рана. Не позволяй Шринавасу слишком часто демон-

стрировать идиотизм.

Бенгальский министр, занимающийся транспортировкой айсберга, неуклюже идет по проходу, улыбаясь медвежьей улыбкой. Из своих источников Шахину Бадур Хану известно о территориальных войнах, которые ведутся между различными учреждениями бенгальского правительства из-за контроля над этими десятикилометровыми кусками ледового шельфа. Напряжение, существующее между объединенными столицами, всегда можно использовать в интересах Бхарата. Министерство охраны окружающей среды в конце концов уступило министерству науки и техники (при некоторой помощи со стороны министерства развития и промышленности) возможность заключить основные контракты, и вот теперь руководитель министерства стоит в проходе, обхватив руками спинки кресел. Шахин Бадур Хан чувствует его горячее дыхание.

— Ну и что? И вся наша работа... Мы ездили к американцам не для того, чтобы решать проблемы с водоснабжением, как делали те, в Авадхе, со строительством своей плотины. Вы и без меня об этом наслышаны.

— Ганг когда-то делал нас единой страной,

— замечает Шахин Бадур Хан. — А теперь мы превратились в вечно ссорящихся между собой детей нашей Матери-Реки: Авадх, Бхарат, Бенгал... Голова, руки и ноги.

— Как там много птиц, — говорит Шринавас, посмотрев в иллюминатор. За айсбергом тянется заметный хвост, похожий на дым пароходных труб: стайки морских птиц, тысячи сильных крылатых хищников, с жадностью бросающихся в воду за серебристыми сардинами.

— Это только еще раз доказывает наличие циркуляции холодных потоков, — объясняет климатолог, стараясь быть замеченным всеми. — Мы ввозим даже не столько айсберг, сколько целую экосистему. Некоторые следуют за нами от самого острова принца Эдуарда...

— Министр хочет знать, когда следует ожидать получения реальной пользы от нашего предприятия? — спрашивает Шахин Бадур Хан.

Найпол начинает на все лады расхваливать необычайный прогресс, достигнутый технологиями воздействия на климат в Бенгале, но штатный климатолог перебивает его. Шахин Бадур Хан морщится при этом непростительном нарушении этикета. Неужели у бенгальцев вообще нет ни малейшего представления о протоколе?

— Климат — вовсе не старая корова, которую можно гнать, куда захочешь, — говорит климатолог по имени Винаячандран. — Климат — тонкая наука о едва заметных сдвигах и изменениях, которые со временем приводят к грандиозным последствиям. Представьте снежный ком, катящийся с горы. Падение температуры на полградуса здесь, смещение в океанском термоклине на несколько метров, перемена в давлении на один-единственный миллибар...

— Вне всякого сомнения... но министр хочет знать, сколько времени проходит, прежде чем все ваши мелкие последствия приводят к формированию этого... снежка... — подает голос Шахин Бадур Хан.

— На основании наших моделей мы полагаем, что возвращение к климатической норме должно произойти в течение шести месяцев, — отвечает Винаячандран.

Шахин Бадур Хан кивает. Министр получил все возможные подсказки. Теперь пусть сам делает выводы.

— Итак, все это, — говорит министр водоснабжения и энергетики Бхарата Шринавас, указывая в сторону чужой льдины, плывущей по Бенгальскому заливу, — прибудет слишком поздно. Еще

один неудавшийся муссон. Возможно, если бы вы его растопили и прислали нам по трубопроводу, получилось бы больше толку... Можете ли вы заставить Ганг повернуть течение вспять? Наверное, только нечто подобное дало бы нужные результаты.

— Он может гарантировать стабильный приход муссонов на следующие пять лет для всей Индии, — настаивает министр Найпол.

— Министр, не знаю, как вы, но мой народ уже сейчас страдает от жажды, — говорит В. Р. Шринавас прямо в объектив камеры, снимающей происходящее для программы новостей и, словно дурно воспитанный уличный мальчишка, подглядывающей за высокопоставленными пассажирами из-за спинки сиденья.

Шахин Бадур Хан складывает руки, довольный тем, что эти слова появятся во всех вечерних газетах от Кералы до Кашмира. Шринавас почти такой же шут, как и Найпол, но он способен на яркие высказывания.

Красивый современный самолет вновь делает вираж, разворачивается, выравнивается и летит в сторону Бенгала.

Таким же новым, изящным и современным выглядят и сам недавно построенный аэропорт

в Дакке, и его диспетчерская система. Из-за этого всем важнейшим правительственным и дипломатическим рейсам приходится ждать посадки по полчаса, а приземляются они на противоположной от аэробуса «Бхарат эйр» посадочной полосе. Обычная проблема взаимодействия человека и компьютера. Агрегаты, которые работают здесь, наделены «разумом» первого уровня, что означает наличие интеллекта, инстинкта, автономности и нравственности примерно кролика, а это намного превышает — как заметил один из корреспондентов «Бхарат таймс» — возможности среднего авиадиспетчера в Даке.

Шахин Бадур Хан подавляет улыбку, но никто ведь не станет отрицать, что экономика Объединенной Восточной и Западной Бенгалии отличается высоким техническим уровнем, смелостью, стремлением к прогрессу, научной изощренностью и во многих отношениях не уступает самым передовым державам мира. Это то, о чем ведутся высокопарные беседы на проспектах и в портиках Ранапура, но чему так разительно противоречат грязь, развалины и нищета Каши.

Но вот появляются автомобили. Шахин Бадур Хан следует за политиками. От асфальтового покрытия исходит нестерпимый жар. Влажный

воздух убивает все воспоминания о льде, океане и прохладе. Удачи им с их ледяным островом, думает Шахин Бадур Хан, представляя себе бенгальских инженеров, карабкающихся на айсберг в теплых канадских куртках с отороченными мехом капюшонами.

Сидя на переднем сиденье автомобиля министра Шринаваса, Шахин Бадур Хан закладывает за ухо хёк. Рулежные дорожки, аэробусы, крытые переходные мосты между аэровокзалами и самолетами, грузоперевозчики соединяются с интерфейсом его офисной системы. Программы-сарисины отсортировали его почту, но осталось еще более пятидесяти писем и сообщений, которые личному парламентскому секретарю Саджиды Раны нужно обязательно прочесть: сообщения о состоянии боеготовности воинских частей Бхарата, пресс-релизы о дальнейших ограничениях на потребление воды, просьба от Эн Кей Дживанджи о проведении видеоконференции... Руки движутся, как у изящной танцовщицы, исполняющий танец-катак. Перед Шахин Бадур Ханом появляется его блокнот. Держите меня в курсе событий. У меня дурное предчувствие по поводу подобных просьб.

Шахин Бадур Хан родился, живет и думает, что

и умереть ему придется в Каши, но до сих пор он не может понять страсть и злобу, отличающие грязных индийских богов. Его восхищают религиозные установки и аскетизм индуизма, но как мало эти божества дают в обмен на поклонение им и как много требуют от большинства своих ревнителей. Каждый день по пути в Бхарат Сабху он на правительственном автомобиле проносится мимо маленькой палатки из пластика, установленной на одном из перекрестков улицы леди Каслрей, где в течение пятнадцати лет некий садху поднял руку и ни разу за все годы не опустил ее. Шахин Бадур Хан готов держать пари, что аскет не сможет опустить свою высохшую костлявую конечность, даже если бы кто-то из его богов повелел ему.

Бадур Хан не принадлежит к числу демонстративно религиозных людей, но яркие кричащие бутафорские статуи с обилием рук, символов, атрибутов, каких-то непонятных изображений — так, словно скульптор хотел в каждой из них вместить весь непостижимый комплекс индуистского богословия, — оскорбляют эстетические чувства Шахина. Сам он принадлежит к утонченной, в высшей степени цивилизованной, экстатической и мистической школе ислама.

Оскорбительные для глаз и чувств ярко-розовые тона чужды ей. Его религия не размахивает своим пенисом на публике. Тем не менее каждое утро тысячи и тысячи спускаются по отрогам гор рядом с балконами его хавели, чтобы смыть с себя грехи в водах высыхающего Ганга. Вдовы тратят последние рупии на то, чтобы тела их мужей были сожжены у вод священной реки, дабы покойные достигли вечного блаженства. Каждый год множество молодых людей бросаются под колесницу Пури Джаганнат, хотя еще большее их число погибает в давке в толпе. Тысячи юношей штурмуют мечети, голыми руками разнося их по камню, потому что, по их мнению, мусульманские строения оскорбляют величие Божественного Рамы — а человечек в палатке из пластика все сидит и сидит себе на мостовой, подняв руку, словно шест. А на транспортной развилке в новом Сарнате стоит статуя Ханумана из крашеного бетона. Ее поставили там менее десяти лет назад, а теперь говорят, что нужно перенести в другое место, так как здесь будет строиться новая станция метро. И сейчас там появились группы молодых людей в белых рубашках и дхоти, потрясающие кулаками, бьющие в барабаны и гонги. Подобные представления всегда закан-

чиваются смертями, думает Шахин Бадур Хан. Мелочи собираются в большой снежный ком. Эн Кей Дживанджи и его фундаменталистская индуистская партия Шиваджи своей колесницей раздавит еще множество человеческих жизней.

В центре приема высокопоставленных гостей заметна необычная суета. Оказывается, для двух важных групп, прилетающих в аэропорт, заказан один и тот же зал ВН137. Шахин Бадур Хан узнает об этом среди сутолоки репортеров, грохота громкоговорителей, мелькания микрофонов у входа в холл. Министр Шринавас пыжится, но объективы кинокамер направлены со всем в другую сторону.

Шахин Бадур Хан вежливо протискивается сквозь толпу к диспетчеру, высоко подняв удостоверение.

— Что здесь случилось?

— А, мистер Хан... Небольшая путаница.

— Никакой путаницы. Министр Шринавас вместе со своей группой возвращается в Варанаси на одном из самолетов вашей компании. Какие могут быть причины для недоразумений?

— Одна знаменитость...

— Знаменитость, — повторяет Шахин Бадур Хан с таким презрением в голосе, что слово в его

устах превращается в грубое оскорбление.

— Одна русская. Модель, — продолжает диспетчер в полном замешательстве. — С очень громким именем... В Варанаси готовится какое-то шоу. Приношу извинения за беспокойство, мистер Хан.

Шахин Бадур Хан жестом направляет своих людей к проходу.

— Что такое? — спрашивает министр Шриванас, проходя через толчею.

— Какая-то русская модель, — отвечает Шахин Бадур Хан тихим отчетливым голосом.

— А! — провозглашает министр Шринавас, широко открыв глаза. — Юли!..

— Простите?

— Юли, — повторяет Шринавас, вытянув шею, чтобы раз глядеть знаменитость? — Ньют.

Слово звучит словно удар храмового колокола. Толпа расступается. Перед Шахином Бадур Ханом открывается вход в зал для VIP-гостей. И он останавливается — завороженный, видя высокую женскую фигуру в длинном, изысканного покроя пальто из белой парчи, расшитой орнаментом из танцующих цапель. Женщина стоит к нему спиной, Шахин Бадур Хан не видит ее лица, только абрис фигуры. Изящные движения длинных и

тонких пальцев. Элегантный изгиб затылка, безупречные очертания лишенного волос черепа.

Женщина поворачивается к нему. Шахин Бадур Хан шумно выдыхает, но во всеобщей суматохе его никто не слышит.

Нет... Нельзя смотреть на это лицо, иначе он будет заворожен, проклят, отвержен Богом. Толпа снова начинает двигаться, и человеческие фигуры скрывают от него то, что он не должен был увидеть. Шахин Бадур Хан стоит в оцепенении, не в силах пошевелиться.

— Хан. — Это голос... Да, голос министра. — Хан, с тобой все в порядке?

— А... да, господин министр. Легкое головокружение. Здесь, наверное, слишком большая влажность.

— Да, чертовым бенгальцам надо заняться своими кондиционерами.

Чары разрушены, но, провожая министра по крытому переходу, Шахин Бадур Хан ловит себя на мысли, что теперь ему больше никогда не знать покоя.

Охранник получает подарки от министра Найпола. На термосах герб Объединенных Штатов Восточной и Западной Бенгалии. Пристегнув ремень и задвинув шторы на иллюминаторе в

аэробусе «Бхарат эйр», неуклюже подпрыгивающем на неровном асфальте, Шахин Бадур Хан открывает термос. Внутри — кубики льда из ледника для слингов Саджиды Раны. Шахин Бадур Хан снова закрывает термос. Аэробус набирает скорость. Наконец его колеса отрываются от бенгальской земли, а Шахин Бадур Хан прижимает к себе термос так, словно холод способен исцелить его душевную рану. Но ее уже ничто не сможет излечить. Никогда.

Шахин Бадур Хан отдергивает шторку и смотрит в иллюминатор, но ничего не видит. Перед его глазами проплывает белоснежный купол черепа; изгиб шеи; бледные изящные руки, элегантные, словно минареты; скулы, обращенные к нему, подобны архитектурным деталям несравненной красоты. Танцующие цапли...

Так долго ему казалось, что он пребывает в абсолютной безопасности. Абсолютной... Шахин Бадур Хан прижимает к себе термос с куском ледника и ласково проводит по нему рукой, закрыв глаза в молчаливой молитве, и сердце его пылает в несказанном экстазе.

4
Наджья

Лал Дарфан, звезда первой величины «мыльных опер», дает интервью в «хауде» дирижабля, изготовленного в форме слона и движущегося вдоль южных склонов Непальских Гималаев. На нем великолепная рубашка и широкие свободные брюки. Он склонился на мягкую подушку на низеньком диване. Позади него стяги из кучевых облаков расцвечивают белым небесную голубизну. Горные вершины очерчивают неровную границу, создавая естественную преграду на пути устремляющегося в бесконечность взгляда. Края «хауды» со множеством кисточек треплются на ветру. Лала Дарфана, Бога Любви самой большой и самой популярной «мыльной оперы» студии «Индиапендент продакшнз» под названием «Город и деревня», развлекает павлин, который стоит у изголовья его дивана. Он кормит птицу крошками рисового крекера. Сам Лал Дарфан на диете с низким содержанием жиров. Об этом трезвонят все таблоиды.

Диета, думает Наджья Аскарзада, — неплохой

повод для звезды телекитча подкормить свое тщеславие. Она делает глубокий вдох и начинает интервью.

— Нам, живущим на Западе, трудно поверить, что «Город и деревня» может быть столь невероятно популярен. Тем не менее, здесь к вам как к актеру интерес ничуть не меньший, нежели к вашему персонажу, Веду Прекашу.

Лал Дарфан улыбается. Его зубы действительно так невероятно, ослепительно белы, как говорят на всех телеканалах.

— Значительно больше, — отвечает Лал. — Но, как мне кажется, ваш вопрос состоит в следующем: почему персонажу-сарисину нужен актер-сарисин? Иллюзия внутри иллюзии, ведь так?

Наджье Аскарзаде двадцать два года, она журналист, свободный от формальных и неформальных связей и обязательств. Вот уже четыре недели она находится в Бхарате, и только что ей удалось заполучить возможность взять интервью, которое может дать настоящий толчок карьере.

— Подавление любых сомнений в нереальности происходящего, — замечает Наджья.

До ее ушей доносится гул моторов дирижабля,

каждый из которых установлен в одной из громадных ног «слона».

— Дело обстоит вот как. Просто роли, просто персонажа публике всегда мало. Ей нужна роль, скрытая за ролью, будь это я, — Лал Дарфан с каким-то нарочитым самоуничижением касается руками своей вздымающейся диафрагмы, — или вполне реальный, из плоти и крови, голливудский актер, или поп-звезда. Позвольте мне задать вам вопрос. Что вам известно о, скажем, такой западной поп-звезде, как Блошан Мэттьюз? Только то, что вы видите по телевизору, то, что читаете в «желтой» прессе и узнаете из светских сплетен. А что вам известно о Лале Дарфане? Практически то же самое. Все эти персонажи для вас не более реальны, чем я, но и ничуть не менее реальны.

— Но ведь люди всегда могут случайно столкнуться со знаменитостью где-нибудь на улице, встретить на пляже, в аэропорту или даже в обычном магазине...

— Неужели? Знали вы кого-нибудь, кто вот так, как вы говорите, случайно сталкивался со знаменитостями?

— Ну, я слышала... А...

— Вы понимаете, что я имею в виду? Мы получаем информацию обо всем через тот или иной

носитель. И чего греха таить, я — настоящая знаменитость, и моя слава также вполне реальна. Более того, полагаю, что в наши дни именно слава творит реальность. Вы согласны со мной?

В голосе Лала Дарфана звучат ноты из бесконечного се риала с его героем. Это голос, созданный для того, чтобы соблазнять, и он уже обвивает Наджью кольцами искушения. Лал вопрошает:

— Можно мне задать вам личный вопрос? Он совсем простой. Какое самое раннее ваше воспоминание?

Она всегда так близка, та ночь огня, хаоса и страха... Отец берет ее с кровати, несет куда-то на руках, по всему полу разбросаны бумаги, в доме страшный шум, в саду мечутся какие-то огни. В основном она помнит только это. Конусы света фонарей, покачивающиеся над розовыми кустами. Бегство по поселку. Проклятия отца, заглушаемые звуком мотора. Он все поворачивает машину, поворачивает и поворачивает. А свет фонарей — ближе и ближе. Отец ругается, но проклятия его звучат как-то уж слишком вежливо — ведь полиция явно пришла за ним.

— Я лежу на заднем сиденье автомобиля, — говорит Наджья. — Я лежу, вытянувшись всем телом. Вокруг ночь. Мы очень быстро едем по

Кабулу. Машину ведет отец, мать сидит рядом с ним, но я не вижу их из-за высоких спинок передних сидений. Я понимаю, что они беседуют, а их голоса доносятся откуда-то издалека. Да, еще включено радио. Родители хотят что-то услышать, но я не могу ничего разобрать... — Теперь она знает, что это должно было быть сообщение о нападении на дом и том, что выписан ордер на их арест. До того, как полиция закроет аэропорт, оставалось всего несколько минут. — Я вижу, как мимо меня проносятся уличные фонари, нахожу в их чередовании удивительный, хоть и однообразный ритм: вначале свет каждого из них освещает меня, за тем спинку моего сиденья, а потом исчезает в окне...

— Потрясающий образ! — восклицает Лал Дарфан. — Сколько вам тогда было лет? Три или четыре года?

— Еще не было четырех.

— У меня тоже есть одно очень раннее воспоминание. Именно благодаря ему я знаю, что я не Вед Прекаш. Помню шаль «пейсли», развевающуюся на ветру. Небо было голубым и безоблачным, и край шали вился где-то сбоку. Мне все это видится словно в кадре, однако основное действие проходит за ним. Да, только край шали, и сильный

ветер, но вижу с предельной отчетливостью... Мне говорят, что все происходит на крыше нашего дома в Патне. Мама взяла меня наверх, чтобы уберечь от испарений, отравляющих все внизу на уровне первого этажа, и я лежу на одеяле, а надо мной зонтик.

Шаль незадолго перед тем выстирали, она висит на веревке и сушится. Странно, я помню, что веревка шелковая. Воспоминание о том, что она шелковая, не менее яркое, чем все остальное. Мне было самое большее два года. Вот. Два воспоминания... Вы, конечно, скажете: ваше выдумано, а мое — настоящее. Но... кто знает? Вполне возможно, вам что-то рассказали, а вы с помощью воображения превратили чужой рассказ в собственное воспоминание, однако оно может быть и ложным, искусственно созданным и имплантированным в сознание.

Сотни тысяч американцев считают, что их разум оккупирован серыми человечками-инопланетянами, которые загнали им специальный механизм в задний проход и таким манером контролируют их сознание. Фантазия — и, вне всякого сомнения, ложные воспоминания, но неужели из-за этого они становятся нереальными, поддельными людьми? В конце концов, из

чего состоят наши воспоминания? Из белковых молекул с разным зарядом. В этом мы все вряд ли сильно отличаемся друг от друга, как я полагаю. Дирижабль в виде громадного слона, глупая диковинка, которую сделали по моему заказу; наше представление о том, что мы летим над Непалом. Все перечисленное — не более чем различные сочетания по-разному заряженных молекул белка. Хотя подобное можно сказать о чем угодно. Вы называете то, о чем я говорю, иллюзией, а я называю это фундаментальным основанием моей вселенной. Полагаю, что я вижу ее весьма отличным от вас образом... впрочем, откуда мне знать? Откуда мне знать, что то, что кажется мне зеленым, вы тоже воспринимаете как зеленое? Мы все заперты в маленьких коробках своих «Я» из кости или из пластика, Наджья. И никому из нас не суждено из них выбраться. Можем ли мы в таком случае доверять воспоминаниям?

Не знаю, как ты, гадкий компьютер, а я доверяю, думает Наджья Аскарзада. Я вынуждена им доверять, ибо то, что я есть, создано этими воспоминаниями. Причина, по которой я нахожусь здесь, болтаю, сидя в нелепом, наполовину виртуальном, наполовину реальном «куполе удовольствий» со звездой телевизионных «мыльных

опер», страдающей манией величия, коренится исключительно в тех самых давних воспоминаниях о свете и движении.

— Но в таком случае вы — как Лал Дарфан — сильно рискуете? Я имею в виду Законодательство Гамильтона относительно Искусственного Интеллекта...

— «Сыщики Кришны»? Евнухи Маколея, — отвечает Лал Дарфан с желчью в голосе.

— Я это к тому, что для вас сказать, будто вы обладаете самосознанием — а именно об этом, как мне представляется, и шел разговор, — равносильно подписанию собственного смертного приговора.

— Я вовсе не говорил, что обладаю самосознанием или какими-либо чувствами, что бы все подобные слова ни значили. Я — сарисин уровня 2,8, и меня узкое положение вещей вполне устраивает. Я лишь высказываю свое право на реальность, на то, что я не менее реален, чем вы.

— Значит, вы не смогли пройти тест Тьюринга?

— Я и не должен проходить тест Тьюринга. И не стал бы его проходить. Тест Тьюринга!.. Да что он доказывает? Давайте я вам опишу его. Классический антураж: две запертые комнаты

и «маленький гений» со старомодным компьютерным монитором в центре. Посадим вас в одну комнату, а Сатнама из Отдела по связям с общественностью — в другую. Думаю, именно он организовал нынешнюю прогулку — с девушками работает, как правило, он. Надо сказать, что Сатнам большой пижон... «Компьютерный гений» у монитора задает вопросы, вы набираете ответы. Стандартная процедура. Задача Сатнама — убедить «гения» в том, что он женщина. Он может лгать, изворачиваться, говорить что угодно, лишь бы заставить поверить в эту явную ложь. Думаю, вы прекрасно понимаете, что ему не составит большого труда добиться успеха. Но неужели тот факт, что Сатнам убедит компьютер, что он женщина, на самом деле сделает Сатнама женщиной? Не думаю. По крайней мере Сатнам уверен в обратном. Чем в таком случае попытка компьютера выдать себя за сознательное существо отличается от только что описанной мной ситуации? Может ли имитация, модель явления, рассматриваться как само это явление, или же в разуме присутствует нечто настолько уникальное, что делает его единственным в своем роде явлением, которое невозможно подделать? Что все подобные эксперименты доказывают? Толь-

ко нечто относительно природы самого теста Тьюринга как теста и кое-что относительно опасности полагаться на тот минимум информации, которым может воспользоваться любой сарисин, достаточно сообразительный, чтобы пройти тест Тьюринга... Сарисин, который, с другой стороны, достаточно сообразителен для того, чтобы названный тест провалить.

Наджья Аскарзада воздевает руки, изобразив притворную беспомощность и полную покорность неопровержимым доводам Лала.

— Должен сказать, что кое-что в вас мне очень нравится, — говорит Лал Дарфан. — Например, вы не потратили целый час на глупые вопросы о Веде Прекаше, словно он и является истинной звездой. Однако это напомнило мне о том, что я уже должен начинать гримироваться...

— О, простите! Спасибо!.. — восклицает Наджья, пытаясь изобразить словоохотливую разбитную девицу, которую, к ее великому сожалению, прервали на полуслове.

На самом деле она рада, что ей наконец-то удалось выбраться из умственного пространства этого педантичного создания.

То, что, по ее планам, должно было получиться легким, поверхностным, ненавязчивым и слегка

китчевым, превратилось в некий вариант экзистенциальной феноменологии с привкусом постмодернистского ретро. Наджья без всякого восторга думает о том, что скажет ее редактор, не говоря уже о пассажирах трансамериканского экспресса Чикаго — Цинциннати, достающих свои «инфлайты» из кармашков на сиденьях.

Лал Дарфан блаженно улыбается, а его кабинет начинает растворяться. Наконец остается только улыбка в стиле Льюиса Кэрролла, но и она постепенно исчезает в гималайском небе, да и само гималайское небо сворачивается и ускользает куда-то в самые дальние уголки сознания Наджьи. И вот она снова сидит, окруженная системой средств визуализации, на вращающемся кресле с обилием аппаратуры по переработке белков, представляющей длинную, уходящую куда-то вдаль перспективу. Словно «мозги в бутылках» в научно-фантастическом фильме.

— Он вполне убедителен, не правда ли?

Голос Сатнама-Который-Несколько-Задается действительно звучит агрессивно. Наджья снимает лайтхёк, все еще чувствуя некоторую спутанность сознания из-за полного погружения в атмосферу интервью.

— Я думаю, что он думает, что он думает...

— Именно так, как мы его программировали. — У Сатнама имеется стиль, специально выработанный для общения с прессой, и такая же одежда плюс необычайная самоуверенность. Но Наджья замечает маленький трезубец Шивы на платиновой цепочке у него на шее. — Суть в том, что Лал Дарфан столь же четко запрограммирован, как и его герой Вед Прекаш.

— Именно. В том-то и суть — в разнице между видимостью и реальностью. Если люди могут поверить в реальность виртуальных актеров, то что же еще в таком случае они способны проглотить, не подавившись при этом?..

— Ну, не надо раскрывать все карты. — Сатнам улыбается, проводя ее в следующее отделение. Сейчас он очень мил, думает Наджья. — А здесь у нас «метамыльный» отдел, где Лал Дарфан получает сценарий, от которого, как ему кажется, он совершенно не зависит. И наш «метамыльный» отдел ничуть не менее важен, чем собственно «мыльный».

Отдел представляет собой большую «ферму» из рабочих станций. Перегородки из темного стекла: сотрудники работают здесь в полумраке, освещаемом мерцанием мониторов. Руки разработчиков движутся в нейропространстве. Наджья с трудом

подавляет дрожь от мысли о том, что и она могла бы провести всю свою жизнь в подобном месте, куда никогда не попадает солнечный свет...

Какой-то случайный лучик касается высоких скул, безволосого черепа, изящная тонкая рука приковывает к себе внимание Наджьи, и теперь наступает ее черед оборвать Сатнама.

— Кто это?

Сатнам вытягивает шею.

— А, это Тал, новичок здесь. Он занимается разработкой обоев с визуализацией.

— Мне кажется, следовало бы употребить местоимение «эно», — замечает Наджья, пытаясь получше разглядеть ньюта.

Она не знает, почему ее так удивило присутствие здесь, в производственном отделе, представителя третьего пола. В Швеции ньюты склонны выбирать творческие профессии, а самая популярная индийская «мыльная опера» должна быть особенно привлекательной для них. Наджья вдруг начинает понимать, что всегда полагала, будто уходящая во тьму столетий история индийской транс- и бисексуальности была надежно сокрыта от нескромных взоров и прочно табуирована.

— «Эно», «оно», «он» — как вам угодно... «Эно»

— модное местоимение в наши дни. Некоторых из них приглашают на важные приемы с большими шишками.

— Юли. Русская модель. Я попыталась пробиться на встречу, взять у него интервью, у этой... этого «эно».

— Но променяла его на Толстого Лала?

— Нет, меня в самом деле очень интересует психология актеров-сарисинов.

Наджья не может удержаться и снова бросает взгляд на ньюта. «Эно» поднимает взгляд. Их глаза на какое-то мгновение встречаются. Взгляд Юли ничего не выражает, «эно» просто смотрит, холодно и равнодушно, затем вновь возвращается к работе. Руки «эно» ваяют символы.

— Толстый Лал не знает, что персонажи и сюжет представляют собой базовые пакеты, — продолжает Сатнам, ведя Наджью среди мерцающих рабочих станций. — Мы продаем лицензии, и различные национальные трансляционные компании включают в них собственных актеров-сарисинов. В Мумбаи и в Керале Веда Прекаша играют разные актеры, которые в тех краях не менее знамениты и популярны, чем Толстый Лал здесь.

— Все есть лишь версия всего остального, —

замечает Наджья, пытаясь что-нибудь понять в изысканных движениях длинных пальцев ньюта.

Выйдя в коридор, Сатнам продолжает болтовню:

— Значит, вы и в самом деле из Кабула?

— Я уехала оттуда, когда мне было четыре года.

— Мне об этом почти ничего не известно. Я уверен, что...

Наджья резко останавливается и поворачивается к Сатнаму. Она на полголовы ниже его, однако, увидев выражение ее лица, он делает шаг назад. Наджья хватает Сатнама за руку и чертит номер «UCC» у него на тыльной стороне ладони.

— Вот мой номер. Позвоните. Возможно, я отвечу. Могу предложить прогуляться, но если мы куда-нибудь и пойдем, то место буду выбирать я. Согласны? А теперь спасибо за экскурсию. Думаю, что выход смогу найти сама.

Когда Наджья на фатфате подъезжает к обочине, он уже стоит в том самом месте, где обещал, не опоздав ни на минуту. По просьбе журналистки Сатнам одет не так, как обычно, хотя на нем по-прежнему трезубец Шивы. Она уже много их видала — у самых разных мужчин.

Он усаживается на сиденье рядом с Наджьей.

— Я собиралась с вами расплатиться за экскурсию, помните? — спрашивает девушка.

Рикша въезжает в хаотическое коловращение уличного движения.

— Туром-загадкой? Очень хорошо, даже интересно, — отвечает Сатнам. — А вы написали статью?

— Написала, поставила точку, развязалась с этим, — говорит Наджья.

Она действительно наскоро отстучала сегодня статью на своем компьютере на террасе «Империал интернэшнл», здешнего общежития для рюкзачников, в котором снимает комнату. Наджья выедет оттуда сразу же, как только из журнала пришлют гонорар. Австралийцы действуют ей на нервы. Они стонут и жалуются по любому поводу.

Суть в том, что у Наджьи есть бойфренд. Его зовут Бернар. Он француз, лентяй с отвратительными манерами, убежденный в собственной гениальности. У Наджьи есть подозрение, что Бернар живет в гостинице только ради того, чтобы без особого труда добывать себе новых девочек — таких, как она. Но он практикует тантрический секс, и у него стоит с любой женщиной

не менее часа: по крайней мере, пока он распевает свои гимны. До сих пор тантра с Бернаром заключалась для Наджьи в том, что ей приходилось по двадцать, тридцать, сорок минут сидеть у него на коленях и тянуть за кожаный ремешок, обвязанный вокруг его члена, затягивая петлю все крепче и крепче, заставляя член напрягаться все больше и больше, пока глаза Бернара не начинали вылезать из орбит и он не восклицал, что Кундалини пошла вверх. В переводе на обычный язык это означало: таблетки наконец-то подействовали. Наджье такой вариант тантры совсем не нравится. И вариант бойфренда тоже. Сатнам также не относится к ее типу мужчины примерно по тем же причинам, что и Бернар, но все-таки это не более чем игра, развлечение — «почему бы и нет»? Наджья Аскарзада выжала из своих двадцати двух лет столько, сколько смогла, и ограничивало девушку только некоторое чувство ответственности за слишком частые «почему бы и нет?», которые и привели ее в Бхарат наперекор мнению учителей, друзей и родителей.

Нью-Варанаси переходит в старый Каши постепенно. Улицы начинаются в одном тысячелетии и заканчиваются в другом. Шпили небоскребов, взмывающих в заоблачную высь, соседствуют с

запущенными проулками и деревянными лачугами, построенными лет четыреста назад. Виадуки метро и подвесные дороги проносятся мимо разрушающихся древних храмов, напоминающих дряхлые фаллосы из песчаника. Сладковато-приторный аромат гниющих цветочных лепестков перекрывает даже запах неисчислимых выхлопов от спиртовых двигателей, смешиваясь в урбанистическое благоухание, которым города прикрывают вонь бездонных клоак. Бхаратская железная дорога содержит дворников со специальными метлами для сметания цветочных лепестков с путей. Каши производит миллионы и миллионы лепестков, и стальные колеса не в состоянии с ними справиться.

Моторикша сворачивает в темный переулок с множеством маленьких магазинчиков и лавок. Бледные пластиковые манекены, безрукие и безногие — однако, тем не менее, улыбающиеся, — покачиваются на крюках у них над головой.

— Можно ли узнать, куда меня везут? — спрашивает Сатнам.

— Вы очень скоро увидите...

А правда состоит в том, что Наджья здесь никогда раньше не бывала. Но с того самого момента, когда она услышала, с каким восторгом квохчут

австралийцы о своей необычайной смелости, выражающейся в факте посещения этого загадочного места, которое у них, как ни странно, не вызвало ни малейшего отвращения, девушка искала повод отправиться в названный таинственный клуб.

Она не имеет ни малейшего представления о том, где находится, но, когда болтающиеся на крюках манекены уступают место проституткам, стоящим в открытых магазинных витринах, понимает, что водитель везет их в нужном направлении. Большинство дамочек явно восприняли западную моду: они затянуты в лайкру и демонстрируют прохожим вызывающего вида обувь. Лишь немногие придерживаются местной традиции и сидят в железных клетках.

— Ну, приехали, — говорит рикша.

«В бой! В бой!» — восклицают неновые огни над крошечной дверью, расположенной между магазином индуистских ритуальных сувениров и чайной стойкой, за которой проститутки распивают «лимку». Кассир сидит в уютной жестяной кабинке у самой двери. На вид ему можно дать лет тринадцать или четырнадцать, однако чувствуется, что из-под своей найковской шапочки он уже всего навидался. За ним начинается

лестница, ведущая в поток ослепительного флюоресцентного света.

— Тысяча рупий, — говорит он и протягивает руку. — Или пять долларов.

Наджья платит в местной валюте.

— Должен признаться, я несколько иначе представлял себе наше первое свидание, — говорит Сатнам.

— Свидание?.. — переспрашивает Наджья, которая ведет его по лестнице, то поднимающейся вверх, то вдруг резко сворачивающей в сторону, спускающейся вниз и обрывающейся на каком-то балкончике над обширной залой.

Зала когда-то явно использовалась в качестве склада. Болезненно-зеленоватый цвет стен, заводские лампы, кабели, световые люки на потолке — все говорит о прошлом этого помещения. Теперь оно превращено в арену. Вокруг пятиметрового шестиугольника, усыпанного песком, ряды деревянных скамей, расставленные амфитеатром, как в лекционной аудитории. Все здесь изготовлено из промышленной древесины, украденной в Агентстве скоростных перевозок Варанаси, которое постоянно чувствует нехватку наличных денег. Стойки обиты упаковочными панелями. Наджья отнимает руку от перил и чув-

ствует, что ладонь стала липкой — на ней смола.

Все помещение бывшего склада вздыблено: от кабинок, где делаются ставки, и мест борцов у самого ринга до задних рядов балкона, где мужчины в клетчатых рабочих сорочках и дхоти залезли на скамьи, чтобы лучше разглядеть происходящее внизу. Публика почти полностью состоит из мужчин. Немногие женщины, присутствующие здесь, пришли с явной целью подцепить кавалера.

— Я ничего не знал об этом месте, — говорит Сатнам. Наджья чувствует вонь сбившихся в кучу тел, запах пота, множество других первобытных ароматов. Она протискивается вперед и смотрит вниз. Деньги быстро меняют владельцев за маклерским столом. Мелькают затрепанные банкноты. Кулаки сжимают веера рупий, долларов и евро. Маклеры отслеживают путь каждой пайсы. Все взгляды устремлены на деньги, за исключением взгляда одного человека, стоящего прямо напротив нее у самой арены. Он смотрит вверх так, словно ощущает тяжесть ее пристального взгляда. Он молод и очень ярок. Явно из местной шпаны, думает Наджья. Их глаза встречаются.

Зазывала, пятилетний мальчишка в ковбойском костюме, ходит по залу, заводя аудиторию,

а двое мужчин с граблями превращают окровавленный песок в дзенский садик. У мальчика на шее маленький микрофон.. Его странный голосок, одновременно и мальчишеский, и старческий, пропускается сквозь сложную звуковую систему. Слыша эту странную смесь невинности и опыта, Наджья думает: быть может, перед нею брахман?.. Нет, настоящий брахман находится в кабинке в первом ряду: на первый взгляд он кажется десятилетним пацаном, одетым как двадцатилетний парень. Его окружают девицы, будущие телестарлетки. Зазывала — просто еще один уличный мальчишка. Наджья видит, что он дышит часто и тяжело. И вдруг понимает, что рядом с ней нет Сатнама.

Шум, начавший уже было стихать, снова взрывается волной грохота и хриплых воплей, как только команды выходят на арену, чтобы продемонстрировать своих главных бойцов. Они поднимают их на руках высоко над головой, обносят вокруг ринга — так, чтобы все могли увидеть, за что платят деньги.

«Мини-саблезубые» — жуткие создания. Оригинальный патент принадлежит одной небольшой калифорнийской компании, занимающейся генной инженерией. Вмонтируй в обычного Felis

Domesticus* [Кот домашний] восстановленную ДНК ископаемого Smilodon Fatalis** [Саблезубый тигр (вымершее животное)]. Результат — карликовое саблезубое чудовище размером с дикую американскую кошку, но с клыками по моде верхнего палеолита и с соответствующими манерами. Названные создания пережили короткий период звездной популярности, потом их владельцы обнаружили, что эти звери слишком часто становятся причиной исчезновения их собственных и соседских кошек, собак, других домашних любимцев, а потом и маленьких детей. Компания, повинная в производстве маленьких монстров, заявила о банкротстве еще до того, как на нее посыпались исковые заявления, однако на права обладателей патента уже начали активно покушаться в бойцовских клубах Манилы, Шанхая и Бангкока.

Наджья с интересом наблюдает за девушкой атлетического сложения в бюстгальтере и широченных шароварах, которая торжественным шагом обходит арену, подняв высоко над головой своего чемпиона. Это большой, серебристого окраса полосатый кот с телосложением крошечного военного самолета. Гены убийцы! Роскошный, восхитительный монстр! На когти

ему надеты специальные кожаные протекторы. Наджья видит, что девушка преисполнена гордости за питомца и любви к нему. Толпа ревет от восторга перед животным и его владелицей. Зазывала вспрыгивает на низкий подиум. Маклеры раздают кучу бумажных талонов. Соревнующиеся уходят в кабинки.

Девушка вонзает в кота шприц со стимулирующим средством, а ее коллега-мужчина подносит к носу животного специальное возбуждающее вещество. Они крепко держат своего зверя. Все затаили дыхание. На арену опускается мертвая тишина. Зазывала трубит в маленький горн. Соревнующиеся срывают с когтей своих питомцев протекторы и бросают животных на арену.

Толпа сливается в едином вопле, в единой жажде крови. Наджья Аскарзада ревет и бушует вместе с толпой. Единственное, о чем она сейчас способна думать, — это два бойцовых кота на арене, бросающиеся друг на друга, рвущие соперника клыками и когтями. Кровь приливает ей к голове, к ушам и глазам.

Все происходит с поразительной быстротой и жестокостью. Всего через пару секунд у милого серебристого полосатого кота одна нога уже болтается на лоскутах кожи. Кровь хлещет из

открытой раны, но зверь издает страшный вопль, призывая противника продолжать поединок, пытается увернуться и ринуться вперед. Он лязгает жуткими смертоносными зубами, однако почти тут же падает на спину и начинает извиваться в судорогах, взбивая тучи окровавленного песка. Победители уже подцепили своего чемпиона за ошейник и с огромным трудом пытаются оттащить злобную визжащую тварь в загон. Серебристый полосатый кот стонет и воет, наконец кто-то встает с судейской скамьи, подходит к нему и бросает на голову зверю шлакобетонный блок.

Девушка в бюстгальтере еще некоторое время стоит и мрачно наблюдает за тем, как раздавленное существо вытаскивают с арены. Она прикусила губу. Наджья обожает ее, обожает того юношу, с которым встретилась взглядами, обожает всех и всё здесь, на этой залитой кровью арене. Сердце бешено колотится, из груди вырывается горячее дыхание, она сжимает кулаки и дрожит, у нее расширены зрачки, а мозг пылает. Наджья жива на восемьсот процентов и пронизана каким-то неведомым ей доселе чувством. И вновь она встречается взглядом с местным гангстером. Он кивает девушке, но Наджья видит: парень

переживает тяжелую утрату.

Победители выходят на ринг, и толпа восторженно бушует. Зазывала орет что-то в звуковую систему, а на маклерской скамье вовсю идет раздача денег... денег... денег... Вот зачем ты приехала в Бхарат, Наджья Аскарзада, говорит она себе. Чтобы ощутить жизнь до самого предела... и смерть... иллюзию и реальность... Чтобы что-то прожгло насквозь эту чертову благоразумную, добропорядочную, терпимую шведскость. Чтобы почувствовать безумие и необузданность мира. Ее соски набухают. Наджья чувствует сексуальное возбуждение. Война, война за воду, война, которую она отрицает, привела ее сюда, та война, которой все страшатся и которая становится все более неизбежной. Но она больше не боится. Она ее страстно желает.

5
Лиза

На расстоянии четырехсот пятидесяти километров над Западным Эквадором Лиза Дурнау прорывается сквозь стаю боббетов, которые, высоко подняв яркие хохолки, разлетаются в разные стороны, быстро перебирая своими мощными ногами. Лесные дали оглашаются их тревожными криками. Пасущийся в поле молодняк встревожен: звереныши задирают головы, в страхе поднимаются на задние лапы, а затем с визгом ныряют в сумки родителей. Сауромарсупиалы, достающие Лизе до пояса, в ужасе отскакивают от девушки, которая бежит в спортивных штанах, футболке и туфлях. Недавний выводок пытается забиться к родителям в сумки головами вперед.

Эти звери принадлежат к числу самых успешных видов «Биома-161». Леса с условным названием «За Восемь Миллионов Лет До Нашего Времени» буквально кишат ими. Для «Альтерры» реальный день равен ста тысячам моделируемых лет, поэтому к завтрашнему дню они уже могут вымереть. Высокий и влажный лес из де-

ревьев с зонтичными кронами будет высушен климатическим сдвигом. Но сейчас, в данный экологический момент, во временном срезе того, что в другую эпоху и на совсем другой Земле станет северной Танзанией, они наделены абсолютной властью.

Беготня боббетов встревожила группу трантеров, жующих листья деревьев трюдо. Крупные, но медлительные дендрофаги разбегаются врассыпную. Их внутренние костные пластины под полосатой шкурой цвета старого китайского фарфора движутся подобно хитрому механизму. Защитная окраска работы Уильяма Морриса* [Английский литератор, провозвестник эстетизма и доктрины «Искусство для искусства» (1834 — 1896)], насмешливо думает Лиза Дурнау. Ботанический аспект — произведение Рене Магритт** [Бельгийская художница-сюрреалист (1898 — 1967)]. Листья на деревьях трюдо представляют собой почти идеальные полушария, сами деревья высажены в долине через равные промежутки, а все вместе производит впечатление живой иллюстрации к какой-то статистической теории. На некоторых ветвях повисли семенные коробочки, подобно маятникам раскачивающиеся на ветру. Они способны разбрасывать семена на сотни мет-

ров, стреляя ими словно из пистолета. Именно с помощью подобного механизма и достигается идеальная математическая правильность в расположении растений. Таким образом ни одно из деревьев трюдо не оказывается загубленным густой кроной другого, а в густой листве скрывается целый мир самых разных живых организмов.

Между деревьями мелькают пробегающие тени. Стайка бэкхемов-паразитов отскочила от мертвого трантера, в которого только что были отложены яйца. Йистават, парящий высоко вверху, опускается немного ниже, затем делает резкий рывок, круто отклоняется в сторону и захватывает в кожную сетку между задними лапами неповоротливую заврохироптеру. Хитроумное сальто, движение хищного клюва — и охотник возвращается на обычный курс. Неуязвимая и неприкосновенная для всех здешних обитателей Лиза Дурнау продолжает свой путь. Любой бог бессмертен в собственном мире: в течение последних трех лет она была директором, менеджером и медиатором «Альтерры» — «параллельной Земли», эволюционирующей в ускоренном ритме на одиннадцати с половиной миллионах компьютерах «Реального мира».

Бэкхемы. Трантеры. Трюдо. Лизе Дурнау нра-

вятся шалости таксономии «Альтерры». Здесь принципы, давно используемые в астрономии, наконец-то применены в альтернативной биологии. Как только что-то появляется у вас на жестком диске, вы сразу же даете ему имя. Макконки и мастроянни, огунвы, хаякавы и новаки. Хаммадии, куэстры и бьорки.

Все это так похоже на Лалла.

Лиза снова вошла в обычный ритм. Таким манером она может двигаться до бесконечности. Некоторые во время пробежек слушают музыку. Иные болтают, читают электронную почту или новости. Другие заставляют своих сарисинов-секретарей предоставлять краткую информацию о событиях дня. Лиза Дурнау проверяет, что нового появилось среди десяти тысяч биомов, существующих на одиннадцати с половиной миллионах компьютеров, принимающих участие в самом крупном эксперименте по эволюции. Ее обычный путь пролегает петлей вокруг кампуса Канзасского университета. В восхитительном и загадочном бестиарии Лизы всегда есть что-то удивительное и способное вызвать восторг. К примеру, какое-нибудь новенькое название, взятое из телефонного справочника, которым проштамповано новое фантастическое создание,

только что вылезшее из силиконовых джунглей. Когда на 158-м хосте биома в Гвадалахаре путем эволюционного скачка от насекомых произошли первые артротекты, она испытала то чувство острого удовлетворения, какое переживает читатель триллера при новом, замысловатом и совершенно непредсказуемом повороте сюжета. Никто не мог предвидеть появления лопесов, но и их существование было каким-то загадочным образом запрограммировано в исходных правилах. Затем, два дня спустя, результатом эволюции стали паразитогенные бэкхемы, появившиеся в Ланкашире, и это вновь потрясло ее. Подобное тоже было весьма трудно предсказать.

Потом ее отправили в космос. Полет оказался еще большей неожиданностью.

Два дня назад Лиза совершала пробежку вокруг кампуса — мимо факультетских зданий, выкрашенных в медовый цвет. «Альтерра» жила и развивалась поверх канзасского лета. Обежав вокруг студенческого общежития, она повернула обратно, чтобы принять душ и отправиться на работу.

Когда молодая женщина вошла в офис, пытаясь кусочком ваты удалить из ушей остатки воды, там ее уже ждала не ая дама в строгом костю-

ме. Она с ходу выложила на стол кучу каких-то документов, и три часа спустя Лиза Дурнау, руководитель проекта «Альтерра» по моделированию эволюционного процесса, уже летела на гиперзвуковом правительственном лайнере на высоте семидесяти пяти тысяч футов над центральным Арканзасом.

Женщина из ФБР сказала, что она может взять с собой на борт весьма ограниченный объем багажа, но Лизе все-таки удалось втиснуть среди самых необходимых вещей и экипировку для бега. С ней молодая женщина чувствовала себя спокойнее. На космодроме имени Кеннеди, разворачивая и рассматривая свои пожитки, Лиза пыталась понять, что же хочет от нее правительство и чего можно ожидать в самом ближайшем будущем. И пока солнце медленно заходило за лагунами, она бежала мимо ракет, старых ангаров и громоздких пусковых установок. Величественные и страшные механизмы ныне были буквально воткнуты в землю, подобно ненужным копьям. Цель, ради которой они создавались, так и не была достигнута, и теперь они бессмысленно торчали здесь, отбрасывая громадные тени длиной в целый континент.

А еще через сорок восемь часов Лиза Дурнау

уже находится на МКС, которая пролетает где-то над южной Колумбией. В видеоустройстве «Альтерры» она рассматривает замок крийчеков, возвышающийся вдали над деревом трюдо. Крийчеки — эволюционные выскочки с «Биома-163» на юго-восточном побережье Африки. Разновидность динозавров величиной с палец. Эти маленькие бестии создали роевую культуру, очень напоминающую пчелиную или муравьиную: у них есть рабочие особи, не способные к продолжению рода, производители, яйцекладущие матки, а также сложное социальное устройство, основанное на цвете шкуры и сложнейшей архитектуре их строений. Новая колония выйдет из крошечного подземного бункера, начнет превращать все органическое вокруг в мягкую, податливую массу, из которой затем крошечными умелыми лапками станет создавать высокие шпили, башни, контрфорсы, сводчатые камеры для кладки яиц... Иногда Лизе Дурнау хочется отбросить привычную систему номенклатуры. В названии «крийчек» слышится приятный отзвук неизбежной гибели, но тем не менее она предпочла бы назвать их горменгастами.

Мелодичный звук, доносящийся из аудиоцентра, дает знать, что частота пульса Лизы достигла

нужного значения для заданного времени. Она догнала себя. Псевдореальность «Альтерры» приковала Лизу. Она резко останавливается, переходит в режим «охлаждения» и отключается от «Альтерры». Центрифуга МКС — кольцо диаметром в сто метров, вращающееся для создания необходимой гравитации. Центрифуга резко идет вверх впереди и сзади — Лизе как будто вечно суждено находиться на дне вращающегося гравитационного колодца. Полки с растениями создают иллюзию живой природы, но ничто не способно скрыть того, что со всех сторон ее окружает алюминий, органические строительные материалы, пластик, а дальше — лишь бесконечная пустота. НАСА не снабжает свои корабли иллюминаторами.

Лиза потягивается, делает несколько упражнений. Из-за недостаточно высокой силы тяжести разные группы мышц испытывают несвойственную им нагрузку. Она сбрасывает обувь для бега, разминает пальцы ног. Помимо интенсивного физического режима, предписываемого НАСА, нужно принимать кальциевые добавки. Лиза Дурнау находится на подходе к тому возрасту, когда женщины начинают думать о состоянии костей. У дам, обитающих на МКС, одутловатые

физиономии и отечные руки — из-за перераспределения физиологических жидкостей. Вновь прибывшие на станцию обычно худощавы, легки и ловки в движениях, но у тех, кто провел здесь много времени, отрицательные последствия жизни в космосе сказываются прежде всего именно на скелете. Большую часть времени астронавты проводят в старой сердцевине станции, от которой МКС хаотически разрасталась в разных направлениях в течение последних пятидесяти лет. Немногие из ее обитателей пытаются вернуться к нормальной силе тяжести с помощью вращающейся центрифуги или каким-то другим способом. Ходит слух, что астронавты на это просто уже более неспособны.

Лиза Дурнау растирается влажным полотенцем, хватается за ступеньку на стене и начинает взбираться по «спице» по направлению к внутренней части станции. Она чувствует, как экспоненциально убывает ее вес. Можно просто ухватиться за ступеньку и взлететь на два, пять, десять метров. У девушки назначена встреча с женщиной из ФБР. Кто-то из постоянных обитателей МКС ныряет вниз, по пути совершив в воздухе великолепное сальто-мортале, кивает Лизе и проносится мимо. Подобная гибкость и

ловкость восхищают ее, а самой себе она кажется неповоротливым тюленем. Однако дружелюбный кивок обнадеживает Лизу. Вряд ли можно рассчитывать на более теплый прием со стороны экипажа станции. Команда из пятидесяти человек достаточно немногочисленна для того, чтобы каждый помнил имена всех остальных, но слишком велика для возможности завязывания тесных дружеских отношений. Примерно как университетский факультет. Лизе нравится физическое ощущение здешнего пространства, но ей все-таки очень жаль, что у НАСА не хватило денег на иллюминаторы.

Самое сильное потрясение Лиза пережила в первое утро, проведенное в Центре Кеннеди. Она сидела на веранде с видом на океан, а горничная наливала ей кофе. Именно тогда молодая женщина поняла, что доктор Лиза Дурнау, биолог-эволюционист, должна исчезнуть.

Лизу вовсе не удивило, когда женщина в строгом костюме сказала, что ее посылают в космос. Госдепартамент не станет никого доставлять в Центр Кеннеди на гиперзвуковом лайнере только ради изучения повадок тамошних птиц. Когда у нее забрали компьютер и вручили вместо него другую модель, без возможности связи, это

было неприятно, но не слишком потрясло Лизу. Удивило, но вновь не стало шоком, и то, что из-за нее освободили целую гостиницу. Гимнастический зал, бассейн, прачечная — все было предоставлено одной обитательнице. Лиза поначалу испытывала угрызения совести истинной пресвитерианки при каждом вызове горничной, пока прислуга-никарагуанка не сказала ей, что рада всякому поручению, так как совсем не загружена работой. Но тут Лиза испытала настоящее потрясение: Лалл исчез. Правда, поначалу она думала, что происшедшее может объясняться его реакцией на распад семьи.

Во время второй встречи с представительницей властей Лиза Дурнау решительно направилась к женщине в строгом костюме и с испанским именем Суарес-Мартин, намереваясь потребовать объяснений.

— Мне необходимо знать, — сказала она, переминаясь с ноги на ногу и бессознательно воспроизводя элементы привычной для нее физической разминки, — что случилось с Томасом Лаллом?

Для Суарес-Мартин ее строгий костюм был неким подобием чиновничьего кабинета, который она всегда и везде носила с собой. Женщина

сидела, повернувшись спиной к панорамному виду на ракеты и пеликанов.

— Мне ничего не известно. Его исчезновение не имеет никакого отношения к деятельности правительства Соединенных Штатов. Даю вам в этом честное слово.

Лиза Дурнау несколько раз прокрутила в голове все аспекты ее ответа, включая интонацию.

— Хорошо, но почему выбрали именно меня? В чем я должна буду участвовать?

— Могу ответить на первую часть вашего вопроса.

— Валяйте!

— Мы взяли вас, потому что не смогли найти его.

— А как насчет второй части?

— Вы получите ответ, но не здесь. — Суарес-Мартин перекинула Лизе через стол пластиковый пакет. — Вам это пригодится.

На пакете имелся логотип НАСА, а внутри оказался стандартный ярко-желтый костюм астронавта.

Во время их следующей встречи на даме из ФБР не было ее обычного строгого костюма. Она лежала справа от Лизы Дурнау, пристегнутая ремнями к акселерационному ложу. Глаза женщины

были закрыты, а на губах застыла молчаливая молитва, но Лиза сразу же поняла, что стала свидетельницей не боязни чего-то принципиально нового и неизведанного, а обычного ритуального предстартового страха. Не более чем мысленное перебирание четок опытным астронавтом.

Пилот лежал в кресле слева от нее. Он был занят сложной предполетной проверкой, вел какие-то переговоры, а Лиза была для него не более чем еще одной разновидностью груза. Она зашевелилась и почувствовала, как тело обтекает гель — неожиданно приятное ощущение. А ниже, в пусковой шахте, лазер мощностью в тридцать тераватт направлял луч на параболическое зеркало, которое находилось прямо у нее под задницей. Меня сейчас выбросят в космическое пространство на конце светового луча, который горячее солнца, подумала Лиза, — и поразилась собственному спокойствию при столь чудовищной и безумной мысли. Наверное, она просто по-настоящему не верила в это, бессознательно стараясь защитить психику. Впрочем, может быть, горничная-никарагуанка что-то подмешала ей в кофе. И пока Лиза Дурнау пыталась понять, в чем же все-таки дело, стартовый отсчет дошел до нуля. Компьютер в центре управления

полетами включил большой лазер. Воздух под Лизой вспыхнул и выбросил корабль НАСА на земную орбиту с ускорением в три g. Две минуты — и она уже в космосе! Подобная мысль показалась ей настолько нелепой, настолько абсурдной, что Лиза не могла не захихикать, и от смеха по ее гелевому ложу пробежала рябь. Эх-ма!.. Самая вершина мира! Суперэлитный шезлонг для путешественников!.. Клуб любителей восхождений на пятисотмильную высоту! И все это в неком подобии шикарной соковыжималки.

И вот тут-то совершенно неожиданно она испытала третье потрясение. Лиза вдруг поняла, сколь немногим людям там, внизу, на Земле, она по-настоящему нужна и как мало тех, кто будет сожалеть об ее уходе.

На идентификационной метке значилось: Дейли Суарес-Мартин. Женщина из ФБР принадлежала к тому типу людей, которые способны организовать себе кабинет где угодно, даже на складе, до отказа забитом упаковками с пищей для астронавтов. Компьютер-наладонник, фляга, крошечный телевизор и семейные фотографии прикреплены к стене липучкой. Три поколения Суарес-Мартинов демонстрируют себя на веранде большого дома, уставленной пальмами в

громадных терракотовых кадках. На телеэкране — таймер. Лиза Дурнау видит, что сейчас 01:15 по Гринвичу. Да, сейчас она должна была бы сидеть с друзьями в Такорифико Суперика...

— У вас все в порядке? — спрашивает Дейли Суарес-Мартин.

— Да. Все... все в порядке. Все хорошо.

Лиза пока еще ощущает небольшую боль в затылочной области, примерно такую, как та, которую чувствуешь в течение нескольких первых дней, начав пользоваться лайтхёком. Она подозревает, что сказываются остаточные явления после приема предстартовых медикаментозных средств. От нулевого ускорения у Лизы возникает странное ощущение какой-то публичной обнаженности. Она не знает, что делать с руками. А груди кажутся тяжелыми ядрами.

— Мы вас долго не задержим, честное слово, — говорит Дейли Суарес-Мартин. Здесь, на орбите, она улыбается значительно чаще, чем в Центре Кеннеди или в кабинете Лизы. Вряд ли можно чувствовать себя по-настоящему серьезной дамой, когда на тебе надето что-то, по виду схожее со снаряжением спортсмена, занимающегося санным спортом. — Прежде всего, я должна принести извинения. Мы ведь не полностью

информировали вас о предстоящем полете.

— Вы мне вообще ничего толком не сказали, — возражает Лиза Дурнау. — Предполагаю, что все это каким-то образом связано с проектом «Тьерра». Для меня, безусловно, является большой честью оказаться включенной в работу над ним, но должна сказать, что круг моих интересов связан с совершенно иной вселенной...

— Вероятно, здесь-то мы и совершили нашу первую оплошность, — говорит Дейли Суарес-Мартин. Она прикусывает нижнюю губу. — Никакого проекта «Тьерра» не существует.

Лиза Дурнау чувствует, как от удивления у нее отвисает нижняя челюсть.

— Но ведь все, что связано с Эпсилоном Индейца* [Созвездие Южного полушария]...

— Все это вполне реально. Существует, конечно, и Тьерра. Просто мы совсем не туда направляемся.

— Подождите, подождите, подождите... я же видела солнечный парус. По телевизору. Черт, я даже видела, когда вы посылали его в точку L-5 и обратно во время испытаний! У моих друзей есть телескоп. И мы как раз были на пикнике. И наблюдали за всем по монитору...

— Ну конечно. Солнечный парус — вполне

реальная вещь, и мы действительно посылали его в точку Лагранжа** [В астрономии точка в пространстве, в которой относительно неболь шое тело под гравитационным воздействием двух крупных тел будет пре бывать в состоянии относительного покоя относительно этих двух тел]. Вы ошибаетесь только в одном — это были не испытания, а выполнение совершенно определенного задания.

В том же году, когда Лиза Дурнау играла во Фримонте в школьной команде по европейскому футболу, сделав для себя важное открытие, что рокеры, вечеринки в бассейне и секс — не очень правильное для нее сочетание, НАСА открыло Тьерру. Планеты в бескрайней тьме вселенной за пределами Солнечной системы в последнее время обнаруживались быстрее, чем специалисты по астрономической таксономии успевали пролистать мифологические словари и всякие сборники легенд в поисках подходящего названия. Но когда розетка из семи телескопов в Дарвиновской обсерватории обратилась в сторону системы Эпсилона Индейца, расположенной на расстоянии десяти световых лет от Земли, они обнаружили бледно-голубую точку, находящуюся неподалеку от звезды, по температуре очень

близкой Солнцу. Мир, где явно была вода. Мир, очень напоминающий Землю. Спектроскопы провели исследование состава атмосферы и обнаружили наличие кислорода, азота, углекислого газа, водяных паров и сложных углеводородов, вне всякого сомнения, являвшихся результатом биологической активности. Там существовала какая-то жизнь. Возможно, это были всего лишь какие-нибудь жучки. Но быть может, и разумные существа, через собственные телескопы рассматривающие голубую точку рядом с нашим Солнцем...

Первооткрыватели окрестили планету Тьеррой. Какой-то техасец сразу же заявил свои права на планету и на всех ее обитателей. Именно упомянутая история сделала из Тьерры тему сплетен в различных масс-медиа, главный скандал месяца и предмет бесконечной болтовни. Что она такое? Еще одна Земля? Какая на ней погода? Как человек может владеть целой планетой? Но он просто заявил претензии на нее, вот и все. Ведь половина вашего ДНК является собственностью какой-нибудь биотехнической корпорации. Всякий раз, когда вы занимаетесь любовью, вы нарушаете права собственности...

Затем появились фотографии. Возможности те-

лескопов Дарвиновской обсерватории оказались достаточно велики, чтобы разглядеть поверхность планеты. В каждой школе в развитых странах мира на стене появилась карта Тьерры с тремя континентами и обширными океанами. Между прочим, она часто соседствовала с изображением Эмина Перри, последнего олимпийского чемпиона в беге на пять тысяч метров. Так, по крайней мере, было на компьютерной заставке у Лизы Дурнау, когда она начинала работать со своим эволюционным проектом, учась на первом курсе Калифорнийского университета в Санта-Барбаре.

НАСА выступило с предложением направить к планете межзвездный зонд, используя при этом экспериментальный орбитальный мазер и солнечный парус. Время, которое должно было уйти на осуществление проекта, равнялось примерно двумстам пятидесяти годам. Столь длительный срок неизбежно лишил предприятие первоначального интереса публики, и затея отошла на дальнюю периферию общественного внимания. Лизе же теперь стало легче: ей доставляло значительно большее удовольствие исследовать незнакомые миры и открывать неизвестные формы жизни во вселенной, находящейся внутри

компьютера. Альтерра оказывалась не менее реальной, чем Тьерра, но гораздо дешевле и доступнее.

— Я не совсем понимаю, к чему вы клоните, — откликается Лиза Дурнау на слова спутницы.

— Проект посылки зонда на Тьерру — проект, предпринятый для успокоения общественного мнения, — отвечает Суарес-Мартин. — Настоящий план заключался в том, чтобы создать космическую двигательную установку с достаточной мощностью, позволяющей переместить крупный объект в 5-ю точку Лагранжа орбитальной устойчивости.

— И что же это за крупный объект?

Лиза Дурнау никак не может увязать то, что случилось с ней за последние пятьдесят часов, с опытом, накопленным за предшествующие тридцать семь лет жизни. Единственное, что ясно: она в данный момент находится в космосе, однако вокруг очень жарко, пахнет потом и ничего не видать. Правительство намерено совершить самое грандиозное мошенничество в истории, но никто ничего не замечает, потому что все рассматривают красивые картинки.

— Астероид. Вот этот астероид...

Дейли Суарес-Мартин выводит графическое

изображение на экран. Обычная «картофелина» из глубин космоса. Разрешающая способность не очень хорошая.

— Дарнли-285.

— Наверное, он какой-то особенный, — замечает Лиза. — А нас не придавит?

На лице у дамы из ФБР появляется довольное выражение. Она выводит на экран еще одну картинку — накладывающиеся друг на друга цветные анимированные эллипсы.

— Дарнли-285 — астероид, в своем движении пересекающий земную орбиту. Его открыли с помощью системы наблюдения «NEAT» в 2027 году. Посмотрите, пожалуйста, вот на это. — Суарес-Мартин касается желтого эллипса, начинающегося поблизости от Земли и простирающегося до Марса. — Он подходит к нам даже ближе, нежели находится лунная орбита.

— Чересчур даже для «NEO», — замечает Лиза. — Видите, и я кое-что знаю.

— Срок обращения Дарнли-285 по орбите составляет 1080 дней. В следующий раз астероид может подойти слишком близко, что будет означать статистически весьма вероятный риск для нашей планеты.

Анимированный астероид движется на рассто-

янии волоса от голубого шарика Земли.

— Поэтому вы и создали солнечный парус. Чтобы убрать астероид с опасного пути, так? — рассуждает вслух Лиза.

— Да, действительно, для того, чтобы его сдвинуть, но со всем не из соображений безопасности. Пожалуйста, посмотрите внимательнее. Перед вами расчетная орбита на 2030 год. А вот это — реальная орбита.

На экране появляется толстый желтый эллипс. Он в точности совпадает с орбитой 2027 года. Дейли продолжает:

— Взаимодействие с находящимся на близкой к Земле орбите объектом Шерингем-12 во время его следующего обращения должно было приблизить Дарнли-285 на опасное расстояние в двенадцать тысяч миль. Но вместо предполагаемого смещения в 2033 году... — Тут на экране место желтой параболы занимает другая, обозначенная точками, и вновь появляется та же самая траектория, что и при значении 2027 года. — Видите? Совершенно аномальная ситуация.

— Вы хотите сказать...

— ... то, что неизвестная нам сила изменяет орбиту Дарнли-285 — для того, чтобы удерживать астероид на одном и том же расстоянии от Земли,

— заканчивает Дейли Суарес-Мартин.

— Великий Боже! — шепчет Лиза, дочь проповедника.

— В 2039 году мы направили к астероиду специальную миссию. Предприятие планировалось и осуществлялось в обстановке полной секретности. И мы кое-что обнаружили. Затем был подготовлен новый проект. Именно с ним и были связаны так называемые испытания солнечного паруса. А вся история с Эпсилоном Индейца — не более чем камуфляж. Нам необходимо было «подтянуть» астероид к такой точке, где можно подольше его рассмотреть...

— И что же там нашли? — спрашивает Лиза Дурнау. Дейли Суарес-Мартин в ответ только улыбается и говорит:

— Вот завтра вы сами все и увидите. Мы направляем вас на астероид.

6
Лалл

Одиннадцать тридцать, весь клуб прыгает. Потоки воды обтекают небольшую песчаную насыпь. Тела сбиваются на свет, словно мошки. Они движутся, трутся друг о друга, глаза закрыты от восторга. В воздухе стоит запах длинного дня, близящегося к завершению, обильного пота и дешевого варианта «Шанель». На девушках платьица по моде этого лета, купальные костюмы, модные летом прошедшим, и время от времени в глаза бросается классический бюстгальтер. Юноши все с обнаженной грудью и с массой разнообразных бус на шее. Реденькие бородки снова в цене: стиль «могиканин», популярный в прошлом, 2046 году, уже вызывает усмешки, а племенная раскраска тел, похоже, приблизилась к той опасной грани, за которой начинается забвение на веки вечные. Зато крайне актуальна скарификация — как у юношей, так и у девушек. Томаса Лалла радует по край ней мере уже то, что из моды вышли кожаные плавки, демонстрирующие пенис. Он устраивает вечеринки для братьев

Гхошт на протяжении трех последних сезонов — за неплохие, кстати, деньги — и был свидетелем приливов и отливов различных тенденций в молодежной культуре, но те плавки, поднимавшие мужской член подобно перископу... нет, это было уже слишком...

Томас Лалл опускается на мягкий, истоптанный серый песок, устало склоняет голову на колени. Прибой сегодня необычно тихий. Едва заметная рябь у границы прилива. Над темной водой кричит какая-то птица. Воздух, утомленный после долгого дня, неподвижен и тяжел. В нем не чувствуется ни малейших признаков приближения муссона. Рыбаки говорят, что с тех пор, как бенгальцы пригнали свой айсберг, море ведет себя совершенно непонятным образом. У Лалла за спиной в полной тишине движутся тела.

Из темноты появляются фигуры: две белые девушки в саронгах и бюстгальтерах на бретельках. Две пляжные блондинки с утрированным скандинавским загаром, который еще больше подчеркивается голубизной их нордических глаз. Они идут босые, взявшись за руки. Сколько вам лет? Девятнадцать, двадцать? — думает Томас Лалл. Искусственный стильный загар, трусики-бикини под замусоленными в путешествиях

саронгами. Здесь ваша первая остановка, не так ли?.. Вы отыскали ее на сайте для «рюкзачников». И вам это место показалось достаточно диким для того, чтобы почувствовать себя вдали от цивилизации. Вы с нетерпением ждали вылета из Упсалы или Копенгагена, чтобы поскорее насладиться первобытной свободой и воплотить в жизнь самые смелые мечты...

— Эй, вы там, — тихо, но внятно произносит Томас Лалл, — Если собираетесь принять участие в наших вечерних развлечениях, то я должен вас предварительно проверить. Ради вашей же собственной безопасности.

Взмахнув рукой, жестом опытного картежника он разворачивает набор для сканирования.

— Конечно, — отвечает девушка поменьше ростом, с золотистым цветом кожи.

Томас Лалл отсыпает ей горсть таблеток, а затем накладывает пластырь на сканер.

— Самая замечательная вещь здесь — тарелка Вишисуасс. Самый модный суп — «Транзик Ту», это новый эмотик, сможете получить его в любом месте. А теперь вы, мадам... — Он обращается к темноглазой диве. — Я должен установить, не возникнет ли какой-либо реакции на то, что вы уже принимаете. Не могли бы вы?..

Она прекрасно знает правила, облизывает палец и проводит им по сенсорной пластине. Дисплей окрашивается в зеленый цвет.

— Так, хорошо... Наслаждайтесь вечеринкой, дамы, но помните, что она безалкогольная.

Он изучающим взглядом провожает девиц, рассматривая их задницы, соблазнительно покачивающиеся под легкими саронгами. Девушки идут, все еще взявшись за руки. Ах, как все это мило, думает Томас Лалл. Но эмотики пугают его.

Компьютерные эмоции, изготовленные на нелицензированных сарисинах уровня 2,95 «Бангалор Сундарбан», растиражированные на какой-нибудь размещенной на частной квартире фабрике по производству «кока-колы» и нанесенные на специальные пластыри по пятьдесят долларов за наклейку... Пользователей такого дерьма отличить легко. Странные подергивания, широкие людоедские улыбки, жутковатые звуки, с помощью которых они пытаются выразить чувства, которым нет аналогов ни в человеческой природе, ни в человеческом опыте. Лалл ни разу пока еще не встретил никого, кто смог бы членораздельно описать ему суть этих чувств. Но с другой стороны, он пока еще не встречал никого, кто сумел четко и ясно описать суть

естественных человеческих чувств. Мы все не более чем программные призраки, мечущиеся по вселенской сети Брахмы.

Крик птицы все еще слышен.

Лалл оборачивается, глядя на молчаливую пляжную вечеринку. Каждый танцует в своей «зоне» под свою музыку, которая передается через хёк. Томас лжет себе, постоянно повторяя, что занимается организацией клубных вечеринок только ради денег: его ведь всегда влекли к себе людские толпы. Его притягивает и в то же время пугает утрата своего «Я» танцующими, сливающимися в некое бессознательное целое, состоящее из одновременно и отделенных друг от друга, и связанных между собой человеческих индивидов. Это примерно то же чувство любви и отвращения, которое завлекло его в рассеченное на части тело Индии, в одно из сотни самых узнаваемых лиц Земли, рассыпающееся на ужасающе свободные от европейских комплексов безликие полтора миллиарда. Повернись, отойди, слейся с толпой, исчезни... Умение растворять свое эго в толпе имеет и оборотную сторону: Томас Лалл обладает удивительной способностью мгновенно замечать индивидуальное, необычное, иное среди обезличенной массы.

Она движется через людской поток на фоне плотного покрывала ночи, как будто проходя сквозь тела. Она одета в серое. У нее бледная, пшеничного оттенка кожа. Да, индоарийка... Волосы по-мальчишески короткие, блестящие, с рыжеватым оттенком. Глаза огромные. Глаза газели, как в стихах поэтов, писавших на урду. Девушка кажется невероятно юной. На лбу три полоски — знак Вишну. Тилак Вишну не выглядит глупо. Она кивает, улыбается, и человеческие тела смыкаются вокруг нее. Томас Лалл пытается протиснуться сквозь толпу танцующих, но так, чтобы остаться незамеченным. Нет, это не любовь и даже не желание, не гормональный всплеск. Просто восторг. Он должен увидеть ее, должен узнать о ней побольше.

— Эй, вы там...

Парочка австралийцев хочет протестировать «снаряжение». Томас Лалл пропускает их наркоту через сканер, не отрывая глаз от танцующих. Серый цвет идеален, если хочешь остаться незамеченным на вечеринке. Она растворилась в хаотическом и беззвучном мелькании рук, ног и тел.

— С прикладом, похоже, все в порядке. Но вот с прикидом пролетаете, ребятки. У нас нулевая

устойчивость к костюмам, демонстрирующим половой член.

Парень хмурится. Убирайтесь отсюда, оставьте меня наедине с моим удовольствием... Вон там, рядом с настилом. Юноши-бхати пытаются ухаживать за ней. И в нем сразу же закипает ненависть к этим соплякам. Вернись ко мне. Девушка чего-то не поняла, наклоняется пониже, чтобы лучше расслышать слово. Какое-то мгновение Лаллу кажется, что она собирается приобрести что-то от «Бангалор Бомбастик». Ему совсем не хочется, чтобы она это делала. Нет, девушка отрицательно качает головой и отходит. И вновь исчезает среди танцующих тел. И тут Томас Лалл понимает, что против воли следует за ней. Она обладает способностью идеально смешиваться с толпой. Он вновь теряет ее среди мелькания пляшущих теней. На ней нет хека. Как возможно подобное? Томас доходит до края площадки для танцев. И тут понимает: она только делает вид, что танцует. В действительности же занимается чем-то другим: пытается уловить общее настроение и приспособиться к нему. Кто же, черт возьми, ты такая?..

Внезапно девушка останавливается. Хмурится, открывает рот, судорожно хватает им воздух.

Прижимает руку к тяжело вздымающейся груди. Не может дышать. В глазах газели застыл страх. Наклоняется, пытаясь освободиться от спазма в легких. Томасу Лаллу прекрасно знакомы эти симптомы. Ему давно известна их причина... Она стоит среди безмолвной толпы, изо всех сил стараясь вдохнуть. Никто не обращает на нее никакого внимания. Никто ничего не знает. Все здесь слепы и глухи, замкнуты в своем крошечном танцевальном пространстве. Томас Лалл расталкивает танцующих. Он движется не к ней, а к девушкам-скандинавкам.

Он протестировал на сканере их наркоту. Но здесь всегда полно таких, кто готов отхватить лишнего кайфа от реакции сальбутамол/АТР-редуктазы.

— Ваши «дыхалки», быстро!..

Златовласка пялится на него ничего не понимающими глазами — словно он какой-то жутковатый пришелец с Антареса. Потом начинает лихорадочно рыться в розовой адидасовской сумочке.

— Вот эти!

Томас выковыривает голубые и белые капсулы. Девушка в сером стоит неподалеку, тяжело и часто дышит, положив руки на бедра и испуганно

оглядываясь по сторонам в надежде на чью-нибудь помощь. Томас Лалл таранит толпу, давя в кулаке крошечные желатиновые капсулы.

— Откройте рот, — приказывает он. — Сделайте вдох на счет «три» и задержите дыхание, считая до двадцати. Раз. Два. Три!..

Томас Лалл прикладывает сложенные рупором ладони ко рту девушки и с силой вдувает воздух, с которым к ней в легкие влетает белый порошок. Она закрывает глаза, считает. Томас обнаруживает, что внимательно смотрит на ее тилак. Ни чего подобного он раньше не видел. Такое впечатление, что это пластик, вплавленный в кожу, или же вообще просто голая кость. У него возникает непреодолимое желание коснуться знака. Пальцы Лала находятся на расстоянии всего не скольких миллиметров от ее лба, когда она вдруг открывает глаза. Томас резко отводит руку.

— Вы в порядке?

Девушка кивает:

— Да. Спасибо.

— Вам нужно иметь при себе какие-нибудь лекарства. Все могло бы очень плохо закончиться. Люди вокруг... Они как призраки... Вы могли бы умереть, и они бы растоптали вас, танцуя. Пойдемте.

Он ведет ее сквозь трансовый лабиринт слепоглухонемых танцующих в темноту. Она садится на песок, расставив голые ноги. Томас опускается рядом с ней на колени. От девушки исходит аромат сандалового дерева. Двадцатилетний опыт работы в университетах позволяет ему почти точно определить ее возраст: девятнадцать, возможно, двадцать. Ну же, Лалл! Ты спас странную, прибившуюся к тебе неизвестно откуда девушку от приступа астмы, и тебя еще мучает какая-то ненужная стеснительность. Ну, докажи, что ты не утратил самоуважения.

— Я так перепугалась, — говорит она. — Я такая глупая, у меня есть ингалятор, но я забыла его в отеле... Мне бы ни когда не пришло в голову...

Легкий акцент девушки для неискушенного уха вполне может сойти за вариант британского английского, но Томас Лалл сразу же отмечает карнатаканский призвук.

— Удачно вышло, что я заметил, как начинается приступ... Да ладно уж. Вечеринка для тебя на сегодня закончена, сестричка. Где ты остановились?

— В «Палм империале».

Хорошее место. Недешевое, более популярное у путешественников зрелого возраста. Томас Лалл

знает вестибюли и бары всех отелей на тридцать миль вверх и вниз по кокосовому берегу. И кое-какие номера тоже. «Рюкзачники» и молодежь больше склонны останавливаться в прибрежных лачугах. Некоторые из них ему тоже знакомы. Там он убил нескольких змей.

— Я отвезу тебя домой. Ахутханандан присмотрит за тобой. С шоком шутки плохи. Могут быть всякие последствия...

Тилак... У Томаса возникает ощущение, что он движется. Загадочная девушка встает. Застенчивым жестом она протягивает ему руку: вполне официальное прощание.

— Огромное спасибо. Думаю, что, не окажись вас поблизости, все могло бы очень плохо закончиться.

Томас Лалл берет ее ладонь в свою. Она тонкая, длинная, изящной формы, мягкая и сухая. Девушка почему-то отводит глаза.

— Я исполнял свой долг, мадам, — говорит он с легкой иронией в голосе.

Томас ведет ее по направлению к огням, горящим среди пальм. Прибой усиливается, деревья взволнованно раскачиваются на ветру. Свет ламп на веранде отеля прыгает, судорожно мерцая за сеткой из ветвей. Пляжная вечеринка у него за

спиной внезапно начинает казаться скучной и утомительной. Все то, что час назад представлялось Лаллу ценным и значительным, с приходом этой девушки утратило смысл, выдохлось. Наверное, все-таки приближается муссон — ветер, который вновь вернет его к жизни.

— Если есть желание, я могу научить одному очень полезному методу борьбы с удушьем. Я в молодости тоже очень страдал от астмы. Существует один способ дыхания... Он со всем несложен. У меня не было приступов уже на протяжении двадцати лет, и если ты будешь следовать моим рекомендациям, тоже сможешь выбросить свои ингаляторы. Я покажу самое основное. Если тебя заинтересовало мое предложение, приходи сюда завтра...

Девушка замедляет шаг, задумывается, затем кивает. На ее тилак откуда-то падает свет.

— Спасибо. Я очень ценю подобную заботу.

Как странно она говорит. Такая сдержанность, почти викторианская, такое внимание к словесному этикету.

— Ну что ж, прекрасно. Меня можно найти...

— О, я просто спрошу богов, и они мне укажут. Они знают дорогу куда угодно.

На подобное замечание Томасу Лаллу ответить

нечего, по этому он просто сует руки в карманы мешковатых бриджей и говорит:

— Итак, если боги не будут против, мы завтра снова встретимся, а?..

— Аж.

Так звучит ее имя во французской транскрипции. Она поворачивается в сторону отеля, разноцветные огни которого подпрыгивают на усиливающемся ветру таким манером, будто отплясывают джигу.

— Думаю, что отсюда дойду сама, спасибо. До завтра, профессор Лалл.

7
Тал

Сегодня вечером Тал едет в пластиковом такси. Маленький пузырь фатфата громыхает по выбоинам и горбылям проселочной дороги, а водитель при свете единственной фары нервно пытается не съехать невзначай на обочину. Он уже едва не врезался в отбившуюся от стада корову и в группу женщин, несущих связки хвороста на головах. Придорожные деревья то и дело выпрыгивают из густой темноты деревенской ночи. Водитель напряженно смотрит вперед, готовясь к повороту. Его инструкции прикреплены к приборной панели, там он может прочесть их при свете неяркой лампочки. В инструкциях указано, сколько миль он должен проехать по этой дороге, какое количество деревень миновать — и свернуть на втором повороте налево, сразу же за настенной рекламой белья «Рупа». Раньше ему никогда не приходилось выезжать из города.

У Тала есть специальный микс, где звучат мелодии анокха, смешанные с мрачными некротическими аккордами «славянского металла».

Для встреч со знаменитостями необходимо иметь в запасе особые миксы. Биография Тала может быть описана чередой саундтреков.

Неожиданный рывок сбрасывает Тала с сиденья. Фатфат резко останавливается. Тал поправляет термическое напыляемое пальто ньюта, стряхивает пыль с шелковых брюк ньюта и в то же мгновение замечает солдат. Шесть фигур медленно материализуются из густой ночной темноты. Приземистый офицер-сикх поднимает руку, делает шаг к такси.

— Вы что, нас не видели?

— Вас трудновато разглядеть, — отвечает водитель.

— О правах нет смысла и спрашивать, полагаю? — замечает джемадар.

— В общем, да, — отвечает водитель. — Мой двоюродный брат...

— Не знаете, что объявлен режим повышенной бдительности? — строго спрашивает сикх. — Самоходные мины замедленного действия авадхов, возможно, уже продвигаются по территории нашей страны. Они ведь способны маскироваться множеством самых разнообразных способов.

— Они, конечно, замедленного действия, но не до такой степени, как этот старый горшок,

— пытается шутить водитель.

Сикх хмыкает и наклоняется, чтобы рассмотреть пассажира. Тал поспешно выключает музыку. Ньют сидит неподвижно, выпрямившись, но его сердце бьется громко, выдавая нешуточное волнение.

— А вы, сэр? Или мадам?..

Солдаты хихикают. Сикх явно только что ел лук. Тал боится, что может упасть в обморок от вони. Ньют открывает сумочку и извлекает из нее карточку с позолоченными краями. Приглашение. Офицер смотрит на него с таким видом, словно появились основания для полного обыска с раздеванием. Затем резко поворачивается в сторону Тала.

— Вам посчастливилось, что встретили нас. Вы проехали свой поворот пару километров назад. Теперь придется...

Тал снова более или менее спокойно дышит. Пока водитель разворачивает машину, ньют отчетливо слышит грубый смех солдат, заглушающий урчание спиртового двигателя.

Хочется надеяться, что эти самоходные мины сейчас как раз подбираются к вам, подонки, думает Тал.

Полуразрушенный храм Ардханарисвара стоит

среди деревьев на проселочной дороге, которая отходит прямо от шоссе. Организаторы вечеринки позаботились о том, чтобы осветить местность биолюминисценцией. В зеленоватом свете виднеются лица, выглядывающие из-за стволов деревьев; тусклая подсветка выхватывает из травы рухнувшие статуи и якши, зарывшиеся в древнюю почву. Темы вечера — крайние противоположности: сакти и пуруша; женские и мужские энергии; саттва и тамас; духовность и материализм. Резервуары в форме йони вызывающе наполнены до краев. Тал думает о приготовлениях к вечеринке. Скудное питье — бутылка подогретой минеральной воды. Водопровод в Белом форте — это грандиозная агломерация новостроек, где у Тала двухкомнатная квартира, — не работает уже два месяца. Днем и ночью длинная процессия из женщин и детей носит банки с водой вверх и вниз по лестнице мимо двери ньюта.

Пламя вырывается из газовых горелок в центре резервуаров-йони. Тал разглядывает двух близнецов — стражей храма, дварапалов, — а водитель такси тем временем пропускает карточку ньюта через считывающее устройство. Над разрушенной аркадой возвышается изображение

Ардханарисвара. Полумужское-полуженское. Одна полная грудь, возбужденный член, разрезанный посередине, одно яичко, завиток женских гениталий, намек на щель. Торс отличает мужская широта плеч, бедра — женская полнота, чувственные руки сложены в ритуальной мудре, но черты лица лишены индивидуальности, андрогинны. Третий глаз Шивы на лбу закрыт.

Там, внутри, гремит музыка. Сжимая приглашение в руке, Тал проходит между божествами-стражами на главную вечеринку сезона.

Когда ньют показал приглашение, в отделе решили, что это подделка. Почти естественное предположение для людей, занятых разработкой визуальных обоев для мнимых жизней актеров-сарисинов самых популярных индийских сериалов. Ньют не поверил своей удаче, когда обнаружил в почте толстую карточку кремового цвета.

«ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОДНЫХ ЗВЕЗД»

от имени «АЗИАТСКОЙ МОДЫ» приглашает ТАЛА,

27-й коридор, 30, 12-й этаж Квартал им. Индиры Ганди (под таким названием

Белый форт был известен только

на почте, в налоговом агентстве и судебным приставам) на

ПРИЕМ

в честь приезда ЮЛИ в Варанаси на

НЕДЕЛЮ МОДЫ В БХАРАТЕ

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: Храм Ардханарисвана, округ Мирза Мурад

ПРАЗДНОВАНИЕ: 22 колокольчика.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ: Племя Нью.

На ощупь карточка казалась теплой и мягкой, словно человеческая кожа. Тал показывает ее Маме Бхарат, старой вдове, живущей с ньютом в одном подъезде. Это добрая душа, которую семейство заключило в шелковую темницу. В современном смысле слова. Они предоставили ей возможность провести старость «независимо». Три месяца назад, после приезда в дом Тала, ньют стал для Мамы Бхарат настоящей семьей. С ньютом ведь больше никто не станет разговаривать. Тал с удовольствием каждый день заходит к ней на чашку чая, а она дважды в неделю навещает ньюта, чтобы немного прибраться у Тала в квартире. Тал никогда не спрашивает, как она воспринимает ньюта — как дочь или как сына.

Старушка проводит пальцами по приглашению, гладит его, тихо воркует, словно на ухо

возлюбленному:

— Такая мягкая. Такая мягкая... И они все будут такие, как ты?

— Ньюты?.. В основном да. Мы — главная тема вечера.

— О, какая большая честь! Все лучшие люди города и звезды с телевидения.

Да, думает Тал. Но почему все-таки я?

Тал идет по полумраку храмовой мандапы, освещенной факелами, которые держат четверорукие аватары Кали, и начинает ощущать, как к нади-чакре подбирается страх. Вот под вызывающе непристойной статуей Очень Знаменитый Кинорежиссер беседует с Уже Добившейся Известности Молодой Писательницей. А вот мировая звезда тенниса выглядит необычайно счастливой, столкнувшись не просто с Известным Профессиональным Игроком в Гольф, а с Футболистом из Всеиндийской футбольной лиги и его женой, которая сияет белозубой улыбкой. Теперь они смогут до бесконечности беседовать о разновидностях бросков и гандикапах. А это прославленный господин Межзвездный Поп-Промоутер — и его последняя блестящая находка, чья дебютная песня наверняка станет Первым Номером. А вот и сама девушка, которой суждено

стать звездой сегодняшней вечеринки: да, она в слишком короткой юбке, чересчур крепко сжимает в руке бокал с коктейлем и напрасно так громко смеется...

Тут же — трое совсем молодых «раджей», производящих пользовательское обеспечение компьютерных систем, двое нервных разработчиков игр и «темная лошадка» — «Повелитель сундарбанов», киберджунглевый антрепренер «горячей зоны» «Дарвинвер». Он стоит в полном и гордом одиночестве, высокомерно спокойный, весь словно отполированный, как приготовившийся к прыжку тигр. Так может выглядеть только человек, окруженный собственным легионом пандавов-телохранителей из сарисинов.

Ко всему уже перечисленному следует добавить также множество фигур с избытком одежды и лиц с избытком косметики, не знакомых Тал, но они всей своей внешностью демонстрируют глянцево-журнальное происхождение. Здесь же около сорока тележурналистов, уже успевших насквозь пропитаться потом и перезнакомиться со всеми подряд; репортеры из светской хроники с нечеловечески широким и активным периферийным зрением; шикарные дамы полусвета Варанаси, несколько обескураженные и раздра-

женные значительно большей популярностью стайки ньютов. Присутствует здесь даже парочка генералов в парадной форме, шикарных, как длиннохвостые попугаи. Армия «tres tres chic»* [очень, очень шикарна *(фр.)*] во времена нервного обмена угрозами с Авадхом... И еще тут имеется горстка чем-то недовольных представителей золотой молодежи, сынков и дочерей брахманов, как-то подозрительно молодо выглядящих.

Нита, руководитель торгового отдела Девгана, накануне показала Тал список. Большая часть сотрудников находит совершенную безликость Ниты угнетающей, но Талу она нравится. Вполне естественная банальность оттеняет свойственные ей неожиданные парадоксальные сочетания в дзенском стиле. Девушка хотела знать, что ньют наденет на вечеринку, какой косметикой воспользуется, куда отправится на предклубный аперитив и на традиционную попойку после вечеринки. Нужно попытаться попасть туда, где окажется больше всего знаменитостей. Прислонившись к колонне, ньют отмечает тридцать крупных имен из списка Ниты.

Двое ракшасов охраняют вход в святилище и в бесплатный бар. Ритм — Адани, ремикс «Библейских Братьев». Сверху опускаются рас-

качивающиеся ятаганы. Актеры настоящие, из плоти и крови, но нижние дополнительные конечности — искусственные. Тал в восторге от грима, покрывающего тела актеров целиком. Он безупречен.

Демоны сканируют его приглашение. Мечи поднимаются — вход свободен. Тал вступает в страну чудес. Сюда заявились все ньюты города. Тал отмечает, что его доходящее до колен пальто из ворсистого оптоволокна все еще «последний крик», но с каких пор в моду в качестве аксессуара вошли лыжные очки, которые носят на лбу? Талу не нравится в чем-то отставать. Головы поворачиваются в сторону ньюта, когда он идет к стойке бара, а затем наклоняются друг к другу. Тал чувствует, как волна сплетен поднимается за его спиной. Кто этот ньют?.. Этот ньют совершенно никому не знаком... Где он прятался до сих пор?

Меня не волнует ваша болтовня, говорит себе Тал. Я здесь для того, чтобы взглянуть на звезд... Ньют усаживается в конце изогнутой светящейся барной стойки из пластика и оглядывает оттуда присутствующих знаменитостей. Четырехрукий бармен с акробатической ловкостью смешивает коктейли. Тал в восторге от расторопности здешних роботов.

— Что это за коктейль? — спрашивает ньют, указав на флюоресцентный конус золотистого льда, покачивающийся на одной из своих вершин на стойке бара.

— «Не-Русский», — отвечает бармен, а нижняя рука поднимает еще один бокал.

Тал делает осторожный глоток. В основе напитка, несомненно, водка плюс что-то с привкусом ванильного сиропа, немного фруктового сока, хорошая струя немецкого шнапса с корицей... Между льдинками на дно опускаются хлопья золотой фольги.

Тут в ходе вечеринки происходит резкий поворот. Все мгновенно поворачиваются в одну сторону, образовав коридор напряженных и заинтересованных взглядов, — и в одежде из шкуры белого медведя, с золотистыми лыжными очками на лбу появляется звезда — ЮЛИ.

Тал лишается дара речи. Ньют парализован присутствием знаменитости. Все ухищрения масс-медиа кажутся ничтожными. Даже до появления Юли ньют боготворил супер-звезду как результат сложного творчества, в чем-то сходного с подбором актерского состава для «Города и деревни». И вот Юли перед ним во плоти, в своих ошеломляющих одеждах... и Тал переживает

настоящее потрясение.. Ньют должен находиться рядом с Юли. Ньют должен чувствовать дыхание Юли, слышать смех Юли, ощущать тепло Юли. С этого мгновения в храме есть только два реальных существа. Гости, ньюты, персонал, музыканты — все становится неопределенным и расплывчатым в царстве Ардханарисвары.

Теперь Тал стоит за спиной Юли, достаточно близко, что бы протянуть руку, коснуться, ощутить материальность божественного. Внезапно Юли оборачивается. Тал улыбается широкой глуповатой улыбкой. О боже, я выгляжу как слюнявый дебил!.. Что мне сказать? Ардханарисвара, бог двойственного, помоги. Боже! От меня, наверное, воняет. У меня ведь была всего одна бутылка воды, чтобы вымыться...

Взгляд Юли скользит по ньюту, смотрит сквозь ньюта, уничтожает ньюта и переходит на кого-то за спиной ньюта. Юли улыбается, раскрывает объятия.

— Какая приятная неожиданность!..

Юли проносится мимо. Теплое касание мехов, золотистый загар и скулы, как бритвы. За Юли следует свита. Кто-то толкает Тала, выбивает бокал из руки ньюта. Он падает на пол, какое-то мгновение бешено вращается. Тал стоит в расте-

рянности, окаменев, подобно многочисленным статуям храма.

— Вы, кажется, потеряли свой коктейль.

Голос, пробившийся сквозь стену оглушающей болтовни, не принадлежит ни мужчине, ни женщине.

— Ну-ну, не расстраивайтесь. Это всего лишь сборище наглых сучек, сестричка, а мы для них просто часть декора.

Череп у подошедшего ньюта не такой удлиненный, как у Тала, кожа смуглая, глаза имеют монголоидный разрез: явно не обошлось без непальских или ассамских генов. В ньюте есть что-то от присущей обоим народам застенчивой гордости. Ньют безразличен к моде, одет в белое, обритый череп посыпан золотистой слюдой — единственная уступка современному стилю. Как со всеми ньютами, Талу трудно определить возраст подошедшего.

— Транх.

— Тал.

Они раскланиваются и обмениваются приветственным поцелуем. Пальцы у ньюта длинные и элегантные, с французским маникюром. У Тала они короткие, приплюснутые от бесконечной работы с клавиатурой, с обкусанными ногтями.

— Мерзко, чертовски мерзко, не так ли? — говорит Транх. — Пей, дорогуша. Вот!.. — Ньют стучит костяшками пальцев по стойке. — Хватит этой «Не-Русской» мочи. Дайте мне джина. На двоих.

После театрального, слишком навороченного коктейля бокал чистого джина с лимоном кажется таким приятным, таким охлаждающим, таким бодрящим... Тал чувствует, как холодное пламя поднимается вверх и ударяет в голову.

— Потрясающий напиток! — восклицает Тал.

— Все переворачивает. Хинин! Вот!.. — Ньют поворачивается к аватаре за стойкой. — Господин актер! Еще два таких же.

— О, мне больше не надо, у меня работа завтра с самого утра. Я не представляю, как буду возвращаться домой, — говорит Тал, но ньют сует ему в руку ледяной, покрытый капельками влаги бокал.

В музыке пробивается завораживающий ритм, а по развалинам храма бежит порыв ветра, увлекая за собой тени и язычки пламени. Все поднимают глаза, задаваясь вопросом, не первое ли это дуновение муссона.

Ветер приносит толику безумия в жуткую скуку вечера, и у Тала начинает кружиться голова. Ньют чувствует странную легкость, стремление

болтать без умолку и непонятное желание оказаться в каком-нибудь другом городе, на другой работе, в гуще жизни — рядом с маленьким, смуглым и таким безумно красивым ньютом.

Дальнейшее похоже на письмена под дождем. Тал неожиданно для себя обнаруживает, что начинает танцевать. Ньют не помнит, как оказывается на танцполе. Вокруг стоят люди, наблюдающие за ньютом. Собственно, танцует только Тал, но танец его превосходен, безупречен. Тал похож на ветер, только что пролетевший по храму и собравшийся в одном месте, в один порыв. Ньют похож на свет, ночь, искушение, на лазерный луч, направленный на Транх и освещающий только ньюта. «Я хочу, я стремлюсь, я мечтаю». Ну же... Манящий жест... да, он влечет к себе Транх, шаг за шагом выводя ньюта из толпы. Ньют улыбается, отрицательно качает головой. Я подобными вещами не занимаюсь, дорогуша. Но ньют втягивается в круг непредсказуемой игрой шакти и пуруши. Тал видит, как дрожит Транх, словно нечто — некая отверженная, демоническая ночная сущность — выскользнуло из ночной темноты и проникло в ньюта. Транх начинает улыбаться безумной завороженной улыбкой, и вот они уже оба выходят в центр, со всех сторон

окруженные музыкой: охотник и его жертва. Все взгляды устремлены на них. Краем глаза Тал видит Юли, самую яркую звезду на небесах, торжественно удаляющуюся в сопровождении свиты. Но это происходит где-то там, ближе к заднику сцены...

Присутствующие ждут кульминации танца — поцелуя, но, несмотря на бесчисленные эротические скульптуры, откровенно демонстрирующие себя со всех колонн и опор храма, Тал и Транх — индийские ньюты, время и место для их поцелуя не здесь и не сейчас.

И вот они уже сидят в такси, и Тал не знает, как и куда они едут, но вокруг темно, а в ушах «эно» продолжает звучать музыка, а голова гудит от выпитого... и все-таки мало-помалу окружающий мир становится более упорядоченным и пристойным Тал знает, чего хочет ньют. Ньют знает, что должно произойти. И уверенность в этом тупо и ало пульсирует внизу живота ньюта.

Они сидят на заднем сиденье подскакивающего на ухабах фатфата. Рука Тала медленно опускается и касается мягкой поверхности бедра Транх, проводит по ней снизу вверх. После мгновенного колебания пальцы Транх ласкают чувствительную, лишенную волос кожу, нащу-

пывают спрятанные под ней штифты контроля гормональной системы и осторожно вводят в них коды возбуждения. И почти сразу же Тал ощущает, как у него бешено начинает колотиться сердце, как перехватывает дыхание, как кровь приливает к лицу... Половые гормоны играют на струнах его тела, как на ситаре: каждый орган, каждый крошечный капилляр вступает в общий гармоничный напев страсти. Транх протягивает руку Тал. Ньют производит подкожный ввод кода, быстро, легко и незаметно. Ньют чувствует, как напрягается Транх с началом гормонального всплеска. Они сидят рядом в подпрыгивающем такси, не прикасаясь друг к другу, но дрожа от желания, не в состоянии произнести вслух ни единого слова.

Отель расположен неподалеку от аэропорта в укромном уголке — комфортабельный, со сдержанным и неболтливым персоналом. Девица с усталым и раздраженным лицом в окошке регистрации с явной неохотой поднимает глаза от иллюстрированного журнала. Ночной носильщик вначале вроде бы зашевелился, но затем, получше разглядев вновь прибывших, мгновенно отворачивается и делает вид, что чрезвычайно увлечен происходящим на экране телевизора.

Стеклянный лифт поднимает их по стене отеля в номер на пятнадцатом этаже. Вокруг — узор из огней аэропорта, словно громадное, разукрашенное драгоценностями черное полотно. Небо усыпано гроздьями созвездий и аэронавигационными огнями транспортных самолетов, столь многочисленных в последние дни из-за объявленного режима повышенной бдительности. Сегодня все дрожит — и небо, и земля.

Они вваливаются в номер. Транх протягивает руки к Талу, но Тал ускользает, ньюту хочется немного подразнить партнера. Есть кое-что еще, что необходимо сделать. Тал отыскивает систему обеспечения гостиничного номера и вкладывает в нее чип. «FUCK MIX». Играет Нина Чандра. Тал покачивается в такт мелодии, закрыв глаза. Ньют изнемогает под волнами поднимающейся в нем страсти. Транх подходит к ньюту, движения Транх также входят в ритм музыки. Транх сбрасывает туфли, белое пальто, парусиновый костюм, шикарное фирменное белье в сеточку... Ньют протягивает руку. Тал пробегает пальцами по клавишам оргазма. Все в мире — лишь саундтрек.

Тал просыпается от жажды и идет в ванную.

Ньют, все еще пьяный, все еще не до конца

понявший, что произошло, тупо смотрит на однообразие потока, льющегося из крана. Предрассветье окрасило комнату в сероватый цвет. За окном слышится непрекращающийся вой самолетов. Что-то есть в этом утреннем свете, нечто, подчеркивающее каждый из крохотных хирургических шрамов на теле Транх. Тал мрачно качает головой.

Ньюту внезапно страшно захотелось расплакаться, но Тал просто ныряет в постель к Транх и дрожит, чувствуя, как партнер, пошевелившись во сне, протягивает руку и обнимает его. Тал снова засыпает — и просыпается только на стук горничной, желающей узнать, может ли она убраться в номере.

Уже десять часов. У Тал от боли раскалывается голова. Транх уже нет. Одежда ньюта, туфли ньюта, тонкое прозрачное белье ньюта. Перчатки ньюта... Ньюта больше нет. Вместо ньюта визитная карточка с названием улицы и номером дома.

8
Вишрам

Конферансье уже сумел рассмешить аудиторию. Здесь, в артистической уборной, Вишрам чувствует, как смех накатывает волнами, словно морской прибой на прибрежный песок. Это уже настоящий хохот. Тот самый хохот, с которым ничего невозможно поделать, который невозможно остановить, даже если он причиняет вам боль. Такой смех — самый лучший звук на свете.

Оставьте мне ваш смех, люди.

Аудиторию можно очень точно охарактеризовать по тому, как она смеется. Есть жидковатое хихиканье южан — и монотонное «ха-ха-ха» обитателей центральных графств, оглушительный грохот островитян, подобный церковному пению, и очень приятное веселье жителей Глазго. Смех родной, отечественной толпы...

Вишрам Рэй топочет ногами, раздувает щеки и читает заметки из «желтой» газетенки, пришпиленные к стенам артистической уборной.

Вы хорошо знаете свое дело. Вы можете проговорить текст в любом порядке — с начала до

конца или с конца в начало. На английском, на хинди, стоя на голове, совершенно голым. Вы знаете, где у вас спрятаны главные козыри и на что лучше всего попадается публика. У вас три главные тематические отсылки. Вы в курсе, в каких местах можно на ходу внести коррективы и затем продолжать, не сбавляя темпа. Вы способны заткнуть рот любому наглецу и клакеру одним ударом острого словца. Сегодня вечером они будут смеяться кошке у микрофона... но почему же тогда у вас такое чувство, словно кто-то засадил кулак вам в задницу и медленно вытаскивает кишки наружу? На родине выступать тяжело, там всегда самые сложные зрители, а сегодня у них будет еще одно оружие. Палец вверх, палец вниз, голосуй глоткой в соревновании «Смешно Ха-Ха», которое проводится в Глазго и которое сейчас в самом разгаре. Это только первое препятствие на пути в Эдинбург и к премии Перрье, но на нем можно споткнуться и сломать себе ноги.

Конферансье начинает неторопливо разогревать публику. Сидящие справа складывают руки вместе. Сидящие слева оглушительно свистят, заложив два пальца в рот. Зрители на балконе заливаются исступленным хохотом. Зовут господина Вишрама! Рэ-э-э-эй! И вот он выскакивает

из-за кулис, бежит по направлению к ярко горящим софитам, восторженному реву публики и своей металлической возлюбленной — стройному стальному торсу одинокого микрофона.

Он видит, как она оставляет пальто у клубного швейцара, и думает: попытка — не пытка. Девушка идет, словно рассекая волны. Высоко подняв голову, глядя по сторонам, Она направляется к бару, обходя помещение по часовой стрелке. Вишрам следует за ней, пробираясь сквозь джунгли человеческих тел. Ее окружает банда дружков. Она настоящий профессионал. Но он может отрезать ее от остальных...

Вишрам точно просчитывает время пути и достигает бара за долю секунды до того, как туда подходит девушка. Барменше приходится одновременно обслуживать двоих, справа и слева.

— О, извините, проходите, пожалуйста! — восклицает Вишрам.

— Нет-нет, вы подошли первым...

— Нет, прошу вас...

Акцент уроженки Глазго. Всегда неплохо выглядеть местным. На ней маечка с двумя бретельками на спине и юбка с заниженной талией, настолько короткая, что, когда девушка наклоняется над стойкой, чтобы прокричать свой заказ

барменше, взору Вишрама открываются два соблазнительных изгиба восхитительных ягодиц.

— Да, я возьму это, — обращается она к девице за стойкой и добавляет: — И смешайте мне «Черного пса» с водкой.

— Мы делали ставку на вас... — кричит она Вишраму прямо в ухо.

Он качает головой и одновременно украдкой смотрит в сторону, чтобы убедиться, не смотрят ли на него ее ребята. Они внимательно следят за ним.

— Я плачу. Сегодня чувствую себя миллионером.

На стойке появляются заказанные напитки. Девушка протягивает их своей свите, что теснится у нее за спиной, и чокается с Вишрамом.

— Мои поздравления. Значит, вы прошли?

— Что касается эдинбургского финала, то — да. Для меня это означает славу, богатство, собственную программу на телевидении. — Наступает время для маневра номер один. — Знаете, я не слышу даже собственных мыслей, не говоря уже о возможности вести светскую беседу. Мы не могли бы куда-нибудь удалиться от здешнего нестерпимого шума?

Уголок у сигаретного автомата под балконом

ненамного тише, но по крайней мере здесь они будут далеко от ее дружков — и в приятном полумраке к тому же.

— Я голосовала за вас, — говорит девушка.

— Спасибо. В таком случае я тем более был обязан угостить вас. Извините, но в суматохе не расслышал вашего имени.

— Я его и не называла, — отвечает она. — Ани.

— Ани... это хорошее... м-м...

— Французское.

— Да, хорошее французское имя. Старая добрая галльская основательность.

— Я должна благодарить за него родителей. Парочку старых добрых основательных галлов. Знаете, мне кажется, между Бхаратом и Шотландией много общего. Два молодых независимых государства.

— А что вы скажете, когда дело дойдет до старых добрых столкновений на религиозной почве?

— О, вы явно не видели игру «Старая фирма»...

Пока Ани говорит, Вишрам поворачивается таким образом, чтобы закрыть ей проход к площадке для танцев и к ее дружкам. Завершив маневр номер два — «полная изоляция», — он переходит к маневру номер три. Вишрам делает вид, что узнал музыку.

— Мне она нравится. — На самом деле она вызывает у него отвращение, но это хорошая добрая «115». — Вам нравится стиль «ви-буги»?

— Мне очень нравится стиль «ви-буги», — отвечает Ани и подходит к нему ближе.

Ее глаза загадочно блестят.

Он успевает многое узнать о девушке: она учится в университете Глазго на юридическом факультете, работает в Шотландской национальной партии, ей нравятся горы, новые независимые государства, прогулки с друзьями и возвращение домой без них. Вишраму Рэю все это кажется поистине безупречным, поэтому он заказывает еще один коктейль для девушки, и они идут танцевать. Ее дружки превратились в мрачную группку, сгрудившуюся у самого конца стойки неподалеку от женского туалета. Ани танцует несколько тяжеловато, но с задором. Вишраму нравятся женщины в теле. Где-то посередине танца из кармана его брюк начинает доноситься его имя. Он не обращает внимания на звонок.

— Вы что, не будете отвечать?

Он вытаскивает палм, надеясь, что кто-то хочет поговорить с ним о комедии. Однако он ошибается. Вишрам, это Шастри. Не сейчас, старина. Сейчас совсем не время.

Но вечеринка уже начинает надоедать ему. Надо переходить к маневру номер четыре.

— Вы предпочитаете остаться здесь? Или мы пойдем куда-нибудь еще?

— Мне все равно, — отвечает она. Хороший ответ.

— Вы не против зайти ко мне на чашечку кофе?

— Не против, — говорит она. — Почему бы и нет?

На улице, на Байрес-роуд, все еще длится тот волшебный час, который лазурным заревом расстилается над городскими крышами. Свет автомобильных фар кажется не естественным, театральным, словно ночную сцену снимают днем. Такси медленно тащится сквозь полуночные сумерки. Ани сидит рядом с ним на широком кожаном сиденье. Вишрам осторожно касается ее рукой. Девушка откидывается назад, приподнимая подол необычайно короткой юбки. Он задевает пальцем за эластичные трусики. Переход к маневру номер пять...

— Вы смешной человек, — говорит она, направляя его руку.

Золотистый куб многоквартирного дома, кажется, светится в полутьме. Вишрам чувствует на

лице волну тепла, накопленного камнем за день и теперь отдаваемого редким прохожим. Из парка доносится аромат недавно скошенной травы.

— Хорошее место, — замечает Ани. — И дорогое.

Рука Вишрама все еще у нее под юбкой, движением горячего пальца он направляет ее вверх по лестнице. Мышцы его живота, пах, дыхание — все говорит ему, что он овладеет ею сразу же, без всяких прелюдий, прямо на полу своей квартиры. О, как ему хочется услышать ее стоны и возгласы при приближении оргазма!.. Он рассмотрит каждую клеточку на ее вожделенном теле, узнает, чего она хочет от тела партнера. Вишрам готов выбить дверь в квартиру от нестерпимого приступа желания. Он раздраженно поддает носком туфли что-то, попавшееся под ноги. Огни выхватывают из сумрака серебристо-зеленый логотип Компании.

— Одну самую маленькую секундочку...

Его возбуждение вдруг начинает спадать.

Пластиковый пакет адресован Вишраму Рэю. Квартира 1а, 22, Келвингроув-террас, Глазго, Шотландия. Чувствуя приступ тошноты от внезапного отрезвления и совершенное исчезновение всякого сексуального желания, Вишрам открывает

пакет. Внутри лежат две бумажки: письмо от Шастри, его старого слуги, и билет первого класса от Глазго до Варанаси.

В зале ожидания «Бхарат эйр» раджа-класса Вишрам начал заигрывать с дамой в весьма изысканном дорожном костюме — и потому, что еще не окончательно пережил свою победу, и потому, что опьянение еще не совсем улетучилось... но в основном, конечно, из-за нереализованного желания.

Не успел он застегнуть молнию на походной сумке, как прибыл лимузин. Вишрам предложил Ани подвезти ее до дома. Она ответила ему ледяным и по-гэлльски основательным взглядом настоящей активистки Шотландской Национальной Партии.

— Извините, семья...

Она казалась такой замерзшей в мини-юбке, когда спешила домой по июньскому предрассветному Глазго.

У Вишрама оставалось десять минут до завершения регистрации пассажиров. Он оказался единственным обитателем своего отсека на небольшом самолете, летевшем до Лондона. Когда он шел по крытому переходу, у него немного кружилась голова от скорости, с которой разви-

вались последние события.

Вишрам прямиком направился в зал ожидания для пассажиров первого класса с намерением выпить водки. Душ, бритье, смена одежды и стаканчик «польской» восстановили обычную Вишрамову бодрость. И он вновь почувствовал себя достаточно в форме для того, чтобы заигрывать с женщиной в дорожном костюме. Ну, по крайней мере для начала завести с ней светскую беседу... Хотя бы просто для того, чтобы как-то провести время.

Ее зовут Марианна Фуско. Работает адвокатом в одной корпорации. Ее вызвали в Варанаси для участия в рассмотрении запутанного дела о поручительстве.

— Я? О, я просто паршивая овца, шут, не более. Самый младший в семье. Меня послали в Англию в Оксбридж* [Обобщенное название двух самых известных университетов Англии: Оксфордского и Кембриджского] изучать юриспруденцию. Но упомянутое начинание закончилось тем, что я оказался в Шотландии, пытаясь сделать карьеру эстрадного комедианта. Между прочим, это наивысшее выражение человеческого творчества. И, кстати, не так уж сильно отличается от юриспруденции, как я подозреваю. И клоун, и адвокат

— мы с вами оба герои арены.

Шутка проходит мимо ее сознания. Женщину интересует совсем другое.

— Сколько у вас братьев?

— Большой медведь, средний медведь...

— А сестры?

— Сестер в Варанаси маловато, по крайней мере в моей его части.

— Я об этом слышала, — говорит она и удобно располагается в кресле, повернувшись к нему лицом. — Даже интересно, каким может стать общество, когда в нем мужчин в четыре раза больше, чем женщин.

— И очень мало женщин-адвокатов, — отвечает Вишрам. — Могу я предложить вам еще немного водки? Полет предстоит долгий...

Вскоре — после третьей стопки — их приглашают пройти на борт лайнера. Место Вишрама где-то в самом конце салона. После нескольких лет перелетов в экономическом классе место для ног здесь ему кажется очень просторным. Он так увлечен новыми впечатлениями, что не замечает пассажирку, пристегивающую ремни рядом с ним.

— О, привет, какое совпадение! — восклицает Вишрам.

— Вовсе нет, — отвечает Марианна Фуско, снимая жакет. Под парчовой блузкой чувствуется мускулистое тело. Первый арманьяк приносят, когда они находятся над Бельгией — гиперзвуковой самолет медленно взбирается на своеобычную тридцатитрехкилометровую высоту полета. Арманьяк не относится к числу любимых напитков Вишрама. Он поклонник водки. Но в данный момент ему кажется, что арманьяк идеально подходит для той роли, которую он пытается играть. И пока самолет несет их по небу цвета индиго, они с Марианной беседуют о детстве. Она выросла в громадном семействе, расползавшемся по странам и континентам из-за бесконечных разводов и новых браков ее родителей. Женщина называет свою семью семьей-созвездием. Вишрам рассказывает о детстве, проведенном среди патриархальной буржуазии Варанаси. Индийская социальная стратификация одновременно и интригует, и настораживает ее, как всегда бывает с англичанами. Именно это на протяжении столетий они по-настоящему ценили в индийской культуре и литературе. Вину и восторг от настоящей, доведенной до предельного совершенства классовой системы.

— Я родился в довольно состоятельной семье.

— Вишрам, бери выше... — Не в брахманской, конечно. Не в брахманской с большой буквы «Б», хочу я сказать. Мой отец — кшатрий, очень набожный по-своему. Всякие подтасовки ДНК, с его точки зрения, выглядели бы просто кощунством...

Еще два арманьяка — и разговор начинает зависать, постепенно переходя в полудрему. Откинувшись на спинку удобного кресла, Вишрам натягивает плед почти до самой шеи. Так приятно представлять нестерпимый холод, царящий за наноуглеродной обшивкой самолета... Марианна под пледом приникает к нему. Он чувствует ее тепло и близость. Она дышит в одном ритме с ним.

Маневр номер шесть.

Где-то над Ираном Вишрам кладет руку ей на грудь. Женщина еще ближе придвигается к нему. Поцелуй. Привкус арманьяка на губах и языке. Она прижимается к нему. Он обнажает ее грудь, расстегивая белую блузку. У Марианны большие ареолярные круги вокруг сосков, а сами соски напоминают пули. Она расстегивает крючок на своей удобной, но очень деловой юбке. Он касается языком соска и пытается просунуть пальцы под блузку, но Марианна предупреждает его дви-

жение и направляет пальцы Вишрама к некоему отверстию, уже ждущему его прикосновения. Она издает громкий вздох, берет его за руку и ловко расстегивает молнию. Тяжелый член Вишрама Рэя свисает между сиденьями. Марианна ласкает большим пальцем его головку. Вишрам, стараясь не издавать лишних звуков, которые может услышать стюардесса, начинает ласкать клитор Марианны.

— Давай, — шепчет она. — Вращай им и так трахай меня.

Она приподнимает и сгибает ногу, глубже садясь ему на палец. Камасутра на высоте тридцати трех километров. На расстоянии одной четверти пути до околоземной орбиты Вишрам Рэй осторожно кончает в салфетку раджа-класса «Бхарат эйр». Марианна сидит, зажав во рту край подушки, издавая приглушенные возгласы, напоминающие сдавленное мяуканье. Вишрам откидывается на спину, внезапно почувствовав нестерпимую тяжесть во всем теле.

Они приводят себя в порядок в туалете — по отдельности, но не в силах сдержать хихиканье при каждом случайном взгляде, брошенном друг на друга. Поправляют одежду и, немного придя в себя, возвращаются на свои места. И почти сразу

же чувствуют перемену высоты — самолет идет на посадку, ринувшись подобно горящему метеору по направлению к Индо-Гангской долине.

Вишрам ждет женщину на противоположной стороне линии таможенного досмотра. Покрой ее костюма вызывает у него восторг, а рост и уверенная походка выделяют Марианну среди низкорослых бхаратцев. Он знает, что можно не ждать никаких звонков, никаких е-мейлов, никаких внезапных возвращений к прошлому. Чисто профессиональные отношения.

— Хотите, я подвезу вас? — предлагает Вишрам. — Отец наверняка прислал за мной машину. Я понимаю, это смешно, но во многих отношениях он очень старомоден. Мне не составит труда добросить вас до отеля.

— Спасибо, — отвечает Марианна. — Мне не нравится сам вид здешних такси.

Лимузин сразу бросается в глаза. На крыле автомобиля флажки «Рэй пауэр компани». Вишрам без особого труда поднимает большую сумку Марианны, засовывает ее в багажник, разогнав стайку нищих и калек. Несколько секунд нестерпимой жары между аэропортом и салоном автомобиля с кондиционированным воздухом буквально оглушают Вишрама. Он слишком привык к хо-

лодному климату. И уже успел забыть здешний аромат, похожий на запах сгоревших роз.

Автомобиль делает рывок и буквально въезжает в плотную стену цвета и звука Вишрам чувствует жару, тепло человеческих тел, углеводородный налет на стекле. Люди вокруг. Непрекращающийся поток лиц. Тела.

Вишрам обнаруживает в себе новое чувство. В нем присутствует некий меланхолический оттенок сходства с тоской по родине, но выражается оно этой жуткой, совсем не романтичной грязью человеческих толп, заполняющих местные бульвары. Не тоска, а «тошнота по родине». Ностальгический ужас.

— Рядом с развязкой Саркханд, не так ли? — спрашивает Вишрам на хинди. — Мне бы хотелось увидеть...

Водитель покачивает головой и сворачивает направо.

— Куда мы едем? — спрашивает Марианна.

— В одно место, где вы сможете рассказать о своем семействе-созвездии, — отвечает Вишрам.

Баррикады, сооруженные полицией, перегораживают главный проспект, поэтому водитель направляет автомобиль по узкому кишечнику боковых улочек и буквально врезается в уличную

демонстрацию.

Шофер жмет на тормоза. Молодой мужчина падает на капот их автомобиля. Потом поднимается. Видимо, столкновение просто оглушило его. Это круглолицый парень с едва пробившимися усиками над верхней губой. Пассажиры автомобиля потрясены. Мгновенно внимание толпы переключается с ярко разукрашенной статуи Ханумана под тенистым балдахином на лимузин. Кулаки барабанят по капоту, по крыше, по дверцам. Люди начинают раскачивать автомобиль. Толпа узрела своего врага: здоровенный «мерседес» с тонированными стеклами и флажками компании — то, что в их представлении ассоциируется с силами, собирающимися уничтожить их святое место и превратить его в очередную станцию метро.

Водитель дает автомобилю задний ход, едет по проулку под только что выстиранным бельем, развешенным подобно знаменам, под разваливающимися старенькими балконами. Вслед лимузину летят кирпичи, оставляя вмятины на металле. Марианна невольно вскрикивает, когда лобовое стекло вдруг покрывается паутиной трещин. Водителю удается протиснуться между двумя башнями из бамбуковых лесов. Молодые

карсеваки преследуют их автомобиль, бьют по нему своими лати, призывая проклятия на безбожных Ранов и их дьявольских мусульманских пособников-колдунов. Они размахивают разорванным флагом компании. Стоит бросить в этом районе всего одну бутылку с зажигательной смесью, и погибнут сотни, думает Вишрам. Но шофер умело направляет машину по хитросплетению переулков, находит внезапно образовавшийся промежуток в сплошном потоке автомобилей и задом въезжает в него. Грузовики, автобусы, мопеды внезапно останавливаются. Водитель тоже жмет на тормоз. Юные фанатики преследуют их, ныряют в автомобильную реку, скользят между авторикшами и японскими пикапами, расписанными индуистской символикой. Бегут, подпрыгивая, нагоняют...

Водитель поднимает руки — жест отчаяния. При таком движении ничего не сделаешь. Вишрам бросает взгляд через плечо. Преследователи настолько близко, что он различает пуговицы у них на рубашках. И тут Марианна вскрикивает: «Боже мой!»

Автомобиль резко тормозит, Вишрама бросает вперед, и он сильно разбивает нос о спинку водительского сиденья. Оглушенный, с глазами,

полными слез, он видит, как словно бы с неба перед ним падает стальная фигурка демона. Равана-пожиратель, повелитель злых духов, восседающий на согнутых гидравлических титановых ногах и держащий десять кинжалов, подобно вееру. Крошечная головка, напоминающая голову богомола, смотрит прямо в лицо Вишраму, открывая целый арсенал сенсорных устройств, похожих на инструментарий дантиста. И вновь прыжок. Вишрам слышит, как когти на ногах демона царапают крышу автомобиля. Вишрам поворачивается, выглядывает в заднее окно и видит, что чудовище приземлилось рядом с автобусной остановкой. Уличное движение застывает, карсеваки разбегаются, будто горные козлы. Чудище неуклюже движется по улице, шевеля своими устрашающими приспособлениями. На щитке, похожем на панцирь насекомого, у него нарисованы полосы и звезды.

Американский боевой робот.

— Что за?..

Они начали войну, пока он был в эмиграции... Водитель указывает на улицу за перекрестком, на улицу с неоновыми витринами и сияющими разноцветными огнями зонтиками кафе, где мужчина в черной и очень дорогой одежде изры-

гает проклятия в адрес удаляющегося механизма. За ними останки «мерседеса»-внедорожника. Какой-то человек подбирает куски разбитой электроники и металлических конструкций и бросает их вслед удаляющемуся чудищу.

— Я все же не...

— Саиб, — отвечает водитель, заводя мотор. — Неужели вас так долго не было, что вы успели забыть Варанаси?

Остаток пути до отеля Марианны Фуско они едут в мрачном молчании. Женщина вежливо благодарит Вишрама, швейцар приветствует их, поднимает ее сумку, и Марианна поднимается по ступенькам лестницы, ни разу не обернувшись.

Значит, никакого продолжения не предвидится.

Разбитый лимузин сворачивает в ворота между автомастерской и колледжем информационных технологий, располагающимися под сенью деревьев Ашоки. И сразу же Вишрам оказывается в совершенно ином мире. Самое первое, что можно приобрести за деньги в Индии, — это уединение. Оглушительный уличный шум вдруг превращается в отдаленное биение городского пульса. Безумие Варанаси здесь кажется бесконечно далеким.

Чтобы отметить возвращение блудного сына, слуги зажгли огни вдоль всей подъездной дорожки. Вишрама приветствуют барабанщики мерной дробью своих барабанов. Они сопровождают автомобиль до самого дома. И вот он сам — дом, большой, горделивый, сказочно белый в потоках яркого света. Вишрам чувствует, как на глаза наворачиваются слезы. Когда он жил под крышей этого особняка, ему всегда было стыдно за то, что он принадлежит к обитателям дворцов. Вишрам всякий раз непроизвольно сгибался под тяжестью его колонн, фронтонов, широких портиков среди густых зарослей жимолости и гибискуса. Он ненавидел его отвратительный белый цвет, интерьеры — полированный мрамор и старинная причудливая непристойная резьба по дереву, потолки, расписанные в непальском стиле... Купеческое семейство построило этот дом еще во времена британского владычества — в стиле, который должен был постоянно напоминать им о родине. Они назвали его Шанкер-Махал.

И вот теперь, когда Вишрам выходит из машины, его прежний юношеский максимализм, подростковое бунтарство и смущение из-за принадлежности к привилегированному классу куда-то уходят, а дом окружает его давними, но

памятными до сих пор ароматами застоявшейся пыли, деревьев ним* [Разновидность красного дерева], мускусным благоуханием рододендронов и едва уловимым зловонием канализации, никогда здесь по-настоящему не работавшей.

Они ожидают его на ступеньках лестницы. На самой нижней стоит старик Шастри. По бокам вся домашняя прислуга в два ряда: женщины слева, мужчины — справа. Рам Дас, почтенный старый садовник, все еще среди них: возраст его уже совершенно непредставим, но он по-прежнему — и Вишрам нисколько в этом не сомневается — ведет жестокую войну с вездесущими обезьянами.

Где-то посередине лестницы стоят его братья. Старший, Рамеш, кажется более высоким и худым, чем обычно, словно его по-настоящему затягивает межзвездное пространство, изучением которого он занимается. И рядом с ним, как и прежде, ни одной сколько-нибудь значительной женщины. Даже в Глазго до Вишрама доходили слухи о поездках Рамеша на уик-энд в Бангкок... А рядом его идеальный брат — Говинд. Идеальный костюм, идеальная жена, идеальные дети-близнецы Руну и Сатиш. От взгляда Вишрама не ускользает и жирок, который начинает набирать братец. Звезда Ди-Ди, бывшая ведущая

утренней телепрограммы и завидная невеста, стоит рядом с Говиндом. А рядом с ней расположилась айя с последним отпрыском династии на руках. С девочкой. Почти чудо для 2047 года. Вишрам гукает и воркует над крошкой Прийей, но, присмотревшись к ней, начинает думать, что она из касты брахманов. Об этом говорит сама ее физиология, на уровне феромонов, какой-то явный сдвиг в биохимии тела.

Мать Вишрама стоит на верхней ступеньке. Такая, какой Вишрам всегда помнил ее, величественная в своей почтительности. Тень среди высоких колонн.

Однако среди присутствующих нет его отца...

— А где папа? — спрашивает Вишрам.

— Он встретится с нами завтра в своем главном кабинете. — Единственное, что произносит мать в ответ.

— Ты не знаешь, к чему все это? — спрашивает Вишрам у Рамеша, когда приветствия, слезы умиления и радостные восклицания наконец-то смолкают.

Рамеш только качает головой, а Шастри движением пальца приказывает носильщику отнести чемоданы Вишрама в его комнату. Вишраму совсем не хочется отвечать на вопросы по поводу

лимузина, и поэтому, сославшись на невыносимую усталость после перелета и пересечения нескольких часовых по ясов, он идет спать.

Вишрам ожидал, что его проводят в старую детскую, но носильщик следует в комнату для гостей, расположенную в восточной части дома. Вишраму неприятно, что его здесь рассматривают как гостя, как временного обитателя дома. Но, оставшись в одиночестве и начав раскладывать по громадным шкафам и комодам красного дерева те немногие вещи, которые привезены с собой, он радуется, что в этой комнате его не окружают со всех сторон детские воспоминания, не указывают ему с раздражающей назойливостью о безвозвратно ушедших временах. Они вновь потащили бы Вишрама в прошлое...

В доме никогда не было нормальных кондиционеров, по этому Вишрам сбрасывает с себя всю одежду и обнаженный падает на простыни, ужасаясь нестерпимой жаре. Он лежит и рассматривает загадочные узоры на расписном потолке под стук и тарахтение обезьян в зарослях за окном.

Вишрам уже где-то на самом краю сна, почти проваливается в пропасть полного забытья, когда внезапно, вздрогнув, просыпается от какого-то

полузабытого звука, врывающегося в комнату. Понимая, что ему больше не заснуть, и смирившись с этим, Вишрам обнаженный выходит на старинный железный балкон.

Атмосфера и аромат города Шивы со всех сторон овевают его нагое тело. По желтому небу скользят мигающие огни самолетов. Солдаты, летающие по ночам. Вишрам пытается представить себе войну. Роботы-убийцы, бегающие по переулкам, титановые кинжалы во всех четырех руках аватары Кали. Штурмовики-сарисины, пилотируемые «летчиками», которые в реальности находятся на расстоянии многих сотен тысяч километров отсюда, на бреющем полете несутся к Гангу. Американские союзники Авадхи воюют в современном стиле, когда все солдаты сидят дома в полнейшей безопасности. Они убивают, располагаясь в другом полушарии планеты.

Вишрам начинает бояться, что картина, свидетелем которой он был на улице, может стать пророческой. У загнанных в угол нехваткой воды и выступлениями фундаменталистов Ранов выбор совсем не велик.

Хруст гравия, какое-то движение на серебристой лужайке. Из лунных теней появляется Рам Дас. Вишрам застывает на балконе. Еще одна

его оплошность, вызванная западными привычками, из-за принципиально иного отношения к наготе. Рам Дас выходит на подстриженную лужайку, раскрывает полы дхоти и мочится при ярком свете ленивой индийской луны, похожей на возлежащую храмовую статую гандавы. Оправившись, садовник оборачивается, медленно кивает Вишраму, не то приветствуя, не то благословляя. Потом уходит. Раздается крик павлина.

Наконец-то дома...

САТ ЧИД ЭКАМ БРАХМА

9
Вишрам

Еще полчаса назад Вишрам Рэй хвастался, что у него никогда не было костюма. Но он всегда понимал, что наступит день, когда костюм ему понадобится, и на такой случай у семейства китайских портных в Варанаси имелись все его размеры, а также несколько видов ткани на выбор, материя для подкладки и две рубашки. И вот теперь Вишрам сидит в этом самом костюме — в кресле за громадным тиковым столом совета директоров компании «Рэй пауэр».

Костюм прибыл в Шанкер-Махал всего полчаса назад с курьером на велосипеде. Вишрам еще стоял у зеркала и поправлял воротник и манжеты, когда к ступенькам особняка подъехал целый кортеж автомобилей. И вот он уже на двадцатом этаже небоскреба «Рэй пауэр», откуда Варанаси кажется грязновато-коричневым туманным пятном, распластанным где-то далеко внизу, а Ганг — отдаленным завитком тусклого серебра. И никто до сих пор не соизволил ему объяснить, в чем же все-таки дело.

Да, эти китайцы действительно гениальные портные. И в тканях разбираются по-настоящему. Воротник подходит идеально. Швы практически не видны.

Двери зала совета директоров открываются. Входят адвокаты компании. Вишрам Рэй на мгновение задумывается, каким собирательным существительным можно было бы назвать всех здешних юристов. Стадо? Шайка?..

Последней в зал входит Марианна Фуско. У Вишрама от удивления отвисает челюсть. Марианна едва заметно и вполне официально улыбается ему — совсем не так, как можно было бы ожидать от женщины, с которой вы, во-первых, занимались любовью в самолете и, во-вторых, попали в опасную уличную потасовку.

Она садится прямо напротив Вишрама. Под тиковой крышкой стола он включает палм и набирает текст.

ЧТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ВЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТЕ?

Секретари открывают двойную дверь, и в зал входят члены совета директоров компании.

Я ЖЕ ГОВОРИЛА ВАМ, ЧТО ЛЕЧУ ЗАНИМАТЬСЯ ИЗУЧЕНИЕМ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА.

Вишрам видит ответ Марианны прямо у нее

над грудью. Женщина вновь в том великолепном сером деловом костюме, в котором была в самолете. Но и он сегодня выглядит не хуже.

Банкиры и представители кредитных союзов занимают места за столом. Многие из руководства мелких сельских кредитных банков ни разу в жизни не выезжали так далеко от места расположения своих учреждений. В то мгновение, когда Вишрам спокойным и уверенным жестом левой руки наливает себе в стакан минеральную воду, а правой печатает: ЭТО ЧТО, ИГРА?, в комнату входит его отец.

На нем совсем простой костюм — только длина пиджака кажется уступкой моде, — но все головы сразу же поворачиваются в его сторону. На лице отца Вишрам замечает то самое выражение, которое он видел лишь один раз в жизни, еще будучи ребенком. Тогда отец занимался созданием компании... Это выражение решимости и спокойной уверенности в собственной правоте.

За отцом следует Шастри, его вечная тень.

Ранджит Рэй подходит к председательскому месту. Но не садится. Он стоя приветствует членов совета и приглашенных. Кажется, что громадное помещение, обитое панелями из дорогого дерева, буквально гудит от предельного напряжения.

Вишрам отдал бы все, чтобы и его встречали так же.

— Коллеги, партнеры, уважаемые гости, мои дорогие родственники, — начинает Ранджит Рэй. — Прежде всего я хочу выразить вам свою признательность за то, что вы нашли возможность приехать сегодня сюда. Многим из вас это стоило значительных затрат и неудобств. Позвольте мне сразу же заверить, что я не стал бы настаивать на вашем приезде, если бы не считал вопрос, предлагаемый сегодня вашему рассмотрению, делом принципиальной важности для дальнейшего существования нашей компании.

Голос Ранджита Рэя не слишком громок и глубок по звучанию, но каждая его модуляция доходит до самых отдаленных уголков зала. Вишрам не помнит, чтобы отец вообще когда-либо повышал голос.

— Мне шестьдесят восемь лет. Я уже три года назад переступил ту возрастную черту, которая на Западе в их традициях бизнеса рассматривается как завершение экономически полезного периода жизни. В Индии же это — время внутренней сосредоточенности и созерцания, размышления о тех жизненных тропах, по которым по каким-то причинам пройти не удалось, и о тех, которыми

еще можно двигаться.

Ранджит Рэй делает глоток из стакана с минеральной водой.

— Обучаясь на последнем курсе политехнического факультета Индийского университета в Варанаси, я понял, что экономические законы подчинены законам физики. Физические процессы, лежащие в основе существования нашей планеты и управляющие жизнью, накладывают непреодолимые ограничения на развитие бизнеса, обозначая верхние границы его развития, подобно тому пределу, который константа скорости света накладывает на возможности нашего познания вселенной. Именно тогда я осознал, что являюсь не просто инженером, а индийским инженером. Исходя из этого, я пришел к выводу, что если мне суждено использовать свои способности и знания для того, чтобы сделать Индию сильной и уважаемой в мире страной, то я должен делать это по-индийски.

Он бросает взгляд на жену и сыновей.

— Члены моей семьи слышали мое сегодняшнее признание уже неоднократно, но я надеюсь, что они простят меня за повторение. Целый год я провел в паломничестве. Я следовал принципам бхакти и совершал пуджу в семи священных

городах, я принимал омовения в святых реках и обращался за советом к свами и садху. И каждому из них во всех храмах и святых местах я задавал один и тот же вопрос.

Как может бизнесмен вести праведную жизнь? — спрашивает себя Вишрам. Он ведь на самом деле слышал произносимую сейчас проповедь немыслимое число раз. Проповедь о том, как стоящий перед ними простой индийский инженер использовал крор рупий, предоставленный ему небольшим кредитным объединением, чтобы построить не требующий сложного обслуживания углеродный генератор солнечной энергии, основанный на нанотехнологиях. В дальнейшем таких устройств было произведено около пятидесяти миллионов. Плюс пред приятия по очистке спиртового топлива, заводы по производству биомассы, ветровые электростанции, приливные электро- и теплостанции, научно-исследовательский институт, приведший индийских интеллектуалов вплотную к решению проблем нулевой энергетики. В настоящее время «Рэй пауэр» является одной из ведущих индийских компаний Бхарата. Индийских в том смысле, что она на протяжении всех лет своего существования отличалась предельно щадящим

отношением к природе, бережно и с благодарностью принимая дары Земли и вселенной, подчиняясь движению великого колеса сансары. Теперь это компания, решительно и без боязни окунающаяся в мальстрем мирового рынка. Компания, которая заказывает самому модному и талантливому современному индийскому архитектору строительство своего центрального здания из стекла и древесины — и одновременно включает далитов в состав совета директоров.

Впрочем, история, которая звучит сейчас неизвестно в который уже раз, без сомнения, заслуживает всяческого внимания и уважения, но Вишрама в данный момент гораздо больше занимает обтянутая парчой грудь Марианны Фуско. Между ними появляется следующее послание нагло сиреневого цвета.

СЛУШАЙТЕ ОТЦА!

МЕ-Е, МЕ-Е, «ПАРШИВАЯ ОВЦА», — печатает он в ответ.

ВЕДИТЕ СЕБЯ ПРИЛИЧНО! — отвечает она.

О, ИЗВИНИТЕ. ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ САРКАЗМ! — парирует Вишрам, выводя большие синие буквы поверх изысканного костюма, и чуть было не пропускает важнейшую часть выступления отца.

— ...вот почему я решил, что вновь наступило

время задаться вопросом: что значит вести благочестивую жизнь?

Вишрам Рэй поднимает взгляд. Нервы всех присутствующих напряжены до предела.

— Сегодня в полночь я оставляю пост президента «Рэй пауэр». Я отказываюсь от всего своего богатства, влияния, престижа и, естественно, от всех своих обязанностей. Я оставляю дом, семью и вновь беру посох и котомку садху.

Присутствующие впадают в оцепенение, сходное с последствиями отравления нервно-паралитическим газом. Ранджит Рэй улыбается, пытаясь снять напряжение. Никто не обращает ни малейшего внимания на эту его сострадательную улыбку святого.

— Я хочу, чтобы вы поняли: решение далось мне с большим трудом. Я в течение длительного времени обсуждал его с женой, и она полностью согласна с моим выбором. Шастри, мой помощник и секретарь на протяжении многих десятилетий, присоединится ко мне в моих странствиях — и не в качестве слуги, так как все социальные различия исчезнут для меня сегодня в полночь, а в качестве спутника и соратника в поисках праведного пути.

И вот тут все акционеры вскакивают с мест,

кричат, чего-то требуют. Какая-то женщина-далит оглушительно орет что-то на ухо Вишраму о своих клиентах, своих сестрах, но Вишрам вдруг обнаруживает, что абсолютно спокоен, отрешен, прикован к месту чувством неизбежности. У него возникает странное ощущение, будто он знал, что нечто подобное должно произойти, с того самого момента, когда у своей двери в Глазго нашел авиабилет.

Ранджит Рэй жестом успокаивает присутствующих.

— Друзья мои, прошу вас, не думайте, что я бросаю вас на произвол судьбы. Первое требование к человеку, решившему вести духовную жизнь, состоит в том, чтобы он не оставлял мир безответственно. Вам хорошо известно, что многие другие корпорации стремятся приобрести нашу компанию, но «Рэй пауэр» прежде всего — семейный бизнес, и я ни при каких обстоятельствах не позволю передать его в чужие руки, в чуждую и аморальную систему управления.

Не делай этого, думает Вишрам. И не говори этого...

— Таким образом, я передаю руководство компанией сыновьям — Рамешу, Говинду и Вишраму.

Ранджит Рэй поворачивается поочередно к каждому из названных им, делая благословляющий жест. Рамеш совершенно раздавлен услышанным. Его крупные, покрытые выступающими венами руки лежат на столе так, словно с них заживо содрали кожу. Говинд старается выглядеть уверенно, оглядывает сидящих за столом и уже делит присутствующих на союзников и врагов. Вишрам пребывает в полном оцепенении — словно актер, внезапно забывший текст.

— Я назначил советников, которым полностью доверяю, чтобы они помогали вам в переходный период. Я на вас очень надеюсь, дети мои. Пожалуйста, постарайтесь быть достойными...

Марианна Фуско наклоняется над широким столом и протягивает руку. Рядом с ней на полированной поверхности стола лежит стопка каких-то бумаг. Вишраму бросается в глаза пунктирная линия в самом низу верхней страницы. Здесь должна стоять его подпись.

— Мои поздравления, и добро пожаловать в исследовательский отдел, господин Рэй.

Вишрам пожимает руку, твердое, уверенное и страстное прикосновение которой к собственному члену все еще очень хорошо помнит.

Внезапно он вспоминает «свой текст».

— Король Лир, — почти шепотом произносит Вишрам.

10
Шив

Йогендра выходит из внедорожника посередине улицы — рядом с входом в клуб «Мусст». Полицейские и воры сходны в том, что считают стоянкой любое место, где соблаговолят выйти из автомобиля. Йогендра открывает дверцу хозяину. Велорикши, неистово трезвоня, с обеих сторон объезжают громадную машину.

«Мусст»... потрясающие развлечения... «Тальв» — сообщает яркая неоновая реклама.

С тех пор как практически у каждого появился персональный ди-джей, сарисин с собственными ремиксами, клубы стали рекламировать себя под именами своих барменов. До уик-энда еще далеко, поэтому респектабельных мужчин, подыскивающих себе жен, в клубе нет, но девушек хватает. Шив усаживается на табурет у стойки. Йогендра садится рядом. Шив ставит банку с яичниками на стойку. Специальная подсветка превращает их в некий инопланетный артефакт из какого-нибудь голливудского фантастического блокбастера. Бармен Тальв передвигает стеклянную тарелку

с пааном по поверхности из флюоресцентного пластика. Шив берет кусочек, перекатывает его за щекой, смакует.

— Где Прийя?

— Там, в конце зала.

Девушки в сапожках до колен, коротких юбках и облегающих шелковых блузках сгрудились вокруг стола, с которого и начинается клубное многолюдство. В центре в окружении бокалов с коктейлем десятилетний мальчишка.

— Черт, «брахманы», — произносит Шив.

— Внешность обманчива, он уже совершеннолетний, — замечает Тальв, разливая в два стакана содержимое шейкера, который отличается неприятным сходством с трофеем Шива из нержавеющей стали.

— Ведь есть же хорошие мужчины, которые способны дать женщине все, чего она хочет: хороший дом, достойную жизнь — такую, чтобы ей никогда не приходилось работать, — приличную семью, детей, место в обществе, и она отвяжется от этого десятилетки, как теленок от матки, — рассуждает Шив. — Всех бы перестрелял. Просто потому, что такие вещи противоестественны.

Йогендра активно закусывает пааном.

— Тот десятилетка может десять раз купить

и продать здешний бар. И он еще будет вовсю развлекаться, когда нас с тобой уже опустят в священные воды.

Коктейль приятно холодноватый, он вселяет меланхолию, очень хорошо идет к паану, помогает ему легче проскользнуть в желудок. Шив оглядывает помещение клуба. Из девчонок не на кого сегодня и глаз положить. Те, что не хихикают рядом с брахманом, уставились в экран телевизора.

— На что это они так пялятся?

— Что-то, связанное с модой, — отвечает Тальв. — Тут привезли какую-то русскую модель, ньюта. Юри, кажется.

— Юли, — подсказывает Йогендра.

Его десны уже алы от паана. Освещение в баре имеет голубоватый оттенок, и нитка жемчуга, которую он постоянно носит, начинает отливать каким-то мистическим цветом. Красным, белым, голубым. Американская улыбка. Йогендра ни разу не снимал жемчужные бусы с тех пор, как стал работать с Шивом.

— Таких я бы тоже всех перестрелял, — говорит Шив. — Извращенцы. Что касается брахманов, то они мухлюют с генами, но у них хотя бы понятно, кто мужчина, а кто — женщина.

— Я читал, будто ньюты собираются получить разрешение размножаться клонированием, — мягко замечает Тальв. — Они согласны платить нормальным женщинам, чтобы те вынашивали их детей.

— Ну, это уж совсем мерзость, — говорит Шив.

Когда он поворачивается, чтобы поставить пустой стакан, то на отливающей голубым барной стойке обнаруживает клочок бумаги.

— Что это?

— То, что принято называть счетом, — отвечает Тальв.

— Прошу прощения! С каких пор я должен оплачивать напитки в вашем заведении?!

Шив разворачивает крошечную квитанцию, бросает взгляд на сумму. Еще раз внимательно рассматривает счет.

— Нет, что такое?! У меня здесь уже больше нет кредита? Неужто вы хотите сказать: Шив Фараджи, мы тебе больше не доверяем?!

Девицы у телевизора поднимают головы, привлеченные звуками намечающегося скандала. В голубоватом свете они становятся похожими на дэви. Тальв тяжело вздыхает. Появляется Салман. Он владелец, у него есть связи, которых нет у Шива. Шив потрясает папкой с меню, словно

обвинительным актом.

— Я говорил твоей здешней звезде...

— Я уже много слышал о вашей платежеспособности.

— Приятель, меня все уважают в этом городе.

Салман холодным пальцем касается ледяного металла со суда.

— Ваши акции больше уже не... не на подъеме, как раньше.

— Значит, какой-то подонок пытается мне подставить ногу? Ну что ж, скоро я буду хранить его яйца в сухом льду...

Салман отрицательно качает головой.

— Вы ошибаетесь. Проблема исключительно макроэкономического свойства. Тенденции рынка, сэр.

И вдруг весь бар-клуб «Мусст» как-то «отъезжает» от Шива, его стены уходят куда-то вдаль, остается только голова брахмана, громадная, раздувшаяся и покачивающаяся из стороны в сторону, словно праздничный разрисованный и наполненный гелием воздушный шар. Она смеется над Шивом смехом маленького идиота.

У некоторых в подобных случаях перед глазами начинает плыть красноватая дымка. Шив всегда видит синюю. Густую, насыщенную, виб-

рирующую синеву. Он хватает тарелку с пааном, разбивает ее, прижимает руку Тальва к стойке и заносит длинный кусок острейшего стекла над большим пальцем бармена, словно нож гильотины.

— Посмотрим, как этот беспалый будет смешивать коктейли, — цедит сквозь зубы Шив. — Бармен. Звезда.

— Ну-ну, успокойся, друг, — медленно и с раскаянием в голосе произносит Салман, но Шив понимает, что это шипение кобры... а вокруг — снова синева, дрожащая, пульсирующая синева.

Кто-то кладет руку ему на плечо. Йогендра.

— Ладно, — говорит Шив, ни на кого не глядя. Кладет осколок тарелки, поднимает руки. — Ладно.

— Я постараюсь забыть о случившемся, — говорит Салман. — Но в любом случае я жду оплаты по счетам. Полной оплаты, сэр. В течение тридцати дней. Стандартные условия.

— Ладно. Чувствую, здесь что-то не так, — бормочет Шив, отступая. — Но я обязательно выясню, что именно, и вернусь, чтобы выслушать твои извинения.

Он опрокидывает свой табурет, но не забывает прихватить банку с «препаратом».

По крайней мере Шив добился того, что все девицы разом уставились на него.

Аюрведический ресторан закрывается ровно в восемь, так как, согласно философии Аюрведы, есть после восьми часов вечера нельзя.

По тому, что происходит в переулке, Шив заключает, что ресторан больше не откроется. У дверей стоят наемный фургон, две тележки, в которые впряжены пони, три трехколесных грузовых мотороллера, а несколько носильщиков выносят какие-то коробки. Старший официант Видеш занимается разборкой столиков и поэтому даже не поднимает глаз на врывающихся в ресторан Шива и маленького «вундеркинда».

Мадам Овариум* [Яичник *(лат.)*] в своем кабинете, она собирает документы. Шив с грохотом опускает сосуд с «препаратом» на помятую металлическую поверхность.

— Переезжаете?..

— Один из моих «пареньков» направляется к вам.

— Я был в отъезде. По делам. Как видите, у меня есть нужная вам вещь.

Шив открывает наладонный компьютер.

— Шив, разговаривать здесь небезопасно...

Мадам Овариум — маленькая, толстая, почти

шарообразная малайка с хвостом грязных волос, который опускается почти до самых ягодиц и который она не расплетала уже лет двадцать. Для своих «пареньков» она — «Аювердическая мадонна», потчующая их соответствующими тинктурами и порошками. Приверженцы учения твердо уверены, что мадам обладает способностями настоящей целительницы. Шив передает приготовляемые ею снадобья Йогендре, а тот торгует ими вразнос среди туристов, путешествующих по Гангу. Ресторан мадам пользуется известностью за границей, особенно среди немцев. Местечко это постоянно забито бледными выходцами из Северной Европы, которые отличаются той особой заостренностью черт, что характерна для людей, в течение нескольких недель страдающих проблемами с пищеварением.

— Объясни тогда, в чем дело, — настаивает Шив. — Вы выносите вещи из заведения, а ты внезапно отшатываешься от этого, — он указывает на свой «препарат», — как от проказы! В чем дело?..

Мадам Овариум засовывает несколько листов с бухгалтерскими отчетами в пластиковый портфель. Никакой кожи, ничего из убитых животных. «Произведенное человеком — для человеческого блага» — вот девиз адептов Аюрведы.

Кроме всего прочего, это подразумевает и лечение с использованием стволовых клеток эмбрионов.

— Что вам известно о небластульной технологии приме нения стволовых клеток?

— Это то же самое, что и обычная зародышевая технология их использования... за исключением того, что с целью выращивания необходимых органов при названной методике могут использоваться любые клетки, а не только эмбриональные... Однако, насколько я знаю, пока этот принцип нигде не срабатывал!

— Он великолепно работает с одиннадцати часов сегодняшнего дня. По восточноамериканскому времени. И то, что там у вас лежит внутри банки, стоит меньше самой тары.

Перед глазами Шива вновь проплывает тело, уносимое речным потоком. Он наблюдает, как позади женщины колоколом вздувается сари. Он видит ее на сияющем чистотой столе во Всеазиатской клинике пластической хирургии — исполосованное тело под ослепительно ярким светом ламп. Шив не любит работать впустую. Но особенно ему претит, когда неопытный хирург превращает обычную повседневную операцию по удалению яичников в кровавую баню.

— Всегда найдутся люди, которым не по карману американские технологии. Ведь мы живем в Бхарате...

— Ой, дорогой мой, известно ли вам первое и главнейшее правило бизнеса? Точно определяй момент, когда надо ограничивать расходы. Вы знаете, сколько народу стоит надо мной? И ведь все они — с протянутой рукой: врачи, курьеры, полицейские, таможенные чиновники, члены городского совета... А крах неминуемо приближается. И мне совсем не хочется оказаться под обломками.

— Так. И куда же вы направляетесь?

— Неужели вы думаете, что я вам скажу? Если бы у вас была хоть толика здравого смысла, то давно уже следовало вложить капитал в более надежные отрасли бизнеса.

Однако такой роскоши, как здравый смысл и осторожность, у Шива никогда не было. На всех этапах путешествия от Чанди Басти до этого аюрведического ресторана у него всегда был только один вариант выбора. Мораль существует для тех, кто живет за пределами басти. У Шива не оставалось выбора в ту ночь, когда он ограбил аптеку. Любой придурок мог достать оружие в годы Великого Разделения, но даже Шив Фараджи

никогда не поступится своим стилем. Он воспользовался краденым внедорожником марки «ниссан» для того, чтобы протаранить стальные ставни аптеки. Его сестра выздоровела от туберкулеза. Похищенные антибиотики спасли ей жизнь. Он сделал то, что не стал, чего не смог сделать его отец. Шив показал всем, чего может добиться настоящий решительный мужчина. И он ведь не взял ни пайса из аптечной кассы. Раджа берет только то, что ему нужно. Тогда ему было всего двенадцать. На два года моложе своего «лейтенанта» Йогендры, Шив всегда шел вперед, не заботясь о возможностях отступления, и никогда не маневрировал. Точно так же он поступит и сейчас. Единственно правильное решение само придет к нему. И он примет его. Есть только одно, чего Шив не станет делать никогда: отступать. Бегство исключается. Ведь Варанаси — его город.

Мадам Овариум с громким щелчком захлопывает портфель.

— Дайте-ка мне свою зажигалку. Хоть какая-то польза от вас...

Зажигалка у Шива старой американской модели. Она у него с того самого времени, когда войска США вошли в Пакистан. С тех дней, когда туда послали солдат, которые больше курили,

чем стреляли.

Мадам Овариум щелкает зажигалкой. Бумаги вспыхивают и почти мгновенно сгорают.

— С этим местом покончено, — говорит она. — Спасибо за труды. Желаю вам всего хорошего, но только не пытайтесь со мной связаться. Ни при каких обстоятельствах. Больше мы никогда не встретимся, поэтому в нынешней жизни прощайте навеки.

Вернувшись в машину, Шив включает радио. Опять какая-то ди-джейская тарабарщина. Как будто единственный способ доказать, что ты реальный, а не сарисинский ди-джей, заключается в том, чтобы целыми днями нести немыслимую чушь. Подобно Гангу — непрерывный поток дерьма. Ты ди-джей — так играй музыку. Люди хотят слушать твою музыку, она помогает им забыть о проблемах, почувствовать себя лучше. Может быть, они даже немного поплачут.

Шив наклоняется к окну. В слабом мерцании приборного щитка он видит отражение своего лица на фоне человеческих толп на улице. У него возникает странное ощущение, что каждый из этих людей отнимает частицу его собственной души.

Гребаная трескотня.

— Куда ты везешь меня, парень?

— Сегодня ведь бои.

Он прав. По сути, ему больше некуда ехать. Но Шиву не нравится, что сидящий рядом с ним человек находится так близко, не нравится, что он внимательно смотрит, наблюдает за ним, делает выводы.

Бой! Бой!.. — звучит у него в мозгу.

Шив поднимается по узким ступенькам, поправляет манжеты на рукавах, и запах крови, денег и сырой древесины бьет ему под дых. Он любит это место больше всего на свете.

Шив внимательно рассматривает клиентов. Несколько новых лиц. Вон та девица, вверху, у балконной перекладины, с персидским носом, пытающаяся выглядеть такой крутой... Она встречается взглядом с Шивом. Не отводит глаза, а пристально смотрит на него.

Нет, не сегодня. Как-нибудь в другой раз.

Объявляется следующий раунд, и Шив идет к столу букмекера. Где-то там, на Сонарпур-роуд, пожарные машины спешат тушить пожар, вспыхнувший в ресторане — он начался в шкафу, где хранили документы. А тем временем нечто, обладающее анатомией десятилетнего мальчишки и аппетитами взрослого мужчины, запускает свою

короткопалую ручонку к священной йони его девушки. И женщина, погибшая без всякого прока, уносится течением Ганга в мокшу... но здесь, рядом с Шивом, люди, движение, свет, смерть, страх, шанс победить — и девушка, носящая по арене великолепного серебристого боевого кота.

Шив извлекает из нагрудного кармана бумажник крокодиловой кожи, разворачивает веером пачку купюр и выкладывает деньги на стол. Синий цвет. Перед его глазами все еще стоит синяя дымка.

— Один пакх рупий, — произносит Бачхан. Больше ставить нельзя.

Помощник Бачхана пересчитывает банк и выписывает квитанцию. Шив занимает место у самой арены. Зазывала орет не своим голосом. Толпа рычит, вскакивает в едином порыве — и Шив вместе с ней.

...И вот он выплывает из густой темной синей пелены. Куски разорванного на части бойцового кота лежат на песке, а сто тысяч Шива уходят в кожаную сумку букмекера. Ему хочется смеяться. Он вдруг начинает понимать истину садху: настоящее счастье состоит в том, чтобы ничего не иметь.

В автомобиле Шив больше не может сдержи-

ваться и разражается смехом. Он снова и снова бьется головой в окно. Слезы текут по лицу. Проходит время, прежде чем к нему возвращается способность дышать полной грудью. И способность говорить.

— Вези меня к Мерфи, — приказывает Шив. Теперь им овладел зверский голод.

— На какие шиши?

— В «бардачке» есть мелочь.

Чайная аллея куполами зонтиков покрывает собственные испарения и миазмы. Эти приспособления не имеют никакого отношения к метеорологии. Мерфи заявляет, что зонтик защищает его от лунного света, каковой он считает пагубным и зловредным. Мерфи вообще любит делать заявления всякого рода, и первым из них является его имя. По его словам, он ирландец. Да, ирландец, «садху Патрик».

Чайная аллея разрослась благодаря людям, строившим Ранапур. Она верно служила им. За рядами маленьких кафешек, где подают горячую еду, лавок со специями, палаток торговцев фруктами традиционные чайные открывают деревянные ставни, расставляют на дороге жестяные столики и складные стулья. Заглушая мирное клокотание газовых горелок и вопли

радиоприемников, транслирующих индийские хиты, из сотен и сотен настенных телевизоров накатывается нескончаемый прибой телесериалов. Десять тысяч календарей с телебогинями свисают с разноцветных гвоздиков.

Шив высовывается из окна и отсчитывает мелочь в обезьянью лапку Мерфи.

— Дай ему несколько пицц.

На взгляд Шива это что-то вроде обезьяньего дерьма, но для Йогендры пицца — воплощение модной западной еды.

— Мерфи-джи, ты говоришь, что можешь сделать конфетку из всего, чего угодно. Попробуй-ка вот из этого.

Мерфи открывает крышку сосуда, отмахивается от испарений сухого льда и пытается угадать, что там внутри.

— Эй, а что там у тебя?

Шив без обиняков объясняет ему. Мерфи с гримасой омерзения отводит физиономию в сторону и сует сосуд обратно Шиву в руки.

— Нет уж, забирай. Думаю, вряд ли найдутся любители.

Вряд ли дело в кулинарных талантах Мерфи, но после второго проглоченного куска аппетит у Шива пропадает окончательно. Все присутству-

ющие смотрят в одну сторону. Куда-то вбок. Шив бросает газету, на которой лежит его пицца. И на нее тут же набрасываются бродячие собаки. Ему приходится отнимать у них Йогендрино дерьмо.

— Да брось ты это говно и вези меня куда-нибудь отсюда.

Йогендра изо всех сил нажимает на акселератор, выезжает на внезапно опустевшую улицу, и тут что-то опускается на крышу автомобиля с такой силой, что прижимает «мерседес» к земле. Противоударное устройство детонирует подобно гранате, затем следует голубоватая вспышка и начинает вонять перегоревшей проводкой. Автомобиль покачивается на трех оставшихся амортизаторах. Наверху что-то ворочается. Йогендра пытается завести мотор — безуспешно.

— Выходим! Быстро!.. — командует Шив, заметив клинок, вспоровший крышу машины.

Длинное, загнутое, как у ятагана, зазубренное, сверкающее, словно скальпель хирурга лезвие пронзает «мерседес» от крыши до передаточного вала.

Едва Шив с Йогендрой успевают выскочить на Чайную аллею, как страшный клинок разрезает, вскрывает и потрошит раздавленную сталь машины, словно жертвенного младенца.

Теперь Шив видит, что именно уничтожило его «мерседес», превратив шестьдесят миллионов рупий в гору немецкого металлолома. Хотя с этого мгновения Шив совершенно разорен, он, как и все вокруг, замирает на месте, буквально парализованный увиденным.

Ветровое стекло автомобиля разлетается вдребезги. Нижние лапы боевого робота хватаются за крышу машины и запросто срывают ее. Тупой фаллос электромагнитной пушки находит Шива среди стоящих на улице и берет его на прицел. Шив во все глаза смотрит на громадный клинок, который, закончив крошить то, что когда-то было «мерседесом» седьмой серии, принимает горизонтальное положение. Боевой робот поднимается на ноги и делает шаг по направлению к Шиву. На боку жуткого механизма видны серийный номер и маленькие звезды и полосы, но Шив понимает, что управляет роботом вовсе не белозубый американский юнец с реакциями мальчишки, выросшего на компьютерных играх и пропитанного метамфетаминами. Здесь не обошлось без какого-нибудь курильщика биди, совершающего над компьютерной клавиатурой киберпассы в смертоносном танце Кали. И Шив ему хорошо знаком.

Шив даже не пытается бежать. Эти штуки способны двигаться со скоростью сто километров в час, и уж если они почувствуют запах нужного ДНК, их без промаха разящий клинок пройдет любое препятствие, но до вожделенной мякоти вашего тела доберется.

Боевой робот встает на дыбы и нависает над Шивом. Уродливая маленькая головка богомола опускается, сенсорная оснастка вращается на шарнирах. Шив может расслабиться. Теперь начался просто спектакль для уличных ротозеев.

— Господин Фараджи. К вашему сведению, на данный момент все долги и налоговые претензии к господину Бачхану переводятся на Агентство Ахимсы.

— Бачхан запрашивает мой счет?! — кричит Шив, глядя на размазанные по тротуару и истекающие спиртовым топливом останки последнего, что связывало его с мечтой о богатстве.

— Верно, господин Фараджи, — говорит робот-убийца. — На вашем счету в «Тотализаторе Бачхана» на данный момент находится восемнадцать рупий. Вам дается одна неделя, начиная с сегодняшнего дня, на покрытие всех долгов. В противном случае будет начато дело о взыскании.

Чудовищный механизм поворачивается на задних лапах, убирает все лишние части и прыгает через хозяев чайных, через коров, проституток и зевак по направлению к перекрестку.

— Эй, ты!.. — кричит Шив ему вслед. — А что там за проблемы с моим счетом?

Он собирает черепки и осколки высокоточных немецких устройств и швыряет их вслед электронному мытарю.

11
Лиза, Лалл

— Итак, мисс Дурнау, это ваша лучшая идея, — сказал Томас Лалл, сидя за широким столом, на котором лежит папка с ее персональным делом. Через большое окно в венецианском стиле открывается вид на широкие просторы Канзаса в самый жаркий июнь столетия. — И где же вы были, когда она пришла вам в голову?..

Эта сцена всплывает в памяти Лизы, когда она находится на расстоянии двадцати двух часов полета от МКС и двадцати шести — от Дарнли-285. Лиза накачана медикаментами и буквально упакована в мешок, прикрепленный к внутренней стене отделяемого отсека. Она не должна мешать капитану Бет, у которой слегка заложило правую ноздрю — воздух у нее из носа вырывается с ритмическим посвистыванием. Во вселенной Лизы этот назойливый звук дыхания пилота постепенно становится самым существенным раздражителем.

Такого июня раньше не бывало. Об этом с уверенностью говорят сотрудники аэропорта,

девушка в агентстве проката автомобилей, мужчина из университетской охраны, у которого она спросила дорогу. Никаких сравнений с горячими водами у берегов Перу или с угасающей энергией Гольфстрима. Здесь климатологи вошли в ту зону неизвестности, в которой любые предсказания теряют смысл. Томас Лалл пролистал ее автобиографию, взглянул на первый лист личного дела. Когда же она показала ему первый слайд, Томас остановил Лизу сногсшибательным вопросом.

Лиза Дурнау до сих пор прекрасно помнит возмущение, которое мгновенно охватило ее. Пришлось положить ладони на бедра и крепко сжать их, чтобы хоть как-то успокоиться. Когда она отняла руки, то на брюках остались два потных отпечатка — словно талисманы от сглаза.

— Профессор Лалл, я стараюсь быть профессионалом. Как мне кажется, вы обязаны выслушать меня хотя бы из вежливости.

Вообще-то Лиза могла остаться в Оксфорде. Ей там очень нравилось. Карл Уокер все на свете отдал бы ради того, что бы удержать ее в Кебле. Из захолустья, где все еще преподавалось интеллектуальное проектирование, совершенно раздавленными возвращались и более блестящие докторанты, нежели она. Но если бы главный

центр по исследованию кибержизни располагался на холме в библейском поясе, Лиза Дурнау обязательно поехала бы и туда. Еще до развода родителей она отвергла христианскую вселенную, которой жил ее отец, но пресвитерианское упрямство прочно впечаталось в генетический код Лизы. И она ни при каких обстоятельствах не позволит этому мужчине поколебать ее уверенность в себе.

— Вы можете привлечь мое внимание прежде всего ответом на заданный вам вопрос, — ответил Томас. — Я хочу знать источник вашего вдохновения. Хочу представлять, как у вас развивается творческий процесс. Ощутить вместе с вами те мгновения, когда вдохновение освещает вашу личную вселенную, подобно яркой вспышке молнии. Мгновения, когда вы можете проработать семьдесят часов подряд на кофе и декседрине, потому что стоит лишь на секунду отвлечься — и все будет потеряно... Мгновения, когда идея вдруг материализуется из абсолютной доселе пустоты. Я хочу знать, как, когда и где она, эта идея, посетила вас. Наука — это творчество. Все остальное меня не интересует.

— Хорошо, я вам отвечу, — говорит Лиза Дурнау. — То, о чем вы спрашиваете, случилось в

женском туалете на вокзале Паддингтон в Лондоне, в Англии.

Профессор Томас Лалл расцветает улыбкой и откидывается на спинку кресла.

Группа когнитивной космологии встречалась два раза в месяц в кабинете Стивена Зангера в Империал-колледже в Лондоне. Участие в названных собраниях казалось Лизе Дурнау той важной целью, которой она должна была со временем достичь — наряду с такими задачами, как жизнь по средствам и рождение детей. Карл Уокер передавал ей отчеты о работе группы и резюме заседаний. В интеллектуальном смысле все, чем они занимались, было потрясающе интересно, и у Лизы не имелось ни малейшего сомнения в том, что участие в деятельности группы будет способствовать ее карьерному и научному росту.

Однако исследования базировались на квантово-информационных теориях, а мысли Лизы двигались в направлении топологических кривых. Затем в протоколах встреч наметился сдвиг в сторону рассуждений о возможности существования искусственного интеллекта в виде параллельной вселенной, введенной в компьютерный код. Это уже была ее область.

Целый месяц Лиза сопротивлялась, пока Карл

Уокер не пригласил ее как-то в пятницу на обед, который завершился в ямайском ресторане в полночь распитием «Гиннесса» и бесконечными медленными танцами. Два дня спустя она сидела в конференц-зале на пятом этаже, жевала круассаны с шоколадом и втихомолку посмеивалась над высказываниями ведущих ученых страны относительно места интеллекта в структуре вселенной.

Но вот кофейные чашки наполнены заново, и обсуждение началось. Лиза с трудом поспевала за дискуссией, развивавшейся с невероятной скоростью. Протоколы не давали даже отдаленного представления о ее широте и разнообразии. Лиза чувствовала себя неповоротливым толстяком в баскетбольной команде, который постоянно теряет мяч. К тому моменту, когда ей удалось получить слово и высказать свое мнение, она уже не могла сказать ничего нового.

Солнце поднималось все выше над Гайд-парком, и Лиза Дурнау почувствовала, как постепенно ее охватывает отчаяние. Коллеги мыслили ярко, блестяще, быстро, но почти все в их рассуждениях было ложно, ложно, ложно, а ей не удавалось и слова вставить, чтобы поправить их. Дискутирующим уже начинала надоедать тема

беседы. Они из нее все выжали и теперь собирались двигаться в другом направлении. А это значило, что Лиза может потерять самое важное для себя. Ей просто необходимо было высказаться — и прямо сейчас.

Правая рука Лизы лежала на широком дубовом столе. Она медленно подняла ее. Взгляды присутствующих невольно устремились на девушку. Внезапно воцарилось странное напряженное молчание.

— Извините меня, — произнесла Лиза Дурнау. — Позвольте вставить словечко? По-моему, вы все глубоко заблуждаетесь.

Вслед за этим она высказала идею о том, что жизнь и разум возникли из неких фундаментальных принципов вселенной — так же, как физические силы и материя. Что Кибер-Земля представляет собой модель иной вселенной, которая может существовать в пространстве поливерсума, то есть вселенной, где разум является не случайно возникающим феноменом, а фундаментальной составляющей, как константа тонкой структуры, как омега, как размерность пространства. Вселенная, которая мыслит. Как Бог, добавила Лиза.

Когда она произнесла эти слова, то тут же

узрела массу прорех и натяжек в собственных аргументах и поняла, что все сидящие за столом тоже их заметили. Она слышала свой задиристый голос, такой наглый, такой уверенный...

Закончила же Лиза жалким извиняющимся бормотанием.

— Спасибо за интересные замечания, — сказал Стивен Зангер. — В вашем выступлении было много полезных мыслей...

Ему даже не дали закончить предложение. Первым с места вскочил Крис Драпье из кембриджского отдела искусственного интеллекта третьего уровня. Он был самым грубым, самым громогласным и придирчивым из присутствующих: кроме того, Лиза уже успела заметить, что он с особым интересом оценивал ее задницу в очереди за кофе. Нет никаких причин для привлечения deus ex machina* [бог из машины *(лат.)*] там, где квантовые расчеты все уже давно расставили по местам. Это витализм... нет, хуже — мистика!.. Следующей выступала Викки Макэндрюс из Империал-колледжа. Она зацепила одну из слишком явно выбивавшихся нитей в логических построениях Лизы, потянула за нее, и вся конструкция развалилась. У Лизы нет ни топологической модели ее мира, ни даже меха-

низма описания мыслящей вселенной. Все плохо и никуда не годится...

Единственное, что Лиза слышала, — непрекращающееся жалобное подвывание, которое раздается в голове в те мгновения, когда так хочется расплакаться.

Девушка сидела среди пустых кофейных чашек и крошек от круассанов, совершенно уничтоженная. Она ничего не знает. Она совершенно бездарна. Она вела себя нагло, вызывающе и глупо тогда, когда любой здравомыслящий аспирант сидел бы тихо, внимательно слушал, подобострастно кивая, а при необходимости наполнял чашки мэтров свежим кофе и разносил пирожные. Ее звезда закатилась.

Стивен Зангер попытался было сказать несколько утешительных слов, но Лиза уже не слышала его, ибо была полностью и окончательно раздавлена. Девушка горько рыдала, пока шла по Гайд-парку и затем по Бейсуотер до вокзала Паддингтон. В привокзальном ресторане опорожнила половину бутылки десертного вина, так как из всего того, что предлагалось в меню, именно оно, как ей показалось, способно было по-настоящему и достаточно быстро вернуть ее в нормальное состояние.

Лиза сидела за столом, дрожа от стыда, слез и мысли о том, что ее карьера закончена. Она не способна делать то, что они от нее требуют, она вообще не понимает, что они имеют в виду...

За десять минут до отхода поезда Лизе захотелось в туалет. Она сидела в кабинке, спустив джинсы до колен, и старалась всхлипывать как можно тише, ибо акустика лондонских вокзальных туалетов такова, что любой звук разносится вокруг с удесятеренной силой.

И тут Лиза увидела это. Девушка не могла конкретно сказать, что именно она увидела, глядя на дверцу кабинки, так как это не имело ни формы, ни очертаний, не выражалось ни в словах, ни в теоремах. Но оно было, оно реально существовало — в своей абсолютной полноте и невыразимой красоте. И еще — простота, невероятная простота.

Лиза Дурнау выбежала из кабинки, бросилась к киоску с канцелярскими принадлежностями, купила блокнот и большой маркер. Потом побежала к поезду. Но тот уже ушел. Пронесся мимо нее, будто молния. Впрочем, теперь девушка по крайней мере знала, что именно следует делать. Всхлипывая, она опустилась на платформу и дрожащей рукой попыталась записать то, что

явилось ей, в виде уравнений. Идеи лились потоком. Люди обходили Лизу, не обращая никакого внимания на происходящее. Все в порядке, хотелось ей сказать им. Все в абсолютном порядке.

Теория «М-звезды». Она была перед ней во всей своей полноте. Как она могла не открыть ее раньше? Одиннадцать размерностей, сложенных в набор структур «Калаби-Яу», три из них расширены, одна подобна времени, семь свернуты...

Однако пробелы в структурах определяли энергетическую суть пространства. Таким образом, гармоники задавали в нем фундаментальные физические константы. Лизе оставалось лишь смоделировать Кибер-Землю как пространство «Калаба-Яу» и показать его эквивалентность физическим возможностям в теории «М-звезды». Все это входило в структуру. Перед ней была реальная вселенная, которая могла быть полностью выстроена на компьютере. Во вселенной Лизы разум являлся самой структурой реальности, а не хрупким образованием, заключенным в эволюционирующую углеродную оболочку, как на нашем крохотном шарике, в нашем уголке поливерсума. И ведь все просто... Так просто...

Всю дорогу до дома Лиза проплакала от счастья. Вспышки радости заставляли ее частенько

выбегать на улицу и блуждать по Оксфорду на протяжении всей недели, в течение ко торой она пыталась записать свои мысли. Все здания, улицы, магазины и люди, мимо которых проходила Лиза, наполняли ее головокружительным восторгом перед бытием и человечеством. Она была влюблена во всех и вся.

Стивен Зангер листал ее записи, и с каждой страницей его улыбка становилась все шире. Наконец он произнес:

— Хорошо же ты их отделала, этих придурков!..

И теперь, сидя в кабинете Томаса Лалла, Лиза Дурнау все еще ощущала эмоциональные отблески той давней вспышки радости, похожие на микроволновое эхо пламени Большого Взрыва.

Лалл развернул кресло и наклонился к ней.

— Что ж, ладно, — сказал он. — Но я хочу, чтобы вы имели в виду две вещи относительно здешних мест. Климат тут омерзительный, зато люди очень дружелюбны. Будьте с ними повежливей. Они могут вам пригодиться.

Чтобы немного поразвлечь Томаса Лалла, доктор Дариус Готце запасся записью английской классической комедии «Снова тот человек». Она лежит в багажнике трехколесника, на котором

теперь не без труда преодолевает песчаные колеи Теккади.

Дариус предвкушает, как сейчас загрузит файл в компьютер профессора Лалла — и звучный голос запоет песню-заставку к пьесе. «Этой записи уже сто пять лет! — скажет он. — Вот что слушали в подземке, когда немецкие бомбы падали на Лондон».

Доктор Готце коллекционирует старинные радиопрограммы. Он частенько заходит на завтрак к Томасу Лаллу на его лодку, и они сидят под пальмовым навесом, попивая чай и слушая такой чуждый им юмор тараторящих болванов из гиперреальной комедии Криса Морриса. Готце питает особую слабость к радио Би-би-си. Он вдовец, бывший педиатр — и в глубине души классический британец. Доктор очень жалеет, что Томас Лалл не разделяет его любви к крикету. В противном случае можно было бы подробно разобрать с ним комментарии к тесту Ричи Бено.

Доктор едет по тропе, что проложена рядом с заводью, распугивая кур и отмахиваясь от обнаглевших собак. Не тормозя, поворачивает старенький красный трехколесник на переходные мостки — и дальше к длинной, крытой листьями и циновками лодке. Данный маневр

он проделывал уже много раз. И еще ни разу не свалился в воду.

На крыше лодки Томас Лалл начертал тантрические символы, а на корпусе — ее название: «Salve Vagina»* [«Спаси, влагалище» *(лат.)*]. Местные христиане воспринимают это как грубое оскорбление в свой адрес. К Лаллу даже приходил священник и намекал на недопустимость подобного. На это Томас возразил, что примет от него (священника) критику и упреки в свой (Томаса Лалла) адрес только в том случае, если они будут высказаны на той же латыни, на какой написано название его лодки...

Небольшая спутниковая тарелка прикреплена к самой высокой точке на покатой крыше. На корме урчит спиртовой генератор.

— Профессор Лалл, профессор Лалл!.. — зовет доктор Готце, заглядывая под низкий навес и высоко подняв плеер. Как обычно, от плавучего дома за версту несет ладаном, спиртом и остатками трапезы. Звучит квинтет Шуберта, самая середина. — Профессор Лалл?..

Доктор Готце находит Томаса в маленькой чистенькой спальне, напоминающей деревянную скорлупу. Рубашки, шорты, носки Лалла разложены на белоснежной простыне. Лалл

также обладает умением идеально складывать футболки. Сказывается жизнь, проведенная на чемоданах.

— Что случилось? — спрашивает доктор.

— Настала пора отправляться в путь, — отвечает Томас Лалл.

— Какая-нибудь женщина? — осведомляется Готце. Сексуальные аппетиты и успех Томаса Лалла у девиц с пляжа всегда ставили доктора в тупик. В таком возрасте мужчины должны быть более сдержанными: подобные интрижки выглядят предосудительно.

— Можно и так сказать. Я встретил ее вчера вечером в клубе. У нее был приступ астмы. Я ее спас. Всегда находится какой-нибудь умник, пытающийся подогреть коронарные артерии с помощью сальбутамола. Я предложил научить ее нескольким приемам по методике Бутейко, а она сказала: «Увидимся завтра, профессор Лалл». Ей было известно мое имя, Дариус. Значит, пора уплывать отсюда.

Когда доктор Готце познакомился с Томасом Лаллом, последний работал в антикварном магазине, где продавали старые записи, — обычный пляжный бездельник среди древних компактов и винилов. Готце был пенсионером, незадолго до

того овдовел и находил утешение в собирании древностей всякого рода. В этом сардоническом американце он обнаружил родственную душу. Они проводили целые часы за беседой, обменивались записями. Но прошло не меньше трех месяцев, прежде чем доктор решился в первый раз пригласить мужчину из лавки аудиозаписей к себе на чашку чая.

Во время пятого визита на дневной чай, плавно перешедший в вечерний джин, сопровождавшийся созерцанием потрясающего заката на фоне пальм, Томас Лалл сообщил Готце свое настоящее имя и род занятий. Поначалу доктора охватило чувство брезгливости: он подумал, что этот человек попросту патологический лжец. Затем место брезгливости заняло ощущение ненужной нравственной обузы: он совсем не хотел становиться восприемником духовных плодов ненависти этого человека к миру. В конце концов Готце почувствовал себя в некотором смысле избранником судьбы, обладателем секрета международного масштаба, за раскрытие которого новостные студии заплатили бы миллионы. Он ощутил настоящую гордость. А потом подумал, что и сам искал в Томасе Лалле того, кому можно было бы довериться и излить душу.

Доктор Готце опускает плеер в карман пиджака. Никаких старых записей сегодня. Да и вообще — наверное, больше никогда. Томас Лалл берет томик Блейка в твердой обложке, который лежит у него рядом с постелью везде, где бы он ни ночевал. Держит книгу в руке, будто оценивая ее тяжесть, а затем кладет в сумку.

— Заходите, у меня сейчас сварится кофе.

Задняя часть лодки выходит на импровизированную веранду с крышей из вездесущих пальмовых листьев. Доктор Готце молча ждет, пока Томас Лалл нальет две чашки кофе, который он вообще-то не очень любит, и следует за ним к двум уже ставшим такими привычными местам. В воде, которая градуса на три холоднее и чуть-чуть светлее, нежели кофе, плещется детвора.

— Итак, — говорит доктор Готце, — куда же вы направитесь?

— На юг, — отвечает Томас Лалл.

Собственно, до этого момента он по-настоящему не задумывался о направлении своих дальнейших странствий.

С того мгновения, когда Лалл впервые причалил у берега здешней заводи, он дал понять себе и окружающим, что здесь пробудет недолго: как только ветер переменится, сразу полетит дальше.

Ветер дул, пальмы раскачивались под его порывами, облака проносились по небу, не проливая ни капли дождя, а Томас оставался на месте. Ему пришлась по вкусу более или менее оседлая жизнь в лодке, ощущение безответственного бытия человека без каких-либо привязанностей в мире, чувство настоящей свободы...

Но той девице каким-то образом стало известно его имя.

— Может быть, в Шри-Ланку...

— Остров демонов, — замечает доктор Готце.

— Остров пляжных баров, — говорит Томас Лалл.

Звучит Шуберт. Детвора в воде плещется и ныряет: маленькие улыбающиеся лица усыпаны блестящими капельками воды. Но мысль об отъезде уже засела в голове Томаса Лала и теперь не даст ему покоя.

— Возможно, я даже доплыву до Малайзии или Индонезии. Там есть такие острова, где моего лица наверняка никто не знает. Открою маленькую секцию по прыжкам в воду. Да-а. Думаю, что у меня это получится... Черт. В общем, не знаю...

Он круто поворачивается. Доктор Готце тоже что-то по чувствовал. Жизнь на воде формирует в человеке чувствительность к колебаниям не

худшую, чем у акулы. «Salve Vagina» едва заметно покачивается — кто-то идет по мосткам. Взошел на борт его лодки.

— Эй? Не темновато вам здесь? — Аж заглядывает под на вес. На ней то же свободное платье серого цвета, что и накануне вечером. При дневном свете ее тилак еще больше бросается в глаза. — О, извините, у вас доктор Готце. Наверное, мне лучше зайти позже...

«Наверное», — повторяет про себя Томас Лалл. Боги дали тебе этот единственный шанс, прогони ее, исчезни сам и больше никогда не оглядывайся... Но она знала, как его зовут, еще до их встречи, а теперь оказывается, что ей известно и имя доктора. Нет, Томасу Лаллу никогда не удастся выбраться из лабиринта загадок.

— Нет-нет, оставайтесь, выпейте кофе.

Аж принадлежит к типу тех людей, у которых улыбка полностью преображает лицо. Она хлопает в ладоши, по-детски обрадовавшись.

— С большим удовольствием, спасибо.

Он пропал...

На часах появляется цифра «тридцать», и Лиза Дурнау выплывает из глубин воспоминаний. Пространство, решает она, существует лишь для находящихся под кайфом.

— Эй, — хрипло кричит Лиза. — Вода тут есть?

Она чувствует, как затекли все ее мышцы.

— Трубка справа от вас, — отвечает капитан Бет, не поворачивая головы.

Лиза вытягивает шею, чтобы высосать из трубки немного теплой и затхлой дистиллированной воды. Дружки женщины-пилота в заднем отсеке станции весело болтают о чем-то, флиртуя с командиром. Лиза не может не задаться вопросом, а доходит ли у них когда-нибудь до чего-то серьезного? Или же они настолько ослаблены длительным пребыванием в космосе, что едва начнут трахаться, как сразу рассыплются на мелкие кусочки?

Внезапно еще одно воспоминание захватывает Лизу.

Она снова в Оксфорде, на пробежке. Как любила Лиза бегать по этому городу! Как щедр Оксфорд на удобные дорожки и зеленые лужайки!.. И студенты там издавна по-настоящему любят спорт.

Она бежит по своему старому маршруту, вдоль канала, через полянки Крайст-чёрч, по Биар-лейн, а затем, прокладывая дорогу среди прохожих, к воротам церкви Всех Душ, а оттуда — на Паркс-роуд. Этот путь очень нравился Лизе, она чувствовала себя здесь уверенно. Ступни

касались знакомой, приятной земли. Сегодня она повернула мимо заднего фасада Мертона через Ботанический сад к колледжу Магдалены, где должна была проходить конференция.

В Оксфорде очень хорошо летом. Студенты группками расселись на траве. Глухой стук мяча и крики — играют в европейский футбол, — звуки, которых ей так не хватало в Америке. Лизе также очень недоставало света, того особого английского золотистого света, который заполняет окружающий мир, когда день начинает клониться к вечеру, обещая восхитительную ночь.

На тот вечер у нее был запланирован душ после пробежки, быстрый просмотр отчета о совершенно непредвиденном массовом вымирании морских обитателей на Альтерре, а затем обед в столовой университета — вполне официальное мероприятие с фраками и смокингами, завершавшее конференцию. Ах, насколько приятнее находиться здесь, на многолюдной улице, залитой нежным золотистым предвечерним светом, мягким прикосновением скользящим по вашим обнаженным рукам...

В комнате ее ждал Лалл.

— Рад вас видеть, Лиза Дурнау, — сказал он. — Рад вас видеть в этих нелепых облегающих

шортах и в такой маленькой-маленькой маечке.

Лалл сделал шаг к ней.

— А сейчас я сам сниму с вас ваши глупые маленькие шортики.

Обеими руками он рванул вниз шорты и трусики. Лиза Дурнау вскрикнула. Одним движением она скинула с себя спортивную майку, сбросила кроссовки и прыгнула на Лалла, обвив его ногами. Так, прижавшись друг к другу, они направились в ванную.

Пока Томас сдирал с себя одежду, проклиная слишком узкие носки, Лиза открыла душ. Он неуклюже последовал за ней под горячую струю, прижал к кафелю стены. Лиза, работая бедрами, вновь обхватила Томаса ногами, попыталась направить его член себе во влагалище. Лалл отступил, нежно отстранив ее. Лиза опрокинулась навзничь, оперлась на руки и застыла, крепко обхватив ногами Томаса. Он наклонился вперед, вошел в нее языком. Почти захлебываясь в потоке воды и почти теряя сознание от наслаждения, Лиза хотела закричать, но сумела побороть это желание. И от того, что ей удалось сдержаться, она получила еще большее наслаждение.

Девушка задыхалась, тонула в горячем потоке, в висках нестерпимо стучала кровь... Затем Лиза

снова крепко сжала Лалла бедрами: он взял ее на руки, мокрую, скользкую, швырнул на постель — и трахал, трахал, трахал под вечерний звон оксфордских колоколов...

В университетском банкетном зале она сидела рядом с аспирантом из Дании, у которого глаза горели от счастья: ведь он получил возможность побеседовать с самой создательницей проекта «Альтерра». Сидя во главе стола, Томас Лалл обсуждал проблемы социал-дарвинизма и генной инженерии с самим Мастером. Лиза лишь однажды бросила взгляд в его сторону, услышав слова: «Уничтожьте брахманов сейчас, пока их не так уж и много». Таковы правила. Интрижка может завязаться на одной конференции, получить развитие на второй и достичь кульминации на третьей. Когда же настанет время для ее неизбежного завершения, то условия расставания будут оговорены в промежутке между обсуждением двух научных проблем.

Но до той поры секс был восхитителен.

Лиза Дурнау всегда воспринимала секс как вполне приемлемую часть жизни других людей, но в свой жизненный сценарий она его не включала. Она могла превосходно про жить и без этого. И вдруг с самым неожиданным человеком

Лиза нашла наслаждение в чувственной любви, которое к тому же подкреплялось и ее природной склонностью к спорту.

Девушке встретился партнер, который любил ее потную, только что прибежавшую с тренировки... Ему нравилось делать это al fresco* [на открытом воздухе *(ит.)*] и al dente** [зубами *(ит.)*], сдабривая тем, что она хранила в глубинах либидо на протяжении почти двадцати лет. Вряд ли кто-то мог предположить, что спортивная дочурка пастора Дурнау будет заниматься такими вещами, как игры в изнасилование и тантрический секс.

В то время конфидентом Лизы была ее сестра Клер, жившая в Санта-Барбаре. Они проводили вечера у телефона, в подробностях пересказывая все непристойные моменты, грубо и вульгарно хохоча... Женатый человек. Ее босс. Мнение Клер сводилось к тому, что Лиза смогла реализовать самые сокровенные фантазии только по той причине, что ее отношения с Лаллом были аморальны и покрыты такой тайной.

Все началось в Париже в зале ожидания в аэропорту Шар ля де Голля. Вылет в О'Хара задерживался. Какая-то ошибка в авиадиспетчерских системах в Брюсселе ввергла в полный хаос

работу всех аэропортов вплоть до Восточного побережья США. Рейс BAA142 откладывался уже в течение целых четырех часов. Предшествующая неделя оказалась для Лизы и Лалла особенно изнурительной, так как им в столкновении с группой французских неореалистов пришлось яростно отстаивать мысль Лалла по поводу того, что термины «реальное» и «виртуальное» суть совершенно бессмысленные слова. К моменту приезда на аэродром Лизе хотелось только одного: как можно скорее добраться до своей веранды и проверить, исправно ли господин Чекнаворян, сосед девушки, поливал ее цветы.

На табло появилось сообщение, что вылет снова откладывается — на шесть часов. Лиза застонала. Она уже сообщила о своем прибытии по электронной почте. Скорректировала счета. Просмотрела «Альтерру», которая в данный момент переживала относительно спокойную фазу в своем развитии между двумя бурными вспышками эволюции. Было три часа утра, и от усталости, скуки и досады, из-за которых Лизе казалось, что преддверие ада временно перенесли в зал ожидания парижского аэропорта, она опустила голову на плечо Томасу Лаллу. И очень скоро почувствовала, как он тоже придвинулся к

ней. Еще мгновение — и они целовались. За этим последовало быстрое перемещение в сторону душевой аэропорта; служитель, протягивающий им два полотенца со словами: «Vive le sport! »

Ей всегда было приятно общество Лалла: он являлся великолепным рассказчиком, обладал блестящим чувством юмора. Кроме того, у них имелось много общего во взглядах на жизнь. А еще — любимые фильмы и книги. Даже еда. Легендарные мексиканские пятничные ленчи... Все это, казалось, было бесконечно далеко от того чернушного траханья, которое они устроили на влажном кафеле душевой четвертого авиатерминала.

Впрочем, подумала Лиза, быть может, и не так уж далеко. Где же еще начинается любовь, как не за соседней дверью? Ты влюбляешься в то, что видишь каждый день. В парня, который живет по соседству. В коллегу, сидящего рядом. В друга противоположного пола, который понимает тебя лучше всех остальных...

Лиза знала, что в ней всегда жило какое-то чувство к Томасу Лаллу. Она просто не могла подыскать ему название — или как-то реализовать его до того момента, когда усталость, нервное напряжение и депрессия ослабили ее

самоконтроль.

У Лалла было много женщин до нее. Он помнил всех их по именам. Томас рассказал Лизе о них. Среди его возлюбленных никогда не было студенток: жену Лалла слишком хорошо знали и уважали в университете. Обычно он начинал интрижки во время конференций, и связь длилась всего одну ночь в промежутке между двумя днями работы научного форума. Однажды он завязал отношения по электронной почте с писательницей из Сосалито... Слушая все это, Лиза думала, что и она всего лишь очередная зарубка на столбике его кровати. Где и как закончится их роман, девушка, конечно, не знала. Но пока они продолжали страстно любить друг друга. В основном это происходило в различных душевых.

После обеда и приема с коктейлями Томас и Лиза вырвались из бесконечного круга ученой болтовни и направились к Черуэлл-Бриджес, в более дешевый район. Здесь располагались студенческие бары, еще не ставшие жертвой корпоратизации. Одна выпитая пинта легко переходила в две, а затем и в три. Здесь им предложили по шесть гостевых бокалов каждому.

Где-то на четвертой пинте он остановился и сказал:

— Лиза Дурнау. — С первого мгновения их отношений она полюбила звук своего имени в его устах. — Если что-то случится со мной — не знаю, правда, что люди имеют в виду, произнося эту фразу, — так вот если что-то случится со мной, ты обещаешь позаботиться об «Альтерре»?

— Боже, Лалл! — Теперь она произносит его имя. Лалл и Эл. Дурнау. Слишком много звука «л». — Что должно случиться? Ты... ты... у тебя не?..

— Нет-нет. Просто, когда думаешь о будущем, возникает некая неуверенность. Я знаю, что могу полностью довериться тебе в том, что ты не бросишь «Альтерру». И в том, что ты помешаешь им присобачивать долбаные «кока-кольные» баннеры на облака...

Когда они возвращались в кампус по теплой и шумной ночи, Лиза сказала:

— Конечно же, я позабочусь... Если ты сможешь уладить дело с факультетом, я позабочусь об «Альтерре».

Два дня спустя они прилетели в Канзас-Сити на последнем ночном самолете: за ними сразу же закрыли здание аэропорта. Лиза до такой степени устала, что не заснуть в машине ей удалось только из-за нарушения суточного ритма. Она высадила Томаса Лалла на его огромной зеленой

лужайке у дома на окраине.

— Пока, — прошептала Лиза.

Она была не слишком сентиментальной, чтобы ожидать от Томаса прощального поцелуя.

К тому времени, когда девушка поднялась по ступенькам веранды, открыла дверь-ширму, бросила дорожную сумку в прихожей, она почувствовала, как накопившаяся за несколько часов усталость буквально разрывает ее тело на части. Лиза направилась к своей большой постели.

Раздался сигнал наладонника. Поначалу она не хотела отвечать.

Лалл...

— Ты не могла бы приехать? Что-то случилось...

У него никогда раньше не было такого голоса. Испуганная, полная дурных предчувствий Лиза вела машину по тусклым предрассветным кварталам. На каждом перекрестке воображение задавало новый темп ее предчувствиям и страхам, но за всем стояло самое ужасное — их раскрыли.

В доме Лалла во всех комнатах горел свет, а двери были распахнуты настежь.

— Где ты? — громко спросила Лиза.

— Здесь...

Томас сидел на старом раскладном диване, который Лиза помнила по факультетским вечеринкам и по воскресным вылазкам за город. Диван и два книжных шкафа — вот и вся мебель, оставшаяся в комнате. Остальное вынесено. Крюки от картин на стенах смотрелись как висячие испанские вопросительные знаки.

— Нет даже кошек, — сказал Томас. — Даже самой распоследней игрушечной мышки. Ты можешь в это поверить? Игрушечной мыши... Можешь, если пожелаешь, осмотреть кабинет. Там она основательно поработала. Все книжки перебрала, все диски и папки. Мне кажется, я не столько жалею об уходе жены, сколько о потере коллекции записей итальянской оперы.

— Так ты считаешь, что потерял жену?

— А как иначе можно истолковать то, что сейчас видишь? Я вошел в дом и увидел этот разгром. Вот. — Томас протянул Лизе клочок бумаги. — Обычная ерунда: «Извини, не могла поступить иначе. Не пытайся найти меня». Знаешь, у нее хватило сообразительности удрать самой и вывезти практически все, не предупредив меня ни единым словом. А ведь раньше, когда нужно было прощаться, она могла чуть ли не пересказать пособие по этикету. Она такая... Такая...

Лалл дрожал.

— Томас. Пойдем, тебе нельзя здесь оставаться. Пойдем ко мне.

Он поднял на нее удивленный взгляд, затем кивнул.

— Да... спасибо... да.

Лиза подняла его дорожную сумку и пошла к машине. Внезапно Лалл показался ей очень старым и неуверенным в себе.

У себя дома она сделала ему горячего чаю, который Томас пил, пока она стелила ему отдельную постель, понимая, что сегодняшнюю ночь они должны провести порознь.

— Ты не против? — спросил Лалл. — Можно мне лечь с тобой? Я не хочу оставаться один...

Он лежал, повернувшись спиной к Лизе, как-то сжавшись, весь во власти мыслей. Яркие, отчетливые воспоминания о разграбленной комнате, о Лалле, униженном и жалком, который сидел на большом диване, словно наказанный мальчишка, не давали Лизе уснуть. Она немного забылась только тогда, когда тусклый сероватый предутренний свет заполнил ее большую спальню.

Пять дней спустя, после того, как все, выразив Томасу со чувствие, сказали, какая же сволочь его жена и как хорошо ему будет без нее, потому что

все пройдет, он снова будет счастлив, ведь рядом работа, друзья и прочее, Томас Лалл покинул реальный и виртуальный миры, не сказав никому ни слова, никого не предупредив.

Лиза Дурнау больше никогда его не видела.

— Простите, но данный способ лечения астмы кажется мне, мягко говоря, несколько необычным, — говорит доктор Готце.

Лицо Аж покраснело, глаза навыкате, пальцы дрожат. Создается впечатление, что ее тилак пульсирует.

— Еще две секунды, — говорит Томас Лалл. — Хорошо, теперь можете вдохнуть.

Аж открывает рот и судорожно, с наслаждением вдыхает воздух.

Томас Лалл быстро закрывает ей рот рукой.

— Через нос. Всегда только через нос. Помните, нос — для дыхания, рот — для беседы.

Он отнимает руку и наблюдает, как медленно вздымается ее маленький округлый живот.

— А не проще было бы принять лекарство? — замечает доктор Готце.

Он осторожно сжимает обеими руками маленькую чашечку кофе.

— Главное преимущество данного метода, — возражает Томас, — именно в том и состоит, что

вам больше никогда не понадобится лекарство... И задержите дыхание.

Доктор Готце внимательно рассматривает Аж. Девушка вновь делает долгий выдох через нос и опять задерживает дыхание.

— Очень напоминает технику пранаямы...

— Эту методику изобрели русские в те времена, когда у них не было средств на покупку антиастматических препаратов... Хорошо, теперь выдох. — Лалл наблюдает за тем, как Аж выдыхает. — И снова задержите дыхание. Все на самом деле очень просто — если только смириться с тем, что прежние способы дыхания принципиально неверны и вредны. Доктор Бутейко считал кислород ядом. Из-за него мы начинаем ржаветь буквально с первого мгновения жизни. Астма не что иное, как реакция нашего организма, пытающегося прекратить поступление ядовитого газа. Несмотря ни на что, мы продолжаем разгуливать, словно наземные киты, с открытыми ртами, заглатывая огромное количество обжигающего легкие O2, и убеждать себя, что нам это очень полезно. Метод Бутейко направлен на выравнивание баланса O2 и CO2 в организме. Вы должны ограничить поступление кислорода, чтобы увеличить часть углекислого газа, чем как

раз и занимается сейчас Аж. Вдох.

Аж с побелевшим от усилий лицом запрокидывает голову назад, втягивает живот и делает вдох.

— Хорошо, дышите нормально, но через нос. Если вас вдруг охватит страх, проделайте пару раз упражнение с задержкой дыхания, но ни в коем случае не открывайте рта. Всегда дышите носом, только носом.

— Ваша методика представляется мне подозрительно простой, — замечает Готце.

— Лучшие идеи всегда очень просты, — возражает Томас Лалл.

Доктор Готце уезжает на велосипеде, а Лалл отправляется провожать Аж до отеля. Грузовики и микроавтобусы мчатся по прямой белой дороге, сигналя на все лады. Лалл взмахом руки приветствует знакомых водителей.

Ему не следовало идти с ней. Он должен был отослать девушку одну, помахав и улыбнувшись на прощание, а затем быстренько собрать вещи и бежать на автобусную станцию. Но вместо этого он почему-то говорит:

— Вам нужно появиться и завтра, еще на один сеанс. Необходимо время, чтобы полностью овладеть методикой.

— Думаю, мне не нужно приходить завтра, профессор Лалл.

— Почему?

— Вас здесь уже не будет. Я видела чемодан на кровати. Мне кажется, что вы сегодня уедете.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я нашла вас.

Лалл молчит. Ему хочется задать вопрос: «Вы что, умеете читать мои мысли? »

Моторное каноэ с аккуратно одетыми школьниками пересекает заводь и подходит к причалу.

— Мне кажется, вы хотите знать, каким образом мне уда лось вас найти.

— Уверены?

— Да, потому что было бы гораздо проще давно уехать. Но вы до сих пор здесь.

Девушка останавливается и следит за плавным полетом птицы с хищным взглядом и клювом, напоминающим кинжал. Пернатое проносится над пастельно-голубой церковью Святого Фомы и летит среди широких листьев пальм, стволы которых выкрашены в красный и белый цвета — это напоминание водителям о том, что прямо за деревьями начинается река.

— Птица-падди, индийская озерная цапля Ardeola greyii, — говорит Аж так, словно слышит

эти слова впервые. — Гм...

Она делает шаг вперед.

— Вы явно хотите, чтобы я задал вам вопрос, — говорит Томас Лалл.

— Если это вопрос, то ответ на него будет следующим: я видела вас. Я хотела вас отыскать, но не знала, где вы находитесь. Боги показали мне, что вы здесь, в Теккади.

— Я в Теккади, потому что не хочу, чтобы меня нашли — боги, люди, все равно...

— Я понимаю. Но мне нужно было вас найти не потому, что вы знаменитый профессор Лалл. Все дело в этой фотографии.

Девушка открывает наладонник. Солнечный свет очень ярок, поэтому картинку плохо видно. Фотография сделана в такой же погожий день, как и сегодня: трое европейцев стоят, прищурившись, у входа в храм Падманабхасвами в Тируванантапураме. Среди них худощавый мужчина с болезненно-желтоватым лицом — и женщина, явно уроженка южной Индии. Мужчина обнимает женщину за талию. Второй мужчина на снимке — Томас Лалл, с широкой американской улыбкой, в гавайской рубашке и жутких шортах. Лалл узнает фотографию.

Фото сделано семь лет назад, после конферен-

ции в Нью-Дели, когда он решил совершить месячное путешествие по независимым штатам незадолго до того распавшейся Индии, стране, которая всегда в одинаковой мере восхищала, ужасала и притягивала его. Контрасты Кералы заставили Лалла задержаться еще на неделю. Смесь ароматов пыли, мускуса, опаленных солнцем кокосовых циновок; древнее чувство превосходства над искореженным кастовой системой севером; темные, зловонные, хаотические боги с их кровавыми ритуалами; успешное, хотя и мучительное осознание той истины, что коммунизм есть идеология изобилия, а не скудости; и непрерывный мутноватый поток сокровищ и странников.

— Не стану отрицать, это я, — говорит Томас Лалл.

— А вот вторую пару вы узнаете?

Сердце Лалла сжимается.

— Какие-то туристы, — лжет он. — У них, наверное, осталась точно такая же фотография. А что?

— Мне кажется, это мои настоящие родители. И именно их я пытаюсь найти. Поэтому я просила богов указать мне дорогу к вам, профессор Лалл.

Лалл внезапно останавливается. Мимо них, в облаке дорожной пыли, исторгая слащавые звуки киномузыки Ченнаи, проносится грузовик,

украшенный изображениями Шивы, его супруги и сыновей.

— Каким образом к вам попала эта фотография?

— Ее прислала в мой восемнадцатый день рождения одна адвокатская контора из Варанаси в Бхарате.

— А ваши приемные родители?..

— Из Бангалора. Им известно о моих поисках. И они дали мне свое благословение. Они никогда не скрывали от меня, что я их приемная дочь.

— У вас есть еще какие-нибудь подобные фотографии?

Она находит в памяти палма еще одну фотографию. Девочка-подросток сидит на веранде, крепко обхватив руками плотно сжатые колени, словно намереваясь любой ценой защитить свою девственность. На девочке нет тилака Вишну. За спиной у нее стоят мужчина и женщина, по виду выходцы из южной Индии, лет около пятидесяти, одетые по-европейски. Они производят впечатление людей открытых, честных и вполне цивилизованных, которые никогда не станут мешать дочери в ее попытках отыскать свои корни.

Лалл касается палма и возвращается к фотогра-

фии с храмом.

— И вы утверждаете, что это ваши настоящие родители?

— Мне так кажется.

«Невероятно!» — хочет сказать Лалл. Но он молчит, и молчание еще больше стягивает его оковами лжи. Такова уж твоя судьба, Томас Лалл. Куда ни повернись, везде приходится лгать. Вся жизнь состоит из лжи.

— Я их не помню, — признается Аж. Ее голос звучит спокойно, без всяких эмоций, чем-то напоминая те цвета, которые она предпочитает в одежде. Таким голосом люди говорят о заполнении налоговой декларации. — Когда я получила фотографию, то совершенно ничего не почувствовала. Но все-таки одно воспоминание я сохранила. Оно такое давнее, что напоминает сон. Я помню скачущую галопом белую лошадь. Она подбегает ко мне и поднимает передние ноги вверх, словно танцует, специально для меня. О, я так хорошо это помню!.. Мне очень нравилась та лошадь. Видимо, поэтому только она и сохранилась у меня в памяти.

— А что, адвокаты не прислали никаких объяснений?

— Никаких. Я надеялась, что вы поможете мне.

Но, кажется, я ошиблась. Поэтому мне придется поехать в Варанаси и искать тех адвокатов.

— Я слышал, там начинается война.

Аж хмурится. На ее тилаке появляются морщинки. Томас Лалл чувствует, как все сжимается у него внутри.

— Я верю, что боги защитят меня от любой беды, — говорит девушка. — Они указали мне ваше местонахождение, они же направят меня по безопасному пути и в Варанаси.

— Какие у вас могущественные боги!.

— О да, профессор Лалл. До сих пор они ни разу меня не подводили. Боги подобны ауре вокруг всего, что меня окружает. Конечно, я очень долго не понимала, что далеко не все люди способны их видеть. Поначалу я думала, что дело в правилах хорошего тона, что не следует вслух говорить о многом из того, что ты видишь. И самой себе я казалась очень грубой и невоспитанной девчонкой. И только потом я поняла, что большинство людей вообще ничего не видят и не знают.

Словно семилетний несчастный малыш по имени Уильям Блейк, который обратил внимание, что на лондонском платане буквально кишат ангелы... И только заступничество матери предотвратило серьезную трепку, которую ему

собирался устроить отец. Нахальная самоуверенность и ложь. Прошла почти целая жизнь, и великий провидец, посмотрев на солнце, увидел бесчисленное множество Сил Небесных, поющих: «Свят, свят, свят, Господь Бог всемогущий... »

Томас Лалл в отличие от Уильяма Блейка каждое утро, прищурившись, всматривался в канзасское солнце, но не видел ничего, кроме ядерной топки и проблем, связанных с неопределенностью квантовой теории...

Лалл ощущает растущее напряжение в нижней части живота, но оно совсем не похоже на пробуждение древнего змия, предвкушающего сексуальные наслаждения, — ощущение, знакомое ему по интрижкам с загорелыми туристками. Это нечто принципиально иное. Какая-то зачарованность... и — страх.

— Вокруг всего, что вас окружает?..

Аж делает своеобразное движение — нечто среднее между европейским кивком и индийским покачиванием головой.

— В таком случае кто это такой?

Лалл указывает на палатку торговца пальмовым соком, где сидит господин Суппи и отгоняет мух мятым экземпляром «Тируванантапурам таймс».

— Сандип Суппи. Он торговец пальмовым соком и живет в доме 1128 по Дороге Народной Радости.

Томас Лалл чувствует, как сжимается от страха его мошонка.

— И вы никогда раньше не видели его?..

— Никогда. Я никогда не встречала и вашего друга доктора Готце.

Мимо проносится желто-зеленый автобус. Аж снова делает неопределенное движение головой и бросает хмурый взгляд на написанный от руки номер.

— Это автобус принадлежит Налакату Моханану, но ведет его кто-то другой. Срок эксплуатации машины давно вышел. Я бы никому не посоветовала ездить на ней...

— Да-а... — говорит Лалл.

Голова у него идет кругом, как будто Томас хватил лишнего «Непали», которым втихомолку приторговывает господин Суппи.

— Но я одного не могу никак взять в толк, как же получается, что ваши боги по одному взгляду на номер автобуса могут во всех подробностях расписать состояние тормозов, но совершенно не способны ничего сообщить о тех людях, которых вы считаете своими настоящими родителями?

— Я не вижу их, — отвечает Аж. — Они словно слепое пятно в поле моего зрения. Каждый раз, когда я смотрю на них, все покрывает тьма, и я ничего не вижу.

— Ага... — произносит Лалл. Волшебство всегда страшно, но «прореха» в волшебстве — это уж просто жутко. — Что вы хотите сказать? Вы их вообще не видите?

— Я вижу их как людей, но не вижу ауры, не могу получить никакой информации...

Поднимающийся ветер шевелит листья пальм и вносит еще большее замешательство в душу Лалла. Вокруг него собираются какие-то незримые силы, замыкая его внутри мандалы судеб и загадочных совпадений. Тебе надо бежать отсюда — и как можно скорее, парень. Не позволяй этой женщине втянуть тебя в паутину своих тайн. Ты солгал ей, но не можешь вынести того, что она говорит тебе правду.

— Я не сумею вам помочь, — говорит Томас Лалл.

Они стоят у ворот «Палм империал». Он слышит приятные ритмичные звуки — где-то играют в теннис. Шепот ветра в зарослях бамбука: сегодня снова будет сильный прибой. Томасу так не хочется покидать здешние места.

— Мне жаль, что вы приехали сюда напрасно.

Лалл оставляет девушку в вестибюле отеля. Дождавшись, пока она поднимется в номер, он просит Ахутанадана, менеджера отеля, предоставить ему сведения о ней.

Ажмер Рао. Валаханка-роуд, район Силвер-Оук, Раджан-кунте, Бангалор. Восемнадцать лет. Счета оплачивает «черной» карточкой промышленного банка Бхарата. Финансовое оружие слишком крупного калибра для девушки, работающей на сеть Бхати-клубов в Керале...

Банк Бхарата. Почему не Первый Карнатский или не Объединенный Южный банк? На первый взгляд очень маленькая загадка среди сонма сияющих божеств...

Томас пытается выследить их, возвращаясь домой по белой дороге, заметить краем глаза, узреть их молниеносный полет. Но деревья остаются всего лишь деревьями, грузовики непреклонны в стремлении быть только грузовиками, а озерная цапля горделиво расхаживает среди плавающей на поверхности воды кокосовой скорлупы.

Вернувшись на борт «Salve Vagina», Томас Лалл бросает стопку аккуратно сложенных рубашек поверх томика Блейка и закрывает сумку. Беги — и не оглядывайся назад. Оглянувшийся пре-

вращается в соляной столп.

Лалл оставляет записку и немного денег для доктора Готце, чтобы тот нашел какую-нибудь местную женщину и помог ей упаковать оставшиеся вещи в ящики. Когда Томас обоснуется на новом месте, он пришлет за ними.

Выйдя на дорогу, он ловит проезжающего мимо авторикшу, который довозит его до автобусной станции. Лалл сидит, крепко держась за саквояж. Автобусная станция — наиболее полное выражение широты индийской души. Старенькие «таты» используют широкий участок дороги для разворота и делают это, не обращая ни малейшего внимания на здания, пешеходов и другой транспорт. Аляповато разукрашенные автобусы неторопливо лавируют между будками механиков, киосками торговцев закусками и вездесущими продавцами пальмового сока. «Марути» с грохочущими вентиляторами и открытые пикапы «махиндра», на все лады вопя клаксонами, пробираются сквозь местную суету. В пяти автобусах оглушительно соревнуются между собой последние музыкальные хиты.

Автобус до Нагеркойла отправляется только через час, по этому Томас Лалл покупает себе пальмового сока, садится на корточки на грязную

маслянистую землю под зонтиком торговца и наблюдает, как водитель и кондуктор ругаются с пассажирами. Микроавтобус «Палм империал» подлетает с обычной для него головокружительной скоростью. Боковые двери распахиваются, и оттуда выходит Аж. У нее в руках маленькая серая сумка. Девушку сразу же окружают подростки, хватаются за багаж, предлагая свои услуги в качестве носильщиков.

Томас Лалл встает, выходит из-под широкого зонтика, подходит к Аж и берет сумку.

— Автобусы на Варанаси сюда, мадам.

Водитель сигналит. Последнее «прощай» югу. Последнее «прощай» спокойствию и мечте о плавательной секции. Томас Лалл ведет девушку сквозь толпу тощих мальчишек прямо к экспрессу на Тируванантапурам.

— Вы передумали?

— Прерогатива настоящего джентльмена. И мне всегда хотелось увидеть войну с близкого расстояния.

Он вспрыгивает на подножку, тянет за собой Аж. Они протискиваются по проходу, находят свободное место. Лалл усаживает девушку у оконной решетки. На лице Аж появляется тень в клеточку. Невыносимая духота. Водитель сигна-

лит в последний раз, и автобус отправляется.

— Профессор Лалл, я вас не понимаю.

По мере того как автобус набирает скорость, короткие волосы Аж начинает шевелить легкий ветерок.

— Я тоже себя не понимаю, — отвечает Томас, с отвращением оглядывая забитый до отказа салон. Рядом с ним беспокойно ерзает маленькая козочка. — Но знаю одно: как только акула перестает двигаться, она тонет. И может так случиться, что возникнет ситуация, в которой ваши боги не смогут вам помочь. Пошли.

— Куда вы? — спрашивает Аж.

— Я не собираюсь проводить пять часов в жуткой тесноте в такой день, как сегодня.

Лалл стучит по стеклянной перегородке, отделяющей кабину водителя от салона. Шофер сдвигает свой паан за левую щеку, кивает и останавливает автобус.

Томас Лалл взбирается по лесенке на крышу и протягивает руку Аж.

— Забрасывайте багаж сюда.

Аж толкает сумку. Двое мальчишек-носильщиков, сидящих на крыше, хватают ее и засовывают среди тюков ткани для сари. Придерживая одной рукой солнцезащитные очки, Аж взбирается

наверх и садится рядом с Лаллом.

— О, как здесь чудесно! — восклицает она. — Мне отсюда все видно!

Томас Лалл стучит по крыше:

— На север!

Автобус, исторгнув черное облачко мерзкого биодизельного выхлопа, отправляется дальше.

— Ну а теперь перейдем к следующей ступени нашего обучения по методу Бутейко...

Лиза Дурнау уже не помнит точно, сколько раз капитан Бет связывалась с ней, но салон модуля залит ярким светом, по коммуникационным каналам идут непрерывные переговоры, а в атмосфере чувствуется напряженное ощущение приближения чего-то очень важного.

— Мы на подходе?

— Да, проводится завершающая корректировка, — отвечает маленькая женщина с бритым черепом.

Лиза чувствует легкий толчок — «отрыжку» позиционных двигателей.

— Можно перевести информацию на мой хёк?

Она не желает пропустить ни одной подробности встречи человечества с настоящим, «сертифицированным» Загадочным Артефактом Инопланетян. Капитан Бет подвешивает

устройство у Лизы за ухом, находит на черепе зону наилучшего восприятия, затем прикасается к освещенной приборной панели.

Сознание Лизы вырывается в космическое пространство. У девушки возникает абсолютно реальное ощущение, что ее тело — это космический корабль, что она полностью перенеслась во вселенскую пустоту. Лиза парит, подобно ангелу, посреди медленного танца компонентов космической инженерии: ступенчатых крыльев мощных солнечных батарей, розетки пленочных зеркал, напоминающих ореол из миниатюрных солнц... Прямо у нее над головой — антенна широкого диапазона, а мимо проносится космический челнок. Вся сложная техническая структура, соединяемая кабельной паутиной с «пауком», находящимся в черной сердцевине — Дарнли-285, — купается в ослепительно ярком свете. Пыль, собиравшаяся на нем в течение миллионов лет, сделала его лишь чуть-чуть более светлым по сравнению с окружающей космической чернотой. Зеркала смещаются, и у Лизы перехватывает дыхание от великолепия серебристого света, отбрасываемого расходящимися лучами трилистника, расположившегося на поверхности астероида. Удивление уступает место смеху:

наверное, кто-то забросил логотип «Мерседеса» на этот блуждающий по просторам вселенной камень. Кто-то... Но кто? Не человек...

Трискелион* [Фигура, состоящая из трех изогнутых линий, лучей или других фигур, исходящих из единого центра] громаден: длина каждого луча метров двести. Вселенский вальс замедляется, как только капитан Бет приводит скорость вращения в соответствие со скоростью вращения астероида, а Лизе удается произвести психофизиологическую переориентировку. Чувство стремительного падения проходит. Астероид находится у нее под ногами, и девушка спокойно опускается на него.

На расстоянии полукилометра от поверхности Лиза видит пучки света, исходящие от базы землян. Купола и списанные баки покрыты толстым слоем пыли, притягиваемой статическим электричеством. И только внеземной трискелион источает яркое, ничем не замутненное сияние.

Челнок движется в красном свете навигационных маяков. Несколько роботов усердно работают манипуляторами, очищая лампы и лазерные линзы пускового устройства. Взглянув вверх, Лиза видит, как они движутся вверх и вниз по силовым и коммуникационным кабелям. Дочери

священника сразу же вспоминается библейская история о лестнице Иакова.

— Я вас отключаю, — звучит голос капитана Бет.

Лиза на мгновение теряет ориентацию, а затем вновь оказывается в тесной рубке модуля. Счетчики обнуляются, и девушка понимает — они сели на астероид. Некоторое время ничего не происходит. Затем начинают доноситься лязг, бряцание, глухие удары, свист, шипение. Капитан Бет расстегивает молнию на скафандре Лизы, и в нос бьет острый запах немытого тела. Сила тяготения на Дарнли-285 гораздо меньше земной, но вполне достаточна для того, чтобы дать представление о том, где верх, а где низ.

Начинается процесс ментальной переориентировки. Лиза висит головой вниз, словно летучая мышь. Перед ее глазами поворачиваются люковые задрайки, открывая короткий трубообразный проход, узкий, словно родовые пути. Распахивается еще один люк. В отверстие просовывает голову и плечи коренастый плотный мужчина. По его внешности можно с уверенностью сказать, что он является обладателем обширного запаса полинезийских генов, совсем недавно привнесенных в его фамильное древо. На скафандре

сверкает эмблема армии Соединенных Штатов.

Протягивая руку Лизе, мужчина улыбается великолепной улыбкой.

— Доктор Дурнау, меня зовут Сэм Рейни, я директор проекта. Добро пожаловать на Дарнли-285 или, как наши коллеги-археологи любят его называть, Скинию!..

12
Господин Нандха, Парвати

Теперь, когда карсеваки устроили постоянный лагерь у находящейся в опасности статуи Ганеши, уличное движение совершенно вышло из-под контроля, а господина Нандху, Сыщика Кришны, к тому же больше, чем обычно, терзает грибковая инфекция. Но еще хуже то, что ему предстоит брифинг с Виком в Отделе информационного поиска.

Господина Нандху в Вике раздражает абсолютно все, начиная от придуманного им самим для себя прозвища Вик (что дурного он нашел в «Викраме», хорошем имени с великолепными историческими ассоциациями?) до его «эмтивишного» стиля. Для господина Нандхи он — противоположная крайность тем фундаменталистам, которые сейчас собрались на перекрестке. Если Саркханд представляет атавистическую Индию, то Вик является жертвой погони за суперсовременным и преходящим. Но окончательно испортила господину Нандхе день его ссора с Парвати.

Утром она смотрела телевизор и смеялась, всплескивая руками, своим привычным извиняющимся смехом, над болтовней приглашенных в студию многословных глуповатых телезнаменитостей.

— Этот счет... Мне кажется, что сумма... несколько... несколько... великовата.

— Счет?

— Да, за капельное орошение.

— Но оно же необходимо. Как можно вырастить бринджал без орошения?

— Парвати, есть люди, которым не хватает воды, чтобы сварить горсть риса.

— Именно поэтому я и решила использовать капельное орошение. Это очень эффективно. Экономия воды — наш патриотический долг.

Господин Нандха сумел сдержать тяжелый вздох — пока не вышел из комнаты. По палму он отправил поручение об оплате, а его сарисины сообщили, что Вик запрашивает господина Нандху о встрече, и указали ему новый, незнакомый маршрут на работу в объезд Саркханда.

Он вернулся в комнату, чтоб попрощаться с Парвати, и обратил внимание, что жена смотрит главные новости часа.

— Ты слышал? — спрашивает она. — Дживан-

джи заявляет, что он оседлает рат ятру и помчится на ней по стране, подобно Раме, пока миллион крестьян не соберется на развязке Саркханд.

— Этот Дживанджи — известный популист и любитель устраивать беспорядки. Нам необходимо национальное единство перед лицом опасности со стороны Авадха, а не миллион нищих карсезаков, грязной толпой идущих на Ранапур.

Он целует Парвати в лоб. Настроение у господина Нандхи немного улучшается.

— До свидания, моя бюль-бюль. Ты будешь работать в саду?

— О да. Кришан придет в десять. Доброго пути. И не забудь забрать костюм из прачечной. Мы приглашены к Даварам сегодня вечером.

Господин Нандха спускается в стеклянном лифте по стене высотного дома Ваджпайи. У него вдруг резко повысилась кислотность. Перед глазами проплывает неприятная картина: он растворяется изнутри, клетка за клеткой, орган за органом.

— Викрам.

Викрам не очень высокого роста, да и фигура у него не ахти какая, что, однако, не мешает ему буквально во всем следовать моде. Он стильное

создание: широкая майка без рукавов с бессмысленными текстами, сверкающими на дорогой материи — с помощью подобных надписей, как гласит учение, можно достичь состояния «случайного дзен», — модного покроя бриджи со спортивным облегающим трико под ними. И еще найковские «предейторы» — стоимостью в месячную зарплату честного сикха у входной двери.

Господин Нандха воспринимает подобные вещи как просто недостойные. Недопустимым же надругательством ему кажется и узкая бородка, тянущаяся от нижней губы до кадыка Викрама.

— Кофе?..

У Вика на столе постоянно стоит кофе в никогда не остывающей чашке. Господину Нандхе нельзя пить кофе. От него желудок Сыщика Кришны приходит в волнение. Он отдает пакетик с аюрведическим чаем молчаливому помощнику Викрама, имя которого никак не может запомнить. Процессор тоже стоит на столе у Вика. Это стандартный прозрачный голубой куб. Вик подключил его к самым разнообразным мониторам.

— Ну что ж, — произносит он и щелкает пальцами. Из громкоговорителей доносится шепот театра Бладда. Звук несколько приглушен из уважения ко вкусам любящего Монтеверди гос-

подина Нандхи. — Было бы гораздо легче, если бы вы хотя бы время от времени оставляли нам что-то, над чем мы могли поработать.

— Я принял ясное сообщение о серьезной опасности, — отвечает господин Нандха, и его внезапно осеняет: Вик, модный Вик, «технологический Вик», поклонник «транс-металла», завидует ему. Он тоже жаждет настоящих заданий, первоклассного сопровождения, министерских костюмов, оружия, способного убивать двумя способами, и набора аватар.

— На сей раз вы оставили даже меньше информации, чем обычно, — говорит Вик. — Впрочем, ее вполне достаточно для проведения нескольких нанопроб и получения почти полного представления о том, что происходит. Я полагаю, что программист...

— Он оказался самой первой жертвой.

— Так всегда и бывает. Было бы совсем неплохо, если бы он сумел в точности рассказать нам, почему его сарисин, призванный заниматься бухгалтерией маленького заводика, работал с фоновой программой по торговле на международном венчурном рынке.

— Пожалуйста, объяснитесь, — просит господин Нандха.

— Морва в Налоговом отделе объяснит это лучше меня, но создается впечатление, что «Паста Тикка», сама не ведая того, переводила горы рупий на счета компании с венчурным капиталом под названием «Одеко».

— Мне действительно необходимо поговорить с Морвой, — решает господин Нандха.

— Но одно я могу сообщить вам прямо сейчас...

Указательным пальцем Вик касается черты на плоском голубом экране.

— А, — произносит господин Нандха, скривив губы в едва заметной улыбке.

— Наш старый друг джайн Джашвант.

Парвати Нандха сидит в беседке из амаранта на крыше своего дома. Прикрыв глаза ладонью, она наблюдает за тем, как еще один военный транспорт плавно появляется на востоке и исчезает где-то за небоскребами крупных компаний Нью-Варанаси. Только военные, да еще черные коршуны, залетающие очень высоко, нарушают мир и покой ее сада в самом центре города.

Парвати подходит к краю, смотрит через парапет. Там, десятью этажами ниже, улица полнится народом, как артерия кровью. Затем она проходит по выложенному кафелем патио к грядкам, приподнимает сари, чтобы не испачкаться, и,

наклонившись, рассматривает сеянцы кабачков. Пластиковый тент над ними весь затуманился от влаги. Температура воздуха здесь, на крыше, уже тридцать семь градусов, а небо тяжелое, непроницаемое, карамельного желтого цвета — из-за смога, — источающее нестерпимую духоту. Заглядывая в промежуток между пленкой и почвой, Парвати вдыхает запах земли, мульчи, влаги и первых ростков.

— Пусть они сами растут.

Кришан — очень крупный мужчина, но умеет двигаться тихо и незаметно. Но Парвати уже почувствовала у себя на шее холодок от его тени, словно росу на листочках саженцев.

— О, как вы меня испугали! — восклицает она с притворной застенчивостью и волнением.

Игра, в которую Парвати так любит с ним играть.

— Простите меня, госпожа Нандха.

— Ну?..

Кришан вынимает бумажник и достает оттуда сто рупий.

— Как вы догадались?

— Это же очевидно, — отвечает Парвати. — Тот человек должен был оказаться Говиндом, в противном случае зачем ему выслеживать ее в доме

с дурной репутацией в Восточном Брахмапуре? Просто чтобы посмеяться и поиздеваться над ней? Нет-нет, только настоящий муж отыщет свою жену, простит ее и возвратит домой. Я знала, что это Говинд, с того мгновения, как он появился на пороге салона тайского массажа. Маскировка под летчика не могла меня обмануть. Семья, конечно, может ее отвергнуть, но настоящий муж — никогда. И теперь главное для него — отомстить директору шоу «Сапа сингинг стар»...

— Хуршиду.

— Нет, Хуршид — владелец ресторана. Директор — Арвинд. Говинд, конечно, отмстит, если только раньше его не прикончат китайцы из-за проекта с казино.

Кришан поднимает руки в знак полной капитуляции. Он небольшой любитель «Города и деревни», но будет смотреть сериал и делать ставки на развитие его невероятно запутанных сюжетных линий, только бы угодить клиентке. Странный заказ — огород на крыше многоэтажного жилого дома в центре города. Но необходимо идти на компромиссы. Как сложны и непредсказуемы часто бывают эти браки города и деревни.

— Я скажу повару, чтобы он приготовил для вас чаю, — говорит Парвати.

Кришан наблюдает за ней. Она подходит к лестнице и зовет кого-то снизу. В ней есть сельская грация. Город славен внешним блеском, село — мудростью. Кришан задается вопросом о ее муже. Он в курсе, что господин Нандха — государственный служащий и все счета оплачивает в срок и без всяких возражений. Зная так мало о нем, Кришан пытается пред ставить, на чем основаны их семейные взаимоотношения, влечение друг к другу. Да и собственно, над чем тут особенно думать? Кришан иногда спрашивает себя, удастся ли ему когда-нибудь найти жену, если даже девушки из самых низших каст без особых усилий находят себе мужей из среднего класса. Огород... Заработай деньги, посади его, вырасти и заработай еще больше. Купи «марути» и переезжай в Лотосовые Сады. И там ты сможешь жениться — если, конечно, найдешь подходящую жену.

— Сегодня, — заявляет Кришан, допив чай и поставив стакан на деревянную стенку огородика, — я подумал, что этим бобам и гороху необходима защита. Они открыты слева. И вот здесь нужно организовать четверть грядки для салатных овощей в западном стиле. Они очень хороши для званых обедов. Пока вы развлекаете гостей, повар сможет нарезать свежие овощи.

— Мы никого не принимаем, — говорит Парвати. — Но сегодня вечером Давары устраивают большой прием. Очень крупное мероприятие. У них так мило. Так много деревьев. Но господин Нандха считает, что это очень неудобно, слишком далеко. Слишком долго ехать. И я могу получить все то, что там есть, но с гораздо большими удобствами.

Кришану, чтобы занести две деревянные шпалы для ограждения грядок, приходится дважды спуститься вниз и снова подняться на крышу. Он прикидывает, каким образом будет удобнее их уложить, затем подрезает пленку и устраивает все наилучшим образом. Парвати Нандха сидит на краешке грядки с томатами и перцем, наблюдая за его работой.

— Госпожа Нандха, а вы не пропустите свой сериал? — спрашивает Кришан.

— Нет-нет, сегодня очередную серию перенесли на 11:30 из-за финального матча с Англией.

— Ах вот оно что, — отвечает Кришан, обожающий крикет. Когда Парвати уйдет, он сможет включить приемник. — Не обращайте на меня внимания.

Он начинает сверлить отверстия в шпалах, постоянно ощущая на себе пристальный взгляд

сидящей у него за спиной госпожи Нандха.

— Кришан, — вдруг окликает она.

— Да, госпожа?

— Сегодня такой... такой приятный день, а когда я сижу у себя внизу, то слышу, как вы таскаете что-то, стучите, сверлите, но я ни разу не видела, как вы работаете, а вижу только готовый результат вашего труда.

— Понимаю, — отвечает Кришан. — Вы мне не мешаете.

Но он лжет, ее присутствие нервирует его.

— Госпожа Нандха, — говорит Кришан, укладывая последнюю шпалу. — Мне кажется, вы можете пропустить свою программу.

— Да? — восклицает Парвати. — О, я никогда не замечаю времени. Впрочем, ничего страшного, я посмотрю повтор вечером.

Кришан берется за мешок с компостом, вскрывает его садовым ножом, и часть жирного коричневого удобрения проливается у него между пальцами на поверхность крыши.

От горящей собаки исходит омерзительный маслянистый дым. Джайн Джашвант и мальчишка-подметальщик стоят с закрытыми глазами. Закрыты ли они в молчаливой молитве или просто от возмущения, господину Нандхе не дано

знать. Через несколько мгновений пес превращается в маленький клубок огня. Другие собаки продолжают, тявкая, беззаботно прыгать у ног Сыщика Кришны. Они слишком глупы, подчинены жестким программам, вложенным в них создателями, чтобы понять, какая опасность им угрожает.

— Вы подлый и жестокий человек, — говорит джайн Джашвант. — Ваша душа черна, как уголь, вам никогда не достичь чистого света мокши.

Господин Нандха сжимает губы и направляет оружие на новую жертву — маленького скуби с печальными глазками и желто-коричневым мехом с фризским рисунком. Почувствовав внимание к себе, существо начинает махать хвостиком и ковыляет, весело помахивая высунутым языком, к Сыщику Кришны, пробираясь между немыслимым множеством других собачек-роботов. Господин Нандха считает организацию Обществ защиты животных недопустимым социальным излишеством. В Варанаси нечем кормить детей, что уж тут говорить о брошенных собаках и кошках. А убежища для киберлюбимцев вызывают у него просто откровенное возмущение.

— Садху, — спрашивает господин Нандха, — что вам известно о компании под названием

«Одеко»?

Это не первый визит представителя полиции в Приют сострадания к искусственной жизни. В джайнизме идет непрекращающаяся дискуссия относительно того, наделены ли так называемые киберлюбимцы и человеческие творения с искусственным интеллектом душой. Джашвант принадлежит к старой школе Дигамбары. Все, что живет, движется, поглощает пищу в том или ином ее виде и способно к воспроизводству, — это джива. И потому, если человеческих деток утомляют их киберскуби или если верный друг цепной киберпес по восемнадцать раз за ночь вызывает полицию, для всех подобных существ есть место, где о них позаботятся, а не только рамнагарская свалка. Здесь находят прибежище многие отработавшие свой срок сарисины. За последние три года господин Нандха со своими аватарами дважды наведывался сюда, чтобы произвести массовое уничтожение киберхлама.

Джашвант ожидал его на пороге своего грязного магазинчика, расположенного в оживленном деловом районе Джанпура. Кто-то или что-то успело его заранее уведомить о при ходе полиции. Значит, господин Нандха явно здесь сегодня ничего не найдет. Пока Джашвант медленным

шагом приближается к Сыщику Кришны, чтобы приветствовать представителя министерства, подметальщик, десятилетний мальчишка, с завидным усердием сметает метелкой с пути святого насекомых и всякую другую живую мелочь. Во всем следуя учению Дигамбары, Джашвант не носит никакой одежды. Он очень крупный мужчина, с обилием жира на животе, сильно страдающий от кишечных газов из-за диеты с высоким содержанием углерода.

— Садху, я расследую трагический инцидент, в котором погибли люди. В нем замешан нелицензированный сарисин. Наши данные указывают, что он был загружен из здешних мест.

— В самом деле? Мне трудно в это поверить. Но если уж вы считаете необходимым, то пожалуйста — проверяйте все наши компьютерные системы. Я уверен, что у нас все в полном порядке. Мы занимаемся помощью несчастным живым существам, господин Нандха, а не противозаконными спекуляциями.

Впереди идет мальчик-подметальщик. На нем только коротенькое дхоти, и кожа у него блестит, как будто ее натерли маслом, смешанным с золотыми блестками. Господин Нандха видел таких же мальчиков и во время прежних визитов. Все

они одинаковые — с тусклым, ничего не выражающим взглядом и каким-то избытком кожи.

Внутри самого помещения стоит тот же гул, который Сыщик Кришны помнит по своим предыдущим посещениям. На цементном полу — тысячи киберсобачек, кружащих по комнате. Металлические стены звенят от их скрипа, лая, завывания и даже своеобразного пения.

— Больше тысячи за последний месяц, — сообщает Джашвант. — Наверное, из-за того, что все боятся войны. В грешные времена люди начинают переоценивать ценности. Многое из прежде любимого выбрасывается как ненужное.

Господин Нандха вытаскивает пистолет и прицеливается в приземистую крошечную комнатную собачонку, которая сидит на задних лапах, высунув розовый пластиковый язычок и помахивая передними лапами и хвостом. Стреляет в нее. Индра-Громовержец медленно приближается к киберскуби.

— Садху, скажите мне прямо, вы поставляли искусственный интеллект первого уровня в компанию «Паста Тикка»?

Джашвант ворочает головой, словно от боли, но это не ответ. Выстрел из пистолета подбрасывает собачонку на полтора метра в воздух. Она падает

на спину, дергается и начинает дымиться.

— Плохой, злой человек!..

Подметальщик поднимает метелку так, словно собирается вымести господина Нандху вместе со всеми его грехами.

Не исключено, что внутри метлы есть отравленные иглы. Сыщик Кришны пристальным презрительным взглядом приводит мерзкого мальчишку в смущение.

— Садху.

— Да! — отзывается Джашвант. — Конечно. И вам это хорошо известно. Но он оставался в нашей сети...

— Куда он пошел от садху? — спрашивает господин Нандха и снова поднимает свое оружие.

Он прицеливается в идущую вразвалочку стальную таксу, такую добродушную, затем переводит дуло пистолета на великолепную киберколли, абсолютно неотличимую от реальной, идеально аутентичную во всем, начиная от пластиковой шерсти и заканчивая интерактивными глазами. Джайн Джашвант издает едва слышный вопль ужаса и душевной муки.

— Садху, я вынужден настаивать.

Джашвант как будто хочет что-то сказать.

Индра выбирает жертву, прицеливается и стре-

ляет — в то мгновение, когда у господина Нандхи появляется подобное намерение. Киберколли издает долгий пронзительный стон, заставляющий умолкнуть лай и тявканье кругом, изворачивается дугой, от которой мгновенно сломался бы позвоночник у любой реальной собаки, и падает на цементный пол.

— Ну, садху?

— Прекратите, прекратите, ведь вы за это попадете прямиком в ад!..

Господин Нандха снова прицеливается и вторым выстрелом добивает несчастную киберколли. Следующей жертвой становится роскошная полосатая визла.

— Бадринат!.. — кричит Джашвант. Господин Нандха слышит, как несчастный джайн от ужаса громко испускает газы. — Сундарбан Бадринат!..

Господин Нандха сует пистолет в карман пиджака.

— Вы мне очень помогли. «Рэй пауэр». Весьма интересно. Пожалуйста, оставайтесь здесь и никуда не выходите. Сюда скоро придет полиция.

Уходя, господин Нандха отмечает, что мальчишка очень ловко управляется и с огнетушителем.

Рам Сагар Сингх, главный комментатор кри-

кетных матчей в Бхарате, вещает о последних новостях из радиоприемника, работающего на солнечных батарейках. Кришан задремал у решетки с гибискусом, погрузившись в воспоминания. Всю жизнь с ним беседовал этот медленный голос, который был для него ближе и мудрее голоса бога.

В один из школьных дней отец разбудил Кришана до рассвета.

— «Нареш инженир» стоит сегодня у калитки* [термин в крикете] в Уль-Хаке!

Их сосед Тхакур вез обувную кожу одному покупателю в Патну и с радостью взял отца и сына Кудрати в свой пикап. Не очень комфортно, но вполне вероятно, что «Нареш инженир» в последний раз стоит у калитки...

Свою землю Кудрати получили от Ганди и Неру. Землю, отнятую у заминдара и переданную земледельцам Бихарипура. История этой земли — предмет гордости, не просто наследство семейства Кудрати, а наследие всей страны. И имя ей — Индия, а не Бхарат, не Авадх, не Маратха, не Бенгальские Штаты. Вот почему отец Кришана обязательно должен увидеть величайшего бэтсмена** [отбивающий мяч в крикете] Индии своего поколения. Ради чести семьи.

Кришану было восемь лет, и он впервые приехал в город. До того он видел матчи только по спортивным каналам «Стар Эйша», но они не давали даже отдаленного представления о количестве народа, окружившего стадион «Мойн Уль-Хак». Ему никогда раньше не приходилось видеть такое количество людей в одном месте. Отец уверенно вел Кришана сквозь кружащуюся во множестве водоворотов разноцветную толпу, чем-то напоминающую яркую ткань.

— Куда мы идем? — спросил Кришан, почувствовав, что они движутся наперекор общему потоку, устремленному к турникету.

— Билеты у Рама Виласа, моего двоюродного брата, племянника твоего дедушки.

Он помнит, как оглядывался по сторонам на бесконечный рой лиц, постоянно чувствуя прикосновение руки отца. И тут понял, что толпа значительно больше, чем показалось сначала. Мечтая о широком зеленом поле, о трибунах в отдалении, об аплодисментах тысяч болельщиков, он забыл конкретно договориться с кузеном Рамом Виласом о месте встречи. Теперь ему придется обходить по кругу территорию «Уль-Хака» и, если потребуется, всматриваться в каждую попадающуюся по пути физиономию.

Проходит целый час в нестерпимой жаре, толпа редеет, но отец Кришана продолжает упорный поиск. Внутри громадного бетонного овала выкрики громкоговорителей начинают представлять игроков. У индийцев принято приветствовать их громом аплодисментов и радостными возгласами. И тут отец с сыном понимают, что «дедушкина племянника» здесь не было и в помине. Так же как не было и никаких билетов. В похожей на шатер тени главной трибуны стоит маленький торговец съестным. Господин Кудрати снова хватает сына за руку и тащит его по асфальту. Когда до них начинает доноситься запах прогорклого горячего масла, Кришан вдруг видит то, что так возбуждало его отца. На стеклянном прилавке стоит радиоприемник, исторгающий глупейшую поп-музыку.

— Сынок, настрой на матч, пожалуйста, — невнятно бормочет отец продавцу горячей снеди. Он сует ему горсть рупий. — И немного этих паппади.

Торговец заворачивает какую-то еду в кусок газеты.

— Нет, нет, нет! — в отчаянии почти вопит отец Кришана. — Вначале настрой. А потом давай еду. На волне 97,4...

Сквозь шум помех пробивается голос Рама Сагара Сингха. Великолепное британское произношение, голос поставлен на Би-би-си... Кришан усаживается на землю с кульком горячих паппади, прислоняется спиной к теплой стальной тележке и начинает слушать репортаж.

Да, таковы его воспоминания о последних иннингах «Нареш инженир»: он сидит у тележки торговца паппади под стенами крикетного стадиона «Мойн Уль-Хак», слышит Рама Сагара Сингха и слабый, почти воображаемый стук биты, а затем нарастающий рев толпы у себя за спиной. И так почти целый день, пока на автомобильную стоянку не начинают опускаться предвечерние тени.

Кришан Кудрати улыбается во сне. Тень от вьющегося гибискуса падает на его закрытые веки, холодное дуновение проносится по лицу. Он открывает глаза. Над ним стоит Парвати Нандха.

— Мне следовало бы отругать вас за то, что вы спите в рабочее время, за которое я вам плачу.

Кришан бросает взгляд на часы на приемнике. У него еще есть десять минут, но он встает и выключает радио. Игроки ушли на перерыв, а Рам Сагар Сингх, как обычно, проходится по своему громадному компендиуму фактов из истории

крикета.

— Мне просто хотелось узнать, что вы думаете о моих новых браслетах, которые я собираюсь надеть на сегодняшний прием, — говорит Парвати, одну руку положив на бедро, словно танцовщица, а другой размахивая перед Кришаном.

— Если вы не будете трясти ею, возможно, я разгляжу их и скажу вам свое мнение...

Металл сверкает на солнце, ослепляя Кришана. Инстинктивно он протягивает вперед руку. И вот его рука уже обнимает госпожу за талию. Понимание того, что он делает, на мгновение парализует Кришана. Он высвобождает руку и говорит:

— Очень красиво. Они золотые?

— Да, — отвечает Парвати. — Моему мужу нравится дарить мне золото.

— Ваш муж очень вас любит. Вы будете первой звездой на вечеринке.

— Спасибо.

Парвати наклоняет голову, теперь она немножко стыдится своей несдержанности.

— Вы очень добры ко мне.

— Вовсе нет, я просто говорю правду. — Солнце и тяжелый аромат земли делают Кришана смелее. — Простите, но мне кажется, что вы слышите ее не так уж часто, как вы того заслуживаете.

— Вы слишком безапелляционны! — мягко укоряет его Парвати. — Вы слушали репортаж с крикетного матча?

— Да, из Патны. У нас двести восемь на пять.

— В крикете я совсем ничего не понимаю, — отвечает Парвати. — Это такой сложный вид спорта... и в нем так непросто выиграть.

— Стоит только начать разбираться в правилах и стратегии, и он покажется вам самой увлекательной игрой, — возражает Кришан. — Крикет ближе всего из английских нововведений к дзен.

— Мне хотелось бы побольше о нем узнать. О нем так много говорят на светских вечеринках. И я чувствую себя такой дурочкой, когда стою там и ничего не могу ответить. Скорее всего я не смогу осилить политику и экономику, но вот крикет — совсем другое дело. Вы мне поможете?..

Господин Нандха едет по Нью-Варанаси по направлению к «Дидоне и Энею», магазину, где продаются записи английской камерной оперы.

Господину Нандхе он нравится за хороший выбор английского барокко. На краю его сенсорного конверта, словно слух о муссоне, напоминание о сегодняшней вечеринке у Даваров. Как бы он обрадовался любому предлогу, который позволил бы ему отказаться от приглашения. Господин

Нандха боится того, что Санджай Давар объявит о счастливом зачатии наследника. Брахмана, как он подозревает. Это вновь заведет Парвати. Он несколько раз объяснял ей свою точку зрения по данному вопросу, но она понимает только одно — муж не хочет подарить ей ребенка.

Настроение господина Нандхи вновь портится.

Какой-то шум в его слуховых зонах: звонок от Морвы, из налогового управления. Из всех сотрудников министерства Морва — единственный, к кому господин Нандха чувствует уважение. Есть какое-то изящество и даже красота в способности выслеживать преступление по бумагам. Здесь имеешь дело с расследованием в его самой чистой и сакральной форме. Морве никогда не нужно покидать кабинет, не нужно бродить по улицам, он никогда не сталкивается с насилием, не носит оружия. Зато стоит ему сделать всего несколько легких жестов и моргнуть глазами, как его мысль летит с двенадцатого этажа, где расположен кабинет, во все концы света. Чистый интеллект, исторгнутый из тела, проносящийся из холдинг-компании туда, где укрываются от налогов, где происходит оффшорное сокрытие данных, а оттуда — к счетам условного депонирования. Абстрактный характер этой работы

восхищает господина Нандху. Сущность без всякой физической оболочки. Чистый поток. Движение нематериальных денег через мельчайшие кластеры информации.

Ему удалось выследить «Одеко». Компания оказалась весьма загадочной, занимающейся туманными инвестиция ми. Зарегистрирована где-то на Карибах и, по многим свидетельствам, склонна разбрасываться астрономическими суммами на самые невероятные проекты. Среди прочего в Бхарате «Одеко» инвестирует Центр искусственного интеллекта при университете Варанаси; проектно-конструкторский отдел при «Рэй пауэр» и несколько «теплиц» по производству сарисинов низкого уровня — по сути, практически нелегальных. Однако это совсем не те сарисины, которые способны, сорвавшись с цепи, устроить погром того типа, с которым Сыщик Кришны столкнулся в цехах «Пасты Тикка». Даже такие часто рискующие венчурные компании, как «Одеко», не пойдут на столь опрометчивый шаг и не вступят в отношения с сундарбанами.

Американцы боятся подобных джунглей — как, впрочем, всего, что находится за пределами их границ, и потому охот но нанимают господина Нандху и ему подобных для ведения бесконечной

войны с нелегальными сарисинами. Но у господина Нандхи торговцы информацией вызывают восторг. У них есть энергия и предприимчивость. Им есть чем гордиться. Слава о сундарбанах Бхарата, Бенгальских Штатов, Бангалора и Мумбаи, Нью-Дели и Хайдарабада идет по всему миру. Они — обитель мифического поколения три-сарисинов, способных к чувствам, намного превосходящим человеческие чувства, сарисинов, чей разум во много раз выше человеческого и подобен разуму богов.

Сундарбан Бадринат занимает всего лишь скромный пятнадцатый этаж на Видьяпите. Соседи торговца информацией скорее всего даже не подозревают, что рядом с ними живет кибернетический дэв. Пробиваясь к месту парковки и истошно сигналя, господин Нандха вызывает свои аватары. Джашванта кто-то предупредил. Торговцы информацией располагают таким количеством разведывательных каналов, которые чувствительными щупальцами пронизывают всю мировую паутину, что их можно считать ясновидящими. Запирая автомобиль, господин Нандха видит, как улицы и небо наполняются божествами — каждый из них величиной с гору. Шива просматривает беспроводной трафик,

Кришна — экстра- и интранет, Кали заносит серп над спутниковыми антеннами Нью-Варанаси — с тем, чтобы мгновенно обрубить от Бадрината все, что задумает само воспроизводиться. «Вред — наша радость, шалости — наша работа», — поет хор.

И вдруг все исчезает. Всплеск статического электричества. В небе больше нет богов. «Дидона и Эней» замирает на середине мелодии. Господин Нандха вырывает хёк из уха.

— Дорогу! Дорогу!.. — кричит он пешеходам.

В первую же неделю работы в министерстве господин Нандха на собственной шкуре почувствовал, что такое полномасштабный электромагнитный импульс. У него нет ни каких сомнений относительно того, откуда исходит угроза. Взбегая по ступенькам в фойе и лихорадочно набирая запрос о помощи на лопочущем что-то нечленораздельное палме, Сыщик Кришны вдруг понимает, что мимо проносится нечто, слишком большое для птицы и слишком маленькое для самолета, почти мгновенно растворившееся на ярком небе Варанаси. Несколькими секундами позже весь пятнадцатый этаж вспыхивает и рассыпается в прах.

— Бегите! Спасайтесь!.. — кричит Нандха, а ды-

мящиеся обломки падают прямо на оцепеневших от неожиданности зевак.

В голове у Сыщика Кришны остается одна громадная, вытесняющая все остальное мысль: ему, по-видимому, не удастся сегодня забрать свой костюм у Мукхерджи.

13
Шахин Бадур Хан, Наджья

Премьер-министр Саджида Рана сегодня в золотом и зеленом. Члены ее кабинета знают, что когда премьер одевается в цвета национального флага, следует ожидать рассмотрения вопросов, имеющих непосредственное отношение к сохранению престижа страны. Саджида Рана стоит у восточного конца длинного тикового стола в сияющем мраморном министерском зале Бхарат Сабхи. По стене развешены живописные полотна в позолоченных рамах, изображающие ее предшественников на посту премьер-министра и великих политических деятелей прошлого. Среди них портрет ее отца, Дилджита Раны: он в судейском облачении. Ее дед — Шанкар Рана, в шелковой мантии члена Совета при английской королеве. Джавахарлал Неру в костюме изысканного покроя, с отчужденным и немного испуганным лицом, как будто предвидящий, какую цену придется заплатить грядущим поколениям за его поспешную и грязную сделку с Маунтбеттеном* [Английский дипломат, по-

следний вице-король Индии]. Махатма, Отец индусов. Лакшми Баи, воительница Рани, стоя в стременах, командует войсками, наступающими на Гвалиор. И — правители из другой могущественной индийской династии с именем Ганди: Соня; убиенный Раджив; мученица Индира, Мать Индии.

На мраморных стенах и потолке зала заседаний кабинета министров искусно изображены сцены из индуистской мифологии. При всем том акустика в помещении великолепная. Даже шепот мгновенно разносится по всему залу. Саджида Рана опускает руки на полированное дерево.

— Мы выдержим, если первыми нанесем удар по Авадху?

В. С. Чаудхури, министр обороны, обращает из-под тяжелых век взгляд ястребиных глаз на руководителя страны.

— Бхарат выдержит. И Варанаси выдержит. Варанаси вечен.

В гулком зале ни у кого не возникает ни малейших сомнений относительно того, что могут означать его слова.

— Но сможем ли мы победить?..

— Нет. На это нельзя рассчитывать. Вы же видели, как Шривастава, получив статус наибольшего

благоприятствования, жал руку Маколею в Белом доме.

— Следующим будет Шанкар-Махал, — говорит Ваджубхай Пател, министр энергетики.

— Американцы постоянно что-то вынюхивают вокруг «Рэй пауэр». Авадхам даже не нужно будет побеждать, они просто смогут нас купить. Старый Рэй, как мне стало недавно известно, находится в гхате в Маникарне и делает сурья намаскар.

— А кто же управляет всем его чертовым заведением? — спрашивает Чаудхури.

— Астрофизик, производитель упаковочных материалов и эстрадный комик.

— Да помогут нам боги!.. В таком случае есть только один выход — сразу сдаться, — бормочет Чаудхури.

— Я не могу согласиться с тем, что слышу за этим столом, — говорит Саджида Рана. — Людям нужна война.

— Людям нужен дождь, — суровым тоном возражает Бисванат, министр охраны окружающей среды. — Единственное, что им по-настоящему нужно, — это муссон.

Саджида Рана смотрит на помощника. Шахин Бадур Хан увлечен разглядыванием мрамора, его внимание поглощено вульгарными древними бо-

жествами, ползающими друг по другу, по стенам залы и по потолку. В воображении он стирает наиболее грубые детали — слишком выпирающие конусы грудей, вызывающий выступ лингама. Бадур Хан сводит все в андрогинное смешение мраморной плоти, время от времени приобретающее то одну, то другую не слишком значимую форму. Его фантазии вдруг переключаются на увиденный мельком в коридоре аэропорта изгиб скул, элегантный поворот шеи, идеальные очертания безволосого черепа...

— Господин Хан, ваше мнение о ситуации в Бенгале?

— Их планы — утопия, — отвечает Шахин Бадур Хан. — Как и всегда, бенгальцы хотят продемонстрировать, что способны найти высокотехнологическое решение любой проблемы. Айсберг — не более чем пиаровский ход. У них примерно такие же трудности с водой, как и у нас.

— Да-да, именно так.

Теперь говорит Ашок Рана, министр внутренних дел. Шахин Бадур Хан не собирается демонстрировать свое неприятие непотизма, но считает, что нужному человеку должность необходимо подбирать по его возможностям.

Делая вид, что он тщательно проанализировал

все нюансы проблемы, Ашок готовится произнести короткую речь в поддержку точки зрения сестры, какой бы она ни была.

— Людям нужна вода, и если для этого потребуется начать войну...

Шахин Бадур Хан издает вздох — едва заметный, но все же достаточно громкий для того, чтобы Ашок его услышал.

В дискуссию вступает министр обороны Чаудхури. У него высокий голос со сварливыми интонациями, неприятным эхом отдающийся от мраморных поверхностей стен, от сплетающихся фигурок богов.

— Наилучший вариант, который предлагается Стратегическим управлением сухопутных сил, заключается в нанесении превентивного удара по самой плотине. Нужно по воздуху перебросить туда небольшой отряд десантников, чтобы они захватили ее и удерживали до последнего, а затем отступили к границе. Тем временем мы окажем нажим на ООН с требованием размещения международных сил в данной зоне.

— Если американцы раньше нас не потребуют введения санкций, — возражает Шахин Бадур Хан.

Вокруг длинного черного стола катится гул

одобрения.

— Отступать?.. — Ашок Рана не может поверить своим ушам. — Наши отважные джаваны наносят мощный удар по авадхам, а затем убегают, поджав хвост. Как это воспримут на улицах Патны? Неужели Стратегическое управление сухопутных сил окончательно лишилось иззата?

Шахин Бадур Хан чувствует, как меняется настроение в зале. Болтовня о гордости, отважных солдатах и трусости возбуждает присутствующих.

— Можно мне высказать свою точку зрения? — произносит он во внезапно воцарившейся абсолютной и немного страшноватой тишине.

— Мы всегда рады выслушать ваше мнение, — говорит Саджида Рана.

— Мне представляется, что главная опасность для нынешнего правительства кроется вовсе не в спорах с Авадхом по поводу плотины, а исходит от тех, кто инсценирует демонстрации на развязке Саркханд, — осторожно произносит он.

Со всех концов стола слышатся возражения. Саджида Рана поднимает руку, и воцаряется тишина.

— Продолжайте, господин Хан.

— Я вовсе не настаиваю на том, что войны не

будет. Хотя, вероятно, моя позиция относительно нападения на Авадх уже достаточно ясна всем присутствующим...

— Бабья позиция, — прерывает его Ашок Рана. Шахин слышит, что Ашок добавляет шепотом помощнику: — Позиция мусульманина.

— Я говорю об опасностях для правительства. Мне представляется достаточно очевидным, что главнейшая угроза — это внутренние распри и гражданская война, разжигаемая Шиваджи. Пока наша партия пользуется массовой поддержкой населения, в том числе и в вопросе любых военных действий против Авадха, все переговоры будут вестись именно нашим кабинетом. Насколько я помню, мы пришли к согл шению, что военные силы можно использовать только для того, чтобы заставить авадхов сесть за стол переговоров, то есть для нас они лишь инструмент инициации мирного процесса, как бы высоко ни ставил Ашок доблесть наших войск.

Шахин Бадур Хан выдерживает взгляд Ашока Рана достаточно долго, чтобы дать тому понять, что считает его болваном, не по заслугам занявшим свой пост.

— Тем не менее если авадхи и их американские покровители найдут поддержку политической

альтернативе у населения Бхарата, Дживанджи сможет выступить в роли миротворца. Он приобретет славу человека, остановившего войну, заставившего вновь течь Ганг, посрамившего горделивых Ранов, которые опозорили Бхарат. И тогда на протяжении жизни целого поколения наша партия не сможет переступить порог этого кабинета. Вот что стоит за спектаклем на развязке Саркханд, а вовсе не праведный гнев индуистов Бхарата, вызванный фактом попрания древних традиций. Дживанджи планирует поднять против нас толпы черни. Он мечтает о том, чтобы, проехав на священной колеснице Кришны по бульвару Чандни, въехать на ней прямо в этот зал!

— Есть ли какая-нибудь информация, на основании которой мы могли бы его арестовать? — спрашивает Дасгупта, министр иностранных дел.

— Задолженности по выплате налогов? — под приглушенный смех присутствующих отпускает шутку Випул Нарвекар, советник Ашока Раны.

— У меня есть предложение, — невозмутимо продолжает Шахин Бадур Хан. — Я предлагаю дать Дживанджи то, чего он хочет, но только тогда, когда мы сами этого захотим.

Премьер-министр Рана наклоняется вперед.

— Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду, господин Хан.

— Именно то, что я сказал. Давайте позволим ему собрать миллион своих верных последователей. Давайте позволим ему проехаться на боевой колеснице, и пусть его шиваджисты пляшут, следуя за ней. Пусть он станет голосом индуистов, пускай его агрессивные речи пробудят в толпе чувство оскорбленного достоинства. Пусть он вовлечет страну в войну. И если мы выступим в роли голубей, то Дживанджи станет ястребом. Мы знаем, что он способен довести толпу до настоящих бесчинств. Но в приграничных городах эту агрессию можно будет направить против авадхов. А те, в свою очередь, обратятся к Дели с просьбой о помощи, и начнется эскалация конфликта. И не потребуется слишком много усилий, чтобы заставить господина Дживанджи направить свою грозную колесницу прямо на плотину Кунда Кхадар. Конечно, авадхи нанесут ответный удар. Но как раз тогда мы и вмешаемся в качестве пострадавшей стороны. Вина падет на Шиваджи, так как они все и начали. Авадхи вместе с американскими покровителями окажутся в крайне не ловкой ситуации и без всяких проволочек будут

готовы сесть за стол переговоров с нами — как со стороной, представляющей разум, здравомыслие и по-настоящему взвешенный подход.

Саджида Рана резко встает.

— Вы, как всегда, великий дипломат, господин Хан.

— Я просто служу народу...

Шахин Бадур Хан покорно опускает голову, но замечает взгляд, брошенный на него Ашоком Раной. Тот явно вне себя от гнева.

Слово берет Чаудхури:

— При всем уважении к вам, секретарь Хан, я должен сказать, что вы, как мне кажется, недооцениваете силу воли на рода Бхарата. Бхарат — это нечто гораздо большее, чем Варанаси и проблемы, связанные со строительством станций метро. Я знаю, что в Патне живут простые и любящие родину люди. Там считают, что война объединит общество, и это выбросит Дживанджи на политическую обочину. И мне представляется весьма опасной тактикой разыгрывать столь утонченные дипломатические сценарии во времена серьезной угрозы для существования государства. Мимо нас течет тот же Ганг, что и мимо вас, и вы не единственный, кто чувствует жажду. Как вы сказали, госпожа премьер-ми-

нистр, людям нужна война. Я не хочу начинать ее, но считаю, что мы должны это сделать, то есть первыми нанести стремительный удар.

И только потом можно вести переговоры, но с позиции силы. Когда в колодцах появится вода, тогда Дживанджи и его карсеваки будут восприниматься как самая последняя подлая чернь, каковой они, без всякого сомнения, и являются. Госпожа премьер-министр, я не помню случая, когда бы вы неверно оценили настроение народа Бхарата.

Кивки, одобрительное бормотание. Настроение присутствующих вновь меняется. Саджида Рана стоит во главе министерского стола, взирает на своих предков и предшественников. Шахину Бадур Хану и прежде на заседаниях кабинета много раз приходилось видеть ее в подобной величественной позе. Она словно обращается к портретам великих с просьбой благословить решение, принимаемое ею на благо Бхарата.

— Я понимаю ваши доводы, господин Чаудхури, но и мнение господина Хана достаточно убедительно. И я согласна с тем, что он предлагает. Я позволю Дживанджи сделать за нас работу, но прошу держать армию в трехчасовой боевой готовности. Господа, прошу представить ваши

доклады сегодня к 16:00. Мои же директивы будут распространены к 17:00. Спасибо, совещание окончено.

Саджида Рана поворачивается и выходит, демонстрируя цвета национального флага. Члены кабинета и советники встают.

Это высокая худощавая и величественная женщина без малейших признаков седины в волосах — несмотря на то, что у нее вот-вот появится первый внук. Когда она проходит мимо, Шахин Бадур Хан чувствует легкий аромат — «шанель». Бросив взгляд на ползающих по стенам и потолку сексуальных божеств, он с трудом подавляет дрожь.

В коридоре кто-то трогает его за манжету.

Министр обороны.

— Господин Хан.

— Чем могу быть полезен, господин министр?

Чаудхури подводит Шахина Бадур Хана к окну, наклоняется к нему и говорит спокойно, абсолютно без всяких эмоций:

— Успешное совещание, господин Хан, но я должен напомнить вам ваши собственные слова. Вы просто служите народу.

И, сжав портфель под мышкой, он поспешно удаляется по коридору.

Похмелье от крови...

Наджья Аскарзада спит допоздна в своей дешевой койке в «Империал интернэшнл». Она нетвердым шагом добирается до общей кухни, проходит мимо австралийцев, жалующихся на невыразительность пейзажа и на то, что они нигде не могут найти нормального сыра, наливает себе стакан чаю и возвращается в номер, преследуемая воспоминаниями о вчерашних кошмарах. Наджья вспоминает, как саблезубые твари набрасывались друг на друга, как она вскакивала вместе с толпой, как жажда крови вскипала у нее в груди. Это чувство, несомненно, еще грязнее и гаже, чем те, которые Наджья испытывала после наркотиков и некоторых видов секса, но, кажется, у нее уже возникла зависимость.

Девушка много размышляла о своем влечении к опасности. Ее родители воспитали дочь настоящей шведкой — в атмосфере вседозволенности, сексуального либерализма, с принципиально западными идеалами. В изгнание они не взяли с собой никаких фотографий, никаких сувениров, никаких слов, никакого языка или ощущения какой-либо географической принадлежности. Единственное, что осталось у Наджьи от Афганистана, — это ее имя. Родительское «творчество» отличалось такой полнотой и законченностью,

что о неопределенности своей идентичности Наджья задумалась только на первом курсе университета, когда преподаватель предложил ей поработать над исследованием проблем афганской политической жизни в период после гражданской войны. Названная загадочная идентичность начала проявляться под толстым слоем гуманитарной скандинавской полисексуальности Наджьи в течение тех трех месяцев, когда исследовательская работа приобрела определенные очертания и стала основой диплома. Вот — та жизнь, которую она могла бы вести. Бхарат на грани войны за воду — это подготовка к возвращению в Кабул.

Наджья сидит на прохладной веранде «Империала» и проверяет почту. Журналу понравился ее рассказ. Очень понравился. Они собираются заплатить ей за него восемьсот долларов. Девушка отправляет согласие на подписание контракта в США. Один шаг по дороге в Кабул, но всего лишь один-единственный шаг. Теперь ей нужно спланировать следующую публикацию. Она будет политической. Следующим интервью станет интервью с самой Саджидой Раной. Саджида Рана интересна всем. Но под каким углом? Как откровенный разговор женщины с женщиной...

Госпожа премьер-министр, вы политик, лидер государства, династическая фигура в стране, разделенной разногласиями из-за строительства станции метро; страны, в которой мужчинам настолько трудно найти себе жену, что они готовы платить выкуп; страны, где дети-монстры получают привилегии взрослых и их вкусы еще до того, как биологически успевают достичь десятилетнего возраста; страны, умирающей от жажды и готовящейся из-за этого начать войну... Но прежде всего вы — женщина в обществе, в котором женщины вашего класса и образования уже успели практически исчезнуть в результате новейшей пурды. Что позволило вам — по сути, единственной — избежать шелковой клетки специфического поклонения?

Ну что ж, неплохо, неплохо... Наджья открывает палм. Но только она собирается занести в него свои мысли, как раздается звонок. Это Бернар. Очень не по-тантрически ходить в бойцовский клуб. Очень не по-тантрически ходить туда с другим мужчиной. И дело вовсе не в том, что он собственник, поэтому ему нет нужды прощать, но Наджье стоит задаться вопросом: насколько подобное поведение поможет ей достичь самадхи?

— Бернар, — говорит Наджья Аскарзада. — Про-

валивай — и больше никогда меня не доставай. Я не знала, что ты такой ревнивый. Или, по-твоему, ревность — самый короткий путь к самадхи?

— Мисс Аскарзада?..

— О, извините. Я вас приняла за другого человека.

Девушка вслушивается. Сплошные помехи...

— Алло? Алло!..

Снова незнакомый голос:

— Мисс Аскарзада. Пожалуйста, через полчаса подойдите к складу «Деодар электрикал» на Индастриал-роуд.

Голос с едва заметным акцентом явно принадлежит человеку культурному.

— Алло? Кто вы такой? Послушайте, извините, но я...

— «Деодар электрикал», Индастриал-роуд. И все.

Наджья Аскарзада смотрит на наладонник так, словно это скорпион. Ни объяснений, ни имени, ни номера, на который можно было бы перезвонить.

Она вносит в палм адрес, который ей дал неизвестный, и на дисплее появляется карта. Через минуту девушка уже выезжает из ворот на своем мопеде. Склады «Деодар электрикал» находятся

на территории студии, где снимался «Город и деревня». Теперь, когда сериал стал полностью виртуальным и переехал в «Индиапендент Ранапур», студия распалась на множество мелких компаний. Следуя карте, Наджья направляется к огромным дверям главного съемочного павильона, рядом с которыми за столом сидит подросток в длинной куртке. Он слушает трансляцию крикетного матча по радио. Девушке бросается в глаза, что у него на шее трезубец — медальон шиваджистов, похожий на тот, который она видела на Сатнаме.

— Кто-то позвонил мне и попросил приехать сюда. Меня зовут Наджья Аскарзада.

Парень оглядывает ее с ног до головы. У него уже начинают пробиваться небольшие усики.

— А... Да, нам сказали, что вы приедете.

— Сказали? Кто?

— Пройдите, пожалуйста, за мной.

Он открывает маленькую дверцу в воротах. Пригнувшись, они проходят в здание.

— Ух ты!.. — восклицает Наджья Аскарзада.

В свете студийных прожекторов возвышается колесница Рамы, красно-золотая пирамида из ярусов и парапетов в пятнадцать метров высотой, украшенная множеством изображений

богов и полубогов. Это настоящий передвижной храм. На его вершине, почти касаясь потолочных перекрытий, находится купол из плексигласа, внутри которого располагается статуя Ганеши на троне. Бог простонародья, а теперь еще и всех шиваджистов... У основания — широкий балкон, установленный на две одинаковые грузовые платформы.

— Грузовики соединены, — с энтузиазмом объясняет гид. — Они будут постоянно двигаться вместе. Мы, конечно, привяжем веревки, если кто-то захочет, чтобы увидели, как он тянет колесницу, но шиваджисты никого не собираются эксплуатировать...

Наджья никогда не видела запуска космических аппаратов, даже близко никогда не подходила к космодромам, но ей кажется, что там должно быть нечто подобное: такие же краны и порталы, рабочие в комбинезонах и масках, снующие по золотистым трапам, небольшие роботы, сующие свои маленькие хоботы во все щели и углы. В воздухе — одуряющий запах краски и пары стекловолокна. Стальной навес звенит от работающих скобозабивных устройств, сверл и электропил. Наджья наблюдает, как на специальном подъемнике поднимают вверх одного

из Васу. Двое рабочих со стикерами шиваджи на комбинезонах закрепляют его в центре круга — это слуги, танцующие у трона Вишну. А выше, в самой сере дине, — золотой зиккурат, святыня из святынь.

Колесница Джаггернаута.

— Пожалуйста, вы можете делать снимки, — говорит парень. — Совершенно бесплатно.

Руки Наджьи дрожат, пока она активирует камеру наладонника. Девушка ходит среди рабочих и механизмов и нажимает сенсор, пока память компьютера не переполняется.

— Мне можно... я хочу сказать... для прессы? — заикаясь, спрашивает она у шиваджина, который производит на нее впечатление единственного человека, наделенного здесь какой-то властью.

— Да, конечно, — отвечает он. — Полагаю, именно для этого вас сюда и пригласили.

Вновь тихий сигнал палма. И снова анонимный номер. Наджья осторожно отвечает:

— Да?

Женский голос.

— Здравствуйте, с вами будет говорить Дживанджи.

— Кто? Что?.. Алло? — заикаясь, переспрашивает Наджья.

— Здравствуйте, госпожа Аскарзада. — Она слышит его голос. Его настоящий голос! — Ну, каково ваше мнение?

У девушки нет слов. Рот у Наджьи пересох, она судорожно сглатывает.

— Это... это... впечатляет.

— Хорошо. Так и задумывалось. Стоило все громадных денег. Как мне кажется, работа выполнена блестяще, не прав да ли? Команда, выполнявшая ее, состоит из людей, в прошлом работавших художниками на телевидении. Я рад, что вам понравилось. Думаю, что на многих людей увиденное вами произведет не менее сильное впечатление. Конечно, нас интересуют прежде всего Раны. — Дживанджи смеется глубоким клокочущим смехом. — Ну а теперь к делу, госпожа Аскарзада. Надеюсь, вы понимаете, что вам была предоставлена высокая честь предварительного просмотра. На репортаже об этом событии можно заработать довольно внушительную сумму... Вне всякого сомнения, вы задаетесь вопросом: что все это значит? А дело попросту заключается в том, что партия, которую я возглавляю, время от времени получает информацию, каковую нам не хотелось бы разглашать по обычным каналам. И вы станете нашим рупором. Но необходимо

также понимать, что мы вольны в любой момент отнять упомянутую привилегию. Моя секретарша уже подготовила заявление, которое она направит на ваш палм. Там содержатся мои мысли о паломничестве, о моей верности Бхарату и моем намерении сделать паломничество ядром идеи национального единения перед лицом общего врага. Аутентичность заявления можно удостоверить в пресс-секретариате. Могу ли я надеяться на то, что увижу соответствующий материал в вечерних изданиях?.. Хорошо. Спасибо, госпожа Аскарзада, да благословят вас боги.

С приятным мелодичным звоном заявление поступает на палм. Наджья быстро просматривает его. Все в точности так, как сказал Эн Кей Дживанджи. У девушки такое ощущение, как будто ее ударили по голове большой, мягкой, но тяжелой битой. Она почти не слышит слов, которые произносит парень-шиваджи:

— Это был он? На самом деле он?.. Я не расслышал всего, что он говорил. Что он говорил?..

Эн Кей Дживанджи. У Саджиды Раны интервью может взять любой. Но у самого Дживанджи... Наджья готова прыгать от радости. Главная новость! Эксклюзив! Фотографии с ее копирайтом. Они разлетятся по всей планете еще до того, как

высохнут чернила на контракте...

Девушка садится на мопед, едет по направлению офису «Бхарат таймс», выезжает за ворота — прямо на школьный автобус. Одна мысль пронизывает оглушенное сознание Наджьи.

Почему именно она?..

Мумтаз Хук, исполнительница газелей, будет петь в десять. К тому времени Шахин Бадур Хан собирается уже уехать. И дело совсем не в том, что ему не нравится Мумтаз Хук. У него есть несколько ее музыкальных сборников, хотя интонации певицы далеко не так чисты, как у Р. А. Воры. Но Хану просто не нравятся подобные вечеринки. Он берет обеими руками бокал с гранатовым соком и уходит в тень, где сможет смотреть на часы, не будучи никем замеченным.

Садик Даваров представляет собой прохладный влажный оазис, состоящий из нескольких павильонов и навесов, расположенных среди источающих нежный аромат деревьев и идеально подстриженных кустов. Здесь ясно чувствуешь запах больших денег... да, это взятки чиновникам управления водоснабжения. Фонари и масляные факелы создают своеобразное освещение. Одетые в стиле Раджпут официанты с серебряными подносами, уставленными разнообразными яствами

и алкоголем, бесшумно движутся среди пестрой толпы гостей. Музыканты исполняют национальные мелодии под деревом харсингар. Здесь будет петь Мумтаз Хук, а потом для вящего удовольствия приглашенных будет устроен фейерверк. Об этом своим гостям постоянно напоминает Нилам Давар. Газели и фейерверк! Вы получите истинное наслаждение!

Билкис Бадур Хан находит супруга в том месте, где он укрылся от праздничной суеты.

— Милый мой, сердце мое, пожалуйста, сделай хотя бы вид, что тебе интересно.

Шахин Бадур Хан целует жену официальным равнодушным поцелуем.

— Нет, не уговаривай, я останусь здесь. Если я выйду к ним, то у меня будет два выбора: в том случае, если меня узнают, начнутся бесконечные разговоры о войне, если же не узнают — то предстоит болтовня о школах, ценах и крикете.

— Кстати о крикете. — Билкис прикасается к рукаву Шахина, как бы желая поделиться с ним чем-то интимным. — Шахин, это же совершенно неподражаемо... Не знаю, где их берет Нилам. Настолько ужасная, неопрятная деревенская женушка... Ты же прекрасно знаешь подобный тип: девка прямо с бихарского автобуса, которая

ухитрилась выйти за муж за человека выше ее по общественному статусу, а потом кричит об успехе на каждом шагу. Вот она, смотри, вон там... Мы стоим беседуем, а она топчется вокруг, явно желая влезть в наш разговор. Мы начинаем говорить о крикете и об эпохе Тэндона* [Один из лидеров национально-освободительного движения в Индии], и тут ей удается вставить слово — ну, не поразительно ли?! — о восьмом и финальном мячах в матче, да еще с видом серьезного знатока. Нет, это совершенно неподражаемо!

Шахин Бадур Хан оборачивается, глядя на женщину, которая стоит под баньяном в полном одиночестве, с чашей ласси в руке. Рука, сжимающая серебряный сосуд, тонка и изящна. На пальце вытатуировано обручальное кольцо. В женщине чувствуется особая крестьянская грация. Высокая, стройная, утонченная и очень простая в поведении, без малейшей выспренности, свойственной другим дамам, что сразу бросается в глаза. В ней есть что-то невыразимо печальное, думает Шахин Бадур Хан.

— Да, совершенно неподражаемо! — соглашается он, отворачиваясь от жены.

— А, Хан! Я так и думал, что ты покажешь здесь свою варварскую физиономию.

Шахин Бадур Хан уже пытался ускользнуть от Бала Гангули, но этот громадный мужчина способен чувствовать новости по запаху. Собственно, новости — его главная цель и страсть в жизни как владельца главного новостного сайта на хинди в Варанаси. Хотя его постоянно сопровождает компания неженатых внештатных корреспондентов — на подобных вечеринках всегда можно встретить женщин, которые могли бы составить неплохую партию, — сам Гангули закоренелый холостяк. Только идиот станет тратить жизнь и здоровье на строительство клетки для себя самого, частенько говорит он. Шахину Бадур Хану известно также и то, что Гангули принадлежит к числу самых значительных спонсоров шиваджи.

— Итак, какие новости из Сабхи? Нужно ли начинать строить бомбоубежище или пока просто можно запасаться рисом?

— Мне жаль вас разочаровывать, но на нынешней неделе войны не предвидится.

Шахин Бадур Хан оглядывается по сторонам в поисках предлога для бегства. Его окружает стайка холостяков.

— Знаете, меня совсем не удивит, если Рана объявит войну, а полчаса спустя пошлет бульдозеры на развязку Саркханд.

Гангули хохочет над собственной шуткой. У него громкий, клокочущий, заразительный смех. Даже Шахин Бадур Хан не может сдержать улыбки. Поклонники Гангули соревнуются между собой, кто посмеется громче всех шутке патрона. При этом они оглядываются по сторонам, не смотрит ли на них какая-нибудь женщина.

— Ну ладно, Хан. Вы же понимаете, какая серьезная штука война. Под нее можно продать большие рекламные площади.

Взгляд Шахина Бадур Хана снова устремляется на «деревенскую женушку», стоящую под баньяном. Она пребывает как бы между двумя мирами. Ни в одном и ни в другом. То есть в самом худшем месте из возможных.

— Мы не будем начинать войну, — спокойным и ровным голосом говорит Шахин Бадур Хан. — Если пять тысяч лет военной истории и научили нас чему-то — так это прежде всего тому, что вести войны мы-то как раз и не умеем. Мы любим порисоваться, покричать, но вот когда дело доходит до реального сражения, нам сразу же становится не по себе. Вот почему британцы нас всегда побеждали. Индийцы сидели за своими укреплениями, а они наступали и наступали. Мы думали: что ж, когда-нибудь они остановятся.

А враги продолжали идти вперед со штыками наперевес. Так было во втором и в двадцать восьмом годах в Кашмире, так будет и в Кунда-Хадаре. Мы соберем войска по нашу сторону плотины, они сгруппируются на той стороне. Обменяемся несколькими артиллерийскими залпами, после чего, удовлетворив иззат, все маршем разойдемся по домам.

— В двадцать восьмом году никто не умирал от жажды, — гневно восклицает один из юных бумагомарак.

Гангули сдерживается, решив повременить со следующей остротой. Репортеры не привыкли говорить запросто с личными секретарями премьер-министров.

Воспользовавшись легким замешательством, Шахин Бадур Хан ускользает от надоевшего ему кружка Гангули. Девушки из низших каст провожают его взглядами. У власти одинаковый запах, как для города, так и для деревни. Шахин Бадур Хан легким поклоном приветствует их, но наперехват уже движется Билкис со своими подругами-адвокатессами. Дамы, Привыкшие К Тяжбам. Карьера Билкис, как и у целого поколения образованных женщин, сама собой растворилась в светской суете и новых неожиданно возникших

ограничениях. Их лишили работы не законы, не имамы, не условности кастовой системы. Работа просто утратила смысл для женщины в обществе, где за каждое место воюют по меньшей мере пятеро мужчин, а любая образованная и воспитанная девушка может легко выйти замуж за богатого и влиятельного жениха. Добро пожаловать в хрустальную зенану!

Умные дамы беседуют об одной их знакомой вдове. Блестящая женщина, активистка движения Шиваджи, очень образованная и интеллигентная. Не успела она отойти от погребального костра — и что же? Полное банкротство. Не осталось ни пайса. Вся мебель ушла на погашение долгов. На дворе 2047 год, а культурную интеллигентную женщину, как и прежде, могут вышвырнуть на улицу. Слышал ли о ней кто-нибудь? Надо к ней наведаться. Дамам необходимо держаться вместе. Солидарность — прежде всего. Мужчинам доверять нельзя.

Музыканты занимают места на пандале, настраивают инструменты, что-то наигрывая. Шахин Бадур Хан рассчитывает ускользнуть, как только появится Мумтаз Хук. Рядом с воротами большое дерево, он сможет спрятаться в его тени, а затем, когда начнут аплодировать,

незаметно выйдет и вызовет такси. Но вот еще один — по-видимому, желающий по беседовать с ним. Человек в слегка помятом костюме государственного служащего, с бокалом в руках. У него руки утонченного интеллигента — так же, как и черты лица, но есть что-то тягостное и настораживающее. Большие темные глаза — с животным ужасом, застывшим в них. Это тот страх, который звери испытывают по отношению ко всему, что видят впервые.

— Вам не нравится музыка? — спрашивает Шахин Бадур Хан.

— Предпочитаю классику, — отвечает мужчина.

У него голос и интонации человека, получившего образование в Англии.

— Я сам всегда считал, что Индиру Шанкар весьма недооценивают.

— Нет, я имел в виду классическую музыку. Западную классику. Ренессанс, барокко.

— Да, я, наверное, представляю, что это такое, но настоящего интереса не испытываю. Боюсь, подобная музыка кажется мне одной сплошной истерикой.

— Наверное, вы говорите о романтиках, — замечает мужчина с приятной улыбкой, уже твердо

зная, что у него с Шахин Бадур Ханом много общего. — А чем вы сами занимаетесь?

— Я государственный служащий, — отвечает Шахин Бадур Хан.

Мужчина на мгновение задумывается над его ответом.

— Я тоже, — говорит он. — А можно поинтересоваться, где именно вы работаете?

— В информационном управлении, — отвечает Шахин Бадур Хан.

— Борьба с сельскохозяйственными вредителями, — сообщает о себе мужчина. — Значит, за наших хозяев!

Он поднимает бокал, и Шахин Бадур Хан замечает, что костюм собеседника испачкан грязью и сажей.

— Да-да, конечно, — отвечает Шахин Бадур Хан. — В самом деле счастливое дитя.

На лице у мужчины появляется гримаса.

— К сожалению, не могу с вами согласиться. У меня есть претензии к генной инженерии.

— Вот как?

— Это кухня, в которой варится революция.

Шахин Бадур Хан поражен горячностью, с которой мужчина произнес последнюю фразу. Он продолжает:

— Бхарату сейчас меньше всего нужна еще одна каста. Они могут называть себя брахманами, но на самом деле это самые настоящие неприкасаемые. — Мужчина вдруг понимает, что слегка забылся. — Извините, я ведь, собственно, ничего о вас не знаю, так как...

— У меня два сына, — говорит Шахин Бадур Хан. — Оба родились самым обычным традиционным способом. Теперь они уже, слава Богу, благополучно учатся в университете, где, вне всякого сомнения, каждый вечер и ночь заняты поиском суженых, что наверняка обречено на провал.

— Мы живем в деформированном обществе, — комментирует его слова собеседник.

Шахин Бадур Хан задается вопросом, не джинн ли этот человек, посланный для того, чтобы озвучить его собственные мысли, которые он сам постоянно повторяет в душе. Хан вспоминает молодую пару, что имела впереди блестящую карьеру, сияющие жизненные перспективы, гордых родителей, радующихся счастью своих детей. И, конечно, гордых за будущих внуков, за сыновей своих детей. Самое главное в жизни — родить сына. И вот начинаются приемы у врачей; семейства, собирающиеся специально для обсуждения результатов медицинских тестов. Затем

— горькие маленькие таблетки и мерзкое, отвратительное время ожидания. Шахин Бадур Хан не знает и не может знать, сколько неродившихся дочерей было уничтожено подобным образом.

Он бы с удовольствием продолжил беседу с этим человеком, но внимание мужчины внезапно привлек кто-то в зале. Шахин следит за его взглядом. Та женщина, о которой с таким презрением говорила Билкис, очаровательная «поселянка», пробирается сквозь взволнованную толпу гостей. Вот-вот прибудет дива.

— Моя жена, — сообщает мужчина. — Она меня зовет. Пожалуйста, извините. Было очень приятно с вами познакомиться.

Собеседник Хана ставит бокал с шампанским на землю и идет к женщине.

Слышатся аплодисменты, на сцену выходит Мумтаз Хук. Она улыбается, улыбается, улыбается своим слушателям. Ее первая песня сегодня будет подарком щедрым хозяевам — в надежде на счастье, долгую жизнь и процветание их благословенного ребенка. Музыканты ударяют по струнам.

Шахин Бадур Хан уходит.

Он поднимает руку, чтобы остановить какое-нибудь такси, редкое в здешних краях, где живут

люди, располагающие собственным транспортом. Но безуспешно. Тут какой-то авторикша с громыханием проезжает мимо, останавливается у разрыва в разделительной полосе и подъезжает к тротуару. Шахин Бадур Хан спешит к нему, но рикша резко поворачивает и откатывает к противоположному тротуару. Шахин Бадур Хан замечает фигуру в тени пластикового навеса, укутанную в какую-то ткань.

Авторикша вновь пересекает разделительную линию и с грохотом подъезжает к Шахин Бадур Хану. Из повозки глядит лицо — элегантное, чуждое, хрупкое. Под скулами залегли тени. Свет поблескивает на безволосом, посыпанном слюдой черепе.

— Прошу вас, вы можете разделить со мной прогулку.

Шахин Бадур Хан отшатывается, как будто джинн произнес тайное имя его души.

— Не здесь, не здесь, — шепчет он.

Ньют моргает глазами. Медленный поцелуй. Рев мотора, маленький фатфат влетает в ночной поток машин. Свет уличных фонарей падает на серебряный медальон на шее у ньюта — трезубец Шивы.

— Нет, — умоляет Шахин Бадур Хан. — Нет...

Он человек, на котором лежит большая ответственность. Сыновья выросли и покинули дом, жена все эти годы была для него практически чужой. Но у него есть такое множество других обязанностей: проблемы войны и мира, засухи, целое государство, о котором надлежит заботиться. Тем не менее водителю Хан дает вовсе не адрес своего дома. Они едут совсем в другое место, в особое место. Куда, как он надеется, ему больше уже никогда не придется ездить. Жалкая надежда. То особое место находится в гали, слишком узком для машин. Над головой нависают деревянные джхароки с искусной резьбой и старые испорченные кондиционеры. Шахин Бадур Хан открывает дверцу такси и выходит в иной мир. Он напряженно и часто дышит, с трудом сдерживая дрожь. Вот пришли... В быстро исчезнувшем свете открывшейся и тут же закрывшейся двери — два силуэта, слишком изящные, слишком элегантные, слишком хрупкие и беззащитные для земных созданий.

— О, — издает он приглушенный возглас. — О!..

14
Тал

Тал бежит. Чей-то голос из такси зовет Тал. Ньют не оглядывается. И не останавливается. Тал бежит, шаль развевается за спиной размытым пятном темно-синего пейсли. Истошно сигналят автомобили, чьи-то лица изрыгают проклятия. Тал чувствует запах пота и видит блеск чужих зубов. Чудом выскакивает из-под колес маленького быстрого «форда». Отовсюду слышны звуки музыки. Тал поворачивается, обходит оглушительно воющие сирены грузовиков, ловко проскальзывает между пикапом и автобусом, отправляющимся от остановки. Ньют задерживается на мгновение на островке безопасности, чтобы оглянуться назад. Маленькое такси все еще пыхтит у тротуара. Рядом стоит какая-то фигура, залитая светом фар.

Тал ныряет в стальной поток машин.

Этим утром Тал пытается спрятаться от всех за якобы срочными делами, за сказками о нестерпимой головной боли, но все равно каждый считает своим долгом подойти и получить хотя

бы небольшую толику бликов сла-а-авы зна-а-аме-нитых люде-е-ей на та-а-акой гла-а-амурной вечеринке. Нита была просто зачарована. Даже на первый взгляд вполне равнодушные к подобным делам крутые ребята, то и дело мелькавшие мимо компьютера Тала, ухитрялись — конечно, не напрямую, — атаковать Тала намеками и подозрениями. Сеть полнилась сообщениями о вечеринке — так же, как и новостные каналы. Даже выпуски новостей часа отправляли снимки с приема на палмы по всему Бхарату. И на одном из снимков было изображение двух ньютов, танцующих в центре зала под аплодисменты и задорные выкрики присутствующих.

И тут у Тала за глазами включился нервный Кунда-Хадар, и все снова ожило. Абсолютно все. До мелочей. Каждая подробность. Ласки в такси, нечленораздельные бормотания и кощунства в отеле в аэропорту. Утренний свет, серый и беспощадный, обещающий еще один день нестерпимой жары, и карточка на подушке...

— О... — шепчет Тал. — Нет.

Тал возвращается домой поздно — из-за торжеств по поводу приближающегося бракосочетания Апарны Чавлы и Аджая Надиадвала — с развившейся за день манией преследования.

Скорчившись в фатфате, ньют чувствует давление карточки, лежащей в сумке, тяжелой и опасной, как пакет с радиоактивным веществом. Необходимо сейчас же избавиться от нее. Выбросить в окно. Пусть она как бы сама собой упадет на пол такси. Потерялась и забылась — вполне естественно. Но Тал не может так поступить. Тал страшно боится того, что это — любовь, и у Тала нет соответствующего саундтрека для подобного состояния.

На лестнице снова много женщин, они то идут вверх по ступенькам, то спускаются, несут пластиковые ведерки с водой, болтают, но вдруг их голоса затихают — они замечают, что мимо протискивается Тал, бормоча путаные извинения. За спиной Тала звучат приглушенный шепоток и хихиканье. Любой шорох, любая доносящаяся откуда-то мелодия сильной пощечиной бьет по лицу Тала. Не думай об этом. Через три месяца тебя здесь не будет. Тал вваливается в свою комнату, срывает с себя сделавшиеся отвратительными, пропахшие табачным дымом вечерние одежды и бросается в постель.

Тал программирует двухчасовой сон без сновидений, однако возбуждение, сильная боль в сердце и какое-то мучительное чувство рас-

терянности преодолевают технологическую заданность. Ньют лежит, смотрит на полоски света, отбрасываемые оконными рамами, на то, как они движутся по потолку, похожие на медлительных червячков, и вслушивается в хаотический бесконечный хорал городского шума.

Тал вновь развертывает в памяти безумную ночь, разглаживая ее мучительные неровности. Вечер был нужен Талу не для того, чтобы найти возлюбленного, даже не для того, чтобы потрахаться. Вечер был нужен Талу, чтобы совсем немного поразвлечься среди знаменитостей и получить свою крошечную долю гламура. Талу не надо возлюбленных. Талу не требуется усложняющих жизнь связей. Тал не нуждается в путанице. И меньше всего Талу нужна любовь с первого взгляда. Любовь и все остальные ужасы, которые, как еще недавно казалось Талу, остались в Мумбаи.

Мама Бхарат не сразу ответила на стук Тала. Похоже, ей нездоровится, она с трудом открывает дверь. У Тала нашлась чашка воды, которой хватило для небольшого омовения — смыть с себя остатки сна и грязи, но дым, алкоголь и секс как будто въелись в само существо Тала. Их запах вызывает отвращение. Пока старушка готовит чай,

ньют, сидя на низком диване, смотрит новости по кабельному телевидению, почти отключив звук. Мама Бхарат теперь все делает очень медленно, слабеет с каждым днем. Ее старость пугает Тала.

— По-моему, — говорит Тал, — я понимаю, что такое любовь.

Мама Бхарат откидывается на спинку кресла и сочувственно качает головой.

— В таком случае тебе надо все мне рассказать.

Тал начинает свой рассказ от момента выхода в парадную дверь подъезда и доводит его до карточки на подушке.

— Покажи мне карточку, — просит Мама Бхарат.

Она вертит ее в потемневших, изуродованных временем руках. Сжимает губы.

— У меня вызывает большие сомнения мужчина, оставляющий карточку не с домашним, а с клубным адресом.

— Но ньют — не мужчина.

Мама Бхарат закрывает глаза.

— Ну конечно. Прости. Хотя ведет он себя как мужчина.

Пылинки поднимаются на горячей полоске солнечного света, пробивающейся сквозь растрескавшийся деревянный ставень.

— Ну и что же по отношению к нему ты чувствуешь?

— Любовь.

— Я не об этом. Какие планы относительно него?

— Я думаю... Мне кажется... Я хочу быть с этим ньютом, я хочу идти туда, куда идет ньют, видеть то, что видит ньют, делать то, что делает ньют, — просто для того, чтобы знать множество мелких, но очень важных вещей. Вам что-нибудь понятно?

— Я все поняла, — отвечает Мама Бхарат.

— И как вы думаете, что мне делать?

— А что же еще можно сделать?

Тал резко встает, сжав руки.

— Значит, так я и поступлю.

Маме Бхарат удается удержать стакан Тал, который из-за слишком решительного движения мог упасть на ковер и залить его горячим сладким чаем. Шива Натараджа, бог танца, с полки на этажерке наблюдает за происходящим. Его все сокрушающая нога занесена над несчастным миром.

Остатки дня Тал проводит в традиционной отключке, которая представляла собой формальный и достаточно сложный процесс, начинавшийся с

составления микса. Для подобного занятия существовало название «STRANGE CLUB»* [«Странный клуб»]. Сарисинные ди-джеи составляли подборку из последних забойных грувов и традиционных вьетнамских, бирманских и ассамских мелодий.

Тал сбрасывает с себя одежду, подходит к зеркалу, поднимает руки высоко над головой, любуется своими округлыми плечами, по-детски изящным торсом, полными бедрами — без всяких половых органов между них. Тал подносит запястья рук к зеркалу, внимательно рассматривает отражение гусиной кожи от подкожных контрольных штифтов, созерцает очень красивые шрамы на руках.

— Ну что ж, играй!

Музыка включается с такой силой, что сотрясается пол. И практически сразу же сосед по имени Пасван начинает стучать в стену и орать что-то о шуме, ночной смене, собственной бедной жене и детях, которых мерзкие извращенцы-педерасты-гомики доводят до безумия.

Налюбовавшись отражением в зеркале, Тал в танце доходит до уютного местечка рядом со шкафом и балетным взмахом руки отодвигает занавеску. Покачивая телом в ритме музыки, ньют рассматривает свои костюмы, представляя различные сочетания, находя в них неожидан-

ную символику, туманные намеки. Господин Пасван уже колотит в дверь, клянется, что он спалит всех сумасшедших паразитов в округе, вот посмотрите!.. Тал раскладывает на кровати подобранную им комбинацию, вновь в танце перемещается к зеркалу, открывает коробочки с гримом и косметикой.

К тому времени, когда солнце село в роскошные грязно-карминные и кровавые цвета заката, ньют уже полностью готов к тому, чтобы отправляться в путешествие. Пасваны примерно час назад перестали стучать в стену, и теперь до Тала долетали только отчаянные всхлипывания.

Ньют извлекает чип из плеера, сует его в сумочку и отправляется в темную-темную ночь.

— Отвезите меня в указанное здесь место.

Водитель фатфата смотрит на карточку и кивает. Тал включает микс и откидывается на сиденье, чувствуя приближение экстаза.

Клуб расположен в весьма непривлекательном переулке. Но Талу прекрасно известно, что большинство лучших клубов располагается именно в таких районах. Входная дверь — резного дерева, посеревшая, с множеством прожилок от жары и грязи; такое впечатление, что она здесь еще с доколониальных времен. Мигает глазок маленькой

камеры слежения. Дверь открывается от простого прикосновения. Тал отключает микс, прислушивается. Звук традиционного дхола и бансури. Ньют делает судорожный вдох и входит.

Здесь когда-то жил какой-то большой господин. Балконы, сделанные из того же сильно поврежденного временем сероватого дерева, поднимаются на целых пять этажей вокруг внутреннего дворика, теперь полностью застекленного. Вьющиеся растения и бананы буйно разрослись по стенам, по резным деревянным колоннам, расползлись они и по ребрам стеклянного купола. Из самого центра крыши свисают гроздья биолюминисцентных ламп, похожие на странные вонючие плоды. На выложенном плиткой полу расставлены терракотовые масляные светильники. Повсюду мерцание и загадочные тени. Из углублений в крытых деревянных галереях слышны звуки приглушенной беседы и мелодичное журчание смеха ньютов. Музыканты, самозабвенно сосредоточившиеся на своих мелодиях, сидят на коврике лицом друг к другу у центрального бассейна — мелкого четырехугольника, заросшего лилиями.

— Добро пожаловать.

Словно в кино перед Талом появляется ма-

ленькая, похожая на птичку женщина. На ней малиновое сари и бинди представительницы касты брахманов. Она идет, немного склонив голову набок. Тал внимательно смотрит на нее. Ей, наверное, лет семьдесят — семьдесят пять. Взгляд женщины скользит по лицу Тала.

— Пожалуйста, чувствуйте себя как дома. У меня гости из всех слоев общества, из Варанаси и окрестностей.

Среди широких листьев женщина находит крошечный банан, срывает его, очищает от кожуры и протягивает Талу.

— Ну, давайте, ешьте, ешьте. Они у меня растут просто так, я за ними не ухаживаю.

— Мне не хотелось бы проявлять невежливость, но...

— Вы желаете знать, для чего это. Для того, чтобы вы почувствовали себя так, как чувствуют себя все находящиеся здесь. Для начала каждый должен съесть один такой плод. Существует множество его разновидностей, но начинаем мы с тех, что растут у дверей. Остальное вы узнаете позже. Расслабьтесь, дорогуша. Помните: вы среди друзей.

Она вновь предлагает Талу банан. Принимая его у нее из рук, Тал замечает изгиб пластика у

женщины за правым ухом. Все сразу становится понятным: и своеобразный взгляд, и наклон головы. Хёк слепого. Тал надкусывает банан. У плода действительно вкус банана. И вдруг неожиданно для себя Тал начинает различать незамеченные раньше детали резьбы на деревянных балюстрадах, узор плитки на полу, цвета и особое плетение дхури. Теперь отчетливо звучат отдельные музыкальные партии, и ньют чувствует, как они сталкиваются, переплетаются, сливаются в единую мелодию. У Тала необычайно усиливается острота всех чувств. Сознание становится ясным. Ньют чувствует в затылке некое тепло, нечто подобное внутренней улыбке. Тал еще дважды кусает банан и съедает его полностью. Слепая старушка забирает у него кожуру и бросает ее в маленькое деревянное мусорное ведро, уже наполовину заполненное чернеющей пахучей кожицей плодов.

— Мне нужен кое-кто. Транх.

По лицу Тала скользит ищущий взгляд черных глаз старушки.

— Транх. Милашка. Нет, Транх здесь нет... пока... Но Транх придет, придет...

Старушка радостно сжимает руки. Начинает действовать банан, и Тал чувствует, как мягкое

тепло распространяется от агнья-чакры по всему телу. Ньют включает свою музыку и приступает к изучению загадочного клуба. На балконах вокруг небольших столиков расставлены низенькие диванчики. Для тех, кто не желает есть бананы, имеются элегантные медные кальяны. Тал проплывает мимо группки ньютов, окутанных облаком дыма. Они наклоняют головы, приветствуя Тала. Однако здесь не только ньюты, здесь много обычных людей. В углу, в алькове, китаянка в восхитительном черном костюме целует ньюта. Ньют лежит на спине на широком диване. Пальцы китаянки ловко поигрывают с гормональной гусиной кожей на предплечье у ньюта. Что-то внутреннее подсказывает Талу, что лучше бы отсюда уйти, но это ощущение сразу же вытесняется приятным теплым чувством полной утраты ориентации в пространстве. Еще один банан — и все будет хорошо.

Тал осторожно делает шаг к краю пруда, чтобы получше рассмотреть балконные ярусы. Чем выше вы поднимаетесь, тем меньше одежды вам нужно, делает вывод Тал. Все в порядке. Все в полном порядке. Так сказала слепая женщина.

— Транх?.. — произносит Тал у группы, сгрудившейся у источающего сильный аромат кальяна.

Совсем еще юный и такой хрупкий очаровательный ньют с тонкими чертами восточноазиатского лица выглядывает из-под множества мужских тел.

— Извините, — говорит Тал и проходит мимо.

— Вы видели Транх? — спрашивает Тал у какой-то нервной дамы, стоящей у дивана рядом со смеющимися ньютами.

Они все поворачиваются и пристально смотрят на Тала.

— Транх еще нет?

Мужчина стоит у третьей лозы с волшебными бананами. На нем неброский полуофициальный вечерний костюм. «Джейджей Валайя», Талу сразу же становится ясно по покрою. Элегантный мужчина, худощавый, среднего возраста, явно проявляющий заботу о своей внешности. Правильные, красивые черты лица, тонкие губы, недюжинный ум в быстрых проницательных глазах. Но и глаза, и лицо какие-то нервные. А руки — Тал видит это благодаря сказочной силе, которую придали его зрению бананы, предельно концентрирующие внимание, — великолепно ухожены и... заметно дрожат.

— Простите? — говорит щеголеватый мужчина.

— Транх... Транх здесь?

Чувствуется, что мужчина находится в некотором затруднении. Он срывает банан с небольшой грозди рядом со своей головой и предлагает Талу.

— Мне нужен кое-кто, — говорит Тал.

— Кто же именно? — спрашивает мужчина и вновь протягивает банан.

Тал жестом отказывается.

— Транх. Вы не...

Тал уже идет дальше.

— Пожалуйста! — Мужчина зовет Тала, зажав банан в кулаке, словно фаллос. — Постойте, поговорите со мной, просто поговорите...

И тут Тал видит...

Даже в мерцающем свете масляных светильников, даже в тени, отбрасываемой балконом, этот профиль невозможно спутать ни с чьим другим. Изгиб скул, то, как ньют наклоняется вперед и как энергично взмахивает руками во время беседы... Смех, напоминающий звон храмового колокола...

— Транх.

Ньют не поднимает взгляда, увлеченный беседой с друзьями, столпившимися вокруг низкого столика. Они делятся какими-то общими воспо-

минаниями.

— Транх.

Теперь Тал услышали. Транх поднимает взгляд. Первое, что Тал читает в устремленных на него глазах, — абсолютное и совершенно искреннее непонимание. Кто вы такой? Но потом — узнавание, воспоминание, удивление, шок, раздражение. И наконец — растерянность и досада.

— Извините, — говорит Тал и выходит из алькова. Все взгляды устремлены на Тала. — Извините. Ошибся...

Ньют поворачивается и тихо ускользает. Голова Тала раскалывается от желания разрыдаться. Тот застенчивый чело век все еще стоит среди зелени. Продолжая ощущать на себе чуждый и враждебный взгляд, Тал берет банан из мягкого кулака мужчины, сдирает кожуру и впивается в него зубами. И почти тотчас же ньют начинает чувствовать, как дворик рас ширяется до бесконечности. Тал предлагает странный фрукт мужчине.

— Спасибо, не надо, — мямлит тот в ответ, но Тал решительно берет его за руку и ведет к свободному дивану.

Ньют все еще чувствует жжение от того страшного взгляда у себя на затылке.

— Итак, — говорит Тал, садясь на диван и опуская руки на колени. — Вы хотели поговорить со мной. Что ж, давайте поговорим.

Взгляд, брошенный в сторону. Те, другие, все еще про должают смотреть на них. Тал доедает банан, чувствуя зачаровывающее притяжение мерцающих светильников. В следующее мгновение мысль Тала обращается к фасаду курдского ресторана. Официант быстро проводит ньюта мимо столиков, мимо удивленных костюмеров прямо к маленькой кабинке в самом конце помещения, разделенного источающими аромат ширмами из резного кедра.

Бананы слепой старушки, подобно хорошим гостям, пришли вовремя и ушли рано. Тал чувствует, как резные геометрические узоры на деревянных ширмах возвращаются откуда-то из межзвездных пространств и сжимаются до обычного размера, вызывая какие-то клаустрофобические ощущения. В ресторане жарко, и голоса посетителей, шумы кухни и улицы кажутся слишком близкими и громкими.

— Надеюсь, вы не возражаете против этого ресторана... мне не нравится там, где мы только что были, — говорит мужчина. — Трудно беседовать... беседовать по-настоящему. Здесь очень хорошо и

так ненавязчиво.

Им приносят еду и бутылку прозрачного алкоголя вместе с кувшином воды.

— Арак, — говорит мужчина, наливая немного из бутылки. — Сам я не пью, но слышал, что арак может вдохновить на мужественные поступки.

Он добавляет воды. Тал с удивлением наблюдает за тем, как прозрачная жидкость приобретает сверкающий молочно-белый цвет. Ньют глотает, морщится от привкуса аниса, затем делает еще один глоток, меньший, более выверенный.

— Ньют — чуутья, — провозглашает Тал. — Транх. Ньют — чуутья. Ньют даже не глядит на меня. Сидит и что-то мычит со своими друзьями. Мне не следовало приходить.

— Как трудно найти того, кого можно было бы просто послушать, — говорит мужчина. — Того, кто не связан жестким расписанием, кто ничего у меня не просит и не пытается мне ничего продать. Там, где я работаю, все стремятся услышать, что я намерен сказать, каждое слово, произнесенное мной, ценится дороже золота. До встречи с вами я был на торжественном официальном приеме. Все смотрели мне в рот. Кроме одного человека. Очень странного человека, сказавшего весьма странную вещь. Он заявил, что мы

— деформированное общество. И я слушал его, внимательно слушал.

Тал делает еще один совсем маленький глоток арака.

— Чо чвит, нам, ньютам, такое хорошо известно.

— Ну, расскажите мне о ваших секретах. Расскажите мне о себе. Я хотел бы узнать о вас как можно больше.

Под внимательным взглядом этого человека Тал остро чувствует все свои шрамы, все свои импланты.

— Меня зовут Тал, я родом из Мумбаи, год рождения — 2019-й. Работаю в «Индиапендент» в группе создателей «мыльной метаоперы» «Город и деревня».

— А в Мумбаи, — перебивает Тала мужчина, — в 2019 году, когда вы родились, что...

Тал прикладывает палец к его губам.

— Никогда, — шепчет «эно», — никогда не спрашивайте, никогда не говорите. До того, как сделать Шаг-В-Сторону, я был другой инкарнацией. Я живу только сейчас, вы понимаете? До того была иная жизнь, и я умер и родился снова.

— Но как... — настаивает мужчина.

И вновь Тал прикладывает свой мягкий блед-

ный палец к его губам. Ньют чувствует, как дрожат эти губы — трепет теплого, приятного дыхания.

— Вы же сказали, что хотите слушать, — произносит Тал и плотнее запахивает на себе шаль. — Мой отец был хореографом в Болливуде* [Название бомбейских киностудий] и одним из самых известных. Вы когда-нибудь видели Ришту? Тот номер, где они танцуют на крышах автомобилей во время уличной пробки. Это ставил он.

— Боюсь, я не большой знаток кино, — отвечает мужчина.

— Под конец оно стало совсем заумным. С собственным внутренним кодом, для знатоков. Так всегда бывает. Все становится каким-то чрезмерным, а потом умирает. Отец познакомился с моей матерью на съемках «Влюбленных адвокатов». Она была итальянкой и проходила подготовку по технологии «хаверкам». В то время Мумбаи был центром ее развития, даже американцы присылали туда людей поучиться новой методике. Так вот они познакомились, поженились, а шесть месяцев спустя на свет появляюсь я. И прежде чем вы спросите, я скажу вам: нет. Единственное дитя. Мои родители были большими любителя-

ми выпивок на Чаупатти-Бич. Мне приходилось бывать с ними на всех вечеринках. В качестве некоего аксессуара. Великолепный ребенок — на зависть многим. Меня всегда окружала атмосфера киногламура и киношных сплетен. Санни и Костанца Вадхер с их очаровательным младенцем делают покупки на Линкинг-роуд, а вот они на съемочной площадке Аап Муджхе Акче Лагне Лаге, в ресторанчике «Челлия»... Наверное, мои родители были самыми эгоистичными людьми из всех, кого мне когда-либо приходилось встречать. Но их подобные вещи ничуть не стесняли. Однако именно в этом как раз и обвинила меня Костанца, когда для меня пришло время совершить Шаг-В-Сторону. Она сказала, что видит в моем поступке проявление немыслимого эгоизма. Вы представляете? У кого же, по ее мнению, мне можно было научиться упомянутому эгоизму? Родителей нельзя было назвать глупыми. Они были эгоистами, но совсем не глупыми. И они прекрасно понимали, что должно произойти, если в кино начнут вводить сарисинов. И вот вначале были актеры, живые актеры, болливудские киножурналы полнились снимками Вишал Даса и Шрути Раи, а уже в следующем номере «Филмфэа» на центральном постере только сарисины

— и ни одного живого существа. Все произошло невообразимо быстро.

Мужчина что-то бормочет, наверное, пытается выразить вежливое удивление.

— Санни добивался того, чтобы у него на гигантском лэптопе танцевала сотня исполнителей, но теперь нажатием одной кнопки, простым прикосновением можно все отсюда до горизонта заполнить танцовщиками, причем пляшущими с немыслимой синхронностью. Теперь стало возможным одним щелчком воспроизводить на облаках миллион танцующих. Вначале больше всего от перемен пострадал именно Санни. У него испортился характер, он стал крайне раздражительным, буквально бросался на людей. Собственно, такое случалось и раньше. Когда что-то было ему не по душе, Санни становился настоящим негодяем. Думаю, именно поэтому мне пришла в голову мысль заняться «мыльными операми». Показать, что есть нечто, в чем он смог бы кое-чего добиться, если бы только дал себе труд заняться этим и не задирал до такой степени нос, кичась своим имиджем и статусом. Хотя, может быть, просто меня это по-настоящему никогда и не заботило... Вскоре настало мрачное время и для Костанцы. Вначале исчезла необходимость

в актерах и танцовщиках, потом в кинокамерах и операторах. Все — в компьютерной коробке. Они пытались бороться. Мне, наверное, было лет десять или одиннадцать, я помню, как они орали так громко, что соседи начинали колотить в нашу дверь. Вот так проходили дни и ночи. Им обоим была нужна работа. Но оба умерли бы от зависти, если бы кто-то один из них ее все-таки получил. Вечерами Санни и Костанца ходили на те же вечеринки и официальные приемы, чтобы вести обычную пустую светскую болтовню. И в надежде найти хоть какую-то работу. Костанце повезло больше. Она сумела приспособиться. Ей удалось получить работу в сценарном отделе. Санни не смог. Он сдался. Черт его возьми! Черт его возьми!.. Да в конце концов, он был прирожденным неудачником.

Тал хватает стаканчик с араком, делает большой глоток, обжигая горло.

— Все кончилось. Можно сравнить это с фильмом. Идут титры, зажигается свет, и мы вновь возвращаемся в реальность. Третьего акта не будет. Не будет «хеппи-энда-наперекор-всему». Реальность становилась все хуже и хуже, и однажды все как-то закончилось. Как будто оборвалась пленка — и мы уже больше не жили в квартире

на Манори-Бич, школа Джона Коннона стала слишком дорогой для меня, и нас перестали приглашать на вечеринки, на которых когда-то все звезды восторгались мной и называли меня милашкой. Мы жили с Костанцей в двухкомнатной квартире в Тхане, а меня водили в католическую школу «Бом Джизус», которая вызывала во мне ненависть и отвращение. Ненависть и отвращение... Я хотел вернуться в прошлое. В волшебство того старого, прежнего кино, в мир танцев и шумных вечеринок. Мне было невдомек, что титры уже прошли, а после титров ничего не бывает. Я хотел, чтобы все смотрели на меня и снова, как и прежде, говорили: «Ух ты!» Просто так. «Ух ты!»

Тал откидывается на спинку кресла, явно в ожидании восторга, однако на лице мужчины появляется испуг и что-то еще, чего Тал не может понять.

— Вы удивительное создание, — говорит мужчина. — Неужели вам никогда не приходило в голову, что вы живете в двух мирах и ни один из них не является реальным?

— В двух мирах? Милый, существуют тысячи миров! И все они настолько реальны, насколько ты пожелаешь. Конечно, все, что вы говорите, мне известно. Вся моя жизнь прошла между ними. Ни

один из них не реален, но, когда начинаешь жить в них, это перестает иметь значение.

Мужчина кивает. Не в знак согласия с Талом, а в ответ на какие-то свои собственные мысли. Он подзывает официанта, просит счет и оставляет кучку банкнот на маленьком серебряном подносе.

— Уже поздно, а завтра утром у меня очень важные дела.

— И какие же это дела?

Мужчина загадочно улыбается.

— Вы второй, кто задает мне сегодня подобный вопрос. Я работаю в информационном управлении... Спасибо за то, что согласились разделить мое общество, сегодняшний вечер, поведенный с вами, доставил мне огромное удовольствие. Вы действительно во всех отношениях удивительный человек, Тал.

— Вы не сказали мне, как вас зовут.

— Да, кажется, не сказал.

— Это так похоже на мужчин, — говорит Тал, поспешно семеня за собеседником на улицу, где тот уже размахивает рукой, пытаясь остановить такси.

— Называйте меня Хан.

Что-то изменилось. Тал чувствует переме-

ну, когда садится на заднее сиденье «марути». В «Банановом клубе» человек по имени Хан нервничал, стеснялся, комплексовал. Даже в ресторане он не совсем освоился. Но что-то в рассказе Тала произвело сильнейшее воздействие на его психологическое состояние и настроение.

— После полуночи я не езжу в Белый форт, — говорит водитель.

— Я заплачу вам втройне, — говорит Хан.

— Постараюсь подвезти вас как можно ближе.

Хан откидывается на засаленную подушку сиденья.

— Знаете, это ведь на самом деле очень милый ресторанчик. Владелец прибыл сюда лет десять назад с последней волной курдской диаспоры. Я... помог ему. Он открыл свое заведение, и дела пошли хорошо. По-моему, он тоже человек, оказавшийся между двумя мирами.

Тал почти не слушает, задремав от выпитого арака. Ньют прислоняется к Хану в инстинктивном поиске тепла и надежной опоры. Рука Тала опускается в промежуток между их телами. В свете уличных фонарей становится заметно, как набухают подкожные «почки», словно соски. Тал видит, как испуганно вздрагивает Хан, заметив это. Затем молниеносное движение руки,

лицо, приближающееся к лицу Тала, губы, прижимающиеся к губам ньюта. Язык, жаждущий проникнуть в тело Тала. Ньют издает приглушенный вскрик, Хан испуганно отскакивает, теперь Тал может оттолкнуть его и закричать. Фатфат резко останавливается посередине шоссе. Не понимая зачем, ньют распахивает дверцу машины и выскакивает на дорогу, не задумываясь о том, к чему может привести подобный поступок.

Тал бежит...

Тал останавливается. Стоит, положив руки на бедра, тяжело дышит. Хан все еще возле такси, старается разглядеть фигуру Тала сквозь яркий свет фар; безуспешно пытаясь перекричать рев автомобилей, он зовет ньюта. Тал с трудом подавляет рыдание, все еще чувствуя запах крема после бритья и вкус языка Хана у себя во рту. Дрожа, Тал выжидает еще несколько минут, а затем начинает голосовать. Сарисин-ди-джей играет «Микс для жуткой ночи».

15
Вишрам

Новый день — новый расклад. Все, появившиеся сегодня под сенью Центра научных исследований Ранджит Рэй, начиная от дворников и кончая директором Центра, заметно нервничают. Впрочем, не так сильно, как новоиспеченный и совершенно не готовый к своей миссии генеральный директор, думает Вишрам Рэй, когда его автомобиль с чувственным хрустом проезжает по гравию дорожки. Вишрам осматривает манжеты на руках, поправляет воротник.

— Вам следовало бы надеть галстук, — говорит Марианна Фуско.

Она сдержанна, холодна, безупречна.

— Я навсегда отказался от ношения галстуков в этой жизни, — отвечает Вишрам, глядясь в крошечное зеркало в подголовнике водителя и приглаживая волосы. — К тому же любой историк моды объяснит вам, что единственная цель галстука состоит в том, чтобы постоянно указывать на член его обладателя. Что само по себе не очень согласуется с индуистской традицией.

— Вишрам, на ваш член указывает абсолютно все, а отнюдь не только галстук.

Вишраму, когда он открывает дверцу машины, кажется, что он слышит хохоток водителя.

— Не бойтесь, я рядом, — шепчет Марианна Фуско на ухо Вишраму, когда он с серьезным видом поднимается по ступенькам.

У него в голове включается хёк. Мгновение легкой пелены, пока сарисин стирает всякую ерунду и отфильтровывает рекламу. Вишрам идет по направлению к директору, протянув руку для приветствия. Яркие буквы голубого цвета у него перед глазами:

Гандхинагар Сурджит. Дата рождения: 21/02/2009. Жена — Санджуай. Дети: Рупеш (7 лет); Нагеш (9 лет). Принят на работу в Центр научных исследований Ранджит Рэй в 2043 году. Перешел сюда с факультета переработки и вторичного использования ресурсов Бангалорского университета. Имеет докторскую степень...

Остальную информацию Вишрам отключает.

— Господин Рэй, добро пожаловать в наше отделение компании.

— Мне очень приятно побывать у вас, доктор Сурджит.

Оба играют хорошо отрепетированную роль.

— Прошу простить, мы не совсем готовы к приему столь важного гостя, — говорит Сурджит.

— Я готов еще меньше.

Кажется, шутка имеет успех. Но никто не смеется. Доктор Сурджит поворачивается к руководителям отделов.

Индерпал Гаур, — продолжает упорный палм. — Дата рождения — 15/08/2011. Место рождения — Чандигар. Исследовательский отдел по изучению биомассы. Семейное положение — не замужем. В Центре работает с 2034 года, перешла сюда из Чандигарского отделения Пенджабского университета.

«Пусть он сам представит своих сотрудников». Эти слова Марианны появляются над головой директора Сурджита. Доктор Гаур — полная дамочка с крупными зубами, в традиционной индийской одежде, но с хёком из анодированного алюминия, аккуратно приколотым к прическе. Вишрам задается вопросом: а что может рассказать о нем ее хёк? Примерно следующее, наверное: «Вишрам Рэй. Никчемный бездельник. Адвокат-неудачник, желающий стать эстрадным комиком. Полагает, что он очень смешон».

— Ваш визит — большая честь для нас, — говорит она, склоняясь в поклоне.

— Для меня тоже, могу вас заверить, — отвечает он.

Они идут дальше вдоль выстроившихся в ряд начальников отделов, заведующих лабораториями, руководителей исследовательских подразделений, авторов важных научных работ.

— Меня зовут Халеда Хусайни, — представляется маленькая энергичная женщина, одетая по европейской моде, но с элегантной разновидностью чадры на голове. — Очень приятно познакомиться с вами, господин Рэй.

Предмет ее научных интересов — микрогенерации. Сила паразитов.

— Слышал, что люди производят энергию, просто расхаживая взад-вперед?

— Но она вся уходит в землю! — улыбаясь, отвечает Халеда. — Вообще-то вокруг нас громадные запасы энергии, которые расходуются просто так, впустую, и мы должны научиться их использовать. Все, что вы делаете, что говорите, есть источник даровой энергии.

— Ах если бы наш юридический отдел перешел на этот вид энергии.

Все смеются.

— А вы что делаете для того, чтобы помочь «Рэй пауэр» стать самой мощной корпорацией?

— спрашивает Вишрам у молодой женщины, почти красавице, на бейдже которой на писано: «Соня Ядав».

— Ничего, — отвечает та с улыбкой.

— А, — произносит Вишрам и идет дальше. Пожимает руки. Старается запомнить лица. Неожиданно молодая женщина окликает его.

— Когда я сказала «ничего», то имела в виду, что работаю над получением энергии из этого ничего. Бесконечной бесплатной энергии.

— Ну что ж, теперь готов вас выслушать.

— Тогда я должна отвести вас в лабораторию нулевой энергетики, — объясняет Соня Ядав, пока ведет Вишрама и его свиту в свое исследовательское подразделение. Она внимательно всматривается в лицо генерального директора. — У вас зрачки движутся. Кто-то передает вам сообщение?

Слегка пошевелив пальцем, Вишрам отключает комментарий Марианны Фуско.

Архитекторы, которые разрабатывали проект этого здания, больше думали о мебели, нежели о его общей структуре. Обилие дерева и тканей, множество арок и сводов, все на-полнено воздухом и светом. Кругом ароматы растительных соков, смол и сандаловой древесины. Полы из

полированного клена с инкрустацией — снова сцены из «Рамаяны». Соня Ядав бросает многозначительный взгляд на каблуки Марианны. Та снимает туфли и кладет их в сумочку. Вишрам оценивает ее движение — здесь полагается быть босым. Это святое место.

Поначалу лаборатория нулевой энергетики разочаровывает Вишрама. В ней нет ни тихо жужжащих механизмов, ни сложных агрегатов, просто обычные столы, прозрачные перегородки, не очень аккуратные стопки бумаг на полу, доски для фломастеров на стенах. На досках множество каких-то надписей: некоторые продолжаются даже на стене. Каждый квадратный сантиметр поверхности заполнен символами и буквами, расположенными под странными углами друг к другу. Тут же какие-то стрелки, начертанные черным маркером, соединяющие все эти знаки и привязывающие их длинными линиями черного и синего цвета к какой-то теореме на противоположной стороне доски. Уравнения, от которых рябит в глазах, покрывают столы, скамьи — все плоские поверхности, на которых можно писать фломастером. Вишрам в математике понимает примерно столько же, сколько и в санскрите — но дух высокой теории, умных мыслей и научной

гармонии, что сквозит здесь во всем, успокаивает его, словно присутствие в молитвенном доме.

— Возможно, то, что вы здесь видите, не производит должного впечатления, однако исследовательская группа из «Эн-Джен» многое бы отдала, чтобы пробраться сюда, — замечает Соня Ядав. — Большая часть «горячей» работы делается на университетском коллайдере и на ускорителях в Европе, но главное — здесь. Умственная деятельность...

— «Горячей» работы?

— У нас два основных подхода, «горячий» и «холодный», как мы их называем. Я не стану утомлять вас скукой теории, но должна сказать, что наша работа имеет отношение к проблеме энергетических уровней и «квантовой пены». Два взгляда на ничто.

— И вы придерживаетесь «горячего» взгляда? — спрашивает Вишрам, рассматривая загадочные знаки на стенах.

— Совершенно верно, — отвечает Соня Ядав.

— И вы можете сделать то, что говорите, — то есть получить энергию из ничего?

Молодая женщина выпрямляется, устремив на него взгляд, исполненный глубочайшей убежденности.

— Могу.

— Господин Рэй, нас ждут в других отделах и лабораториях, — напоминает директор Сурджит.

Свита выходит первой. Вишрам на мгновение задерживается, берет маркер и пишет на крышке стола: ОВД ВЧРМ? Соня без труда расшифровывает надпись.

— Абсолютно деловая встреча, — шепчет Вишрам. — Расскажете мне, где горячо, а где холодно.

ОК, — пишет она красным фломастером. — 8. ОТСЮДА.

Она дважды подчеркивает ОК.

Но, выйдя в коридор, Вишрам сразу же сталкивается со сценой, которая мгновенно опускает его с научных небес на землю. Говинд в как всегда слишком узком костюме, с фалангой адвокатов за спиной, катится по коридору, словно большой шар по боулинговому желобу, с таким видом, как будто весь Центр уже давно ему принадлежит. Говинд шпионит за своим младшим братом. Он открывает рот для приветствия, проклятия, благословения, брани, чего угодно... Вишраму нет до его слов никакого дела. Он перебивает брата, громко крикнув:

— Господин Сурджит, вызовите, пожалуйста, охрану.

И затем, пока директор что-то говорит в палм, Вишрам повелительным жестом поднимает палец перед братом и его командой.

— Так. Молчи. Здесь не твое место, а мое!

Появляется охрана. Два громадных раджпута в красных тюрбанах.

— Пожалуйста, проводите господина Рэя из здания и отсканируйте его физиономию для системы безопасности Он больше никогда не должен появляться здесь без моего особого письменного разрешения, — говорит Вишрам.

Раджпуты хватают Говинда под руки. Вишраму доставляет необычайное удовольствие наблюдать за тем, как они быстро волокут его брата по коридору.

— Послушайте меня, послушайте! — кричит Говинд, обернувшись. — Этот человек разрушит Центр так же, как разрушил и уничтожил все, что ему когда-либо отдавалось в распоряжение. Я ведь прекрасно его знаю. Леопард никогда не сможет смыть с себя своих пятен. Он всех вас доведет до полной нищеты, погубит великую компанию! Не слушайте его, он ведь ничего не знает, ни в чем не разбирается. Абсолютно ни в чем!

— Мне очень неловко за случившееся, — говорит Вишрам, как только двери закрываются за его

продолжающим протестовать братом. — Итак, мы продолжим, или я уже увидел все, что мне следовало?

Все начинается за завтраком.

— Можно ли мне наконец узнать, что именно я унаследовал? — спрашивает Вишрам Марианну Фуско во время завтрака на восточном балконе особняка.

— В основном научно-исследовательское подразделение компании.

Женщина раскладывает документы перед его грязной тарелкой, словно колоду карт Таро.

— Значит — ни гроша, зато кучу самых разных обязанностей.

— Не думаю, что передача вам исследовательского центра может рассматриваться как результат минутной прихоти вашего отца.

— Но что вам вообще известно об этом деле?

— Что, кто, где и когда.

— Вы пропустили «почему».

— Боюсь, «почему» не знает никто.

Мне кажется, я кое-что знаю, подумал Вишрам. Мне ведь хорошо известно, что значит отделаться от обязательств и ожиданий, которые на тебя возлагаются. Я знаю, как страшно и в то же время как восхитительно все бросить — и уйти куда глаза

глядят, захватив с собой только нищенскую суму, тем самым навлекая на себя злобные насмешки окружающих.

— Что ж, расскажите мне то, что знаете.

— Вы предлагаете мне нарушить запрет на разглашение конфиденциальной информации?

— Вы холодная и жестокая женщина, Марианна Фуско.

Вишрам кладет в рот большой кусок китчири. В геометрически правильный розарий с английскими розами, уже побуревшими и увядающими после третьего года засухи, входит Рамеш. Он идет, заложив руки за спину: жест давний, хорошо знакомый Вишраму. Еще будучи шестилетним, он частенько высмеивал старшего брата, следуя за ним и передразнивая его походку — вот так, заложив руки за спину, поджав губы с выражением предельной самоуглубленности и приподняв голову с видом человека, ищущего настоящих чудес в окружающем его скучном мире.

А как же насчет тех поездок в Юго-Восточную Азию? — задается вопросом Вишрам. Девушки из Бангкока, способные выполнить любое ваше желание и воплотить в жизнь самую смелую мечту... Вишрам чувствует легкое щекотание пониже пупка — гормоны заработали. Нет, для него

это слишком просто... Никакой охоты, никакой игры, никакого испытания ума и воли, никакого молчаливого соглашения по поводу того, что обе стороны участвуют в игре со всеми положенными в ней правилами, этапами и ухищрениями.

Порыв теплого ветра приносит запахи города, приподнимает края документов, разложенных на столе. Чтобы бумаги не разлетелись, Вишрам прижимает их к столу чашками, блюдцами, ножами и вилками. Рамеш, который пытается вдыхать аромат иссушенных отсутствием дождя роз, поднимает голову, ощутив прикосновение теплого ветерка к лицу, и с искренним удивлением обнаруживает, что на террасе, кроме него, находятся еще младший брат и адвокатесса из Европы.

— А. Вот вы где. Собственно, я хотел встретиться с вами... и поговорить.

— Не против чашки проклятого кофе?

— Да-да, пожалуйста. Только одну.

Вишрам делает знак слуге. Удивительно, как быстро привыкаешь к тому, что тебе прислуживают...

Рамеш рассеянно водит вилкой по тарелке с китчири.

— Зачем он передал мне дела? Мне это не нуж-

но, я ничего в них не понимаю. И никогда не понимал. У Говинды голова всегда была настроена на бизнес. И остается такой по сей день. А я астрофизик. Я разбираюсь в галактических туманностях. Но ничего не понимаю в электричестве.

Раскол налицо, прямо в шекспировском духе. Рамешу хотелось надмирности абстрактно научных рассуждений. А дали ему «плоть и мышцы» производственного сектора компании. Говинд стремился заполучить главную инфрастуктуру корпорации; вместо этого его поставили руководить распределительной сетью — телеграммы, телефоны, переписка. А Сын Номер Три, постоянно стремящийся быть на виду, известный потаскун, получает в свой удел нечто столь загадочное, что даже не может сказать наверняка, делается ли в его подразделении вообще хоть что-нибудь. Воистину парадоксальное распределение ролей... Ах ты, вредный старый садху!..

Старик ушел еще до восхода солнца. Его одежда аккуратно развешена в шкафу. Палм и хёк лежат на подушке вместе с бумажником. На полу — идеально вычищенные туфли. На туалетном столике, слившись в последнем объятии, лежат расческа и массажная щетка в серебряной оправе.

Старый хидмутгар Шастри, который тоже избрал путь странника, продемонстрировал все это с бесстрастным отношением к знакам ушедшего и уже ненужного прошлого, напомнившим Вишраму прогулки по музеям и замкам Шотландии. Шастри не знал, куда направился его хозяин. Их мать вроде бы тоже ничего не знала, хотя Вишрам и заподозрил наличие некой тайной связи между супругами — это ведь необходимо хотя бы с целью контроля за исполнением условий завещания. Компания всегда останется компанией.

— О чем ты, Рам?

— Не для меня это.

— И чего же ты хочешь?..

Старший брат вертит в пальцах вилку.

— Говинд сделал мне одно предложение.

— Он времени зря не терял, как я вижу.

— Брат полагает, что было бы настоящей катастрофой отделять производство от продаж. Американцы и европейцы уже много лет стремятся наложить лапу на «Рэй пауэр». Теперь же мы разделены и слабы, и пройдет совсем немного времени, прежде чем кто-то сделает нам предложение, от которого мы не сможем отказаться.

— Уверен, он говорил весьма доказательно. Не могу не задаться вопросом, откуда у него такой

внезапный прилив братских чувств. И кстати, откуда у Говинда берутся деньги на их проявление?

Марианна Фуско уже открыла свой палм.

— Его годовые отчеты имеются в архивах компании. Но надо сказать, что доходы вашего брата резко снизились и вот уже пятый квартал подряд внушают опасения. Его банкиры нервничают. Мне представляется, что в ближайшие года два ему не избежать банкротства.

— Итак, если деньги не Говинда, то сразу же возникает вполне естественный вопрос: чьи они?

Рамеш отталкивает от себя тарелку с китчири.

— Ты меня можешь выкупить?

— У Говинда по крайней мере есть компания и оцениваемая кредитоспособность. У меня же только книжка анекдотов и стопка невскрытых писем с маленькими окошечками, заклеенными пленкой.

— И что же делать?

— Нам придется руководить компанией. Мы являемся владельцами очень сильной корпорации. Мы выросли вместе с «Рэй пауэр», знаем ее не хуже собственного дома. Но я хочу тебе кое-что сказать, Рам. Я не позволю тебе перекладывать на меня вину за происходящее. А теперь должен

извиниться: мне предстоит встреча с сотрудниками.

Вишрам встает одновременно с Марианной Фуско. Женщина кивает Рамешу, входя в темную прохладу дома. Обезьяны с пронзительными криками спускаются с деревьев в надежде заполучить остатки китчири.

Вишрам почувствовал приближение Говинда еще до того, как увидел его отражение в зеркале.

— Знаешь, я мог бы привезти тебе любое количество нормального крема после бритья из лондонских дьюти-фри. Ты до сих пор пользуешься своей арпаловской мерзостью? Но почему? Из чувства патриотизма? Это что — национальный аромат Бхарата?

Говинд появляется в овале зеркала рядом с Вишрамом, поправляющим манжеты. Хороший костюм... Выгляжу лучше тебя, толстяк...

— И с каких это пор у нас возник обычай входить без стука? — добавляет Вишрам.

— А с каких пор в семейном кругу надо стучаться?

— С тех самых, когда семейный круг стал кругом важных бизнесменов. Да, кстати, уже сегодня вечером меня здесь не будет. Я переезжаю в гостиницу. — Манжеты выглядят великолепно.

Отвороты тоже. И воротник. Действительно портные-китайцы работают выше всяких похвал.
— Поэтому выкладывай сейчас то, что намерен мне сказать.

— Значит, Рамеш уже разговаривал с тобой...

— А ты полагал, он сохранит вашу беседу в тайне? Я слышал, у тебя проблемы с ликвидностью.

Говинд без приглашения садится на край постели. Вишрам замечает, что ноги его брата не достают до пола.

— Возможно, тебе это покажется странным, но я стремлюсь только к тому, чтобы сохранить целостность компании.

— Благородное стремление.

Вишрам продолжает стоять, повернувшись к брату спиной.

— «Эн-Джен» уже не скрывают стремления поглотить «Рэй». Даже тогда, когда во главе нашей компании стоял отец, они делали ему соответствующие предложения. И рано или поздно они своего добьются. Разве мы сможем противостоять американцам? Конец предрешен, и вопрос только в том, захватят ли они нас поодиночке или проглотят целиком. Я знаю, что предпочел бы лично я. Я знаю, что будет предпочтительнее

для компании, созданной отцом. Наша сила — в единстве!

— Наш отец создавал индийский бизнес и по-индийски.

— Ах, брат мой, в тебе, наверное, заговорила высокая нравственность?

Услышав слова Говинда, Вишрам вдруг с особой остротой почувствовал, что они с братом теперь враги на всю оставшуюся жизнь. Рама и Раван.

— Старухи и люмпены Грамина первыми набросятся на тебя, как только поступят предложения, — продолжает Говинд. — Они все говорят хорошо и благородно, но стоит посулить им пригоршню долларов, и пролетарская солидарность сразу же куда-то пропадает. Нищие лучше разбираются в бизнесе, чем ты.

— Полагаю, ты ошибаешься, — мягко замечает Вишрам. Его брат хмурится.

— Извини, не расслышал.

— Я сказал, что ты ошибаешься. Да, собственно, ты можешь говорить все, что тебе угодно, я все равно поступлю по-своему. И прямо противоположным образом. Так будет и впредь. Что бы ты ни сделал, чтобы ни сказал, какое бы предложение ни внес, какую бы сделку ни начал, я всегда буду против тебя. Ты можешь ошибаться,

ты можешь быть прав, для меня это не имеет никакого значения, так как я в любом случае все равно буду против тебя, даже если на таком противостоянии потеряю миллионы долларов. Ибо теперь я волен поступать так, как захочу, а ты не сможешь ничего сделать, не сможешь никому пожаловаться, опереться на дутый авторитет старшего брата, потому что теперь я так же, как и ты, владею одной третью «Рэй пауэр». Сейчас ты находишься в моей спальне, в которую вошел без стука и, естественно, без приглашения. Сегодня я прощу тебе подобное, потому что в последний раз провел ночь в этой комнате и в этом доме. А теперь извини, мне предстоит работа.

Только садясь на прохладную кожу автомобильного сиденья, Вишрам заметил маленькие кровавые полумесяцы у себя на ладонях — следы от ногтей, впившихся в кожу. Во время разговора с Говиндом он слишком сильно сжал кулаки.

Трудно представить себе что-то менее итальянское, но это было единственным, что он смог найти.

Вишрам почувствовал ностальгию по итальянской кухне, к которой привык в Глазго, по итальянцам, которых считал поистине великой нацией, и размечтался о пасте и руффино, однако

тут же вспомнил, что в Варанаси нет итальянской общины, здесь вообще никогда не было ничего итальянского. Персонал — из местных. Музыка — сплошь поп-хиты. Вино слишком теплое и какое-то безвкусное. В меню включено непонятное блюдо со странным названием «тикка-паста».

— Извините, я не знал, что здесь будет так ужасно, — говорит он Соне Ядав.

Она упорно сражается со слипшимися макаронами.

— Я никогда ничего итальянского до сих пор не ела.

— И сейчас вы едите не итальянское, могу вас заверить.

А она ведь так готовилась к этому мерзкому обеду. Соня что-то сделала со своими волосами, надела золотые и янтарные украшения. Ему нравится, что на ней деловое сари, а не уродливый европейский костюм. Вишрам откидывается на спинку кресла, сводит вместе кончики пальцев, затем вдруг понимает, что слишком сильно начинает походить на злодея из фильмов о Джеймсе Бонде, и принимает обычную позу.

— Есть ли у парня с гуманитарным образованием хоть какая-то надежда что-нибудь понять в нулевой энергетике?

Соня Ядав с явным облегчением отодвигает от себя тарелку.

— Для начала надо сказать, что речь идет вовсе не о «нуле», как большинство людей его понимают. — У Сони всякий раз, когда она задумывается над чем-то сложным, появляется маленькая морщинка между бровями. Очень привлекательная, кстати. — Помните, в лаборатории я говорила о «холодных» и «горячих» теориях? Классические теории нулевой энергетики — «холодные». Но мы все больше и больше убеждаемся в том, что они не работают. Не могут работать. Существует преграда основного состояния, которую они не в состоянии обойти. Нельзя преодолеть второй закон термодинамики.

— Еще немного вина?

Она берет бокал, но не пьет. Мудрая женщина.

Вишрам снова откидывается на спинку кресла с бокалом плохонького кьянти в руке, приготовившись слушать.

История получается столь же странной и волшебной, столь же полной разнообразных противоречий, как и любая легенда из «Махабхараты». Соня рассказывает о существовании множественных миров и сущностей, которые могут быть одновременно двумя противополож-

ностями. Есть некие проявления бытия, которые невозможно полностью познать или предсказать. Однажды оказавшись связанными, они остаются таковыми навсегда, хоть и расходятся в разные концы вселенной: то, что происходит с одной из сущностей, тут же переживает и другая.

Вишрам наблюдает за тем, как Соня демонстрирует ему суть одного из сложнейших экспериментов с помощью вилки, двух каперсов и складок на скатерти, и в голову ему приходит вполне естественная мысль: боже мой, женщина, в каком странном и чуждом мире ты живешь! Квантовая вселенная столь же капризна, неопределенна и непознаваема, как и тот мир, который покоился на спине громадной черепахи и управлялся богами и демонами.

— В соответствии с принципом неопределенности всегда существуют пары виртуальных частиц, которые рождаются и исчезают на всех возможных энергетических уровнях. Таким образом, можно сделать вывод, что в каждом кубическом сантиметре пустого пространства теоретически может содержаться бесконечное количество энергии, однако лишь в том случае, если мы сумеем предотвратить распад виртуальных частиц...

— Должен вам признаться, что парень с гуманитарным образованием не понял в вашем объяснении ни слова.

— Не только парень с гуманитарным образованием, но и вообще никто не может этого сделать. Во всяком случае, не до конца. Постарайтесь понять это так, как мы понимаем понимание. Единственное, что у нас есть, — это описание того, как работает наша теория, а работает она лучше, чем любая другая из появившихся до сих пор, включая и теорию «М-звезды». Она подобна размышлениям Брахмы. Никто не может постичь мысли Бога-творца, но невозможность осознания не означает невозможности творения...

— Для ученого вы используете слишком много религиозных метафор.

— Ученый, сидящий рядом с вами, полагает, что мы живем в индуистской вселенной, — молвит Соня. — Поймите меня правильно. Я не хочу, чтобы меня путали с христианскими фундаменталистами-креационистами. Это как раз не наука. Они отрицают эмпирический подход в принципе, как и сам факт познаваемости вселенной. Креационисты приспосабливают эмпирические данные к своим интерпретациям Священного Писания. Я же своей точки зрения

придерживаюсь исключительно потому, что она основана на опыте. Я индуистка и рационалистка одновременно. Не скажу, что верю в реальное существование богов, но квантовая информационная теория и теория «М-звезды» исходят из представления о взаимосвязи всего со всем, из допущения возможности возникновения характеристик, которые нельзя предсказать на основе анализа составляющих их элементов, а еще из того, что очень большое и очень малое являются двумя концами одной сверхцепи. Стоит ли мне продолжать пересказывать Рэю основы индуистской философии?

— Возможно, Рэю, сидящему рядом с вами, и стоит. Итак, вы случайно не собираетесь впрягаться в колесницу Эн Кей Дживанджи?

Вишрам видел кадры в вечерних новостях. Страшная шумиха...

— Впрягаться я не буду, но вполне могу оказаться в толпе, следующей за ней. Кстати, в движение ее будет приводить экодизель.

Вишрам откидывается на спинку кресла и начинает дергать себя за нижнюю губу, как делает всегда, когда наблюдения за чем-то или интересный поворот фразы пробуждают в нем инстинкт эстрадного комика.

— Скажите-ка мне следующее. У вас нет бинди, и вы выходите без сопровождения. Как это согласуется с учением Эн Кей Дживанджи и с мыслью Брахмы?

У Сони Ядав снова появляется морщинка.

— Отвечу прямо и просто. Джати и варна в течение трех тысячелетий ослепляли наш народ. Касты — не дравидское изобретение. Их создали арии, преклоняющиеся перед властью и социальной иерархичностью. Вот почему англичанам так здесь нравилось, и до сих пор их приводит в восторг все то, что так или иначе связано с нашей страной. Классовое разделение у них в крови.

— Но только не в той Англии, которую я знал, — парирует Вишрам.

— Для меня Эн Кей Дживанджи символизирует национальную гордость, Бхарат для бхаратцев, а не распродажу национального достояния американцам вразвес. Кроме того, в двадцать первом веке женщинам нет необходимости в сопровождении, а мой муж, кстати, полностью мне доверяет.

— А... — произносит Вишрам в надежде, что она не заметит мгновенную перемену к худшему в его настроении. — Ну что ж, а как насчет теории «М-звезды»?

Из слов Сони он понимает примерно следующее.

…Вначале существовала «теория струн», о которой Вишрам и раньше что-то слышал. В соответствии с ней все уподоблялось нотам, исторгаемым вибрирующими струнами. Очень красивая теория. Очень музыкальная. Очень индуистская. Затем появилась «М-теория», цель которой состояла в том, чтобы разрешить противоречия предшествующей теории. Против ожидания, она стала развиваться в разных направлениях, подобно лучам морской звезды. Ее ядро было найдено только в конце двадцатых годов, и им стала теория «М-звезды»…

— Про звезды я вроде что-то понимаю, но что означает «М»?

— Здесь-то и заключена главная загадка, — улыбается Соня.

Они уже перешли на ликер. Он явно лучше выдерживает индийский климат.

— В теории «М-звезды» оболочки и складки первичных струн в одиннадцати измерениях создают некий поливерсум всех возможных вселенных-универсумов. Фундаментальные характеристики этих вселенных отличаются от характеристик человеческой вселенной. В данной модели есть

все, — объясняет Соня. — Вселенные с дополнительным временным измерением, двумерные вселенные... В двумерных вселенных, к примеру, нет гравитации. Вселенные, в которых самоорганизация и жизнь являются фундаментальными характеристиками пространства/времени... Бесконечное число вселенных. Вот в чем состоит разница между «холодной» и «горячей» теориями нулевой энергетики.

Вишрам заказывает еще выпивку. Он не может сказать наверняка, в чем тут причина — в алкоголе или в физике, — но его мозг погружается в приятный ватный туман.

— Развитие «холодной» теории нулевой энергетики застопорил второй закон термодинамики...

Официант приносит спиртное. Вишрам рассматривает Соню Ядав сквозь золотистое стекло маленького ликерного стаканчика.

— Прекратите и слушайте внимательно!.. Чтобы приносить пользу, энергия должна быть направленной. Она должна перетекать от более высокой точки к более низкой, от горячего к холодному, если хотите. Однако в нашей вселенной нулевая точка, квантовая флюктуация, является основным состоянием. Энергии некуда течь. Все находится «выше». Но в другой вселенной...

— Основное состояние, или как вы там его называете, может быть выше...

Соня Ядав складывает руки и склоняет голову в легком поклоне.

— Совершенно верно! Совершенно верно! Она, естественно, будет течь от более высокого к более низкому. И мы сможем выкачивать эту бесконечную энергию.

— Только вначале надо найти такую вселенную.

— Мы ее уже давно нашли. Обычная копия теоретической «М-звездной» структуры нашей собственной вселенной. Там более мощная гравитация. Следовательно, более высока и константа расширения, а следовательно, в пространстве/времени сконцентрировано больше вакуумной энергии. Совсем маленькая вселенная — и не слишком далеко.

— Мне показалось, вы упомянули, будто вселенные находятся внутри или вокруг друг друга...

— Топологически — да. В данном случае я говорю об энергетическом расстоянии, о том, до какой степени необходимо искривить структуру нашей вселенной, чтобы приспособить ее к геометрии той, другой, вселенной. В физике в конечном итоге энергия — это все.

Прежде всего, надо искривить мозги, подумал Вишрам.

Соня Ядав решительным жестом ставит пустую рюмку на клетчатую скатерть, немного подается вперед и, глядя прямо Вишраму в глаза так, что он не может противиться воздействию громадной энергии ее взгляда, лица, тела, говорит:

— Пойдемте со мной. Пойдемте — и вы увидите!..

После Глазго Бхаратский университет в Варанаси кажется необычайно чопорным. Никаких набухших от дождя полистиреновых тарелок с жареной картошкой, стаканчиков из-под пива, блевотины, в которую в темноте то и дело норовишь угодить. Никаких звуков совокупления из учебных аудиторий и мочеиспускания — из кустов. Ни единой пьяной фигуры, вырастающей вдруг со смачным ругательством где-то на периферии вашего зрения. Нет и вульгарных стаек полуголых девиц, которые разгуливают, взявшись за руки, по пыльным, пожухлым лужайкам. Первое, что здесь бросается в глаза, — это обилие охраны, несколько преподавателей на больших старомодных велосипедах, звуки одиноких радиоприемников и ощущение сурового комендантского часа, исходящее от всех факультетских

зданий и студенческих обще житий.

Водитель едет к единственному освещенному месту. Здание отделения экспериментальной физики представляет собой похожее на орхидею архитектурное творение из светящегося пластика и изысканных и смелых пилонов. На мраморном цоколе значится «Центр физики макроэнергий Ранджита Рэя». Где-то там, за этим изящным, эстетским архитектурным фасадом, сокрыто устрашающее чудовище — лазерный ускоритель.

— Да, мой отец был человеком весьма разносторонним, — говорит Вишрам после того, как охранники пропускают их в вестибюль. Его лицо уже хорошо здесь известно.

— Он ведь не умер, — замечает Соня, и Вишрам вздрагивает.

Коробка лифта, расположенная в конце вестибюля, уносит их вниз по шахте к самым основам «зверя». Да, сравнение с мифическим левиафаном или с всепожирающим червем, свернувшимся кольцами под Сарнатом и Гангом, кажется самым подходящим. Сквозь наблюдательное окошко Вишрам смотрит на электрические устройства, каждое размером с корабельный двигатель, и пытается представить, каким об разом частицы

материи здесь заставляют соединяться в странные и противоестественные сочетания.

— Когда мы запустим его на полную мощность, вон те сдерживающие магниты создадут поле такой силы, что оно будет способно высосать весь гемоглобин из вашей крови, — говорит Соня.

— Откуда вы это знаете? — спрашивает Вишрам.

— По правде говоря, мы испытывали его на козе. Пойдемте дальше.

Соня Ядав ведет Вишрама по бетонным ступенькам к герметически закрывающейся двери. Быстрая проверка со стороны охраны, и дверь открывается.

— Мы что, отправляемся в космос? — спрашивает Вишрам, когда за ним закрывается люк.

— Мы просто вошли в защитное устройство.

Вишрам полагает, что ему не нужно знать, от чего оно защищает, и потому решает отшутиться:

— Я знаю, что мой отец богат, очень богат... точнее, был богат. И знаю, что есть богачи, которые покупают самолеты, и богачи, которые покупают острова, но богачи, покупающие собственные ускорители элементарных частиц...

— Деньги вкладывал не только он, — говорит

Соня.

Внутренний люк поворачивается, и они входят в непритязательного вида бетонированный кабинет, залитый ослепительным неоновым светом. Молодой бородатый мужчина сидит в кресле, положив ноги на стол, и читает вечернюю газету. У него в руках термос с чаем и пластиковая чашка. Из динамиков, присоединенных к компьютеру, доносится классическая бхангра.

Заметив поздних посетителей, мужчина вскакивает с кресла.

— Соня, извини. Я не знал.

— Деба, позволь...

— Да-да. Мне очень приятно с вами познакомиться, господин Рэй. — Мужчина излишне эмоционально пожимает Вишраму руку. — Итак, вы пришли взглянуть на нашу маленькую вселенную?..

За второй дверью располагается маленькая бетонная комнатенка, в которой посетителям тесно, как долькам внутри апельсина. Тяжелая стеклянная панель находится где-то на уровне головы Вишрама. Он прищуривается и пристально всматривается в стекло, но ничего разглядеть не может.

— На самом деле нам нужны теперь толь-

ко числа, но у некоторых людей сохранилась атавистическая потребность все увидеть собственными глазами, — говорит Деба. Он захватил с собой термос и теперь с наслаждением глотает чай. — Итак, мы находимся на смотровой площадке рядом с изолирующим помещением, которое мы на нашем языке называем «камерой предварительного заключения». По сути, это модифицированный торовидный токамак, если вам подобные слова о чем-то говорят... Нет? Представьте себе вывернутое кольцо. У него есть внешняя сторона, но внутри оно заполнено самым чистым вакуумом, который только можно себе представить. По сути дела, он даже еще больший вакуум, чем вы можете себе представить, так как там имеется лишь пространство/время и квантовая флюктуация. И еще это...

Деба зажигает свет. Какое-то мгновение Вишрам вообще ничего не видит, затем замечает нарастающее свечение, исходящее из окна. Он вспоминает беседу со студентом-физиком, который сказал ему, что сетчатка человеческого глаза способна различить один-единственный фотон, и таким образом человеческий глаз способен видеть объекты на квантовом уровне. Вишрам наклоняется вперед. Свечение исходит от голубой

полосы, острой, как луч лазера. Он видит, как она огибает стенки токамака. Вишрам прижимает лицо к стеклу.

— Глаза панды, — произносит Деба. — Сильное ультрафиолетовое излучение.

— Это и есть... иная вселенная?

— Это вакуум иного пространства/времени. — Соня Ядав стоит достаточно близко к Вишраму, чтобы он в достаточной мере мог оценить аромат ее «Арпедже-27». — И он, остается достаточно стабильным в течение примерно двух месяцев. Вы можете представлять его как иное ничто, но с энергией вакуума, большей, чем в нашей вселенной...

— И оно втекает в нашу вселенную...

— Ненамного выше, мы получаем только два процента выхода, однако надеемся использовать данное пространство для того, чтобы открыть дверцу в пространство с еще более высокой энергетикой — и так далее, вверх по лестнице, до тех пор, пока не достигнем значительного выхода.

— А свет...

— Квантовое излучение. Виртуальные частицы этой вселенной — мы называем ее «Вселенная-288», — попадая под действие законов нашей вселенной, превращаются в фотоны.

Совсем даже не «ничто», думает Вишрам, всматриваясь в свет другого времени и пространства. И ты ведь знаешь, что оно такое, Соня Ядав.

Свет Брахмы…

КАЛКИ

16
Шив

Мать всегда ждет своего сына.

Для Шива это было возвращением домой. Он шел по узким гали между хижинами, пригнувшись, пролезал под электрическими проводами, старался идти по картонному настилу, так как даже в самую страшную засуху переулки Чанди Басти были залиты жидкой омерзительной грязью. Путь, по которому пролегала здесь улица, постоянно менялся по мере того, как одни лачуги разрушались, а к другим пристраивались дополнительные помещения, но Шиву были хорошо известны некоторые приметы, которыми он и руководствовался: «Неуничтожимые автомобильные детали Господа Рамы» — место, где братья Шаси и Ашиш разбирали на части «фольксваген»; «Швейная машинка господина Пиллаи» под зонтиком; Амбедкар, агент по торговле детьми, сидящий на высоком крыльце и курящий приятную травку. И повсюду устремленные на него взгляды самых разных людей — людей, уступающих ему дорогу; людей, дела-

ющих ритуальные жесты, чтобы уберечься от сглаза; людей, пристально следящих за ним, ибо они заметили нечто иное, далекое от их образа жизни, нечто, демонстрирующее вкус, стиль и дорогую обувь, нечто значительное. «Нечто», что в их понимании, несомненно, было шикарным мужчиной.

Его мать бросила взгляд на тень Шива от двери своего дома. Он швырнул ей деньги, горсть грязных рупий. У него в руке оставалось немного мелочи, которую дал тот человек, что утащил остатки «мерседеса». Шив остался ни с чем, но сын обязан выплатить хотя бы часть своего долга матери. Она делает вид, что хочет отмахнуться от денег, но Шив замечает, что на самом деле она сует их под кирпич у очага.

Он вернулся. Вся обстановка в комнате состоит лишь из чарпоя в углу, но у него здесь по крайней мере будет крыша над головой, тепло и пища два раза в день и, самое главное, уверенность в том, что никто и ничто, никакая «машина смерти» с ятаганами вместо рук не найдет его здесь. Правда, и здесь Шива подстерегает одна опасность. Страшная опасность. Он снова может легко погрузиться в обычную рутину: немного поесть, немного поспать на солнышке после обе-

да, немного поворовать, немного пошататься и поболтать с друзьями, поглазеть на девиц — так незаметно и пройдет день, за ним год, а потом и вся жизнь. Нет, он должен размышлять, искать выходы, способы расплатиться с долгами... Йогендра уже пошел рыскать по басти и по городу, прислушиваясь к тому, о чем болтают на улицах, что говорят о Шиве, кто обозлен на него и за что, а кто все еще продолжает питать к нему хоть толику почтения.

Кроме того, еще есть сестра. Лейла...

То, что когда-то было очаровательным, милым, застенчивым, но твердо стоящим на ногах семнадцатилетним созданием, сестренка, которая могла бы выйти замуж за богатого человека с положением, сделалась христианкой. Однажды вечером с подругой она отправилась на какое-то религиозное мероприятие, проводившееся каналом кабельного телевидения, а домой вернулась «рожденной заново». Но дело не кончилось на обретении Бога в Господе Иисусе Христе: теперь Лейла была абсолютно убеждена, что все остальные тоже должны обрести Его. Особенно ее са-а-амые грешные на свете братья. И вот она расхаживает со своей Библией из тончайшей папиросной бумаги, из которой, как хорошо

известно Шиву, выходят такие замечательные сигаретки с марихуаной, с маленькими брошюрками и никому не нужным религиозным рвением.

— Сестренка, у меня сейчас время отдыха. А ты его нарушаешь. Если бы для тебя действительно что-то значило твое христианство, ты уважала бы брата. Мне кажется, там у них где-то сказано: люби и почитай брата.

— Настоящие братья мне — мои братья и сестры во Христе. Иисус сказал, что «из-за Меня вы возненавидите мать и отца и брата тоже».

— В таком случае это очень глупая религия. Кто из твоих братьев и сестер во Христе добывал лекарства, когда ты умирала от туберкулеза? Кто из них осмелился пойти на то, чтобы взломать аптеку богача? Ты же превратила себя в ничто. Никто не возьмет тебя замуж, если ты не станешь настоящей индуской. Твое чрево иссохнет. И ты будешь рыдать по нерожденным детям. Мне очень неприятно говорить подобные вещи, но кто, кроме меня, скажет их? Мата не скажет, твои друзья-христиане не скажут. Ты совершаешь страшную ошибку. Исправь же ее, пока не поздно.

— Самая страшная ошибка состоит в том, чтобы

предпочесть ад! — презрительно восклицает Лейла.

— И что же такое, по-твоему, ад? — спрашивает Шив. Стоящий рядом Йогендра обнажает в глумливой улыбке неровные гнилые зубы.

Сегодня в полдень у Шива назначена встреча с Прийей из Мусста. Добрые времена еще не забыты. Шив минут пятнадцать пристально наблюдает за чайным киоском, чтобы удостовериться, что там, кроме нее, больше никого нет. Вот она, боль и тоска его сердца, в штанах, облегающих соблазнительный изгиб бедер, легкой прозрачной шелковой блузке, с янтарными тенями под глазами и такой бледной-бледной кожей и алыми-алыми пухлыми губами. И как же мило она дуется, когда сейчас нетерпеливо ищет его взглядом, стараясь разглядеть волосы Шива, лицо, походку среди многолюдной толпы рассматривающих ее мужчин. Она — самое главное из того, что он потерял. Но он должен выбраться отсюда. Снова подняться над этим миром. Вновь стать раджей.

Прийя подпрыгивает и издает крик восторга, увидев его. Шив берет ей чаю, и они садятся на скамейку у металлического прилавка. Она сама предлагает заплатить за чай, но он расплачивает-

ся из той горстки денег, что у него еще остались. Чандни Басти никогда не станут свидетелем того, чтобы женщина платила за чай Шива Фараджи. У нее красивые, длинные, стройные ноги настоящей горожанки. Мужчины Чандни Басти проходятся по ним похотливым взглядом, но тут же, заметив край кожаной мужской куртки рядом, поспешно отводят глаза. И идут дальше своей дорогой. Йогендра сидит неподалеку на перевернутой бочке из-под удобрений и ковыряет в зубах.

— Мои девочки и барменша скучали без меня?

Он предлагает ей биди, прикуривает от газовой горелки под бурлящим кипятильником.

— У тебя же такие серьезные проблемы! — Она прикуривает от его сигареты — традиционный болливудский поцелуй. — Ты знаешь, кто возглавляет агентство по сбору долгов «Ахимса»?

— Какая-то банда гангстеров.

— Банда Давуда. Их новая специализация — перекупка долгов. Шив, ты у них на прицеле. Это те самые люди, которые содрали кожу живьем с Гурнита Азии на заднем сиденье его лимузина.

— Торг есть торг. Они повышают, я понижаю, сойдемся мы где-нибудь посередине.

— Нет, ты ошибаешься, Шив. Они хотят полу-

чить все, что ты им должен, сполна. Ни одной рупией меньше.

Шив хохочет, изнутри его естества поднимается свободный, безумный смех. И вновь на периферии зрения появляется голубая пелена — чистый цвет Кришны.

— Таких денег нет ни у кого.

— В таком случае ты мертвец, и мне тебя очень жаль.

Шив кладет руку на бедро Прийи, и та застывает.

— Ты пришла сюда только для того, чтобы сказать мне это? Я ожидал кое-чего другого...

— Шив, на каждом углу таких «крупных шишек», как ты, по сотне, а то и больше, и все ожидают...

Она обрывает фразу, не договорив, Шив хватает ее за подбородок и с силой его сжимает, вдавив пальцы в мягкую плоть. Синяки... Обязательно останутся синяки, словно голубые розы. Прийя взвизгивает. Йогендра обнажает в улыбке резцы. Боль возбуждает, думает Шив. Происходящее привлекает взоры обитателей Чандни Басти. Он чувствует множество устремленных на него глаз. Смотрите-смотрите...

— Раджа, — шепчет он. — Я — раджа.

Наконец он отпускает ее. Прийя потирает подбородок.

— Больно, мадар чауд.

— Ты все-таки хочешь мне что-то сказать, не так ли?

— Ты этого не заслуживаешь. Ты заслужил, чтобы давудская банда разрубила тебя на куски своим роботом, бехен чод. — Девушка отскакивает, заметив, что рука Шива вновь тянется к ее лицу. — Ну ладно, скажу. Оно, собственно, ерунда, но может принести хорошие плоды, если воспользоваться информацией с умом. Очень хорошие плоды... Я подскажу тебе. Но если ты правильно воспользуешься моей подсказкой, то, как говорят...

— Кто говорит?

— Нитиш и Чунни Нат.

— Я на брахманов не работаю.

— Шив...

— Это вопрос принципа. А я человек принципиальный.

— И ты ради принципа позволишь давудовской банде сделать из тебя кебаб?

— Я не принимаю приказаний от детей.

— Но они не дети.

— Конечно, здесь они совсем не дети. — Шив

опускает руку в пах и делает красноречивый жест. — Нет, на Натов я работать не буду.

— В таком случае не имеет смысла идти туда. — Прийя открывает сумочку и швыряет клочок бумаги на грязный прилавок. На нем адрес: это где-то в промышленной части города. — И тебе не понадобится эта машина.

Рядом с бумажкой с адресом девушка кладет талон на аренду автомобиля. «Мерседеса», большого, черного, четырехлитрового «мерседеса»-внедорожника, такого, на которых ездят раджи...

— Если тебе не нужно ничего из предложенного, то, как мне кажется, я могу прямо сейчас пойти и помолиться за твою мокшу.

Прийя подхватывает сумку, соскальзывает со скамейки, презрительно отталкивает плечом Йогендру и широкими шагами идет по картонному «тротуару», отчего ее роскошные бедра ритмично и искушающе покачиваются.

Йогендра смотрит на Шива. Именно тем взглядом мудрого ребенка, от которого у Шива постоянно возникает желание расколотить ему череп об оловянный прилавок и раз мазать мозги.

— Ты все никак не закончишь? — Он выхватывает из рук у Йогендры чашку с чаем и выливает

ее содержимое на землю. — Все, хватит. Нам сейчас предстоят дела посерьезней.

Йогендра уходит в обычное для него обиженное молчание. Умом он настоящий брахман. И не впервые Шив задается вопросом, а не сын ли он и наследник богатого папаши, какого-нибудь главаря разбойничьей шайки, выброшенный из лимузина под неоновыми огнями Каши, чтобы мальчишка на собственной шкуре узнал, что такое настоящий мир? Выжил. И преуспел...

— Так ты идешь? — орет он на Йогендру.

Это дитя уже успело найти себе немного паана пожевать.

Вечером снова приходит Лейла, чтобы помочь матери приготовить пури с цветной капустой. Они хотят порадовать Шива любимым лакомством, но от запаха горячего топленого буйволиного масла в тесном и темном помещении у того начинается зуд, чуть ли не судороги. Сестра и мать Шива сидят на корточках у маленькой газовой плиты. Йогендра усаживается рядом с ними, помогает выкладывать готовые пури на мятый кусок газеты. Шив наблюдает за парнем. И для него самого это тоже когда-то было наполнено особым смыслом. Очаг, огонь, хлеб, бумага...

Он смотрит на Лейлу, которая придает пури

форму маленьких овалов и бросает их в густой жир.

Сестра произносит в пустоту, как бы ни к кому непосредственно не обращаясь:

— Я собираюсь сменить имя. На Марту. Марта — библейское имя. Лейла же происходит от Лее-лавати, языческой богини, которая на самом деле одна из демонов-прислужников сатаны в аду. А вы знаете, что такое ад? — Она выкладывает пури с цветной капустой в специальный ковшик. — Ад — это огонь, который никогда не угасает, громадный темный зал, подобный храму, только гораздо больше любого храма, потому что он должен вместить всех людей, которые так и не познали Господа Иисуса Христа. Стены и колонны в том зале — десятки километров высотой, и от них исходит горячее желтое свечение, и сам воздух там подобен пламени. Я сказала — стены, но на самом деле для ада нет ничего внешнего, только твердый камень, простирающийся до бесконечности во всех направлениях, а ад вырублен внутри него. И даже если вы смогли бы сбежать оттуда, что невозможно, потому что вы прикованы к камню цепями, то все равно вам некуда было бы уйти. Все пространство заполнено миллиардами и миллиардами людей, скованных в

узлы, которые висят один над другим. Тысяча таких связок вниз, тысяча в ширину и тысяча вверх. По миллиарду людей в каждой связке и тысячи, тысячи таких связок. Те, кто находится посередине, ничего не видят, но очень хорошо слышат друг друга — бесконечный стон муки. Единственный звук, который можно услышать в аду, — страшный, никогда не прекращающийся стон и вой всех миллиардов скованных цепями людей, что горят, но никогда не сгорают. Вот в чем весь ужас — гореть в адском пламени и никогда не сгореть.

Шив начинает ерзать на своем чарпое. С адом у христиан все в порядке. От жуткого рассказа у него встает член. Муки, крики ужаса, тела, корчащиеся в жутких муках, нагота, беспомощность всегда его возбуждали. Йогендра выкладывает высушенные пури в корзину. В его мертвых глазах пустота и отупение, а лицо не человеческое — скорее морда зверя.

— А суть-то в том, что длится это вечность! Тысяча лет для вечности всего лишь секунда. Век Брахмы не дотягивает даже до мгновения в аду. Проходит тысяча веков Брахмы, а ты все так же далек от конца. Ты еще в самом начале страшного пути. Вот куда вы все можете угодить. Демоны по-

тащат вас вниз, закуют в цепи, положат на самый верх какой-нибудь связки грешников, и плоть начнет гореть, и вы попытаетесь не дышать огнем, но в конце концов все равно придется вдохнуть обжигающее пламя. И так будет длиться вечно. Единственный способ избежать ада — поверить в Господа Иисуса Христа и принять Его как вашего личного Бога и Спасителя. Другого пути нет. Только представьте — ад! Можете ли вы вообразить, что вас там ждет?

— Вот это?

Йогендра быстр и проворен, как кинжал в темном переулке. Он хватает Лейлу за запястье. Она кричит, но вырваться не может. На его лице все та же непроницаемая звериная маска, и он тянет руку девушки к кипящему маслу.

Ударом ноги по голове Шив отбрасывает Йогендру в противоположный угол комнаты: вместе с ним в разные стороны разлетаются пури. Лейла-Марта, вопя от боли и страха, бежит в другую комнату. Мать Шива отскакивает от плиты, от горячего жира, от коварного газового пламени.

— Убери его отсюда! Вон из моего дома!..

— Он уходит, — говорит Шив, двумя шагами пересекает комнату, хватает Йогендру за майку и вытаскивает его на грязную улицу.

Кровь струится из небольшой раны над ухом, но Йогендра продолжает тупо улыбаться звериной улыбкой. Шив швыряет его на противоположную сторону переулка. Йогендра не пытается отбиваться или сопротивляться, не делает никаких попыток бежать или даже беспомощно свернуться калачиком. Он принимает все удары с абсолютно равнодушным — вроде «а пошел ты на...» — выражением лица. Ударить Йогендру — все равно что ударить кота. Но коты никогда не прощают. А, черт с ним! Котов топят в речке. Шив бьет Йогендру до тех пор, пока не проходит голубизна по краям его зрения. Затем садится, прислонившись к стене лачуги, и закуривает биди. От своей сигареты зажигает еще одну и протягивает ее Йогендре. Тот без слов берет ее. Так они сидят и курят в грязном переулке. Шив давит окурок на картоне носком шикарной итальянской туфли.

Дерьмовый раджа!

— Пошли, дурак, нам нужно достать машину.

17
Лиза

Лиза Дурнау медленно пробирается по туннелю к самому центру астероида. Шахта настолько узкая, что она едва в ней помещается, скафандр белого цвета плотно прилегает к телу, и Лиза никак не может отделаться от мысли, что она сперматозоид НАСА, плывущий по космическому влагалищу. Девушка ползет, держась за белый нейлоновый канат, вслед за подошвами Сэма Рейни. Неожиданно ноги руководителя проекта останавливаются. Лиза отталкивается от узла на канате и повисает в пустоте, где-то посередине этого каменного влагалища — на расстоянии четверти миллиона миль от дома. Мимо нее протискивается рука робота-манипулятора, ползущая на маленьких механических пальчиках. Лиза невольно съеживается, когда та касается ее скафандра. Она с детства боится всего, что напоминает японских королевских крабов — мерзких, покрытых хитиновой оболочкой существ. Девушке когда-то часто снился кошмар, в котором она поднимала одеяло и находила там

подобное крошечное чудовище, ловким броском протягивающее к ее лицу свои клешни.

— Почему остановка?

— Здесь начинается пустота. С этого места вы начнете ощущать воздействие гравитации. Как вы насчет того, чтобы ползти головой вниз?

— У вашей загадочной Скинии свое собственное гравитационное поле?

Ноги Сэма Рейни подгибаются, и он исчезает во мраке между люминесцентными трубками. Лиза видит перед собой что-то белое, вращающееся и маневрирующее. Наконец перед ней появляется лицо Сэма, смутно видное сквозь маску скафандра.

— Постарайтесь не цепляться ни за что руками.

Лиза осторожно ползет дальше, туда, где шахта делает поворот. Здесь она едва пролезает. Кроме того, как предупреждал девушку Сэм, тут можно и зацепиться за что-нибудь. Лиза морщится, почувствовав, как камень царапает ее по плечу.

С тех самых пор, как она оказалась в исследовательском центре Дарнли-285, ей приходится непрерывно ползти и протискивается куда-то, постоянно во что-то врезаясь. Дарнли представляет собой неустойчивый триумвират из астрономов,

археологов и «нефтяных крыс» с севера Аляски. Величайшим открытием на Дарнли стала находка бурильщиков, когда буры просверлили скальную породу и ученые опустили туда камеры. Они нашли вовсе не какой-то супердвигатель и не мифический корабль инопланетян. Они обнаружили нечто принципиально иное...

Скафандр, которым снабдили Лизу, идеально облегает тело, почти прирастая к коже, — результат особой технологии использования нитей тоньше молекулы кислорода. Он был достаточно удобным для того, чтобы передвигаться в нем по узким шахтам внутренней части Дарнли, и в то же время достаточно прочным, чтобы оберегать человеческое тело от вредного воздействия вакуума. Лиза уцепилась за поручень на люке, все еще не будучи в состоянии справиться с головокружением, вызванным переходом из челнока. Она чувствовала, как белая ткань еще плотнее прилегает к ее телу, и видела, как члены команды один за другим ныряют в узкую нору, которая служила входом в скалу. Но вот настал и ее черед преодолеть клаустрофобию и влезть в шахту. Девушка слышала тиканье часов. В ее распоряжении было сорок пять минут, чтобы влезть внутрь, решить вопрос с тем, что находится в глубинах

Дарнли-285, выбраться оттуда и вновь перейти на челнок, возглавляемый капитаном-пилотом Бет, пока челнок не начал разворот.

Оказавшись в длинной кишке астероида, Лиза Дурнау складывает руки на груди, поджимает ноги и делает очень точный кувырок. Спускаясь вниз по канату, она чувствует какую-то дополнительную помощь, словно кто-то снизу тянет ее за ноги. И вот к ней возвращается отчетливое ощущение верха и низа, и ее желудок начинает активно протестовать, возвращаясь к обычной ориентации в пространстве. Она бросает взгляд вниз, голова Сэма Рейни полностью заполняет всю шахту. Вокруг нее ореол. Где-то внизу свет.

Несколько сотен узлов вниз по шахте, и она сможет оторваться и понесется вниз стометровыми прыжками. Лиза издает радостный крик. Низкая гравитация ей значительно больше по душе, чем тягостная тошнотворная невесомость.

— Не забывайте, вам еще придется возвращаться тем же путем, — замечает Сэм.

Еще пять минут полета вниз, и свет превращается в яркое серебристое свечение. Телу Лизы такая гравитация доставляет особое наслаждение, у нее возникает ощущение, что с каждым метром она делается сильнее. Ее разум проте-

стует против существования веса в абсолютном вакууме. Внезапно голова Сэма исчезает. Она цепляется пальцами рук и ног за стенку и пристально всматривается вниз в диск серебристого света. Ей кажется, что она видит паутину из канатов и кабелей.

— Сэм?..

— Спускайтесь вниз, пока не увидите веревочную лестницу. Крепко хватайтесь за нее и увидите меня.

Просунув ноги вперед, в своем идеально облегающем скафандре Лиза Дурнау проникает в центральную пещеру Дарнли-285. У нее под ногами паутина из кабелей и тросов, которые располагаются поверх полости в центре астероида. Уцепившись за канатную растяжку, Лиза ползет по паутине по направлению к Сэму Рейни, лежащему на сетке.

— Не смотрите вниз, — предупреждает Сэм. — Двигайтесь сюда и ложитесь рядом со мной... Теперь можно.

Лиза ложится на сетку и устремляет взгляд туда, где находится самый центр Скинии.

Объект представляет собой идеальную сферу серебристо-серого цвета размером с небольшой дом, которая висит в центре тяжести астеро-

ида на расстоянии двадцати метров от Лизы. Сфера излучает непрерывное тускло-металлическое свечение. Когда глаза Лизы понемногу привыкают к свету, идущему снизу, она начинает различать разницу в характере различных участков поверхности сферы, как бы игру света и тени. Это явление не сразу бросается в глаза, но стоит ей его заметить, как девушка начинает различать специфическое движение, какие-то волны, сталкивающиеся и сливающиеся, а затем отбрасывающие все новые дифракционные узоры, серые на сером.

— А что произойдет, если я что-нибудь туда брошу? — спрашивает Лиза.

— Все задают такой вопрос, — шепотом отвечает Сэм Рейни.

— Ну и что же произойдет?

— Попробуйте — и узнаете.

Единственная вещь, найденная Лизой, с которой можно было без особых опасений расстаться, — одна из бирок с ее именем. Она отстегивает бирку от скафандра и бросает сквозь паутину. Лиза думала, что вещица начнет плавать в вакууме. Но вместо этого она летит прямо сквозь абсолютный вакуум внутренней полости Дарнли-285.

Несколько мгновений бирка представляет

собой едва различимый силуэт на фоне серого свечения, а затем исчезает в серебристом мерцании, словно монетка в воде. По поверхности пробегают волны, сталкиваются, расходятся, завиваются в недолговечные водовороты и спирали. Она падала гораздо быстрее, чем можно было предположить, думает Лиза. Девушка отмечает и еще одну особенность: бирка не прошла поверхность насквозь. Как только она соприкоснулась со сферой, то тотчас же исчезла. Была уничтожена.

— Сила притяжения увеличивается по мере приближения к сфере, — замечает Лиза.

— На поверхности она равна примерно пятидесяти g. Близко к черной дыре. За исключением того, что...

— Что она не черная. Значит... глупый, но достаточно очевидный вопрос... что же это такое?

Лиза слышит, как Сэм втягивает воздух сквозь сжатые зубы.

— Ну, это источник электромагнитного излучения в видимом нами спектре. Вот, пожалуй, и все, что можно о нем сказать. Все виды периферийного сканирования, которые мы пытались применить, не дали никаких результатов. Кроме свечения, во всех остальных отношениях мы

имеем дело с абсолютной черной дырой. Светлой черной дырой.

Все это не совсем так, сразу же заключает Лиза. Дыра делает с вашими радарами и рентгеновскими лучами то же, что сделала с моей именной биркой. Она уничтожает их. Но что же все-таки происходит с ними на самом деле? И вдруг Лиза начинает ощущать легкую тошноту — тошноту, вызванную вовсе не непривычной силой тяжести, не последствиями клаустрофобии, не интеллектуальным страхом чуждого и неизвестного. В ней возникает то самое чувство, которое она очень хорошо помнит по случившемуся с ней в женском туалете на вокзале Виктория, — ощущение зарождения новой грандиозной идеи. Легкая дурнота, сопровождающая зачатие оригинальной мысли.

— Мне можно взглянуть на нее поближе? — спрашивает Лиза.

Сэм Рейни перекатывается по ячейкам сети к техникам, собравшимся в хрупком гнезде из старых сидений и ремней безопасности, устроенном вокруг видавших виды агрегатов. Фигура с женскими плечами и с именем «Даэн» на андрогинной груди передает Сэму усилитель изображения. Он цепляет прибор поверх шлема

Лизы и показывает, как работать со сложным и очень мелким кнопочным управлением. Голова у Лизы идет кругом, как только она включает увеличение. Вокруг нет ничего, на чем можно было бы сфокусироваться. И тут внезапно сфера заполняет все поле зрения Лизы. Поверхность Скинии неспокойна, на ней что-то копошится.

Лиза вспоминает уроки в начальной школе, когда стекло с водой из пруда помещали под видеокамеру, и в водяной капельке вдруг обнаруживалось невероятное скопление всякого рода микросуществ. Она вращает колесико до тех пор, пока нервное трепетание броуновского движения переходит в нечто более упорядоченное. То, что вначале представлялось серебристым свечением, теперь напоминает газетный лист, на котором вместо букв — «атомы» черного и белого цвета, непрерывно переходящие друг в друга. Поверхность Скинии — это постоянное кипение самых разнообразных фрактальных форм, от медленных волновых до быстро исчезающих, разбивающихся друг о друга или сливающихся в более крупные — но и более недолговечные — образования, распадающиеся, словно след в пузырьковой камере, на экзотические и непредсказуемые обрывки.

Лиза вращает верньер, пока на графическом дисплее не отображается «x1000». Зернистое туманное изображение расширяется, превращаясь в ослепительное черно-белое свечение, сопровождающееся сильным мерцанием и исторгающее словно бы язычки пламени по несколько сотен в секунду. Изображение крайне нечеткое, но Лиза уже прекрасно знает, что именно нашла бы в основании всего этого, будь у нее возможность спуститься и посмотреть вблизи. Решетку из простых черных и белых квадратов, непрерывно переходящих друг в друга.

— Клеточные автоматы, — шепчет Лиза, висящая поверх фрактальных вихрей, загадочных узоров, волн и демонов, подобных тем, что Микеланджело изобразил в Сикстинской капелле.

Жизнь, какой ее представлял Томас Лалл...

Большую часть жизни Лиза Дурнау провела в мерцающем черно-белом мире клеточных автоматов. Ее дед Мак, характер и личность которого были результатом сложного смешения шотландских и ирландских генов, первым пробудил в ней интерес к неисчерпаемым сложностям, таившимся в простом шашечном узоре. Стоит применить несколько простейших правил цветового преобразования на основе номеров соседних

черных и белых клеток — и можно на обычной доске получить филигранные барочные узоры.

В компьютере Лиза открыла для себя целые бестиарии черно-белых форм, которые ползали, плавали, кишели, лазали по экрану монитора, самым зловещим образом мимикрируя под живых существ. А внизу, в своем кабинете, уставленном богословскими фолиантами, пастор Дэвид Дж. Дурнау писал проповеди, доказывавшие, что Земле всего каких-нибудь восемь тысяч лет и что Большой Каньон есть результат Потопа.

Уже учась в выпускном классе, когда одноклассницы бросили Лизу ради Аберкромби, Фитча и модных скейтбордистов, она начала скрывать застенчивость за сверкающими стенами трехмерных клеточных автоматов. Проект, представленный ею в конце года, связывавший хрупкие формы с компьютерного экрана с барочными стеклянными оболочками микроскопических диатомовых водорослей, потряс даже учителя математики. Благодаря этому проекту девушка попала на тот факультет университета, на который мечтала попасть. Лиза была занудой. Но зато умела очень быстро бегать.

Ко второму курсу Лиза уже пробегала десять километров каждый день, пытаясь проникнуть

под поверхностный блеск своего черно-белого виртуального мира и найти законы, лежащие в его основе. Простые программы, порождающие сложное поведение, — вот суть гипотезы Вольфрама-Фридкина. У Лизы не было ни малейших сомнений относительно того, что вселенная пребывает в постоянном общении с собственной структурой, но девушке хотелось знать, где находится эта точка взаимодействия. Ей хотелось подслушать тот самый шепот Бога, о котором говорят китайцы. Поиск привел ее из шашечной Искусственной Жизни в не менее фантастические пределы, населенные драконами: космологию, топологию, к «М-теории» и ее наследнице — теории «М-звезды». В каждой из рук Лиза держала по одной теоретической вселенной. Она соединила их вместе, увидела пламенную дугу, возникшую между ними, и наблюдала за тем, как они почти мгновенно сгорели. Жизнь. Игра.

— В настоящее время у нас есть несколько теорий, — говорит Сэм Рейни.

Через тридцать шесть часов после своего пребывания на Дарнли Лиза вновь находится на МКС. Она, Сэм и дама-агент ФБР Дейли составляют изящный галантный трилистник, парящий в невесомости, — неосознанное повторение сталь-

ного символа, указывающего дорогу к святая святых Дарнли-285.

— Помните тот момент, когда вы уронили бирку со своим именем?

— Это идеальное запоминающее средство, — отвечает Лиза. — Все, с чем оно физически взаимодействует, разлагается в чистую информацию.

И теперь имя девушки тоже является частью такой информации. Она даже не до конца понимает, какие чувства должно вызывать у нее осознание подобного факта.

— Итак, оно все поглощает. Но что-нибудь когда-нибудь из него исходило? Какой-нибудь сигнал, например?

Она замечает, что Сэм с Дейли обмениваются между собой совершенно недвусмысленными взглядами. Дейли говорит:

— Я отвечу на ваш вопрос, но вначале Сэм должен кратко представить историческую перспективу проблемы.

— Она сказала «историческую», — начинает Сэм, — на самом деле речь идет об археологической перспективе. Но даже и это не совсем точно. Скорее о перспективе космологической. Мы провели изотопные тесты...

— Я знакома и с палеонтологией, так что не

бойтесь напугать меня терминами.

— Данные изотопных тестов показывают, что возраст этой штуки — семь миллиардов лет.

Лиза Дурнау — дочь священника и потому совсем не склонна упоминать имени Господа всуе, но в данный момент она не может удержаться и произносит с благоговением: «Господи Иисусе!» Эры «Альтерры», пролетавшие незаметно и сменявшие одна другую в течение суток, дали ей некое представление о глубине Времени. Но распад радиоактивных изотопов приоткрывает дверцу в самый длинный коридор времен — в бездну прошлого и будущего. Дарнли-285 старше Солнечной системы.

Внезапно у Лизы возникает мучительное ощущение того, что она не более чем комок костей, хрящей и нервов, мятущийся внутри пустой банки из-под кофе, парящей среди бесконечной пустоты.

— Почему, — осторожно спрашивает Лиза, — вы хотели, чтобы вначале я узнала об этом?

Дейли Суарес-Мартин и Сэм Рейни обмениваются взглядами, и Лиза понимает, что именно на них двоих должна будет положиться ее страна в случае встречи с инопланетным разумом. Не на супергероев, не на суперученых и не супер-

менеджеров. Вообще ни на каких суперов. На обычных, вполне средних ученых и госслужащих. Привыкших хорошо и добросовестно выполнять свою повседневную работу. Но наделенных главным человеческим инструментом — умением импровизировать.

— Мы снимаем поверхность Скинии на протяжении всего времени, начиная с первого дня, — говорит Сэм Рейни. — Не сразу стало ясно, что для того, чтобы выделить отдельные структуры, возникающие на поверхности, камера должна снимать со скоростью пятнадцать тысяч кадров в секунду. Мы их анализируем...

— С тем, чтобы выявить закономерности.

— Не думаю, что я выдам какую-то государственную тайну, если скажу, что в нашей стране мы не располагаем необходимыми мощностями.

— Понимаю, — говорит Лиза. — Вам необходимы высокоуровневые сарисины, распознающие структуры. Уровень 2,8, а возможно, и выше.

— Нам известна пара специалистов в дешифровке и распознавании структур, — говорит Дейли Суарес-Мартин. — К сожалению, они находятся... как бы это лучше определить... далеко не в самом политически стабильном регионе мира.

— Значит, вы пригласили меня сюда вовсе не

для того, что бы помочь отыскать ваш Розеттский камень. Но для чего же?

— В некоторых случаях нам удавалось выделять некие узнаваемые структуры.

— И как часто?

— Трижды, на трех последовательных кадрах. Дата — 3 июня нынешнего года. Вот первый из них.

Дейли передает Лизе большую фотографию размером тридцать на двадцать. Женское лицо, серое на сером. Степень разрешения клеточного автомата достаточна для того, чтобы различить, что незнакомка слегка хмурится, что рот у нее приоткрыт и даже чуть-чуть видны зубы. Она молода, миловидна, неопределенной национальности. Застывшие взаимопереходы черного и белого запечатлели явное выражение усталости на лице.

— Вам известно, кто это? — спрашивает Лиза.

— Как вы сами прекрасно понимаете, сейчас мы как раз и пытаемся решить данную проблему, — отвечает Дейли. — Мы уже связались с ФБР, ЦРУ, Внутренней налоговой службой США, со службами социального обеспечения и паспортными базами данных. Никаких соответствий.

— Но ведь она совершенно не обязательно

должна быть американкой, — возражает Лиза Дурнау.

Как ни странно, вполне резонное возражение Лизы удивляет Дейли. Она передает ей следующую фотографию изображением вниз. Лиза переворачивает ее и инстинктивно пытается нащупать что-то, за что можно было бы ухватиться, чтобы не упасть. Она забыла, что здесь все и так непрерывно падает.

Он сменил очки, подстриг бороду, превратив ее в обычную кайму из щетины. Он отрастил волосы, сбросил вес, но невозможно не заметить характерное сардоническое, немного стеснительное выражение лица — «сейчас же уберите от меня вашу камеру!».

Томас Лалл...

— О боже! — выдыхает Лиза.

— Перед тем, как делать какие-либо выводы, взгляните, пожалуйста, на последний снимок.

Дейли Суарес-Мартин отправляет к Лизе последнюю фотографию.

Это она сама... Ее собственное лицо, вырисованное на серебристой поверхности достаточно отчетливо, чтобы разглядеть родинку на щеке, маленькие морщинки вокруг глаз, более короткую, чем сейчас, спортивную стрижку и не совсем

понятное выражение лица: приоткрытый рот, широко распахнутые глаза, мимические мышцы заметно напряжены. Что это? Гнев? Ужас? Восторг? Все, что она сейчас видит, невозможно, невероятно, безумно. Безумно превыше всякого известного ей безумия. И все-таки с фотографии на нее смотрит ее собственное лицо. Лицо Лизы Леони Дурнау.

— Нет, — медленно произносит Лиза. — Вы все это придумали, не так ли? Воздействие наркотиков. У меня галлюцинации. Ответьте же мне.

— Лиза, вы поверите мне, если я скажу, что вы не страдаете ни от каких послеполетных галлюцинаций? И мы показали не какие-нибудь подделки, сделанные только ради того, чтобы пошутить. Да и с какой стати стали бы мы заниматься подобными вещами? Зачем привезли вас сюда? Для того только, чтобы показать поддельные фотографии?

Они смотрят на нее. Пытаются успокоить. Ладно. Возьми себя в руки. Постарайся оставаться спокойной перед лицом самого безумного факта во вселенной...

Ухватившись одной рукой за стропу на обитой чем-то мягким внутренней поверхности МКС, Лиза вдруг начинает понимать, что все, что про-

изошло с ней с того самого момента, как в ее кабинете появились люди в строгих костюмах, является непостижимой цепью все более абсурдных совпадений. Нет-нет... с того момента, когда лицо всплыло из хаоса черно-белых клеток, а она сама еще не имела об этом ни малейшего представления, с того момента, когда Скиния избрала ее. Все уже было предопределено загадочной серой сферой.

— Не знаю! — кричит Лиза. — Не знаю, почему... почему вначале она демонстрирует вам полный хаос и неразбериху, а затем ни с того ни с сего — мое лицо. Не знаю, понимаете? Я его не просила, ни к чему подобному не стремилась, и вообще оно не имеет ко мне никакого отношения. Вы меня понимаете?!

— Лиза, — вновь ровный успокаивающий голос дамы из ФБР.

Девушка на мгновение задумывается. Да, это она, но такая она, какой себя никогда не знала. У нее никогда не было такой прически... Кстати, и Лалл никогда *так* не выглядел. Старше, свободнее, какой-то более виноватый. Отнюдь не мудрее. И та девушка... Она никогда ее не встречала. Но теперь обязательно встретит, Лиза знает наверняка. Перед ней только что прошли снимки

из ее будущего, сделанные семь миллиардов лет назад.

— Лиза, — говорит Дейли Суарес-Мартин в третий раз. Третий раз, как тогда, с Петром* [Имеется в виду эпизод из Нового Завета, когда Петр трижды отрекается от Христа, прежде чем пропел петух] и его предательством. — Я должна сказать, чего мы хотели бы от вас.

Лиза Дурнау делает глубокий вдох.

— Я знаю, — отвечает она. — Я его найду. Ничем другим помочь не смогу.

Земля крепко держит и тянет к себе небольшое космическое тело. Прошло три минуты — Лиза считала секунды с того момента, как в последний раз включались двигатели. Теперь все во власти скорости и силы притяжения. Впервые испытывая все прелести возвращения, Лиза издает громкий вопль, когда несущая ее штуковина, чем-то напоминающая соковыжималку, приближается к границе земной атмосферы, а температура обшивки достигает трех тысяч градусов по Цельсию. Девушке становится совсем не смешно. Стоит одной цифирьке отклониться в ту или другую сторону, и прозрачный воздух превратится в непроницаемую стену, от которой вы рикошетируете обратно в космос, и уже никому

и никогда не удастся вернуть вас обратно. Или же вы превратитесь в огненный шар и рассыплетесь на ионы титана с соусом из обгоревшего углерода.

Еще подростком в колледже Лиза испытала один из самых жутких кошмаров в жизни. Она сидела в темной комнате, слыша шум проводившихся рядом сантехнических работ, и неожиданно попыталась вообразить, что произойдет, когда она умрет. Дыхание ослабевает. Сердце судорожно сражается за остатки кислорода, что вызывает нарастающее ощущение паники. Темнота, наступающая со всех сторон. Полное осознание того, что происходит: вы не в состоянии ничего изменить, вслед за последним вздохом вас поглотит абсолютная пустота. И все это произойдет с Лизой Дурнау. Никакого спасения. Никакой надежды на исключение лично для нее. Смертный приговор одинаков для всех и обжалованию не подлежит.

Тогда Лиза пришла в себя с ощущением жуткого холода в желудке, с бешеным сердцебиением и чувством абсолютной неизбежности конца. Она зажгла свет, попыталась думать о чем-нибудь приятном и веселом: о красивых парнях, о занятиях бегом, о своей работе, о том, куда они вместе с подругами смогут пойти в пятницу, но

воображение упорно возвращало ее к жуткому, но одновременно невыносимо притягательному кошмару, словно кошку к блевотине.

Возвращение на Землю чем-то напомнило Лизе ту самую ситуацию. Она пытается думать о чем-то хорошем, веселом, а в голову приходят только страшные и мрачные мысли, и самая страшная из них — об обшивке посадочного модуля, нагревшейся до температуры кремации. Здесь не помогут никакие таблетки. Ничего не поможет. Ты женщина, падающая на Землю.

Лиза чувствует рывок и вскрикивает.

— Все в порядке. Обычное дело, просто незначительное нарушение симметрии в плазменном щите.

Сэм Рейни сидит, пристегнувшись, в кресле номер два. Он опытный астронавт, летал туда и обратно раз десять, никак не меньше, но Лизе кажется, что в данном случае что-то происходит не совсем так, как надо, не по плану. У нее затекли пальцы. Девушка несколько раз сгибает и разгибает их, затем касается груди, как будто для того, чтобы хоть немного успокоиться. Она нащупывает плоскую квадратную вещь, которая лежит в правом нагрудном кармане.

Когда Лиза найдет Томаса Лалла, она должна

будет показать ему содержимое своего кармана. Это блок памяти, в котором содержится вся информация о Скинии, известная на данный момент. Потом Лизе будет необходимо убедить Лалла присоединиться к работе над проектом. Томас был самым выдающимся, довольно эклектичным и наиболее влиятельным мыслителем своего времени. И притом самым большим мечтателем от науки. К его мнению в одинаковой мере прислушивались и целые правительства, и ведущие телевизионных ток-шоу. И если вообще существует кто-то, кому может прийти в голову какая-то идея или попросту присниться сон относительно того, что же все-таки такое эта странная сфера, вращающаяся в своем каменном коконе, если кто-то способен разгадать заложенный в ее существовании смысл, то таким человеком может быть только Томас Лалл.

Блок памяти может служить чем-то вроде электронного гуру. Он способен сканировать любую систему видеослежения с целью распознавания лиц. Кроме того, в том случае, если блок в течение часа не будет ощущать присутствия рядом с собой Лизы Дурнау, он распадется и превратится в грязный комок белковых схем. Инструкция гласит: будьте внимательны при принятии душа,

плавании, держите его при себе даже во время сна. Единственная нить, которая может при вести к Томасу Лаллу, — это лишь недостоверные сведения трехлетней давности о том, что его видели в Керале, в южной Индии. Шанс расшифровки послания Скинии висит на волоске, на неподтвержденных сведениях, полученных от одного рюкзачника, путешествовавшего по Индии. По посольствам и консульствам всех стран мира разосланы инструкции об оказании Лизе всей необходимой помощи. Ей также вручили кредитную карточку с открытым банковским счетом. Однако Дейли Суарес-Мартин, которая в любом случае оставалась руководителем Лизы, дала понять, что ей хотелось бы получать от девушки отчеты о расходах.

Маленький объект с силой врезается в атмосферу. Гравитация рывком вдавливает Лизу еще глубже в гелевое кресло, все вокруг дергается, грохочет и трясется. Она до смерти перепугана, и рядом нет ничего, абсолютно ничего, за что она могла бы ухватиться. Девушка протягивает руку. Сэм Рейни берет ее в свою. Его рука в перчатке — большая и несколько карикатурная — остается, пожалуй, последним крошечным островком стабильности в падающей и сотрясающейся

вселенной.

— Как-нибудь!.. — кричит Сэм, и голос его дрожит. — Как-нибудь!.. Когда мы!.. Приземлимся!.. Как насчет... того, чтобы пойти куда-нибудь! Пообедать!.. Где-нибудь?!.

— Да!.. Конечно!.. Где угодно!.. — вопит в ответ Лиза, а в это время несущий их аппарат, прочертив в небе длинный и яркий плазменный хвост, пролетает над широкими прериями Канзаса, направляясь к космодрому Кеннеди.

18
Лалл

У Томаса Лалла неамериканская душа. Он ненавидит автомобили и любит поезда, индийские поезда, большие, словно предназначенные для того, чтобы вместить целую страну, отправляющуюся в путешествие. Его вполне устраивают имеющиеся социокультурные противоречия — наличие демократии при сохранении определенной иерархичности: идеальная модель временного сообщества, вполне реальная и активно функционирующая, пока поезд находится в пути, и мгновенно рассеивающаяся, словно туман поутру, сразу же после прибытия на конечный пункт. Любое путешествие — паломничество, а Индия — страна-паломник. Реки, громадные магистрали, поезда — священные понятия для множества индийских народов. На протяжении тысячелетий люди бесконечным и непрерывным потоком текли по этой земле. Все здесь подобно реке — встреча, короткое совместное путешествие и — расставание.

Западное сознание восстает против подобного

взгляда. Западное сознание — миропонимание автомобилиста. Свобода движения. Свобода выбора направления. Индивидуального, личного выбора, самовыражения и секса на заднем сиденье. Великое автомобильное общество. Во всей западной литературе и музыке поезд всегда был символом рока, слепо и неумолимо влекущего индивида к смерти. Поезда проносятся через двойные ворота Освенцима прямо к «душевым»... В Индии поезда никогда не воспринимались как нечто роковое и страшное. Здесь особенно не задумываются над тем, куда везет вас невидимый локомотив. Здесь главное то, что вы видите из окна, о чем беседуете с попутчиками. Смерть же не более чем громадный, многолюдный вокзал, на котором гремят нечленораздельные сообщения о прибытии новых поездов, о переходе на другие линии, о начале новых путешествий.

Поезд из Тируванантапурама мчится по широкой паутине рельсов по направлению к большой станции. Изящные шатабди летят по скоростным линиям. Длинные пригородные электрички, скуля, несутся, увешанные пассажирами, свисающими с дверей, оседлавшими ступеньки, взгромоздившимися на крышу, просовывающими руки сквозь решетки на окнах: узники

мирских забот.

Мумбаи... Город, который всегда пугал Томаса Лалла. На этом бывшем архипелаге, когда-то состоявшем из семи благоуханных островов, сейчас живет двадцать миллионов человек, и они прибывают как раз в вечерний час пик. Центр Мумбаи фактически самое большое в мире единое строение. Универмаги, жилые дома, офисы, места развлечений, соединенные в некое подобие многорукого многоголового демона. В самом его сердце расположен терминал Чаттрапати Шиваджи, безоар викторианских излишеств и чванства, в настоящее время полностью скрывшийся под торговыми пристройками, словно мертвая жаба, замурованная в известковых наслоениях. Ни на одно мгновение Чаттрапати Шиваджи не затихает. Это самый настоящий город внутри города. Некоторые касты могут похвастаться тем, что существуют только на его территории. Есть семейства, которые заявляют, что они целыми поколениями взращивались среди платформ, путей и краснокирпичных пилястров терминала и что многие родившиеся там никогда не видели солнечного света, ибо никогда не выходили за его пределы. Пятьсот миллионов паломников проходят по его мрамо-

ру каждый год, обслуживаемые целым городом носильщиков, грузчиков, торговцев, дельцов и проходимцев всякого рода.

Лалл и Аж сходят на платформу и оказываются среди многолюдных семейств и тюков с поклажей. Шум поистине оглушительный. Сообщения о прибытии и отправлении поездов сливаются в сплошной нечленораздельный рев. Носильщики стаями набрасываются на белых пассажиров. Двадцать рук одновременно тянутся к их багажу. Худой мужчина в красной униформе «Железных дорог Маратха» хватает сумку Аж. Быстрая, как удар кинжала, ее рука останавливает носильщика. Она наклоняет голову, смотрит прямо ему в глаза.

— Вас зовут Дхирадж Тендулкар, и вы осуждены за воровство.

Псевдоносильщик исчезает мгновенно, будто укушенный змеей.

— Мы сами справимся.

Томас Лалл берет Аж под локоть и ведет ее, словно невесту. В бескрайнем потоке людей взгляд Аж скользит с одного лица на другое, как будто ища кого-то.

— Имена. Слишком много имен.

— И все-таки я никак не могу понять того, что

вы говори те об этих своих богах, — говорит Лалл.

Парни в красных куртках собираются вокруг какого-то бродяги. Слышны крики, ругань.

До отхода бхаратского экспресса еще целый час. Томас Лалл находит убежище в валютной кофейне. Он платит бешеные деньги за картонный стаканчик кофе с деревянной ложечкой. Лалл чувствует неприятное сжатие в груди, астматическую реакцию на мучительную клаустрофобию «города внутри города». Дышать нужно через нос. Через нос. Рот для беседы.

— Кофе очень плохой, не так ли? — говорит Аж. Томас Лалл пьет молча, наблюдая за тем, как прибывают и отправляются поезда, как бесчисленные людские толпы вовлекаются в бесконечное коловращение этого символа урбанистического бытия. Вот человек, которого несут к месту последнего упокоения, человек его возраста. Грязная маленькая война из-за воды... Лалла охватывает странное загадочное чувство, желание всегда нутром ощущать постоянный ритм жизни.

— Аж, дайте-ка мне снова ту фотографию. Я должен вам кое-что сказать.

Но Аж уже нет рядом. Девушка движется сквозь

толпу словно призрак. Люди расступаются, завидев ее, смотрят вслед. Томас Лалл бросает деньги на стол и бросается за ней, жестом приказав двоим носильщикам взять багаж.

— Аж! Наш поезд вон там!..

Она продолжает идти, словно не слыша. Девушка похожа на Мадонну терминала Чаттрапати Шиваджи. Какое-то семейство сидит на дхури под большим табло. Они пьют чай из термоса: мать, отец, бабушка, двое девочек-подростков. Аж движется по направлению к ним, не спеша, но с каким-то загадочным упорством. Люди поднимают головы и устремляют взгляды на девушку, почувствовав, что внимание всего вокзала обращено на них. Аж останавливается. Томас Лалл тоже останавливается. Останавливаются и носильщики, следующие за ним. Лалл чувствует на каком-то глубинном уровне, что все вокруг застыло — все поезда и тележки с багажом, все пассажиры, инженеры и полицейские, все табло, сигналы и указатели.

Аж опускается на корточки перед перепуганным семейством.

— Я должна вас предупредить. Вы едете в Ахмедабад, но вас там никто не встретит. Он попал в беду. В большую беду, его арестовали. Ему

предъявлено серьезное обвинение — похищение мотоцикла. Его содержат под арестом в сурендранагарском районном отделении полиции, номер GBZ16652. Ему понадобится адвокат. «Азад и сыновья» — одна из лучших адвокатских контор в Ахмедабаде. Вы сможете доехать быстрее, если сядете на поезд, который через пять минут отправляется с платформы 19. Но вам потребуется сделать пересадку в Сурате. Если поторопитесь, вы еще сможете успеть. Пожалуйста, поторопитесь!

Лалл хватает ее за руку. Аж поворачивается. В ее глазах Томас замечает нечто, что пугает его, однако ему удалось снять напряжение и рассеять чары. Члены до смерти перепуганного семейства находятся на разных стадиях паники. Отец что-то кричит и размахивает руками, мать куда-то бежит, бабушка, воздев руки, благодарит богов, дочери пытаются собирать термосы и посуду. Огромное горячее пятно от пролитого чая расплывается по дхури.

— Она права, — выкрикивает Лалл, оттаскивая Аж от семейства. Теперь девушка не сопротивляется, ее тело стало тяжелым, свинцовым, как у тех, кого ему приходилось уводить с пляжных вечеринок: едва бредущие по песку любители и

любительницы трансовых путешествий. — Она всегда права! Если она что-то говорит, всегда следует слушаться ее совета.

Терминал Чаттрапати Шиваджи успокаивается и вновь возвращается к своему обычному нормальному гулу.

— О чем вы, черт вас возьми, думаете? — говорит Лалл и тащит Аж к платформе номер 5, куда должен подойти шатабди Мумбаи — Варанаси, длинный серебристо-зеленый ятаган, уже мерцающий вдали среди вокзальных толп. — Что вы говорили этим людям? Из-за ваших слов могло начаться все что угодно, все что угодно...

— Они едут на встречу с сыном, а он в большой беде, — отвечает девушка слабым усталым голосом.

Томасу кажется, что она вот-вот упадет в обморок.

— Сюда, сэр, сюда! — кричат носильщики, протискиваясь сквозь толпу. — Вот к тому вагону, к тому вагону!..

Лалл дает большие чаевые, чтобы они довели Аж до ее места.

У них удобное двухместное купе, уютное, с интимным светом лампы. Наклонившись к конусу света, Томас спрашивает:

— Откуда вам все это известно?

Аж отводит глаза, смотрит на обивку сиденья. Ее лицо приобретает сероватый оттенок. Лалл вдруг с ужасом думает, что у девушки сейчас начнется новый приступ астмы.

— Я видела. Боги...

Томас бросается к ней, берет ее лицо в свои ладони и поворачивает к себе.

— Не лгите. То, что вы делаете, невозможно.

Аж прикасается к его рукам, и они сами собой отпадают от ее лица.

— Я же вам говорила. Я вижу вокруг людей нечто похожее на ореол. И сразу начинаю понимать многое: кто они, куда идут или едут, на каком поезде. Как те люди, что ехали к сыну, которому не суждено их встретить. Если бы не я, они бы ничего не знали и ждали бы, ждали, ждали на вокзале... поезда прибывают и отправляются, а он все не приходит... отец идет по его адресу и узнает, что его сын ушел утром на работу, сообщив, что пойдет на вокзал встречать родственников... Потом они идут в полицию и выясняют, что он арестован за похищение мотоцикла, и им приходится платить залог за него, и никто не знает, куда обратиться за помощью...

Лалл тяжело опускается на сиденье. Он потер-

пел поражение. Его гнев, его тупой североамериканский рационализм рассыпается в прах от простых слов этой девушки, произнесенных таким тусклым усталым голосом.

— А сын, их блудный сын, как его зовут?

— Санджай.

Автоматические двери захлопываются. Впереди звучит оглушительный свисток, и его звук перекрывает гул и рев вокзала.

— У вас есть фотография? Дайте ее. Ту, которую вы показывали мне у заводи.

Тихо и плавно экспресс отправляется от станции. Провожающие какое-то время пытаются угнаться за ним, чтобы в последний раз помахать рукой, попрощаться. Аж открывает палм.

— Я сказал вам неправду, — говорит Лалл.

— Я спросила вас. И вы ответили мне: «Просто какие-то другие туристы. У них, наверное, есть точно такая же фотография». Это была неправда?

Поезд, слегка покачиваясь, проносится мимо стрелки, с каждым метром набирая скорость. Вот он ныряет в туннель, освещенный сверху редкими зловещими вспышками света.

— Нет, это как раз правда. Они были туристами. Мы все были туристами... Но я знаю их, знал много лет. Мы вместе путешествовали по Индии и пре-

восходно изучили друг друга. Их звали Жан-Ив и Анджали Трюдо. Они работали в лаборатории по исследованиям в области искусственного интеллекта в Страсбургском университете. Он француз, она индуска. Великолепные ученые. В последнем письме, которое я от них получил, сообщалось, что они собирались перебраться в Бхаратский университет, поближе к сундарбанам. По мнению супругов Трюдо, именно там находился передний край научных исследований в интересовавшей их области. Там ведь нет ни Актов Гамильтона, ни законов по лицензированию сарисинов. Кажется, они все-таки туда переехали... но Трюдо не ваши настоящие родители.

— Почему вы так уверены? — спрашивает Аж.

— По двум причинам. Во-первых, сколько вам лет? Восемнадцать? Девятнадцать? Когда я встречался с Трюдо четыре года назад, у них не было детей. Но даже не в этом дело. Анджали родилась без матки. Жан-Ив говорил мне... Она не могла иметь детей. Даже посредством искусственного оплодотворения. Ни при каких обстоятельствах она не могла быть вашей матерью.

Шатабди вылетает из подземелья. Широкая золотистая полоска света падает через окно на поверхность столика. Фотохимический смог

Мумбаи благословляет их болливудским закатом. Постоянная коричневая дымка делает громадные зиккураты новых жилых кварталов отдаленно похожими на вершины священных гор. Мимо проносятся сигнальные железнодорожные огни.

Томас Лалл всматривается в лицо Аж, наблюдает за мельканием отсветов на нем, пытается понять, что чувствует девушка, о чем думает под этой золотистой маской. Она наклоняет голову. Закрывает глаза. Томас слышит, как Аж делает вдох.

Девушка поднимает на него глаза.

— Профессор Лалл, должна вам признаться, что я испытываю сильные и довольно неприятные ощущения. Могу их вам описать. Хотя в данный момент я нахожусь в состоянии относительного покоя, но чувствую сильное головокружение — так, словно падаю. Не в физическом смысле слова, а как бы внутри... У меня появилось ощущение тошноты и какой-то пустоты. Некое чувство нереальности происходящего, словно все происходит не со мной, а с кем-то другим, а я на самом деле лежу в постели в номере гостиницы Теккади и сплю. Ощущение столкновения с чем-то, словно что-то ударило меня, но не на физическом уровне... Мне все больше кажется,

что материальная структура мира очень тонка, хрупка и неустойчива, и в любой момент я могу провалиться в пустоту, и в то же время у меня в голове рождаются тысячи самых разных идей. Профессор Лалл, вы можете объяснить, в чем причина моих столь странных и противоречивых ощущений?

Быстро заходящее индийское солнце делает лицо Аж красным, как у последовательницы Кали. Экспресс несется по бескрайним трущобам Мумбаи.

— Наверное, вы переживаете то, что испытывает практически каждый, кто сталкивается с ложью, — отвечает Лалл. — Гнев, понимание того, что вас предатели, смущение, чувство утраты, страх, боль... но все это только слова. У нас нет языка для выражения эмоций, кроме самих эмоций.

— Пожалуй, самое удивительное, что я чувствую, как слезы подступают к глазам.

Голос Аж обрывается. Лалл ведет ее к умывальнику, чтобы она смогла излить чуждые эмоции вдали от любопытных взоров пассажиров. Вернувшись в купе, он зовет проводника и просит принести бутылку воды. Наливает воду в стакан, бросает туда таблетку довольно сильного

транквилизатора из своей маленькой, но очень хорошей дорожной аптечки и с удивлением созерцает нехитрую сложность узора колебаний воды на поверхности, вызванную ритмичным стуком колес. Когда девушка возвращается в купе, Томас молча пододвигает к ней сотрясаемый движением поезда стакан — прежде чем она успевает задать следующий вопрос, на который все равно не возможно дать ответа. Да с него хватает и своих собственных вопросов.

— Выпейте все до дна.

Транквилизатор начинает действовать очень быстро. Аж смотрит на Томаса, мигая, как пьяная сова, а затем сворачивается поудобнее в кресле и засыпает. Рука Лалла тянется к ее тилаку, но останавливается на полпути. Это будет поступок не менее вызывающий, чем если бы его рука сейчас скользнула вниз по ее узким облегающим серым брюкам... Томас почувствовал, что впервые за все время осознал и вербализировал подобное желание.

Странная девушка, свернувшаяся на сиденье подобно долговязой десятилетней школьнице. Он сообщил ей истины, способные напугать любого, а она восприняла их как начала какой-то философской системы. Так, словно они были

совершенно ей незнакомы. Чужды. Но зачем он стал ей рассказывать? Чтобы разрушить иллюзии — или чтобы просто посмотреть, как девушка будет реагировать? Увидеть на ее лице то особое выражение, которое будет сопровождать попытку понять, что переживает тело? Лаллу известна жуткая растерянность на лицах ребят из пляжных клубов, когда ими овладевают эмоции, порожденные в матрицах белковых процессоров. Эмоции, в которых не нуждаются их тела, для которых нет аналогов. Эмоции, которые они испытывают, но не могут понять. Чужие и чуждые им эмоции.

Ему предстоит многое сделать. Пока экспресс пролетает мимо пустых ступенчатых резервуаров Нармады и мчится в ночь мимо деревень, городков и иссушенных засухой лесов, Томас Лалл удаляется в невозможное. Выражение, придуманное когда-то Лизой Дурнау и означавшее просто разрешение мыслям вырваться за все пределы вероятного. Это та самая работа, которую он больше всего любит, и тот вид деятельности, в котором старый язычник Лалл ближе всего подходит к религиозности. Здесь, как ему кажется, и заключена суть любой религии. Бог есть наша самость, наша истинная, досознательная самость.

Йоги знали и исповедовали подобное на протяжении тысячелетий. Длительная проработка идеи никогда не бывает столь же волнующей, как жар мгновенного созидания, момент обжигающего проникновения в сущность, когда вы сразу же знаете все полностью.

Пока идеи всплывают в голове Томаса, сталкиваются, рассыпаются и вновь вовлекаются в круг размышлений силой интеллектуального притяжения, он внимательно рассматривает Аж. Со временем его мысли сольются и создадут новый, пока еще неведомый мир, но уже сейчас Лалл примерно представляет его грядущие очертания. И ему становится страшно. Поезд взрезает ночь, за каждый час покрывая по сто восемьдесят километров индийской территории. Утомление борется с интеллектуальным возбуждением — и через какое-то время все-таки побеждает. Томас засыпает. Просыпается он только во время короткой остановки в Джабалпуре, когда местная таможня проводит поверхностный досмотр. Два человека в остроконечных головных уборах бросают внимательный взгляд на Лалла. Аж спит, опустив голову на руки. Белый человек и западная женщина. Абсолютно безупречно. Томас Лалл вновь засыпает и просыпается лишь однажды,

испытав детский восторг от стука колес внизу. После этого он впадает в долгий и безмятежный сон, который прерывает внезапная остановка. Грубый удар головой об стол вырывает Томаса из блаженного бессознательного состояния.

Багаж валится с верхних полок. Пассажиры, шедшие по проходу, падают на пол. Со всех сторон раздаются вопли, сливающиеся в невнятный панический хор. Экспресс сотрясается, затем еще раз вздрагивает, словно в агонии, и с металлическим визгом застывает. Шум достигает пика и вдруг затихает. Поезд неподвижен. В репродукторе раздается какой-то треск и тут же замолкает. Лалл приставляет руку козырьком ко лбу, вглядываясь в окно. Сельская темнота совершенно непроницаема, она облекает собой все и вся, словно первобытная утроба. Томасу кажется, что где-то вдали он видит автомобильные фары, вырывающиеся из темноты подобно свету факелов. И тут все почти одновременно задают один и тот же вопрос: что случилось?..

Аж что-то бормочет, ворочаясь. Транквилизатор оказался даже более действенным, чем думал Лалл. И тут он слышит, как по поезду несется нарастающая волна человеческих голосов, а вместе с ней из кондиционеров доносится вонь

горящих полимеров. Одной рукой Томас хватает сумку Аж, другой поднимает ее саму. Девушка непонимающе моргает.

— Пошли, спящая красавица. У нас незапланированная высадка.

Он вытаскивает ее, все еще пребывающую в полубессознательном состоянии, в проход, хватает сумки и толкает Аж по направлению к задним раздвигающимся дверям. Темное окно за спиной у Лалла вдруг взрывается фонтаном мелких осколков — в него влетает большой бетонный блок, привязанный к веревке. Он грохается об стол, отскакивает и ударяет женщину, сидящую на противоположной стороне прохода. Та падает на пол, течет кровь. Толпа бегущих пассажиров наваливается на женщину, несколько человек тоже падают. Она обречена, думает Томас Лалл, и страшный пронизывающий холод пробегает по его телу. Эта женщина и все остальные, кому случится упасть во время паники.

— Ну, двигайся, двигайся, черт тебя подери! — Лалл с силой бьет Аж по спине и толкает вперед по проходу. Сквозь пустое окно становится видно пламя. Пламя и человеческие лица. — Ну иди же, иди, иди...

Давка у них за спиной делается поистине

страшной. Из вентиляционных отверстий и из-под дверей начинают вырываться клубы дыма. Крики перерастают во всеобщий хор ужаса.

— Ко мне! Ко мне! Сюда!.. — кричит сикх-проводник в железнодорожной форме, стоя на столе у внутренней двери вагона. — Проходите, проходите, по одному... Еще много времени! Вы. Теперь вы. Вы...

— Что, черт возьми, происходит?! — спрашивает Томас Лалл, оказавшись во главе очереди.

— Бхаратские карсеваки взорвали поезд, — спокойно отвечает проводник. — Не болтайте. Проходите.

Лалл проталкивает Аж в дверь, а сам выглядывает в тем ноту.

— Черт возьми! Что же здесь творится?!

В кольце огня небольшая группа насмерть перепуганных пассажиров с вещами. Десятилетия работы с клеточными автоматами научили Томаса Лалла практически с первого взгляда определять примерное число людей в толпе. Их около пятисот. Они стоят, сжимая в руках зажженные фонарики. От передней части экспресса во все стороны разлетаются искры и всполохи пламени. Оранжевый дым, светящийся в полумраке — явное доказательство того, что

горит пластик.

— Изменения в плане. Мы здесь не выходим.

— Что происходит, что случилось? — спрашивает Аж, когда Томас Лалл ударом открывает дверь в соседний вагон. Он уже наполовину пуст.

— Поезд остановили, какие-то экстремисты Шиваджи.

— Шиваджи?

— Я думал, вам все известно. Индусы-фундаменталисты. Уже успевшие обанкротиться из-за Авадха.

— Вашей лаконичности можно позавидовать, — говорит Аж, и Лалл не знает, то ли закончилось действие транквилизаторов, то ли вновь в девушке пробудились способности пифии.

Но зарево снаружи становится все ярче, слышен громкий звон разбивающегося стекла и стук каких-то предметов, которыми бросают по вагонам.

— Это потому, что я очень, очень напуган, — отвечает Томас Лалл.

Он толкает Аж мимо следующей двери, распахнутой в непроглядную ночь. Ему совсем не хочется, чтобы девушка услышала крики и звуки, в которых он узнает пистолетные выстрелы. Вагоны уже практически пусты, и они продолжают

пробираться через один, затем второй и третий. Внезапно поезд сотрясается от сильнейшего взрыва, и Лалл с Аж падают.

— О боже! — восклицает Лалл.

Он понимает: скорее всего это взорвался локомотив. Вопль одобрения слышится со стороны толпы, собравшейся снаружи. Лалл и Аж бегут дальше. Пройдя четыре вагона, они сталкиваются с кондуктором-маратхи, который смотрит на них широко открытыми глазами.

— Дальше нельзя, сэр.

— Я пойду дальше. Во что бы то ни стало: потребуется ли мне для этого пройти мимо вас, через вас или сквозь вас.

— Сэр, сэр, вы меня не поняли. Они подожгли поезд и с противоположного конца...

Лалл внимательно смотрит на кондуктора в идеально отутюженном костюме. Внезапно Аж оттаскивает его в сторону. Они выходят в тамбур. Дым начинает проходить уже и сквозь внутренние двери. Свет гаснет. Лалл мигает, пытаясь приспособиться к полной темноте, затем у них под ногами загорается аварийный фонарь, отбрасывающий на человеческие лица зловещие мертвенные тени. Входная дверь не открывается. Запечатана. Закрыта наглухо. Томас видит, как

дым наполняет вагон за внутренней дверью. Лалл пытается открыть ее.

— Сэр, сэр, у меня есть ключи...

Кондуктор вытаскивает из кармана тяжелый металлический ключ на цепочке, подгоняет его к шестигранной гайке и начинает с громким скрипом открывать дверь. Внутренняя дверь вагона почернела от сажи и уже заметно гнется и коробится.

— Еще немного, сэр...

Дверь со скрежетом приоткрывается. И уже шести рукам под силу сдвинуть ее дальше. Лалл швыряет вещи в темноту и прыгает за ними сам. Он неуклюже приземляется, падает, катится по камням и рельсам. За ним следуют Аж и железнодорожник. Томас поднимается и видит, как озаряется ярко-желтым светом внутренность вагона, из которого они только что выбрались. И почти тотчас же все окна взрываются и разлетаются множеством мелких осколков.

— Аж!.. — вопит Лалл, пытаясь перекричать оглушительный грохот и звон.

Никогда раньше ему не доводилось слышать подобного немыслимого шума. Вопли, стоны, обрывки умоляющих голосов, стук и несущаяся отовсюду совершенно нечленораздельная

речь. Рычание моторов, свист летящих снарядов. Крики испуганных детей. А у него за спиной чмокающий, влажный рев горящего поезда, с обоих концов быстро пожираемого огнем, и дым, источающий жуткую вонь. Должно быть, именно такие звуки постоянно слышны в аду.

Человеческие тела движутся во всех направлениях. Лалл начинает понимать, с какой стороны исходит главный ужас. Люди бегут от головы поезда, раздается еще несколько взрывов, и оттуда приближаются несколько человек в белом. Большинство из них вооружены лати, остальные держат в руках заостренные мотыги, топоры, мачете. Сельскохозяйственная армия. Над головами идущих возвышается по крайней мере один настоящий меч. На некоторых совсем нет одежды, у них белые от золы тела — «нага садху», святые воины. У всех — кусочек красной материи: цвет Шивы. Раздается грохот взрыва. Бутылки, камни, куски сгоревшего поезда падают на пассажиров, которые разбегаются в разные стороны, в панике ползут куда-то на четвереньках с тюками и сумками, не зная, откуда ждать следующего нападения. Земля покрыта брошенными вещами, лопнувшими сумками и чемоданами, рубашками, сари, зубными щетками, втоптанными в песок и пыль.

Какой-то мужчина держится за пробитую голову. Среди бегущих ног сидит ребенок и беспомощно оглядывается по сторонам, широко открыв рот. Он молчит, онемев от ужаса. Щеки блестят от слез. Кто-то спотыкается о тюк мятой ткани. Тюк содрогается под напором множества бегущих ног. Слышен хруст костей...

Только теперь Томас начинает понимать, в какую сторону и от кого они бегут. От людей в белом — по направлению к узкой линии хижин, которые Лалл стал понемногу различать, когда его глаза привыкли к темноте. Деревня. Убежище...

Но из-за пылающего хвоста поезда надвигается вторая волна карсеваков, отрезая последний путь к отступлению. Толпа останавливается. Бежать больше некуда. Люди опускаются на землю, падают друг на друга. Шум становится еще громче, еще страшнее.

— Аж!..

И вдруг она вырастает перед ним — словно из-под земли. Девушка стоит, пытаясь вычесать из волос осколки стекла.

— Профессор Лалл...

Он хватает ее за руку и тащит назад к поезду.

— С этой стороны путь отрезан. Попробуем с другой... Наступающие все ближе, они надвига-

ются с двух сторон.

Томас Лалл понимает: всех, кто окажется в кольце окружения, ждет неизбежная и страшная смерть. Остается лишь совсем маленький просвет — дорога по направлению к темным высохшим полям. Люди бегут, бросая вещи, думая теперь только о спасении жизни. Аж поворачивается и несется к поезду. Лалл и девушка теперь находятся совсем близко от пылающих и взрывающихся вагонов. Оттуда вываливаются стекла, разлетаясь мелкой серебристой шрапнелью.

— Сюда, вниз! — Томас ныряет под вагон. — Осторожнее!

В подбрюшье поезда полным-полно высоковольтных кабелей и герметичных контейнеров с жидкостью. Лалл выползает из-под вагона и обнаруживает, что на него устремлен свет десятков автомобильных фар.

— Черт!..

Машины выстроены в длинный ряд на расстоянии примерно метров ста от поезда. Грузовики, автобусы, пикапы, семейные автомобили, такси.

— Они со всех сторон. Нам ничего не остается, как попробовать здесь...

Аж резко поднимает голову к небу.

— Посмотрите, вон там!..

Лалл смотрит вверх и видит вертолеты, которые с ревом зависают над горящим составом. Через несколько минут они превратят поезд в сплошной ураган огня... На бортах боевых машин хорошо виден зеленовато-оранжевый знак Авадхов, напоминающий символ «инь-ян». Под пилонами гроздьями висят боевые роботы. Вращаются турели с лазерными пушками. Пилоты, расположившиеся в гелевых креслах, выбирают цели, легким движением руки отдавая приказания системе управления машиной...

Три вертолета разворачиваются в воздухе над припаркованными автомобилями, «кланяются» друг другу в своеобразном механическом гавоте и плавно устремляются вниз. Раздается треск пулеметов. С высоты метров в десять вертолеты сбрасывают боевых роботов, разворачиваются и выдвигают лазерные пушки. Роботы падают на грунт и сразу же начинают атаку. Крики. Выстрелы. Люди, спрятавшиеся между машин, выбегают на открытую местность. Вертолеты осуществляют захват цели и вновь стреляют. Что-то мягкое падает на землю, тусклые вспышки, какие-то распростершиеся тела, кто-то неловко ползет рядом... Лазер превращает все, чего касается его луч, в плазму: горит и одежда, и вымазанная золой

кожа обнаженного нага. Карсеваки под напором лазерного огня начинают в панике отступать. Роботы в мгновение ока, словно в японском комиксе, очищают машины от людей.

— Ложись!.. — кричит Лалл и толкает Аж вниз, лицом в песок.

Люди бегут, но прыгающие роботы страшнее, быстрее и точнее человека. Рядом с Томасом падает чье-то тело: лицо мгновенно покрывает уродливый ожог. Сверкают стальные «копыта». Лалл закрывает голову руками, переворачивается и видит, что смертоносные устройства приближаются к поезду. Он ждет. Вертолеты все еще висят над ними. Томас притворится мертвым, пока они не улетят, эти хрупкие долгоножки, живущие своей собственной жизнью...

— Вставай! Идем! Бежим!..

Интуитивное ощущение опасности заставляет Лалла взглянуть вверх. Вертолет направляет на него сенсорный кластер. Лазер берет Томаса на прицел. Но внезапно столб дыма поднимается между человеком и несущей смерть машиной, сарисины теряют цель, и вертолет перемещается к горящему составу. Раздается мерное бормотание пушечных выстрелов.

— За автомобили! Под колеса! Это самое без-

опасное место!.. — кричит Лалл.

Но они не успевают добежать, застывают на полпути. Воздух между автомобилями содрогается, и поток света от длинного ряда фар рассыпается на множество осколков. Видны люди в военной форме. Томас вытаскивает из кармана паспорт, поднимает его как можно выше и потрясает им, словно древний проповедник своей Библией.

— Американский гражданин!.. — кричит он. Солдаты проходят мимо. Их форма — зеркальный и инфракрасный камуфляж. — Американский гражданин!..

Субадар с аккуратно подстриженными усиками останавливается и оглядывает Лалла с ног до головы. На значке подразделения офицера символическое колесо Бхарата. В руках он спокойно сжимает многофункциональную лазерную винтовку.

— Позади нас мобильная группа, — говорит субадар. — Постарайтесь пробраться туда. Там о вас позаботятся.

Пока он говорит, вертолет вновь появляется над поездом, половина которого уже охвачена пламенем.

— Идите, идите, сэр!..

Субадар бежит. Головной вертолет направляет

на него пушку носовой орудийной турели и открывает огонь. Лалл видит, как форма офицера вспыхивает, зажженная лучом лазера. Затем солдат-бхаратец прицеливается и выпускает зенитную ракету из переносного комплекса. Вертолет как будто застывает, выходит из общего строя, маленький снаряд зигзагами преследует его, прочерчивая огненную линию по ночной темноте. Настоящий дождь из металлических обломков экспресса падает вокруг Лалла и Аж. Почувствовав приближение опасности, взвод роботов занимает позиции вдоль со става с намерением сдержать натиск бхаратцев.

Вспыхивают хромированные сочленения и «сухожилия» боевых аппаратов. Люди атакуют металлическое воинство, используя электромагнитные импульсы. Каждый робот, падая с поезда, выпускает целую гроздь небольших управляемых снарядов величиной с кулак. Они подпрыгивают и раскрываются, превращаясь в «скарабеев», вооруженных вращающимися триммерными проводами. Эти «жучки» с невероятной быстротой набрасываются на солдат. Томас Лалл видит, как падает один из них, и успевает повернуть Аж спиной к происходящему как раз в тот момент, когда проводок, отходящий от

«скарабея», начинает сдирать с парня кожу. Лалл замечает, как субадар сбрасывает с себя один из таких проводков и прикладом винтовки пытается раздавить его. Но их слишком много. В этом-то и состоит суть тактики. Субадар отдает приказ об отступлении. Они бегут. «Жучки» преследуют их. Томас Лалл все еще сжимает в руке свой паспорт, словно трактат, содержащий магическое заклинание от вампиров.

— Думаю, дальше будет еще горячее, — говорит субадар, хватает Лалла за руку и тащит его за собой.

Из-за автомобилей поднимаются люди с огнеметами.

Томас вдруг понимает, что рядом нет Аж. В панике он зовет девушку. Лалл уже и не помнит, сколько раз за сегодняшнюю ночь ему приходилось выкрикивать ее имя охрипшим от ужаса и отчаяния голосом. Он вырывается из крепкой хватки бхаратского офицера.

Аж стоит перед линией наступающих боевых роботов. Она опускается на одно колено. Аппараты находятся на расстоянии всего нескольких метров, нескольких мгновений от нее, и уже слышно посвистывание их смертоносных проводков. Девушка поднимает левую руку ладонью

вперед. Атака роботов внезапно прекращается. Сначала по одному, затем по двое, наконец десятками они убирают оружие и медленно принимают сферическую форму, используемую при транспортировке. Бхаратец бросается к девушке, поворачивает ее, и солдаты с огнеметами открывают огонь. Лалл тоже подбегает к Аж. Она дрожит, слезы катятся по измазанному сажей лицу. Но в руке девушка продолжает сжимать кожаный ремень своей маленькой сумки.

— У кого-нибудь есть простыня или что-нибудь в этом роде?.. — спрашивает Лалл, когда солдаты проводят их сквозь ряд автомобилей.

Откуда-то появляется станиолевая ткань, обычно используемая в космосе, и Лалл накрывает ею плечи Аж. Какой-то солдат отбегает в сторону. Он видел, как сарисины нанесли удар по вертолетам и роботам, и это его пугает. Правильно делаешь, правильно, думает Лалл и ведет девушку дальше, по направлению к транспортам мобильной группы.

У нас все будет хорошо.

19
Господин Нандха

У всех пяти трупов кулаки подняты вверх. Господин Нандха на своем веку повидал много жертв пожаров и прекрасно понимает, что причина подобной позы в специфике чисто биологических реакций организма на высокую температуру. Однако более древние пласты его сознания подсказывают, что здесь велась жестокая борьба с джиннами огня.

Квартира все еще грязна от сажи, а в воздухе летает пепел от сгоревших полимеров: это остатки практически испарившегося компьютерного корпуса. Опускаясь на кожу господина Нандхи, пепел становится мягкой черной грязью. Чтобы пластик превратился в углеродную сажу такой консистенции, необходима температура более тысячи градусов.

Варанаси — город-крематорий.

Работники морга застегивают молнии на черных мешках. С улицы доносится сирена. Пожарники разъезжаются. Теперь здесь хозяйничают представители юридических контор и

министерства. Молодые репортеры проходят мимо господина Нандхи, толкая его, и начинают перевод видеоинформации на свои палмы. Он чувствует, что находится на чужой территории. У господина Нандхи есть очень эффективная методология, и ему простое наблюдение и работа воображения может дать гораздо больше, чем самые современные и изощренные методы криминалистов из полиции.

Первые ощущения, которые вызывает у него место преступления, — обонятельные. Сыщик Кришны чувствует за пах горелой человеческой плоти и маслянисто-удушающую вонь расплавившегося пластика из коридора. «Ароматы» преступления настолько сильны, что они почти полностью перекрывают информацию других органов чувств. Господину Нандхе приходится сосредоточиться на запахах, чтобы попытаться составить на их основе более или менее полное впечатление о происшедшем. Он ищет здесь скрытые намеки, противоречия, тончайшие несоответствия, способные навести его на интересную мысль. Какие-то проблемы с электричеством в компьютерной сети, сразу предположил следователь из полиции. Как же просто у них все получается, как легко находятся ответы на все

вопросы...

Затем к процессу расследования подключается зрение. Что он увидел, войдя сюда? Двойные двери, сломанные пожарными, обычные входные двери обычной квартиры. Внутренняя дверь из тяжелого зеленого металла, запертая на несколько замков и на засов, запоры взломаны опять-таки пожарными.

Они что, не могли открыть дверь изнутри? Стали жертвой собственной системы безопасности? Краска на внутренней стороне второй двери обгорела, там только почерневший от огня металл. Дальше... Короткий коридорчик, гостиная, спальни. Кухня... Останки полок на стенах, меламин облупился, но панели сохранились. Древесностружечная плитка осталась в целости и сохранности. Пепел и черная сажа, одно переходит в другое. Оконные стекла лопнули, и осколки рассыпались по комнате. Резкое падение давления, что ли? Должно быть, огонь начал угасать, израсходовав свою первоначальную мощь. Но люди скорее всего задохнулись до того, как разбились окна, а свежий приток кислорода с новой силой разжег пламя. Обломки компьютерных дисководов, вплавленные друг в друга... Викрам спасет то, что еще можно спасти.

Теперь наступает очередь слуха. В этом здании обитают около трех тысяч человек, но тишина на сгоревшем этаже абсолютная. Не слышно даже обычного чириканья радиоприемника. Пожарные убрали ограждения, но жильцы не торопятся возвращаться в квартиры. Ходит слух, что пожар был местью авадхов за резню у шатабди. Соседи поняли, что происходит, только когда стены стали горячими и начала вздуваться краска.

Осязание... Копоть и сажа в воздухе. Черная паутинка плавно опускается на рукав господина Нандхи. Он собирается стереть ее, как вдруг вспоминает, что она на десять процентов состоит из человеческого жира.

Пятый тест — вкусовой. Господин Нандха научился этому методу у кошек: раздуваются ноздри, слегка приоткрывается рот, и воздух проходит по нёбу. Конечно, смотрится далеко не элегантно, но срабатывает великолепно как для маленьких пушистых охотников, так и для Сыщиков Кришны.

— Нандха, что вы там делаете?

Патологоанатом Чаухан запаковывает предпоследний труп и приклеивает ярлык на пластиковый мешок.

— Предварительный осмотр места преступле-

ния. У вас есть что-нибудь для меня?

Чаухан пожимает плечами — здоровенный мужик, похожий на медведя, склонный к грубоватой общительности, характерной для тех, кто чаще имеет дело с внутренностями изуродованных трупов, чем с живыми людьми.

— Зайдите ко мне сегодня после обеда. Может быть, что-нибудь для вас и будет.

Инспектор полиции Вайш поднимает голову и с неодобрением смотрит на господина Нандху, ему явно не нравится, когда люди занимаются не своим делом. — Ну-с, Нандха, — говорит Чаухан, отступая от трупа, который его помощники в белых халатах кладут на носилки, — слышал я, будто ваша добрейшая женушка решила восстановить висячие сады Вавилона. Наверное, она все-таки скучает по своей деревне.

— Почему вы так думаете?

— Все говорят, — отвечает Чаухан, записывая что-то по поводу четвертого трупа. — На вечеринке у Даваров. Эта женщина... Очень интересная... Значит, увлеклась садоводством, Нандха?

— Да, я решил сделать небольшой садик на крыше. Мы думаем использовать его для развлечений, обедов, приема гостей. В Бенгале такие сады в большой моде.

— В Бенгале? Угу. Они там большие знатоки моды.

Чаухан полагает, что нисколько не уступает господину Нандхе ни в интеллекте, ни в образовании, ни в социальном положении, ни в карьерных перспективах. Ни в чем, кроме брака. Господин Нандха женился на девушке из своей джати, а Чаухану пришлось взять женщину из низшей касты. Сыщик Кришны хмуро смотрит на потолок.

— Как мне кажется, здесь должна быть обычная противопожарная система.

Чаухан пожимает плечами. Инспектор Вайш встает. Он начинает понимать.

— Вы не находили чего-нибудь, что было бы похоже на блок управления? — спрашивает господин Нандха.

— На кухне, — отвечает инспектор.

Блок находится под раковиной рядом с трубой, в самом неудобном месте. Господин Нандха срывает обгоревшую дверцу шкафчика, садится на корточки и освещает темный угол своим крошечным фонариком. Люди, жившие здесь, не жалели чистящих средств. Жар проник даже в это укромное местечко, ослабил водопроводный припой, а пластиковый кожух обвис. Несколь-

кими поворотами гаечного ключа тут все можно раскрутить. Служебные порты не повреждены. Господин Нандха подключает коробку с аватарами и вызывает Кришну. Сарисин появляется за пределами узкого пространства шкафчика. Божество маленьких домашних радостей. Инспектор Вайш приседает рядом. Если раньше инспектор излучал грубое неудовольствие поведением господина Нандхи, то теперь от него исходит почти благоговейный трепет.

— Я проверяю файлы системы безопасности, — объясняет господин Нандха. — Это займет всего несколько минут. Какая ирония! Они защищали свою «ферму памяти» с помощью квантовых ключей, а противопожарная система — простой четырехразрядный вывод. Что и послужило, — добавляет он, пока строки команд проплывают у него перед глазами, — причиной катастрофы. Вам уже известно примерное время пожара?

— Таймер на плите остановился в семь двадцать две.

— Здесь имеется команда от страховой компании на отключение системы противопожарной защиты — вне всякого сомнения, ложная. Получена в семь ноль-пять. Она также активировала и дверные запоры.

— Значит, их буквально замуровали.

— Да.

Господин Нандха встает, отряхивает с себя пыль и грязь, с брезгливостью замечая мягкую черную гарь с десятипроцентным содержанием человеческого жира.

— А это, в свою очередь, значит, что мы имеем дело с убийством. — Он возвращает аватары обратно в коробку. — Придется поехать к себе для подготовки доклада с описанием ситуации. Мне будут нужны самые лучшие процессоры в нашем отделе еще до полудня. Да, кстати, господин Чаухан. — Патологоанатом поднимает глаза от последнего трупа, обгоревшего до костей, но сохранившего среди черного пепла жуткий оскал белоснежных зубов. Он узнает его — наглый обезьяний оскал Радхакришны. — Я вам позвоню в три. Надеюсь, что к тому времени у вас уже будет что-нибудь для меня.

Выходя из сожженного дотла офиса сундарбана Бадрината, Сыщик Кришны не может забыть страшной улыбки трупа.

За завтраком беседа вращается вокруг приема у Даваров.

— Нам нужно тоже устроить что-то в этом роде, — настаивает Парвати.

Она так свежа и обворожительна с цветком в длинных черных волосах. У нее за спиной слышатся приятные мужские баритоны: игроки в крикет дают интервью перед матчем.

— Когда наш сад на крыше будет закончен, мы устроим настоящий большой прием, о котором будут говорить не сколько недель. — Парвати вытаскивает из сумочки ежедневник. — Как насчет октября? Он будет выглядеть восхитительно после позднего муссона.

— Мы что, смотрим крикет? — спрашивает господин Нандха.

— Ах, крикет? А я и не заметила. — Женщина делает взмах рукой в сторону телевизора, обозначающий полное безразличие к тому, что там происходит, переключает каналы, и на экране появляются индийские танцовщицы. — Ну вот. Доволен? Октябрь — хороший месяц, очень ровный в смысле погоды. Но, конечно, после приема у Даваров мы можем многих разочаровать. Сад, бесспорно, очень мил, и мне он очень нравится, и ты так хорошо поступил, что разрешил им заняться... но ведь это только растения. А как ты думаешь, сколько им стоило завести ребенка-брахмана?

— Больше, чем может себе позволить офицер

из Отдела расследования законности лицензирования искусственного интеллекта.

— О, любимый, мне и в голову не приходило...

Повнимательней прислушивайся к собственным словам, моя бюль-бюль, подумал он. Ты постоянно проговариваешься, с твоих прелестных губок срываются такие ужасные признания, и ты надеешься, что на них не обратят внимания, потому что ты так мила и легкомысленна. Я слышал, что говорят о тебе светские дамы, которым ты так завидуешь, и ничего не сказал, потому что они были правы. Ты старомодна, искренна и всегда говоришь то, что думаешь. В отличие от них ты честна и откровенна в своих устремлениях, и именно поэтому я постараюсь, чтобы вы как можно меньше общались.

Бхарти, ведущая «Утреннего банкета», без умолку тараторила об Особых Утренних Гостях. Сегодня Специальные Блюда для Завтрака Фанки Пури от нашего Приглашенного Шеф-Повара Санджива Капура!..

— До свидания, мое сокровище, — говорит господин Нандха, отодвигая полупустую чашку с аюрведическим чаем. — Забудь этих снобов. У них нет ничего, чему стоило бы завидовать. Нам хватает друг друга. Сегодня я могу вернуться

поздно. Мне нужно осмотреть место одного преступления.

Господин Нандха целует на прощание свою прелестную жену и отправляется осматривать обгоревшие останки господина Радхакришны в сундарбановском офисе, скромно разместившемся в квартире на пятнадцатом этаже строительного комплекса Дилджит Рана.

Покачивая на нитке влажный чайный пакетик, господин Нандха окидывает взглядом Варанаси и пытается разобраться в том, что увидел в сгоревшей квартире. Пожар был страшный, но чем-то тем не менее сдерживался. Управлялся. Преднамеренный поджог. Но каким образом? Инфракрасный лазерный луч, направленный в окно?..

Господин Нандха включает на палме подборку скрипичных концертов Баха, откидывается на спинку кожаного кресла, складывает пальцы в некое подобие ступы и поворачивается лицом к городу, простирающемуся за окном кабинета.

Город всегда был для него самым верным и далеко не самым грязным и вонючим гуру из возможных. Он всматривается в него, словно в магический кристалл. Варанаси — Град Человеческий, и все человеческие деяния отражены в

его географии. Его очертания бывали для Нандхи источником таких прозрений и откровений, которые никогда не могли бы стать плодом рациональных размышлений и логических сопоставлений. Сегодня его город дает ему подсказку в виде пожаров. Ежедневно возгорания происходят примерно в десятке различных мест на территории агломерации. Среди озабоченных карьерой и престижем представителей среднего класса обычай самосожжения вдов и нелюбимых жен давно исчез. Но господин Нандха нисколько не сомневается, что некоторые из более отдаленных и бледных струек дыма — тех, что видны на горизонте, — это «кухонный огонь».

Тебе со мной ничего не грозит, Парвати, думает он. Ты можешь быть уверена, что я никогда не причиню тебе боль, никогда не устану от тебя, ибо ты редкая драгоценность, бесценная жемчужина. Тебе не грозит сати пресыщения и вдовья зависть...

На горизонте появляются военно-транспортные самолеты. Сколько солдат они перевозят?.. Сидя в полицейском автомобиле, Сыщик Кришны уже успел просмотреть заголовки сегодняшних газет. Джаваны Бхарата отбили наглое вторжение авадхов и оттеснили их вдоль железнодорожного

пути в западный Аллахабад. Авадхо-американские роботы совершили нападение на сидячую демонстрацию, пытавшуюся блокировать экспресс маратхов.

Господин Нандха мгновенно чувствует запашок лжи в пропагандистской кампании, устроенной Раной. Он сильнее любого фимиама или запаха сжигаемых трупов. Не странно ли, что американцы, инициаторы пресловутых Актов Гамильтона, решили вести войну с помощью тех устройств, которым они не доверяют? А если еще высокоуровневые сарисины последних поколений получат доступ к боевым роботам...

Господин Нандха разводит пальцы. Интуиция. Образованность.

Какое-то движение рядом с ним: мальчик-служка убирает использованный чайный пакетик вместе с серебряным блюдцем.

— Пришли сюда Викрама. И как можно скорее.

— Слушаюсь, саиб.

Боевые сарисины обучены наносить удары по военной технике и живой силе противника сверху, подобно охотничьим соколам. Они пользуются лазерами. Смертоносное оружие ворвалось в священное воздушное пространство священного города. Кому-то удалось проникнуть

в систему обороны.

Господин Нандха узнает о присутствии Вика по запаху еще до того, как другие органы чувств сообщают о его приходе.

— Викрам.

— Чем могу быть полезен?

Господин Нандха поворачивается в кресле.

— Пожалуйста, предоставьте мне протокол перемещений всех военных сарисинов, патрулирующих над Варанаси, за последние двенадцать часов.

Викрам облизывает верхнюю губу. На нем сегодня широкие кроссовки, псевдошорты, доходящие до середины икр, и облегающая майка.

— Без проблем. А зачем?

— У меня появилась мысль, что мы имеем дело не с обычным поджогом, а с последствиями удара, нанесенного инфракрасным лазером с летательного аппарата, оснащенного боевыми сарисинами. — Брови Вика удивленно приподнимаются. — У вас есть какие-нибудь сведения относительно источника «лок-дауна» в системе безопасности?

— Сразу могу сказать только одно: он не из варанасского отделения «Ахурамазда мьючуэл». Их источники хорошо прикрыты, но думаю, что

можно отследить. Мы получили кое-какие первоначальные данные из тех материалов, которые удалось спасти у Бадрината. Что бы там ни хотели уничтожить, в придачу испорчена масса дорогого имущества. Мы потеряли бодхисофты Джима Кэри, Мадонны, Фила Коллинза...

— Не думаю, что их интересовали бодхисофты или даже вообще какая-либо информация, — замечает господин Нандха. — Полагаю, что преступники охотились за людьми.

— Как же так получается? Мы работаем в Отделе лицензирования сарисинов, но в конце концов нам всегда приходится иметь дело с людьми, — говорит Викрам. — В следующий раз, когда я вам сильно понадоблюсь, просто перешлите сообщение, пожалуйста. Эти проклятые ступеньки меня доконают.

Подобное поведение недостойно старшего следователя, хочет ответить господин Нандхе. Порядок, пристойность, идеально чистые костюмы — вот о чем следовало бы тебе подумать. О своей варне. На его десятый холи мать одела детей как маленьких джедаев — в развевающиеся одежды. Нандха наблюдал за тем, как его младшие брат и сестра разгуливали в плащах с капюшонами, сделанных из старых простыней, и стреляли из

игрушечного «супероружия» по «силам тьмы». И до сих пор ему становится дурно от чувства унижения, испытываемого всякий раз при воспоминании о том, как он разгуливал у всех на виду в жалких лохмотьях и с дешевыми игрушками в руках... В ту же ночь Нандха вышел из своей комнаты, отнес все это барахло к ночному сторожу Дипендре, бросил в жаровню и сжег дотла. Гнев отца был безмерен, но видеть разочарование и огорчение матери ему было еще тяжелее. Тем не менее Нандха стоически перенес все наказания и проклятия в свой адрес, так как знал, что избежал гораздо худшего — позора.

Господин Нандха нащупывает лайтхёк. Сейчас он позвонит Парвати и откровенно, безо всяких недомолвок скажет все, что думает по поводу разговоров о детях-брахманах. Он расставит все точки над «i» — так, чтобы жене стало понятно его мнение, чтобы никогда больше она не начинала разговор на эту тему.

Господин Нандха надевает хёк на ухо и уже начинает вызывать номер, когда внезапно его прерывает еще один звонок.

— М-да? — произносит Сыщик Кришны с явным неудовольствием в голосе.

Звонит Чаухан.

— Новость важная, раз я сам звоню. Могу вам кое-что показать, Нандха.

— Значит, это все-таки был инфракрасный лазер? — говорит господин Нандха, входя в морг.

Трупы лежат на фаянсовых столах — почерневшие, сморщившиеся, похожие на мумий.

— Вот именно, — отвечает всегда жизнерадостный, слегка хамоватый Чаухан, который расхаживает по моргу в зеленом халате в окружении суровых медсестер. — Короткий направленный импульс высокой интенсивности, генерирован мощным инфракрасным лазерным устройством скорее всего с воздуха, хотя я не исключаю и удар из жилого комплекса Шанти Рана, расположенного напротив.

Один из трупов, обгоревший больше остальных, кажется просто черным бревном с обнаженными ребрами и желтыми бедренными костями. Ниже колен ноги у него отсутствуют. Вонь от сгоревших волос, мяса и костей здесь, в идеально чистом новом городском морге Ранапура, еще резче и страшнее, чем в квартире, где ее перебивали запахи углеводородов и полимеров. Но в этом прохладном, сияющем белизной помещении нет ничего такого, что было бы незнакомо и что могло бы по-настоящему шокировать коренного

жителя Варанаси.

— Что с ним произошло? — спрашивает Сыщик Кришны, указывая на труп.

— Подозреваю, этот человек находился у окна, когда в квартиру влетел огненный шар. Но он как раз не самый интересный случай, — продолжает Чаухан, а господин Нандха тем временем склоняется над останками, уже ничем не на поминающими человеческие. — Посмотрите сюда. Вот эти двое. Их уже довольно трудно идентифицировать. Правда, я провел только первичный осмотр. Но один труп мужской, второй — женский. Мужчина — европеец из местности между Палермо и Парижем, женщина — из южной Индии, дравидка. Я почти уверен, что они муж и жена. Интересно и то, что женщина родилась с сильной деформацией влагалища, конечно, ничего функционального... Полицейские со временем, без сомнения, установят их личности, но вас может заинтересовать и кое-что еще.

Чаухан открывает ящик и вытаскивает оттуда два пластиковых мешочка с вещественными доказательствами. В каждом по маленькому медальону из слоновой кости. Оба обгорели и почернели. На медальонах изображение белой лошади, стоящей на задних ногах, в круге чакры

из стилизованных языков пламени.

— Вы не знаете, что это такое? — спрашивает Чаухан.

— Калки, — отвечает господин Нандха. Он поднимает медальон и рассматривает его на свет. Работа изумительная. — Десятая и последняя инкарнация Вишну.

Священные обезьяны прыгают с деревьев и, неуклюже сгрудившись, собираются вокруг министерского «лексуса», остановившегося у старого дворца Моголов. Из зарослей рододендронов выходит робот, чтобы проверить документы прибывшего. Сады заросли травой. Немногим садовникам удается успешно пройти проверку на благонадежность, а те, кто все-таки проходит, недолго задерживаются на этой работе, весьма скудно оплачиваемой из скупого министерского кармана.

Автомат приседает перед автомобилем и проводит по господину Нандхе круглым манипулятором. Проверяя документы, робот как-то странно припадает на левую ногу. Тоже результат недосмотра обслуживающего персонала, думает господин Нандха. Он брезгливо поджимает губы, видя, как обезьяны окружают автомобиль и суют свои мерзкие пальцы во все щели, которые

им удается обнаружить. Их лапы напоминают ему руки обгоревших трупов, лежащих в морге Чаухана, — почерневшие высохшие кулачки обугленных мумий. Макака, взгромоздившаяся на радиатор, начинает неистово мастурбировать, а господин Нандха в это мгновение слушает «Страсти по Матфею» Баха.

Отсутствие средств порождает равнодушие, равнодушие порождает халатность, халатность порождает преступление. Именно халатность и явное несовершенство системы безопасности стали причиной двух побегов заключенных. Достаточно взглянуть на роботов, размером и умом напоминающих тараканов.

Робот-охранник заканчивает проверку и удаляется в кусты, словно какой-нибудь первобытный охотник. Господин Нандха заводит мотор, чтобы отпугнуть обезьян. Его охватывает ужас от мысли о том, что какая-нибудь из них может застрять в нише колеса. Его Величество Богоподобный Онанист с грохотом спрыгивает с капота. Господин Нандха с отвращением проверяет, не оставил ли он каких-либо следов на автомобиле.

Когда Сыщику Кришны было лет тринадцать и он, как и все подростки, испытывал на себе последствия гормонального взрыва и многочис-

ленных свойственных переходному возрасту сомнений, ему в голову часто приходила странная фантазия о том, чтобы пробраться сюда, поймать священную обезьяну, посадить в клетку и медленно, постепенно ломать ее крошечные, похожие на птичьи косточки. Он до сих пор испытывает приятные ощущения, настоящее удовольствие от удовлетворенного гнева при этом воспоминании.

Несколько самых настырных обезьян не оставляют министерский автомобиль, пока он едет по узкой дорожке через сад. Господин Нандха, надев темные очки и выйдя на хрустящий под ногами гравий, все-таки разгоняет их. Белый мрамор эпохи Великих Моголов ослепительно сверкает на полуденном солнце.

Господин Нандха отходит от автомобиля, чтобы без помех насладиться роскошным видом дворца. Жемчужина, сокрытая от взглядов любопытных. Здание построено в 1613 году шахом Ашрафом в качестве загородного дворца. Там, где когда-то охотничьи гепарды восседали в хаудах и владыки из рода Моголов разъезжали по топям Кираката, теперь прямо по соседству с невысоким, но таким чудесным старинным шедевром теснятся заводские постройки и хижины

из прессованного алюминия. Но архитектурный гений противостоит любым воздействиям всеразрушающего времени. Величественное здание с колоннами, укутанное одичавшими зарослями садов, остается невидимым новому времени и само не желает его видеть. Господин Нандха восторгается гармоничностью крытых галерей с величественной колоннадой, оригинальными пропорциями купола. Даже восхищаясь когда-то перпендикулярными линиями и барочным совершенством Кембриджа, он ни на мгновение не усомнился в превосходстве исламских архитекторов над Кристофером Реном и Реджинальдом из Эли. Они строили примерно так, как Бах сочинял кантаты и оратории, — сильно и мощно. Свет, пространство и геометрия служили им главными инструментами. Они творили на все времена, да и сами возвышались над своим временем, принадлежа скорее вечности, чем какой-то определенной эпохе.

Господину Нандхе неожиданно приходит в голову, что он вовсе не возражал бы против заключения в такой тюрьме, как эта. По крайней мере, здесь можно наслаждаться настоящим уединением.

Когда господин Нандха проходит по низень-

ким ступенькам в прохладу крытой галереи, ему кланяются уборщики, выметающие сломанные ветки деревьев. Сотрудники министерства встречают Сыщика Кришны у дверей, незаметно просканировав его своими палмами. Он хвалит их за скрупулезность, но они выглядят какими-то равнодушными. Это государственные служащие, но поручение охранять древнюю заплесневелую постройку эпохи Моголов воспринимают, по-видимому, как нечто весьма унизительное.

Господин Нандха ждет, пока охранник повернет прозрачный пластиковый замок (чем-то напоминающий игрушечную йони), врезанный в стену из изысканного резного алебастра. Последняя проверка — и зажигается зеленый сигнал. Господин Нандха входит в банкетный зал. Как всегда, у него захватывает дух при виде каменных джали, восхитительной узорчатой кладки, простора низких луковичных арок, точной геометрии лазурной черепицы, высоких стрельчатых окон, затененных занавесями из роскошных тканей. Однако главное внимание в зале приковывает вовсе не лучистая гармония изысканного оформления. И даже не клетка Фарадея, искусно включенная в сложную архитектуру. Это прозрачный пластиковый куб, который

стоит в самом центре. Пять метров в длину и пять метров в высоту, настоящий миниатюрный дом, разделенный прозрачными пластиковыми стенками на маленькие прозрачные комнатки с такими же прозрачными водопроводными трубами, коммуникациями, стульями, столами, кроватью и даже с прозрачным унитазом.

В самой середине куба сидит темноволосый, заросший густой бородой мужчина с заметным брюшком. На нем белая куртка, он бос и читает книжку в мягкой обложке. Человек сидит спиной к вошедшему господину Нандхе, но, услышав шаги, встает, прищуривается, чтобы получше рассмотреть вошедшего, узнает гостя и пододвигает стул поближе к прозрачной стенке. Затем бросает на пол книжку и большим пальцем ноги отодвигает ее в сторону. На большом пальце у него надето прозрачное кольцо.

— Слова не меняются.

— Слова и не должны меняться. Под их воздействием измениться должны вы.

— Весьма эффективный способ компрессии опыта виртуальной реальности. Здесь, возможно, я и соглашусь с вами. Однако это так неинтерактивно...

— Но у каждого читающего различный опыт

восприятия, — возражает господин Нандха.

Человек внутри пластикового куба наклоняет голову, задумавшись.

— Но в чем же тогда состоит совместный опыт?.. Впрочем... Так чем же я могу быть вам полезен, господин Нандха?

Господин Нандха бросает взгляд вверх, услышав комариное жужжание ховеркама. Тот вращает глазом-линзой над пластиковой клеткой, а затем поднимается к фантастическим сводам. Свет падает пыльными полосками сквозь средники окон. Господин Нандха извлекает пластиковые мешочки с вещественными доказательствами из кармана пиджака и поднимает их. Мужчина на пластиковом стуле вновь прищуривается.

— Поднесите их поближе, я ничего не вижу без очков. По крайней мере очки-то вы могли бы мне оставить.

— Вы прекрасно помните последний случай, господин Анредди. Схемы были в высшей степени изобретательны.

Господин Нандха прижимает мешочки к пластиковой стене. Заключенный опускается на колени. Господин Нандха видит, как от его дыхания запотела пластиковая стенка.

Слышен его приглушенный вздох.

— Откуда это у вас?
— От их владельцев.
— В таком случае они уже мертвы.
— Да.

Дж. П. Анредди — невысокий, рыхлый астматик лет двадцати пяти, с небольшим количеством волос на голове и с их обилием на оплывших щеках и челюстях. Он — самое большое профессиональное достижение господина Нандхи. Этот преступник был крупной шишкой в «Синха Сундарбан», довольно значительной станции подземки, управлявшейся сарисинами, в то время, когда Авадх подписал Акты Гамильтона, в соответствии с которыми был наложен запрет на любые разновидности искусственного интеллекта выше Уровня 2,0. Анредди нажил астрономическое состояние на перемаркировке сарисинов высокого уровня на более низкие и на подделке лицензий. Его основным грешком было слияние типа человек-машина, перераспределение ста пятидесяти килограммов собственного жира, скопившегося в основном в районе талии, в более гибкие и проворные тела роботов. Когда господин Нандха пришел арестовывать Анредди за нарушение законов лицензирования, ему пришлось прокладывать себе путь через несколько

колец охраны, состоящей из роботов. Он вспоминает щелканье пластиковых ножек и сравнивает их с маленькими темными лапками противных обезьянок, атаковавших его министерскую машину. В этом светлом, теплом, пропахшем пылью зале господина Нандху вдруг пробирает неприятная дрожь.

Он преследовал Анредди, блуждая по лабиринту комнат, пока Индра не подсоединился к чипам белковой матрицы, находившимся у основания черепа преступника, что позволило войти в непосредственный контакт с машинными расширениями Анредди и расплавить их всех одним электромагнитным импульсом. Пойманный три месяца пролежал в коме, потерял пятьдесят процентов телесной массы, а когда пришел в себя, обнаружил, что по решению суда его дом конфискован и превращен в тюрьму. Теперь он жил в центре своего роскошного дворца времен Великих Моголов в прозрачном пластиковом кубе, где каждое его движение, каждый вздох, каждое почесывание, каждая блошка и какое угодно другое насекомое, попавшее внутрь, тщательнейшим образом отслеживались ховеркамами. Дважды ему удавалось бежать с помощью роботов размером с булавочную головку. Несмотря на

то, что Анредди уже не мог управлять ими при помощи одного лишь усилия воли, преступник и по сей день сохранил давнюю любовь к мелким шустрым созданиям. Под домашним арестом он останется до тех пор, пока не выразит искреннее раскаяние в содеянном. Но господин Нандха почти уверен в том, что преступник скорее умрет и сгниет в своей пластиковой оболочке. Дж. П. Анредди, как видно, в принципе не способен понять, что совершил нечто противозаконное.

— От чего они умерли? — спрашивает человек в прозрачном кубе.

— Погибли во время пожара на пятнадцатом этаже...

— Постойте. А Бадринат? А Радха?

— Никто не выжил.

— Но как это произошло?

— У нас есть несколько версий.

Анредди опускается на прозрачный пластиковый пол, низко опускает голову. Господин Нандха высыпает медальоны из мешочков на ладонь.

— Значит, вы их знали?

— Знал о них.

— А имя?

— Какое-то французское, хотя она была индуской. Вначале они работали в университете, но

потом решили уйти в свободный полет. Участвовали в проекте, на который выделялись большие деньги.

— Вы когда-нибудь слышали об инвестиционной компании под названием «Одеко»?

— Ну кто же не слышал об «Одеко»? По крайней мере из тех, кто занимается свободным бизнесом.

— Вы когда-нибудь получали какие-либо деньги от «Одеко»?

— Вы же знаете, чем я занимался, и в курсе, каков мой статус. Я всегда был крупной величиной, всегда был свободен, независим, сам себе хозяин. Враг общества номер один. Кроме того, я работал в несколько иной сфере, где эта компания не имела своих интересов. Я занимался робототехникой на наноуровне. А они в основном проводили исследования в области высокоуровневых сарисинов. Белковые микросхемы и тому подобное.

Господин Нандха прижимает амулеты к пластику.

— Вы знаете значение этого символа?

— Белая лошадь без наездника, десятая аватара.

— Калки. Последняя аватара, которая должна завершить Калиюгу. Имя из древнего мифа.

— Варанаси — город мифов.

— А вот вам вполне современный миф. Могли Бадринат на деньги «Одеко» заниматься разработкой сарисинов третьего поколения?

Дж. П. Анредди сидит, покачиваясь и запрокинув голову назад. Настоящий Сиддхартха для своих крошечных роботов. Он закрывает глаза. Господин Нандха раскладывает амулеты на полу, чтобы Анредди мог их получше разглядеть. Затем подходит к окну и медленно отодвигает штору, которая сжимается ровными складками, напоминающими меха старой, выгоревшей на солнце гармоники.

— А теперь я расскажу вам одну из версий их гибели. Мы полагаем, что это явилось результатом хорошо спланированного нападения радиоуправляемого летательного аппарата с лазерным оружием на борту, — говорит господин Нандха. Он отодвигает следующую штору, впуская в помещение ослепительное солнце и отблески коварного, предательского неба.

— Подонок!.. — кричит Дж. П. Анредди и вскакивает на ноги. Господин Нандха переходит к третьему окну.

— Мы считаем данную версию вполне убедительной. Одиночный импульс высокой мощ-

ности. — Он пересекает комнату, направляясь к другим окнам. — Очень точный выстрел. Сарисин, должно быть, определил цель, навел на нее оружие и выстрелил в течение нескольких миллисекунд. Со времени инцидента с железнодорожным экспрессом в воздухе так много всяких летательных аппаратов, что никто просто не обратил внимания на небольшое радиоуправляемое устройство.

Руки Анредди лежат на пластиковой стенке, глаза широко открыты, он всматривается в небо.

— Что вам известно о Калки?

Господин Нандха открывает еще одну занавеску. Остается последняя. Широкие полосы солнечного света расстилаются по полу. Анредди производит впечатление человека, испытывающего сильную боль. Кибервампир, сжигаемый солнцем.

— Они убьют вас!

— Это мы еще посмотрим. Значит, Калки — сарисин третьего поколения?

Господин Нандха берет мягкий хлопчатобумажный шнурок последней шторы и медленно тянет за него. Узкий луч солнечного света бежит по плитам пола. Дж. П. Анредди уже отошел в самый центр своей пластиковой клетки, но от

белизны невозможно нигде укрыться.

— Итак?

— Да, Калки — сарисин третьего поколения. И он существует. Он реален! Он вполне реально существует дольше, чем вы можете предположить. А вы знаете, что такое третье поколение? Третье поколение — это интеллект, который, если его измерять по стандартной шкале, примерно в двадцать или даже тридцать тысяч раз выше базового человеческого. Но ведь я говорю только о начале. О характеристиках первичного этапа. Машинная эволюция идет в миллион раз быстрее. И если они захотят вас уничтожить, то вы не сможете убежать от них, не сможете спрятаться, не сможете укрыться где-нибудь в надежде, что они забудут о вас. Что бы вы ни сделали, они узнают о вашем поступке практически мгновенно. Под какой бы маской вы ни скрывались. Куда бы вы ни пошли, они вас опередят, ибо узнают о вашем намерении еще до того, как оно придет вам в голову. Вот что такое третье поколение, дружище. Они — боги! И даже вы не в силах отнять лицензию у богов.

Господин Нандха спокойно выслушивает весь монолог до конца, после чего поднимает с пола дешевые обгоревшие амулеты Калки и вновь

кладет их в мешочки с вещественными доказательствами.

— Спасибо. Теперь я знаю имя своего врага. До свидания.

Он поворачивается и уходит, ступая по пыльным белым полосам солнечного света. Его шаги гулким эхом разносятся по изысканным мраморным залам исламского дворца. За спиной Нандха слышит звук ударов кулаками по мягкому прозрачному пластику и голос Анредди, далекий и глухой:

— Эй, а шторы?! Не оставляйте открытыми шторы! Шторы! Они меня увидят! Черт тебя возьми, они же меня увидят! Шторы! Задерни шторы!..

20
Вишрам

У Вишрама такой громадный рабочий стол, что на него можно посадить боевой самолет. У него первоклассный кабинет из стекла и дерева. Собственный служебный лифт и служебная ванная. Пятнадцать костюмов — той же модели и из того же материала, что и тот, что был на нем, когда он унаследовал свою империю, а также по паре туфель ручной работы к каждому костюму. А в качестве личного помощника ему прислуживает Индер, у которой есть несколько озадачивающая способность: постоянно физически находясь перед ним, она в то же время появляется на экране настольного органайзера и еще в виде призрака в зрительных зонах головного мозга. Ему уже приходилось слышать о таких корпоративных системах, которые частично являются людьми, а частично сарисинами. Вот он, современный стиль офисного обслуживания.

Кроме того, у Вишрама Рэя сильнейшее похмелье после «Стреги» и темные тени под глазами после вчерашнего слишком глубокого и слишком

пристального взгляда в другую вселенную.

— Кто эти люди? — спрашивает Вишрам.

— «Группа Сиггурдсон-Артурс-Клементи», — отвечает Индер-на-ковре в то время как Индер-на-столе раскрывает ладошки-лотосы и демонстрирует его сегодняшнее расписание, а Индер-в-голове вдруг растворяется, и на ее месте возникают упитанные европейского вида господа в хороших костюмах и с великолепными фарфоровыми зубами. У Индер-на-ковре слишком низкий голос для дамочки в стиле Одри Хепберн. — Госпожа Фуско свяжется с вами в машине. Министр энергетики Патель просит о личной встрече — так же, как и дама, занимающаяся вопросами энергетики в партии Шиваджи. Они оба хотят знать, что вы планируете относительно будущего своей компании.

— Я даже сам пока ничего не знаю, но его превосходительство господин министр будет первым, кому это удастся выяснить. — Вишрам останавливается у двери. Все три Индер вопросительно уставились на него. — Индер, как вам кажется, не будет ли удобнее, если мы перенесем весь наш кабинет в «Рэй пауэр», в научно-исследовательский центр?

— Конечно, господин Рэй. Вам здесь не нра-

вится?

— Нет-нет, очень милый кабинет. Очень... очень деловой. Но здесь я чувствую себя как-то уж слишком... близко к семье. К братьям. И кстати, раз уж мы завели разговор на подобную тему, я хотел бы также выехать и из нашего семейного особняка. Он производит на меня несколько угнетающее впечатление. Вы не могли бы найти для меня подходящую гостиницу с хорошим обслуживанием?

— Конечно, господин Рэй.

Когда он выходит, «альтер эго» Индер уже ведут переговоры с фирмами, занимающимися перевозкой имущества, а также с крупнейшими отелями.

Сев в «мерседес», Вишрам сразу же ощущает легкий аромат «шанель №27» Марианны Фуско. Он также мгновенно чувствует, что она на него злится.

— Она физик.

— Кто — она?

— Женщина, с которой я вчера вечером был в ресторане. Физик. Я говорю вам это, потому что вижу, что вы немного... напряжены.

— Напряжена?

— Ну, может быть, слово «раздражена» будет

точнее.

— Вот как? И все потому, что вы вчера обедали с дамой-физиком?

— С замужней дамой-физиком. Замужней индуской-физиком.

— Интересно, почему вы сочли необходимым сообщить мне, что она замужем?

— Замужняя индуска-физик. По имени Соня. Работает на меня в моей фирме.

— Но какое это имеет значение?

— Большое. Мы ведь профессионалы. Я пригласил ее на обед, а затем она пригласила меня к себе и показала мне свою вселенную. Она маленькая, но так великолепно устроена.

— Меня интересует другое. Как вы сможете объяснить странные тени под глазами? Ее вселенная находится в солярии?

— Скорее поблизости от нулевой точки. А у вас удивительно красивые ноги.

Ему кажется, что он заметил тень улыбки на лице женщины.

— Хорошо, перейдем к нашим гостям. Как мне следует вести себя с ними?

— Собственно, никак, — отвечает Марианна Фуско. — Вы просто пожмете им руки, вежливо улыбнетесь, выслушаете все, что они пожелают

сказать, и больше ничего не будете делать. Затем мы с вами встретимся снова.

— А вы что, со мной не поедете?

— На сей раз действуйте самостоятельно. Но будьте готовы к тому, что сегодня Говинд сделает Рамешу официальное предложение.

К тому моменту, когда Вишрам подъезжает к аэропорту, у него начинает болеть голова. Автомобиль проезжает мимо зоны высадки пассажиров, зоны посадки, зоны буксировки, зоны чартерных рейсов и через двойные ворота выезжает на посадочную полосу к небольшому частному самолету. Стюардесса из Ассама в безупречном традиционном костюме открывает дверцу, кланяется, словно цветок под тяжестью бутона, и ведет Вишрама на его место. Он машет рукой Марианне, заметив, что «мерседес» отъезжает. Полет в одиночестве...

Руки стюардессы движутся, проверяя ремень безопасности на Вишраме, но он не замечает этого, так как все у него внутри вдруг резко опускается вниз: самолет взмывает в воздух, вознося его над медными башнями Варанаси. Неугомонная часть существа Вишрама не может не ощущать присутствия рядом привлекательной женщины, но все же он не отрываясь смотрит в

окно, а самолет проносится над речными храмами, гхатами, дворцами, хавели, расположенными вдоль течения божественного Ганга. Шикара на храме Вишваната отливает золотом. И только когда полет переходит в горизонтальную плоскость на нужной высоте, нежная женская рука, оказавшаяся на его бедре, наконец привлекает внимание Вишрама.

— Что-нибудь еще нужно, саиб? — произносит девушка с прелестным округлым лицом, подобным полной луне.

— Спасибо, пока нет, — отвечает Вишрам. Приносят шампанское. Вишрам полагает, что это только первый бокал шампанского, за которым должны последовать и другие вина в необыкновенном разнообразии. Но он сразу же решительно дает понять, что эта первая выпивка будет для него и последней на время сегодняшнего полета, хотя все указывает на то, что от него ждут злоупотреблений гостеприимством и готовы многое простить.

Шампанское холодное, очень-очень вкусное, а алкоголь на борту самолета всегда заставлял Вишрама почувствовать себя богом. Под ним расстилаются басти, разноцветные пластиковые крыши, расположенные так близко друг от друга,

что создают впечатление ткани, разложенной на земле во время пикника. Самолет летит вдоль русла реки до границы воз душного пространства Патны, а затем резко поворачивает на юг. Вишраму стоило бы прочесть бумаги, но Бхарат оглушает его своей красотой. Грандиозная агломерация трущоб уступает место прихотливому узору полей и деревень, а цвета быстро переходят от утомленно-желтого в белесый оттенок засухи. Эта местность выглядела примерно так же и две тысячи лет назад, и если бы Вишрам и в самом деле был богом, пролетавшим через священный Бхарат по пути на битву с ракшасами черного юга, он увидел бы ее такой же.

И тут его взгляд падает на линию электропередачи и медленно вращающиеся ветряные турбины. Турбины «Рэй пауэр». Турбины его брата. Вишрам всматривается в золотистую дымку на горизонте. Ему показалось, или же и в самом деле среди коричневого высокоатмосферного смога появилась темная полоса — первый признак надвигающихся туч? Неужели наконец-то пришел муссон? Выжженные камни долины приобретают бежевую окраску, затем желтую, а потом появляются и зеленые деревья. Самолет поднимается у края плато, и Вишрам оказывается

над высоким лесом. На западе виден какой-то дымок, который ветер относит к северу. Но зелень здесь — обман, этот высокий лес сух, истомился от жажды и после трех лет засухи готов в любое мгновение воспламениться. Вишрам допивает шампанское, уже ставшее безвкусным и теплым.

— Мне забрать?.. — спрашивает стюардесса, вновь слишком близко подходя к Вишраму.

Вишрам представляет гримасу раздражения на ее очаровательном лице. Я не поддамся на твои искушения.

Самолет начинает идти на посадку. Перемена в звуке работающих двигателей подсказывает Вишраму, что полет близится к завершению, но, выглянув в окно, не видит ничего, что напоминало бы аэропорт. Самолет летит над кронами деревьев — настолько низко, что ветви начинают раскачиваться, словно от ураганного ветра. С обеих сторон разлетаются птичьи стайки, и Вишрам по мягкому толчку понимает, что они приземлились. Рев моторов переходит в жалобное, постепенно затихающее подвывание. Девушка-ассамка что-то делает с дверью. Внутрь врывается горячий воздух. Она говорит:

— Господин Рэй.

У трапа стоит старый раджпут с пышными

седыми усами, в тюрбане, настолько плотно облегающем голову, что у Рэя от сочувствия к старику возникает мигрень. Позади него дюжина мужчин в хаки и широкополых военных шляпах, лихо сдвинутых набок, с винтовками наперевес.

— Господин Рэй, мы рады приветствовать вас в Святилище Тигров Паламау, — с поклоном говорит раджпут.

Девушка-ассамка остается в самолете. Люди в широкополых шляпах окружают их со всех сторон, и раджпут уводит Вишрама от самолета. Они приземлились в круге грязи посреди густых бамбуковых зарослей и невысокого кустарника. В чащу ведет песчаная тропа, вдоль которой расположено явно избыточное, по мнению Вишрама, количество довольно крепких укрытий.

— Для чего это? — спрашивает Вишрам.

— На случай нападения тигров, — отвечает раджпут.

— Мне кажется, что все, что могло бы нас здесь сожрать, уже разбежалось из-за шума, который мы здесь устроили.

— Вовсе нет, сэр. Они уже научились ассоциировать звук моторов самолета...

С чем? Вишрам чувствует, что ему нужно задать вопрос, но что-то ему мешает. Он городской

парень. Городской... Парень... Слышали вы, людоеды? Полный всяких вредных примесей.

Воздух здесь чистый, пахнет растительной жизнью и смертью и воспоминаниями о воде. И еще — пылью и жарой. Тропа поворачивает, так что уже через несколько шагов место приземления полностью исчезает из виду. Точно так же и домик, к которому они следуют, становится виден, только когда до него остается всего несколько метров. Минуту назад вокруг вас — только зелень, листья, шуршание кустарников, и вот стволы деревьев как-то сами собой превращаются в сваи, ступеньки и лестницы: перед вами уже большой деревянный охотничий домик, возвышающийся поверх верхушек деревьев, словно галеон, заброшенный сюда неведомым ураганом. Люди с европейской внешностью, в дорогих костюмах, приветствуют Вишрама, машут руками, улыбаются ему, перевесившись через балконное ограждение.

— Господин Рэй, добро пожаловать на борт!

Они выстроились на лестнице, соединяющей «палубы», словно офицеры, встречающие адмирала. Клементи, Артурс, Вайтц и Сиггурдсон. Обмениваются с ним крепким мужским рукопожатием, прямо, без лукавства смотрят в глаза,

произносят те слегка фамильярные приветствия, которым их учи ли в бизнес-школе. Вишрам нисколько не сомневается, что они без особого труда обставят кого угодно в гольф или любую другую игру, где так любят демонстрировать свою мужественность все эти западные мачо. Его собственная теория гольфа сводится к принципу не заниматься никаким видом спорта, в котором требуется одеваться так, как одевался твой дедушка. Он вполне может представить себе милый стиль жизни, который строился бы вокруг этой игры. Но совсем не такие вещи и не такой стиль жизни должны сейчас занимать его мысли.

— Вам не кажется, что у нас здесь превосходное место для ленча? — говорит Артурс, высокий, академического вида джентльмен. Он ведет Вишрама по деревянным мосткам, изломанной спиралью поднимающимся все выше и выше до самых верхушек деревьев. Вишрам бросает взгляд вниз. Оттуда на него смотрят люди с винтовками. — Какая жалость, что Бхагвандас сообщил, что у нас нет практически никакого шанса увидеть настоящего живого тигра.

Артуре говорит гортанно и немного в нос — акцент явно бостонский. Значит, он здесь бухгалтер, решает Вишрам.

В Глазго есть присказка: адвокатом бери католика, бухгалтером — протестанта.

Они проходят мимо строя официантов, одетых в тюрбаны и элегантное подобие пижам в стиле Редьярда Киплинга. Распахиваются двойные двери красного дерева, украшенные резьбой с изображением батальных сцен из «Махабхараты». Метрдотель ведет их в «обеденный зал», своеобразный альков с подушками и низеньким столиком, который был бы наивысшим выражением китча, если бы не вид из больших панорамных окон на лесной водопой. Вишраму кажется, что он видит оленя, который жадно и нервно пьет коричневатую мутную воду, настороженно подняв уши в постоянном ожидании нападения. Он напоминает Вишраму Варанаси с его омерзительной водой и радарами.

— Садитесь, садитесь, — приглашает Клементи — широкий темноволосый мужчина с по-индийски болезненно-желтоватым цветом лица.

Европейцы, пыхтя и посмеиваясь, устраиваются на подушках. Над ними покачиваются большие вееры, немного умеряющие ощущение нестерпимой духоты. Вишрам элегантно усаживается на низкий диван. Метрдотель приносит воду в бутылках. Сайганга. Вода из Ганга. Вишрам

поднимает бокал.

— Джентльмены, я полностью в вашей власти.

Они как-то уж слишком громко смеются его шутке.

— Мы потребуем вашу душу позже, — говорит Вайтц, явно относящийся к числу тех людей, кому никогда не приходилось особенно выкладываться ни в младших, ни в средних, ни в старших классах, ни в бизнес-школе, ни в колледже и так далее — по жизни.

Вишрам, привыкший внимательно всматриваться в своих собеседников, замечает, что Сигурдсон, очень высокий и очень бледный господин, находит его шутку несколько менее смешной, чем все остальные. «Заново Рожденный», тот, кому принадлежит основной капитал...

Еду приносят на тридцати крошечных тали. Та самая изысканная простота, которая всегда оказывается намного дороже любой роскоши. Пятеро мужчин передают друг другу блюда, вполголоса бормоча восторженные похвалы искусным сочетаниям специй и овощей. Вишрам обращает внимание на то, что они поглощают индийскую еду как нечто давно знакомое. Их «марианны фуско» даже подсказали им, какой рукой в каком случае пользоваться. Но кроме восторженных

похвал, произносимых полушепотом, и взаимных предложений попробовать кусочек того и немного этого, обед проходит в полной тишине. Наконец тридцать серебряных тали опустели. Юноши-официанты порхают, словно голуби, унося посуду, а участники беседы откидываются на расшитых подушках.

— Итак, господин Рэй, чтобы не тратить попусту время и слова, сразу скажем: нас интересует ваша компания.

Сиггурдсон говорит медленно, плетет хорошо выверенную цепочку слов, похожую на череду буйволов, идущих на водопой, и опасную тем, что ее вполне можно не принять всерьез.

— Ах, если бы она принадлежала только мне и если бы один лишь я решал, продавать ее или не продавать, — отвечает Вишрам.

Теперь он жалеет, что сел с этой стороны стола один. Все головы одновременно повернулись к нему, взгляды всех присутствующих сосредоточены на нем.

— Нам все прекрасно известно, — говорит Вайтц. И тут встревает Артурс:

— У вас есть великолепная небольшая компания по производству и распределению энергии. Хорошо организованная — правда, строящая-

ся на рудиментарной полуфеодальной модели собственности. Вам давно уже следовало бы диверсифицировать капитал с целью максимального увеличения биржевой стоимости акций. Но должен признать: вы, ребята, здесь смотрите на некоторые вещи иначе, чем мы. Я этого не понимаю, но в вашей стране очень многое, откровенно говоря, представляется мне абсурдным. Возможно, ваш капитал несколько завышен, и вы слишком много вкладывали в социальную сферу, а объем расходов на научные исследования и разработки многих в Европе просто шокировал бы, но при всем при том компания находится в очень неплохой форме. Возможно, не впереди планеты всей и даже не впереди вашего сектора в экономике, но тем не менее занимает вполне приличное место.

— Вы очень любезны, — отвечает Вишрам, и в эти слова он пытается вложить весь яд, который может себе позволить здесь, среди густых и опасных зарослей.

Он понимает, что они хотят уязвить, уколоть его, а потом одурачить, окрутить, заметив, что он потерял бдительность.

Вишрам смотрит на свои руки. Они спокойно лежат на столе — так же, как когда-то спокойно

держали микрофон. Управляться с клакерами гораздо сложнее.

Сиггурдсон опускает на стол большие кулаки и наклоняется над ними всем своим крупным телом. Наверное, такой позой он стремится его запугать.

— Мне кажется, вы не до конца понимаете серьезность того, о чем мы говорим. Мы знаем компанию вашего отца гораздо лучше, чем он знал ее сам. Его уход был внезапным, но отнюдь не неожиданным. Мы располагаем определенными прогностическими моделями. Хорошими моделями. Они способны предсказывать будущее с вполне приемлемой точностью. Наша сегодняшняя беседа состоялась бы в любом случае — независимо от того, какое решение он принял бы относительно вас. И то, что наша беседа проходит именно здесь, является свидетельством, что мы знаем кое-что не только о «Рэй пауэр», но и о вас лично, господин Рэй.

Клементи вынимает из кармана пиджака портсигар. С щелчком открывает его. Маленькие изящные черные кубинские сигарильос лежат словно пули в магазине винтовки. В слюнных железах Вишрама возникает острое болезненное желание. Страстное желание выкурить одну

из них.

— Кто стоит за вами? — спрашивает он с притворным безразличием, прекрасно понимая, что для них любое его притворство — как прозрачная вуаль. — «Эн-Джен»?

Сиггурдсон устремляет на него долгий и грустный взгляд отца, взирающего на идиота-сына.

— Господин Рэй...

Артурс облизывает губы — быстрое, едва заметное движение самого кончика языка, похожего на маленькую коварную змейку, притаившуюся в глубинах рта.

— Мы являемся официально зарегистрированным подразделением по приобретению собственности одного крупного транснационального концерна.

— И какое дело этому крупному транснациональному концерну до исследовательского подразделения «Рэй пауэр»? Возможно, его интерес имеет какое-то отношение к тем результатам, которые мы получили в лаборатории нулевой точки? Результаты с чистыми маленькими позитивами — при том, что все другие без толку бьются с большими красивыми негативами?

— До нас доходили слухи подобного рода, — отвечает Вайтц, и Вишрам понимает, что именно

он — мозговой центр всей операции. Артурс заведует кошельком, Сиггурдсон — их барон, а Клементи — инфорсер.

— Это не просто слухи, — замечает Вишрам. — Но нулевая точка не продается.

— Полагаю, вы неправильно меня поняли, — тяжело и медленно произносит Сиггурдсон. — Мы не собираемся покупать вашу компанию прямо сейчас. Но если результаты, которые вы получаете, могут быть воспроизведены в коммерческом масштабе, то ваше направление исследований может стать важной областью, потенциально способной принести очень большую прибыль. И тогда мы будем весьма заинтересованы в инвестициях. Мы хотим, господин Рэй, приобрести только долю в вашей компании. Это позволит вам получить достаточно денег для убедительной демонстрации перспектив технологии «горячей» нулевой точки.

— Значит, вы не хотите выкупать компанию?

— Господин Сиггурдсон сказал, что нет! — раздраженно восклицает Клементи.

Сиггурдсон кивает. Улыбка у него холодная, как зима в Миннесоте.

— Да, теперь я вижу, что неправильно вас понял. Простите, джентльмены, мне нужно на

минутку выйти в снангхар.

Оказавшись среди экзотических деревянных панелей, Вишрам закладывает хёк за ухо и открывает палм. Он собирается вызвать Индер. У этих ребят в дорогих костюмах было достаточно времени для того, чтобы снабдить «жучками» туалеты. Он вызывает почтовый сарисин, поднимает руки, будто пианист, собирающийся исполнить фугу в воздухе. У них могут быть здесь и биндикамы. А также сенсоры движений, которые считывают информацию по характеру изгиба пальцев. У них могут быть наночипы, способные расшифровывать писк палма. У них, вероятно, есть саньяссины, которые могут заглянуть в глубины его души.

Вишрам Рэй усаживается на полированное сиденье из красного дерева и посылает запрос Индер. «Индер-которая-в-голове» появляется через несколько секунд. Верхняя часть ее тела материализуется на внутренней стороне двери над держателем для туалетной бумаги.

Она быстро произносит имена, которые Вишраму известны только по порносайтам, и примерно такие же названия источников финансирования. Его внимание привлекают лишь нелепые названия корпораций. Вишрам вспоминает о людях

с винтовками в руках, в широкополых военных шляпах, надетых слегка набекрень. Да, ребята, не там вы ищете. Настоящие тигры здесь, наверху.

Он печатает:

ГИПОТЕТИЧЕСКИ: ЗАЧЕМ ИМ НУЖНА МОЯ КОМПАНИЯ?

Наступает какая-то нехарактерная для сарисина пауза. Когда Индер снова начинает говорить, Вишрам понимает, что теперь с ним беседует настоящая Индер — из плоти и крови.

— Для того, чтобы связать вас условиями «должной осмотрительности» и таким образом со временем захватить полный контроль над проектом нулевой точки.

Вишрам сидит на теплом сиденье из красного дерева, и ему вдруг становится жарко и тяжело от окружающей его со всех сторон древесины. Он чувствует себя словно в гробу, который закопали в высушенную засухой землю. И Вишрам знает, что теперь ему очень часто придется испытывать подобные ощущения.

— Спасибо, — говорит он вслух.

Затем моет руки, чтобы закрепить свое алиби, и возвращается к джентльменам, сидящим за столом.

— Извините за, возможно, слишком долгое

отсутствие. Как ни странно, но я еще не совсем приспособился к здешней кухне. — Он снова садится, проворно и удобно скрестив ноги. — Тем не менее у меня было немного времени, чтобы обдумать ваше предложение...

— Не торопитесь, — советует Клементи. — Такие решения требуют внимательного анализа. Тщательно продумайте наше предложение, а затем возвращайтесь.

Он раскладывает на столе роскошную папку с документами. Вайтц откидывается на подушки, взгляд у него холодный и отстраненный: он планирует какие-то перестановки. Ему очень многое известно, думает Вишрам.

— Спасибо, но мне практически все ясно, и я не хочу отнимать у вас драгоценное время. Я не принимаю вашего предложения. Я, конечно, понимаю, что должен как-то объяснить свое решение. Однако не думаю, что мои доводы покажутся достаточно логичными. Тем не менее главная причина состоит в том, что моему отцу не понравилось бы, если бы я согласился на ваше предложение. Он был настоящим бизнесменом, не меньше, чем любой из вас, и совсем не боялся больших денег, но «Рэй пауэр» — прежде всего индийская компания, и именно поэтому

ее ценности, нравственные принципы, ее этика коренным образом отличаются от тех, к которым привыкли вы у себя на Западе. Это не расизм, просто так мы работаем, и наша система абсолютно не совместима с вашей. Вторая причина заключается в том, что нам не нужны ваши деньги. Я сам, собственными глазами, видел поле нулевой точки. — Он прикасается кончиком пальца к веку, кожа на котором начинает шелушиться. — Я заметил, как вы вежливо отводили взгляд от моей поврежденной кожи. Но вокруг глаз у меня печать истинности совершившегося факта: я видел его, джентльмены. Я видел другую вселенную, и она обожгла меня своим светом.

И тут эмоции Вишрама достигают пика, наступает мгновение свободной импровизации. Голова кружится от всплеска адреналина, и Вишрам продолжает:

— Я не собираюсь ничего от вас скрывать, господа. В течение ближайших двух недель мы выступим с открытой демонстрацией результатов наших экспериментов. Да, кстати, я бросил курить три недели назад.

Вслед за этим приносят кофе и очень хороший арманьяк — напиток, к которому, как прекрасно понимает Вишрам, он больше никогда не сможет

прикоснуться без тягостных воспоминаний. Но беседа ведется столь же вежливо и цивилизованно, как и раньше, и никому бы не пришло в голову, что теперь разговаривают враги. Вишраму нестерпимо хочется как можно скорее оказаться подальше отсюда, подальше от леса, от причудливого строения на сваях, от зловещих охотников. Он мечтает вернуться туда, где сможет вновь пережить обжигающий восторг от хорошо сделанного благородного дела. Вишрам принял свое первое руководящее решение и сделал это правильно. В этом он абсолютно уверен.

Потом следуют рукопожатия и прощания, но когда майор и его джаваны ведут Вишрама к самолету, ему кажется, что у него изменилась даже походка, и все видят, понимают и одобряют его поведение.

На обратном пути стюардесса к нему не подходит.

А у «Рэй пауэр» несколько кули переносят мебель из его кабинета во флотилию грузовиков. Все еще переполненный адреналином Вишрам едет на лифте в свой бывший кабинет. Внезапно служебная кабина делает непредусмотренную остановку на третьем этаже, и в нее входит маленький щеголеватый бенгалец в черном ко-

стюме, похожий на птицу, и улыбается Вишраму так, словно знал его всю жизнь.

— Позвольте сказать вам, господин Рэй, что вы приняли совершенно правильное решение, — говорит бенгалец, широко улыбаясь.

Стеклянный лифт поднимается по уступам деревянного утеса «Рэй пауэр». На горизонте все еще видно огненное зарево. Небо приобрело изысканный бархатисто-абрикосовый цвет.

— А кто вы, черт возьми, такой? — спрашивает Вишрам. Бенгалец снова широко улыбается.

— О, всего лишь скромный слуга. Зовут меня Чакраборти.

— Должен сказать, уважаемый, что я сейчас совсем не в настроении и не собираюсь участвовать во всякого рода мистификациях, — говорит Вишрам.

— Извините, извините, прошу вас. Перехожу к делу. Я адвокат, нанятый одной компанией с целью кое-что вам пере дать. А именно: мы полностью поддерживаем ваше намерение о переходе к скорейшим полномасштабным демонстрациям результатов эксперимента.

— И кто же такие эти «мы»?

— Более «что», нежели «кто», господин Рэй.

Стеклянный лифт поднимается все выше и

выше — прямо в янтарную дымку священного смога Варанаси.

— И что же в таком случае?

— «Одеко» — это компания, которая делает в высшей степени продуманные и весьма специфичные инвестиции.

— И если вам известно, что я только что отверг предложение от компании, о которой я по крайней мере кое-что слышал, что, по вашему мнению, может предложить мне ваша «Одеко»?

— То же самое, что и вашему отцу.

И вот теперь у Вишрама возникает острое желание, чтобы в стеклянном коконе кабины появилась вдруг кнопка остановки, являющаяся обязательной в голливудских киношных лифтах. Но она не появляется, и они продолжают двигаться вверх по деревянному фасаду «Рэй пауэр».

— Мой отец не принимал в компанию никаких партнеров.

— При всем моем уважении, господин Рэй, не могу с вами согласиться. Откуда, по вашему мнению, поступили деньги на строительство коллайдера элементарных частиц? Бюджет проекта нулевой точки разорил бы даже Ранджита Рэя, действуй он в одиночку.

— Чего же вы хотите? — спрашивает Вишрам.

Его чувства победителя и героя вдруг куда-то сами собой улетучиваются. Игры внутри других игр, уровни доступа к информации и секретность, имена, лица, маски. Лица (или маски), которые могут войти в тот лифт, в котором едете вы, и ни с того ни с сего начинают обсуждать с вами самые секретные ваши планы.

— Только успеха, господин Рэй. Только вашего успеха. Я хотел бы повторить и, возможно, даже подчеркнуть то главное, что мои работодатели желают вам передать. Вы собираетесь провести полномасштабную демонстрацию результатов проекта нулевой точки. «Одеко» также стремится к этому. И необходимо, чтобы вы знали: данная компания поддерживает вас и сделает все, чтобы обеспечить успех проекта. Невзирая на затраты, господин Рэй. А! Кажется, я приехал. До свидания, господин Рэй. Всего вам доброго.

Чакраборти проскальзывает между дверей лифта, прежде чем они успевают полностью открыться. Только проехав еще целый этаж, Вишрам решает спуститься и посмотреть, куда отправился странный человечек. Он выглядывает в коридор. Ничего и никого. Правда, бенгалец мог зайти в какой-нибудь из кабинетов, расположенных на этаже. Но с тем же успехом он имел

шанс выйти и в другую вселенную — вселенную нулевой точки.

Горячие лучи заходящего солнца освещают прозрачную стенку лифта, а Вишрама пробирает озноб, как при внезапном порыве ледяного ветра. Нет, сегодня вечером ему определенно необходимо куда-нибудь пойти, подальше от всего этого, хотя бы на несколько часов. Но какую женщину пригласить сегодня?..

21
Парвати

Абрикос перелетает через парапет, делая широкую дугу и оставляя след от сока, капающего из-под разорванной кожуры. Он исчезает из вида где-то между зданиями, продолжая долгое падение на улицу.

— Он пересек границу в воздухе, ведь так?

— Шестерка! — восклицает Парвати, хлопая в ладоши.

Линия ворот — черта, проведенная мелом садовника, воротца — коробка для саженцев без трех сторон. Кришан опирается на свою биту — то есть на садовую лопату. — Шестерка в техническом отношении довольно слабый удар, — замечает он. — Отбивающий оказывается ниже мяча и не может им реально управлять. А принимающим игрокам гораздо легче заметить его и осуществить захват. Настоящего болельщика всегда больше восхищает четверка, чем шестерка. Четверка — гораздо более контролируемый удар.

— Возможно, но он выглядит гораздо ярче и красивее, — возражает Парвати и тут же подно-

сит руки ко рту, чтобы сдержать непроизвольное хихиканье. — Извините, но мне сейчас пришло в голову... там же внизу кто-то мог быть... они там занимаются своими делами, и вдруг на них падает абрикос, запачкав с ног до головы соком. И они возмущенно думают: что такое здесь происходит?! Абрикосы падают с неба. Это, наверное, дело авадхов. Они бомбят нас фруктами!

И Парвати корчится в приступе смеха. Кришан не до конца понял суть шутки, но ее веселье заражает его, и он тоже хохочет, схватившись за живот.

— Давайте продолжим!

Парвати берет свежий абрикос со сложенной ткани, подбирает край сари, бежит несколько шагов и подбрасывает фрукт в воздух. Кришан ловко «срезает» абрикос, и тот катится, подскакивая, по направлению к дождевым стокам с парапета. Брызги сока и мякоть летят ему в лицо.

— Четверка! — кричит Парвати, показывая четыре пальца.

— Мяч не засчитан, потому что он брошен, а не подан по правилам.

— Но у меня не получается этот переброс.

— Не так уж он и сложен.

Кришан берет горсть абрикосов и показывает

на них правильный и точный удар — такой, как в настоящем, «большом» крикете. Мягкий фрукт, подскакивая, отлетает в заросли рододендрона.

— А теперь попробуйте вы.

Он бросает Парвати недозрелый абрикос. Она легко его ловит, обнажив рукав чоли. Кришан наблюдает за игрой ее мышц, пока женщина пытается проделать все необходимые в крикете манипуляции с «мячом» в своей совершенно не спортивной, но такой элегантной одежде. Парвати роняет абрикос, и плод падает позади нее. Женщина оборачивается с гримасой утомления и безнадежности.

— Нет, у меня никогда не получится!

— Давайте я вам помогу.

Смысл слов доходит до Кришана уже после того, как они произнесены. Когда-то еще подростком он прочел в школьной сети, что все осознанные мысли пишутся в прошедшем времени. Но если так, значит, все решения принимаются неосознанно и без чувства вины, а сердце всегда говорит правду, хоть и нечленораздельно. Его путь уже определен. Он заходит Парвати за спину. Кладет руку ей на плечо. Другой рукой берет за запястье. Женщина затаила дыхание, но пальцы крепко сжимают абрикос.

Кришан перемещает ее руку назад, вниз и поворачивает ладонью вверх, затем направляет вперед, еще дальше вперед, одновременно опуская левое плечо Парвати, а правую руку передвигая вверх.

— А теперь поворачивайтесь влево. — В их своеобразном танце наступает рискованный момент, затем Кришан поднимает руку Парвати резко вверх. — Бросайте! — командует он.

Абрикос вылетает у нее из рук, ударяется о деревянные плиты и лопается.

— Неплохая скорость, — говорит Кришан. — А теперь попытайтесь сделать то же самое самостоятельно.

Он занимает позицию у черты, прицеливается лопатой-битой. Она отходит за дальнюю черту, поправляет одежду и бежит. Затем делает выпад вперед и бросает абрикос. Вначале плод ударяется о настил, как-то неуклюже отскакивает и взвивается вверх. Кришан делает прыжок, выставив вперед лопату, абрикос ударяется о самый ее верх, отскакивает и разбивается о воротца. Неустойчивая фанера от такого удара разваливается. Кришан сует лопату под мышку и кланяется.

— Госпожа Нандха, вы меня обставили.

На следующий день Парвати знакомит Кри-

шана с «друзьями»: Прекашами, Ранджанами, Кумарами и Маликами. Она раскладывает журналы, словно дхури на нагретом солнцем настиле. Сегодня утром воздух тяжел и недвижим, будто расплавленный металл. Своей тяжестью он прижимает к земле смог и шум уличного движения.

Всю прошлую ночь Парвати сражалась с мужем. Но сражение шло в его стиле, который состоит, как правило, в том, что господин Нандха произносит сентенции, подкрепляя их многозначительными паузами, а на все ее возражения реагирует уничтожающе презрительными взглядами. Битва велась по-старому — между его усталостью и ее скукой; между его отчужденностью и ее потребностью в общении; между его нарастающим сексуальным безразличием и ее бунтующим естеством.

Парвати открывает журналы на самых ярких центральных разворотах. Идеальные ухаживания, роскошные бракосочетания и даже скандальные разводы. Кришан сидит в позе портного.

— Это Соня Шетти, она играет Ашу Кумар. Она была за мужем за Лал Дарфаном — в реальности, а не в «Городе и деревне», — но прошлой весной они развелись. Я так удивилась, ведь все думали,

что они будут всегда вместе, но Соня стала появляться в обществе Рони Джхутти. Она была на премьере Према Даса в очаровательном серебряном платье, по этому я уверена, что мы очень скоро узнаем о свадьбе. Конечно, Лал Дарфан говорит о ней всякие мерзости: и что Соня бездарна, и что попросту его опозорила... Не странно ли, что актеры до такой степени могут быть не похожи на своих героев из «Города и деревни»? Теперь я совершенно иначе думаю о докторе Прекаше.

Кришан листает толстые цветные страницы, источающие ароматы химических красителей.

— Но ведь они же не настоящие, — возражает он. — Эта женщина и в реальной жизни ни за кем не была замужем, и ни на какой премьере она не была ни с каким актером. Они просто обычные компьютерные программы.

— Я знаю, — отвечает Парвати. — Никто и не принимает их за настоящих людей. Знаменитости никогда не были по-настоящему реальны. Но ведь так приятно делать вид, что ты веришь в то, что они настоящие. Все равно как если бы, кроме «Города и деревни», существовала еще одна история, которая была бы гораздо ближе к жизни, чем фильм.

Кришан кивает.

— Извините меня за любопытство, но вы очень скучаете по семье?

Парвати поднимает глаза от глянцевых фотографий.

— А почему вы спрашиваете?

— Просто меня немного удивляет, что вы к нереальным персонажам относитесь как к членам своей семьи. Вас так занимают их взаимоотношения, их проблемы, их «жизнь», если можно употребить это слово...

Парвати набрасывает на голову дупатту, спасаясь от солнечных лучей.

— Я каждый день думаю о семье, о матери. Конечно, я ни за что и никогда не соглашусь вернуться назад, но мне всегда представлялось, что, переехав в столицу, я буду встречаться с множеством людей, стану свидетельницей массы интересных событий, увижу сотни новых миров. А оказалось, что здесь тебя просто никто не замечает, здесь гораздо легче быть невидимой, чем в Котхаи. В городе я просто могу исчезнуть, и никто не обратит внимания.

— А где находится Котхаи? — спрашивает Кришан.

Над ним сливаются, накладываясь один на другой, инверсионные следы двух самолетов,

разведывательного и боевого, гоняющихся друг за другом на высоте десяти километров над Варанаси.

— В районе Кишангандж в Бихаре. Благодаря вам я сейчас вдруг вспомнила одну странную вещь, господин Кудрати. Я каждый день пишу матери, и она пишет мне о своем здоровье, о Рохини и Сушиле, о мальчиках и обо всех наших знакомых из Котхаи, но она никогда ничего не пишет о самом Котхаи.

Парвати рассказывает Кришану о Котхаи — и даже не столько ему, сколько самой себе. В воспоминаниях она снова возвращается в тесные объятия потрескавшихся глинобитных домишек, сгрудившихся вокруг резервуаров с водой и колонок; она может вновь пройтись по пологому склону главной сельской улицы с магазинами и навесами из рифленого металла, за которыми располагаются мастерские резчиков по камню. То был мужской мир, мир мужчин, подолгу просиживающих за чаепитием, слушающих радио, обсуждающих политические новости. Женский мир находился в полях и у источников, ибо вода — женская стихия... еще, пожалуй, в школе, где новая учительница из города, госпожа Джейтли, по вечерам вела уроки и дискуссионные семи-

нары.

Затем все изменилось. Приехали грузовики «Рэй пауэр», из которых высыпали какие-то мужчины, они построили палаточный городок, поэтому примерно в течение месяца бок о бок существовало два Котхаи. Они возвели ветряные турбины, солнечные панели и генераторы на биомассе, и постепенно все дома, магазины и храмы в деревне оплели провода. Сукрит, торговец батарейками, проклинал их за то, что пришельцы лишили достойного человека работы, а честную девушку, его дочь, вынудили заниматься проституцией.

— Теперь мы часть большого мира, — говорила госпожа Джейтли слушательницам на вечерних занятиях. — Паутина проводов свяжет нас с другой паутиной, которая присоединит нас к той паутине, что объединяет весь мир в единое целое.

Но старая добрая Индия умирала. Прекрасная мечта Неру расползалась по швам под давлением этнических и культурных противоречий, природная среда разрушалась из-за непомерно большого населения, достигшего уже полутора миллиардов. Котхаи гордился тем, что его отсталость и изолированность помешает разрушительному

воздействию идиосинкразической смеси индуизма с прогрессизмом, свойственной идеологии правительства Дилджит Раны. Но строители о многом рассказывали в дхаба, читали вслух целые полосы из вечерних газет о Национальной армии, о военизированной милиции, о рейдах по захвату деревень, подобных Котхаи.

Джай Бхарат! Молодые мужчины ушли первыми. Парвати видела, как ее отец провожал их на сельский автобус. Эс Дж.

Садурбхай так и не простил жене того, что она рожала ему одних девочек. Он исходил завистью к семьям среднего класса, которые могут позволить себе выбирать пол ребенка. Они должны создать сильную страну, а не слабую, не такую женственную, какой была старая Индия, которая сейчас саму себя раздирает в междоусобных бойнях... В доме Садурбхая почти с облегчением встретили его слова о том, что он вместе с Гурпалом, учеником из гаража, уходит на войну. На справедливую войну. На мужскую войну. Они уехали, и из всех жителей Котхаи погибли только эти двое — стали жертвами нападения вертолета, управляемого сарисином, не способным отличить своих от врагов, на тот же самый грузовик, в котором уехали из деревни. Мужская смерть на

мужской войне...

Три недели спустя появилась новая страна, и войну заменили «мыльные оперы». Через месяц после провозглашения нового Бхарата в деревню приехали еще больше мужчин из города, они привезли еще больше фиброволоконных кабелей, по которым стали приходить новости, полупристойные сплетни и «мыльные оперы». Учительница Джейтли на чем свет стоит ругала «Город и деревню», называя ее пропагандой, предназначенной для того, чтобы запудрить людям мозги, пропагандой, активно поддерживаемой правительством, так как подобное отвлекает людей от реальных политических проблем. Но от недели к неделе количество ее учениц уменьшалось, женщины уходили, и наконец ей пришлось вернуться в город, потерпев поражение от Прекашей и Ранджанов и их любовных историй. Теперь вся деревня собиралась вокруг большого экрана, подаренного государством.

Парвати выросла под сенью «Города и деревни». Сериал научил ее всему, что должна знать и уметь идеальная жена. Через шесть месяцев Парвати оказалась в Варанаси. Здесь были нанесены завершающие штрихи к ее образу невесты, и теперь она без смущения могла появиться на

любой изысканной вечеринке. Полгода спустя на свадьбе какого-то очень далекого родственника троюродная сестра Парвати по имени Дипти шепнула ей кое-что на ухо. Она взглянула в том направлении, куда ей указывал шепот, и посреди освещенного фонарями сада под ярко расцвеченным навесом заметила худощавого интеллигентного мужчину, который не отрываясь смотрел на нее, но при этом сам пытался остаться незамеченным. Парвати вдруг вспомнила, что дерево, под которым он стоит, увешано крошечными плетеными клетками со свечками внутри. И ей показалось, что он окружен звездами.

Прошло еще шесть месяцев, и подготовка к бракосочетанию была закончена, небольшое приданое снято со счета матери, заказано такси, которое должно перевезти немногочисленные вещи Парвати в квартиру в новом пентхаусе в самом центре большого Варанаси. Все было бы идеально, если бы только ее вещи не смотрелись так сиротливо в отделанных кедровыми панелями стенных шкафах, а все сколько-нибудь значительные люди не переезжали из пентхаусов в грязном перенаселенном шумном Каши в зеленый приятный пригород... да и худощавый интеллигентного вида мужчина оказался всего

лишь полицейским. Но сколь бы велико ни было разочарование Парвати, стоило ей взмахнуть рукой, и любимые Прекаши и Ранджаны снова были рядом, в Варанаси — точно такие же, как и в Котхаи. И они не знали ни снобизма, ни кастовых различий, а их жизнь, любовь и скандалы были ей всегда интересны.

В четверг Кришан допоздна работает на крыше. Осталось много дел, которые нужно поскорее закончить. Надо подвести электричество к устройству капельного орошения, доделать тропинку, посыпанную круглой галькой, бамбуковую ширму вокруг туалета... Он пытается убедить себя, что не сможет продолжать работу, пока не справится с этими досадными мелочами. На самом деле ему просто хочется еще раз увидеть господина Нандху, Сыщика Кришны. Из газет и радио Кришан знает, чем они занимаются, но никак не может понять, почему то, что с такой настойчивостью выслеживают и ловят Сыщики, представляет, как говорят, страшную опасность. Поэтому Кришан работает до тех пор, пока солнце не вздувается кровавым шаром на западе, за небоскребами финансового центра города. Он закручивает болты, чистит инструменты. И вот внизу раздается звук открывающейся входной

двери, и слышится голос Парвати, а в ответ — рокот глубокого и глухого мужского баритона. Он спускается по ступенькам, и с каждым его шагом разговор приобретает все большую определенность. Женщина просит, умоляет мужа взять ее с собой куда-нибудь. Она хочет выходить в город, хоть на какое-то время уйти из этой надоевшей квартиры в громадном пентхаусе. У господина Нандхи голос усталый, лишенный всяких интонаций, и Кришан понимает, что он ответит «нет» на любую просьбу жены.

Кришан ставит на пол сумку и ждет у дверей. Он пытается уверить себя, что не подслушивает. Двери здесь тонкие, и говорят супруги Нандха достаточно громко. Голос полицейского становится все более раздраженным. Интонации делаются все более жесткими, как у отца, которому надоел капризный ребенок. И вот Кришан слышит в его голосе отзвук злобы и гнева, а за ним резкий скрежет отодвигаемого стула. Он хватает сумку и выходит из квартиры. Дверь распахивается, и господин Нандха спускается из гостиной к выходу из коридора. Лицо у него мрачное и неподвижное, словно высеченное из камня. Он проходит мимо Кришана, не обратив на него никакого внимания, так, словно тот не более чем ящерица на стене.

Из кухни выходит Парвати. Они с господином Нандхой смотрят друг другу в лицо. Кришан стоит поодаль, невидимый ими, но словно зажатый между их голосами.

— Ну, иди, иди! — кричит она. — Если это действительно так важно.

— Да, — отвечает господин Нандха, — это действительно так важно. Однако я не собираюсь обременять тебя проблемами национальной безопасности.

Он открывает дверь на лестничную площадку.

— Я останусь одна, я всегда одна!..

Парвати опирается о хромированные перила, но дверь закрывается, и господин Нандха уходит, не оглянувшись. Только теперь она замечает Кришана.

— Вы тоже уходите?

— Мне уже пора.

— Не оставляйте меня одну. Я всегда одна, а я не люблю быть одной...

— Мне и в самом деле нужно идти.

— Но я же останусь одна, — вновь повторяет Парвати.

— У вас есть ваш «Город и деревня», — пытается возразить Кришан.

— Это идиотское «мыло»! — вдруг начинает кри-

чать на него Парвати. — Глупая телепрограмма. Неужели вы думаете, что я и в самом деле верю тому, что там показывают? Может быть, вы тоже принимаете меня за деревенщину, которая не способна отличить телефильм от реальности?!

Ей удается немного взять себя в руки. Сказывается усвоенная с ранних лет женская дисциплина Котхаи.

— Извините. Мне не следовало говорить подобные глупости. А вам не следовало слушать наш разговор...

— Нет, простите меня, — говорит Кришан. — Он не имеет права разговаривать с вами в подобном тоне. Так, как будто вы избалованное дитя.

— Но он мой муж.

— Извините. Я сказал, не подумав. Мне в самом деле надо уходить. Так будет лучше.

— Да, — шепотом произносит Парвати. Сзади на нее падают лучи заходящего солнца, которые окрашивают кожу женщины в золотистый цвет. — Так, наверное, действительно будет лучше.

Наступает пауза, солнечный свет приобретает янтарный оттенок. Кришану становится дурно от напряжения. Будущее балансирует на кончике иглы. Их падение способно уничтожить его, ее, всех здесь, в этой квартире на верхнем этаже пре-

стижного дома. Кришан берет сумку. Внезапная мысль вдруг останавливает его.

— Завтра, — говорит он, чувствуя, как дрожит голос. — Завтра крикетный матч на стадионе имени доктора Сампурнананда. Англия, Бхарат, третий выставочный матч. И как мне кажется, последний. Англичане скоро отзовут свою команду. Вы... сможете... пойти?

— С вами?

Сердце Кришана бешено бьется. Затем он понимает, что предложил невозможное.

— Нет, конечно. Нет, вы не можете появиться...

— Но мне очень хочется увидеть матч, и особенно — с Англией. Я знаю, как это устроить! Дамы из пригорода идут на игру. Мы, разумеется, окажемся в разных концах стадиона, как вы понимаете. Но мы все равно будем смотреть его вместе. Виртуальное свидание, как говорят американцы. Да, я завтра обязательно пойду на крикет и покажу этим верхоглядкам, что в крикете я не какая-нибудь сельская простушка и разбираюсь получше их!..

Солнце зашло, золотистый оттенок исчез с кожи Парвати, янтарь рассыпался множеством мелких блесток и пропал, но сердце Кришана освещено гораздо более ярким светом.

— Значит, так мы и поступим, — говорит Кришан. — Завтра. На матче.

Он берет сумку, поворачивается и отправляется на лифте вниз, вливаясь в вечный и бесконечный поток транспорта.

Стадион доктора Сампурнананда представляет собой белую бетонную чашу, бурлящую под небом бежевого цвета. Огромное блюдо, кипящее разгоряченным ожиданием, сконцентрированным вокруг диска свежей, хорошо политой зеленой травы с искусственно поддерживаемым микроклиматом. Варанаси никогда не принадлежал к числу крупнейших индийских центров крикета, таких, как Колката, Ченнаи, Хайдарабад или даже сосед и соперник Варанаси — Патна.

Стадион Сампурнананда многими воспринимался как ухабистая лужайка с выгоревшей травой, на которую не решится выйти ни один настоящий игрок с мировым именем. Затем настало время Бхарата, и та же преображающая длань Ранов, которая превратила Сарнат в цитадель суперсовременной архитектуры и высоких технологий, сделала из незначительного университетского стадиончика спортивную арену на сто тысяч зрителей. Классический «белый слон»* [собственность, требующая от владельца

значительных затрат на содержание] нынешнего правительства, он никогда не заполнялся больше, чем на половину, даже на третьем отборочном матче в 2038 году, когда бхаратцам удалось разгромить слабеющую австралийскую команду. Собственно, это была их первая и единственная победа.

Сегодня здешнее поле с тщательно поддерживаемым микроклиматом представляет собой капсулу с относительно прохладным воздухом — по крайней мере по сравнению с температурой в 43° вокруг стадиона. Однако европейцы, находящиеся на игровой площадке, все равно не могут обойтись без пластиковых бурдюков с водой. До ленча еще целых два часа, а над стадионом управляемые сарисинами самолеты авадхов и бхаратцев охотятся друг за другом. В данный момент битва в стратосфере гораздо более интересна дамам, сидящим под балдахином в ложе №17, нежели крикетное сражение внизу на лужайке. Ложей владеет супруг госпожи Шарма, богатый строительный подрядчик, купивший ее с целью уклониться от уплаты налогов и одновременно для того, чтобы водить туда друзей, гостей и клиентов. Во время крикетного сезона ложа стала уже признанным местом сбора

дам из общества. Они так красиво вписываются в общий облик стадиона, подобно маленькой балконной оранжерее на фасаде жилого здания. Сквозь элегантные солнцезащитные очки с западными лейблами женщины всматриваются в переплетающиеся завитки инверсионных следов самолетов. Все изменилось с тех пор, как отважные джаваны Бхарата совершили смелый ночной марш-бросок из Аллахабада с целью захвата дамбы Кунда Кхадар.

Госпожа Тхаккур высказывает мнение, что самолеты пытаются предупредить нападение авадхов.

— На Варанаси?

Госпожа Шарма потрясена.

Но госпожа Чопра, со своей стороны, полагает, что для авадхов, мстительной, коварной нации, подобное вполне типично. Джаваны так легко смогли захватить Кунда Кхадар только потому, что силы авадхов уже двигались на столицу.

Госпожа Суд высказывает мнение, что враги способны распространять на территории Бхарата заразные болезни:

— Они могут распылить что-нибудь над нашими посевами.

Ее муж — менеджер среднего звена в крупной

биотехнологической фирме, занимающейся производством удобрений. Дамы высказывают надежду, что министерство здравоохранения заблаговременно предупредит население об опасности, чтобы успеть переселиться в летние дачи в горах до того, как начнется паника.

— Как мне кажется, первыми должны быть проинформированы представители наиболее важных слоев общества, — вступает в беседу госпожа Лаксман.

Ее муж — крупный государственный чиновник. Но до госпожи Чопра дошли другие слухи: нелепая авантюра бенгальцев с айсбергом сработала, ветры изменили направление, и скоро к ним вновь придет муссон. Сегодня утром, сидя на веранде за чашкой чая, она совершенно определенно увидела темную полосу на горизонте на юго-востоке.

— Что ж, в таком случае никому уже не придется ни на кого нападать, — молвит госпожа Лаксман.

Однако Бегум Хан, супруга личного секретаря Саджиды Раны, до которой тоже дошли кое-какие слухи, отвечает презрительным смешком.

— Напротив, от этого война станет еще более вероятной. Если муссон начнется даже завтра,

пройдет целая неделя, прежде чем поднимется уровень Ганга. И неужели вы думаете, что авадхи позволят нам ждать? Они мучаются от жажды не меньше нашего. Нет, говорю я вам, молитесь, чтобы не было дождя, ибо, как только упадет первая капля, Дели захочет получить свою дамбу обратно. Ну и конечно, многое зависит от того, не является ли пресловутый айсберг бенгальцев обычной, хотя и чрезвычайно грандиозной демонстрацией их псевдонаучных разработок. Откровенно говоря, большинство специалистов склоняются именно к такому выводу.

Бегум Хан пользуется репутацией жесткой, самоуверенной дамы, слишком образованной и вызывающе невоспитан ной. Мусульманский характер... Но о подобном вслух говорить в обществе не принято. Правда, как ни странно, мужчины прислушиваются к ней, с уважением относятся к статьям этой женщины, выступлениям по радио и телевидению. А вот о ее тихом и суетливом муженьке ходят странные сплетни.

Тем временем стадион разражается аплодисментами: бхаратцам удалось нанести удар по линии поля. Крикет, спорт негромких отдаленных звуков. Приглушенные хлопки, удар битой по мячу, тихие голоса. Рефери опускает палец

вниз, на табло мелькают цифры, а дамы вновь обращают взоры к небу. Схватка закончилась, сильный юго-восточный ветер, несущий муссон, рассеивает инверсионный след, разрывая его в клочья. Застенчивая госпожа Суд интересуется, кто же победил в стычке.

— Конечно же, наши, — отвечает госпожа Чопра, хотя Парвати видит, что Бегум Хан вовсе не уверена в своих словах.

Парвати Нандха скрывается под зонтиком, немного выглядывающим из-под балдахина. Зонтик служит защитой от солнца не только самой женщине, но и ее палму, на котором постоянно вспыхивают цифры, характеризующие ход матча. Ей передает их Кришан, находящийся там, внизу, у разделительной линии.

Английский боулер готовится к удару. На палме появляется его имя:

ТРЕВЕЛЬЯН.

СОМЕРСЕТ. 16-й КУБОК ДЛЯ АНГЛИИ. ШЕСТЬ РАЗ ПОРАЗИЛ ВОРОТА ШРИЛАНКИЙЦЕВ ВО ВТОРОМ ОТБОРОЧНОМ МАТЧЕ В КОЛОМБО В 2046-м.

Игрок выходит вперед, держа перед собой биту, словно узкий щит. Его противник на дальних воротцах напрягается. Но нет... Мяч летит, полевой игрок подхватывает его, оглядывается, видит, что

воротца хорошо охраняются, и, высоко подбросив мяч, отправляет назад боулеру.

— Их короткая «нога»* [«Нога бэтсмена» — термин в крикете] оказалась поверх этой, — замечает Парвати.

Дамы, слегка озадаченные, прерывают на мгновение важную беседу о будущем государства. И вновь она чувствует, что сказала что-то не то.

Мяч, подскакивая, летит к границе поля. Парвати так старалась, выучила всю терминологию и правила, и тем не менее смысл многого, о чем здесь говорят, ускользает от нее. Война, стратегия правительства, международная политика... Однако Парвати продолжает упорствовать:

— Следующим будет Хусейни, уж будьте уверены: он ловко примет мяч от Тревельяна, как на тарелочке.

На ее слова обращают даже меньше внимания, чем на рассеивающийся инверсионной след в желтом воздухе над стадионом Сампурнананда. Парвати увеличивает изображение на палме, просматривает высветившиеся лица. Затем впечатывает:

ГДЕ ВЫ?

На палме появляется ответ:

СПРАВА ОТ ЭКРАНОВ. ТАКИЕ БОЛЬШИЕ БЕЛЫЕ

ШТУКИ.

Она пробегает взглядом по смуглым вспотевшим лицам. Вот он. Машет рукой, не слишком демонстративно — так, чтобы не отвлечь игроков. Ведь это же крикет.

Парвати очень хорошо видит Кришана. Он ее — нет. Правильные черты лица, бледная кожа, слегка потемневшая от постоянной работы на солнце на крыше пентхауса «Дилджит Рана». Гладко выбрит. И только теперь, когда Парвати сравнивает облик Кришана с обилием усов самого разного калибра и конфигурации вокруг него, она начинает понимать, что именно она всегда ценила в мужчине. Нандха тоже всегда тщательно бреется... Волосы покрыты легким слоем фиксатора, но, выбившись из химического плена, непослушными прядями рассыпались у него по лбу. Зубы, которые он обнажает, когда кричит от чисто мужского восторга, вызванного очередным удачным ударом, ровные и здоровые. Рубашка на Кришане чистая, белая, свежая, брюки — отмечает она с удовлетворением, когда он вскакивает, чтобы поаплодировать двум удачным перебежкам, — простые и хорошо отутюженные. Парвати не чувствует никакого смущения из-за того, что незаметно для него самого наблюдает за Кри-

шаном. Первая истина, которую она усвоила от женщин Котхаи, состояла в том, что мужская сущность и красота проявляются только в те мгновения, когда мужчины меньше всего думают о своей внешности.

Хлопок биты. Весь стадион единой волной вскакивает на ноги. Удар за линию поля. Щелчок на табло. Бегум Хан говорит, что благодаря Ранам Эн Кей Дживанджи теперь выглядит полным идиотом, так как из-за внезапного нападения авадхов он со своей дурацкой колесницей бежал в Аллахабад, подобно Равану, спасающемуся бегством в Ланку.

Я СЛЕЖУ ЗА ВАМИ, — шепчет палм.

На экране появляется улыбающееся лицо Кришана. Парвати слегка наклоняет зонтик, скромно приветствуя молодого человека. У нее за спиной дамы ведут оживленную беседу о партии Давар и о том, почему Шахин Бадур Хан ушел с вечеринки. Бегум Хан напоминает присутствующим, насколько занят ее супруг, особенно сейчас, когда страна находится в столь серьезном положении. Но Парвати чувствует какой-то скрытый намек в интонации женщин и вновь обращает все внимание на поле. После того, как Кришан раскрыл ей тайны крикета, она начала находить в этой

игре своеобразное изящество и стройность. Матч почти так же увлекателен, как и ее любимый сериал.

МАЗУМДАР ПЕРЕХВАТИТ У ЖАРДЕНА, — сообщает ей Кришан.

Жарден лениво движется от линии ворот, осматривает мяч, трогает его пальцем, как будто гладит. Становится на линию. Полевые игроки напрягаются, каждый на своем особом месте, у которых такие странные названия... Мазумдар с двумя полосками крема под глазами от слишком яркого солнца, похожими на полосы на шкуре тигра, готовится к тому, чтобы встретить удар. Жарден бьет. Мяч подскакивает, ударяется о траву, еще раз высоко подскакивает... и ведь хорошо подскакивает. Все присутствующие на стадионе Сампурнананда видят, насколько высоко и насколько хорошо. Они видят, как Мазумдар оценивает удар, взвешивает его, немного изменяет положение, заносит биту, подводит ее под мяч, и вот мяч уже летит прямо в желтое небо. Потрясающий удар, смелый удар, великолепный удар! Толпа ревет от восторга. Шесть! Шесть! Должно быть только так... Все боги как один требуют этого. Полевые игроки бегут, устремив взгляды вверх. Никому ни за что не удастся его поймать.

Мяч летит все выше, и выше, и выше...

Внимательно следите за мячом, говорил Кришан Парвати, когда они играли в свой крикет с помощью лопаты и абрикосов в саду на крыше. Парвати Нандха не сводит глаз с мяча. Он достигает точки, где сила тяжести одолевает ускорение, и начинает падать — на толпу, красный бинди, красный глазок, маленькое красное солнце. Нападение с воздуха. Реактивный снаряд от Кришана, ищущий ее сердце. Мяч летит вниз, и зрители вскакивают, но не перед Парвати. Она встает, и мяч падает ей прямо в протянутую правую руку. Женщина вскрикивает от неожиданности и боли, а затем провозглашает:

— Джай, Бхарат!

Голова у нее кружится от восторга. Вопли со всех сторон. Ее оглушают крики. «Джай, Бхарат!» Шум еще больше усиливается. Затем она делает то, чему ее учил Кришан: подбирает сари и перебрасывает мяч через границу поля. Английский полевой игрок ловит его с благодарным поклоном в сторону Парвати и перебрасывает боулеру. Но это шесть, шесть, славное шесть Мазумдару и Бхарату... Я не отрывала глаз от мяча. Я не напрягала руку и поймала его...

Она поворачивается к дамам, чтобы продемон-

стрировать им гордость своим достижением, но встречает лишь взгляды, исполненные глубочайшего презрения.

Парвати останавливается, только когда выходит за пределы стадиона, однако даже там ей слышны перешептывания, и она чувствует, как пылает краска стыда у нее на лице. Дура, дура, самая настоящая деревенская дура, вела себя как чернь там, внизу, вскакивала, демонстрировала себя, подобно совершенно невоспитанному человеку, лишенному элементарных представлений о приличии... Она их опозорила.

Представьте, дама из пригорода бросает мяч, как мужлан! Да еще орет: «Джай, Бхарат!»

Ее палм сотрясается от сообщений, следующих одно за другим. Но она не желает их видеть. Парвати даже не хочет оглядываться, боясь, что Кришан может попытаться догнать ее. Она идет прямо к дороге. Такси. В день матча должно быть много такси. Женщина останавливается на потрескавшемся асфальте у обочины, поднимает зонтик, а фатфаты и такси проносятся мимо. Куда вы так несетесь? Неужели вы не видите, что даме нужно ехать?..

Деревенской девчонке, надеявшейся когда-нибудь стать настоящей дамой... которая так ею и не

стала и которой никогда не суждено ею стать...

К обочине сквозь поток машин сворачивает мопед-фатфат. Водитель — парень с крупными зубами и редким пушком вместо усов.

— Парвати!.. — слышится голос у нее за спиной.

Это хуже, чем смерть. Она забирается на заднее сиденье мопеда, и водитель сразу набирает скорость, проносясь мимо потрясенного мужчины в отутюженных черных брюках и в идеально чистой белой рубашке. Возвращаясь в пустую квартиру, дрожа от стыда и желания как можно скорее умереть, Парвати обнаруживает, что дверь не заперта, а на кухне сидит ее мать в окружении сумок и чемоданов.

22
Шахин Бадур Хан

Дамба представляет собой длинный и узкий изгиб вздыбленной земли, закрывающий собой весь горизонт. С одного конца дамбы не виден другой, она втиснута в пологие очертания долины Ганга. Самолет военно-воздушных сил Бхарата появляется над Кунда Кхадар с востока. Он проносится довольно низко над приветствующими его джаванами, поворачивает над озером. Боевые вертолеты, управляемые сарисинами, сгрудились, как кажется Шахину Бадур Хану, в неприятной близости от него. Они летают, словно птицы, отваживаясь на такие смелые маневры в воздухе, на которые никогда не осмелится ни один пилот-человек. Самолет делает вираж, управляемый сарисином вертолет резко подается вперед и устремляется вниз, чтобы прикрыть важный объект. Шахин Бадур Хан бросает взгляд на широкую и неглубокую «чашу», заполненную грязной, заросшей водорослями водой и окруженную бесконечной долиной, засыпанной песком, гравием и какой-то химической солью

ядовито-белого цвета. Вонючая трясина с водой, которую не станет пить даже корова. Сидящая через проход Саджида Рана качает головой и говорит: «Превосходно!»

Если бы только они послушали меня, если бы не стали с такой поспешностью перебрасывать солдат, у которых в головах одно только «Джай, Бхарат!», думает Шахин Бадур Хан. Люди хотят войны, сказала Саджида Рана на заседании кабинета министров. Ну вот, теперь люди ее получили.

Самолет премьер-министра опускается на спешно подготовленную площадку рядом с пограничной деревушкой, расположенной на бхаратской стороне километрах в десяти от дамбы. Вертолеты, управляемые сарисинами, толкутся над ней, словно стервятники над Башней Молчания. Оккупационные силы разместили здесь мобильный штаб. Механизированные части расположены дальше к востоку, роботы минируют подходы к позициям. Шахин Бадур Хан в своем городском костюме жмурится от слишком яркого солнечного света, от которого его не спасают даже западные солнцезащитные очки, бросает взгляд на жителей деревни, стоящих на самом краю реквизированных и разоренных полей. Са-

джида Рана решительно направляется в сторону строя офицеров. Ей явно хочется быть первой на тех фотографиях, которые солдаты расклеивают на стенах бараков. Мама Бхарата рядом с Ниной Чандра...

Офицеры приветствуют премьер-министра и ведут ее сквозь пыль и песок к «хаммерам». Министр Чаудхури семенит рядом с Саджидой Рана, пытаясь быстро и кратко информировать ее о положении дел. Маленькая тявкающая собачонка, думает Шахин Бадур Хан. Он оглядывается на самолет, который как-то брезгливо возвышается на шасси, словно боится чем-то заразиться от этой земли. Пилот — маленький электронный «клещ», вмонтированный в систему управления лайнером. Под носом, снабженным сенсорными устройствами, длинное дуло автоматической пушки. Оно похоже на хоботок тех хищных насекомых, которые прокалывают друг друга подобным приспособлением, а затем высасывают все жизненные соки. Утонченный убийца.

Шахин Бадур Хан вспоминает «банановый клуб», который ему довелось посетить, улыбку слепой женщины, узнающей гостей по запаху феромонов; темные альковы, где смешиваются голоса и смех, а тела с жадностью касаются друг

друга. Странное, загадочное и прекрасное создание выплывает откуда-то из темноты, и слышатся гипнотические звуки дхола.

«Хаммер» пахнет освежителем воздуха «Волшебная сосна». Шахин Бадур Хан щурится от слепящего блеска асфальтового покрытия. Они находятся на дороге, которая идет по верху дамбы. Здесь воздух затхлый из-за мертвой иссохшей почвы и вонючей воды. Даже «Волшебная сосна» предпочтительнее. Тонкая струйка желтой воды едва сочится из желоба. Это и есть Великий Ганг.

Джаваны поспешно формируют почетный эскорт. Шахин Бадур Хан замечает роботизированные ракетные комплексы типа «земля-воздух» и нервные переглядывания между младшими офицерами. Десять часов назад здешняя земля принадлежала Республике Авадха, а на солдатах была зелено-белая форма и оранжевый тройной знак, отдаленно напоминающий символ «инь-ян». Во всем же остальном их хамелеоноподобный камуфляж такой же, как и у наших бойцов. Вокруг — призрачные деревни, кажущиеся обнаженными из-за постоянно понижающегося уровня воды в реке, они представляют собой великолепную мишень для обстрела. Даже для одиночного снайпера.

Саджида Рана следует дальше, ее туфли ручной работы цокают по дорожному покрытию. Войска выстроились за помостом. Кто-то проверяет громкоговоритель, выкрикивая нечто нечленораздельное. Операторы новостного канала, заметив премьер-министра в военной форме, следуют за ней по пятам. Военная полиция с лати в руках прогоняет их с дороги. Шахин Бадур Хан ждет у подножия помоста. Премьер-министр, министр обороны, дивизионный командующий поднимаются наверх. Он уже знает, что скажет Саджида Рана. Он сам вносил заключительные штрихи в текст ее речи сегодня утром, сидя в лимузине, который вез его на военный аэродром. Обычное перешептывание людей, собравшихся под нещадными лучами солнца, постепенно затихает, как только они замечают, что их главнокомандующий взял микрофон. Шахин Бадур Хан с удовлетворением наклоняет голову, видя, какое сильное впечатление она производит на толпу.

— Джай, Бхарат!

Мгновение, не предусмотренное сценарием. Все сжимается внутри у Шахина Бадур Хана. Напряженная тишина длится одно бесконечное мгновение, а затем взрывается единодушным

воплем. Две тысячи голосов громовым раскатом, словно эхо, отвечают: «Джай, Бхарат!» Саджида Рана еще трижды повторяет лозунг, и трижды до горизонта разносится ответный вопль. И только потом она переходит к своей речи. Речь предназначена не для тех солдат, что стоят немного расслабившись по команде «Вольно!» на дороге, идущей по верху дамбы. Она — для множества кинокамер, микрофонов и редакторов интернетных новостных агентств.

Мы стремились к мирному разрешению конфликта... Бхарат никогда не хотел войны... Мы надеялись на дипломатическое урегулирование... Мы все еще верим, что мир может стать результатом переговоров... Мы делаем достойное предложение нашим противникам... Воду нельзя присваивать никому, водой нужно делиться... Никакой народ, никакая страна не имеет на это права... Ганг — наша общая артерия жизни...

Солдаты стоят не двигаясь. Никто даже не шелохнется. Они стоят в немыслимую жару в полном снаряжении, слушают пропагандистскую чушь, в нужном месте сопровождают ее возгласами согласия и поддержки, замолкают, как только Саджида Рана дает им знак взглядом или движением руки. И в завершение речи она

сообщает, возможно, самое главное:

— А теперь я должна сказать вам еще об одной нашей победе. Господа, Бхарат победил со счетом триста восемьдесят семь на семь!

Все взрывается в многоголосой здравице: «Джай, Бхарат! Джай, Бхарат!»

Саджида Рана спокойно принимает аплодисменты и спускается с помоста в самый разгар восторженных возгласов.

— Неплохо, как вам кажется, Хан?

— Насколько мне известно, счет был сто семнадцать, — замечает Шахин Бадур Хан.

Конвой ведет их обратно к штабу. Операцию с самого начала предполагалось провести в виде молниеносного наступления и такого же быстрого отхода. В Генеральном штабе были настроены против этого, но Саджида Рана настояла. Мирные предложения должны быть сделаны с позиции силы, которая не унизит правительство Раны. Аналитики сумели вовремя проанализировать данные со спутников-разведчиков и сведения, полученные с помощью электронных средств шпионажа, что позволило Бхарату по крайней мере на час опередить противника. Военная техника движется по ухабистым проселочным дорогам. Пыль, которую поднимает колонна,

должно быть, видна с околоземной орбиты. А за наземными частями стаями, подобно собравшимся за добычей стервятникам, следуют различные летательные аппараты, управляемые сарисинами. Сопровождая премьер-министра и ее главного советника к ожидающему их самолету, охранники нервно посматривает на небо. Люки задраены, Шахин Бадур Хан пристегивает ремни, и самолет устремляется ввысь.

Шахину кажется, что он оставил свой желудок там, на растерзанных и выжженных полях. Самолет взлетает почти вертикально. У Бадур Хана врожденное отвращение к полетам. Он переживает каждый толчок и каждую воздушную яму, как маленькую смерть. Он судорожно сжимает подлокотники сиденья. Самолет переходит в горизонтальный полет.

— Прозвучало слишком пафосно, вам не кажется? — говорит Саджида Рана, расстегивая ремень безопасности. — В армии всегда помнят, где место женщине. Джай, Бхарат! Тем не менее все прошло хорошо. Думаю, информация о результате крикетного матча тоже была вполне уместна.

— Как скажете, мэм.

— Да, я именно так и говорю. — Саджида Рана ежится в облегающей военной форме. — Чудо-

вищно неудобная одежда. Не представляю, чтобы кто-то мог воевать в чем-то подобном... Итак, ваша оценка?

— Она будет откровенной...

— А разве когда-нибудь бывало иначе?

— Я считаю оккупацию дамбы авантюрой. План заключался в том...

— План, конечно, был хорош, однако в нем не хватало настоящей воли.

— Госпожа премьер-министр, при всем уважении...

— Я понимаю и ценю ваши дипломатические ухищрения. Но черт с ней, с дипломатией! Я не позволю сделать из этого Дживанджи мученика хиндутвы. Мы — Раны, а это что-нибудь да значит! — Она делает паузу, чтобы снять налет театральности, и затем спрашивает: — Мы способны выйти из создавшегося положения с наименьшими потерями?

— Полагаю, что пока да. Но как только сообщения о последних событиях обойдут все новостные каналы, важным фактором в данном вопросе может стать внешнее давление. Англичане наконец получат предлог для возобновления требований о созыве международной конференции.

— Только не в Лондоне! Но американцы...

— Мы с вами думаем об одном и том же, госпожа премьер-министр. Особые отношения...

— Никогда не отличались той взаимной теплотой, о которой так любят распространяться англичане. Но я вам должна сказать, Хан, что по крайней мере одно во всей создавшейся неразберихе доставляет мне истинное удовольствие.

Мы разделались с этим дерьмом, с Дживанджи. Он думал, что ему удалось перехитрить нас, распространив повсюду изображения своей Святой Тележки, а теперь бежит домой с поджатым хвостом, словно побитый пес.

— Однако, госпожа премьер-министр, он еще окончательно не разгромлен. Я думаю, мы еще услышим о господине Дживанджи — в том случае, если начнется мирная конференция.

— *Когда* она начнется, Хан...

Шахин Бадур Хан наклоняет голову. Знак полнейшего смирения перед мнением премьер-министра. Но он-то прекрасно знает, что в подобных вещах не существует никаких четких правил, которыми можно было бы руководствоваться. До сих пор ему, его правительству и его народу везло.

Саджида Рана замечает неаккуратно сделанный шов на своих военных брюках и начинает

нервно ерзать в кресле.

— Есть еще что-нибудь, что может меня касаться?

Шахин Бадур Хан включает палм, просматривает новостные каналы. Фантомные страницы появляются у него прямо перед глазами. Новости «взрываются» вокруг маленькими цветными бомбами.

— Си-эн-эн, Би-би-си и «Ньюс Интернэшнл» включают наши события в число первоочередных новостей.

— Что же задает тон в царстве Главного Дьявола?

Шахин Бадур Хан быстро «пролистывает» передовицы основных электронных СМИ от Бостона до Сан-Диего.

— От мягкого скептицизма до резкого отторжения. Консерваторы требуют, чтобы вначале мы вывели войска, а за тем переходили к переговорам.

Саджида Рана слегка оттягивает нижнюю губу — жест, известный только ее ближайшим доверенным лицам.

— Ну, по крайней мере пока они не посылают сюда морских пехотинцев. Собственно, с какой стати, ведь речь у нас идет не о нефти, а всего

лишь о воде. Как бы то ни было, воюем мы не с Вашингтоном. Какие новости из Дели?

— На онлайновых каналах ничего.

Премьер-министр еще больше оттягивает нижнюю губу.

— Не нравится мне это. Плохой знак.

— Данные с наших спутников показывают, что силы авадхов все еще находятся на занятых ранее позициях.

Саджида Рана отпускает губу и выпрямляется на сиденье.

— Черт с ними! У нас великий день! Мы должны радоваться и торжествовать! Шахин, — называет его по имени, — между нами... Чаудхури. Что вы о нем думаете?

— Министр Чаудхури — очень способный депутат парламента от своего округа...

— Министр Чаудхури — хиджра. Шахин, у меня есть одна идея, которую я давно обдумываю. В будущем году в Дидаргандж проводятся внеочередные выборы. Ахуджа пытается делать вид, что победителем будет он, но всем известно, что беднягу давно пожирает опухоль. А место-то хорошее, надежное. Черт, они бы избрали даже самого Джеймса Маколея, стоило бы ему воскурить немного фимиама Ганеше.

— Должен вам напомнить, госпожа премьер-министр, что президент Маколей не мусульманин.

— Да бросьте, Хан. Вы-то сами даже отдаленно не сойдете за Бен Ладена. А кто вы, кстати? Суфий или что-то в этом роде?

— Да, я происхожу из суфийской семьи.

— Вот, собственно, о чем я и хотела сказать... Послушайте, вы хорошо себя проявили в нашем нынешнем деле, и мне нужно, чтобы способности такого человека не пропадали втуне. Вам, конечно, придется пройти определенный период ученичества на задних скамьях парламента, но моя задача — вручить вам министерский портфель.

— Госпожа премьер-министр, я не знаю, что вам на это ответить...

— Можете начать со «спасибо», господин расчетливый суфий. Но все, что вы слышали, строго между нами.

— Будьте спокойны, госпожа премьер-министр.

Поклоны, смирение, полное соглашательство. Простой государственный служащий. Но сердце Шахин Бадур Хана готово выскочить из груди. В Гарварде — вскоре после того, как закончи-

лись первые экзамены и спало первоначальное, свойственное всем новичкам напряжение, а лето зацвело вокруг всей своей роскошной красой, — он позабыл о добродетелях студента факультета бизнеса и о дисциплине суфия. Под долгие разглагольствования владельца магазинчика, где продавались спиртные напитки, Шахин купил бутылку импортного солодового виски и среди пыльных полос солнечного света, проникавшего в окна его студенческой комнаты, выпил за успех. Между тем мгновением, когда с характерным щелчком из бутылки вылетела пробка, и мучительными минутами, проведенными в лиловых сумерках над унитазом, он пережил период, в течение которого совершенно определенно ощущал себя погруженным в океан счастья, восторга, света, полной уверенности в собственной значимости, а весь мир казался беспредельным и совершенным. Шахин подошел к окну с бутылкой в руках и рычал от блаженства. На следующее утро его мистическая эпифания обернулась тяжелым похмельем и чувством глубочайшей духовной вины. И вот теперь, сидя в военном самолете рядом с премьер-министром, Хан вновь ощутил нечто подобное. Член кабинета министров! Он!.. Шахин пытается взглянуть на

себя со стороны, представить совсем другое место — за столом в великолепном, залитом солнечным светом зале заседаний кабинета министров. Он видит себя стоящим под куполом Сабхи. Почетный член Дидарганджа. И это будет справедливо. Он будет вознагражден по заслугам — и вовсе не за усердную и безупречную службу, а за свои способности, за свой талант. Он заслужил награду. Заслужил — и получит ее.

— Сколько времени мы уже работаем вместе? — спрашивает его Саджида Рана.

— Семь лет, — отвечает Шахин Бадур Хан.

И еще три месяца и двадцать два дня, добавляет он про себя. Саджида Рана кивает и снова начинает теребить себя за губу.

— Шахин.

— Да, госпожа премьер-министр?

— У вас все в порядке?

— Боюсь, не совсем понимаю, что вы имеете в виду, госпожа премьер-министр.

— Просто мне показалось, что последнее время вы выглядите несколько... ну... скажем так, рассеянным. И до меня доходили определенные слухи.

Шахин Бадур Хан чувствует, что у него останавливается сердце, замирает дыхание, мозг

отказывается работать. Он мертв. Мертв. Нет. Не может быть. Она не стала бы предлагать ему все то, что только что предложила, чтобы отобрать снова из-за какой-то совершенной им незначительной глупости, мгновения легкого помешательства. Нет, не из-за глупости и не из-за легкого помешательства, Шахин Бадур Хан. В том, что вы так именуете, — вся суть вашего истинного «Я». И настоящее безумие заключается в наивной надежде скрыть и отринуть его.

Хан облизывает губы. В словах, которые он сейчас произнесет, не должно быть никакой неуверенности в собственной правоте, никакой двусмысленности.

— Вокруг любого правительства всегда кишат слухи, госпожа премьер-министр.

— Я просто слышала, что вы очень рано ушли с какой-то вечеринки в пригороде.

— Я тогда очень устал, госпожа премьер-министр. В тот день...

Нет, он явно затевает ненужный разговор.

— Да-да, я помню, в тот день состоялся брифинг. Я слышала — но, конечно, сразу же отвергла это как возмутительную клевету, — что у вас возникло некое... э-э... напряжение в отношениях с Бегум Билкис. Я знаю, что веду себя вызывающе

бестактно, Шахин, но ответьте мне, пожалуйста, на вопрос. У вас в семье все в порядке?

Что-то внутри Шахина кричит: скажи, скажи ей все как есть. Лучше пусть она узнает от тебя самого, чем от какого-нибудь светского информатора или от — избави Бог! — Дживанджи. Расскажи ей, куда ты ходил, кого встречал, что делал с... «эно»... Расскажи ей. Откройся перед ней, перед матерью страны и народа, пусть она как-нибудь уладит твои проблемы, как-нибудь замнет и скроет от любопытных глаз — ради того, что ты сделал для нее за все прошедшие годы, для Саджиды Раны.

Но он не может. Враги Хана внутри самой партии и вне ее ненавидят Шахина уже только за то, что он мусульманин. А если теперь он предстанет перед ними как извращенец, как неверный муж, как возлюбленный тех, кого они даже за людей-то не считают, его карьера будет закончена. Более того, подобного скандала не переживет и правительство Раны. Шахин Бадур Хан прежде всего государственный служащий. Его долг перед правительством превыше всего.

— Могу я быть откровенен с вами, госпожа премьер-министр?

Саджида Рана наклоняется над узким проходом.

— Вы задаете мне этот вопрос уже второй раз за наш сегодняшний разговор.

— Моя жена... Билкис... ну, в общем, в последнее время у нас период некоторого охлаждения в отношениях. После того, как наши мальчики поступили в университет, у нас практически не осталось других тем для бесед, кроме их успехов. Теперь у нее и у меня разная жизнь. У Билкис своя колонка в газете, женский форум. Но вы можете быть совершенно спокойны: наши отношения никак не повлияют на исполнение профессиональных обязанностей. Мы не допустим, чтобы вы из-за нас чувствовали себя неловко.

— Ну что вы, никакой неловкости, — бормочет Саджида Рана, и тут пилот объявляет, что через десять минут они приземляются на военном аэродроме в Набха Спарасхаме, и Шахин Бадур Хан получает возможность бросить взгляд в иллюминатор на громадное коричневое пятно чудовищных трущоб вокруг Варанаси.

Он даже позволяет себе некое подобие ухмылки. Все в порядке. Ей ничего не известно. Он все превосходно провернул. Но теперь у него появились новые проблемы, которые необходимо как можно скорее решить. А вон там, вдоль южного края горизонта... Что там? Неужели темная линия

облаков?..

Только когда умер его отец, Шахин Бадур Хан понял, до какой степени ненавидит дом у реки. И дело вовсе не в том, что хавели некрасив или производит гнетущее впечатление, совсем напротив. Но его просторные галереи, веранды и широкие белые залы с высокими потолками насквозь пропитаны историей бесчисленных поколений, ощущением долга перед семьей. Шахин Бадур Хан не мог подняться по ступенькам лестницы, пройти под большим бронзовым фонарем на веранде или войти в переднюю с двумя симметричными винтовыми лестницами — одной для мужчин и другой для женщин — без того, чтобы не вспомнить о том, как он еще мальчиком прятался за колонной, когда его деда Саида Райза Хана несли на кладбище, расположенное у старого охотничьего домика у болот. Вспоминал он и о том, как сам шел вслед за собственным отцом, совершавшим такое же поспешное последнее путешествие сквозь двери из тика. И сам Шахин когда-нибудь тоже уйдет туда же. Хана понесут его собственные сыновья и внуки. Через хавели прошло столько человеческих жизней. Нет ни одного уголка, в котором можно было бы укрыться от воспоминаний о родственниках,

друзьях и слугах. Любое слово, поступок, намерение зримы и прозрачны. Хан всегда тосковал по своему надежно изолированному убежищу, и подобная мысль была связана у него с Гарвардом. Идея уединения, своеобразной «резервации» в Новой Англии — «резервации» в значении места, отдельного от всех и от всего.

Он проходит через антресоли в женскую половину дома. И, как всегда, некоторое время медлит у дверей в зенану. В хавели Ханов пурда была упразднена еще при деде Шахина, но, находясь в женских помещениях, он всегда испытывал некий невольный стыд. Вещи, окружавшие его здесь, сами стены, полные особых ассоциаций, стиль жизни обитательниц были ему чужды. Дом разделен, как мозг, на два полушария.

— Билкис.

Его жена устроила кабинет на широком затененном балконе с видом на живописные холмы и спокойную реку. Здесь она пишет статьи, выступления для радио и очерки. Внизу, в садике, полном птиц, она принимает своих интеллектуальных, но не имеющих гражданских прав подруг, там они пьют кофе, строят какие-то планы, которые могут строить женщины в обществе, которое едва признает их за людей.

Мы живем в деформированном обществе, сказал тот государственный служащий, любитель музыки, когда на сцене появилась Мумтаз Хук.

— Билкис.

Шаги... Дверь открывается, появляется лицо служанки. Шахин Бадур Хан не помнит их всех.

— Бегум нет, саиб.

Шахин Бадур Хан прислоняется к крепкому дверному косяку. Ему так хотелось перекинуться с ней несколькими словами. У них мало времени для настоящего общения. Для слов. Для прикосновений. Но он устал. Устал от чувства долга, постоянно нависающего над ним. Устал от ужасающей истины, которая, даже если бы он сел, подобно садху, на углу улицы, от всего отрешившись, все равно росла и вздувалась бы у него за спиной, словно громадная приливная волна. Теперь ему постоянно придется опережать ее хотя бы на несколько шагов, чтобы она не поглотила его. Он устал от маски, от притворства, от лжи. Надо рассказать ей. Она сможет его понять, подскажет, как поступить.

— Ее никогда нет...

— Господин Хан?

— Это я так.

Дверь медленно закрывается. Впервые за всю

свою жизнь Шахин Бадур Хан не может найти дорогу в собственном доме. Он не узнает двери, стены, коридоры. Внезапно он оказывается в залитой ярким солнечным светом комнате, окна которой выходят на женский садик, в белой комнате с москитными сетками, завязанными в большие мягкие узлы. Здесь пахнет теплом и пылью, и Шахин приходит в себя. Запах — ключ памяти. Он вспомнил. Он знает эту комнату, он любил ее когда-то. Старая детская — комната, в которой он провел первые годы жизни, комната с окнами, выходящими на великую реку. Каждое утро Шахин просыпался здесь от возгласов брахманов, обращенных к Гангу. В комнате чисто, светло и пусто. Наверное, Хан приказал убрать из нее всю мебель после того, как мальчики уехали в университет, но он почему-то не помнит, что когда-либо отдавал подобное приказание. Айя Гуль умерла десять лет назад, но среди деревянных панелей, занавесей и штор еще сохранился аромат ее груди, острый запах ее одежды. И тут Шахин Бадур Хан с ужасом и удивлением вспоминает, что не заходил сюда уже несколько десятилетий. Он щурится от слишком яркого света. Господь есть свет Небес и Земли... Он свет света. Господь ведет тех, кого Он захочет, к Своему свету, Гос-

подь говорит с человеком притчами, ибо Господу ведомо все. Сура струйкой дыма завивается в памяти Шахина.

И только потому, что впервые за долгие-долгие годы он чувствует, что за ним никто не следит, Шахин Бадур Хан осмеливается на это... Он вытягивает руки в стороны и начинает вращаться. Вначале очень медленно, пытаясь сохранить равновесие. Танец суфиев, с помощью которого дервиши соединялись с сознанием Бога. У него на языке возникает дхикр — священное имя Бога. Яркое воспоминание пронзает мозг Хана — его дед, вращающийся на одном месте под звуки каввалов посередине пола иувана, выложенного плиткой с геометрическим узором. Мельвели приехал из Анкары, чтобы научить индийцев семе — великому танцу Бога.

Священный танец дервишей.

Уведи меня из этого мира, Господи. Мягкий коврик мнется под ногами Шахина. Концентрация достигает предела, все мысли сосредоточены на движении ног, на повороте рук: вниз — в благословляющем жесте, вверх — в жесте принятия благодати. Он вращается, уходя в глубины памяти.

В то безумное новоанглийское лето, когда по-

вышенное давление на много дней установилось над пуританским Кембриджем, температура некоторое время росла, а затем как будто застряла на очень высокой отметке. Все распахнули настежь окна и двери, вышли на улицы, в парки и на лужайки или просто расселись у порогов домов, на балконах. Шахин Бадур Хан являлся в тот год второкурсником и забыл, что значит быть холодным и сдержанным. Он возвращался с друзьями с музыкального фестиваля в Бостоне. И тут из мягкой, бархатной, ароматной ночи появилось оно, и Шахин был мгновенно парализован, он застыл, словно Полярная звезда посреди небосклона, точно так же, как четверть века спустя в аэропорту Дхаки при виде неземной, совершенно чуждой, волшебной и абсолютно недостижимой красоты. Ньют раздраженно реагирует на стайку шумных студентов, пытаясь уступить им дорогу.

Так впервые в жизни Шахин Бадур Хан увидел ньюта. До этого он читал о них, видел фотографии, томился страстным желанием увидеть их воочию, воплощенную мечту своего детства. И вот теперь оно явилось перед ним во плоти, нечто вполне реальное, а не какое-нибудь фантастическое существо из сборника сказок и легенд. На гарвардской лужайке он впервые влюбился. Та

любовь сопровождала его всю жизнь. В течение двадцати пяти лет Хан носил ее жало в своем сердце.

Ноги движутся, губы произносят мантру дхикра. Он вращается назад, в прошлое.

Обертка была идеальная, простая и элегантная. Бумага с красно-черно-белым узором, одна целлофановая ленточка золотистого цвета. Минимум всего. Индийцы придали бы подарку еще массу всяких украшений, могли разукрасить, разрисовать сердечками, стрелами и Ганешами, сделали бы так, чтобы он наигрывал мелодии, а потом разбрасывал конфетти. В тринадцать лет Шахин Бадур Хан знал, видя пакет из Японии, что он никогда не будет в индийском стиле. Отец привез из командировки в Токио подарки для всей семьи. Младшие братья Хана получили воздушных змеев, которых они потом запускали с балконов хавели. Старший сын — «Нихон» в коробке. Манга* [Японские комиксы, часто лежат в основе жанра анимации] преобразила его жизнь так же, как часто преображает ее подаренный мотоцикл, превращающийся в орудие борьбы и мести. Поначалу ему не нравилось свойственное манга легкомысленное смешение насилия, секса и подросткового невротизма. Оно казалось

ему дешевым и чуждым по менталитету. Но постепенно Хана начали привлекать персонажи, эти вытянутые фигурки бесполых подростков с оленьими глазами, вздернутыми носами и постоянно приоткрытым ртом. Чем они только не занимались! Спасали мир, решали проблемы с родителями, носили потрясающие фантастические костюмы, похвалялись самыми невероятными прическами и обувью, беспокоились за дружков-подружек, когда на Токио совершали налет зловещие «черные ангелы», то есть враждебные роботы, но чаще всего просто демонстрировали независимость, отстраненность, сказочную привлекательность, свои стройные длинные ноги и свою загадочную андрогинность. И Хану так сильно захотелось жить той же жизнью, которой жили они, увлекательной, непредсказуемой и полной страсти, что он даже заплакал. Шахин завидовал им во всем, их красоте, их сексуальной асексуальности, тому, что все знали, любили и восхищались ими. Он хотел стать одним из них, быть с ними в жизни и смерти. Ночью, лежа в постели, Шахин придумывал новые истории. Что произойдет после того, как они разгромят «черных ангелов», рвущихся сквозь трещину в небесах, — он выдумывал новые истории об их

любви и играх. И андрогинные бойцы вселенной затягивали его в свое гнездо, и там они все вместе предавались любви — по-детски нерешительной, но страстной и бесконечной любви. После той ночи, когда его произвели в маги-предводители «Грассен Элементой», Шахин проснулся в пижамных штанах, насквозь пропитанных спермой.

Прошло много лет, но он по-прежнему время от времени заглядывал в пожелтевшие и помявшиеся страницы старых комиксов, теперь сложенных в коробку из-под обуви. Вечно юные, вечно стройные, всегда прекрасные, с неутолимой жаждой приключений андрогины-пилоты «Грассен Элементой», скрестив на груди руки, взирали на него с вызовом, неудержимо влекли к себе высокими скулами, оленьими глазами и такими страстными губами.

Шахин Бадур Хан вращается на границе с трансцендентным и чувствует, как глаза его наполняются слезами. Сема влечет его еще дальше в прошлое, на пляж.

Мать жалуется на высокую влажность, на социализм и на то, что рыбаки испражняются на песок рядом с бунгало Ханов. Отец раздражается, сердится и явно тоскует по дому на севере. Он нервно ходит взад-вперед в мятых штанах,

поплиновой рубашке с короткими рукавами и шлепанцах. Стоит удушающая керальская жара. А для Шахина Бадур Хана эта поездка становится самой отвратительной в жизни, потому что он так ждал ее, а она так его разочаровала. Юг... юг... юг!

По вечерам с моря приходят дети рыбаков. Черные от загара, обнаженные, смеющиеся, они играют, орут, плещутся в воде, а Шахин Бадур Хан с братьями тем временем сидит на веранде, пьет лимонад и слушает рассказы матери о том, как чудовищно омерзительны местные дети. Но Шахину они вовсе не кажутся такими уж омерзительными. У них есть маленький аутригер* [шлюпка с выносными уключинами]. Шахин наблюдает за детьми со стороны и предается фантазиям о том, как спасаются они на утлом суденышке от реальной опасности в открытом море, борются с пиратами и ураганами, занимаются настоящими исследованиями и помогают попавшим в беду. Когда же дети вытаскивают свой аутригер на песок и начинают играть в крикет на пляже, ему кажется, что он умрет от страстного желания присоединиться к ним. Шахину хочется уплыть вместе с темнокожими и белозубыми керальскими андрогинами, обна-

женным скользнуть в теплую, как кровь, воду и облечься ею, словно кожей. Хочется бегать и кричать, быть худым, стройным и свободным — и не стесняться своего голого тела.

В соседнем бунгало живет семейство госслужащего из Бангалора, занимающего весьма скромный пост. Но Шахин Бадур Хан видит, как его дети играют на аутригере вместе с местными, ныряют, плавают под водой, выныривают на поверхность, ловя ртом воздух, усеянные капельками морской воды, словно росой, и смеются... смеются... смеются. Зерно опустошенности упало тогда в его душу и проросло во время долгого путешествия на поезде через всю Индию, превратившись в острую боль, в надежду, в желания, не имевшие на звания, невыразимые в словах, но пахнувшие лосьоном для загара, вызывавшие зуд, подобно песку, что попал между пальцами, похожие на нагретый солнцем кокосовый коврик и звучащие голосами детей над морским прибоем...

Шахин Бадур Хан прекращает вращаться. Он не может побороть сильные, разрывающие грудь рыдания. Ему так хотелось тех детских радостей, но его детство было иным, в нем не могло быть такой свободы. Он бы все отдал, чтобы оказаться

среди них, хотя бы один день.

Ноги. Там, снаружи... Голые ноги... Шахин Бадур Хан отбрасывает от себя суккуба.

— Кто здесь?

— Сэр? Все в порядке?..

— В абсолютном порядке. Оставьте меня в покое, пожалуйста.

Все в порядке, в том самом порядке, какой бывает среди развалин. Шахин Бадур Хан поправляет костюм, вновь расстилает помятый дхури в том месте, где он только что вращался в священном танце и где его почтил Своим посещением Господь. Он вошел в ан-нафс, в ядро души, из которого исходят желания, и там узрел истинную природу Бога-внутри, и его призыв о помощи был услышан.

Теперь он знает, что должен сделать относительно этого ньюта.

23
Тал

Остаток недели Тал пытается провести, с головой уйдя в работу, но даже раздумья над дизайном интерьера хавели, в который переедут Апарна Чаула и Аджай Надьядвала после своей виртуальной свадьбы, не могут усмирить проснувшихся демонов. Некий человек, имеющий пол. Мужчина. Некто по имени Хан. Тал пытается выбросить из головы его образ, но тот рассеян по нейронам ньюта, словно огни Дивали. Тала преследует страх, который поглощает изнутри, растворяя биочипы и гормональные микропомпы, — боязнь того, что вся ньютность уйдет из тела вместе с мочой. Тал все еще чувствует на губах губы Хана.

К концу недели даже Нита начинает говорить, что Талу следует отдохнуть.

— Ладно, давай иди, уходи отсюда, — говорит их продюсер Девган.

И Тал уходит. В Патну. Никому, кроме как ньюту, не придет в голову проводить уик-энд в этом громадном, жарком, бездушном промышленном городе. Но Талу нужно кое-кого там увидеть. Гуру

ньютов.

Два часа спустя Тал уже находится у реки, смотрит по верх поляризованных контактных линз и мигает — из-за ос лепительного блеска воды. Он берет билеты до Патны на ско ростное судно на подводных крыльях. А еще через полчаса Тал садится, уютно примостившись, на свое место, закрыва ет глаза и маленькими мягкими кулачками отбивает такт пер вых аккордов «Гуру Грантх микс», а мимо проносятся про мышленные предприятия, которые прочно стоят на далеких сухих берегах. Тал не может сдержать удивления: в Ганге все еще хватает воды, чтобы удерживать такое большое судно.

Грязные улицы Патны производят гнетущее впечатление. Темнота вечера подкрашена разноцветными дымами заводов. Как и волосы, заплетенные в мохик, свешивающийся на лоб. Бесчисленные лавки и магазины открывают свои разнокалиберные пасти. Здесь бюстгальтеры, там трусики, тут нижнее белье, а в той стороне, сзади, обувь. Кредитная карточка с трудом выдерживает сильнейший удар, но уже через полчаса Тал выходит на улицы, облаченный в длинные полосы мягкого серого шелка. На ногах серебристо-черные ньютовские сапожки с пяти-

сантиметровыми каблуками и обязательными кисточками с бусинками, что свисают со шнурков. Парни оборачиваются на ньюта, девушки смотрят с завистью, женщины в кофейнях наклоняются друг к дружке и что-то шепчут, прикрыв рты руками, полицейский на перекрестке едва не поворачивается на триста шестьдесят градусов, увидев, как Тал меняет цвет контактных линз, затемняя их от слишком яркого солнца.

Тал чувствует себя превосходно, у ньюта такое приподнятое настроение, какого не было уже давно, Тал радуется возвращению в Патну, возможности чувствовать на себе солнце Патны, вдыхать смог Патны, пробираться по улицам Патны мимо бесчисленных тел и лиц. Талу кажется, что все движется в ритмах микса, раздающегося в наушниках. Все наполнено какой-то загадочной музыкой. Каждая случайная встреча прохожих может быть прелюдией к убийству, или супружеской измене, или воровству, или встрече давно потерявших друг друга возлюбленных. Одежда ярче и красивее, чем где бы то ни было, и все как будто специально предназначено для того, чтобы привлечь внимание Тала. Ньют вспоминает о Варанаси.

О Варанаси... И о мужчине по имени Хан. И обо

всем остальном.

Посвященным известно, что за стеклянными башнями «Коммершиэл банд» пришвартовано скоростное судно, которое отвезет вас в сангам, где гуру производит свои операции. Тал отмечает с удовлетворением, что судно — «Рива» из красного дерева. У «Ривы» сдвоенные моторы. Они несут ее мимо мелких суетливых паромов и барж. Судно проходит по главному каналу, затем поворачивает налево по направлению к большой песчаной косе, где Гандак вливается в священный Ганг. Здесь располагается самая обширная, самая дешевая во всем Бхарате, самая грязная и наименее обремененная законами зона свободной торговли. Палатки из прессованного алюминия давным-давно вытеснили друг друга на воду с имевшейся в их распоряжении земли. Сангам окружен множеством списанных лихтеров. В них живут целые семьи, все члены которых могут похвастаться тем, что их нога никогда не ступала на сушу. Все, что им необходимо для рождения, жизни и смерти, они могут отыскать, пробежавшись по лабиринту из сходен и лесенок, перекинутых с лодки на лодку.

«Рива» везет Тала по неуклонно сужающимся каналам между стальными корпусами, рас-

писанными текстами на хинди. Наконец они оказываются в узкой протоке, рядом с буксиром с причудливым названием «Фугаци».

На протяжении долгих тридцати лет этот кораблик таскал грузы вверх по реке — от Колкаты до новых промышленных гигантов Патны. Затем холдинг-компания «Белый орел» купила его и отправила в док в свободной зоне Гангак, выпотрошив и лишив двигателей.

«Белый орел» — в высшей степени респектабельная фондовая компания с центром в Омахе, штат Небраска. Она специализируется на пенсионном страховании медицинских работников. Ей принадлежат несколько плавучих отделений в Патне, занимающихся предоставлением тех медицинских услуг, которых избиратели на Среднем Западе, во всем следующие библейским заветам, столь решительно лишают соплеменников. Сотни высокодоходных и юридически сомнительных производств размещают свои центры в свободной зоне Гангак: здесь нашли приют пиратские радиостанции, производители фальсифицированных медикаментов, торговцы ворованным программным обеспечением, производители эмотиков, нелегальные лаборатории по генной инженерии, клонированию и

клеточной терапии, знаменитые порнократы и многие-многие другие, чей род деятельности порой даже не имеет названия. И среди всего этого обитает добрый доктор Нанак, достойный ньют, гуру спасительных ножей.

Тал поднимается по стальной лесенке, всеми фибрами тела ощущая нависающую сзади металлическую стену соседней баржи. Одна хорошая волна — и стальные стены, окружающие ньюта со всех сторон, сомкнутся и раздавят Тала, точно выпавшее из гнезда яйцо. Чьи-то глаза пристально смотрят поверх перил. Это Нанак, добрый доктор, он выглядит чудовищно в своих шортах грузчика на три размера больше, чем надо, в женских туфлях на широкой платформе и в обтягивающей майке в сеточку. Он улыбается улыбкой щенной обезьяны.

Они обнимаются, прикасаются друг к другу, целуются, пробуждая друг в друге чувство радости, ощущение наивного детского восторга, касаясь тех подкожных зон, тех физиологических клавиш, которые роботы-хирурги Нанака ввели в нервные волокна освежеванного тела Тала. Объятия закончены, ньюты улыбаются, издают глупые, веселые восклицания и вновь чувствуют себя безумно счастливыми.

— Мода и тебя подчинила себе, как я вижу, — говорит Нанак.

Он невысок, немного застенчив и робок, слегка сутуловат, но у него самая добрая улыбка на свете. Кожа Нанака приобрела охристый оттенок от солнца.

— По крайней мере я стараюсь ей следовать, — отвечает Тал, наклонив голову.

— Поосторожнее здесь на каблуках, — предупреждает Нанак.

Палуба полна всяких кабелей, люков, труб, споткнувшись о которые, зазевавшийся ньют может серьезно разбиться.

— Останешься на чай? Осторожнее, осторожнее...

Они поднимаются по крутой лесенке в рулевую рубку. Не дойдя одной ступеньки до верха, Тал останавливается, чтобы окинуть взглядом этот город, состоящий из бесчисленных кораблей. Он живет не менее активной жизнью, чем какой-нибудь базар. Помимо зарабатывания денег, на любом судне всегда есть масса другой работы: покраска и уборка палубы, уход за растениями, проверка исправности солнечных батарей и коммуникаций. Со всех сторон доносится музыка, усиленная эхом, отражающимся от многочислен-

ных металлических поверхностей.

— Итак, что же случилось? — спрашивает Нанак, вводя Тала в кабинет, выложенный деревянными панелями и пропитанный ароматом кедра.

Ароматы вызывают у Тала не менее сильную эмоциональную реакцию, нежели любое запрограммированное воздействие на его нервные «клавиши». «Эно» вновь чувствует себя в теплом древесном лоне. «Эно» вспоминает, как скрипят кожаные диваны, как Сунити напевает хиты из кинофильмов, когда ей кажется, что ее никто не слышит.

— Просто обычный осмотр, — отвечает Тал.

— Да-да, конечно, — говорит Нанак и вызывает лифт, спускающийся в пустое нутро корабля, где гуру проводит свои трансформации.

— У тебя нет времени? — спрашивает Тал, пытаясь отогнать внезапно пробудившиеся дурные предчувствия.

Дверцы лифта открываются в коридор из красного дерева с несколькими бронзовыми дверями. За одной из них Талу пришлось провести целый месяц — месяц мук, вызванных болеутоляющими и подавляющими иммунитет средствами, пока тело Тала привыкало к тому, что роботы-хирурги

с ним сделали. Настоящий кошмар наступил, когда протеиновые чипы, введенные в костный мозг, раскрылись и начали переписывать биологические императивы, существовавшие на протяжении четырех миллионов лет.

— Сейчас у меня двое, — говорит Нанак. — Один готовится, хорошенький маленький малаец, очень нервничает, может сбежать в любую минуту, что будет жаль, а второй — в послеоперационной палате. Сейчас мы собираем много трансгендеров старого стиля, поэтому наша известность растет, хоть я и не очень к этому стремлюсь. Подобные операции я считаю делом мясника, а не хирурга. Ни какого изящества, никакого искусства.

За изящество и искусство надо платить, как Тал платит до сих пор. Десять процентов наличными, а затем месячные выплаты на протяжении почти всей оставшейся жизни. Тело в заклад.

— Тал, — тихо говорит Нанак. — Не сюда, вот сюда.

Тал вдруг обнаруживает, что касается рукой двери в операционную. Нанак открывает дверь клиники.

— Мы просто вас осмотрим, дорогуша. Даже одежду снимать не придется.

Но Тал уже сбрасывает обувь, легкую накидку и ложится на белый мягкий смотровой стол. Ньют моргает, чувствуя некоторое смущение, пока Нанак суетится, настраивая сканер.

В это мгновение Тал вспоминает, что Нанак, наш милосердный доктор, не имеет даже среднего медицинского образования. Он обычный брокер, стивидор от хирургии. Роботы разделили Тала на части — и вновь соединили: микроманипуляторы, скальпели толщиной в молекулу, направляемые хирургами из Бразилии. Талант Нанака состоит в его уникальном умении общаться с пациентами и в чутье на лучших медиков, довольствующихся самым низким гонораром, которых он способен искать по всему миру.

— Итак, скажи-ка, детка, это чисто медицинский визит или же ты хочешь узнать, как обстоят дела в Патне? — спрашивает Нанак, засовывая хёк за свое большое ухо.

— Нанак, неужели ты не знаешь, что я теперь ньют, делающий карьеру? Мне удалось за три месяца стать начальником отдела. Через год, вполне возможно, я уже буду выпускающим продюсером фильма.

— Тогда ты сможешь приезжать ко мне за новыми наборами эмотиков, — говорит Нанак.

— У меня есть кое-что новенькое, только что от изготовителя. Очень хорошая вещичка. Но очень странная. Вот так. Все готово. Дыши спокойнее.

Тал поднимает руку, складывает пальцы в мудру, а из основания кушетки выдвигаются полукружия из белого металла и замыкаются в кольца вокруг ног Тала. Несмотря на просьбу Нанака дышать ровнее, как только сканер начинает странствие по телу, у Тала немного перехватывает дыхание. Когда световое кольцо касается шеи, ньют закрывает глаза и пытается забыть о том, другом столе, что находится за бронзовой дверью. О столе, который на самом деле и не стол вовсе, а особое гелевое ложе. Тала положили на него, анестезировали до полного бесчувствия, мало чем отличавшегося от клинической смерти. Всеми физиологическими функциями организма управляли сарисины: заставляли легкие дышать, сердце — биться, а кровь — течь по сосудам. Тал уже не помнит, как опустилась верхняя крышка резервуара, как он наполнился нагнетаемым под очень высоким давлением анестезирующим гелем. Но Тал обладает превосходным воображением, и воображение заменяет воспоминания, клаустрофобические воспоминания о погружении в бездонные океанские глубины. Но что

ньют не может — точнее, не осмеливается, — вообразить, так это роботов, с обнаженными скальпелями движущихся по гелю и срезающих кожу с тела Тала сантиметр за сантиметром.

Такова была первая часть.

Когда старая кожа сгорела (новая же тремя месяцами ранее проросла из образца ДНК Тала), а яйцеклетка, проданная какой-то женщиной из трущоб, созрела в своем резервуаре, в дело включились особые механизмы. Они медленно двигались по вязкому органическому гелю, забирались под мышечную арматуру, отгибали слои жира, проходя вокруг основных путей кровотока и вздувшихся артерий, разделяли сухожилия, чтобы добраться до костей. В своих кабинетах в Сан-Паулу хирурги вели виртуальную операцию, с помощью манипуляционных перчаток на своих визорах они путешествовали по сокровенным путям тела Тал. Остеоботы формировали кости, изменяли очертания щек, расширяли таз, срезали полоски плоти с лопаток, изменяли положение, смещали, ампутировали, заменяли на пластик и титан. Одновременно другие механизмы удалили гениталии, переделали мочеточники и мочеиспускательный канал, подсоединили нервные пути и агенты, ответственные за выброс гормо-

нов, к набору подкожных штифтов, вживленных в левое предплечье.

Тал слышит смех Нанака.

— Я вижу тебя насквозь, — хихикает доктор.

Талу пришлось висеть в том резервуаре в течение трех дней. С ободранной кожей, истекая кровью. Все тело превра тилось в один сплошной стигмат. А механизмы медленно, но упорно выполняли свое дело, слой за слоем разбирая тело и вновь восстанавливая. Наконец и их работа была закончена. Освободившееся место заняли нейроботы. Ими руководили уже совсем другие врачи, группа из Куала-Лумпура. Это уже была иная, значительно более тонкая наука, чем просто на резание и подшивание кусков мяса. Слаженно работающие крошечные роботы подсоединили белковые чипы к нервным волокнам, срастили нервы с индукторами желез, перестроили всю эндокринную систему Тала. Пока они занимались трансплантацией, большие механизмы сняли верхнюю часть черепа ньюта, микроманипуляторы проползли между спутанными ганглиями, подобно охотникам в зарослях мангровых деревьев, чтобы прикрепить белковые процессоры к нервным узлам в спинном мозге и в мозжечковой миндалине, в глубинных анатомических

основаниях самости.

И вот утром четвертого дня они вернули Тала с границы между жизнью и смертью. Для Тала пришло время проснуться. Сарисины, подсоединенные к задней части черепа ньюта, теперь должны были провести полное автономное тестирование нервной системы и установить, правильно ли прижились биочипы и насколько точно мозговые структуры Тала, связанные с половым поведением, воспроизводят новые, имплантированные тендерные модели.

Пробуждение ньюта проходило при практически полном отсутствии кожи. Мышцы мешками свисали с разделенных сухожилий, глазные яблоки и мозг были обнажены. Разрезанное, освежеванное тело покоилось в антитравматическом геле.

— Ну что ж, я практически закончил, детка, — говорит Нанак. — Ты можешь открыть глаза.

Только кокон из анестезирующего геля спас Тала от смерти от болевого шока. Сарисины «играли» на нервной системе ньюта, как на ситаре. Воображение Тала переполнилось невиданными образами и немыслимыми ощущениями. Пальцы двигались, ноги бежали, сами собой возникали желания, доселе неведомые Талу, являлись ви-

дения, полные чудес, пели хоры, среди которых возвышался глас Божий. Ньюта захватывал поток ощущений и эмоций, появлялись жуткие монстры-насекомые, набивавшиеся ему в рот. Талу мерещилось, что тело становится крошечным, с горошину величиной, попадает в места, где доселе бывать не доводилось, встречается с друзьями, которых у Тала никогда не было, размышляет над воспоминаниями о никогда не случившемся. Ньюту хотелось позвать мать, отца, хотелось кричать и кричать, но тело было недвижимо, безгласно, беспомощно.

Затем сарисины вновь отключили мозг Тал, и в анестезийной амнезии забылись все чудеса, все кошмары, с которыми довелось столкнуться в гелевом резервуаре. Точные машины снова водрузили верхнюю часть черепа на голову Тала, подсоединили все, что было разъединено, «одели» ньюта в новую, только что выращенную кожу. Еще пять дней Талу нужно было «провисеть» в бессознательном состоянии в особом растворе, стимулирующем рост клеток. В те дни приходили самые потрясающие сны. На десятое утро сарисины отсоединились от черепа Тала, опорожнили резервуар, обмыли совершенно новую кожу ньюта. Узкая грудь Тала поднималась

и опадала в ослепительном свете ламп.

— Ну вот, это ты, — произносит Нанак.

Тал открывает глаза и видит, как кольцо сканера разделяется надвое, а полукружия скрываются под смотровым столом.

— Я?..

— За исключением некоторых последствий естественного процесса саморазрушения ты в полном порядке. В тебе полно света. Ну, я мог бы еще прочесть длинную проповедь о вреде насыщенных жиров, алкоголя, табака, ряда медикаментов и о пользе движения и спорта, однако, думаю, ты и так в курсе.

— А как насчет...

Тал касается рукой головы.

— Все в абсолютном порядке. Могу выдать тебе полный сертификат здоровья. Радуйся. Теперь вставай. Пойдем пообедаем, и ты расскажешь мне, в чем дело.

Перегнувшись через край диагностический кушетки, Тал пытается подыскать десятки отговорок, чтобы отказаться от приглашения на обед, и вдруг понимает, что, если не выложит Нанаку все, что накопилось на душе, поездка в Патну окажется напрасной.

— Хорошо, — говорит Тал. — Я принимаю при-

глашение.

Обед очень прост и состоит из нескольких изысканных вегетарианских блюд. Проходит он на штурманском мостике, с которого когда-то капитаны окидывали взглядом флотилии своих барж. Ассистент и повар Нанака, Сунити, бегает туда-сюда с бутылками холодного «кингфишера», засыпая Тала советами по поводу того, как следует есть каждое блюдо. «Нужно держать во рту, пока не занемеет язык», «следует откусить два раза», «ложечку этого, потом кусочек того, а по том закусить лаймом»...

Свободная торговая зона Гандак расслабляется после дня, проведенного в зарабатывании дивидендов для врачей-профессионалов в Небраске. Музыка и запах марихуаны поднимаются от барж, когда «предприниматели» выходят из своих «предприятий», чтобы, облокотившись на перила, покурить и раздавить бутылочку пива в последних лучах заходящего солнца.

— Ну а теперь ты должен со мной расплатиться, — говорит Нанак, однако, увидев озабоченное выражение на лице Тала, успокаивающим жестом слегка касается рукава ньюта. — Нет-нет. Пойми меня правильно. Ты расплатишься со мной за эту превосходную еду, за прекрасный вечер и за мою

приятную компанию рассказом о том таинственном, что моя неблагодарная крошка утаивала от меня на протяжении всего дня.

Тал слегка расслабляется. Над головой ньюта небо впервые за несколько месяцев покрывается полосками лиловых облаков. Талу кажется, что в атмосфере разлито предчувствие дождя, такого желанного и уже почти фантастического.

— Речь идет об одном человеке... но ты ведь уже наверняка понял.

— В общем, скорее всего да.

В надвигающейся темноте слышны звуки одинокого бансури. Музыкант выводит древнюю бихарскую народную мелодию.

— ...О человеке умном, сделавшем хорошую карьеру, спокойном, очень глубоком, с тонким вкусом, окруженном массой тайн и секретов, но напуганном всем этим и в то же время всей душой стремящемся к запретному...

— Разве не все мы стремимся к чему-то подобному, ханум?

— Но он мужчина.

Нанак наклоняется вперед.

— В чем и заключается суть проблемы для тебя, как я вижу.

— Мне пришлось уехать из Мумбаи, чтобы

вырваться из окончательно запутавшихся отношений, а здесь я попадаю в еще более сложную ситуацию. Мне захотелось сделать «Шаг-В-Сторону», потому что надоело участвовать в идиотской игре. Игре в мужчину и женщину. Ты дал мне другие правила, вон в той комнате вложил их мне в голову, и теперь они тоже не работают.

— Насколько я понимаю, тебе хотелось, чтобы я проверил, все ли функционирует нормально в рамках заданных параметров.

— И все-таки со мной что-то не в порядке. Для меня по крайней мере это очевидно.

— С тобой все в абсолютном порядке, Тал. Я просмотрел тебя насквозь. Ты обладаешь идеально здоровым телом, психикой и всем остальным. И теперь хочешь, чтобы я дал совет, как жить дальше. Ты называешь меня гуру, думаешь, что я мудр, однако я не стану давать советов. До сих пор не существовало ни одного правила или закона человеческого поведения, которые не были бы нарушены кем-то, когда-либо и где-либо при тех или иных обстоятельствах, вполне обыденных или в высшей степени исключительных. Быть человеком — значит нарушать правила. Для нашей вселенной характерно, что простейшее правило может стать причиной самого сложного и запу-

танного поведения. Импланты дали тебе просто новый набор психологических императивов, не связанных с репродуктивным поведением, вот и все. Остальное, слава Богу, зависит исключительно от тебя. Они ничего бы не стоили, если бы сами не становились причиной сложнейших, а порой и весьма мучительных сердечных проблем. Именно эти проблемы и придают ценность нашей жизни, которая без них превратилась бы в бессмысленную суету. У нас на роду написано страдать и тревожиться. Но именно в страданиях и тревогах наше величие, всех нас — мужчин, женщин, трансгенов, ньютов...

Звуки флейты преследуют Тала. Ньют чувствует, что ветер, дующий с реки, несет с собой дыхание приближающегося дождя.

— Не в них, а в нем, — поправляет Сунити, собирая тарелки. — Ты любишь этого человека?

— Я думаю о нем постоянно, я не могу забыть его, я хочу позвонить ему, купить ему обувь, составить для него музыкальные миксы и приготовить его любимое блюдо. Он любит ближневосточную кухню, я знаю...

Нанак плавно раскачивается.

— Да, да, да, да, да. Моя помощница, как всегда, права, но как насчет прямого ответа на ее вопрос?

Ты любишь его?

У Тала перехватывает дыхание.

— Думаю, что да.

— В таком случае ты знаешь, что нужно делать, — говорит Нанак, а Сунити собирает все металлические блюда в скатерть, но Тал видит, что ей нравится их разговор.

После обеда наступает время джакузи. Нанак и Тал плещутся в большой деревянной ванне. Вода, в которую добавлено немного масла чайного дерева, помогающего от постоянно мучающего Нанака дерматофитоза, усыпана лепестками бархатцев. С трех сторон вертикально вверх поднимаются ароматы благовоний. Воздух абсолютно неподвижен, все застыло, как будто в ожидании чего-то очень и очень важного.

На западном горизонте виднеется золотистая туманность. Нанак поглаживает бедра Тала своими длинными и очень развитыми большими пальцами ног. В таком поведении нет обычного для разнополого общения стремления сексуально возбудить партнера. У ньютов это чисто дружеские прикосновения. Тал вынимает из пластикового холодильника еще два «кингфишера», открывает их и ставит на край ванны. Один для себя, другой — для гуру.

— Нанак, как ты думаешь, все обойдется?

— Лично для тебя? Да, конечно. Счастливый конец — не такое уж сложное дело для большинства. Но вот что касается этого города, страны и войны... Я не очень уверен. Нанаку многое видно с его мостика. Я вижу, как понижается уровень воды в реке, я вижу скелеты на берегу, но они не пугают меня. Вот те жуткие дети, «брахманы», как их называют... Кто бы ни дал им подобное название, он попал в самую точку. И я скажу, что меня больше всего в них пугает. Вовсе не то, что они живут вдвое дольше нас со скоростью вдвое меньшей, чем мы, и не то, что они дети с правами и вкусами взрослых. Меня пугает, что мы уже достигли такой ступени развития общества, когда деньги способны изменить направление человеческой эволюции. Раньше вы могли унаследовать мешки рупий, послать детей учиться в Америку, как делали полоумные выродившиеся магараджи, но не могли купить коэффициент интеллекта, талант или даже красоту. Единственное, что было доступно в прежние времена, — косметика. Но теперь можно купить новую инфраструктуру личности. Родители всегда хотели дать детям те или иные преимущества, теперь они могут передавать их через поколения. И чего

родитель не сделает ради ребенка? Махатма, да будет благословенна память о нем, был великим мудрецом, но он никогда не говорил большей глупости, чем тогда, когда сказал, что сердце Индии в ее деревнях. Сердце Индии — так же, как и ее голова, — всегда было в среднем классе. Англичане очень хорошо знали эту истину, вот почему небольшой горстке британцев удавалось держать нас в повиновении в течение целого столетия. Мы агрессивно-буржуазное общество. Богатство, статус, респектабельность... А теперь все перечисленное можно унаследовать в самом буквальном смысле слова — с генами. Вы можете потерять все свое состояние, обанкротиться, проиграть все деньги до последнего гроша, имущество может погибнуть во время наводнения, но ничто не способно отнять у вас ваши генетические преимущества. Такое богатство не под силу похитить никакому вору, наследство, которое при любых обстоятельствах благополучно перейдет к вашим потомкам... Я много думал об этом в последние дни.

— Нанак-джи, не стоит обременять себя такими мыслями, — говорит Тал. — К нам подобные вещи не имеют никакого отношения. Мы сделали «Шаг-В-Сторону».

Тал прикасается к Нанаку и чувствует, что тот внезапно напрягается.

— Вовсе нет, детка. И никто не сумеет его сделать. В современном мире не может быть тех, кто стоит в стороне от битвы. Да, мы живем нашей прелестной жизнью и радуемся нашим особым утонченным удовольствиям, не доступным никому другому, кроме нас, но все же мы остаемся людьми. Мы — часть человечества. Теперь человечество разделилось. И вскоре все мы станем грызть друг другу глотки из-за будущего наших детей. Представители среднего класса за десятилетия «потерянных женщин» хорошо поняли, что создать новую касту не так уж и трудно и что никто не будет сильно против, особенно если бинди будет запрограммировано в вашем ДНК. Тысячелетнее правление этого генетического раджи...

Вокруг уже совсем стемнело. Тала пробирает дрожь. Ньют ощущает себя крошечным существом, для которого нет места в будущем, его нет для всех сделавших «Шаг-В-Сторону», для всех генетических пацифистов.

Откуда-то снизу доносится голос с австралийским акцентом:

— Добрый вечер, Нанак-джи! В Хайдарабаде

дождь, я только что слышал сообщение.

Нанак поднимается из ванны, но говорившего не видно в ночной темноте.

— Действительно, добрые новости! — отвечает Нанак. — Необходимо отметить такое важное событие!

— Я выпью за это!

Слышны приглушенные звуки. Кто-то движется от люка к капитанскому мостику. Купающиеся оборачиваются. Там стоит ньют. На нем легкая голубоватая юката.

— Я услышал... Я подумал, что, возможно...

— Мы всем рады, — отвечает Нанак и начинает искать в маленьком холодильнике очередную бутылку «кингфишера».

— Как вы думаете, это правда, что приближается дождь? — спрашивает ньют, сбрасывая хлопчатобумажное одеяние голубоватого цвета.

По телу Тала пробегает приятная дрожь от вида узких плеч, по-женски широких бедер, плоской груди и выбритого священного треугольника йони. Предоперационный период... Ньют — тот самый, застенчивый, о котором Нанак говорил, что он может сбежать.

Тал вспоминает три года, проведенные в предоперационном статусе в попытках накопить

деньги на место в «клинике» Нанака. Как и воспоминание о ночном кошмаре, оно состоит из нескольких отрывочных впечатлений. Гормональные инъекции три раза в день. Постоянное бритье. Бесконечное чтение мантр, отвлекающих от сексуально дифференцирующих мыслей и заставляющих воспринимать себя как ньюта.

— Да, думаю, что он наконец-таки пойдет, — отвечает Нанак, когда ньют опускается в воду рядом с ними, и сразу же все сексуальные и тендерные ассоциации исчезают.

Они движутся вместе в теплой, как кровь, воде, касаясь друг друга прикосновениями ньютов. Этой ночью Тал спит рядом с Нанаком, свернувшись калачиком. Они лежат в одной постели — просто как друзья.

— Будь осторожен там, в своем Варанаси, — кричит Нанак вслед Талу, когда ньют спускается с исцарапанного борта «Фугаци» и прыгает в «Риву», поджидающую его в грязной воде неподалеку.

— Постараюсь, — отвечает Тал. — Но сердце ведь такая слабая штука.

Выглянув из иллюминатора в тот момент, когда судно на подводных крыльях отчаливает от берега, Тал успевает увидеть широкую полосу

клубящихся темно-серых облаков, простирающихся на юг и восток значительно дальше, чем можно разглядеть. А в ушах ньюта звучит микс «Любовь и приключение».

Тала всегда тешили надежды, что когда-нибудь ньют потрясет Варанаси. Так оно в каком-то смысле и получилось. Точнее, Талу удалось поразить компанию «Индиапендент Продакшнз», отдел разработки мета-сериалов. А еще точнее, ньют потрясает Ниту, которая хлопает в ладоши и говорит, что Тал выглядит просто по-о-отряса-а-юще и что, конечно же, Талу удалось великолепно провести время в этой жуткой Патне, и... о, я совсем забыла, что для тебя здесь есть письмо, доставленное особой почтой.

Особая почта доставляется в пластиковом пакете со специальными флэш-печатями, хитрыми шнурками, за которые нужно потянуть, чтобы стали доступны особые петельки, каковые, в свою очередь, позволят вам сорвать перфорированную ленту. Только после описанной операции вы сможете извлечь внутренний вкладыш с надписью «ВАЖНЫЙ ДОКУМЕНТ», сорвать пластиковую ленту, налепленную вдоль специальной перфорации, после чего вы и получите послание. Обычный листок бумаги. Письмо, написанное от

руки. Простые слова.

Должен увидеть вас снова. Не могли бы вы прийти сегодня, 2 июля, вечером? Буду ждать в клубе, в любое удобное для вас время. Очень прошу. Спасибо.

А внизу подпись. Неразборчивые инициалы.

— Совсем как в «Городе и деревне», только все на самом деле! — восклицает Нита.

Тал раз десять перечитывает письмо, пока едет в «Белый форт» в фатфате. Принаряжаясь для большой вечеринки (ныот хочет понравиться всем, кто только способен обратить на него внимание), Тал включает телевизор. В новостях показывают скучнейшую ерунду о войне, а развлекательные каналы полны улыбающихся людей, танцующих и веселящихся. Впервые за все время Тал не может на них смотреть и с отвращением выключает телевизор. Потом хватает сумку и выбегает из комнаты. Мама Бхарат стоит на лестничной площадке у мусоропровода. Она выносила мусор.

— Не могу, не могу, очень, очень важное свидание, — на ходу кричит Тал.

Мама Бхарат кланяется. Ньют бежит вниз по ступенькам, протискивается мимо двух мужчин в пиджаках, поднимающихся вверх, которые обо-

рачиваются и пристально смотрят на Тала. Ньют видит, что они проходят мимо его квартиры и поднимаются на этаж выше.

При входе в подъезд Тал ждет такси, и сегодня пусть дети орут, что им заблагорассудится, пусть обзывают ньюта, как хотят, пусть строят рожи, обступая его, подобно лепесткам бархатцев. Сегодня Тал никого и ничего не боится, ничто не способно его унизить...

При входе в переулок, где расположен «Банановый клуб», Тал поднимает рукав и программирует себя на сладостное предвкушение. Белковые чипы начинают работать, как только открывается серая деревянная дверь. Появляется слепая женщина в малиновом сари и с птичьим лицом, голова слегка наклонена набок, в руках карликовые бананы. Такое впечатление, что она так и стояла, не двигаясь с места, со времени предыдущего визита Тал.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, мое очаровательное создание! Сюда... пожалуйста... угощайтесь...

Она предлагает ньюту свое лакомство. Нежные пальцы Тал ласково отводят в сторону руку с бананом.

— Нет, не сегодня. — Тал колеблется, ему нелов-

ко спрашивать. — А есть ли?..

Слепая женщина указывает на самую верхнюю галерею. Сегодня вечером тут пусто, хотя только самое начало месяца. Наверное, всему виной слухи о войне и о дожде. Внизу, в центральном дворике, какой-то ньют в широких развевающихся одеждах исполняет катак с грацией, недоступной классическим танцовщикам. На втором уровне никого нет, за исключением двух пар, мирно беседующих на диванах. На третьем уровне кожаные кресла и низкие столики. Бронзовые на стольные светильники излучают тусклое сияние, напоминающее мерцание светлячков в ночи. «Зона прохлады». Сегодня там только один гость.

Хан сидит в кресле в самом конце галереи, руки его покоятся на подлокотниках. Талу подобная поза всегда казалась самой изысканной. И очень английской. Их взгляды встречаются. Но этот милый Хан не знает языка ньютов. Тал проводит рукой по деревянным перилам. Они сделаны из сандала, на ладони ньюта остается феромоновый след.

— О... вы... — говорит Тал, устраиваясь в кресле напротив Хана.

Ньют ждет улыбки, поцелуя, любого привет-

ствия, но мужчина начинает нервно и резко с чего-то похожего на ворчание. На низком столике с толстыми ножками лежит белый конверт. Тал извлекает письмо, аккуратно сложенное, и кладет его рядом с конвертом. А затем кладет ногу на ногу, как бы в ожидании.

— Ну, скажите мне по крайней мере, что я выгляжу потрясающе, — шутит Тал.

Человек напротив него вздрагивает. Все идет не по его сценарию. Он слегка подталкивает конверт к ньюту.

— Пожалуйста, возьмите.

Тал открывает конверт, смотрит внутрь и не может поверить своим глазам, смотрит снова и в недоумении поднимает взгляд. Внутри лежит пачка из сотни банкнот по тысяче рупий.

— Что это?

— Это вам.

— Мне? Но...

Тал кладет конверт на стол.

— Что ж, это очень щедрый подарок, но мне хотелось бы кое-что узнать, прежде чем я его приму. Ведь там большие деньги.

На лице человека напротив появляется гримаса.

— Мы больше не сможем видеться.

— Что? По моей вине?..

— Нет, вы ничего дурного не сделали!

И затем более тихим и мягким голосом, полным сожаления и печали:

— Вы совершенно ни при чем, виноват только я сам. Не следовало... Я не могу с вами больше встречаться. Мне вообще не надо было сюда приходить. — Он смеется, и смех его звучит болезненно и неприятно. — Это место показалось мне самым безопасным... Берите деньги... они для вас. Пожалуйста, возьмите их.

Тал чувствует, как от удивления у него приоткрывается рот. И кажется, что ощущения, охватившие ньюта, в чем-то сродни тому, что чувствует человек, когда его мозг размазывается по стенкам черепа от удара крикетной битой. Священный лоскуток кожи на затылке Тала дает знать владельцу, что на балконе третьего уровня, кроме них, появился кто-то новый, неизвестный.

— Вы откупаетесь от меня? Протягиваете мне пачку рупий, намекая на то, что больше никогда не захотите меня видеть? Я знаю, что подобное значит. Этими деньгами вы говорите мне: убирайся с моей дороги! Вы подонок! Подонок!.. Что, по вашему мнению, я стану делать? Шантажировать вас? Расскажу обо всем вашей жене

или вашему любовнику? Опубликую в газетах? Расскажу своим друзьям-извращенцам-ньютам, которые, как всем известно, спят друг с другом вперемешку? За кого вы себя почитаете?

Лицо человека напротив искажает искреннее страдание, но Тала невозможно остановить. Ньюта переполняют праведный гнев и возмущение. Тал хватает деньги, рвет их в клочья и швыряет в лицо Хану. Тот поднимает руки, чтобы закрыть лицо, но напрасно...

— Так его, так, Тал, — произносит чей-то голос. Яркая вспышка света. В конце длинного стола стоит Транх, расставив ноги и твердо сжав в правой руке миниатюрную камеру.

— Еще разок, пожалуйста.

Вспышка. Хан пытается спрятать лицо, оглядывается в поисках возможности для бегства, но за спиной Транх стоят мускулистые молодцы в пиджаках.

— Я скажу тебе, за кого он себя почитает, дорогуша. Перед тобой сидит Шахин Бадур Хан, личный парламентский секретарь Саджиды Раны, вот кто. Мне очень жаль, что так получилось, милашка, очень жаль, что пришлось тобой воспользоваться. Никакой личной неприязни к тебе, пожалуйста, поверь. Политика. Обычная грязная

политика. Извини, Тал.

Транх убирает камеру, какое-то мгновение медлит, затем прижимает руку ко рту, словно пытаясь скрыть какой-то омерзительный и рвущийся наружу секрет.

— Тал, уезжай из Варанаси. Тебя с самого начала рассматривали здесь как хорошую подставу. И меня послали, чтобы найти тебя. Важна была твоя невинность, отсутствие каких-либо связей в этом городе. От тебя можно в любой момент избавиться так, что никто просто ничего не заметит. Беги!

Здоровенные мужики уводят ньюта вниз по лестнице.

Словно колибри среди стаи ворон.

24
Наджья

Наджья Аскарзада вместе со своими подругами занимается спортивной ходьбой. На ней суперприкид. Она купила и его, и массу других вещей на деньги, полученные за снимки Рат Ятры. Вещи для себя, вещи для друзей, чтобы они оставались друзьями. Отношения Наджьи Аскарзады с людьми всегда больше напоминали деловые связи по контрактам.

Девочки занимаются спортивной ходьбой перед завтраком каждый вторник и четверг с тех самых пор, как Наджья поселилась в «Империал интернэшнл». А сегодня утром ей как никогда нужна такая тренировка. Накануне вечером они явно хватили лишнего, сидя за бутылочкой шампанского «Омар Хайям». С ними был и Бернар. Он весьма сдержанно поздравил Наджью с ее журналистскими успехами, а весь остаток вечера проболтал о репрезентациях и эпистемических поливерсах и еще о том, что единственно правильной реакцией на происходящее будет восприятие всего как лишь еще одного эпизода из

сериала «Город и деревня», бесконечного сериала, у которого не может быть сюжетного завершения. Есть ли у кого-нибудь, задавался он вопросом, реальное доказательство того, что Саджида Рана на самом деле посещала Кунда Кхадар, помимо телевизионной картинки, которая, естественно, могла быть и сфальсифицирована? А что касается Эн Кей Дживанджи... что ж, существует расхожая шутка, что все его видели, но никто никогда не встречал. Намечающийся брак Апарны Чаулы и Аджай Надиадвалы по крайней мере отличается правдоподобием, свойственным любому китчу.

Тем не менее Бернар радовался ее успеху, радовался потому, что теперь она поняла объединяющую роль энергии войны.

Он, наверное, будет предлагать мне вернуться, думает Наджья. Он же ревнив и, кроме того, целую неделю не трахался.

А стоит ли ей возвращаться и начинать теоретизировать с ним относительно всего происшедшего?

Бернар скрылся за марлевой занавеской. Они развешены у него по всем комнатам, широкими кулисами и длинными занавесями, а когда поднимается ветер и начинает дуть сквозь щели в жалюзи, занавески набухают и вздуваются.

Бернар слышал, что по Деканскому плоскогорью начались дожди и люди от радости целыми деревнями пускаются в пляс. Ему хочется потанцевать вместе с ней под дождем. Ей тоже пришлась по душе эта идея. Садик на крыше был очарователен, и через полчаса Наджья уже сидела обнаженная на коленях у Бернара, с его восставшим и упругим членом внутри, и при свете дюжины терракотовых масляных ламп, под бормотание мантр размеренно то сжимала, то отпускала его. Наверное, виною всему были полторы бутылки шампанского, выпитые накануне.

Как бы то ни было, они наконец достигли того, что так давно обещал Бернар. Ему удалось продержать свой член в ней в течение часа, не двигаясь, при этом они оба размеренно дышали вместе и произносили мантры, а она сжимала и отпускала, сжимала и отпускала, сжимала и отпускала до тех пор, пока, к собственному величайшему изумлению, не ощутила, как начинает медленно наполняться светом оргазма, который распространяется по ее телу, словно текущее масло. И вот они оба одновременно в единой кульминации взорвались фонтаном спермы, и Кундалини огнем прожгла вершину чакры Сахасрара у каждого из них.

Девушки сворачивают с тенистой аллеи, проходящей рядом с «Империал интернэшнл», на центральную торговую улицу. Зелень дает прохладу и источает влажный аромат, но на бульваре жара уже через час после восхода солнца сделалась просто нестерпимой. Наджья истекает потом, вместе с которым выходят и воспоминания о прошедшей ночи. Сжатые кулаки Наджьи отбивают такт так же, как и ее поджарые ягодицы, обтянутые модными шортами. Мужчины свистят и кричат, но спортивный шаг девушек быстрее движения варанасских автомобилей в час пик. У нового парка под мягкой и пыльной кроной засыхающих миндальных деревьев уличные торговцы уже расставляют пластиковые подставки и раскладывают на них фрукты, автомобильные батареи, нелицензированные лекарства. Поры Наджьи сообщают ей, что сегодняшний день обещает быть одним из самых жарких. Как говорит Бернар, день становится невыносимым еще до того, как успевает по-настоящему начаться. Сделав глоток из бутылки с водой, девушка бросает взгляд в сторону горизонта, но небо за башнями Ранапура напоминает опрокинутую бронзовую чашу.

Наджья ощущает, как жар горячей волной

исходит и от большого автомобиля, медленного движущегося рядом с ней, «мерседеса»-внедорожника, поверхность которого отливает матовым цветом черного скарабея. Опускается зеркальное окно, и отдаленные ритмы музыкального центра вдруг становятся оглушительными.

— Привет! Привет!

Из автомобиля на девушку таращится смуглый, почти черный, щербатый гунда. На шее у него висит нитка жемчуга.

Опустив голову, сжав кулаки, она продолжает идти как ни в чем не бывало. Ягодицы мерно покачиваются. Кто-то что-то передает ей на палм, висящий на поясе. Сообщение не голосовое, не видео и не текстовое, а прямая передача данных. «Мерседес» резко рванул вперед мимо Наджьи, водитель размахивает палмом, а пальцами показывает — О'К. Он ловко протискивает машину между муниципальным автобусом и автоцистерной с водой, сопровождаемой военным эскортом.

Наджье хочется рухнуть в прохладу пруда при «Империал интернэшнл», но тайна загадочного послания не дает ей по коя. На палме она находит видеофайл. Журналистская интуиция подсказывает ей, что нужно быть осторожной. Она берет

палм с собой в душевую кабинку и включает видео. Эн Кей Дживанджи сидит в светлом просторном павильоне под расписными каламкари. Ткань слегка развевается, что придает всей сцене дополнительную таинственность. Эн Кей Дживанджи кланяется.

— Мисс Аскарзада, доброе утро. Полагаю, что именно утром мои агенты доставят вам это сообщение. Думаю, что вы уже успели совершить освежающую пробежку, ведь я убежден, что хорошая зарядка — лучшее начало любого дня. Как бы мне самому хотелось каждый рассвет встречать с сурья намаскар, но — увы! — годы... Тем не менее примите мои поздравления по поводу успешной журналистской реализации той информации, которую я в последний раз передал вам. Должен сознаться, что вы даже превзошли мои ожидания. Я в совершенном восторге, поэтому решил доверить вам обнародование очередной порции конфиденциальных сведений. Вы получите их от моего сотрудника сегодня в полночь по адресу, который сейчас появится на экране. Упомянутая информация имеет громадное значение, и, как мне кажется, я нисколько не преувеличу, если скажу, что она перевернет всю политическую структуру страны. Все мои предшествующие

указания и предостережения не просто будут подтверждены, но получат особую значимость. И вновь я хочу повторить: мы полностью полагаемся на вас. Спасибо, да благословят вас боги.

Наджье Аскарзаде известен этот адрес. Она тщательно прячет палм в номере, прежде чем присоединиться к своим подругам, плещущимся в голубом пруду.

Один раз побывай в каком-нибудь месте и будь уверен, что обстоятельства обязательно приведут тебя туда снова раньше, чем ты можешь предположить.

Шум в клубе умопомрачительный. Деревянные скамьи забиты мужчинами, размахивающими квитанциями о сделанных ставках и ревущими при виде того, что происходит на забрызганной кровью арене. Многие из зрителей в военной форме. Любая война тоже пари. Указания на палме направляют Наджью вниз по ступенькам почти к самой арене. Шум, запахи пота, разлитого пива и выдохшегося одеколона становятся невыносимыми. Наджья с трудом протискивается между орущими и жестикулирующими людьми. Сквозь лес рук девушка едва может разглядеть мини-саблезубых, которых на руках обносят вокруг арены их владельцы. Она вновь обращает внимание на

грубовато-красивого парня, которого заметила еще во время своего первого визита сюда. И вот кошек опускают на песок, их владельцы ныряют под арку, а толпа вскакивает в едином порыве и ревет так, будто поет какой-то страшный гимн. Наджья проталкивается к будкам, где сидят букмекеры. Толстая женщина подзывает ее к себе.

— Садитесь, садитесь сюда, рядом со мной.

Наджья протискивается на скамейку. От женщины пахнет перегоревшим буйволиным маслом и чесноком.

— У вас есть что-нибудь для меня?

Женщина-букмекерша как будто не слышит этих слов, углубившись в записи. Ее ассистент, худощавый пожилой мужчина, роется в мелочи и раздает квитанции, бросая их на полированную поверхность деревянного стола. Зазывала спрыгивает с высокого стула и семенит в центр арены, чтобы объявить о следующем раунде. Сегодня он одет в костюм Пьеро.

— Не у нее, а у меня, — внезапно произносит чей-то голос прямо за спиной у Наджьи.

Девушка оборачивается. Какой-то мужчина перегибается через спинку кресла. На нем куртка из черной кожи. Наджья чувствует запах — пахнет дымом, очень сексуально. Рядом с человеком

страшноватый парень из «мерседеса». Та же самая рубашка, та же самая улыбка, та же нитка жемчуга. Мужчина протягивает Наджье большой конверт.

— Это для вас.

У него темные влажные глаза, красивые, словно девичьи. Такие глаза невозможно забыть, однажды увидев, и Наджья знает, что уже видела их. Но что-то удерживает ее от того, чтобы принять конверт.

— Кто вы такой?

— Платный агент, — отвечает мужчина.

— Вам известно, что там внутри?

— Я просто доставляю почту. Я знаю только одно: все, что находится внутри, совершенно реально и может быть подтверждено.

Наджья берет конверт, открывает его. Рука парня из «мерседеса» с громким стуком опускается на перегородку.

— Не здесь, — говорит парень.

Наджья сует конверт в сумочку. Когда снова оборачивается, никого уже нет. Ей вновь в который раз хочется задать вопрос: почему именно я? Но у мужчины с девичьими глазами вряд ли нашелся бы ответ.

Она перекидывает сумку через плечо и начи-

нает протискиваться сквозь толпу, а зазывала орет с арены смерти, дуя в свой рожок: «Делайте ставки! Делайте ставки! Делайте ставки!.. » И тут Наджья вспоминает, где видела те незабываемые глаза. Она встретилась с ним у балконных перил, здесь же, в бойцовском клубе.

Девушка вновь сидит на мопеде посреди оживленной улицы. Сегодня город как-то угрожающе обступает ее: кажется, будто каждый прохожий сжимает в кармане нож. Автомобили и грузовики словно во что бы то ни стало хотят наехать на нее. Вокруг коровы, которой вдруг взбрело в голову помочиться посередине улицы, образуется пробка. Наджья открывает конверт, примерно на треть вытаскивает из него первую фотографию. Затем наполовину. Потом — полностью. Вынимает следующую. Затем следующую. И следующую.

Корова спокойно отправилась дальше. Фургоны и грузовики истошно сигналят, водители орут что-то, размахивают руками, слышны грубые проклятия в ее адрес.

И следующая... И следующая... Этот тот самый человек. Тот самый... Наджья узнает его, хотя мужчина относится к тем людям, которые не любят демонстрировать себя перед камерами. Тот человек, о котором говорят, что он есть воплощен-

ная воля Саджиды Раны. Ее личный секретарь. Он дает деньги. Пачки банкнот. Ньюту. В клубе. Шахин Бадур Хан...

Вся улица смотрит на нее. Приближается полицейский, размахивающий своим лати. Наджья Аскарзада запихивает фотографии обратно в конверт, при этом ее сердце неистово бьется, она жмет на газ, вырывается вперед и несется прочь от скопления машин.

Шахин Бадур Хан... Шахин Бадур Хан...

Девушка ведет мопед на голых рефлексах сквозь оглушительно сигналящий строй машин. У нее перед глазами деньги, большие деньги, роскошные апартаменты у реки в Нью-Сарнате, супермодные шмотки, отдых на элитных курортах, шампанское (и совсем не «Омар Хайям»), интервью и ее имя в заголовках в газетах по всему Бхарату, по всей Индии, по всей Азии, по всей Земле... И в далекой холодной Швеции ее родители открывают «Дагенс нюхетер» с фотографией своей милой дочурки под главными зарубежными новостями.

Наджья останавливается, чувствуя, что сердце бьется лихорадочно и не совсем ритмично. Вот они, последствия слишком большой дозы кофеина, слишком большой дозы секса, слишком

большой дозы удовольствий. Вот что происходит, когда сразу получаешь все, о чем мечтал. Она видит. Она слышит. Она чувствует. Вихрь шума и цвета окружает ее. В таком полусознательном состоянии Наджья могла приехать только сюда, в центр всего безумия и всех противоречий Бхарата, — на развязку Саркханд.

Все, что имеет колеса и мотор, не может проехать вперед. Расходящиеся в разные стороны дороги вздулись, подобно больным артериям, превратились в палаточные городки, в лагеря, составленные из фургонов, отливающих желтоватым светом уличных фонарей и мерцанием плошек от придорожных алтарей. Наджья спрыгивает с мопеда на землю и ведет его на обочину. Ее притягивает к себе картина величественного хаоса вокруг. Кипящее разноцветное море, проглядывающее сквозь хаос из грузовых машин и больших листов пластика, «колесо», состоящее из сотен людей, бегающих вприпрыжку и распевающих молитвы вокруг ярко раскрашенной статуи Ганеши... Некоторые несут плакаты, другие держат над головой лати, размахивая ими во все стороны, так что создается впечатление тростниковых зарослей, раскачиваемых предмуссонным порывом ветра. На некоторых дхоти и

рубашки, на других — европейские брюки и даже пиджаки. Есть здесь и совершенно обнаженные, измазанные золой садху. Мимо быстро проходит группа женщин в красном — последовательницы Кали. Все они без всякой команды идут в ногу, в идеальном ритме. Кто-то присоединяется к человеческому коловращению, кто-то выходит из него, но колесо продолжает бесконечно вращаться. Столб воздуха между двумя зданиями гудит, как барабан.

В поле зрения Наджьи появляется массивный красно-оранжевый предмет — рат ятра, похожая на ту, что она видела на окраине города. Возможно, это она и есть. Колесница Шивы Эн Кей Дживанджи. Вместе с мопедом девушка подходит поближе. Синкопированное пение молитв отличает безумный и одновременно радостный ритм. Она чувствует, как у нее перехватывает дыхание, как пульс перенимает ритм танца, как сжимается матка, как набухают соски. Наджья становится частью здешнего сумасшествия. Оно овладевает ею. Но ведь Наджья искала чего-то подобного — опасности и безумия, — как противоядие своей слишком уж спокойной и рациональной шведскости. Происходящее здесь словно говорит: все еще возможно в жизни, любые неожиданности и

сюрпризы, твоя жизнь может стать удивительно интересной. Разнообразной и волнующей. «Вельветовые брюки!» — сообщает громадный желтый рекламный плакат над безумствующей мела.

Карсевак с громадными выпирающими вперед зубами сует ей в руки лист бумаги.

— Читайте, читайте!.. На нас нападают демоны, помешанные на сексе развратители малолетних! — кричит он. Листовка отпечатана с одной стороны на хинди, с другой — на английском. — Наши руководители находятся в рабстве у христиан и демонопоклонников-магометан! Основатели Мата Бхарат! Прочтите!..

На листовке имеется большая карикатура на Саджиду Рану, которая изображена в виде марионетки, танцующей в стильной военной форме. Нити держит человек с утрированной арабской внешностью, с огромным крючковатым носом и в традиционной арабской одежде. На нем надпись — Бадур Хан. Саджида указывает дорогу американскому телепроповеднику, с сигарой в зубах управляющему бульдозером, который надвигается на хрупкую индуску, держащую за руку ребенка и пытающуюся скрыться под сенью священной колесницы разгневанного Ганеши, уже грозно поднявшего бивни и топор. Мусуль-

манские насильники-педофилы планируют нашу капитуляцию перед культурой «Кока-колы»! Вначале они отняли у нас воды Ганга, теперь хотят отнять Саркханд, а потом наступит очередь и всего священного Бхарата! Ваша страна, ваша душа в страшной опасности!..

Они ненавидят его, думает Наджья Аскарзада, все еще дрожа от кипящей вокруг человеческой энергии. Они ненавидят его больше всего на свете. И я могу отдать его им. Я могу дать им то, чего они больше всего хотят: страшное жуткое падение человека и политика. Насильник-педофил? Нет-нет, гораздо, гораздо хуже: поклонник существ, не являющихся ни мужчинами, ни женщинами. Чудовищ. Ньютов. Не мужчина!..

Вспышка света и гром восторженных аплодисментов со стороны подпрыгивающей толпы. Девушка замечает горящий флаг Авадхи, который корчится в огне, словно душа грешника. Она может лишь пошевелить пальцем, и будущее всего того, что она видит перед собой, ринется в непредсказуемом направлении. Наджья никогда не чувствовала себя настолько полной энергии, настолько сильной, могущественной и непостоянной. Всю жизнь она была аутсайдером, беженкой, ищущей пристанища, шведской

афганкой. Но она хочет быть частью большого целого, хочет прикоснуться к сути своей идентичности, ощутить зов крови...

25
Шив

Шив и Йогендра проезжают сквозь ураган сильнейшего шума. Фирма «Констракс» гордится своей группой геодезистов, которая объезжает джунгли строящихся районов Варанаси и Ранапура, отбирая лучшие пред- и постиндустриальные площадки. В прошлом месяце фирма занималась строительством пентхауса «Башня Нарайяна» в западной Варауне: восемьдесят восемь этажей, которые легко можно будет сдать в аренду под офисы. В этом месяце они работают над громадной бетонированной шахтой, которая, как только с окончанием войны появятся деньги, может стать университетской станцией метро. «Констракс» известен неплохими архитектурами и очень тонким пиаром. Если вы хоти те что-то узнать о фирме, вам придется искать «нужных» людей в «нужном» месте.

Вот местонахождение «Констракс» на июль 2047 года. Доезжаете на метро до станции «Панч Коши», последней остановке на новой линии Южного кольца — сплошной хром, стекло и та

разновидность бетона, которая кажется маслянистой, когда к ней прикасаешься. В конце платформы временная деревянная лестница, ведущая к путям. Эта часть линии отключена и не действует. Идите по туннелю, пока не увидите маленький кружок мерцающего света. Две тени, которые вдруг появятся с обеих сторон расширяющегося круга, — охранники. Вы должны произвести на них впечатление либо своим обликом, либо стилем, либо славой, либо статусом. Либо быть просто приглашенным гостем Нитиша и Чунни Натов.

А теперь взгляните наверх. Прожектора, установленные на осветительном мостике под временной пластиковой крышей, отбрасывают быстро перемещающиеся круги синего цвета. Из-за карнизов, платформ, проводки, стальных решеток и сеток свет выстраивается в сложный узор из теней и радужных оттенков. Движущиеся тени — это тела, танцующие под индивидуальные мелодии, поступающие с палмов. Место ди-джея где-то как раз посередине между полом и потолком — хлипкий настил из лесов и других строительных конструкций. Здесь группа, состоящая из двух людей и пятнадцати сарисинов, направляет каждому танцующему на платформе

свой собственный микс «Констракс июль-2047».

«Констракс июль-2047» подчиняется строгой и очень простой вертикальной иерархии. Шив и Йогендра едут на служебном лифте мимо уровня для девочек с улицы и секретарш из офисов, целый месяц откладывавших от своей скромной зарплаты ради этой единственной ночи безумств, мимо восходящих звезд и обворожительных молодых преступников, мимо сыновей и дочерей больших шишек — и все они развлекаются на отдельных платформах. Лифт везет их мимо громадных букв красного цвета, заполняющих собой половину окружности шахты, — «Империя индустрии искусств».

Шив отбрасывает докуренную сигарету. Она катится по стальной решетке и падает в клокочущую музыкой и светом голубую бездну, рассыпая искры. Главный бар и место основного скопления народа находится в том месте, которое, вероятно, служит здесь вестибюлем с кассой по продаже входных билетов. Настоящие «боги» расположились на уровнях для VIP, размещенных над шахтой в виде веера из игральных карт.

Шив подходит к охране. Это две крупные русские блондинки в оранжевых комбинезонах с мантрой «Констракс». Выпуклости в их униформе

говорят о наличии не слишком очевидного, но при необходимости легко доступного оружия.

Пока они сканируют его приглашение, Шив внимательно всматривается в то, что происходит на уровне VIP. Наты, две маленькие фигурки в одежде золотистого цвета, похожие на изображения богов, раздают даршан клиентам и просителям. Русская девица жестом дает понять Шиву, что он может пройти к бару. На социальной лестнице он явно находится на очень низкой ступеньке.

Напитки продаются там же, где и билеты. Десятки барменов смешивают, взбивают, охлаждают и разливают в ритме, отчасти напоминающем танец, а отчасти демонстрацию боевого искусства. Коктейль сегодняшнего вечера — нечто под названием «Кунда Кхадар». Кусочек льда бросается в неразбавленную водку. Лед раскалывается, подтаивает и окрашивается в красный цвет при контакте со спиртом. Кровь священного Бхарата, пролитая на водах Ганга. Шив был бы не против испробовать этого напитка, он выпил бы чего угодно, в чем есть хоть капля спирта, чтобы хоть немного успокоить расшатавшиеся нервы, но денег нет даже на стакан чистой воды. Кто-то должен заплатить за него. Единственные глаза,

которые отвечают на его взгляд, принадлежат девушке, стоящей в полном одиночестве у ограждения. Она вся в одежде красных тонов: мягкая кожаная юбка терракотового цвета, длинные прямые волосы, выкрашенные в ярко-малиновый цвет. В пупок вставлен опал. На ногах обувь из шкуры какой-то живности с перьями, а с ремешков свисают колокольчики — новый стиль, который Шив пропустил из-за своего изгнания. Одну, две, три секунды девушка глядит на него, затем отворачивается в сторону провала шахты. Шив тоже, опершись на ограждения, начинает рассматривать мельтешение фигур внизу и мерцание светомузыки.

— Приносит несчастье, знаете ли.

— Что приносит несчастье? — спрашивает девушка. У нее вялое городское произношение.

— Это.

Он похлопывает ее по опалу на животе. Девушка слегка дергается, но не отшатывается, потом ставит гироскопический бокал с коктейлем на перила и поворачивается к Шиву лицом. Красноватые завитки спиралью закручиваются вокруг чистого спирта.

— Опалы. Камни, приносящие несчастье. Так думали англичане в викторианскую эпоху.

— Не могу сказать, что считаю себя особенно несчастной, — говорит девушка. — А вы случаем не приносите несчастье?

— Самое страшное, — отвечает Шив. Расслабившись, он раскидывает руки по перилам ограждения и сбрасывает ее бокал с коктейлем вниз. Тот падает, подобно слезе бога, отливая всеми цветами радуги. Снизу доносится женский вопль. — Вот ваше несчастье. Мне очень жаль. Я куплю вам другой...

— Не беспокойтесь.

Ее зовут Джухи. Шив подводит девушку к месту, где продают входные билеты. Йогендра прекращает нагло рассматривать здешних милашек и следует за Шивом на пристойном расстоянии. Коктейль «Кунда Кхадар» очень холодный, очень вкусный и очень дорогой. Красные прожилки в нем — корица с разными добавками. Джухи болтает о клубе и о людях, которые его посещают. Шив бросает взгляд на VIP-зону. Брат и сестра Наты переместились на один уровень выше. Теперь они напоминают две золотые звезды под раскачивающимся пластиковым балдахином. Джухи слегка ударяет его по ноге носком своей суперстильной обуви — начинает заигрывать.

— Я вижу, ты все куда-то вверх смотришь, па-

рень. На кого ты работаешь?

Джухи пододвигается к нему поближе. Шив кивает в сторону Натов, окруженных темными фигурами своих марионеток. Джухи тоже смотрит вверх.

— Вот черт! У тебя что, какие-то дела с ними? Тогда будь осторожен. Они могут делать все, что захотят, потому что у них есть деньги, а их папаша закупил всю полицию. Они похожи на ангелов, но внутри — черные и старые демоны. Очень плохо обращаются с женщинами. Ему хочется трахаться, потому что он чувствует себя двадцатилетним, но у него не встает, приходится принимать гормоны и все такое прочее. Но даже это не помогает, и он вынужден пользоваться куклами и другими приспособлениями. И она не лучше его. Она наблюдает за его играми. Мне все известно, потому что одна моя подруга как-то принимала участие в их развлечениях. Они оба хороши.

Русская девица ловит взгляд Шива, кивает ему, как бы говоря: ты — и твоя обезьянка тоже.

— Пойдем со мной наверх, — говорит он, обращаясь к Джухи. — Тебе не придется с ними встречаться.

Но сейчас он думает только об одном: когда у

него наконец появятся деньги, чтобы закрутить все снова. И опять будут коктейли «Кунда Кхадар» и им подобные без счета, номер в отеле, свой столик в кафе и телевизор для Йогендры. Шив даже начинает ощущать некую легкость внутри. Плечи расправляются. Подбородок поднимается вверху. Походка становится увереннее, а шаг шире. «Золотые» люди поворачиваются в его сторону. Они держат «Кунда Кхадар» в руках, словно вещественные доказательства бесчисленных совершенных ими убийств. Посередине «золотые» дети. Нитиш и Чунни Наты стоят рядом. Они одеты совершенно одинаково в расшитые золотом кружевные шервани. У них гладкие лица, чем-то напоминающие мордочки хорошеньких щенят, неестественно открытые и невинные. У Чунни волосы спускаются до пояса. Нитиш обрит наголо, его голый череп посыпан слюдой и блестит. Шив думает, что Нитиш очень похож на пациента детской онкологической клиники, проходящего курс лучевой терапии. Они улыбаются. Теперь он видит, где скрывается разгадка. В старческих улыбках. Нитиш манит его к себе.

— Господин Фараджи. — Голос Нитиша Ната высок, чист и звонок настолько, что даже заглушает звучащий микс. — А парень — ваш...

— Личный ассистент.

— Да, понимаю.

Шив чувствует, как под кожаной рубашкой конденсируются капельки пота. Каждое слово, каждый нюанс поведения, каждая интонация, движение мышц сканируются, прочитываются и анализируются. Он снова начинает ощущать тот самый запах. Шив не знает наверняка, на самом ли деле существует этот аромат или только у него в мозгу, но всякий раз, когда он находится рядом с «брахманами», то чувствует запах чего-то дурного, искаженного, каких-то перепутанных генов. И вообще от них пахнет чем-то нечеловеческим.

— А... женщина?

— Ничего особенного. Случайная встреча. Не имеет значения.

— Превосходно. Пройдемте со мной, пожалуйста.

Здесь есть уровень, расположенный над всеми остальными, крошечная клетка из строительных деталей, подвешенная к главному крану. Шив, Йогендра и Нитиш Нат располагаются в ней, как дольки внутри апельсина. Гул от многоголосой болтовни, эхо, звук от множества толкущихся в танце ног на платформах разного уровня — все внезапно смолкает с такой неожиданностью, что

отсутствие шума воспринимается Шивом как резкая боль.

— Это поле полной тишины, — поясняет Нитиш Нат. Его голос звучит как-то неестественно близко. Шиву кажется, что он говорит ему прямо в барабанную перепонку. — Разумно, не правда ли? Очень важно для рассмотрения щепетильных вопросов бизнеса. Должен вам сказать, что пока мы очень довольны вашей работой, господин Фараджи. Ваше отношение к делу вдохновляет. Вам дали понять, что если задание будет выполнено удовлетворительно, то появится и другая работа. Мы бы хотели предложить новый контракт. Не буду скрывать, дело крайне опасное. Вполне вероятно, что, выполняя предлагаемую работу, вы будете убиты. В качестве оплаты услуг гарантируем списание ваших долгов Давудам. Их жуткие механизмы больше никогда не нарушат ваш покой. Кроме того, мы выплатим достаточную сумму для того, чтобы вы смогли прекрасно устроиться в этом городе — или в любом другом.

— В чем состоит предлагаемая работа?

— Совершенная абстракция, господин Фараджи… Объяснения могут показаться вам лишенными всякого смысла, но мы прекрасно понимаем, что должны сделать все от нас зави-

сящее, чтобы вы не обвиняли нас впоследствии в том, что не были в необходимой мере информированы. В течение определенного времени правительство Соединенных Штатов заключает здесь субдоговоры на производство таких разновидностей искусственного интеллекта, которые они не имеют права разрабатывать у себя из-за Актов Гамильтона. Для них уже стало обычной практикой пользоваться услугами тех стран, что не присоединились к международным соглашениям, касающимся доступа к искусственному интеллекту высокого уровня. Вам известно, что значит поколение 2,52?

— Компьютер, который вы на семьдесят пять процентов не сможете отличить от человека...

— Неплохое определение. Все, что превышает 2,5, запрещено по условиям названного Акта. Все, что ниже, должно быть лицензировано. Бхарат относится к числу неприсоединившихся стран, однако местные законы требуют лицензирования всего до уровня 2,75. Это делается с целью сохранения доминирующего положения на медиа-рынке, где выпускают «Город и деревню» и тому подобное. Наш клиент предоставил информацию, согласно которой в Бхарате некто проводит работу по декодированию для

США. В деле замешаны НАСА, Пентагон и ЦРУ, что необычно, но указывает на важность проводимой работы. Нашему клиенту нужен ключ к шифру.

— А что же вы хотите лично от меня?

От противоестественной тишины в «зоне молчания» у Шива начинают болеть зубы.

Нитиш Нат хлопает в свои крошечные пухленькие ладошки.

— Слышу голос по-настоящему делового человека! Ваша миссия будет состоять из двух частей. Во-первых, вы должны найти, кто конкретно занимается дешифровкой. Во-вторых, проникнуть в организацию и добыть ключ. Нам известно только то, что человек, занимающийся расшифровкой, прибыл в Бхарат три недели назад.

Нитиш Нат поднимает руку. На ней надет палм-перчатка. На экране видефрагмент с бородатым европейцем в мешковатой одежде, в которой они всегда так идиотски выглядят. Его засняли, когда он выходил из фатфата. Он оглядывается по сторонам, а затем идет сквозь толпу по направлению к бару Каши. Фрагмент идет снова с самого начала.

— Его зовут Хейман Дейн. Он американец, независимый специалист по криптографии.

Шив внимательно рассматривает толстяка.

— Думаю, с ним нам придется попотеть.

Нитиш Нат хихикает. Шив вряд ли когда-либо слышал более жуткий звук.

— Как только вы обнаружите местонахождение объекта и продумаете план операции, наш клиент оплатит все оправданные расходы — дополнительно к тому щедрому вознаграждению, о котором речь уже шла ранее. А теперь... не могли бы мы покинуть это место? Извините, но от вашего телесного запаха мне становится дурно.

«Зона молчания» вдруг взрывается шумом. И вновь все органы чувств Шива заполняются звуками и красками «Констракс июль-2047». Все вокруг снова становится свежим, гибким, чистым и просторным.

Шив следует за Нитишем Натом вниз по крутым ступенькам к VIP-зоне.

— Я свободен в выборе методов осуществления операции?

— Абсолютно. Вашу связь с нами или с нашим клиентом проследить будет невозможно. Ну а теперь мы хотели бы услышать окончательное решение.

Решение уже принято.

— Я это сделаю.

— Прекрасно, прекрасно, прекрасно!

Нитиш Нат останавливается у подножия лестницы и сует свою маленькую гладкую ручонку Шиву. Шив делает над собой усилие, чтобы не отдернуть руку. Он видит, как тело женщины выбрасывают из черного гроба в черную реку...

— Чунни! Господин Фараджи с нами!

Чунни Нат едва доходит Шиву до пояса, но стоит ей взглянуть ему в глаза, как у него внутри все сжимается от страха. Эти глаза — словно шарики из свинца.

— Вы с нами. Ну что ж... хорошо. — Слово «хорошо» она тянет, будто хлопковую нить. — Но вы ведь не один из нас, господин Фараджи?

Ее брат улыбается.

— Прошу прощения, госпожа Нат, но я не понял вас.

— Мы хотим сказать, что до сих пор вы демонстрировали свои достоинства в мелочах, в которых их мог бы выказать любой уличный гунда.

— Я не какой-то уличный гунда.

Вновь на периферии зрения Шива начинают мелькать голубые пятна, где-то там, внизу, в шахте, среди танцевальных платформ.

— В таком случае докажите это, господин Фараджи.

Чуни бросает взгляд на брата. Шив чувствует, как Йогендра берет его за рукав.

— Та девушка, с которой вы пришли сюда. Мне кажется, вы сказали, что познакомились с ней в баре.

— Да, она хотела посмотреть VIP-зону.

— Вы сами сказали, что она не имеет значения.

— Да, я так сказал.

— Прекрасно. Бросьте ее через перила, пожалуйста.

Шиву хочется рассмеяться, громким хриплым смехом, который заполнил бы собой все пространство подземного зала. Ему хочется смеяться над безумными словами, которые нельзя произносить вслух.

— Вам очень многое доверяется, господин Фараджи. И самое меньшее, что мы имеем право от вас потребовать, — это демонстрация вашей полнейшей преданности.

Смех застревает у Шива в горле.

Платформа располагается так высоко и кажется такой неуютной и такой чудовищно хрупкой над громадной бездной. Огни прожекторов мелькают, словно в горячечном бреду. Вместо музыки звучит какое-то оглушительное однообразное

бренчание.

— Вы шутите. Вы с ума сошли. Она мне говорила, что вы сумасшедшие придурки, что вам нравится делать всякие безумные вещи, играть в страшные игры...

— Ну вот видите. Значит, есть и причина для того, о чем мы вас просим. Мы не можем стерпеть оскорбление, господин Фараджи. И это проверка для нас самих. Доверяете ли вы нам настолько, что считаете, что вас никто пальцем не тронет, если совершите здесь то, о чем мы просим?

Сделать подобное будет не так уж и сложно. Она стоит у самого ограждения рядом с какой-то знаменитостью и пристально смотрит на Шива. Она расслабилась благодаря нескольким «Кунда Кхадарам». Быстрый удар, толчок, переброс через металлическое ограждение — и она летит в темную бездну. Но он не может сделать этого. Он торговец человеческими органами, делец, мясник. Он может неплохо отделываться от трупов, сбрасывая их в реку, но он — не убийца. Но если не убийца, значит — мертвец... Ему лучше сейчас самому подойти к ограждению, взобраться на него, развести руки в стороны и броситься вниз.

Шив отрицательно качает головой. Наверное, он стал бы еще очень долго говорить им о чем-то,

объяснять, убеждать, но Йогендра действует быстро. За мгновение, которое потребовалось Йогендре на то, чтобы подбежать к Джухи, девушка успевает улыбнуться, нахмуриться, открыть рот, чтобы закричать. Бокал взлетает в воздух, расплескивая во все стороны кровавую водку. Джухи отшатывается. Йогендра опускает голову и наносит ею удар в лицо девушке. Она взмахивает руками... Она теряет равновесие... Она падает за ограждение... Вверх взмывают супермодные ботинки, в воздухе трепещут перья. Руки Джухи как-то странно вращаются. Она летит мимо перекрещивающихся полос света, мимо равнодушных танцующих. Короткий вопль. Когда тело ее врезается в край нижней платформы, по бетонному колодцу «Констракс июль-2047» разносится эхо от удара. Тело подпрыгивает. Поворачивается в воздухе — странное, бесформенное, разбившееся. Шив надеется только на одно: девушка уже мертва. Он думает, что от удара у нее мгновенно сломался позвоночник.

Все слышат мягкий глухой звук, когда тело Джухи достигает самого дна шахты. Происшедшее заняло гораздо больше времени, чем предполагал Шив. Перегнувшись через перила, он видит, как к девушке спешит кто-то из охраны. Они ничем

не могут ей помочь, просто о чем-то перешептываются между собой. Затем смотрят вверх по ходу световых полос, прямо ему в лицо. Снизу раздаются вопли. Цилиндр «Констракс июль-2047» наполняется паническими криками.

Она просто хотела хорошо провести ночь. Вот и все. Выпить. Потанцевать. Пофлиртовать. Посмотреть на знаменитостей. Поразвлечься. Чтобы было что рассказать подругам на следующий день.

Пустой бокал все еще вращается на полу. Нитиш и Чунни Нат смотрят друг на друга.

Он не убийца... Он не убийца...

Русская девица протягивает ему толстый пластиковый бумажник. Сквозь дымчатый винил Шив видит толстую пачку банкнот. Ему кажется, что Джухи плывет перед ним, он не может понять, что это может значить. Он замечает, что Йогендра все еще стоит у ограждения словно окаменевший, бледный как смерть. Шив не понимает, что означает все происходящее.

Она хотела просто весело провести ночь. Тело, падающее в темную воду... Джухи падает в бездну, судорожно размахивая в воздухе руками и ногами...

— Кстати, — говорит Нитиш. Его голос еще не

звучал так искусственно и так механически, даже в «зоне молчания». — На тот случай, если вам вдруг захочется узнать, что пытаются расшифровать американцы. Они что-то нашли в космосе и не могут понять, что это такое.

«Империя индустрии искусств» — гласит красное граффити на стене.

ТАНДАВА НРИТЬЯ

26
Шив

Американец — крупный мужчина, и из него выходит много крови. Невидимый в своем укрытии в тени под балконом Шив внимательно рассматривает его. В американском кино, в детективах и триллерах часто употребляется выражение, которое ему очень нравится. «Завалить борова»... Шиву никогда не приходилось видеть, как режут свинью, но он прекрасно может вообразить эту сцену: маленькие ножки свиньи отчаянно дергаются в воздухе, она еще пытается сопротивляться, а чьи-то руки тем временем отводят ей голову назад и перерезают глотку. Затем нож погружается в артерию, из которой фонтаном хлещет кровь. И теперь Шив представляет не коротенькие ножки свиньи, а бледные волосатые ножищи того мужика, торчащие из его широких мешковатых шортов. Шив пытается вообразить, какие звуки он будет издавать, когда нож будет проходить сквозь слои жира на его теле, — какой-нибудь удушливый стон, уродливый и нечеловеческий. Он будет вот так мотать головой в поисках мучи-

теля. Шив одевает борова из своего воображения в одежду американца.

Свиньи вызывают у него отвращение.

Это был всего лишь незначительный укол, только для того, чтобы пошла кровь. Они становятся еще более агрессивными, когда почуют запах крови, как сказала ему девица в спортивной майке. Вы можете даже считать, что видели демонстрацию вкуса. Сережка смотрелась нелепо в ухе взрослого мужчины. Лучше вообще лишиться мочки.

— Я вас снова спрашиваю. Где находится ваш заказчик?

— Послушайте, я вам уже несколько раз говорил, что я не знаю, о чем, черт возьми, вы говорите... Вы ошиблись, я не тот человек, который вам нужен...

Шив тяжело вздыхает. Кивает Йогендре. Тот влезает на перила, в руках у него ножницы, он держит их так, чтобы они поярче сверкали на свету.

— Только попробуй тронуть меня, мужик. Тронешь меня — и получишь дипломатические проблемы. Вы, придурки, облажались. Вы слышите меня?..

Йогендра скалится, по-бабьи покачивает бедра-

ми, щелкает ножницами: чик-чик, чик-чик. Шив смотрит, как струйка крови течет по шее американца. Она уже успела засохнуть и свернуться — хорошее лакомство для мух.

Шив прослеживает путь струйки дальше, под воротник пляжной рубашки. Кровь начинает проступать сквозь ткань.. Еще ниже по руке, где она расплывается по запястьям, на ссадинах от наручников. «Завалить борова», — снова проносится в голове Шива.

— Вы Хейман Дейн?

— Нет! Да... Послушайте, я даже не знаю, кто вы такие.

— Хейман Дейн, где ваш заказчик?

— Заказчик? Заказчик, что за чертов заказчик?..

Шив встает. Он отряхивает пыль с нового длинного кожаного пальто. Как говорят гиды, выводящие рюкзачников в гхаты поутру, при утреннем свете все видится по-другому. При утреннем свете в грязном игорном притоне становятся видны пыль, сигаретные окурки, дешевое дерево. Все пусто, нет бойцов, нет маклеров, нет игроков, нет конферансье, который прохаживается по арене в костюме с блестками и что-то напевает в микрофон. Место утратило

свою душу, свой атман. Шив открывает дверь ложи и выходит на маленькую лесенку.

— Под заказчиком имеется в виду организация, которая по указанию правительства Соединенных Штатов проводит расшифровку информации, полученной из космоса.

Голова толстого американца откидывается назад.

— Мужик, можешь сматывать удочки прямо сейчас. Я говорю тебе: этот твой член-недоросток с ножницами может отрезать что и сколько ему в голову взбредет, но Белый дом вы все равно не перешибете.

Шив идет к первому ряду. Он заранее подготовил свое представление. Дверца в амфитеатре открывается, и девушка везет клетку с мини-саблезубым на каталке с резиновыми колесами.

Как приятно было вновь сесть в машину, почувствовать ее кожаную обивку, включить радио, зная, что тачка не взята напрокат, что это его машина, его собственная колесница раджи, его рат ятра. Как приятно носить в кармане карточку антрацитного цвета с неограниченным кредитом — рядом с пачкой банкнот, так как любой джентльмен знает, что важнейшие сделки проводятся только с наличными. А как приятно дать

понять всем вокруг, что Шив Фараджи вернулся живой и невредимый. В клубе «Мусст» он отсчитал тысячу, две тысячи, три тысячи, четыре и швырнул их на голубую стойку перед Салманом.

— Вы возвращаете мне больше, чем были должны, сэр...

Жирный Салман тычет толстым коротким пальцем в последнюю банкноту в ряду разложенных на прилавке. Бармен Тальвин обслуживает клиентов у столика, но в промежутке между акробатическими пассами с шейкером бросает опасливые взгляды в сторону Шива и Салмана.

— Это чаевые.

Все девчонки смотрят на него, когда он выходит из бара. Шив искал Прийю, чтобы поблагодарить и вознаградить ее за услугу, но оказалось, что в тот вечер она развлекалась в другом баре.

— Как ты думаешь, наверное, нам теперь надо поработать по-настоящему?

Такого длинного предложения он до сих пор никогда от Йогендры не слышал. Но Шив уже почувствовал, что в их отношениях возникла некая перемена после того, что случилось в «Констракс июль-2047». Парень стал наглеть. Он считает, что у него хватило мужества сделать то, что не смог сделать Шив, потому что Шиву что-то помешало,

потому что он слабак, потому что он в самый ответственный момент сдрейфил. Но ничего подобного с ним больше никогда не произойдет. Он хочет, чтобы парень это понял, чтобы увидел собственными глазами. Рядом с телом женщины в сари, плывущим по Гангу, другое тело — Джухи, падающей с балкона, инстинктивно хватающейся за воздух. Ярче всего он видит ее глаза. Теперь было бы легче, и Шив понимает, с каждым разом будет становиться все легче и легче, но воспоминание о случившемся продолжает его заводить. То, что произошло, было ужасно, ужасно до самой последней степени, но ведь он снова мужчина. Раджа. И теперь выполнит порученную ему работу.

Наступило утро, и Хейман Дейн отшатывается от мини-саблезубого, скалящего клыки в своей клетке. Зверь скалит клыки и рычит, потому что Сай, ловкая и умелая дрессировщица, успела уже накачать его возбуждающими средствами и галлюциногенами, поэтому, когда он смотрит на жирного американца, то видит в человеке врага, злого кота, которого необходимо как можно скорее уничтожить, разорвать на части. И — о боже! Жирный Хейман Дейн забыл о наручниках, он тяжело падает, он сучит ногами, корчится, пытаясь встать, но встать никак не может, потому что

слишком толст и руки у него связаны за спиной.

— Несчастный, — произносит Шив, поднимается и делает несколько шагов по направлению к первым рядам.

— Черт с тобой, мужик! — орет Хейман Дейн. — У тебя будут проблемы, очень серьезные проблемы, я могу тебе это гарантировать!.. Ты мертвый, понял?! И ты, и твой педераст-мальчишка, и твоя сучка, и твоя чертова затраханная кошка...

— Не понимаю, о каких проблемах вы ведете речь, — говорит Шив, садится и кладет подбородок на спинку кресла первого ряда. — Вы же можете просто рассказать мне, на кого работаете, и сразу все проблемы — и ваши, и наши — исчезнут.

— Сколько долбанных раз я должен повторять одно и то же? — вопит Хейман Дейн.

Слюна капает у него изо рта на песок. Американец лежит на боку с красным от злости и беспомощности лицом. Если он на самом деле компьютерный гений, как о нем говорили, то чересчур уж хорошо изображает полного идиота, думает Шив. Но ведь там, на Западе, свои особые представления о гениальности. Гений у них тот, кто проявляет нечеловеческие способности в какой-то одной предельно узкой области.

Чудесное утро занималось в ярко-малиновых и шафранных лучах восходящего солнца, встающего из-за гирлянд силовых и коммуникационных кабелей, когда Йогендра выезжал на машине, собираясь на дело.

Наступали волнующие времена. Возможно, даже придет давно обещанный муссон. Шив поплотнее закутался в куртку, внезапно почувствовав себя как-то зябко, и направился к своему техническому консультанту.

Ананд входил в число восходящих звезд компьютерного бизнеса. Ему принадлежала «лавка» нелицензионных сарисинов уровня 2,5, которую можно было отыскать, войдя с черного хода в обувную мастерскую его дядюшки на Панч Коши. Именно во время визита в эту мастерскую Шив и познакомился с Анандом. Он часто захаживал туда в прошлом. Здесь умели хорошо работать с кожей. Обувь самой лучшей ручной работы, которую когда-либо приходилось видеть Шиву. Ананд приносил клиентам очень крепкий кофе, сваренный в старом добром арабском стиле, а для желающих — и с кусочком «Шарика непальского храма», растворенном в горячем черном сладком напитке.

Сегодня утром большие солнцезащитные

очки фирмы «Гуччи» скрывают воспаленные, покрасневшие глаза Ананда. Ананд живет по американскому времени. Шив опускается на мягкий валик дивана, поднимает крошечную чашечку, источающую фантастический аромат, и делает глоток. Майна, сидящие в клетках, подвешенных к балкам открытого деревянного балкона, громким чириканьем обсуждают ярко-алый восход солнца. Как только начинает действовать непальское снадобье, Шив блаженно откидывает голову назад.

— Обложили сундарбана? — Ананд сжимает губы и едва заметно дергает головой — таким манером восходящие звезды кибернетики показывают, что находятся под впечатлением от услышанного. — Мой первый совет: если можете обойтись без этого, постарайтесь не связываться.

— А второй совет?

— Осторожность, осторожность и еще раз осторожность. Что касается меня, то могу подготовить кое-какое программное обеспечение, которое, возможно, сделает вас невидимыми для большинства обычных сарисинов слежения. Очень немногие из них превышают первый уровень, но те ребята, с которыми вы имеете дело, по определению, редко работают по правилам. Но пока

я не знаю конкретно, на кого вы выходите, все мои рекомендации строятся исключительно на предположениях.

Ананд раздувает щеки — у восходящих звезд кибернетики знак некоторой растерянности.

— Выяснением этого мы как раз сейчас и занимаемся.

Наверное, Йогендра уже там. Место парковки рядом с отелем зарезервировано по договоренности со швейцаром. Сейчас он скорее всего открывает окно, вооружившись иглой с нужным медикаментом. Никакого оружия. Шив не любит оружие.

Шив откидывается на спинку низкого украшенного прихотливой вышивкой дивана. Кофе бурлит в турке на углях. Ананд наливает еще две чашки. Возможно, он и выглядит как лавда, но свое дело знает, думает Шив.

— Как насчет моего второго запроса?

— Ты веришь в теорию заговора?

— Я вообще не верю в теории.

— У каждого есть своя теория, дружище. В основе всего лежит та или иная теория. Брат жены моего двоюродного брата работает программистом в Европейском космическом агентстве, и там ходят интересные слухи. Помнишь, некото-

рое время назад американцы, русские, китайцы и европейцы объявили, что собираются направить космическую станцию на Тьерру?

Шив отрицательно качает головой. После второй чашки Ананд разражается длинным повествованием, чем-то напоминающим Шиву рассказы матери о героических деяниях Рамы и отважного Ханумана.

— Быть может, это первая ППЗ. Планета, похожая на Землю и находящаяся за пределами Солнечной системы. Астрономы обнаружили эту самую Тьерру, и сколько же шума было из-за нее по всем новостным каналам! Говорили, что к ней собираются направить автоматическую научно-исследовательскую станцию. И вот отсюда слушай внимательно. Здесь начинается история о заговоре: никакой станции, готовящейся к полету на Тьерру, не существует. И никогда не существовало. Разговоры о ней нужны были только как прикрытие. Ходят слухи, что там действительно что-то нашли. Нечто такое, что не создано ни Богом, ни нами. Какой-то загадочный объект. Очень, очень древний. Немыслимо древний. Ему не просто миллионы, а миллиарды лет. Ты можешь себе представить подобное? Миллиарды и миллиарды лет. Время на уровне Дня Брахмы.

Это настолько напугало ученых, что они готовы рискнуть безопасностью и передать найденную информацию тем очень немногим людям, которые способны ее расшифровать. То есть нам.

Он тычет пальцем себе в грудь.

В данный момент американец уже выходит, думает Шив, уносясь вместе с ароматным дымом во внутренний дворик отеля, подальше от утомительных слов звезды компьютерных технологий, туда, где работают женщины и где ждет большая взятая напрокат машина, внутри которой лежит игла. Выходя, он будет бледен, станет растерянно мигать. Он даже бросит взгляд на машину. Он будет думать о своем кофе с рогаликом, кофе с рогаликом... Нас губят наши же привычки. Шив слышит беззвучный выстрел игломета. Видит, как подгибаются ноги толстяка, когда транквилизатор начинает действовать на его двигательные нейроны. Видит, как Йогендра заталкивает его в машину. Он улыбается этой слегка комичной картине: тощий уличный мальчишка пытается перекинуть грузную тушу американца через задний откидной борт автомобиля.

Шив сидит на мягких подушках, положив руки на колени. Полосы ярко-малиновых облаков догорают, небо становится чистым и голубым.

Начинается еще один день с ароматом смерти.

Шив слышит отдаленные звуки радио. Похоже, диктор чем-то сильно взволнован. Повышенные голоса, обвиняющий тон. Шив откидывает голову назад и наблюдает за тем, как над чашкой кофе поднимается струйка пара. Прищурившись, он представляет, что смотрит на инверсионный след самолета. «Шарик непальского храма» нашептывает: верь... верь тому, что в этом мире нет ничего прочного, ничего устойчивого, в нем все возможно. Большая вселенная... Какая ерунда! Вселенная узенькая, тесная, она вся зажата в узком углу из света, музыки, человеческой кожи, и существует она всего несколько десятилетий, и не шире вашего периферийного зрения. Люди, считающие иначе, просто наивные дурачки.

— А третий совет?..

Сейчас Йогендра уже должен был захватить американца, затолкать в машину еще до того, как пройдут спазмы, и теперь он везет добычу сквозь дорожную сутолоку. Черт бы побрал все эти автомобили, такси, фатфаты, грузовики, автобусы, мопеды и священных коров!..

Глаза Ананда расширяются, словно он пытается постичь истину, слишком невероятную даже для восходящей звезды компьютерных технологий,

верящей в теорию заговора.

— А вот тут-то начинается самое настоящее безумие. Ты там обделываешь всякие делишки с Натами и не знаешь, какие ходят слухи относительно того, на кого они работают, кто может быть их клиентом.

— Заговоры и слухи...

— Если в нашем мире нет Бога, то что нам остается, кроме них?

— Итак, кто клиент?

— Никто иной, как Мистер Гениальность собственной персоной, друг бедняков и защитник униженных, бич Ранов и гроза Авадхов. Позвольте вам представить Эн Кей. Дживанджи.

Шив переходит к третьей чашке густого ароматного кофе.

Шив встает и идет — медленно, как того требует сценарий — к первому ряду. Это знак для Йогендры прыгнуть вниз, на песок. Он вразвалочку направляется к Хейману Дейну, который уже начинает задыхаться. Йогендра поворачивает голову сначала в одну сторону, затем в другую и рассматривает Шива так, словно видит его впервые. Затем садится на корточки, убедившись, что Дейн видит все его движения, и подбирает с земли отрезанную мочку уха. Танцующим шагом

Йогендра подходит к клетке с мини-саблезубым и изящным движением просовывает кусочек уха американца между прутьями решетки. Всего один щелчок челюстей. Шив слышит чавканье, тихое, но достаточно отчетливое. Хейман Дейн начинает вопить — пронзительно и жутко. Он воет, словно на поминках по самому себе; орет так, как кричит человек, понимая, что кричит в последний раз, и заходится уже нечеловеческим криком.

Шив брезгливо морщится от отвратительного, непристойного звука. Он вспоминает, как в первый раз увидел американца, когда Йогендра выволок его по туннелю на арену. Йогендра грубыми тычками толкал толстяка вперед, а тот пытался идти как можно осторожнее, спотыкался, семенил, боялся потерять равновесие, оглядывался по сторонам, широко открыв от удивления рот, щурился, пытаясь понять, куда это он попал. А теперь Шив замечает, как по шортам американца расползается пятно мочи, темное и горячее, будто след от родовых вод, и не может поверить, что знаменитый западный гений способен так идиотски закончить свои дни.

Йогендра вскакивает на ограждение. Сай идет к клетке. Она поднимает мини-саблезубого над

головой и начинает свой парад, медленно шествуя вокруг арены. Шаг за шагом, потом поворот и — снова... Ритуальный танец, заворживший и соблазнивший Шива в тот вечер, когда он впервые увидел ее на этой арене, на этом песке. В тот вечер, когда он потерял все. А вот теперь она танцует для него. Есть в этом шествии что-то необычайно древнее: женщина, величественным шагом идущая по бойцовскому рингу. Мощным, агрессивным шагом. Танец Кали... Мини-саблезубый должен был бы уже давно вскрыть ей вены, изрезать когтями лицо женщины, скальпировать ее. Но он расслабленно повис на руках у Сай, загипнотизированный прикосновением.

Шив идет к первому ряду. К местам у самой арены.

— Итак, я спрашиваю, Хейман Дейн. Где ваш заказчик?

Сай присаживается на корточки рядом с ним, подогнув одну ногу под себя, а другую вытянув в сторону. Она пристально всматривается в глаза американца, из которых непроизвольно текут слезы. Она кладет кота себе на шею. Шив затаил дыхание от неожиданности. Он никогда не видел этого движения раньше. Он чувствует, как по телу пробегает сладкая истома и как напрягается

член.

— Чунар, — всхлипывает Дейн. — Форт Чунар. Раманандрачарья... Его зовут Раманандрачарья. Развяжи мне руки! Развяжи мои долбанные руки!..

— Придется потерпеть, Хейман Дейн, — говорит Шив. — Нам нужны еще имя файла и код.

Американец бьется в настоящей истерике. Он полностью утратил человеческий облик и уже не способен здраво мыслить.

— Да! Да, только развяжите мне руки!..

Шив кивает Йогендре. Со злорадным петушиным кукареканьем тот подбегает к американцу и снимает с него наручники. Хейман Дейн издает вопль, как только начинает ощущать затекшие кисти.

— Дерьмо ты, мужик! Дерьмо!.. — бормочет он, но теперь в его голосе уже нет того высокомерного презрения, которое чувствовалось поначалу.

Шив поднимает палец. Сай поглаживает голову мини-саблезубого всего в нескольких миллиметрах от своего правого глаза.

— Имя и ключ, Хейман Дейн.

Американец поднимает руки: посмотрите, я не вооружен, беззащитен, от меня не исходит никакой опасности, никакой угрозы. Он ищет

что-то в кармане цветастой рубашки. Груди у него больше, чем у многих женщин, с которыми Шив трахался. Свой палм он держит на весу.

— Видишь, мужик? Они все время были у меня в чертовом кармане.

Шив поднимает палец. Йогендра хватает палм. Сай гладит мини-саблезубого.

— Теперь ты должен отпустить меня, мужик. Ты получил то, что хотел, теперь отпусти...

Йогендра уже дошел до середины прохода между рядами. Сай поднимается и движется в сторону туннеля. Шив поднимается по пологим ступенькам.

— Эй, что мне теперь делать?..

Сай стоит у входа. Она смотрит на Шива и ждет. Шив поднимает палец. Сай поворачивается и бросает мини-саблезубого на арену, забрызганную кровью...

27
Шахин Бадур Хан

Саджида Рана в белой юкате стоит, облокотившись на каменную украшенную барельефами балюстраду, и выдыхает сигаретный дым в напоенную ароматами предрассветную темноту.

— Вы меня в такую задницу засадили, Хан!..

Шахин Бадур Хан думал, что не бывает большего страха, более мучительного чувства вины и омерзения от собственной персоны, чем то, что он чувствовал, направляясь в служебной машине по ночным улицам в сторону Рана Бхаван. Он взглянул на термометр на приборном щитке. И подумал: все-таки приближается муссон. Перед его началом всегда так тяжело. И ведь Хан видел льдину, льдину бенгальцев. Бенгальские Штаты и их укрощенный айсберг совершили чудо. Шахин пытается представить громадную льдину, которую тащат на буксире к Бенгальскому заливу, и щурится от ярких навигационных огней. Хан видел чаек, круживших над айсбергом. Что бы теперь ни случилось, дождь обязательно прольется надо мной и над этими улицами. Я достиг

критической отметки, дальше некуда, думает Хан. Я раздавлен. Но, оказавшись на веранде Рана Бхаван, он понимает, что, вероятно, все еще стоит на первой ступени своего падения. Ши рокая и глубокая пропасть простирается перед ним в глухой непроницаемой темноте.

— Я не знаю, что вам ответить.

Как жалко звучат его слова. Да и неправду он говорит. Хан прекрасно это знает. Он отрепетировал все в мельчайших подробностях, когда мчался на фатфате в свой хавели. Слова, последовательность признаний и раскрытия секретов, которые он хранил в темноте своей души на протяжении всей жизни. Все это пришло мгновенно, сразу, одним большим потоком мыслей, четко оформленных, логично организованных. Хан знал, что он должен делать. Но ему должны позволить... Она должна даровать ему благословение.

— Мне кажется, я такого не заслужила, — замечает Саджида Рана.

Шахин Бадур Хан поднимает руку, пытаясь изобразить невыносимую душевную боль. Но ему не дождаться утешения, надежды на облегчение нет. Он не заслуживает пощады.

В старой зенане зажглись огни. Стоя в галерее, Шахин силится узнать женские голоса. Почти

каждый вечер эта часть дома полна гостей: писательницы, адвокатессы, дамы-политики, журналистки. Они целые часы проводят за разговорами, не запрещаемыми и даже поощряемыми древними традициями пурды. Билкис должна узнать — раньше всех, даже раньше премьер-министра, но, конечно, не в присутствии гостей.

Гохил, шофер, пришел усталый и заспанный, прихрамывая из-за завернувшегося носка в туфле и с трудом подавляя зевоту. Вскоре служебная машина уже стояла во дворе Ханов.

— В Рана Бхаван, — приказывает Шахин Бадур Хан.

— Что случилось, саиб? — спрашивает Гохил, выезжая через ворота и вливаясь в бесконечный поток автомобилей. — Какое-то дело государственной важности?

— Да, — коротко отвечает Шахин Бадур Хан. — Дело государственной важности.

К тому моменту, когда машина подъехала к перекрестку, он уже успел написать на странице из официального служебного блокнота, положив его на подлокотник сиденья, письмо с просьбой об отставке. Затем Хан взял хёк, переключил его на аудиорежим и назвал тот номер, который всегда держал рядом с сердцем с того самого дня,

когда был приглашен в офис премьер-министра и получил предложение занять пост, сходный по значению с должностью главного визиря. В глубине души он надеялся, что ему никогда не придется воспользоваться этим номером.

— Шах?.. — В голосе Саджиды Раны он услышал легкую дрожь. — Слава Богу, это вы. А я уже подумала, что началось вторжение.

Шахин Бадур Хан представляет, как она лежит в постели. Постель, конечно же, белая, широкая и белая. Свет приглушенный, мелкое озерцо света от изящной лампы. Она наклоняется к маленькому шкафчику, что стоит рядом с кроватью. Волосы распущены и черной волной ниспадают ей на лицо. Он пытается представить, во что одета Саджида... Ты предал свое правительство, свой народ, свою веру, свой брак, свою карьеру и человеческое достоинство, и ты еще задумываешься над тем, спит ли госпожа Рана обнаженной... Рядом с ней Нарендра. Всем известно, что они все еще спят вместе. Саджида Рана — женщина с большими аппетитами.

— Госпожа премьер-министр, я вынужден просить вас о своей немедленной отставке.

Мне следовало бы отделиться от шофера перегородкой, думает Шахин Бадур Хан. Следовало бы

поднять стекло. А собственно, зачем? Утром так или иначе ему все станет известно. Все станет известно всем. По крайней мере Гохил получит хороший повод для сплетни, которая потом будет разукрашена самыми разнообразными подробностями. Он хороший, добросовестный шофер, ты у него в долгу, пусть потешится.

— Что за ерунда, Шах?..

Шахин Бадур Хан еще раз повторяет просьбу об отставке, а затем добавляет:

— Госпожа премьер-министр, по собственной вине я попал в ситуацию, которая может скомпрометировать все правительство.

Тихий вздох, словно душа отлетает от тела. Вздох усталости и тоски. Шорох тонкой, белой, накрахмаленной, пахну щей идеальной чистотой материи.

— Я думаю, вам стоит подъехать ко мне.

— Я уже еду, госпожа премьер-министр, — отвечает Шахин Бадур Хан, но она отключилась, и единственное, что он услышал, было дзеновское жужжание киберпомех в святилище его черепа.

Саджида Рана стоит на белой балюстраде, крепко сжав руками балконное ограждение.

— Насколько отчетливы фотографии?..

— Во всяком случае, мое лицо будет видно

хорошо. Ни у кого не возникнет сомнения относительно того, что это я. Госпожа премьер-министр, меня сфотографировали в тот момент, когда я давал деньги ньюту.

Саджида Рана приоткрывает рот, обнажая яркие белые зубы, качает головой, зажигает еще одну сигарету. Шахин Бадур Хан никогда не предполагал, что она так много курит. Еще одна тайна премьер-министра. Именно поэтому Рана и вывела его сюда, на балкон. Чтобы в Рана Бхаван не чувствовалось запаха табачного дыма. Какие восхитительные детали он замечает сейчас, в его-то положении!

— Ньют...

С этого мгновения начинается гибель всерьез. В одном-единственном слове заключено все: отвращение, непонимание, разочарование и гнев.

— Они... такой род...

— Я знаю, кто они такие. А тот клуб...

От него отрывается еще один кусочек. Процесс отрывания невероятно мучителен, но как только завершен очередной его этап, сразу же становится намного легче. Есть какое-то особое, ни с чем не сравнимое удовольствие в том, чтобы хоть раз сказать всю правду вслух.

— Это место, куда люди приходят для встречи

с ньютами. Те люди, которые находят ньютов сексуально привлекательными.

Дым от сигареты Саджиды Раны, прежде чем рассеяться в томно-фантомных зигзагах, поднимается вертикальной струйкой вверх. Воздух поразительно недвижим. Даже вечный гул громадного города стих.

— Скажите мне одно. Что вы собирались с ними делать?..

Я никогда не думал о ньютах в подобных категориях, хочет воскликнуть Шахин Бадур Хан. Этого вам как раз и не дано понять — вам, только что вставшей с супружеского ложа и еще несущей на себе запах мужа, — понять то, что ньюты понимали всегда и лучше всех других. Дело не в том, чтобы что-то делать. Дело в том, чтобы быть. Вот почему мы и ходим туда, в тот клуб, чтобы видеть, чтобы оказаться среди созданий из наших снов, созданий, которыми мы всегда мечтали стать, но у нас никогда не хватило бы мужества на подобное превращение. Мы ходим туда ради мимолетных прикосновений к чистой и хрупкой красоте.

Но Саджида Рана не дает ему возможности высказаться, она начинает говорить сама:

— Впрочем, мне не нужно ничего больше знать.

Вы, естественно, понимаете, что не может быть и речи о вашей дальнейшей работе в правительстве.

— Да, конечно. Я понимаю, госпожа премьер-министр. Я попал в ловушку.

— Это не оправдание. Более того, как мне кажется... О чем вы только думали? Ладно. Не надо, не отвечайте. Как долго продолжалось... подобное?

Еще один неправильный вопрос, свидетельствующий о полном непонимании.

— Большую часть моей жизни. Сколько я себя помню. Всегда.

— В тот раз, когда мы с вами ехали с дамбы, вы сказали, что в отношениях с женой переживаете кризисный период, период некоторого охлаждения... Черт бы вас побрал, Хан!.. — Саджида Рана со злостью топчет потухший окурок каблуком белой шелковой домашней туфли. — Вы ей рассказали?

— Нет, еще нет. Рассказал... но не об этом.

— А о чем же?

— Ей известно о моих... склонностях. Уже достаточно давно.

— И как именно давно?

— Несколько десятилетий, госпожа премьер-министр.

— Перестаньте меня так называть! Не смейте меня так называть!.. На протяжении многих лет вы являлись скрытой угрозой правительству, на которое работали, и теперь имеете наглость называть меня «госпожа премьер-министр»?!. Вы были мне очень нужны, Хан. Теперь мы можем проиграть. Да, мы можем проиграть войну. Генералы показали снимки, сделанные со спутников, и привели результаты компьютерного моделирования ситуации. Все говорит о том, что войска авадхов движутся к северу по направлению к Джаунпуру. Правда, я не совсем уверена в точности их выводов, которые представляются мне какими-то уж слишком очевидными. А чем никогда не страдали авадхи, так это очевидностью своих действий. Мне были нужны вы, Хан, как противовес идиоту Чаудхури.

— Мне жаль. Мне в самом деле очень жаль.

Ему совсем не хочется слушать то, что готова высказать сейчас премьер-министр. Хан уже все слышал. Он сам себе сказал то, что нужно было сказать. Хан повторял очевидные вещи снова и снова, сидя в автомобиле, мчавшемся по душной утренней жаре. Шахину Бадур Хану хочется выговориться, излить из себя все то, что накапливалось в нем в течение многих лет его

жизни. Оно должно вытечь, как вода из каменных губ фонтана в каком-нибудь старом и давно пришедшем в упадок европейском городе. Теперь он свободен. Между ними больше нет никаких тайн, ничто не сдерживает его, и ему хочется, чтобы она поняла, чтобы увидела то, что видит он, почувствовала то, что он чувствует, ощутила хотя бы отчасти его боль.

Саджида Рана тяжело опускается на балюстраду.

— В Маратхе идет дождь, вам это известно? Дожди придут сюда еще до конца недели. Они движутся по Деккану. Пока мы здесь беседуем с вами, в Нагпуре дети уже танцуют под ливнем. Пройдет еще несколько дней, и они будут танцевать на улицах Варанаси. Три года... Я могла бы подождать. Нам не надо было захватывать дамбу. Но я не могла рисковать. И поэтому теперь джаваны Бхарата будут охранять дамбу Кунда Кхадар под дождем. А как к подобным вещам отнесутся простые люди в Патне?.. Вы были правы. Мы засадили Дживанджи. И теперь он хочет отплатить мне за все. Мы его недооценили. Вы его недооценили. В результате нам приходит конец.

— Госпожа премьер... госпожа Рана, мы не знаем...

— Но кто же еще? Вы совсем не так умны, как я думала, Хан. Собственно, и все мы большим умом не отличаемся. Ваша отставка принята.

Саджида Рана сжимает зубы и изо всей силы ударяет кулаком по камню балюстрады, обдирая пальцы в кровь.

— Почему вы так поступили со мной? Я бы вам дала все. А ваша жена, дети, ваши мальчики?.. Почему вы, мужчины, готовы рисковать подобными вещами? Я обязательно выступлю с публичным осуждением ваших действий.

— Да, конечно, понимаю...

— Больше я не могу вас защищать, Шахин, и не знаю, что теперь с вами произойдет. Убирайтесь с глаз моих.

Когда Шахин Бадур Хан идет по аккуратной ухоженной тропинке к служебному автомобилю, темные деревья и кустарники озаряются многоголосым птичьим пением. Какое-то мгновение ему кажется, что это не пение, а звон у него во внутреннем ухе — от всей той лжи, что накопилась в течение жизни и теперь пытается вырваться наружу. Затем Хан понимает, что слышит предрассветную увертюру, исполняемую птицами — глашатаями утра среди кромешной ночной тьмы,

Шахин Бадур Хан останавливается, поворачивается, поднимает голову, прислушивается. Воздух горяч, но чист и ясен. Хан вдыхает освежающую темноту ночи. Он видит небеса, храмовым куполом распростершиеся над ним, и каждая звезда копьем света пронзает его сердце. Шахин Бадур Хан чувствует, как вращается вокруг него вся вселенная. Он одновременно и ось ее, и двигатель, и хозяин, и слуга, и тот, кто вращает, и частичка, попавшая в бесконечный круговорот вращения. Среди ликующего пения огромного множества птиц пробивается одна едва заметная мелодия. Время поглотит все твои подвиги и преступления; история изгладит имя твое из памяти, превратив его в пыль. Все случившееся не имеет никакого значения...

Впервые с того самого мгновения на закате солнца в Керале, когда Хан наблюдал за плещущимися и играющими в море детьми рыбака, он чувствует себя свободным. Радость огнем пылает в глубинах его чакры Манипура. Наступает величайшее мгновение для любого суфия — мгновение утраты своего «Я» и ощущения времени. Бог — в неожиданном. Он, Шах, не заслужил такого благословения. Но тайна благодати в том-то и состоит, что никогда не сходит на того, кто

думает, что достоин.

— Куда едем, саиб?

Обязанности... Сразу после просветления — служебный долг.

— В хавели.

Теперь все пойдет под уклон. Сказанные однажды слова нетрудно повторить. Саджида Рана была права. Ему следовало вначале рассказать все ей. Обвинение удивило его: Шахину Бадур Хану напомнили, что его премьер-министр — женщина, замужняя женщина, которая не носит имени мужа.

Он поднимает темные стекла, скрываясь от любопытных глаз.

Билкис не заслужила этого. Она достойна хорошего мужа, верного мужа, который, даже если она не любит его больше, не спит с ним в одной постели и не живет с ним одной жизнью, ни при каких обстоятельствах не сделает ее всеобщим посмешищем, а будет улыбаться там, где надо, и говорить то, что надо, и никогда не заставит ее в присутствии подруг закрывать лицо от стыда. Хан сделал все, что только мог, чтобы опорочить жену — Саджида Рана вслух сказала о его вине перед семьей, — он знал, какое преступление совершает, но не мог остановиться. Насколько же

он заслужил все то, что ныне с ним происходит!..

И тут на потрескавшейся от жары обивке сиденья служебного автомобиля правительства Бхарата восприятие самого себя и собственной вины Шахином Бадур Ханом внезапно меняется. Нет, он не заслужил этого. Никто не заслужил — и заслужили все. Кто настолько безгрешен, чтобы ходить с гордо поднятой головой? И кому дано право судить других? Он — прекрасный советник, самый лучший советник, честно и мудро работал на благо страны. И страна до сих пор нуждается в нем. Возможно, ему следует на время уйти в тень, зарыться, как какой-нибудь жабе во время засухи на самое дно грязного болота, и подождать, пока климат изменится.

Первые лучи восходящего солнца уже окрасили улицы и правительственную машину, которая несется по ним с тихим жужжанием, словно большая черная моль. Шахин Бадур Хан позволяет себе улыбнуться в первый раз за все время. Автомобиль поворачивает за угол. На бетонной панели сидит садху. Одна рука у него поднята вверх и в таком положении привязана к фонарному столбу. Шахину Бадур Хану хорошо знаком этот трюк. Через какое-то время рука теряет всякую чувствительность...

Автомобиль неожиданно останавливается. Шахину Бадур Хану приходится упереться в консоль, чтоб удержаться от падения.

— Что случилось?

— Проблемы, саиб.

Шахин Бадур Хан опускает темное стекло. Дорога впереди полна автомобилей. Люди вышли из машин и, прислонившись к открытым дверцам, наблюдают за тем, что их остановило. Через перекресток движется человеческий поток. Какие-то мрачные субъекты в белых рубахах и темных брюках, молодые люди, у которых только что начали пробиваться первые усы, — все они идут ровным мерным и гневным шагом, в такт ему размахивая лати. Проходят барабанщики, за ними группа свирепых, с ожесточенными лицами женщин в красных одеждах богини Кали; потом нага садху, белые от золы, с грубыми трезубцами Шивы. Шахин Бадур Хан видит, как по является громадная розовая фигура Ганеши из папье-маше, яркая, почти флюоресцирующая в лучах восходящего солнца. Она раскачивается из стороны в сторону; ее несут, дергая за нити, босоногие кукловоды. А за Ганешей еще более удивительное зрелище — вздымающийся к небу красно-оранжевый шпиль рат ятра. И факелы... В

каждой руке — по факелу.

Шахин закрывает окно, оставив лишь небольшую щель. На него обрушивается лавина звуков, громадный, набирающий силу рев. Отдельные голоса сливаются в единый гул. Все смешивается в общем хоре: пение, молитвы, лозунги, националистические гимны, песнопения карсеваков. Шахину Бадур Хану нет нужды слышать слова, чтобы понять, кто перед ним. Устрашающий вихрь протестующих на развязке Саркханд вырвался за пределы своего обычного ареала и теперь растекается по всему Варанаси. Это могло произойти только в одном случае: у них появился более серьезный предмет для ненависти. И Шахин Бадур Хан прекрасно знает, куда именно идут эти люди с факелами в руках. Слух уже разнесся по городу. А он-то надеялся, что ему будет дана отсрочка.

Шахин Бадур Хан оглядывается. Дорога сзади пока свободна.

— Вывози меня отсюда.

Гохил повинуется, не задавая лишних вопросов. Огромный автомобиль дает задний ход, разворачивается, неистово сигналя, и выезжает на противоположную сторону дороги. Подняв стекла, Шахин Бадур Хан замечает дым, подни-

мающийся в небо на востоке, густой и черный, как от горящего трупа на погребальном костре. И фон — золотистый восход солнца.

28
Тал

Фатфат едет без всякой цели, просто куда-то. Таксист получил от Тала горсть рупий и приказ — ехать, куда глаза глядят.

Талу нужно уйти, убежать отсюда. Бросить работу, дом, все, что удалось создать для себя здесь, в Варанаси. Уехать туда, где никто не знает имени Тала. В Мумбаи. Назад, к маме. Слишком близко. Да и пакостно. Куда-нибудь подальше на юг — в Бангалор, Ченнаи. Там у них громадная развитая медиа-индустрия. И всегда найдется работа для хорошего опытного разработчика. Но даже Ченнаи слишком близко. Если бы Талу можно было вновь сменить имя, лицо. Можно поехать в Патну и попросить у Нанака сделать еще одну операцию. Но на это нужны деньги, большие деньги. И Талу очень скоро потребуется работа. Вот так и надо поступить: взять все свои пожитки, отправиться на вокзал, оттуда поехать в Патну и там снова изменить внешность...

Тал хлопает водителя по спине.

— Белый форт.

— В такое время туда не езжу.

— Плачу двойную цену.

Надо было взять с собой больше денег. Мелочь из сумки уходит как песок сквозь пальцы. Кредит тоже заканчивается. Крор рупий мог бы унести Тала куда угодно. В любое место на планете. Но тогда придется принять роль ньюта. Кто и когда установил, что ньют должен страдать? Что ньюты сделали такого, чтобы заслужить всеобщую ненависть и презрение? Тал пытается проанализировать свою короткую жизнь, выделить те особенности, которые превратили ньюта в орудие политической борьбы для совсем посторонних людей. Непохожесть... одиночество... изоляция от мира... нечто принципиально новое для окружающих... Они следили за Талом с того самого момента, когда ньют сошел с шатабди. Транх, ночь в огненном бреду в отеле в аэропорту, самый восхитительный секс, которым когда-либо приходилось заниматься Талу, храмовая вечеринка, пригласительный билет кремового цвета с золотой окантовкой, с которым ньют расхаживал, хвастаясь, по всему отделу... Все выпитые тогда коктейли. На Тале играли, как на бансури, 10 миллионов рупий.

Кулаки Тала сжимаются от возмущения. Сила

пробудившегося гнева удивляет. Разумный и мудрый ньют на месте Тала просто бросился бы бежать. Но Тал хочет знать. Тал хочет хотя бы однажды взглянуть в глаза человеку, который отдавал все эти приказания.

— Ну что ж, дружок, дальше ехать я не могу. — Шофер делает жест в сторону радио на панели. — Демонстрация сумасшедших шиваджистов движется по городу. Они вышли за пределы развязки Саркханд.

— И вы оставите меня здесь?.. — кричит Тал вслед удаляющемуся фатфату.

Ньют слышит вопли ярости хиндутвы, волнами катящиеся по похожим на пещеры улочкам. И улицы пробуждаются: магазины, лавки, киоски, дхабы. Какой-то небольшой автомобильчик оставляет связку утренней прессы на краю тротуара. Откуда ни возьмись, подобно стайкам черных ястребов, появляются мальчишки — разносчики газет. Тал поднимает воротник, пытаясь скрыть слишком характерные черты лица. Обритый череп ньюта кажется отталкивающе уязвимым, напоминая хрупкое коричневое яйцо. Два пути к безопасности... Над резервуарами с водой, размещенными на крышах, над солнечными панелями Тал видит здания Белого форта,

все в кружочках спутниковых антенн. Тал пытается как можно незаметнее проскользнуть вдоль обычных транспортных путей. Ньют идет, низко опустив голову, избегая взглядов владельцев лавок, поднимающих ставни своих заведений, рабочих, возвращающихся после ночной смены. Скорее рано, чем поздно, кто-нибудь из них обратит внимание на торопливого ньюта. Тал бросает украдкой взгляд на пачки газет на тротуаре. Первая страница, заголовок громадными цветными буквами.

Гул толпы, движущейся за спиной у Тала, слева, потом справа, потом совсем близко... Тал переходит почти на бег, плотно запахнув плащ, несмотря на все усиливающуюся жару. Люди уже обратили внимание на ньюта. Еще перекресток... Еще один... Рев толпы нарастает. Кажется, это где-то впереди. Затем шум вдруг резко становится громче и озлобленнее. Тал смотрит по сторонам. Они сзади. Передние ряды марширующих мужчин в белых рубахах выходят с одной из боковых улиц на центральную. Наступает мгновение тишины. Такое впечатление, что даже машины замолкли и остановились. И тут новый всплеск рева, теперь уже сконцентрированный, ударяет по Талу почти с физической силой. Ньют издает

тихий стон ужаса, сбрасывает идиотский мешающий ходьбе плащ и пускается в бегство. Гиканье и оскорбления звучат ему вслед. Карсеваки бегут за ним. Недалеко... Недалеко... Не... Далеко... Не... Далеко... Не... Далеко... Близко... Близко... Близко...

Тал влетает в лес колонн у входа в Белый форт. Напоминающие вой крики отдаются эхом от бетонных столбов. *Мы приближаемся. Мы бежим очень быстро. Быстрее тебя, противоестественное, извращенное создание. Ты все насквозь пронизано противоестественностью и пороком. Мы растопчем тебя, слизняк. Мы превратим твое мерзкое тело в кровавое месиво.* Вокруг Тала с грохотом падают разные предметы, которыми кидают в него из толпы: консервные банки, бутылки, куски сломанных электронных плат. И ньют слабеет. Угасает. У него остается все меньше сил. Батареи садятся. Нулевой заряд.

Тал пытается подкожно ввести команды. Через несколько секунд — сильный выброс адреналина. Позже ньют дорого заплатит за это, но сейчас готов пойти на что угодно ради того, чтобы спастись.

Талу удается оторваться от преследователей. Ньют видит коробку лифта. О, если бы не пришлось ждать!.. Ардханарисвара, бог всего

разделенного, пусть лифт будет на месте и пусть он работает!..

Преследователи хлопают ладонями по маслянистой поверхности бетонных колонн.

Мы... Приближаемся... Чтобы... Убить... Тебя... Мы... Приближаемся... Чтобы... Убить... Тебя...

Зеленый свет... Зеленый свет означает спасение, зеленый свет означает жизнь. Тал ныряет к зеленому свету в лифте, как только дверца в нем распахивается. Ньют протискивается в темную щель, жмет на кнопку. Дверь захлопывается. Их пальцы ищут сенсоры, переключатели, все что угодно. Сантиметр за сантиметром они пытаются открыть дверь.

— Вот он, это дерьмо!..

Ньют! Ньют!.. Тал мысленно вопит, отбиваясь кулаками и острыми каблуками от их просунутых в щель пальцев. Они отдергивают руки. Дверь захлопывается. Начинается подъем. Тал останавливает лифт двумя этажами ниже своего, чтобы отвлечь преследователей, ждет, пока двери откроются и закроются снова, а затем едет на один этаж выше своего.

Ньют осторожно спускается по лестнице, до блеска отполированной тысячью человеческих ног и воняющей мочой даже в пору засухи. А на-

растающий гул голосов все слышнее и слышнее. Тал осторожно сворачивает за угол. Соседи ньюта столпились у открытой двери Мамы Бхарат. Тал спускается вниз. Все говорят одновременно, жестикулируют, некоторые женщины с ужасом прижимают края дупатт ко рту. Другие кланяются и раскачиваются, изображая глубокое горе. Сквозь женское бормотание и причитания слышны мужские голоса. Отдельные фразы и слова... Да, члены семьи уже собираются, сейчас кто-то из них приедет... Как они могли оставить старую женщину здесь одну?.. Какой позор! Позор! Полиция их найдет!..

Еще один шаг.

Разбитая дверь в квартиру Мамы Бхарат валяется на полу. Поверх голов возмущенных мужчин Тал видит разгромленную комнату. Стены, окна, изображения богов и аватар — все изуродовано огромными дырами. Ньют с ужасом смотрит на странные отверстия, не желая ничего понимать. Следы от пуль... Но он слишком долго смотрит. Раздается вопль:

— Вот он!..

Голос соседа, Пасвана. Толпа расступается, позволяя обвиняющему пальцу Пасвана упереться прямо в цель. Все головы поворачиваются в сто-

рону Тала. Ноги людей в крови. В яркой, свежей, красной, еще полной жизни и кислорода, но уже притягивающей мух. Мухи мельтешат в комнате. Мухи мельтешат и в голове Тала.

Тал вспоминает слова Транх: теперь от тебя можно отделаться.

Ноги в свежей густой крови.

Они все еще в здании. Ньют поворачивается и бежит.

— Вот он, чудовище!.. — ревет Пасван.

Соседи Тала подхватывают крик. Всеобщий вопль страшным эхом разносится по лестничным пролетам. Тал хватается за перила, бежит, перескакивая через несколько ступенек. У ньюта стонет все тело. Оно ноет и шепчет Талу, что силы на исходе и что нового их притока уже не будет. Но Мама Бхарат мертва. Мама Бхарат убита, и этим июльским утром, когда первые лучи солнца пробираются по стенам подъезда вниз от грязного купола, вся ненависть, все презрение, весь страх, весь гнев Бхарата направлены на одного ньюта, мчащегося по бетонной лестнице. Соседи, люди, рядом с которыми ньют так спокойно прожил несколько последних месяцев, хотят разорвать Тала собственными руками.

Тал пробегает мимо двух мужчин на площадке

восьмого этажа. Какое-то воспоминание... Ньют оборачивается. Они молоды и стройны, одеты в широкие штаны и белые рубахи — форму «Молодежи Бхарата», но в их внешности Тал успевает заметить что-то явно неуместное. Нечто, что делает их чужими в Белом форте. Их взгляды встречаются. И Тал вспоминает, где видел этих людей раньше. Тогда на них были пиджаки, великолепные пиджаки темного цвета. Они прошли мимо него на площадке, когда Мама Бхарат выносила мусор, а ньют танцующей походкой проносился мимо, послав им воздушный поцелуй. Он так радовался — и надеялся, что все унижения и одиночество скоро закончатся. Тогда они оглянулись, так же, как оглядывается сейчас Тал.

Хороший разработчик никогда не забывает подробностей.

Теперь от тебя можно отделаться.

Всего одно мгновение потребовалось незнакомцам на то, чтобы понять свою ошибку. За это время Тал успевает пробежать полтора лестничных пролета. Но в отличие от ньюта они — настоящие мужчины, молоды, прекрасно тренированы, не носят неуклюжей супермодной обуви и совсем еще не устали от бега.

— С дороги!.. — кричит Тал, врезаясь в процессию девушек, которые спускаются с верхних этажей с пластиковыми бутылями для воды на головах.

Ньюту надо куда-нибудь выбраться. Белый форт — ловушка, огромная бетонная машина смерти. Ньюту необходимо выбежать отсюда... Смешаться с толпой, смешаться с людьми. Они защитят тебя своими телами.

Тал поворачивает на следующей площадке, распахивает дверь и выбегает на террасу, расположенную под открытым небом.

Архитекторы Дилджит Раны в основном принадлежали к числу неолекорбюзианцев* [последователи архитектора Ле Корбюзье]. Они задумывали Белый форт как «деревню в небе» и потому включили в план широкие, залитые солнцем террасы, предназначенные для городского садоводства. Однако за время засухи и водопроводного кризиса большинство грядок на упомянутых террасах либо превратились в застойные скопления грязи и пыли, либо стали местом заботливого выращивания «травки», на что часто тратились последние капли драгоценной влаги. Одичавшие козы, которых отделяют пять поколений от их одомашненных

и приручённых к городским условиям предков, пощипывают что-то на свалках мусора и на иссушенных солнцем огородиках. Они прекрасно удерживаются на бетонных карнизах и металлических ограждениях Белого форта, как их предки — на отвесных склонах гор. Роботы-охранники пытаются избавляться от них с помощью высоковольтных пушек. Но у коз развилось особое пристрастие к изоляции, которую они часто объедают.

Тал бежит. Козы смотрят на ньюта, задумчиво пожевывая. Матери хватают своих детей, убирая их с дороги обезумевшего извращенца. Старики, которые курят дешевые сигареты и разгадывают кроссворды под первыми лучами утреннего солнца, провожают Тала кивком головы. Им нравится движение, любое движение. Молодые люди, праздно прохаживающиеся по террасам, что-то кричат вслед и улюлюкают.

Химический выброс энергии в теле ньюта понижает свой уровень. Да и конституция Тала совсем не приспособлена для бега. Тал бросает взгляд через плечо, замечает в руках преследователей оружие. Черные пистолеты. И это сразу же все меняет на садовых террасах Белого форта. Женщины поспешно уводят детей. Старики пря-

чутся. Молодые люди тоже куда-то мгновенно испаряются.

— Помогите!.. — кричит Тал.

Ньют хватает ведра, корзины, кучи бумаг — все, что способно хотя бы на секунду задержать преследователей, — и бросает назад. Сари, дхоти, лунги — дневная стирка многих семейств развешена на бесчисленных бельевых веревках вдоль террас. Тал ныряет под дхоби, с которых еще капает вода, и ударом руки выбивает стойки, удерживающие белье. Ньют слышит смачные ругательства, оглядывается и видит преследователей, запутавшихся в мокром зеленом сари. Убежище уже близко — служебный лифт в самом конце террасы. Туда заходит группа школьников. Тал успевает проскользнуть в закрывающиеся дверцы, пробежав мимо дрожащей учительницы. Лифт дергается и начинает опускаться. Ньют слышит голоса, поднимает голову и видит обоих подонков. Они перевешиваются через перила, прячут пистолеты. Стоя в толпе маленьких черноглазых школьниц в красивой чистенькой форме, Тал машет им рукой.

Час пик... Солнце заливает узкие ущелья улиц Варанаси обжигающим и слепящим светом. Тал лавирует между школьниками и служащими,

едущими на велосипедах в идеально чистых белых рубашках, между уличными торговцами и носильщиками, между швейцарами и студентами со значками и в японской обуви, между телегами, груженными картонными коробками с нижним бельем фирмы «Люкс макроман» и изящными дамами под зонтиками велорикш. В любой момент кто-нибудь из этой толпы может узнать ньюта по фотографиям на первой странице сегодняшних газет, по бюллетеню «Новости за завтраком» на экране палма, по электронным табло, развешенным на каждом перекрестке. И достаточно одного крика, одной руки, хватающей за край куртки, одного восклицания «Эй, ты! Стой!» — и все хаотические мельтешение индивидуумов вокруг Тала мгновенно кристаллизуется в страшную агрессивную толпу, наделенную единым разумом, единой волей, единым устремлением.

Тал спускается по заваленным мусором ступенькам в СПРВ. Даже если убийцы и следовали за ньютом по запруженным на родом утренним улицам Варанаси, здесь, в лабиринтах метро громадного города, у них нет никакой возможности найти его. Тал ловко обходит очередь, выстроившуюся к аппарату, считывающему информацию

с радужной оболочки, и подстраивается к женщинам, не позволяющим «Скоростным перевозкам района Варанаси» подобных вольностей со своими глазами. Ньют бросает пять рупий в щель и протискивается мимо барьера еще до того, как дамы из Нью-Варанаси успевают высказать вслух свое недовольство.

Тал поспешно проходит по платформе к женской секции. Быстрым взглядом ньют окидывает толпу в поисках возможных киллеров, пробирающихся сквозь напирающий со всех сторон человеческий поток. Как легко здесь смерти остаться незамеченной. Быстрый бесшумный удар в спину в момент, когда поезд выходит из туннеля. К тому же Тал начинает ощущать первые признаки физиологического спада: остатки искусственного адреналина вымываются из крови. Тала охватывает дрожь, он чувствует себя одиноким, маленьким и совершенно беззащитным. Накатывает волна одуряюще горячего наэлектризованного воздуха. Состав врывается на очередную станцию. Тал проезжает две остановки в женском вагоне и выходит, затем пропускает один... второй состав и садится в женскую секцию третьего. Ньют не знает, правильно ли поступает. Тал вообще не знает, что

надо делать, если хочешь скрыться от киллеров в городском метро.

Управляемый компьютером поезд несется по подземельям Варанаси, тормозя у станций. Тал чувствует себя обнаженным среди женских тел. Он слышит их мысли: здесь тебе не место; мы не знаем, кем ты был раньше, но теперь ты явно не одна из нас, хиджра... И тут сердце Тала захолонуло от ужаса. Какая-то девушка-секретарша, зажатая между опорой и огнетушителем, раскрывает «Бхарат таймс». Но все ее внимание, к счастью, сосредоточено на последней полосе, на новостях крикета. Первая страница буквально вопит громадными буквами заголовка и фотографией на половину полосы. Ньют смотрит на самого себя: лицо, бледное от вспышки фотокамеры, глаза, расширившиеся, словно две полные луны.

Поезд несется дальше. Пассажиры покачиваются, как колоски на ветру. Тал отпускает поручень и пробирается по вагону. Ньют становится перед развернутой газетой, закрыв собой первую страницу. Девушка опускает газету, бросает взгляд на Тала, а затем, не проявив никакого интереса, вновь возвращается к сплетням о главном герое матча Мазумдаре и его намечающейся свадьбе.

Подзаголовок в самом низу страницы гласит:

НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК ПОГИБЛИ ВО ВРЕМЯ НАПАДЕНИЯ НА КЛУБ ИЗВРАЩЕНЦЕВ.

Перекрывая разноголосицу радиоприемников и людскую болтовню, раздается голос электронного диктора: «Вокзал Варанаси-Сити». Тал выскакивает на платформу, опережая медленно расползающееся пятно пассажиров. Время размышлять над увиденным заголовком наступит потом, когда шатабди отойдет от вокзала и, набрав скорость, окажется на расстоянии сотни километров от Варанаси.

Эскалатор выбрасывает Тала в главное помещение станции. Ньют, сверившись с палмом, уже нашел ближайший поезд. Экспресс на Колкату. Он идет прямо в Бенгал. Патна и Нанак могут подождать. Больше, чем новое лицо, Талу нужна новая страна. Бенгальцы — цивилизованный, культурный, терпимый народ. Колката станет новым домом для ньюта. Но очередь движется до безумия медленно, а толпы людей вокруг касс растут и растут. На бетонном полу зала ожидания среди листьев манго валяются страницы и клочья брошенных газет. Нищие копаются в мусоре, пытаясь что-то найти. Любой из них выдаст ньюта за пару рупий.

До отхода поезда еще целых тридцать минут.

Онлайновая продажа билета закрыта. На машинах автоматической выдачи билетов приклеены надписи «Не работает».

Проклятый Бхарат.

— Эй, дружище, хочешь купить билет побыстрее?

Спекулянт — совсем молодой человек с едва пробившимися усиками, в спортивном костюме, — протискивается поближе к ньюту и говорит тихим доверительным тоном. Он разворачивает перед Талом веер из билетов.

— Абсолютно надежно. Гарантия брони. Посмотришь и найдешь свое имя в списке пассажиров, без вопросов. Мы взломали компьютерную систему железных дорог Бхарата.

Взмах стареньким палмом — для большей убедительности. Ну-ну... Ньют не может позволить себе так рисковать... Ньют не может себе позволить так рисковать...

— Сколько?

Парень в спортивном костюме называет цену, услышав которую, в любое другое время, в любой другой ситуации ньют рассмеялся бы ему в лицо.

— Вот, вот, — говорит он и сует спекулянту пачку рупий.

— Подожди, подожди, вначале самое главное, — говорит парень, выводя Тал на платформу. — Какой поезд?

Тал говорит ему.

— Пошли со мной.

Он проталкивает Тала сквозь толпу, окружающую чайные ларьки, в которых сидят пассажиры утренних пригородных поездов, попивая сладкий чай с молоком из крошечных пластиковых чашечек. Спекулянт просовывает бланк билета в щель палма, предназначенную для печати, вводит идентификационный номер Тала, нажимает несколько кнопок.

— Готово! Доброго пути!..

Широко улыбаясь, он протягивает Талу билет. Но улыбка вдруг застывает у него на лице. Рот открывается. Едва заметная красная полоска появляется на адидасовской майке. Полоска превращается в медленный ручеек. Выражение лица меняется от глупого самодовольства на удивление и вдруг застывает в смертной маске. Парень падает на Тала. Женщина в лиловом сари издает вопль — и этот вопль подхвачен всей толпой.

Ньют видит поверх плеча убитого спекулянта человека в аккуратном костюме в стиле Неру. Он держит в руке черный пистолет с глушителем.

Тал замечает его в мгновение между недобросовестно выполненным заданием и попыткой скрыться — или, напротив, попыткой завершить так неудачно начатое дело и покончить с ньютом здесь, прямо на глазах у всех.

И тут из толпы появляется мопед, который петляет между людьми, неистово сигналя. Мопедом управляет девушка, она несется прямо на стрелявшего, который услышал, увидел и отреагировал на ее появление долей секунды позже, чем нужно. Киллер с пистолетом поворачивается как раз в то мгновение, когда мопед врезается в него. Снова вопли, крики. Пистолет вылетает из руки убийцы. Человек падает на платформу, катится по ней, ударяется о поезд, проскальзывает между ним и краем платформы и падает на рельсы.

Девушка поворачивает мопед к Талу, а вся толпа тем временем бросается к поезду, чтобы увидеть, что произошло с человеком в пиджаке.

— Садитесь! — кричит незнакомка по-английски. Из-под вагона появляется рука. К ней тянутся другие руки, чтобы помочь вытащить упавшего на платформу. — Если хотите жить, садитесь на мой мопед!..

Тал понимает, что выхода у него нет. Девушка

поворачивает мопед, ньют прыгает ей за спину, прижимается и хватается за нее руками. Она дает газ, мчится вперед сквозь толпу, собравшуюся на платформе, неистово сигналя, съезжает с края платформы. Мопед, подскакивая, мчится по путям, проносится под носом у местной электрички, летит дальше вдоль заваленной мусором кромки платформы, сигналит пешеходам, пытающимся коротким путем перебегать к своему поезду.

— Мне, конечно, следовало бы представиться, — бросает девушка через плечо. — Вы меня не знаете, но я в каком-то смысле чувствую себя в долгу перед вами.

— Что?.. — кричит Тал, прижимаясь щекой к ее спине.

— Меня зовут Наджья Аскарзада. Вы оказались втянуты во все это именно по моей вине.

29
Банановый клуб

— К одиннадцати часам нескольким нарядам полиции, вооруженным лати, удается очистить улицы. Полицейские еще некоторое время преследуют отдельных карсеваков по узким улицам и переулкам города, но ведь те — всего лишь грубые, дурно воспитанные парни, «трудные» дети из неблагополучных семей, которые всегда найдут повод для хулиганства. Переулки слишком узки для пожарных машин, поэтому пожарным приходится тянуть шланги по улицам, соединяя по нескольку в один. Вода бьет фонтанчиками из не слишком герметичных швов. Жители Каши завистливо посматривают со своих веранд. Слишком поздно. Все кончено. Старый деревянный хавели рухнул и сейчас представляет собой кучу догорающих углей. Единственное, что могут теперь сделать пожарные, — это затоптать догорающее пожарище, предотвратив таким образом распространение огня на близлежащие строения. Многие пожарные падают, поскользнувшись на банановой кожуре.

Нападение было хорошо продумано и своих целей достигло. Просто поразительно, как быстро возник пожар, с какой скоростью огонь охватил все здание. Все вспыхнуло, словно трут. Всему виной долгая засуха, бесконечная засуха. Люди с носилками уносят трупы. Варанаси, город огня, город пожаров, город пепла... На тех, кому удалось выскочить из пылающего дома, обрушилась вся ярость шиваджистов. Переулок усеян мертвыми телами. На шее одного трупа автомобильная покрышка. Тело сохранилось, а от головы остался обугленный череп. Один из выскочивших из огня был пронзен трезубцем Шивы. Другому вспороли живот, вытащили внутренности, а вместо них вложили горящий пластик. Полицейские погасили огонь и куда-то утащили тело, стараясь как можно меньше его касаться. Они тоже боятся оскверняющего прикосновения хиджры, евнуха, бесполого существа.

Вокруг масса людей с кинокамерами самого разного типа. Операторы снимают происходящее крупным планом и сразу же передают отснятый материал в свои студии, где редакторам новостей предстоит, просмотрев его, решить, чью позицию занять относительно происшедшего: либералов, возмущенных поруганием элементарных прав

человека, или популистов, разгневанных лицемерием правительства Раны. Эн Кей Дживанджи выступит с заявлением в 11:30.

Редакторам новостей нравятся сообщения, что приходят на гребне волны. Крикетные страсти выдохлись, не успев достичь кульминации, война ничего не дала, кроме демонстрации транспортов с солдатами, курсирующих взад-вперед по длинной изогнутой линии дамбы Кунда Кхадар. Но сексуальный скандал, который связывают с правительством Раны, явно вышел из-под контроля. И вот результат — множество обгорелых трупов и уличные столкновения. Один кадр прошел во всех утренних выпусках новостей: бедная слепая старушка становится жертвой ярости толпы, голова ее разбита дубинкой. Никто не может понять, почему у нее в руке оказался банан.

30
Лиза

Там, за кокосовой кровлей, дождь превратил мир в сплошной поток. Пальмы, храм, магазинчики вдоль дороги, сама дорога, машины, снующие по ней, — все стало лишь размытыми серыми тенями, текучими, переходящими друг в друга, сливающимися, как на японских рисунках тушью. Свет фар грузовиков кажется тусклым и водянистым. Между громадной земной рекой и небом теперь нет границы.

В своем бесформенном пластиковом плаще Лиза Дурнау не видит даже конца мостков. В соседней хижине доктор Готце сидит на корточках у газовой горелки, которая обещает чай и уют. Лиза Дурнау вполне может обойтись без здешнего чая. Она пыталась научить их делать его просто с водой, но он все равно получается сладкий и обязательно с молоком. Каким наслаждением был бы сейчас охлажденный чай!.. Под не пропускающим воздух дождевиком Лиза буквально исходит по том. Дождевая вода потоками стекает со скатов крыш.

Дождь шел уже тогда, когда она приземлилась в Тируванантапураме. Мальчишка с зонтиком вел Лизу по бетонированной площадке через потоки воды к зданию аэропорта. Пассажиры второго класса из Европы бегут, ругаясь на ходу и накрывая головы куртками и газетами. Индийцы радостно мокнут под потоками дождя. Лизе Дурнау приходилось видеть много разновидностей дождя. Стальные серые весенние дожди на северо-востоке; мелкий моросящий дождь с пронизывающим ветром, льющий неделями, на северо-западе; ужасающие грозы средних штатов, подобные водопадам, низвергающимся с небес, приносящие так много проблем фермерам и электрикам. Но счастливого дождя она раньше никогда не видела. Такси, везшее Лизу к отелю, ехало, наполовину скрывшись в потоке воды и смываемом ею мусоре. Коровы стоят по колено в бескрайних лужах.

Велорикши взрезают колесами коричневые воды, отбрасывая по сторонам волны пивного цвета. Девушка видела, как наперерез такси плыла крыса, высоко подняв голову.

Сегодня, когда Лиза пробиралась между луж к мосткам, она заметила маленькую девочку, которая плыла вверх по заводи на плоту, связан-

ном из трех бамбуковых шестов, и ухитрялась везти на нем еще старенький металлический горшок. Намокшие волосы девочки прилипли к голове, она напоминала какое-то лоснящееся морское млекопитающее, но лицо ее светилось от счастья.

Во время инструктажа в ЦРУ ей забыли сказать, что в Кералу пришел муссон.

Лизе Дурнау совсем не по душе быть правительственным шпиком. Не успела она вернуться из космического путешествия, как сразу же начались занятия. Первый инструктаж она получила, сидя в автобусе по пути в медицинский центр. Девушка еще чувствовала ужасную слабость, все тело ныло после возвращения к обычной земной гравитации. У нее даже не было времени переодеться, когда ее буквально схватили, посадили в машину и отправили на само лете в Нью-Йорк. В аэропорту Кеннеди, а затем в лимузине по пути в гостиницу, где для Лизы был заказан VIP-номер, с ней провели следующую часть инструктажа относительно связей с посольством и паролей. Внутри одного из абсолютно изолированных отсеков делового центра мужчина и женщина в строгих костюмах прочитали девушке целую лекцию по поводу правил использования лока-

ционного устройства. У выхода они вручили ей небольшой чемоданчик с подходящей одеждой ее размера, затем с довольно мрачным видом пожали Лизе руку и пожелали приятного путешествия и успешного выполнения задания. Девушка открыла чемодан, когда такси уже подъезжало к отелю. Как раз этого она и боялась. Рукава на футболке оказались совершенно не в ее вкусе, а нижнее белье было просто чудовищно. На самом дне чемодана лежали два элегантных черных костюма. Казалось, что сейчас из мини-бара появится Дейли Суарес-Мартин собственной персоной...

На следующий день Лиза взяла свою кредитную карточку и отправилась на базар, где заново наполнила врученный ей чемодан, заплатив за весь комплект одежды намного меньше цены пары трусиков «Аберкромби и Фитч». Комплект включал также и вещи, специально предназначенные для сырой погоды.

— Да, это стоит увидеть, — говорит доктор Готце.

Лиза Дурнау вздрагивает. Она задумалась, наблюдая за крупными каплями дождя, хлещущего по кровле. Доктор стоит с чашками чая в обеих руках. Чай такой, как она и предполагала, но он

бодрит ее. Лодка пахнет сыростью и запущенностью. Ей неприятно думать о том, что Томас Лалл мог здесь закончить свои дни.

Лиза прочла тантрические символы на кокосовых циновках на крыше, обратила внимание и на название, написанное белой краской на носу. «Salve Vagina». Никакого сомнения, Томас здесь был. Лиза боялась найти здесь вещи, которые напомнили бы ей о нем. Вещи, которые рассказали бы о жизни Лалла без нее, без «Альтерры». О новом мире Томаса. Теперь же, когда она увидела, как мало здесь реальных свидетельств его жизни, насколько бедны и тесны три каюты, в которых он жил, опасения уступают место меланхоличным размышлениям. Словно она стоит над его могилой.

Доктор Готце приглашает девушку сесть на один из мягких диванов, стоящих вдоль стены. Лиза Дурнау вылезает из пластикового плаща и оставляет его на мягких циновках. Чай, в общем, неплохой, чувственный.

— Там, на «черном севере», они ведь начали войну из-за дождя. Народ там сплошь нецивилизованный. Деление на касты и все такое прочее... Итак, мисс Дурнау, что вам нужно от моего доброго друга Томаса Лалла?

Лиза Дурнау понимает, что существует два способа, с помощью которых она может разыграть эту и ей подобные сцены. Можно исходить из того, что Лалл рассказал своему доброму другу доктору Готце, что именно он оставил на Западе и кого... С другой стороны, она может воспользоваться рекомендациями, полученными на инструктаже, и сделать вид, что никто ничего не знает и знать не может.

Сейчас ты в Индии, Лиза.

Чип с фортепьянной сонатой Шуберта оказался на подушке.

— Мне поручено моим правительством найти Лалла и передать ему информацию. И если возможно, то и убедить его вернуться вместе со мной в Штаты.

— Какую же именно информацию вам нужно передать?

— К сожалению, я не вправе вам этого сказать, доктор Готце. Я могу сообщить только одно: данная информация научного свойства, и для ее интерпретации требуются познания и талант Лалла.

— Лалл... Вы его так называли?

— Он вам что-нибудь обо мне рассказывал?

— Достаточно, чтобы теперь меня удивил тот

факт, что вы выполняете поручение своего правительства.

Нужно правильно отнестись к его словам. Лалл говорил Лизе, что она должна помешать им присобачивать гребаные «кока-кольные» баннеры на облака. Воспоминание о Томасе тем вечером в оксфордском студенческом баре живее и свежее, чем какие угодно ассоциации с ним, связанные с этим домом, который он совсем недавно оставил. Она не чувствует его присутствия здесь, под сплошным навесом из ливня. Лиза представляет Лалла бегущим под дождем... словно выдра, пробирающимся по тепловатой воде заводи, как та маленькая девочка на плоту со своим оловянным горшком.

Лиза Дурнау вытаскивает компьютер, открывает его. Доктор Готце сидит, скрестив ноги и поставив чашку с чаем на низкий резной кофейный столик.

— Вы правы. Скорее всего вы не поверите, но положитесь на мое слово: это правда.

Она вызывает на экране образ Лалла со Скинии.

— Профессор Лалл, — комментирует доктор Готце. — Но фотография не очень отчетливая. Зернистость великовата.

— Это потому, что данное изображение воспроизведено внеземным артефактом, обнаруженным НАСА внутри астероида Дарнли-285. Артефакт в научных кругах известен под названием «Скиния».

— А! Та самая скиния, святыня иудеев из Ковчега Завета...

— Мне кажется, вы не совсем правильно поняли то, что я вам сказала. Скиния представляет собой артефакт, изготовленный не людьми. Это творение внеземного разума.

— Я совершенно правильно вас понял, мисс Дурнау.

— Вы не удивлены?

— Вселенная — очень большое место. Я был бы значительно больше удивлен, если бы вы нашли доказательство противоположного.

Лиза ставит свой компьютер на стол между чашками с чаем.

— Есть кое-что еще, что вы должны понять. Астероид, о котором я веду речь, Дарнли-285, очень древний. Он старше Солнечной системы. Вы понимаете?

— Мисс Дурнау, я хорошо образован как в западной, так и в индийской космологии. Это действительно большое чудо, что данному объ-

екту удалось пережить период всеобщего разрушения в конце Двапара-юги. Возможно, то, что вы именуете Скинией, есть остаток Эры Истины.

— Причина, по которой я хочу найти Томаса Лалла, и вопрос, который я хочу ему задать: почему его лицо находится внутри камня, которому семь миллиардов лет?

— Вот уж действительно вопрос! — соглашается доктор Готце.

Дождь начинает капать сквозь кокосовую кровлю. Небольшая, но все увеличивающаяся лужица образуется на низеньком столике, украшенном тантрическими изображениями сплетающихся в объятиях любовников. Муссон повсюду: над Лизой Дурнау, под ней, за ней, перед ней. Он растворяет все, что раньше было вполне определенным, четким и непоколебимым. Этот дождь и эта Индия...

Рев, дождь, запах сточных вод, специй и разложения; бесконечный хаос транспорта; гниющий труп собаки с выступающими черными костями — в канаве, переполненной отбросами; вечно кружащие в поисках падали стервятники; облупившиеся здания, все в пятнах плесени; сладковатый запах спиртового топлива из сахарного тростника и перегорелого буйволиного

масла, идущий от торговцев пури; дети, обступающие ее повсюду, вполне сытые и чистые, но все равно выпрашивающие рупии или даже просто карандаш; разносчики, торговцы, предсказатели, массажисты, под дождем набрасывающиеся на белую женщину. Люди... Народ. На расстоянии каких-нибудь ста метров от отеля Керала оглушает. Звуки, запахи, необычные образы и ощущения — все соединилось в массированное наступление на ее органы чувств. На Лизу Дурнау, дочь проповедника. Это был мир Томаса Лалла. И она должна смотреть на него глазами Томаса Лалла.

Лиза постриглась в салоне «Ганга Деви Бути». Стриг ее слепой парикмахер. И только после того, как девушка прикоснулась к короткому ежику, она поняла, что прическа у нее теперь тоже в стиле изображения со Скинии. Печать пророчества.

Лиза купила бутылку воды, легкую удобную одежду для дождя и в фотомастерской, приютившейся за священным фикусом, увешанным красными и оранжевыми брахманскими нитками, отпечатала несколько десятков фотографий Томаса Лалла, скопированных со своего маленького компьютера, который она начала про себя называть «Скрижалью». После этого девушка приступила к расследованию.

Рикше на вид было лет двенадцать. Лиза усомнилась в том, что такой костлявый недокормыш сможет куда-нибудь довезти пассажира, но он привязался к ней и шел целых три квартала, не отставая и повторяя: «Хеллоу, леди, хеллоу, леди», пока она пробиралась между зонтиками.

Лиза остановила его в том месте, где дорога сужалась у ворот форта.

— Ты говоришь по-английски?

— Индийский, американский или австралийский, леди?

— Мне нужны ребята, которые говорили бы по-английски.

— Таких ребят много, леди.

— Вот сто рупий. Через полчаса приходи в эту чайную, приводи с собой как можно больше таких парней и получишь еще двести. Мне нужны ребята, умеющие говорить по-английски и знающие здесь всех и вся.

Мальчишка сунул банкноту в карман адидасовских штанов, как-то странно покачал головой, что, как уже успела узнать Лиза, означало согласие.

— Эй, подожди! Как тебя зовут?.. — крикнула она ему вслед, когда он уже въезжал в бесконечный поток машин, мелодично позванивая

колокольчиками.

Мальчишка обернулся, крутя педалями в потоках воды, и одарил ее широкой белозубой улыбкой.

— Кумармангалам.

Лиза Дурнау поудобнее уселась в чайной и с головой окунулась в «Альтерру». Неделя в буквальном смысле слова была эпохой, так как за час там протекало двадцать тысяч лет. Альгаль в «Биоме-778» породил в Восточной Океании самоподдерживающийся океанский микроклимат, который, в свою очередь, изменил направление ветров и вызвал нечто подобное реальному «Эль-Ниньо». Горные «облачные» леса вымирают. Сложные симбиотические экосистемы из деревьев, колоний птиц, способствующих их опылению, и сообществ древесных ящеров, живущих в густой листве, распадаются. Всего лишь через каких-нибудь пару дней десяток видов и целая система редкой сбалансированной красоты уйдет в небытие. Лиза понимает, что по отношению к «Альтерре» ей следует занять невозмутимую буддистскую позицию. Ведь это только виртуальные виды живых существ, борющиеся за энергетические ресурсы и ресурсы памяти. Не более чем набор математических параметров в одинна-

дцати миллионах компьютеров. Тем не менее она расстраивалась из-за каждого вымершего вида. Девушке удалось доказать физическую возможность реального существования Киберземли где-нибудь в поливерсуме после завершения расширения вселенной. Для нее это была настоящая смерть, настоящее уничтожение, настоящая вечность.

Но только до сегодняшнего дня... Здесь, в керальской чайной, «Альтерра» и все, что с ней связано, кажутся Лизе игрушками. Дешевым фокусом. На суперсовременном флэтроне шла «мыльная опера». Все посетители чайной не отрываясь смотрели на экран. Она где-то читала, что здесь не только персонажи создаются с помощью сарисинов, но и актеры, их играющие, тоже сарисины. Громадное здание, построенное из лжи, грозило раздавить драматическое искусство подобно высоким инкрустированным башням, которые возвышались над храмами дравидов. Лиза стала понимать: существует не одна Киберземля. Их тысячи.

Кумармангалам вернулся через полчаса. Девушка начинала кое-как разбираться в чуждом ей мире. Он только кажется хаосом. Все, что нужно, здесь делается — и делается неплохо. Вы можете

быть вполне уверены в том, что вам донесут ваши вещи, выстирают ваше белье, найдут вашего бывшего любовника.

Чайная наполняется уличными мальчишками. Владелец бросает на смелую женщину с Запада неприязненный взгляд. Другие клиенты громко жалуются на то, что им не слышно телевизор.

Кумармангалам стоял рядом с Лизой и кричал то на одного, то на другого из пришедших с ним ребят, и создавалось впечатление, что они ему повинуются. Он сделался ее лейтенантом. Как Лиза и подозревала, у большинства из ребятишек английский ограничивался знанием лексической триады «привет-давай-пока». Она разложила фотографии Лалла на столе перед ними.

— По одной каждому, — скомандовала она Кумармангаламу. Они готовы вырвать фотографии из рук у рикши. Некоторых он отсылает без снимка, другим что-то долго объясняет на своем языке. — В общем, мне нужно найти этого человека. Его зовут Томас Лалл. Он американец. Из Канзаса. Вы поняли меня?

— Канзас, — повторяют за ней уличные мальчишки.

Лиза показывает фотографию, рекламный снимок, сделанный его издателем. Лалл сидит,

романтически облокотившись на руку, и улыбается улыбкой мудреца. О, как он ненавидел подобные фотографии!..

— Так этот человек выглядел примерно четыре года назад. Возможно, он все еще здесь, а может, куда-то уехал. Вы знаете, куда здесь ездят туристы, куда ездят те люди, которые хотят остаться у вас подольше? Вы меня поняли?

Хор голосов, напоминающий океанский прибой.

— О'кей. Я дам Кумармангаламу денег. Вот сто рупий. И вот еще четыреста тому, кто вернется с какой-нибудь информацией. Перед тем, как заплатить, я проверю подлинность ваших слов.

Кумармангалам переводит. Головы кивают. Лиза отводит своего «лейтенанта» в сторону и передает пачку денег.

— Вот твои двести рупий, и ты получишь еще тысячу, если будешь внимательно следить за этими ребятами.

— Леди, я их всех построю, как говорят у вас там, в Америке...

На первом курсе в Кебле Лиза Дурнау прослушала курс англофилии и прочла все истории о Шерлоке Холмсе. Теперь ей самой приходится занять его место. И пока Кумармангалам вез ее

под дождем обратно в отель, она представляла, как мальчишки бегают по городу, забегают в магазины, кафе, рестораны, храмы, туристические агентства, пункты обмена валюты, адвокатские конторы, к торговцам недвижимостью. Вы знаете человека на фотографии? Вы знаете человека на фотографии?.. Сама эта мысленная картина доставляла ей большое удовольствие. Из женщин, как известно, получаются самые лучшие частные детективы.

Вернувшись в отель, Лиза под хлещущим дождем пятьдесят раз проплыла в длину тамошний бассейн, а обслуживающий персонал гостиницы сгрудился под навесом и взирал на нее с мрачным молчаливым осуждением. Затем она переоделась в саронг и майку, расписанную ярко-голубыми образами богов, взяла фатфат и отправилась на экскурсию по тем местам, которые, по ее мнению, должен был бы посещать Томас Лалл, — то есть по туристическим барам с девочками.

От дождя в таких барах и танцевальных клубах возникла легкая патина безнадежности. Европейцы и американцы, которых дождь застал в городе, в основном принадлежали к числу сотрудников крупных компаний. Владельцы клубов, барристеры, рестораторы, глядя на фотографии

Лалла, которые разложила перед ними Лиза, отрицательно качали головами и поджимали губы. Обрюзгшие господа, лысеющие, в широченных пляжных рубашках, балахонами свисающих с пуза, — вот из кого состояли посетители здешних злачных заведений.

Местные юные завсегдатаи баров при виде Лизы спрыгивали со стульев, подходили поболтать и с явным намерением запустить руку под бретельку ее майки. Таким манером Лиза прошла двадцать баров, и на большее у нее просто не хватило сил. Возвращаясь домой в фатфате, девушка сидела, загипнотизированная мерным ритмом ливня, который, казалось, хлестал по машине со всех сторон, и думала, как получается, что дождевые тучи здесь никогда не иссякают. В отеле Лиза попыталась смотреть Си-эн-эн, но новости показались ей столь же чуждыми и бессмысленными, как и «Альтерра». Правда, один кадр запомнился: теплый муссонный дождь поливает айсберг в Бенгальском заливе.

На следующее утро Кумармангалам провез ее сквозь непроходимый поток автомобилей в интернет-клуб на противоположной стороне улицы. В этой стране никто не ходит пешком. Собственно, так же, как и у нее дома.

— Тут у одного парня есть кое-какая информация, — сообщил он Лизе.

Мальчишка размахивал фотографией Лалла. Она не смогла припомнить, был ли он среди тех, кто вчера собирался в баре.

— Четыреста рупий, четыреста рупий...

— Вначале мы проверим, а потом ты получишь свои деньги.

Кумармангалам жестким взглядом смиряет наглость мальчишки и везет обоих дальше. Мальчишка не хочет ехать сзади вместе с белой женщиной. Он садится перед Кумармангаламом и указывает ему путь. Езда была долгой и тяжелой. Кумармангаламу приходилось несколько раз слезать и толкать свою «машину». Паренек помогал ему. Лиза Дурнау сжимала в руках сумочку, ощущая тот комплекс вины, который был сформирован в ней годами пресвитерианского воспитания с его суровой трудовой этикой. Наконец они скатились вниз по холму и проехали под аркой, обклеенной киношными постерами, оказавшись во дворике, окруженном деревянными балкончиками и галереями в керальском стиле. Посередине двора стояла корова и жевала пропитавшуюся водой солому. Мужчины, сидящие за батареей швейных машин, смотрели на

пришедших. Парнишка провел их наверх мимо актуария и оптового торговца аюрведическими снадобьями.

Они вошли в открытый офис, расположенный под большой облупившейся табличкой, на которой было написано: «Плавающий лотос гунаратна». Их встретили взгляды седеющего малаяли и молодого европейца в пляжной майке.

— Вы пришли по поводу человека на фотографии? — спросил местный.

Лиза кивнула. Господин Гунаратна жестом выпроводил уличных мальчишек из своего офиса. Они присели на корточки на балконе и стали внимательно слушать.

— Этого человека...

Она положила «Скрижаль» с изображением со Скинии на стол движением игрока в покер, раздающего карты. Гунаратна показал фотографию помощнику. Молодой человек в пляжной рубашке кивнул.

— Прошло уже довольно много времени, — сказал он.

— Да, несколько лет, — подтвердил Гунаратна.

И тут Лиза поняла, что они ждут вознаграждения. Она отсчитала им три тысячи рупий.

— За информацию...

Ловким жестом Гунаратна убрал деньги со стола.

— Мы запомнили его только потому, что он купил у нас лодку, — сказал молодой человек.

— Мы организуем заказные перевозки на заводях, — добавил Гунаратна. — Желание приобрести судно показалось нам очень необычным, но такое предложение...

— Наличными, — пояснил молодой человек, присевший на край стола.

— Да-да, наличными, и мы не в силах были отказать. А судно было превосходное. Мы имели на него не один, а целых два сертификата надежности и пригодности для морских плаваний от государственной инспекции.

— Ваша сделка была зарегистрирована?

— Мадам, мы занимаемся честным бизнесом и пользуемся безупречной репутацией. Вся наша документация хранится в трех экземплярах, как и полагается по закону.

Молодой человек включает компьютер и начинает просматривать файлы.

— Вот он.

22 июля 2043 года. Десятиметровый кетту-валлам, плавучий дом со всем необходимым инвентарем и принадлежностями, спиртовым

двигателем в десять лошадиных сил, в последний раз использовавшийся 18/08/42, стоящий на причале в Алумкадаву. Продан Дж. Ноубл Бойду, гражданину США, номер паспорта... Как это похоже на Лалла: воспользоваться в фальшивом документе именем канзасского пастора, который считал своим религиозным долгом противостоять эволюционистским ересям «Альтерры».

Лиза занесла регистрационные данные судна в «Скрижаль».

— Спасибо, вы мне очень помогли.

Парень отсчитал тысячу рупий и возвратил их Лизе.

— Если найдете доктора Лалла, постарайтесь, пожалуйста, убедить его сделать еще одну серию передач, подобную «Живой вселенной». Самая лучшая научно-популярная программа, которую я видел за много лет. Заставляет задуматься. Последнее время по телевизору показывают только «мыльные оперы»...

На обратном пути Лиза выдала мальчишке обещанные четыреста рупий. И пока Кумармангалам не без труда вез ее вверх по длинной дороге, вившейся по холму к центру города, девушка впервые обратилась к полному объему информационных ресурсов, которыми обладала

ее «Скрижаль».

К тому моменту, когда долгое восхождение было закончено, она получила ответ на свой вопрос. Региональное отделение «Рэй пауэр электрик» в Паллакаде зафиксировала швартовку кеттуваллама «Salve Vagina» под регистрационным номером 18736 BG в Теккади, причал Сент-Томас-роуд. Имя владельца: преподобный Дж. Ноубл Бойд.

«Salve Vagina»...

Суда класса «река-море» в сезон муссонов не ходили, и поэтому Лизе пришлось провести четыре часа, прислонившись к окну экспресса с мощными кондиционерами, рассматривая буйволов у сельских водопоев, деревенских женщин, покачивающейся походкой следующих с поклажей на голове по искусственным тропам между затопленными полями. Она пыталась не слышать мерное шипение, доносившееся из наушников соседа, которое раздражало ее не меньше, чем свистящая ноздря капитана-пилота Бет. Теперь Лизе с трудом верилось, что она побывала в космосе.

Девушка вытащила «Скрижаль» и начала просматривать данные со Скинии. «Эй, — хотелось ей сказать соседу, — посмотри-ка сюда. Ты знаешь,

что это такое? »

Подобный же вопрос она должна задать и Томасу Лаллу. Лиза чувствовала, что боится предстоящей встречи. Когда его исчезновение со всей очевидностью перешло тонкую, но все же такую очевидную грань между временным и постоянным, девушка часто задумывалась над тем, что скажет и как поведет себя, если столкнется с ним в проходе какого-нибудь гипермаркета или в аэропорту. Так легко представлять себе, что выдашь что-нибудь остроумное, когда почти наверняка знаешь, что тебе скорее всего никогда ничего не придется говорить.

И вот теперь каждый километр пути сквозь сплошную пелену дождя, мимо насквозь пропитанных водой пальм приближал эту невозможную встречу, и Лиза просто не представляла, что скажет Томасу. Она пыталась отогнать подобные мысли, занимаясь поисками свободного фатфата на широкой площади перед автобусной станцией в Теккади среди людей, промокших до нитки. Но пока девушка огибала громадные лужи размером с лагуну, разлегшиеся вдоль длинной прямой дороги, что шла мимо заводи, страх вернулся и вызвал настоящую дурноту. Она пробежала мимо пожилого мужчины, ехавшего под дождем

на невероятных размеров красном трехколесном велосипеде. Водитель фатфата высадил ее у причала. Лиза Дурнау некоторое время стояла, будучи не в состоянии сдвинуться с места. Затем красный велосипед проскрипел мимо нее, повернул на девяносто градусов и с грохотом проехал по мосткам на заднюю палубу...

— Ну что ж, мисс Дурнау, хоть и не знаю, чем вам в подобной ситуации мог бы помочь профессор Лалл, но я вам очень благодарен за то, что вы были со мной откровенны, и хотел бы отплатить вам тем же, — говорит доктор Готце.

Шаркая ногами, он выходит под дождь и что-то ищет в багажнике своего красного велосипеда. Возвращается доктор с пропитавшимся влагой сложенным надвое листом бумаги в руке.

— Вот, пожалуйста.

Это распечатка е-мейла. Адрес: отель «Амар Махал», Манасаровар-гхат, Варанаси.

Мой дорогой доктор Дариус. Конечно, здесь не совсем та школа прыжков в воду, которую я себе обещал. Наперекор всем вашим рекомендациям я поехал на «черный север» вместе с Аж. Это девушка, у которой была астма. Помните? С ней связана какая-то тайна, а меня всегда влекли тайны. Вот видите, где я оказался. Кроме то-

го, мы попали в небольшую железнодорожную аварию, о которой вы, возможно, уже слышали. Можете облегчить мое пребывание в аду, направив оставшуюся часть моих вещей по указанному здесь адресу. Я, несомненно, возмещу все ваши расходы.

Далее следует список книг и музыкальных записей, включая и Шуберта, примостившегося на краю подушки.

— Аж?..

— Молодая дама, которую профессор Лалл встретил в клубе. Он научил ее методике снятия астматического приступа.

— Методу Бутейко?

— Да-да, именно. Производит ужасающее впечатление. Я бы никогда не стал рекомендовать ничего подобного. Его очень обеспокоил тот факт, что эта молодая женщина знала, кто он такой.

— Постойте. Значит, я не первая?

— Вряд ли она представляла интересы какого-то правительства.

Лизу Дурнау почему-то вдруг охватывает дрожь, хотя в сырой кабине душно и нестерпимо жарко. Она вызывает первое изображение со Скинии на «Скрижали» и поворачивает его так, чтобы доктору Готце было лучше видно.

— И снова очень плохая фотография, но это именно та молодая женщина.

— Доктор Готце, перед вами еще одно изображение с артефакта внутри Дарнли-285...

Готце откидывается на спинку дивана.

— Ну что ж, мисс Дурнау. Как профессор Лалл совершенно справедливо отмечает в своем письме, здесь есть какая-то тайна.

Возникает впечатление, что за окном дождь начинает утихать.

31
Лалл

В кабинете адвоката Нагпала все окна и ставни распахнуты настежь. Шум, который доносится с улицы, просто нестерпим.

— Извиняюсь, извиняюсь, — повторяет Нагпал, провожая посетителей к потрескавшимся кожаным креслам и усаживаясь за деревянный стол с изысканной резьбой. — Однако в противном случае жара... Система кондиционирования воздуха у нас... Обязанность домовладельца — содержать ее в порядке. Но, знаете ли... Чай, пожалуйста. Лично мне горячий чай кажется самым освежающим напитком в такую невыносимую жару.

Томас Лалл с его точкой зрения на чай не согласен, но адвокат уже позвонил, и чай сейчас принесут.

— Я слышал, что в Джаркханде уже идет дождь...

Слуга приносит горячий, очень сладкий чай на медном подносе. Нагпал берет чашку и одним глотком выпивает ее. Этот адвокат, представляющий контору «Нагпал, Пахельван и Дхаван»,

— юрист опытный не по годам. Лалл давно придерживается теории, что каждый человек имеет внутренний духовный возраст, в котором он и остается на протяжении всей своей жизни. Сам он застрял на двадцати пяти годах. Духовный возраст этого адвоката — где-то около шестидесяти, хотя, глядя на его физиономию и руки, ему можно дать не больше тридцати.

— Ну-с, чем я могу быть вам полезен?..

— Из вашего офиса одной даме, моей коллеге, которая сейчас находится здесь со мной, была выслана фотография.

Нагпал хмурится, поджимает губы, словно желая воскликнуть: «О!» Аж передвигает по столу в его сторону палм. Томас Лалл чувствует, что температура воздуха перевалила за сорок, но Аж сдержанна, холодна и уравновешенна. В полутемном кабинете создается впечатление, что ее тилак светится.

— Мне ее прислали на мой восемнадцатый день рождения, — добавляет Аж.

— А, да-да, теперь, кажется, мне все понятно!

Нагпал открывает свой палм в пенале из кожи ручной выделки и начинает над ним колдовать. Томас внимательно наблюдает за игрой пальцев адвоката, за движением его зрачков, за тем, как

раздуваются его ноздри. Чего же вы так боитесь, адвокат Нагпал, со всеми вашими дипломами и сертификатами, развешенными на стене?..

— Да-да, Ажмер Рао. Вы прибыли из Бангалора? Как удивительно! В такое тревожное время! На фотографии, насколько я понимаю, изображены ваши настоящие родители...

— Ерунда! — восклицает Лалл.

— Сэр, на фотографии...

— Жан-Ив и Анджали Трюдо. Они известные исследователи в области искусственного интеллекта и искусственных форм жизни. Я работал с ними несколько лет. И как раз в то время, когда теоретически должна была быть зачата Аж, я постоянно, ежедневно общался с Анджали и Жан-Ивом в Страсбурге. Если бы она была беременна, я бы об этом наверняка знал.

— При всем моем уважении к вам, господин Лалл, существуют современные методики, к примеру, вынашивание чужого ребенка...

— Господин Нагпал, Анджали Трюдо была бесплодна и за всю свою жизнь не смогла бы породить ничего жизнеспособного.

На физиономии адвоката Нагпала появляется гримаса отвращения.

— Таким образом, у нас возникли следующие

вопросы, на которые мы хотели бы получить ответ. Кто настоящие родители Аж и по чьему поручению вы выслали эту фотографию? Кто-то играет с ней в странные игры.

— Я весьма сочувствую положению мисс Рао, но, к сожалению, не волен разглашать данную информацию, господин Лалл. Информацию в высшей степени конфиденциальную.

— Но я мог бы поговорить с ними непосредственно. Мой приход сюда — чистейшая формальность.

— Я так не думаю, сэр. Извините меня за прямоту, но господин и госпожа Трюдо мертвы.

У Лалла возникает ощущение, будто темная, душная, захламленная комната вдруг выворачивается наизнанку.

— Что?!.

— Сэр, мне очень жаль, но я должен сообщить вам, что господин и госпожа Трюдо погибли во время пожара в их квартире вчера утром. Вопрос, при каких обстоятельствах произошла трагедия, не совсем ясен. В настоящее время полиция занимается выяснением причин.

— Вы хотите сказать, их убили?

— Я могу сказать, сэр, только то, что данный инцидент привлек внимание правительственного

отдела, известного под названием «Министерство».

— Сыщики Кришны?..

— Именно. Квартира считается местом расположения фирмы Бадрината Сундарбана.

— Они работали с киберраджами?

Адвокат Нагпал разводит руками.

— У меня нет никаких данных, чтобы делать те или иные выводы.

Томас Лалл говорит медленно и четко — так, чтобы у адвоката не возникло никаких сомнений относительно того, что он имеет в виду.

— Вам поручил выслать эту фотографию Аж именно Бадринат Сундарбан?

— Господин Лалл, у меня есть мать, братья, замужняя сестра с тремя детьми, да будут боги благосклонны к ней... Я простой нотариус, заверитель документов, и работаю, должен вам сказать, далеко не в самом нравственно здоровом окружении. Здесь действуют такие силы, о мере влияния которых мне даже не хотелось бы говорить. Я просто выполняю указания и получаю гонорар. Я не могу вам ничем помочь, не могу ответить ни на один из ваших вопросов. Прошу вас понять меня правильно. Но я могу выполнить одно последнее пожелание моих клиентов.

Господин Нагпал звонит в колокольчик, отдает какое-то приказание на хинди слуге, который возвращается с коробкой размером с книгу, завернутой в варанасский шелк. Господин Нагпал разворачивает ткань. Внутри два предмета: фотография и деревянная резная шкатулка для драгоценностей. Он передает фотографию Аж. Снимок из разряда семейных: мать, отец, девочка — все улыбаются, стоя у какого-то бассейна, а у них за спиной небоскребы большого современного города. Но мужчина и женщина уже мертвы, а у девочки, жмурящейся от яркого утреннего света, обритый череп со следами недавней хирургической операции.

Аж невольно проводит рукой по своим волосам.

— Извините за причиненное беспокойство, — говорит адвокат Нагпал, — но перед вами вторая часть того, что мои клиенты хотели вам передать.

Он протягивает Аж маленькую шкатулку для драгоценностей. Когда Аж открывает медный замочек, Томас Лалл чувствует сильный запах сандалового дерева.

— Моя лошадка!..

Между большим и указательным пальцем она

держит вселенский круг огненной чакры. А в ее центре танцует вставшая на дыбы белая лошадь.

За многоэтажными зданиями Восточного берега небо обсидианового цвета — сплошная стена в десять километров высотой. С того места, где он сейчас сидит на верхних ярусах гхата Дасашвамедха, Томас Лалл чувствует ее давление. Затянутое туманной дымкой желтое солнце висит над городом и рекой. Широкие песчаные отмели, где нага совершают свои аскетические подвиги, кажутся ослепительно белыми на фоне черного неба. Порыв ветра несет лепестки бархатцев вдоль гхата Дасашвамедха и покачивает лодки на реке. Даже в Ке рале Томас Лалл не помнит такой влажности. Он представляет жару, влажность, химические вещества, скапливающиеся в его дыхательных путях, и ему становится нехорошо.

Нос для дыхания, рот — для беседы.

Настроения в городе жесткие, напряженные. Жара и война. Ярость Саркханда вылилась на улицы. Поджоги. Убийства. Первыми были ньюты. За ними последуют мусульмане, как всегда. А пока пикапы «Махиндра» разъезжают по американским закусочным в Новом Городе, и карсеваки обливают спиртовым топливом кощунствен-

ные говяжьи гамбургеры. Впервые Томас Лалл чувствует себя неуютно из-за своего акцента и цвета кожи.

Армейский офицер взял у Томаса паспорт и оставил его одного в складском помещении без окон, внутри маленького сельского медпункта, который военные силы Бхарата использовали для пропуска беженцев после нападения на поезд. Лалл сидел на металлическом стуле под единственной, не дававшей тени лампочкой и впервые ощущал страх и беззащитность, а в соседней комнате офицер громким голосом на хинди по телефону наводил справки по поводу его паспорта. Разумом Томас никогда не верил в сказки об особой американской благодати, о том, что эта маленькая книжечка способна сделать его всемирным аристократом, облечь броней неуязвимости. Однако паспорт был для него чем-то вроде распятия, на которое он пытался уповать, стиснутый между двумя столкнувшимися силами.

Лалл не думал, что ему могут предъявить какие-то обвинения. Тем не менее в подобной ситуации возможно все. Томас уже целых три часа просидел в комнате, а клавиши продолжали стучать, офицеры снимали показания, звучал разноголо-

сый шум, а на улице причитали женщины. Но вот коренастый субалтерн — с синим тилаком на языке из-за постоянного облизывания карандаша — вырвал какие-то квитанции, проштамповал страницы и протянул Лаллу стопку бумаг — розовых, синих и желтых, — а вместе с ними и его плотный черный паспорт.

— Ваше разрешение на проезд по стране, временное удостоверение личности и билет, — сказал он, указывая карандашом на выданные бумаги. — Автобусы отправляются от храма Дурги. Номер вашего автобуса — 19. Позвольте мне от имени правительства Бхарата выразить сожаление по поводу тех неприятностей, которые вам пришлось испытать, и пожелать благополучного дальнейшего путешествия.

И субалтерн поманил карандашом женщину, стоявшую в очереди за Лаллом.

— А моя спутница, молодая женщина с тилаком Вишну?

— Все автобусы и все люди перед храмом. Доброго пути вам, сэр.

Взмахом пера младший офицер показывает Томасу, что разговор закончен. Деревенская улица освещена только светом автомобильных фар. Лалл проходит между рядами мертвых тел, лежа-

щих парами, словно возлюбленные. Но к концу тропинки, ведущей к автобусу, у военных, видимо, закончились мешки для трупов, и мертвые лежат прямо на земле. Лалл старается не вдыхать запах обгоревших тел. Армейские медики уже заняты работой — снимают роговицы.

— Аж!.. — кричит он. С разных сторон видны вспышки фотокамер. Зажигаются осветительные приборы: группы корреспондентов выбирают удобный ракурс для съемок. За лесом из микрофонных штативов с машин со спутниковыми антеннами разгружают оборудование, которое напоминает внезапно распустившиеся маки. — Аж!..

— Лалл! Лалл!..

Бледная рука машет ему из окна автобуса. Свет падает на тилак. Томас пробирается сквозь толпу, повернувшись спиной к камерам с американским логотипом.

— Вас так долго не было, — говорит девушка, когда он наконец усаживается рядом с ней.

— Им хотелось убедиться, что я не являюсь агентом враждебного государства. А как вы? Я думал, что...

— О, меня сразу отпустили. Мне кажется, они просто испугались.

Автобус ехал остаток ночи и весь следующий день. Долгие бесконечные часы слились в сплошную пелену жары, скуки, деревень с яркими рекламами воды и нижнего белья и постоянным блеянием автомобильных сигналов. Но перед глазами Томаса Лалла снова и снова всплывала одна и та же картина: обгоревшие трупы на сельских улицах, Аж, стоящая на одном колене с протянутой рукой, и повинующиеся ей вражеские боевые роботы.

— Я должен вам задать один вопрос...

— Я увидела богов и спросила их. Именно это я и сказала солдатам. Не думаю, что они мне поверили, но зато очень испугались.

— У роботов тоже есть боги?

— Бог есть у всего, господин Лалл. Нужно просто его найти.

Во время очередной остановки Томас купил газету, чтобы убедиться, что все его обрывки впечатлений на самом деле часть пережитой им реальности, а не галлюцинация. Экстремисты из хиндутвы Бхарата совершили нападение на железнодорожный экспресс авадхов в порыве ложно понятого патриотизма (так говорилось в передовой статье), а отважные джаваны аллахабадской дивизии отразили жестокий и ничем не

оправданный ответный удар авадхов...

Каким бы либеральным ни был представитель западного мира, наступает момент, когда Индия неизбежно его шокирует. Для Томаса Лалла шоком стал дремлющий в глубинах индийского менталитета субстрат ярости и ненависти, который рано или поздно просыпается. И тогда индиец приходит в дом соседа, с которым мирно жил на протяжении десятилетий, проламывает ему голову топором, сжигает его жену и детей, а за тем, когда все закончено, как ни в чем не бывало возвращается к прежней спокойной жизни. Даже когда находишься среди паломников и владельцев прачечных, среди уличных лавочников, кормящихся за счет торговли среди туристов, ты должен помнить, что страшная, все сметающая на пути индийская тол па может возникнуть внезапно, в любой момент. Томас не может объяснить подобное методами своей философии.

— Было время, когда мне казалось, что я смогу работать на Сундарбанов, — говорит Томас Лалл. — Это было после того, как я давал показания комиссии Гамильтона. Они имели основания подозревать меня. Одной из главных идей, лежавших в основе проекта «Альтерра», было создание альтернативной экосистемы, в которой

разум имел шанс развиваться по собственному эволюционному пути. Не думаю, что я смог бы остаться в Штатах. Мне хочется верить, что я сумел бы остаться стойким и непреклонным в любом случае, но на самом деле я становлюсь трусливым котенком, как только дело доходит до воздействия на меня оружием. Однако тогда я боялся даже не оружия, не насилия. Меня пугало отсутствие интереса ко мне. Я буду писать, говорить, беседовать с людьми, но ни одна живая душа не обратит на меня ни малейшего внимания. Заперт в темнице своего «Я». Единственное, что остается, — кричать в подушку, что гораздо хуже смерти. Быть раздавленным, задушенным всеобщим безразличием.

Я прекрасно понимал, чем они здесь занимаются. Любой, кто когда-нибудь имел дело с сарисинами, знает, что прячут в Киберабадах. За месяц до того, как в действие вступил Акт Гамильтона, они вывозили бевабайты информации из США. Вашингтон применил невиданное доселе давление ко всем индийским государствам с целью заставить их ратифицировать международное соглашение относительно регистрации и лицензирования искусственного интеллекта. И мне тогда казалось, что кто-то, какой-то амери-

канец должен высказаться в защиту индийцев, показать, что и на их стороне есть своя правда.

Жан-Ив и Анджали хотели, чтобы я приехал. Они понимали, что даже если авадхи пойдут на поводу у Вашингтона, единственное, что американцы смогут получить от правительства Ранов, — это половинчатую и лицемерную уступку. И тут случилось то, что случилось: жена ушла от меня и унесла с собой половину нажитого мною добра. Я думал, что я мудр и одновременно современен, а оказалось — ни то, ни другое. Вышло, что я вообще противоположен всем своим представлениям о самом себе. Думаю, что какое-то время я просто был на грани помешательства. И еще не совсем вышел из такого состояния... Боже, никак не могу поверить в то, что их больше нет.

— Как вы думаете, над чем они работали у Сундарбана?

Аж сидит, скрестив ноги, на деревянной площадке, где священнослужители совершают ночную пуджу богине Ганга. Молящиеся провожают ее долгим взглядом: вайшнавитка в самом сердце поклонения Шиве.

— Я думаю, у них здесь уже есть третье поколение.

Аж поигрывает с лепестками бархатцев.

— Мы достигли сингулярности?

Томас Лалл вздрагивает, слыша столь высокоумное словцо из девичьих уст.

— И что же, загадочная дева, вы понимаете под сингулярностью?

— Кажется, это означает тот теоретический уровень, на котором сарисины вначале становятся равными по разуму людям, а затем очень быстро опережают их.

— Мой ответ: и да, и нет. Да — потому что, вне всякого сомнения, уже существуют сарисины третьего поколения, которые столь же живы, наделены сознанием и чувством собственного «Я», как и ваш покорный слуга. Однако их существование вовсе не означает, что они стремятся всех нас сделать рабами или какой-то разновидностью домашних животных или просто хотят взорвать весь мир из-за того, что воспринимают человечество как соперников в борьбе за одну и ту же экологическую нишу. Так рассуждали те, кто готовил Акт Гамильтона, и эти рассуждения в корне порочны. И вот почему: да, они разумны, но разумны вовсе не по-человечески. Сарисины наделены абсолютно чуждым нам разумом, который является результатом взаимодействия с особыми условиями и стимулами специфиче-

ской среды, Киберземли, законы существования которой очень и очень отличны от законов существования Земли реальной.

Вот первый закон Киберземли: информация не может перемещаться, она должна копироваться. На реальной Земле физическое перемещение информации — примитивнейшее дело. Мы занимаемся этим постоянно. Сарисины не способны ни к чему подобному. Зато они обладают кое-какими возможностями, которыми не обладаем мы. К примеру, могут копировать самих себя. Но я не знаю, как подобная способность может воздействовать на ваше самоосознание, на структуру вашего «Я», и, технически говоря, знать не могу. Для нас — но не для сарисинов — просто немыслимо быть в двух местах одновременно. Для них философские импликации того, что ты делаешь со своей свободной копией, когда сам перемещаешься в Новую матрицу, принципиально важны. Погибает ли от этого целостное «Я» или оно просто становится частью какого-то большего гештальта?

Таким образом мы сталкиваемся с совершенно чуждым нам устройством разума. Поэтому, даже если сарисины достигли сингулярности и стремительно приближаются к IQ, равному миллиону,

что подобное развитие ситуации может означать для человечества? Как мы вообще сможем его оценить своей мерой? И какой мерой? Интеллект не есть нечто абсолютное, он всегда специфичен для конкретной среды. Сарисинам нет нужды вызывать биржевые крахи, или направлять на нас наши же ядерные ракеты, или вносить сумятицу в информационные системы. Между нами не может существовать никакого соперничества, так как все то, что я перечислил, в их вселенной не имеет никакого смысла и значения. Мы соседи, существующие в параллельных вселенных, и пока мы будем жить как соседи, будет царить мир. Но Акты Гамильтона означают, что мы восстали против наших соседей и пытаемся уничтожить их. И когда-нибудь искусственный интеллект неизбежно даст от пор, как делает любой, когда его припирают к стенке. И вот тогда мы столкнемся со страшным, жестоким противником. Нет ужаснее битвы, чем битва между богами, а мы друг для друга именно и есть боги. Мы — боги для сарисинов. Наши слова способны переписать облик любой части их вселенной. И тут ничего не поделаешь: такова реальность их мира. Нематериальные сущности, способные изменить любую часть их материальной реальности, — такая же

часть структуры самого бытия сарисинов, как и квантовая неопределенность, как теория «М-звезды» в нашей все ленной. Когда-то мы сами жили во вселенной, которая мыслила таким же образом. Духи, предки и все остальное связывалось вместе Божественным Словом. Мы нужны друг другу, чтобы поддерживать существование наших миров.

— Вероятно, есть другой путь, — тихо говорит Аж. — Может статься, война не так уж неизбежна.

Томас Лалл чувствует прикосновение ветра к лицу, а где-то вдали слышно отчетливое рычание тигра приближающейся грозы.

— Но что-то обязательно будет, — говорит он. — Другой путь? Вряд ли, ведь мы живем в Кали-югу.

Лалл встает, отряхивает с себя пыль и пепел сгоревших человеческих тел.

— Ну что ж, пойдемте. — Томас протягивает руку Аж. — Я иду на факультет компьютерных технологий университета Варанаси.

Аж наклоняет голову набок.

— Профессор Нареш Чандра пока там, но вам стоит поторопиться. Вы меня извините, если я не последую за вами, Томас?

— А куда вы пойдете? — Это сказано тоном обиженного возлюбленного.

— Национальный отдел регистрации актов гражданского состояния Бхарата открыт до пяти часов. Так как все другие методы оказались неэффективны, возможно, анализ профиля ДНК поможет мне найти моих родителей.

Усиливающийся ветер шевелит ее по-мальчишески короткие волосы, развевает широкие штанины Томаса Лалла. Внизу, на реке, которая вдруг сделалась бурной, лодки стайкой спешат к берегу.

— Вы уверены?

Аж вертит в руках свою маленькую лошадку из слоновой кости.

— Да, я много над этим думала и пришла к выводу, что должна знать...

— Ну что ж. В таком случае — удачи.

Не задумываясь, против воли Томас Лалл обнимает девушку. Она худенькая, костлявая и такая легкая и хрупкая, что ему кажется, что он может раздавить ее в объятиях, как стеклянную палочку.

Лалл гордится чисто мужским талантом находить дорогу в том месте, которое ему хоть раз довелось посетить. Однако через две минуты

после того, как он вышел из фатфата на зеленые лужайки университета Варанаси, Томас уже не понимал, куда ему идти. Когда несколько лет назад он читал лекции на только что открывшемся факультете компьютерных технологий, восемьдесят процентов территории университета занимала строительная площадка.

— Извините, — обращается Лалл к садовнику в сапогах, что выглядит несколько абсурдно во время самой продолжительной засухи за всю короткую историю Бхарата.

Большие темные тучи собираются за легкими и просторными факультетскими зданиями, по краям облаков сверкают яркие всполохи молний. Горячий ветер набирает силу. Кажется, он сейчас снесет этот хрупкий университет и поднимет его к облакам. Скорей бы начался дождь, скорей бы начался дождь, молит Томас, взбегая вверх по лестнице мимо чаукидара, проходя через двойные двери в факультетский офис, где восемь молодых людей и одна женщина среднего возраста сидят, обмахиваясь глянцевыми журналами. Лалл решает обратиться к женщине:

— Я хотел бы встретиться с профессором Чандрой.

— В данный момент профессор Чандра не мо-

жет с вами встретиться.

— О, мне известно из источников, заслуживающих доверия, что он сидит у себя в кабинете. Просто сообщите о моем приходе.

— Это будет нарушением принятых у нас правил, — отвечает секретарша. — О посещениях следует договариваться заранее, причем со мной. В мои обязанности входит занесение времени визита в наш журнал до десяти часов утра понедельника.

Томас Лалл нагло усаживается на стол. На него уже находит грозовое облако, он готов начать скандал, прекрасно понимая, что единственный способ как-то пробиться сквозь неприступную стену индийской бюрократии состоит в том, что бы произвести впечатление своим уникальным терпением, взяткой или общественным положением. Он наклоняется и нажимает сразу все кнопки на интеркоме.

— Будьте так добры, сообщите профессору Чандре, что профессор Томас Лалл хочет срочно переговорить с ним.

Одна из дверей внезапно открывается.

32
Парвати

Все началось еще на железнодорожной станции. Носильщики оказались ворами и головорезами, полицейские на контрольно-пропускном пункте проявили грубое неуважение к достойной вдове из законопослушного селения, расположенного в мирном районе. Таксист чуть не разбил ее чемодан, обращаясь с ним как с тюком белья, а когда он наконец отъехал, то выбрал самый длинный путь, мчался сломя голову, пролетая под носом у автобусов, чем до смерти напугал пожилую деревенскую женщину. И уже почти доведя ее до инфаркта, потребовал с нее дополнительные десять рупий за то, чтобы донести вещи до квартиры, и пришлось отдать деньги, потому что сама она бы никогда не справилась...

Парвати Нандха прячет от матери печаль, старается изобразить искреннюю дочернюю радость от встречи, просит домработницу занести сумки и чемоданы в комнату для гостей.

— Сейчас я сделаю для тебя чашку чаю, а потом мы поднимемся на крышу.

Госпожа Садурбхай начинает таять от теплого приема дочери, как фигурка из буйволиного масла на семейных праздниках.

Домработница объявляет, что комната готова. Пока мать идет в свою комнату, чтобы осмотреться и распаковать вещи, Парвати суетится на кухне с чайником, убирает, вытирает, приводит все в порядок, пытаясь к тому же скрыть следы недавнего унижения на крикетном матче.

— Тебе не следует этим заниматься, — говорит госпожа Садурбхай, занимая место за плитой рядом с дочерью. — Приготовить чашку чаю не так сложно и повару. А домработница вас обманывает. В высшей степени ленивая девица. Под кроватью я обнаружила горы пыли. Ты должна быть строга с прислугой. Вот. — Она ставит на стол яркий пакетик чая. — Кое-что с настоящим ароматом.

Они усаживаются в полумраке жасминовой беседки. Госпожа Садурбхай оценивает работу, затем окидывает взглядом крыши соседних домов.

— Из некоторых окон тебя могут увидеть, — замечает она, накидывая дупатту на голову. Время вечернего часа пик, сигналы автомобилей заглушают их голоса. С балкона на противоположной стороне улицы раздаются звуки последних хитов,

которые передает радио. — Садик будет хорош, когда немного разрастется. Тогда у тебя здесь будет настоящее уединение. Разумеется, совсем не то уединение, которое возможно в пригороде, ведь там настоящие деревья, но здесь будет приятно провести вечер, если ты, конечно, к тому времени не переедешь.

— Мама, — произносит Парвати, — а почему ты приехала?

— По-твоему, мать не может навестить собственную дочь? Или в столице какие-то новые обычаи?

— Но даже в деревне принято предупреждать заранее.

— Предупреждать? Я что, наводнение, стая саранчи или налет вражеских бомбардировщиков? Я приехала, потому что беспокоюсь за тебя в этом городе в нынешней сложной ситуации. Да, конечно, ты мне присылаешь сообщения каждый день, но я же смотрю телевизор и вижу солдат, танки, самолеты, огонь... ужасно... ужасно... И вот я сижу здесь, поднимаю голову и вижу примерно то же самое.

Патрульный самолет скользит по краю муссонного облака на высоте нескольких километров над Варанаси. Они могут там находиться годами,

как говорил Кришан, ни разу не касаясь земли, словно христианские ангелы.

— Мама, они там для того, чтобы охранять нас от авадхов.

Пожилая дама пожимает плечами.

— Ах! Они хотят, чтобы ты так думала, но я-то знаю, что именно я вижу.

— Мама, чего ты хочешь?

Госпожа Садурбхай приподнимает паллав сари.

— Я хочу, чтобы ты поехала домой со мной.

Парвати воздевает руки, но госпожа Садурбхай не позволяет ей высказать до конца свое возмущение.

— Парвати, зачем так бессмысленно рисковать? Ты говоришь, что находишься здесь в безопасности. Возможно, так оно и есть. Но что, если все эти великолепные машины дадут сбой, и бомбы начнут падать на твой садик? Парвати, может быть, риск минимальный, с рисовое зернышко, но зачем вообще рисковать, если можно обойтись без риска? Поедем со мной в Котхаи. Солдаты авадхов никогда тебя там не отыщут. И ведь уедешь ты совсем ненадолго, пока не закончится здешний ужас.

Парвати Нандха ставит стакан с чаем. Лучи

заходящего солнца светят ей прямо в глаза. Приходится прикрыть их рукой, чтобы получше рассмотреть выражение лица матери.

— В чем дело, мама?

— Не понимаю, о чем ты.

— Я о том, что ты всегда считала, что муж не проявляет ко мне должного уважения.

— О нет, нет, Парвати! У тебя достойный брак, и это самая большая ценность в жизни. Меня просто немного огорчает, когда честолюбивые и наглые женщины — назовем вещи своими именами, беспардонные выскочки, вырвавшиеся за пределы своих низких каст, — так вот когда такие беспардонные выскочки выставляют напоказ богатство, мужей, положение в обществе, на которое они имеют значительно меньше прав, чем ты. Мне очень больно, Парвати...

— Мой муж занимает важное положение, он уважаемый государственный служащий. Я не знаю никого, кто говорил бы о нем хоть чуточку плохо. И мне ничего не нужно. Посмотри, какой очаровательный сад. Мы живем в одной из лучших государственных квартир...

— Да-да, конечно. Но в государственной, Парвати, в государственной!..

— Но я совсем не хочу переезжать в пригород.

Меня вполне устраивает жизнь здесь. И я не хочу уезжать с тобой в Котхаи, превратив свой отъезд в повод для того, чтобы заставить мужа сосредоточиться на мне и моих прихотях — только потому, что ты считаешь, будто он уделяет мне недостаточно внимания.

— Парвати, я никогда...

— О, извини.

Женщины замолкают, услышав чужой голос. На нижней ступеньке стоит Кришан в выходном костюме. Он прямо с крикета.

— Мне нужно проверить... э-э... систему капельного орошения.

— Мама, это Кришан, он устраивал мой сад. Все здесь — дело его рук.

Кришан кланяется.

— Замечательная работа, — откликается госпожа Садурбхай с явным неодобрением в голосе.

— Часто самые красивые сады вырастают на самых бедных почвах, — говорит Кришан и отходит, чтобы начать без всякой особой цели возиться с трубами, кранами и регуляторами.

— Мне он не нравится, — шепчет госпожа Садурбхай дочери.

Парвати встречается взглядом с Кришаном как раз в тот момент, когда он зажигает маленькие

терракотовые масляные светильники вдоль грядок. День уступает место ночи. Крошечные язычки пламени покачиваются на сильном ветру. На востоке, который уже почти совсем покрыла ночная тьма, слышны раскаты грома.

— Он слишком фамильярен. Бросает такие взгляды... Всегда дурно, когда они так смотрят.

Кришан пришел, чтобы увидеть меня, думает Парвати. Он следовал за мной, чтобы защитить от злобных языков беспардонных выскочек, помочь мне в трудную минуту.

Сад превращается в созвездие светильников. Кришан кланяется хозяйкам дома.

— Я должен пожелать вам спокойной ночи и надеюсь найти вас в добром здравии завтра утром.

— Тебе следовало бы сказать ему, чтобы собрал с пола абрикосовые косточки, — говорит госпожа Садурбхай, глядя в спину Кришану, спускающемуся по лестнице. — Они будут только привлекать обезьян.

33
Вишрам

У Марианны Фуско просто потрясающие соски, думает Вишрам, когда женщина выходит из бассейна и, шлепая босыми ногами по кафельной плитке, подходит к своему шезлонгу. Он видит их сквозь влажную лайкру. Крупные, округлые, зовущие к наслаждениям. Из-за холодной воды они напряглись, сделавшись похожими на пробки от шампанского.

— О боже, как чудесно! — восклицает Марианна Фуско, стряхивая воду с влажных волос и завязывая на поясе шелковую шаль.

Она тяжело опускается в шезлонг рядом с Вишрамом, откидывается на спинку и немного съезжает вниз, чтобы укрыться от солнца. Вишрам жестом приказывает официанту налить кофе.

Он не собирался селиться в том же отеле, где живет его советник по юридическим вопросам, но война вызвала большой спрос на гостиничные номера. Парковки у всех отелей в Варанаси забиты фургонами с оборудованием для спут-

никовой связи, все бары полны иностранных корреспондентов, ловящих каждое слово, сказанное о нарастающем конфликте, каждую крупицу информации. Вишрам понял, что это тот самый отель, в который он доставил ее после той первой катастрофической поездки на лимузине, только когда увидел, как Марианна спускается в лифте в стеклянный атриум. Он бы узнал покрой ее костюма в любом месте и в любое время.

Номер очень удобен, однако Вишрам не может в нем уснуть. Ему не хватает усыпляющих узоров расписного потолка его спальни. Ему не хватает уюта, который создает эротическая резьба Шанкер-Махала. Ему не хватает секса. Вишрам замечает, как на руке Марианны начинают выступать капельки пота еще до того, как успевает высохнуть вода.

— Виш. — Она никогда раньше так к нему не обращалась. — Я скоро должна буду уехать.

Вишрам с предельной осторожностью опускает чашку на столик, так, чтобы случайным стуком не выдать смятения.

— Из-за войны?

— Мне позвонили из нашего центрального отделения. Министерство иностранных дел советует всем британским гражданам как можно

быстрее покинуть страну. Кроме того, в семье очень беспокоятся за мою безопасность, в особенности после погромов...

Ее семья — это скандальная паутина из сложных партнерств и многочисленных повторных браков среди представителей пяти разных национальностей и рас, поселившихся в красно-кирпичных домиках южного Лондона.

Верхняя часть купального костюма Марианны уже успела высохнуть на солнце, но ближе к поверхности шезлонга ткань все еще влажная и липнет к телу. Вишраму всегда по чему-то больше нравились закрытые купальники. Они вызывали в нем больше фантазий. А сейчас мокрая ткань подчеркивает мускулистый изгиб бедер и ягодиц Марианны Фус-ко. Вишрам чувствует, как в его шелковых трусах начинает шевелиться член. Как бы ему хотелось овладеть ею прямо здесь, в бассейне, в теплой воде, и пусть оттуда, из-за стены, доносится оглушительный шум утреннего часа пик...

— Я должна тебе признаться, Виш, что очень не хотела сюда ехать. У меня были свои проекты, над которыми я работала.

— Для меня это тоже был не такой уж подарок, — отвечает Вишрам. — У меня была прекрасная

карьера эстрадного комика. Я смешил людей. И от подобного нельзя просто так взять и отмахнуться, как от какой-нибудь ерунды. О, Вишрам, какими глупостями ты там занимаешься. Бросай все и приезжай сюда, здесь для тебя найдется настоящая работа... И знаешь, что здесь хуже всего, из-за чего у меня комок подступает к горлу? Мне нравится то, что здесь происходит. Чертовски нравится. Нравится наша корпорация, люди, которые на нее работают, то, что они пытаются сделать, чего уже добились в исследовательском центре. А больше всего раздражает то, что моего треклятого папашу ни в малейшей степени не интересовали мои чувства, но ведь в конечном итоге его решение оказалось правильным. И я буду бороться, чтобы спасти эту компанию, с тобой или без тебя, и если мне суждено продолжать дело в одиночку, если ты бросишь меня, тогда нужно кое-что прояснить. Во-первых, я обожаю вид твоих сосков под мокрым купальником; во-вторых, не было мгновения — на официальных ли встречах, или на брифингах, за столом, во время телефонных переговоров, когда бы я не вспоминал о сексе с тобой в уголке авиалайнера компании «Бхарат эйр»...

Марианна Фуско опускает руки на подлокот-

ники. Она кажется мертвой, из-под больших итальянских солнцезащитных очков не видно ее глаз.

— Господин Рэй. О черт!..

— В таком случае приступайте.

Марианна Фуско — настоящий профессионал и достаточно возбуждена, чтобы еще лепетать что-то по поводу шикарных апартаментов Вишрама, когда они, переполняемые похотью, с трудом проходят в его дверь. Правда, он еще достаточно владеет собой, чтобы раздеваться правильно, по-джентльменски, снизу вверх. Затем Марианна срывает с себя шелковый саронг и идет по комнате, скручивая прозрачную ткань в канат и связывая его в цепочку больших узлов, словно веревку душителя. Ткань купальника растягивается и в отдельных местах рвется. Вишраму нравится чувствовать ее прикосновение к ладоням. Он срывает остатки ткани с Марианны, обнажая вожделенное тело, пытается войти в нее, но она откатывается в сторону, говоря: «Нет, нет, нет! Я не позволю этому войти в меня!» Однако разрешает ему ввести три пальца в оба отверстия и тут же начинает богохульствовать и биться в судорогах на коврике у кровати. Затем помогает Вишраму ввести шелковую ткань узелок за

узелком себе в вагину, садится на него, широко расставив ноги. Ее крупные соски рельефно выделяются. Она ласкает его член рукой до тех пор, пока он не кончает: после этого Марианна перекатывается на спину и заставляет Вишрама стимулировать ее клитор с помощью большого пальца ноги. А когда наконец она начинает выкрикивать проклятия и молотить кулаками по ковру, то принимает позу, которую в йоге называют позой «плуга», а он обматывает свободный конец ткани вокруг руки и начинает медленно вытаскивать ее. Каждый извлекаемый узелок сопровождается каким-нибудь очередным богохульством и судорогой, пробегающей по всему телу женщины.

К тому времени, когда к обоим возвращается способность говорить, настенные часы в стиле ретро уже показывают двадцать минут двенадцатого. Марианна и Вишрам лежат рядом на коврике и под звуки приближающейся грозы пьют прямо из бутылки солодовый напиток из мини-бара.

— Теперь я никогда не смогу смотреть на эту ткань так же, как раньше, — замечает Вишрам. — Где ты научилась подобным штучкам?

— А кто тебе сказал, что меня нужно было

учить? — Марианна Фуско перекатывается на бок. — Только вам, индийцам, обязательно нужен какой-нибудь гуру.

Комнату освещают яркие вспышки молний. Вишрам вспоминает о фотографии, которую видел на первой странице своего сегодняшнего утреннего новостного сайта. Бледные лица: мужчина с открытым ртом и какой-то инопланетный, бесполый и прекрасный ньют, сжимающий в руках пачку банкнот. Чем они занимаются? — думает Вишрам. Чем в принципе могут заниматься? Да вообще чем бы они ни занимались, разве ради этого можно жертвовать карьерой и семьей? Он всегда воспринимал секс как нечто единое, как некий унифицированный набор действий и реакций, независимо от сексуальной ориентации. Но сегодня, лежа на полу с Марианной Фуско среди обрывков купальника и ткани, скрученной в змейку из множества узелков, которую он так любовно извлекал из нее, Вишрам начинает понимать, что секс — огромный континент, состоящий из множества самых немыслимых способов возбуждения и самых непредсказуемых реакций, столь же многоязыкий и с таким же разнообразием традиций, как и сама Индия.

— Марианна, — говорит он, глядя в потолок.

— Не уезжай.

— Виш. — И снова придуманное ею прозвище. — На этот раз мне действительно нужно сказать тебе кое-что очень важное. — Она садится. — Виш, я говорила тебе, что меня нанял твой отец для наблюдения за передачей полномочий.

— Нанял? Ах вот откуда столько профессионализма в том, чем мы только что занимались...

— Знаешь, никто из тех профессиональных комиков, которых мне приходилось встречать, не пытался реальную жизнь превращать в комедию. Виш, на самом деле меня наняла другая компания. Я работаю на «Одеко».

Вишраму кажется, что что-то вдавило его в пол. Мышцы расслабляются, руки падают вдоль тела, он помимо воли принимает позу трупа.

— Ну что ж, теперь по крайней мере во всем появляется некий смысл, не так ли? Прежде чем прирезать парня, его надо лишить сил с помощью секса...

— Эй! — Марианна Фуско наклоняется над ним. Ее волосы падают ему на лицо, она кажется мутным темным силуэтом на фоне окон. — Это неверно и несправедливо. Я вовсе не... шлюха на содержании у корпораций. Мы занимались тем, чем занимались, не потому, что секс был частью

какого-то заговора. Черт, Вишрам Рэй. Я рассказала, потому что я доверяю тебе, потому что ты мне нравишься, потому что мне нравится заниматься сексом с тобой. Какие большие основания для доверия тебе нужны?

Вишрам измеряет промежуток времени, который проходит между вспышкой молнии и раскатом грома. Один Одеко, два Одеко, три Одеко, четыре... Дождь вот-вот начнется.

— Черт, я абсолютно ничего не понимаю в том, что происходит, — говорит он, вперив взгляд в потолок. — Кто за кем и за чем стоит, кто кого финансирует, кто на кого делает ставки, кто на кого работает и ради чего...

— А ты думаешь, я понимаю? — отвечает Марианна Фуско, снова перекатываясь на бок и прижимая свое длинное, крепкое тело к телу Вишрама. Он чувствует мягкое прикосновение волос на ее лобке к своему бедру. И задумывается над тем, какие же еще «йонические» тайны скрывает эта женщина. — Я младший партнер в одной лондонской корпоративной юридической фирме. Мы занимаемся слиянием компаний и отчуждением собственности. Мы не очень большие специалисты в драмах плаща и шпаги, в кровавых аферах и теории заговоров.

— Тогда расскажи мне, что же все-таки такое «Одеко»?

— «Одеко» — международная группа венчурных капиталистов, базирующихся там, где легче укрываться от налогов. Они специализируются в суперсовременных технологиях и в том, что некоторые называют «серой» экономикой, то есть в отраслях промышленности, которые не являются незаконными в прямом смысле слова, но отличаются сомнительной репутацией, как, например, выпуск программного обеспечения, способного к самостоятельной эволюции. Они вкладывают деньги в «Кремниевые джунгли» в киберабадах во всех развивающихся странах, включая и некоего сундарбана здесь, в Варанаси.

— И именно они дали деньги на ускоритель в научно-исследовательском центре. Я встречался с Чакраборти. Точнее, Чакраборти встречался со мной.

— Я знаю. Чакраборти — мой посредник здесь, в Варанаси. Ты можешь мне не верить, но «Одеко» на самом деле заинтересована в успехе проекта нулевой точки.

— Он сказал мне, что очень рад тому, что я собираюсь провести открытую демонстрацию результатов проекта. Я сообщил об этом только

нашим друзьям из «Эн-Джена».

— «Эн-Джен» не «Одеко».

— Тогда каким же образом Чакраборти узнал об испытаниях?

Марианна Фуско задумчиво закусывает губу.

— Тебе придется спросить самого Чакраборти. Я не имею права раскрывать конфиденциальную информацию. Но мо жешь мне поверить, на все предложения «Эн-Джена» прекратить эксперимент «Одеко» ответит встречным предложением продолжить его, подкрепив соответствующим денежным вложением. И значительно большим, чем может предложить «Эн-Джен».

— Хорошо, — говорит Вишрам Рэй и садится. — Так как я действительно намерен взять у них деньги, ты не могла бы организовать мне встречу с их посредником? При условии, конечно, что он еще не информирован о моих намерениях телепатически или каким-нибудь другим подобным способом. И потом, не могли бы мы как-нибудь снова заняться тем, чем только что занимались, и как можно скорее?

Марианна Фуско отбрасывает назад свои все еще влажные и пахнущие хлором волосы.

— Мне можно позаимствовать у тебя халат? Я думаю, мне будет неловко спускаться в лифте в

таком виде.

Через сорок минут Вишрам Рэй, уже принявший душ, одетый в костюм и напевающий что-то себе под нос, спускается на лифте сквозь стеклянную крышу атриума отеля. Автомобиль ждет его среди фургонов с оборудованием для спутниковой связи. Шелковая ткань с неразвязанными узелками все еще лежит в номере — возможно, для того, чтобы шокировать любопытную обслугу отеля.

***

Бархатцы на черной воде…

В открытой лодке стена из облаков кажется Вишраму молотом небесным, поднятым над ним. Ветер вызывает сильное волнение на реке. Буйволы теснятся поближе к берегу, подняв над водой раздутые ноздри. Они чувствуют изменение погоды. Купающиеся женщины из соображений скромности пытаются удержать подолы сари, чтобы ветер не слишком высоко задирал их. Это одно из вечных противоречий культуры его народа, написавшего и проиллюстрировавшего «Камасутру» и одновременно известного ханжеской стыдливостью и холодностью. Люди в промозглом, сыром христианском Глазго отличались гораздо большей страстностью.

Лодочник, парень лет пятнадцати, с застывшей широкой улыбкой на лице сражается с волнами и сильным течением на внезапно разволновавшейся реке. Вишрам чувствует себя беззащитным перед вспышками молний. На заводах на противоположном берегу уже загораются огни.

— «Эн-Джен» доставил меня на самолете в заповедник тигров. С вооруженной охраной. Меня там угостили по-настоящему хорошим обедом. А их стюардесса выглядела намного лучше, чем он...

— Гм?.. — бормочет Чакраборти. Он стоит в середине лодки и рассеянно рассматривает великолепие береговой жизни. Вишраму это совсем не нравится. Он вспоминает старый номер из постановки «Парни и куклы» в драматическом кружке в колледже. «Сядь, ведь ты раскачиваешь лодку. А то дьявол утащит тебя под воду...» Что-то слишком часто приходят к нему сегодня ассоциации с христианскими концепциями греха, божьего суда и проклятия, думает Вишрам.

— Я говорил, что сегодня на реке будет неспокойно. Лодочник улыбается. На нем чистая голубая рубашка, а зубы просто белоснежные.

— Да, небольшое волнение, господин Рэй. — Чакраборти подносит палец к губам, а затем указывает им в сторону мерцающих гхатов. — Вас

не успокаивает мысль о том, что вы завершите свой земной путь на этих ступенях, у этого берега, на глазах у множества людей?

— Не могу сказать, чтобы я часто задумывался на подобную тему, — отвечает Вишрам и протягивает руку к планширу, когда в очередной раз лодку сильно накреняет набежавшей волной.

— В самом деле? Но вам следовало бы побольше думать о таких вещах, господин Рэй. Я каждый день уделяю какое-то время мыслям о смерти. Они помогают сосредоточиться. Мысль о том, что когда-нибудь мы покинем обитель временного, индивидуального и перейдем в мир вселенского универсального, меня очень успокаивает. В этом, как мне кажется, — мокша Ганга. Мы воссоединяемся с рекой вечности, падая в нее, подобно капелькам дождя, и истории наших жизней вплетаются в поток времени. Скажите мне — вы ведь много жили на Западе, — правда ли, что они сжигают своих мертвых втайне, вдали от глаз людей, словно бы стыдясь?

Вишрам вспоминает похороны в тусклом и грязном районе Глазго с невзрачными домами из песчаника. Покойную он практически не знал. Она снимала квартиру вместе с девушкой, с которой у Вишрама был небольшой роман, так

как многие воспринимали ее как восходящую звезду режиссуры. Женщина погибла во время восхождения в Гленко, и Вишрам помнит ощущение шока, которое он пережил, получив известие об этом. Он помнит и ужас, который испытал в крематории. Сдержанное выражение скорби, хвалебная речь, произнесенная человеком, совершенно не знавшим покойную и перепутавшим имена всех ее друзей, Бах, записанный на пленку и зазвучавший в тот момент, когда запечатанный фоб, вздрогнув на постаменте, начал медленно опускаться вниз, в печь.

— Правда, — отвечает Вишрам Чакраборти. — Они не могут смотреть на смерть, потому что она пугает их. Для них она конец всего.

На засыпанных пеплом ступенях у реки процесс смерти и мокши непрерывен. У самой береговой линии погребальный костер вдруг почему-то развалился, и стали видны покачивающиеся плечи и голова покойника, по какой-то причине не тронутые огнем. Вот горящий человек, думает Вишрам. Ветер разносит дым и пепел над гхатом. Вишрам Рэй наблюдает за тем, как охваченное огнем тело сползает вниз, оседает и рассыпается на множество искр и обгорелых углей. И Вишрам думает, что Чакраборти прав. Гораздо лучше за-

кончить свои дни здесь, умереть среди кипения жизни, оставить временное, индивидуальное — и перейти в вечное, вселенское.

— Господин Чакраборти, мне нужна от вас очень большая сумма денег, — говорит Вишрам.

— Какая?

— Достаточная для того, чтобы выкупить часть компании, принадлежащую Рамешу.

— На это потребуется около трехсот миллиардов рупий. Я могу дать вам названную сумму в американских долларах, если пожелаете.

— Мне просто нужно знать, что я могу рассчитывать на такую сумму.

Господин Чакраборти отвечает без колебаний:

— Можете.

— И еще кое-что. Марианна сказала мне, что я могу кое о чем вас спросить и что только вы можете ответить на мой вопрос.

— И какой же вопрос вы хотите задать, господин Рэй?

— Что такое «Одеко», господин Чакраборти?

Парень-лодочник перестает грести, и поток несет суденышко мимо погребальных костров к древнему храму, словно опускающемуся под тяжестью лет в засохшую грязь.

— «Одеко» — одна из холдинг-компаний,

занимающихся разработкой искусственного интеллекта третьего поколения, известного под названием «Брахма».

— И я снова задам вам тот же вопрос, — говорит Вишрам.

— И получите тот же ответ. — Чакраборти поворачивается к Вишраму. — Что вас не устраивает в моем ответе? Почему вы ему не верите?

— Сарисины третьего поколения — не более чем научная фантастика.

— Я могу вас заверить, что мой работодатель вполне реально существует. «Одеко» в самом деле холдинговая компания с венчурным капиталом. Просто так случилось, что венчурный капиталист — искусственный интеллект.

— А Акты Гамильтона, а Сыщики Кришны...

— Есть пространства, в которых сарисины превосходно могут существовать. В особенности в чем-то подобном международным финансовым рынкам, которым требуются довольно либеральные правила, чтобы эксплуатировать так называемую рыночную свободу. Названные сарисины принципиальным образом отличаются от нашего с вами интеллекта. Они распределены в пространстве и могут находиться одновременно в нескольких местах.

— Вы хотите сказать, что... тот самый... «Брахма» — это фондовая биржа и что он реально существует?

— Международные финансовые учреждения использовали сарисины низкого уровня для выполнения операций покупки и продажи, начиная еще с прошлого века. И по мере того как в геометрической прогрессии возрастала сложность финансовых трансакций, росла и сложность сарисинов.

— Но кто занимался их разработкой?

— «Брахма» не есть результат разработки. По крайней мере не в большей степени, чем вы, господин Рэй. Он результат эволюции.

Вишрам качает головой. Жара на краю муссона ужасная, способная довести до безумия, выкачивающая все чувства и всю энергию.

— «Брахма»?.. — спрашивает он слабым голосом.

— Имя. Знак. Не более. Личность на Киберземле гораздо более сложный и неопределенный конструкт, чем у нас. Брахма в географическом смысле слова сущность, распределенная по множеству узлов и субкомпонентов, по сарисинам более низких уровней, которые, возможно, и не представляют, что являются частью большего

разума.

— И это... третье поколение... с радостью спешит выдать мне сто миллионов американских долларов?

— И даже больше. Вы должны понять, господин Рэй, для такой сущности, как «Брахма», делать деньги проще простого. Не сложнее, чем для вас дышать.

— Но почему, господин Чакраборти?

Адвокат садится. Лодочник берется за весла, чтобы маленькое суденышко не выбросило пассажиров за борт в воды Ганга, который смывает с тех, кого принимает, всю их карму.

— Мой работодатель желает видеть проект нулевой точки успешно завершенным и, кроме того, хочет оградить его от возможных посягательств.

— И вновь — почему?

Господин Чакраборти медленно, но весьма внушительно пожимает плечами в великолепного покроя черном пиджаке.

— Названная сущность обладает финансовой возможностью уничтожить экономику целых государств, даже всего мира. Я не осведомлен об особенностях деятельности разума такого рода, господин Рэй. Но и он понимает человеческий

мир только отчасти. В финансовой сфере, каковая является его экологической нишей, «Брахма» настолько же превосходит человеческий интеллект, насколько наш превосходит змеиный. Но если бы у вас появилась возможность вступить с ним в непосредственную беседу, он бы показался вам наивным и невротичным, даже немного аутичным.

— Я должен задать вам еще один вопрос. Знает... знал ли... обо всем этом мой отец?

Чакраборти качает головой.

— Деньги могут быть переведены на ваш счет в течение часа.

— И мне предстоит решить, кому я доверяю. Банде американских налетчиков от бизнеса со спутником на солнечной энергии, которые стремятся к тому, чтобы искромсать мою компанию на мелкие кусочки, или сарисину, зовущемуся именем бога и способному уничтожить все банковские счета на планете.

— Очень точно сказано, сэр.

— Не слишком легкий выбор, не так ли?

Вишрам делает жест лодочнику. Тот налегает на левое весло и поворачивает маленькую лодчонку в сторону великого Гхата Дасашвамедха. Вишраму кажется, что он вдруг ощутил на ниж-

ней губе маленькую капельку дождя.

34
Наджья, Тал

Шепот:

— Он не может здесь оставаться.

Воздух в помещении тяжелый и зловонный, но фигура на матраце спит сном Брахмы.

— Это не «он», это ньют, — шепчет Наджья Аскарзада, обращаясь к Бернару.

Они стоят в дверях темной комнаты, словно родители, наблюдающие за ребенком, страдающим от колик. С каждой минутой становится все темнее, а влажность возрастает. Газовые занавески висят прямо и кажутся тяжелыми и набрякшими.

— Меня не интересует, как оно называется, но оно здесь не останется.

— Бернар, ньюта пытались убить, — шипит Наджья ему на ухо.

Ее проезд на мопеде по лужайке для поло мимо орущих садовников, а затем по веранде вокруг столиков и таращивших глаза постояльцев до самого номера Бернара казался ей смелым и блестящим. Где-нибудь спрятаться... В каком-нибудь

месте, которое будет трудно отыскать... Когда они ввалились в комнату, Бернар не сказал ни слова. Ньют уже находился в полубессознательном состоянии и словно в бреду бормотал что-то об адреналине своим странным утрированным голосом. К тому времени, когда они уложили Тала в постель, ньют уже полностью отключился. Бернар снял с Тала туфли, а затем отошел, испуганный и озадаченный. После чего они с Наджьей еще долго стояли у дверей и спорили.

— Ты и из меня теперь тоже делаешь мишень, — шипит Бернар. — Ты вообще ни о чем не думаешь. Вбегаешь, орешь во все горло и ждешь, что все будут от тебя в восторге, потому что ты настоящий герой.

— Бернар, я всегда знала, что единственный осел, который тебя по-настоящему интересует, — это ты сам, но сейчас я узнаю о тебе действительно что-то новенькое. Ты спускаешься еще одной ступенькой ниже.

Однако уколы колючей проволоки возбуждают. Наджье нравится любая активность. Опасность искушает ее. Ей кажется, что она участвует в захватывающей драме, в каком-то триллере. Заблуждение. Жизнь не кино. Кульминации и повороты сюжета — просто совпадения или сговор.

Герой может смириться и с позором, и с провалом. В последних кадрах все положительные герои имеют шанс погибнуть. Никто из нас не смог бы выжить в кинотриллере, стань он реальностью.

— Я не знаю, куда еще можно пойти, — признается Наджья слабым голосом.

Бернар тихо выходит. По комнате распространяется горячий воздух, затхлый, пропитанный запахами пота и благовоний. Противомоскитные сетки и газовые занавеси вздуваются вокруг фигур, свернувшихся в эмбриональных позах. Наджья покусывает заусеницу у себя на большом пальце и думает, что еще можно сделать в сложившейся ситуации.

Девушка вновь слышит хруст ребер убийцы в тот миг, когда она врезалась в него на мопеде. Свою собственную мгновенную реакцию и бег карсевака по платформе. Наджья начинает дрожать в душной темной комнате. Она не может овладеть собой, находит стул, садится и чувствует, что не в силах избавиться от ощущения ледяного холода, поднимающегося изнутри. Это же настоящее безумие, и ты в него вляпалась с головой. Ньют и юная шведская репортерша. Ты можешь в любой момент исчезнуть, и никто из десяти миллионов жителей Варанаси даже

глазом не моргнет.

Наджья ставит стул таким образом, чтобы в поле ее зрения были и дверь, и окно. Затем поворачивает деревянные жалюзи под таким углом, чтобы хорошо видеть, что происходит снаружи, но чтобы оттуда было бы трудно заглянуть внутрь. Она сидит и наблюдает за тем, как по полу движутся полоски света.

...Наджья, вздрогнув, просыпается от какого-то шума. От какого-то движения. Она застывает, затем бросается на кухню за французскими кухонными ножами. Распахивает дверь — фигура у холодильника поворачивается, — хватает нож. Он... Ньют...

— Извините, извините, — говорит ньют странным детским голосом. — Есть у вас что-нибудь съестное? Я чувствую такой страшный голод.

В холодильнике Бернара какие-то объедки и бутылка шампанского. Да уж, конечно... Ньют втягивает носом запах и берет что-то с полки.

— Извините, извините, — говорит Тал. — Очень, очень сильный голод. Гормоны... Я слишком много их израсходовал.

— Я могу приготовить для вас чаю, — предлагает Наджья, ей все еще хочется играть роль героини-спасительницы.

— Чай, да. Чай, чудесно.

Они сидят на матраце с маленькими стаканчиками в руках. Ньюту нравится чай в европейском стиле, черный, без сахара. Наджья вздрагивает от любой тени у ставен.

— Я не знаю, как выразить вам свою благодарность...

— Я ее не заслужила. Это я причина всех ваших неприятностей.

— Вы то же самое говорили на вокзале, да. Но если бы не вы, на вашем месте оказался бы кто-то другой. И он не чувствовал бы себя таким виноватым.

Наджья Аскарзада впервые в жизни так близко общается с ньютом. Она многое знает о них, знает, кто они такие, как можно стать ньютом, чем они занимаются друг с другом, и даже отчасти понимает, какое наслаждение они могут доставить друг другу. Наджья как истая скандинавка относится к ним с должной терпимостью, но ньют, сидящий рядом с ней, пахнет иначе, не так, как обычные люди. Наджья понимает, что запах возникает из-за манипуляций с гормонами и нейромедиаторами, но все равно боится, что Тал почувствует ее растерянность и примет за ньютофобию.

— Я вспомнила... — говорит она. — Я посмотрела фотографии и вспомнила, где видела вас раньше.

Тал хмурится. В золотистых сумерках выражение лица ньюта кажется чуждым, абсолютно инопланетным.

— На студии.

Тал обхватывает голову руками, закрывает глаза. Ресницы у ньюта длинные и кажутся Наджье очень красивыми.

— Мне очень больно. Я не знаю, что и думать.

— Я готовила интервью с Лал Дарфаном. Сатнам провел меня по студии. Сатнам дал мне фотографии.

— Трезубец! — восклицает Тал. — Дерьмо!.. Он нас обоих подставил! А! — Ньют начинает дрожать, слезы струятся по щекам. Тал воздевает руки, чем-то напоминая прокаженного. — Мама Бхарат... они думали, что там живу я; попали не в ту квартиру...

Дрожь переходит в истерические рыдания. Это усталость и шок. Наджья тихонько выходит, чтобы приготовить свежий чай. Она не хочет возвращаться до тех пор, пока не утихнут всхлипы и причитания. У нее совсем не афганский, а скорее североевропейский страх перед сильными

эмоциями.

— Еще чаю?

Тал завертывается в простыню, кивает. Стакан дрожит в руке ньюта.

— Откуда вы узнали, что я буду на вокзале?

— Журналистская интуиция, — отвечает Наджья Аскарзада. Ей хочется прикоснуться к лицу ньюта, к такому голому, такому нежному черепу. — По крайней мере я бы именно так и поступила на вашем месте.

— Ваша журналистская интуиция — великая вещь. Это же был полный идиотизм с моей стороны! Улыбаться, смеяться, танцевать и думать, что все меня любят! Новый ньют в городе, которого все хотят видеть, приглашают на большие вечера, в клуб...

Наджья протягивает руку, чтобы коснуться ньюта, успокоить, согреть, и чувствует, что голова Тала склонилась к ней на грудь. Ее рука касается гладкой головы ньюта. Все равно что гладить котенка — одни кости и предельное напряжение. Пальцы девушки случайно прикасаются к ямочкам на руке ньюта — несколько рядов, похожих на симметричные следы от укусов насекомых. Наджья отдергивает руку.

— Нет, здесь, пожалуйста, — говорит Тал. Она

слегка дотрагивается до указанной точки и чувствует, как какие-то жидкости начинают течь под кожей. — И еще здесь. — Руки ньюта направляют ее пальцы поближе к запястью. — И здесь.

По телу ньюта пробегает дрожь. Дыхание становится более равномерным. Мышцы напрягаются. Тал встает, слегка покачиваясь, и нервно проходит по комнате. Наджья чувствует запах предельного напряжения.

— Я не могу представить, как вы живете, — говорит Наджья. — Ведь вы же способны сами выбирать собственные эмоции.

— Мы выбираем не эмоции, а только реакции. И способны регулировать их силу. Поэтому, как правило, не живем дольше шестидесяти.

Теперь Тал меряет комнату большими шагами, в сильнейшем беспокойстве, словно мангуста, пойманная в клетку. Ньют бросает опасливый взгляд в прорези жалюзи и быстро закрывает их.

— Но как же вы можете?..

— Делать такой выбор? Для красоты и этих лет достаточно.

Наджья качает головой. Немыслимое громоздится на невероятное. Тал ударяет кулаком по стене.

— Какой же идиотизм! Такие, как я, должны

умереть, мы слишком глупы, чтобы жить.

— Вы не единственный, я тоже глупа, я ведь полагала, что имею особый выход на Эн Кей Дживанджи.

— Вы встречались с Дживанджи?

— Я беседовала с ним по видео, и в тот раз он организовал встречу, во время которой Сатнам передал мне фотографии.

Какая-то тень падает на ставни. Ньют и Наджья застывают от страха. Тал медленно опускается до тех пор, пока полностью не оказывается ниже линии подоконника. Ньют пальцем манит девушку, указывая ей место у стены. Прислушиваясь всем своим телом, Наджья крадется по циновкам. Раздается женский голос, который что-то говорит по-немецки. Спазм ужаса отступает, Наджья немного расслабляется. Какое-то мгновение ей казалось, что от страха ее может вырвать.

— Мы должны уезжать из Бхарата. Они видели вас со мной, — шепчет Тал. — Теперь мы для них одно. Нам необходимо обеспечить для себя безопасный проезд.

— А если пойти в полицию?

— Неужели вы еще не поняли, по каким законам живет эта страна? Полиция подчиняется Саджиде Ране, а она заинтересована в моем ис-

чезновении. А та полиция, что Саджиде Ране не подчиняется, состоит на содержании у Дживанджи. Нам нужно нечто такое, из-за чего стало бы опасно или слишком дорого нас убивать. Вы сказали, что беседовали с Дживанджи по видео. Я полагаю, вы достаточно разумная девушка и сохранили запись беседы. Покажите мне ее, пожалуйста. Возможно, там мы сумеем найти что-нибудь полезное.

Они сидят рядом, прислонившись к стене. Наджья поднимает палм. Рука ее дрожит. Тал берет девушку за запястье, успокаивает.

— Модель у вас не очень хорошая, — замечает ньют.

Звук чересчур громкий. Из клуба доносится мерный стук теннисных мячей. На экране не слишком ровное изображение павильона Эн Кей Дживанджи, увешанного каламкари. Оно кажется какой-то сказочной противоположностью ее полутемной душной спальне, пропитанной запахами страха.

— Остановите, остановите, остановите!..

Палец Наджьи лихорадочно ищет кнопку паузы.

— Что это такое?

— Дживанджи.

— Я понимаю, глупая. Но откуда пришло видеопослание?

— Из его офиса, из его дома, даже, может быть, из рат ятры, откуда угодно, я не знаю...

— Ложь, ложь, ложь, — шипит Тал. — Я-то знаю. То, что мы здесь видим, вовсе не дом, не рат ятра и не кабинет Эн Кей Дживанджи. Это апартаменты Апарна Чаулы и Аджай Надиадвала, предназначенные для свадебной церемонии в «Городе и деревне». Мне пришлось разрабатывать все висящие там каламкари.

— Декорации?..

— Мои декорации. Для эпизода, который пока еще не снят.

У Наджьи Аскарзады глаза расширяются от удивления. Как бы ей хотелось сейчас иметь ньютовское подкожное меню, чтобы нейротрансмиттерами очистить организм от последствий парализующего изумления.

— Никто до сих пор ни разу не встречался с Дживанджи лицом к лицу, — говорит Наджья.

— Наш пропуск... — произносит Тал. — Мне нужно каким-то образом добраться до студии. Нам необходимо отправляться сейчас, да, прямо сейчас.

— Вы не можете пойти вот так, в таком виде,

вас узнают за километр, нужно придумать какую-нибудь маскировку...

И вдруг стук теннисных мячей и возгласы игроков мгновенно замолкают. Тал и Наджья, пригнувшись, бегут по комнате. А на ставнях появляются тени. Слышны голоса. Они говорят не по-немецки. И это не женские голоса. Наджья выкатывает мопед из прихожей на кухню. Девушка и Тал знают, чего им следует ждать, и их ожидание наполнено ужасом. Щелк-щелк. И вот вся спальня наполняется грохотом автоматного огня. В то же мгновение Наджья заводит маленький спиртовой двигатель, вскакивает на мопед. Тал садится за ней. Пули продолжают летать по комнате. Не оглядывайся. Ни в коем случае нельзя оглядываться. Воспользовавшись складным столиком Бернара, Наджья выбивает заднюю дверь и выезжает в бар. Официанты бросают на нее удивленные взгляды, видя, как она проносится между бокалами с «кингфишером» и стаканами со «швеппсом».

— С дороги, черт вас всех возьми!.. — вопит Наджья Аскарзада.

Люди отскакивают, как испуганные сороки. Периферийным зрением она замечает две темные фигуры, которые движутся со стороны окошка

администратора, что-то вынимая из карманов на ходу.

— О господи! — молит девушка и въезжает на мопеде по трем бетонным ступенькам в клубную кухню. — С дороги, с дороги, с дороги!.. — кричит она, петляя между кулерами из нержавеющей стали размером с боевые танки, мимо мешков с рисом, картофелем, овощами, между поварами с подносами, поварами с ножами, поварами с горячим жиром.

Наджья скользит и разворачивается на пятне пролитого буйволиного масла, проносится сквозь вращающуюся дверь, через обеденный зал, между столами, накрытыми идеально чистыми белыми скатертями, сигналит оказавшейся на дороге парочке в одинаковых футболках и оказывается в коридоре.

В главном зале в самом разгаре вечерний урок йоги. Наджья и Тал пролетают по помещению, оглушительно бибикая, а вокруг них разваливаются многочисленные сарвангасаны, подобно деревьям во время рубки леса. Сквозь одно из окон — они здесь постоянно открыты для притока свежего воздуха, — через почти засохшие цветочные клумбы, через главные ворота девушка и ньют влетают в надежную анонимность

вечернего часа пик. Наджья смеется. Ей вторят раскаты грома.

35
Господин Нандха

Представление дела против Калки, которое проводит господин Нандха, принимает форму сферы, плавающей в виртуальном зрении руководителей, одновременно настолько маленькой, чтобы помещаться в человеческом черепе, и настолько большой, чтобы охватить стеклянный небоскреб министерства, подобно кулаку, сжимающему цветок орхидеи.

Сфера вращается во внутреннем зрении специального уполномоченного Ароры и генерального директора Сударшана, представляя им все новые информационные пространства. Ландшафт размером с континент, состоящий из страниц, окон, образов, фреймов, раскрывается в двумерную информационную карту. Сарасвати, богиня речи и человеческого общения, — так зовут сарисина, голосом которого делаются комментарии.

От светящейся схемы информационной системы «Паста Тикка Инк.» Сарасвати прослеживает путь нелицензированных сарисинов в нервную суету Каши, а затем поднимается по фрактель-

ным уровням в древовидное пятно локальной сети Джанпура, узла Малавири, до субъячейки джайна Джашванта (становятся видны зловещие скелеты его кибердворняжек со всеми соленоидами и микросхемами; сам Джашвант предстает в виде бесформенного мешка синеватой обнаженной плоти). Следующее информационное окно — это отснятый материал сожженного офиса Бадрината Сундарбана. Ховеркам плывет по почерневшим от огня комнатам, на мгновение застывает над наполовину обуглившимися скелетами, над системными блоками, которые оплыли, словно свечки; здесь же и сам господин Нандха, рассматривающий что-то в утилитной коробке. Две бесформенные груды обгорелых останков разворачиваются в яркие фотоснимки двух улыбающихся европейцев: Жан-Ив Трюдо, Аннанси, Франция, Европейский Союз, дата рождения: 15/04/2022. Анджали Трюдо, урожденная Патил, Бангалор, Карнатака, 25/11/2026.

— Жан-Ив и Анджали Трюдо ранее работали научными сотрудниками в Страсбургском университете в лаборатории искусственной жизни на факультете кибернетики. На протяжении последних четырех лет они занимались исследовательской работой в варанасском отде-

лении Бхаратского университета на факультете компьютерных технологий под руководством профессора Чандры, специализирующегося в применении дарвиновской парадигмы к схематике, основанной на белковых матрицах, — говорит Сарасвати. У нее голос Калпаны Дхупии из «Города и деревни».

Трюдо вырываются из своего квадранта в сфере и плывут по стационарной орбите. Видеоокно заполняется кадром очень низкого качества. Это интерьер квартиры. На переднем плане обнаженный восемнадцатилетний юноша. Он держит правой рукой эрегированный член. Юноша немного отклонился назад, а член направлен в центр кадра. На лице идиотская улыбка. Центр жилого квартала Шанти Рана. Средний уровень, окно открыто. Балкон... Через узкое ущелье улицы — окна квартир и проржавевшие коробки кондиционеров. Вспышка белого света. Затем квадрат окна заполняется пламенем. Господин Мастурбатор резко разворачивается, кричит что-то неразборчивое. Кадр застывает, тощая задница на фоне разлетающихся осколков стекла, пламени и левой руки, тянущейся за шелковой накидкой.

— Система «Кришна» проводила отслеживание

от результата к источнику по всему сетевому трафику в локальной сети в течение часа до и после нападения, — приятным голосом комментирует Сарасвати. — Данный отснятый материал был получен из квартиры, расположенной непосредственно напротив подвергшейся нападению.

Изображение снова возвращается к белой вспышке, застывает, увеличивается, затем еще раз увеличивается. В конце концов кадр превращается в гору пикселей, но пакеты обработки изображения делают его четче, превращая узор из серых прямоугольников в некий летающий механизм, в белую птицу с обращенными вверх крылышками, со спонсонным хвостом и маленьким винтом. Графические пакеты очерчивают получившийся образ, выделяют его, находят соответствие в каталоге. Это беспилотный боевой летательный аппарат «Аяппа», в соответствии с лицензионной версией Бхарата вооруженный инфракрасным лазером.

Далее вниманию присутствующих представляются необъяснимые лакуны в военных отчетах, связанные с нападением беспилотного боевого летательного аппарата №7132 на Бадрината Сундарбана. Господин Нандха наблюдает за блестяще подготовленным им изложением дела, но мыс-

ли его заняты профессором Нарешом Чандрой, который был глубочайшим образом потрясен, узнав о том, как погибли его коллеги по научным исследованиям. Большая часть его сотрудников занималась внешним консультированием — таковы особенности деятельности лаборатории, — но чтобы работать на Сундарбана... Профессор смиренно предоставил все факультетские помещения и документы для осмотра и проверки. Господин Нандха уже вызвал сыскное подразделение. Он сам обнюхал множество кружек из-под кофе — такое впечатление, что для каждого случая они употребляли особый сорт, — а Сыщики Кришны тем временем просматривали их файлы. Господину Нандхе остается только мечтать о возможности пить кофе без ощущения распада желудка. Через несколько минут Сыщики уже нашли, что искали.

Графическое изображение может поразить своим совершенством, может околдовать, но в любой успешной презентации есть такая точка, когда от машин уже больше ничего не зависит, а исполнение начинает полностью определяться умением человека. Господин Нандха вынимает из кармана куртки шелковый носовой платок в стиле Неру, раскладывает его. У него в руках

обгоревший диск с изображением вставшей на дыбы белой лошади.

— Калки, — говорит он. — Десятая аватара Вишну, завершителя Кали-юги. Вполне удачное название, как мы в дальнейшем увидим, для дьявольского контракта между частной компанией «Одеко», университетом и Бадринатом Сундарбаном. Даже «Рэй пауэр» получает деньги от «Одеко» на научные исследования. Но что такое «Одеко»?

За его спиной виртуальный шар раскрывается, превращаясь в карту Земли в меркаторовой проекции. Города, народы, острова поднимаются с ее поверхности, словно вдруг освободившись от вечных оков тяготения. Их связывают голубые линии, широкими изгибами уходящие в виртуальную стратосферу. Так здесь изображены пути перемещения денег, гнездовые холдинг-компании, официальные представительства, холдинговые группы и тресты. Световая сеть покрывает карту: как только луч поднимается от Сейшельских островов и устремляется в сторону Варанаси, проекция снова превращается в сферу. Творящий свет Шивы, вышедший из земли Каши, возвращается обратно, обогнув планету.

— «Одеко», — продолжает господин Нандха, —

это фонд с венчурным капиталом и юридическим адресом в зоне с особыми правилами налогообложения. Методы деятельности данной организации весьма необычны. Компания располагает небольшим официальным представительством в Каши, но предпочитает действовать через сеть территориально рассредоточенных сарисиновых коммерческих систем. На «Паста Тикка» функционировала именно такая система. Она была гибридизирована у Бадрината для управления незаконной букмекерской системой, но ее операционное ядро предназначалось для достижения целей «Одеко».

— И каких же целей? — спрашивает Арора.

— Я полагаю, финансирования создания «Калки», искусственного интеллекта третьего поколения.

Перешептывание среди представителей министерского руководства. Господин Нандха поднимает руку — и информационная схема сворачивается. Чиновники начинают моргать от слишком ярких солнечных лучей.

— Как всегда, презентация была впечатляющей, Нандха, — говорит Арора, снимая свой хёк.

— Четкая и побуждающая к размышлениям презентация — самый эффективный способ пред-

ставления дела. — Господин Нандха ставит диск из слоновой кости на стол.

— Бадринат Сундарбан уничтожен, — говорит Сударшан.

— Да. Как я полагаю, это сделали сарисины Калки — с тем, чтобы замести следы.

— Вы намекали также и на то, что «Одеко» финансирует «Рэй пауэр». Как далеко, по вашему мнению, это зашло? Следует ли вас понимать таким образом, что мы должны выходить на самого Ранджита Рэя? Он ведь теперь почти Махатма.

— Я предлагаю провести расследование деятельности его младшего сына, Вишрама Рэя, который в данный момент возглавляет научно-исследовательское подразделение компании.

— Прежде чем начинать что-то против кого-либо из Рэев, вам следует собрать достаточное количество улик.

— Сэр, в данном случае речь идет о расследовании дела о сарисинах третьего поколения. Нам следует использовать все возможности. «Одеко» также финансировала экстерриториальное медицинское учреждение в свободной торговой зоне в Патне — через посредство некоей американской фондовой корпорации, базирующейся в одном из штатов Среднего Запада. Это тоже вопрос, заслу-

живающий специального расследования.

— «Одеко» — ваша главная цель, — замечает Арора.

За его спиной в панорамном окне видно, как грозовой фронт распадается, подобно черной волне.

— Я думаю, что в настоящее время «Одеко» является единственной зацепкой, которая может нас вывести на третье поколение сарисинов. Я прошу предоставить мне тактическую поддержку с воздуха, а также резерв полиции. Кроме того, необходимо введение немедленного эмбарго на любой информационный трафик компании «Одеко». Я также прошу...

— Господин Нандха, наша страна находится на грани войны...

— Я прекрасно осведомлен об этом, сэр.

— Наши вооруженные силы готовятся к тому, чтобы дать должный отпор возможной вражеской агрессии.

— Сэр, повторяю: речь идет о сарисинах третьего поколения, о сущности, которая в десятки раз более разумна, нежели все, здесь присутствующие, что, как мне кажется, и есть главная угроза нашей стране.

— Мне необходимо обсудить ваш запрос с

министерством обороны, — отвечает Арора. — Кроме того, существует еще проблема карсевакoв. Они ведь снова в любой момент могут выйти из-под контроля. — На его лице появляется такая гримаса, словно он только что проглотил змею. — Нандха, когда мы в последний раз запрашивали подразделения тактической поддержки?

— Как вы прекрасно осведомлены, сэр...

— Мой коллега Сударшан может и не знать.

— Во время поимки и ареста Джей Пи Анредди.

— Пожалуйста, поподробнее для моего коллеги Сударшана.

— Господин Анредди являлся одним из наиболее известных нарушителей законодательства об искусственном интеллекте, восьмеркой пик в колоде наиболее опасных преступников, разыскиваемых ФБР. Ему дважды удавалось бежать из заключения при помощи микроботов, проникавших к нему в тюрьму. Я запрашивал подразделение тактической поддержки с целью его поимки и помещения в специальный блок максимального наблюдения.

— Это недешево, — бормочет Сударшан.

— Господин Нандха, возможно, вам еще неизвестно, но Анредди выдвинул против вас официальное обвинение в харасменте.

Господин Нандха моргает.

— Мне ничего не было известно о подобном обвинении.

— Он заявляет, что вы допрашивали его без предоставления возможности законной защиты, что вы использовали методы психологического воздействия и подвергали серьезной опасности его жизнь и здоровье.

— Я должен заметить, сэр, что в настоящее время обвинения со стороны господина Анредди меня мало волнуют. То, что...

— Нандха, я должен задать вам еще один вопрос. У вас все в порядке в семье?

— Сэр, у вас есть сомнения в моем профессионализме?

— Ваши коллеги обратили внимание на то, что вы полностью погружены в работу, слишком погружены. Чересчур напряженно работаете — вот как они говорят.

— Разве плохо, что человек серьезно относится к серьезной работе?

— Вовсе нет, но не за счет же других очень важных вещей...

— Сэр, моя жена — сокровище всей моей жизни. Она моя голубка, моя бюль-бюль, мой свет. Когда я возвращаюсь домой, она радует меня...

— Спасибо, Нандха, — поспешно прерывает его Сударшан. — У нас у всех в последнее время накопилась масса дел и нерешенных вопросов.

— Если я произвожу впечатление человека, слишком погруженного в работу, возможно, даже рассеянного, то только потому, что я твердо уверен: искусственный интеллект третьего поколения представляет собой самую серьезную опасность, с которой когда-либо сталкивалось наше министерство со времени его основания. Могу ли я высказать свое мнение?

— Мы все здесь очень высоко ценим ваше мнение, Нандха, — замечает Арора.

— Наше министерство создавалось в ответ на стремление правительства соответствовать требованиям международных соглашений относительно искусственного интеллекта. Если мы не сможем эффективно действовать против сарисинов третьего поколения, это может дать в руки американцам важный козырь и предлог для поддержки интервенции авадхов в Бхарат как страну кибертерроризма.

Арора внимательно рассматривает узор на крышке стола. Сударшан откидывается на спинку кожаного кресла, задумчиво сводит вместе кончики пальцев, размышляя над доводами Нан-

дхи. Наконец он произносит вслух:

— Позвольте нам минуту посовещаться.

Сударшан поднимает руку, и воздух вокруг господина Нандхи становится плотным. Суперинтендант включил «немое поле». Оба министерских чиновника поворачиваются в кожаных креслах спиной к господину Нандхе. Он рефлекторно складывает руки, делая намасте, и бросает взгляд на вспышки молний. Муссон идет. Он должен наконец прийти. Сегодня вечером. И он придет страшной грозой.

Мой свет, моя голубка, моя бюль-бюль. Сокровище моей жизни. Она радует меня, когда я прихожу домой. Когда я прихожу домой...

Господин Нандха закрывает глаза, чувствуя внезапный приступ паники. Когда Сыщик Кришны придет домой, никто не знает, что он там найдет.

Уплотнившийся воздух вновь наполняется звуками. Короткое совещание завершилось.

— Ваши аргументы вполне обоснованны, Нандха. Итак, чего же вы требуете?

— Я подготовил специальный доклад, и его можно будет отослать военным немедленно.

— Вы хорошо проработали вопрос, — говорит Сударшан.

— Так как сознавал всю его важность.

— Вне всякого сомнения. Я поддержу все ваши действия, направленные против «Одеко».

36
Парвати, господин Нандха

Сегодня утром у Бхарти в «Новостях за завтраком» «лицо, соответствующее серьезным новостям». Благодаря Раджу и его анализу того, что конкретно скандал с Ханом может означать для правительства Саджиды Раны. Также у нас есть послание от «Новостей за завтраком» для наших храбрых джаванов в Кунда Хадаре: держитесь, ребята, вы делаете великое дело, мы все с вами. Ну а теперь самые последние новости о «Городе и деревне». Сейчас все говорят о главном событии сезона, о приближающемся бракосочетании Апарны и Аджай, и вот специально для наших зрителей эксклюзивные кадры — свадебное платье Апарны...

Радостная Парвати Нандха вплывает в кухню, где ее мать уже стоит у плиты и что-то помешивает в кастрюле.

— Мама, что ты делаешь?

— Готовлю тебе настоящий завтрак. Ты совершенно о себе не заботишься.

— А где Ашу?

— Эта лентяйка? Я ее уволила. Уверена, она у вас воровала.

Утреннее хорошее настроение, возникшее после просмотра эксклюзивных кадров «Города и деревни», мгновенно улетучивается.

— Что ты сделала?

— Я сказала ей, что она может уходить. Вместо положенного предупреждения я выплатила ей недельное жалованье. Полторы тысячи рупий. Между прочим, заплатила из собственного кошелька.

— Мама, как ты могла принять такое решение?

— Кто-то же должен был его принять. Она вас грабила напропалую, не говоря уже о том, что и как готовила.

— Господину Нандхе нужна специальная диета. Ты вообще представляешь, как сложно в наше время найти хорошего повара? Кстати, ты видела моего мужа?

— Он ушел рано. Сказал, что работает над очень важным и сложным делом. И решил не завтракать. Тебе следует взять его в руки и доказать, что завтрак — главнейшее дело. Мозг не может хорошо работать, если желудок пуст. Я не перестаю удивляться, как глупы могут быть так называемые образованные люди. Если бы он попробовал

мои дал и роти...

— У моего мужа не все в порядке со здоровьем, он не может есть такую пищу.

— Ерунда! Это превосходная питательная еда. Ваша безвкусная городская пища приносит ему только вред. Посмотри, он же чахнет на глазах. Бледный, постоянно утомленный... Конечно, откуда тут возьмутся силы на что-нибудь... ты понимаешь, что я имею в виду. Ему нужна сытная, честная сельская пища. Сегодня утром, когда твой муж зашел сюда, я подумала, что гляжу на создание, похожее на тех — как их там, — хиджры или ньюты, которых показывали по телевизору сегодня утром.

— Мама!.. — Парвати с силой опускает руки на столешницу. — Он мой муж!

— Да, только что-то это незаметно, — заявляет госпожа Садурбхай. — Извини, но мне нужно было когда-нибудь сказать тебе все напрямую. Целый год вы уже муж и жена, однако я не слышу колыбельных песен. Парвати, я должна задать тебе вопрос: с ним все в порядке? Такие вещи несложно проверить, существуют врачи специально для мужчин. Я видела объявления в воскресных газетах.

Парвати встает, в изумлении качая головой.

— Мама... Нет. Я иду к себе в сад. Там я пробуду все утро.

— Но у меня тоже есть свои дела. Мне нужно кое-что купить к вечеру. Кстати, где ты держишь деньги на покупки? Парвати?.. — Но та уже ушла из кухни. — Парвати? Тебе стоит попробовать мои дал и роти...

Кришан сегодня занимается тем, что укрепляет саженцы, подвязывает вьющиеся растения, укрывает сеянцы от приближающейся грозы. За прошедшую ночь стена облаков подошла ближе, и Парвати Нандхе кажется, что она вот-вот накроет ее своей непроницаемой чернотой, раздавит вместе с садом и со всем их домом. Жара и высокая влажность угнетают ее, но она не может пойти вниз... пока не может.

— Вы приходили вчера, чтобы повидаться со мной? — спрашивает Парвати.

Кришан отключает систему полива.

— Да, — отвечает он. — Когда я увидел, как вы встаете и убегаете, то подумал...

— О чем вы подумали?

— Может быть, я что-то сказал не так или сделал или же крикет...

— Матч мне понравился. Я с удовольствием сходила бы еще раз...

— Английская команда уже уехала. Их отозвало правительство. Здесь война, поэтому оставаться у нас в стране считается небезопасным.

— Да, если идет война...

— А почему вы так поспешно ушли?

Парвати расстилает дхури на земле в беседке, благоухающей ароматами цветов, раскладывает подушки, валики и устраивается среди них.

— Идите сюда и сядьте рядом.

— Но, госпожа Нандха...

— Никто не видит. И даже если бы увидели, никто не обратит никакого внимания. Идите сюда, посидите рядом со мной.

Она хлопает ладонью по земле. Кришан снимает рабочую обувь и устраивается рядом с ней на боку, подперев голову рукой. Парвати лежит на спине, скрестив руки на груди. Небо яркого сливочного цвета тяжело нависает над ними куполом нестерпимой жары. Женщине кажется, что стоит просто протянуть руку, и она окунется в этот плотный воздух, такой молочный и густой.

— Что вы думаете о саде?

— Думаю? Что мне о нем думать, я просто его делаю, вот и все.

— Ну, как человек, который его делает, что вы о нем думаете?

Кришан переворачивается на спину. Парвати чувствует, как ее лица касается теплый ветерок.

— Из всех моих проектов это самый грандиозный, и я думаю, что горжусь им больше, чем всеми остальными. Полагаю, если его увидят люди, то это мне очень поможет в карьере.

— Моя мать считает, что сад недостоин меня, — говорит Парвати. Раскаты грома сегодня раздаются уже совсем близко. — Она думает, что мне следует насадить деревья от любопытных взглядов. Ряды фикусов, как в садах в пригороде. Но и без деревьев здесь у нас достаточно уединения, не так ли?

— Да-да, конечно. Да...

— Странно... Как будто уединение действительно доступно только нам. Там, в пригороде, у них обнесенные стеной сады, засаженные фикусами, и чарбаг, но всем известно, чем вы занимаетесь в любую минуту.

— Во время матча что-то произошло?..

— Я просто совершила глупый поступок. Очень глупый. Я думала, что каста — это то же самое, что и класс.

— И что же случилось?

— Я показала всем, что не принадлежу к их классу. Кришан, моя мать хочет, чтобы я уехала

с ней в Котхаи. Она говорит, что беспокоится за меня из-за войны. Она боится, что на Варанаси могут напасть. На Варанаси никто не нападал уже в течение трех тысяч лет. На самом деле ей просто хочется держать меня в качестве заложницы и требовать от господина Нандхи миллион разных вещей: дом в пригороде, автомобиль с шофером, ребенка-«брахмана»...

Она чувствует, как напрягся Кришан.

— И вы поедете?

— Я не могу уехать в Котхаи и не могу перебраться в пригород. Но, Кришан, я не могу оставаться и здесь, на этой крыше. — Парвати садится, прислушивается. — Который час?

— Одиннадцать тридцать.

— Я должна идти. Мать скоро вернется. Она и за миллион рупий не согласится пропустить очередную серию «Города и деревни».

Парвати стряхивает пыль и мелкую гальку с одежды, поправляет полы сари, перекидывает длинные прямые волосы через левое плечо.

— Извините, Кришан. Мне не стоило вас так нагружать своими проблемами. У вас своя работа — растить мой сад.

Она бежит босыми ногами по тропинке. И через несколько мгновений снизу раздаются первые

аккорды мелодии-заставки к «Городу и деревне».

Кришан переходит от грядки к грядке, продолжая подвязывать саженцы.

Господин Нандха отталкивает тарелку, не прикоснувшись к еде.

— Я не могу есть подобную пищу.

Госпожа Садурбхай не убирает тали, а продолжает упорно стоять у плиты.

— Это хорошая и честная деревенская еда. Что вас не устраивает в моей стряпне? Почему вы отказываетесь есть?

Господин Нандха тяжело вздыхает.

— Пшеница, бобовые, картофель... Углеводы, углеводы, углеводы. Лук, чеснок, буйволиное масло. Тяжелые, очень тяжелые специи.

— Мой муж... — начинает объяснять Парвати, но господин Нандха перебивает ее.

— У меня «белая» диета. Она доскональнейшим образом скалькулирована и сбалансирована по аюрведическим правилам. Куда делся лист с подробным описанием моей диеты?

— Туда же, куда и кухарка!

Господин Нандха хватается за край стола. В нем это накапливалось уже очень давно, подобно муссону, собиравшемуся в его нервных клетках. Еще до нежданного пришествия госпожи Садурб-

хай, вторгшейся в его жизнь, подобно элитной гвардии Саджиды Раны; еще до достопамятного совещания, когда политическая реальность посягнула на его призвание и чувство долга; даже еще до того, как он открыл коробку с изображением Калки, Сыщик Кришны уже был преисполнен ощущением, что почти в одиночку ведет борьбу с безумием, что он единственный стоит на защите порядка наперекор набирающему силу хаосу. И пусть все другие капитулируют, он все равно останется непреклонен и будет высоко держать меч, с помощью которого он в конце концов покончит с эрой Кали — Кали-югой. Но теперь она проникла и сюда, в его дом, на его кухню, кружит вокруг его стола, обхватывая своими белыми слепыми корнями его несчастную жену.

— Вы приезжаете в мой дом, переворачиваете его с ног на голову, выгоняете мою кухарку, выбрасываете мои диетические рекомендации, а я прихожу домой после изнурительного рабочего дня, и вместо нормальной еды мне подают какую-то бурду, которую я не могу есть!..

— Но, дорогой, мама ведь хотела как лучше, — говорит Парвати, однако у господина Нандхи костяшки пальцев уже побелели от негодования.

— Там, откуда я приехала, сыновья уважают

матерей, — провозглашает госпожа Садурбхай. — Вы меня совершенно не уважаете, считаете невежественной и суеверной крестьянкой из деревни. Вы выше небес вознеслись со своей персоной, важной работой, европейским образованием, жуткой заунывной западной музыкой, безвкусной «белой» едой, которую могут есть только младенцы, а для настоящих мужчин, занимающихся настоящей работой, она хуже отравы. Вы думаете, что вы — гора, что вы лучше меня, лучше своей жены, моей дочери. Я это прекрасно вижу. Ошибаетесь, вы — не фиренджи! Если бы белые увидели вас, то подняли бы на смех — посмотрите-ка, бабу думает, что он европеец! Могу заверить: никто не уважает индийского гора.

Господин Нандха сам удивлен тому, до какой степени побелели у него костяшки пальцев. Сосуды просвечивают сквозь кожу.

— Госпожа Садурбхай, вы гостья в моем доме...

— В хорошем доме, в государственном доме...

— Да, — отвечает господин Нандха, очень медленно и веско произнося каждое слово, словно оно ведро драгоценной воды, извлекаемое из глубокого колодца. — В хорошем государственном доме, заслуженном моим трудом и преданностью своей профессии. Доме, в котором я имею право

рассчитывать на мир, спокойствие и порядок, которых требует моя работа. Вам ничего о ней не известно. Вы ничего не понимаете в тех силах, с которыми я сражаюсь, о врагах, за которыми я охочусь. Созданиях, посягнувших на то, чтобы стать богами. Это нечто, о чем вы не имеете ни малейшего понятия, но что угрожает нашим фундаментальнейшим представлениям о мире. И именно с этим я сражаюсь каждый день. И если моя жуткая заунывная европейская музыка, если моя безвкусная «белая» диета фиренджи, моя кухарка, моя домработница дают мне необходимый мир, покой и порядок в доме с тем, чтобы я мог нормально и полноценно работать, разве можно считать подобные требования неразумным капризом и прихотью?

— Нет, нельзя, — бросает госпожа Садурбхай. Она чувствует, что теряет позиции, но знает хорошее правило: тот глупец, кто погибает, не использовав своего главного оружия. — Неразумным во всем этом я считаю только то, что в вашей такой занятой жизни совсем не осталось места для Парвати.

— Парвати, мой цветок. — Воздух на кухне густой и неподвижный, словно сироп. Господин Нандха чувствует значимость и весомость каж-

дого слова, каждого движения. — Ты несчастна? Тебе чего-то не хватает?

Парвати начинает говорить, но мать перебивает ее:

— Моей дочери необходимо чувствовать, что она жена внимательного, преданного и уважаемого всеми человека, а не скрываться на крыше дома в центре города.

— Парвати, это правда?

— Нет, — отвечает она. — Я думала, может быть...

И вновь мать не дает ей закончить фразу.

— Она могла бы иметь более широкий круг общения. Государственные служащие, адвокаты, бизнесмены, даже политики... Они бы принимали ее, а она могла занять должное место в обществе, блистать, как цветок, и все воздавали бы ей по ее красоте и достоинствам.

— Парвати, любовь моя, я не понимаю, о чем речь. Я думал, мы здесь счастливы.

— В таком случае вы действительно ничего не понимаете, раз не знаете, что моя дочь могла иметь все сокровища Моголов, но отказалась от них ради ребенка...

— Мама! Нет!.. — кричит Парвати.

— ...ради достойного ребенка. Ребенка, достой-

ного ее статуса. Настоящего наследника.

В воздухе повисает тяжелое напряжение. Господин Нандха не хочет смотреть на госпожу Садурбхай.

— «Брахмана»? Вы на это намекаете? Парвати, это правда?

Она уже плачет, сидя у противоположного конца стола, спрятав лицо в дупатту. Господин Нандха чувствует, как содрогается стол от ее рыданий.

— «Брахмана»? Генетически сконструированного ребенка? Человеческое дитя, живущее в два раза дольше нормального и стареющее в два раза медленнее. Человеческое существо, которое застраховано от рака, от болезни Альцгеймера, от артрита и от любых других дегенеративных заболеваний, которым подвержены мы все, обычные люди. Так, Парвати? Наш ребенок. Плод нашего союза. Такого ребенка вы хотите? Мы отнесем наше семя к врачам, а они вскроют его и модифицируют таким образом, что оно уже больше не сможет считаться нашим, и затем вновь соберут его и вложат в тебя, Парвати. Накачают тебя гормонами и медикаментами, способствующими деторождению, затолкают в твое лоно, и оно будет расти там, это чуждое, почти нечеловеческое

существо.

— Но почему вы отказываете ей в таком утешении? — с пафосом восклицает госпожа Садурбхай, не обратившая ни малейшего внимания на аргументы зятя. — Какой достойный родитель откажется от возможности произвести на свет совершенное дитя? И вы не дадите матери подобной радости?

— Но они же не люди! — кричит господин Нандха. — Вы видели их когда-нибудь?! Я — видел. Я вижу их каждый день на улицах и в офисах. Да, они выглядят очень молодо. Но мы ведь ничего о них по-настоящему не знаем. Сарисины и «брахманы» несут разрушение всем нам. Рядом с ними мы лишние. Мы — тупик. И я — тот, кто упорно борется против нечеловеческих монстров, — никогда, ни при каких условиях не допущу, чтобы моя жена стала матерью одного из них.

Руки у господина Нандхи дрожат. Совсем плохо... Видишь, до чего тебя довели эти женщины?

Господин Нандха резким движением отталкивается от стола и встает. Он чувствует себя невероятно огромным, в несколько километров высотой, простирающимся на громадные пространства, заполняющим все здание сверху донизу, словно аватара из его «коробки».

— Я ухожу. У меня есть дела. Возможно, я не вернусь до завтрашнего утра, но когда я вернусь, твоей матери больше не должно быть в нашем доме.

Когда господин Нандха спускается по лестнице, до него доносится голос Парвати:

— Она пожилая женщина, уже поздно, куда она пойдет? Ты не можешь вышвырнуть пожилую женщину на улицу...

Господин Нандха не отвечает. У него гораздо более важная задача — уничтожение опасного сарисина.

Когда он идет от вестибюля правительственного жилого дома к правительственной машине, в разные стороны от него разлетаются голубиные стайки, громко хлопая крыльями. В кулаке Сыщик Кришны сжимает изображение Калки из слоновой кости.

37
Шахин Бадур Хан

С этой башенки барабанщики в былые времена приветствовали гостей, когда те по дорожке переходили болото. С обеих сторон в воздух взлетали водяные птицы: белые цапли, журавли, колпицы, дикие утки. Именно их обилие и заставило когда-то Моазам Али Хана построить охотничий домик здесь, на зимнем займище Гагхары у озера Рамгхар. Ныне озеро высохло, болото превратилось в потрескавшийся слой грязи, птицы улетели. За все время своей жизни Шахин Бадур Хан ни разу не слышал здесь звука барабанов. А охотничий домик оказался почти заброшен еще при жизни его отца. Асад Бадур Хан теперь спит мирным сном в объятиях Аллаха под простой мраморной плитой на семейном кладбище.

За время жизни самого Шахина Бадур Хана вначале комнаты, затем целые анфилады, потом этажи дома приходили в полное запустение, постепенно разрушаемые жарой и пылью.

Дорогие ткани гнили и рвались, штукатурка покрывалась пятнами и осыпалась из-за высо-

кой влажности. Даже кладбище заросло травой и сорняками, в последнее время засохшими и пожелтевшими из-за продолжительной засухи. Тенистые деревья Ашоки одно за другим срубили на топливо сторожа.

Шахину Бадур Хану никогда не нравился старый охотничий домик Рамгхар Коти. Именно по этой причине он и решил здесь укрыться. Очень немногим людям — только тем, кому он полностью доверял, — было известно, что дом еще стоит. В течение десяти минут Хан трубил в рог, прежде чем прислуга поняла, что кому-то пришло в голову посетить их уединенное место. Собственно, слуг было только двое — престарелая супружеская пара, бедные, но гордые мусульмане. Глава семьи — школьный учитель на пенсии. Чтобы дом не пришел в окончательное запустение, им бесплатно сдали одно его крыло, а кроме того, платили несколько рупий в неделю, которых хватало на рис и простую похлебку.

Старик Муса, открывая ворота хозяину, не мог скрыть удивления. Возможно, оно было вызвано неожиданностью визита Шахина, первого за четыре года. Или, может быть, старик уже все знал из новостей по радио Бхарата. Шахин Бадур Хан въехал под аркады старых конюшен и приказал

Мусе запереть ворота.

Шахин Бадур Хан бродил среди пыльных могил патриархов своего клана на фоне восточного горизонта, напоминавшего черную стену. Его предки-моголы называли муссон Молотом Аллаха. Молот опустился, а он все еще жив. Он все еще может строить планы. Может мечтать. Он даже может надеяться...

Мавзолей Моазам Али Хана стоит среди толстых пней когда-то роскошных деревьев в самой старой части кладбища. Здесь, на возвышении из гравия среди наносов ила, был похоронен первый из Ханов. Тенистая и постоянно разраставшаяся листва деревьев на протяжении многих десятилетий обрезалась охраной дома, но нынешнему его сторожу, по-видимому, нравится полное запустение. А оно сбросило оковы со строения, позволило небольшому, но выполненному в классических пропорциях захоронению расправить кости, вольней дышать кожей из песчаника. Шахин Бадур Хан наклоняет голову, проходя под аркой, выходящей на восток, и оказывается под куполообразной крышей. Изящные ширмы давно истлели, и еще по своим детским вылазкам он знает, что погребальный склеп заселен летучими мышами, но даже в столь печальном состоянии

гробница основателя линии Ханов-политиков производит на посетителя неизгладимое впечатление. Моазам Али провел жизнь, полную интриг, описанную хроникерами-урду, в качестве премьер-министра Навабов в те времена, когда власть понемногу утекала от приходивших в упадок Моголов к их номинальным вассалам в Лакхнау. Он наблюдал за превращением грязного средневекового торгового города в истинный цветок исламской цивилизации, но затем, почувствовав по аромату помады для волос, источаемому посланцами Ост-Индской компании, всю хрупкость того, чего он был строителем, Хан удалился от дел — вместе с небольшим, но легендарным гаремом, состоявшим из персидских поэтесс, в охотничий домик, подаренный ему благодарным народом. Здесь он решил предаться изучению суфийской мистики. Первый и самый великий из Ханов. С тех времен, когда в здешнем уединении среди пения и криков болотных птиц жили и предавались философским штудиям Моазам Али и его поэтессы, многое изменилось, а сами охотничьи угодья вместе с домом пришли в окончательное запустение...

Мрак под куполом сгущается с каждой минутой — по мере того как к Рамгхар Коти приближается

муссон, обещающий вновь наполнить водами его топи и возродить озера. Пальцы Шахина Бадур Хана прослеживают очертания михраба — ниши, обращенной к Мекке.

Сменились два поколения, и вот под элегантным чхатри лежит Муштак Хан, открытый всем ветрам и пыли. Он спас семейную репутацию и состояние, оставшись верным радже во времена, когда восстала Северная Индия. На гравюрах в газетах за 1857 год он изображен с двумя дымящимися пистолетами в обеих руках, защищающим имущество и семью от осаждающих его владения сипаев. Реальность была гораздо менее драматичной. Небольшой отряд мятежников осадил Рамгхар, но был легко и без потерь отброшен. Однако этого оказалось достаточно, чтобы Муштак заслужил у англичан титулы «Нашего преданного магометанина» и «Хана — убийцы индусов». Популярность у раджи, которую ему удалось завоевать благодаря своим реальным и легендарным подвигам, он сумел ловко использовать для проведения кампании по дальнейшему укреплению политического влияния мусульман. Как бы гордился Муштак, думает Шахин Бадур Хан, если бы увидел, что посеянные им семена произросли в крупную исламскую страну, Государство Чи-

стых. И как бы он страдал, узнав, что Государство Чистых превратилось в средневековую теократию, а затем было буквально разодрано на части в ходе племенных междоусобиц. Слово Аллаха теперь звучит из дула «АК-47». Время, смерть и прах... Звук храмовых колокольчиков разносится по мертвым болотам. С юга то и дело долетают гудки поездов. Не очень сильные пока раскаты грома сотрясают воздух.

И здесь, под этой мраморной стелой, на гравиевой насыпи с тончайшим слоем почвы, в которой едва поместился фоб, покоится его дед Сайд Рез Хан, судья и строитель государства. Ему удалось спасти жену и семью во время войн, раздиравших страну после получения независимости, войн, в которых погибло более миллиона граждан. Но он оставался непоколебим в своей твердой вере в Индию, в идеалы, провозглашенные Неру в 1947 году, и в то, что в новой Индии одно из почетных мест должно принадлежать мусульманам. А вот здесь его отец. Адвокат и политик, член двух парламентов, одного в Дели и другого в Варанаси. И на его долю выпали войны. Каждое новое поколение Верных Магометан Ханов до последней капли крови сражалось против того, что было достигнуто предшествующим поколением.

В этой плоской безлесной местности свет автомобильных фар виден за много километров. Шахин Бадур Хан спускается со сторожевой башни по обвалившимся ступеням, чтобы открыть ворота. Слуги в Рамгхаре старые, смиренные, они заслужили спокойный сон. Он вздрагивает: капелька дождя упала ему на губу. Шахин осторожно пробует ее языком.

Ради нее я начал войну...

«Лексус» въезжает во двор. Его черный блестящий корпус словно жемчужинами усеян каплями дождя. Шахин Бадур Хан открывает дверцу. Из автомобиля выходит Билкис Бадур Хан. На ней официальное сари золотисто-синего цвета, на голову накинута дупатта. Он понимает намек. Нужно скрывать лицо. Хан принадлежит к тому народу, представители которого в свое время могли умереть от стыда.

— Спасибо, что приехала, — говорит он.

Жена поднимает руку. Не здесь. Не сейчас. Не в присутствии слуг. Шахин указывает на колоннаду сторожевой башни, делает шаг в сторону, его жена проходит мимо, приподняв сари, поднимается по крутым ступенькам. Капли дождя ритмично стучат по земле, весь юго-восточный горизонт расцвечен вспышками молний.

Дождевая вода стекает ручьями с краев куполообразной крыши восьмиугольной сторожевой башни Моголов.

— Прежде всего, — говорит Шахин Бадур Хан, — я должен сказать тебе, насколько сожалею по поводу всего происшедшего.

У слов вкус пыли и праха, праха его предков, который сейчас заливают струи дождя. Слова набухают во рту у Шахина.

— Я... не... У нас было соглашение, я его нарушил, и все каким-то образом вышло наружу. Остальное принадлежит истории. Я совершил чудовищную глупость и был сурово за нее наказан.

Он не знает, когда она впервые заподозрила, что с ним что-то неладно, но когда родилась Дара, ему стало понятно, что Билкис не способна удовлетворить все его желания. Их брак был последним браком в стиле Моголов — союзом династий, влияния и рационального расчета. Обо всем этом они говорили открыто только однажды, после того, как Джехан уехал в университет. Их хавели внезапно опустел, наполнившись эхом, и вдруг стало казаться, что в доме слишком много слуг. Беседа была натянутой, сухой и неприятной. Объяснения строились на аллюзиях и элизиях, чтобы не поняла все слышащая прислуга. Хан попытал-

ся донести до Билкис главное — он никогда не станет угрозой для чести семьи и правительства, а она всегда будет достойной, уважаемой женой политика. Ко времени упомянутого разговора они уже не спали вместе в течение десяти лет.

Но слово, обозначавшее причину их разлада, так никогда и не было произнесено вслух. Теперь Шахин Бадур Хан знает его точно. Свою болезнь? Свой порок? Свою слабость, жало плоти? Свое извращение?.. В языке, на котором говорят двое, нет слов для обозначения подобного.

Ливень настолько силен, что Шахина Бадур Хана почти не слышно.

— У меня еще остались некоторые льготы... Мне удалось подготовить отъезд из Бхарата. Есть билеты на прямой рейс до Катманду. Въехать в Непал не представляет большого труда. А оттуда мы уже сможем отправиться в любую точку Земли. Я лично считаю, что лучшим выбором будет Северная Европа, возможно, Финляндия или Норвегия. Это большие, не слишком густо населенные страны, где мы сможем жить, не обращая на себя внимания. У меня отложена довольно значительная сумма в зарубежных банках, ее будет вполне достаточно, чтобы приобрести недвижимость и вести достойную жизнь,

хоть, возможно, и не столь роскошную, как здесь, в Бхарате. Цены, конечно, растут, и у нас, возможно, возникнут сложности с адаптацией к климату, но я все-таки полагаю, что Скандинавия — наилучший вариант.

Глаза Билкис закрыты. Она поднимает руку.

— Пожалуйста, прекрати.

— Ну, если тебя не устраивает Скандинавия, пусть будет Новая Зеландия, тоже очень хорошая и довольно отдаленная страна...

— Ни в Скандинавию, ни в Новую Зеландию, Шахин, я с тобой не поеду. С меня довольно. Не только ты должен извиняться. Я тоже. Шахин, я нарушила соглашение. Я сказала им... Ты полагаешь, только у тебя есть тайная жизнь. Отнюдь! Не только у тебя!.. Боже, как это похоже на тебя, Шахин, такого надменного, такого гордого тем, что лишь ты один способен жить ложью и позорными тайнами... На протяжении последних пяти лет я работала на Эн Кей Дживанджи. На Шиваджи, Шахин. Я, Бегум Билкис Бадур Хан, предала тебя хиндутве.

Шахин Бадур Хан чувствует, как шум дождя, раскаты грома, голос его жены сливаются в какой-то хаотический нечленораздельный гул. Теперь он понимает, что можно умереть от шока.

— Как? — слышит он собственный голос. — Чушь, ерунда... Ты говоришь ерунду, женщина.

— Я знала, что это должно показаться тебе бредом, Шахин. Жена предает мужа его самым страшным врагам... Но я именно так и поступила. Я предала тебя индусам. Да, твоя собственная жена. Та, от которой ты отворачивался в те немногие ночи, что мы провели вместе. Пять совокуплений. Я сосчитала — пять раз. Женщины такое хорошо запоминают. И два из них завершились рождением наших прекрасных сыновей. Пять соитий. Извини, моя грубость, наверное, оскорбляет тебя? Да, кажется, бегум из общества не должны так говорить? О, тебе следовало бы послушать, о чем говорят достойные бегум наедине, Шахин. Женские разговоры. Твои уши сгорели бы от стыда. Мы совершенно бесстыдные создания в наших отдельных покоях и наших сообществах. Они знают, все женщины знают. Пять соитий, Хан. Я рассказала им это, но то я утаила от них. Я не рассказала им потому, что все еще думала, что ты великий человек, восходящая звезда на темном небе, что у тебя впереди высокие посты и большие достижения, даже несмотря на то, что ты лежишь в отдельной постели и мечтаешь о существах, которых я не могу даже отдаленно назвать

людьми. Жена способна многое отправить на задворки подсознания, если знает, что ее супруг — мужчина, идущий к высотам, к величию, как многие из твоих предков, похороненных здесь, Шахин. Женщина, которая могла бы выбирать из многих мужчин. И они любили бы ее и душой, и телом, и могли бы подняться до не менее высокого положения. Женщина с неплохим образованием и потенциалом, которая была загнана в золотую клетку пурды, так как на каждую женщину-адвоката приходится пять мужчин. Ты понимаешь, о чем я говорю, Шахин? Такая женщина многого ожидает. И если звезда восходила, а потом она вдруг остановилась в своем движении, застыла, а другие звезды поднялись выше и затмили ее своим светом... Что должна сделать такая женщина, Шахин? Что должна сделать такая жена и бегум?

Шахин Бадур Хан от стыда закрывает лицо руками, но не может остановить поток слов, который проникает в его мозг сквозь ливень, сквозь грозу, сквозь его пальцы. Он считал себя хорошим и верным советником своего лидера, правительства и страны, но он прекрасно помнит, как во время возвращения на самолете из Кунда Кхадара прореагировал на предложение Саджиды Раны занять место в ее кабинете. Стра-

хом быть обнаруженным, страхом, что правда изольется из него, словно кровь из перерезанного горла. Теперь Шахин понимает, сколько раз на протяжении карьеры мог бы сделать шаг выше, но не делал его, парализованный предчувствием неизбежного падения.

— Дживанджи? — произносит он слабым голосом. Кульминация безумия в этой древней сторожевой башне Моголов в момент кульминации грозы. Его жена — агент Эн Кей Дживанджи. Она смеется. Он никогда в жизни не слышал более страшного звука.

— Да, Дживанджи. Теми вечерами, когда у меня собирался «кружок юристов», когда ты был в Сабхе, как ты думаешь, чем мы занимались? Беседовали о ценах на недвижимость, о детях-«брахманах» и крикетных матчах? О политике, Шахин. Лучшие женщины-адвокаты в Варанаси. А как же иначе нам развлекаться? Мы создали некое подобие теневого кабинета. Мы занимались моделированием на своих палмах. Могу заверить тебя, Шахин, в моем джхарока было больше политических талантов, чем во всем правительстве Саджиды Раны. О, Саджида Рана, великая мать, сделавшая невозможным для любой другой женщины сравниться с ней!.. Должна

тебе сказать, Шахин, что в нашем Бхарате не было войны за воду. В нашем Бхарате не было трехлетней засухи, не было враждебности в отношениях с США. В нашем Бхарате мы разработали план создания совместного Управления распределением водных ресурсов долины Ганга вместе с авадхами и Бенгалом. Мы управляли твоей страной гораздо лучше, чем ты, и знаешь почему? Мы просто хотели проверить, способны ли на что-то. Способны ли быть лучше, чем вы. И оказалось, что способны. Все в столице говорили об этом, но ты ведь таких разговоров не слушаешь, не так ли? Бабья болтовня. Болтовня, не имеющая никакого значения. Но Эн Кей Дживанджи слушал, и слушал очень внимательно. Шиваджи слушали, и тут есть еще кое-что, чего я не могу простить. Индус-политик признал талант — независимо от пола, независимо от религии, — который не мог ни увидеть, ни признать собственный супруг. И мы стали политической группой шиваджисток, маленькой группкой, собиравшейся на чашку чая в саду. Теперь наша игра приобрела и смысл, и значение. Иногда я даже тешила себя надеждой, что, возвращаясь домой, ты не будешь рассказывать мне о том, какие вопросы вы обсуждали в Сабхе, и я сама, собственным умом дойду, рас-

шифрую все ваши планы и замыслы, а затем оставлю вас далеко позади. И всякий раз, когда ты, возвращаясь домой, осыпал проклятиями Дживанджи, так как он всегда на шаг опережал вас, я радовалась, потому что была причиной всех ваших провалов.

Она прикасается к груди, не обращая уже никакого внимания на мужа, не замечая дождя, обрушившегося на Рамгхар, думая только о своей великой игре, ставшей главным за коном ее жизни.

— Дживанджи, — шепчет Шахин Бадур Хан. — Ты продала меня Дживанджи.

И дамба, которая так долго сдерживала его истинные чувства, такая высокая и широкая, рушится. Шахин Бадур Хан чувствует, что все эти годы, вся ложь и притворство — только стон, только вопль, подобный пустоте, предшествовавшей творению.

И этот стон рвется из него наружу. Он не может остановить его, не может удержать. Пустота мертвой хваткой сжала внутренности. Шахин опускается на колени. Ползет на коленях к жене. Все рухнуло. Он позволил себе надежду, и за подобную гордыню все у него было отнято. Теперь уже нет надежды. Звериный вой переходит в

визг, в разрывающие грудь рыдания. Билкис в ужасе отступает от мужа. Подобное не входило в ее игровые стратегии и планы. Шахин Бадур Хан опускается на четвереньки, как побитый пес, и вопли его начинают напоминать лай и завывания издыхающей собаки.

— Прекрати, прекрати, — умоляет Билкис. — Пожалуйста, прекрати!.. Ну пожалуйста, подумай о том, как чудовищно ты выглядишь...

Шахин Бадур Хан поднимает на нее глаза. Она в ужасе закрывает рот рукой. Лицо мужа сделалось неузнаваемым. Ее игра погубила их обоих.

Билкис отступает от окончательно раздавленного существа, которое, скорчившись на ступенях сторожевой башни, копошится в вонючем гное своей растоптанной жизни. Она на ощупь находит ступеньки и скрывается в пелене дождя.

38
Господин Нандха

Господин Нандха погружен в суровую полифонию Баха, а несущий его самолет делает вираж над рекой. Горячий ветер, вестник муссона, атакует гхаты. Его порывы разбрасывают флотилии дийя по водам священного Ганга. Господин Нандха видит отблески молнии на шлеме пилота. Впереди идут три других самолета, принадлежащие к их эскадрилье, они кажутся неким движущимся световым узором на фоне огней большого города. Каши. Город света.

В виртуальном поле зрения господина Нандхи над Варанаси возвышаются божества. Они намного больше муссона, их ваханы ползут по асфальту и грязи, а макушки достигают стратосферы. Боги, подобные грозовым облакам, высоко держащие свои атрибуты, сквозь которые пробиваются разряды молний. Многочисленные руки складывают пальцы в священные мудры с истинно божественной тщательностью. Режим сдерживания вступил в силу, как только экскоммуникационные силы поднялись с военного

аэродрома. Удалось пресечь перемещение сотни сарисинов первого уровня в кабельной сети, но во всем остальном ситуация была тише обычного рабочего дня в пятиэтажном офисном здании. Эскадрилья разделяется, навигационные огни видны между Ганешей, Кали и Кришной. Вот самолет делает вираж и пронзает образ Ганеши в фонтане пикселей. Копье в бок, думает господин Нандха.

Пилот переходит в режим снижения и проносится через завесу божественного света. Господин Нандха отключает виртуальные образы. Божества исчезают, словно уничтоженные внезапным приступом атеизма, но за долгие годы общения с ними господин Нандха привык ощущать их постоянное присутствие где-то на задворках сознания. Пистолет тяжелым грузом давит на грудь.

Здание компании «Одеко» представляет собой административный блок в не слишком престижном районе с низкой арендной платой. Оно спряталось в лабиринте маленьких ателье, шьющих школьную форму, и магазинчиков торговцев сари. Пилот ловко вписывает самолет в узкую улицу. Он идет на посадку, концами крыльев касаясь балконов и опор электрических

линий. Воздушная струя валит десятки велосипедов, расставленных по улице. Корова нехотя уступает ему место. Владельцы магазинчиков пытаются удержать разлетающийся товар. Пилот выпускает шасси, которые нежно касаются бетонного покрытия. Господин Нандха идет к своему экскоммуникационному подразделению: Рам Лалли, Прасад, Мукул Дев, Вик.

Самолет замирает. Вокруг все недвижимо, полная тишина, только порывы ветра разносят бумагу и обрывки кинопостеров по узким улочкам. Лают уличные собаки. Моторы затихают, опускается трап. Самолеты подобного типа совершают идеально точную посадку. Садятся еще два из них. Четвертый кружит в воздухе на фоне залитых неоновым светом небоскребов Нью-Варанаси, затем снижается над крышей административного здания и зависает там. В узеньких переулках стоит такой рев, словно в небесах столкнулись две ведические армии. Открывается «брюхо» четвертого самолета, и воздушные совары Бхарата спускаются вниз по канатам. Если смотреть на дисплей на шлеме женщины-пилота, то создается впечатление, что они падают в зияющую пропасть. Специальные фугасные заряды вскрывают крышу, словно

консервную банку. Переговариваясь с помощью жестов, совары начинают продвижение внутрь здания.

Господин Нандха следует через «кладбище» велосипедов. Одним прикосновением к правому уху включает хёк, и перед ним над стареньким галантерейным магазинчиком вновь предстает Индра, Повелитель дождя и молний, восседающий на своем вахане — слоне Айравате с четырьмя бивнями. В правой руке он держит ваджру праведного суда. Господин Нандха касается рукой оружия. Три молнии пронзают красное прозрачное тело Индры. Господин Нандха смотрит на небо. Начинается дождь. Он чувствует его на лице. Сыщик Кришны останавливается, стирает капли со лба и с удивлением смотрит на них. В то же мгновение Индра поворачивается, и господин Нандха чувствует, как его пистолет наводится на цель.

Роботы бегут по неосвещенному гали: топот крошечных ножек и клацанье «клешней». Роботы-обезьянки, роботы-кошки, роботы, похожие на бескрылых птиц и длинноногих насекомых... Волна хаотического щелкающего движения выплескивается на улицу. Господин Нандха поднимает пистолет, стреляет... целится... стреляет...

целится... стреляет... целится... стреляет... Нарастающие баховские контрапункты сотрясают его слух. Ни одного промаха. Индра наводит на цель уверенно и точно. Роботы подпрыгивают на ходу, врезаются друг в друга, налетают на стены, на двери, а крупные отдельные капли тем временем переходят в настоящий дождь. Господин Нандха продвигается по гали, держа перед собой оружие, с помощью красного лазерного «глаза» безошибочно находящее цель. И вот они взлетают, дымятся, горят в точно направленных импульсах электромагнитного излучения. Роботы-обезьяны пытаются взбираться по кабелям, по журнальным постерам, по металлическим рекламным щитам с рекламой различных марок питьевой воды и языковых школ. Они мечутся в поисках крыш и коммуникационных линий. Индра низвергает их с помощью своей священной молнии. За спиной господина Нандхи агенты министерства, выстроившись в линию, добивают тех, кому удается проникнуть в экскоммуникационную зону. Господин Нандха выключает Баха и поднимает руку.

— Прекратить огонь!

Когда покончено с последними беглецами, силовые линии уже жужжат от перегрузки. Огля-

нувшись, господин Нандха замечает отвращение на лице Вика, который с трудом справляется с многофункциональной штурмовой винтовкой. Вот то, о чем ты мечтал, думает господин Нандха. Немного настоящей работы. Супервинтовки и фантастическое снаряжение.

Дождь кажется светящимся на фоне света, льющегося из прожекторов, установленных в подбрюшье у зависшего вверху самолета.

— Здесь что-то не то, — тихо произносит господин Нандха, и в то же мгновение муссон обрушивается на Варанаси.

За одну минуту Сыщик Кришны промокает до нитки. Его костюм голубиного цвета пристает к коже. Дождевая вода слепит глаза, он безуспешно пытается протереть их. И только несгибаемый Индра, которого не может испугать никакой муссон, возвышается над молниями, дождем и над трехтысячелетним Каши.

Совары спускаются сквозь крышу, прыгая на рабочие столы, шкафы с документами, упавшие с потолка вентиляторы, идут мимо валяющихся мониторов, чайных чашек и кулеров для воды. Держа оружие наготове, они рыщут по комнатам и помещениям. Здание сейчас представляет собой огромный черный куб в пелене ливня.

Дождь каскадами льется в дыры, проделанные штурмующими в крыше. Субадар-майор знаком приказывает соварам делать все возможное, чтобы сохранить улики. И пока они передвигают кубы процессоров и другую электронику, чтобы уберечь от дождя, она вызывает господина Нандху по рации, которая висит у нее на шее. Еще одна мудра — и десант начинает осмотр местности в поисках следов деятельности сарисинов. Молния зловещим светом озаряет лицо женщины-командира. Она слышит, как джаваны из регулярных сил полиции проходят по нижним уровням. Потом жестом приказывает бойцам рассредоточиться. Здесь нет ничего. Какой бы дух ни обитал когда-то в этом месте, он его покинул.

Господин Нандха знаком дает понять своей группе, что работу можно заканчивать.

— Что-то не так? — спрашивает Вик.

Волосы у него прилипли к голове, с носа стекает дождевая вода, а мешковатая одежда обвисает бурдюком. Он поднимает глаза к Индре, который возвышается над хаотическими разноуровневыми крышами Каши.

— Всего лишь приманка. — Господин Нандха поддает ногой крошечный «трупик» робота-уборщика. — В данном случае мы имеем дело

не с третьим поколением, прорывающимся на уровень субсарисинов. Все, что здесь произошло, было заранее задумано. Они хотели, чтобы мы все здесь уничтожили. — Он открывает палм. — Всем прекратить огонь...

Но два взвода, действующие с северной и с западной сторон, слишком увлечены охотой за роботами-обезьянами, прыгающими по тюкам с шелком для сари и по рядам школьной формы для девочек. Хозяева лавок и магазинчиков с громкими воплями воздевают руки, так как электромагнитные импульсы стирают информацию из памяти их кассовых аппаратов. Военная форма джаванов приобретает цвет сари, но они бегут по складам с воинственными возгласами за прыгающими и скачущими механизмами, мимо чаукидаров, прячущихся за дверьми с поднятыми от страха руками. Отважные джаваны мчатся вверх по бетонным ступенькам до тех пор, пока последний из роботов не будет уничтожен. Это чем-то напоминает старинную охоту на уток какого-нибудь раджи. В течение нескольких мгновений вспышки лазерного оружия сверкают ярче молний.

Господин Нандха входит в разрушенный офис. Он смотрит на потоки воды, струящиеся на де-

шевый ковер. Разглядывает дымящихся роботов, разбитые экраны и развороченные столы. Сыщик Кришны с досадой сжимает губы.

— Кто здесь командир?

Шлем субадар-майора открывается и уходит в капюшон ее боевого обмундирования.

— Субадар-майор Каур, сэр.

— Хочу напомнить вам, субадар-майор, что мы находимся на месте преступления.

Звук голосов, топот ног за дверью. Совары задержали маленького, но очень энергичного бенгальца в необъяснимо сухом черном костюме.

— Я требую, чтобы мне разрешили пройти...

— Пропустите его, — приказывает господин Нандха.

Полосы света от прожекторов, проникающие сквозь отверстия в крыше, освещают офис. Бенгалец с ужасом оглядывается по сторонам.

— Что все это значит? — возмущенно восклицает он.

— Позвольте узнать, кто вы такой, сэр? — спрашивает господин Нандха, чувствуя особую неловкость из-за своего насквозь пропитавшегося водой костюма.

— Меня зовут Чакраборти, я адвокат этой ком-

пании. Господин Нандха поднимает левую руку. У него на ладони знак министерства. Изображение ладони на ладони.

— Я провожу расследование по поводу противозаконного сокрытия искусственного интеллекта третьего поколения, каковое деяние нарушает положение Раздела 27 Международного соглашения в Лиме, — отвечает господин Нандха.

Бенгалец пристально смотрит на него.

— Ну и шут, — бросает он.

— Сэр, мы находимся на территории «Одеко инкорпорейтед»?

— Находитесь.

— Пожалуйста, прочтите ордер.

Совары возобновляют подачу электроэнергии в здание и подключают временные лампы.

Чакраборти подносит руку господина Нандхи к свету ближайшей лампы.

— Это то, что неофициально именуется приказом об экскоммуникации?

— Он исходит непосредственно от министра юстиции.

— Я буду вынужден подать официальную жалобу и начать судебный процесс по поводу нанесения ущерба.

— Конечно, сэр. Ваш профессиональный долг

требует именно такой реакции. Теперь же я прошу вас быть предельно осторожным. Моим агентам еще предстоит проделать определенную работу, а здесь присутствует живое оружие.

Совар устанавливает водонепроницаемое покрытие поверх отверстий в крыше. Джаваны подводят кабели к процессорам. Вик уже находится у терминалов. Его собственная версия «коробки» с аватарами введена в конфигурацию.

— Здесь ничего нет.

— Покажите.

Господин Нандха чувствует у своего плеча Чакраборти. Он глупо ухмыляется, склонившись над Виком, сидящим на корточках у экрана. Вик прокручивает стеки регистров.

— Если здесь когда-либо и было третье поколение, то его уже давно нет, — говорит он. — Но... Эй, посмотрите-ка сюда! Наш друг Вишрам Рэй.

— Сэр, — подает голос Мадхви Прасад, сидящая у другого экрана.

Она пододвигает пару секретарских стульев со сломанными спинками. Господин Нандха усаживается рядом с ней. Носки скрипят у него в туфлях, и он морщится от унижения. Нехорошо проводить главное расследование всей своей жизни в хлопковых, насквозь промокших носках,

которые еще и скрипят в придачу. А еще хуже слышать, как прилизанный бенгальский адвокатишко обзывает тебя шутом. Но самое скверное — это на твоей собственной кухне, под твоей собственной крышей, твоей же собственной тещей, давно увядшей сельской вдовой, быть обвиненным в немужественности, в том, что ты жалкий кастрат-хиджра. Но господин Нандха упорно пытается отогнать от себя все унизительные мысли. Обнаженные садху, танцующие сейчас под дождем, переносят значительно большее за во много раз меньшее вознаграждение.

— И на что же такое я гляжу? — спрашивает господин Нандха.

Прасад поворачивает экран так, чтобы ему было удобнее рассматривать изображение.

На снимке солнечное утро на новых гхатах в Патне. Паромы и речные суда сгрудились с краю, на заднем плане группы бизнесменов и рабочих. За ними в лучах яркого солнца сверкают небоскребы нового коммерческого центра. На переднем плане трое улыбающихся людей. Один из них — Жан-Ив Трюдо, вторая — его жена Анджали. Они обнимают девочку-подростка с волосами пшеничного цвета, стоящую между ними. Фотография выглядит как великолепный рекламный

снимок. Девочка на голову ниже европейцев, но у нее широкая и радостная улыбка, несмотря на обритый череп, на котором господин Нандха различает тонкие шрамы, свидетельствующие о недавно проведенной операции.

Господин Нандха наклоняется поближе. Изо рта у него идет пар, голубоватый на фоне компьютерного монитора.

— Вот оно. Они хотели, чтобы мы уничтожили это. — Он касается пальцем лица девочки. — Оно еще живо.

39
Кунда Кхадар

На протяжении десяти дней самоходные мины замедленного действия пересекали плоские иссушенные бездождьем земли западного Бхарата. Несмотря на то, что гарнизон авадхов, расквартированный в Кунда Кхадар, бежал под натиском отважных джаванов Бхарата, артиллерийские батареи, расположившиеся вдоль восьмидесятикилометровой линии фронта, выпустили из своих установок около трехсот таких автономных зарядов. Каждый из них несет десятикилограммовый заряд мощной взрывчатки, а по размеру и форме напоминает маленького мускулистого кота. Днем они «спят» в небольших углублениях в земле или даже в засохшем помете, в коровьих «лепешках». Когда же наступает ночь, мины раскрывают антенны, расправляют сложенные металлические «ножки» и начинают скакать по полям вдоль канав — по-кошачьи ловко, по-кошачьи осторожно, находя направление по свету звезд и только им слышному «посвистыванию» глобальной системы навигации. Их

пугает свет автомобильных фар. Заметив его, они застывают, рассчитывая на свою рудиментарную хамелеоноподобную мимикрию. Никто их не видит, никто не слышит, хотя «умные» мины и проскальзывают всего в нескольких сантиметрах от тракториста, спящего на своем чарпое. К тому времени когда первый брахман выйдет приветствовать солнце на берегах священного Ганга, они уже преспокойно зароются в песок или повиснут, зацепившись за балки в сумраке храмового потолка, а может, нырнут на самое дно сельского резервуара с водой. Это сарисины уровня 1,4, но их энергетические элементы работают на реакции метана с участием вольфрама. И потому они мчатся по Бхарату от одной кучи коровьего дерьма к другой.

И когда июльским вечером солнце клонится к закату, самоходные мины достигают своей цели. В течение двух ночей они передвигались по городским улицам, пугали кошек, вышедших на охоту, перепрыгивали с крыши на крышу через узкие городские переулки, спускались по стенам. Заряды соединялись по двое, по трое, десятками, дюжинами, превращаясь в рои из пластиковых «лапок» и гибких усиков-антенн, вызывая истошный лай бродячих собак. Но кто же обращает

внимание на лай бродячих собак?

В десять тридцать двести двадцать самоходных «умных» мин проникают во все ключевые системы главной электрораспределительной станции «Рэй пауэр» в Аллахабаде и одно временно взрываются. Весь Западный Бхарат от Аллахабада до самой границы остается без электричества. Коммуникационные линии умирают. Командные центры парализованы. Военные пытаются привести в действие дублирующие системы. Наземные спутниковые станции отключаются. Посты противовоздушной обороны переходят на запасное питание. На аварийное подключение уходит три минуты. На восстановление коммуникационных линий и контрольных цепей — еще две. И еще три — на то, чтобы полностью восстановить оборонительную систему Бхарата.

За эти восемь минут сто пятьдесят вертолетов авадхов, поддерживаемые наземными силами, сарисинами, мобильными механизированными группами, продвигаются на пять километров в глубь территории Бхарата. И пока минометные подразделения занимают позиции у пограничных деревень, бронетанковые части движутся при поддержке с воздуха в направлении северной оконечности дамбы. Одновременно с этим

две моторизованные дивизии прорывают линию обороны бхаратцев у Ревы и движутся по джабалпурской дороге по направлению к Аллахабаду.

К тому моменту, когда вступают в действие резервные энергетические установки и вновь начинают функционировать все командные и разведывательные системы, на позиции обороняющихся на западе Бхарата уже направлены жерла пушек танков врага. Кроме того, стайки роботов-саперов рыскают по минным полям, а на дамбе Кунда Кхадар уже слышен жуткий свист минометного обстрела. Окруженные со всех сторон, беззащитные перед нападением с воздуха части, обороняющие Аллахабад, во главе с командующим, генералом Джахой, капитулируют. Пять тысяч солдат складывают оружие. Так заканчиваются восемь самых героических минут во всей военной истории авадхов. И самые позорные в истории Бхарата.

К десяти сорока сеть восстановлена. А еще через десять минут палмы уже трезвонят по всему погруженному в пелену дождя Варанаси.

40
Вишрам

По указанию старого Рама Даса прислуга переносит садовую мебель под прикрытие гостеприимного купола Шанкер-Махала. Вишрам идет по лужайке мимо выстроившихся в ряд плетеных стульев. В самом конце сада за маленьким белым столом среди почти непроницаемых потоков муссонного ливня в полном одиночестве сидит его мать, маленькая бледная женщина. Подобно британской вдове, она дождется, пока гроза настигнет ее, но не сдаст позиций. Вишрам помнит ее только такой, на лужайке, за белым столиком, рядом с подругами и с чаем на серебряном подносе. Вишраму дом всегда больше нравился во время дождя, когда создавалось впечатление, что он плывет среди зелени и темных облаков. И тогда его истосковавшиеся по воде призраки возвращались к жизни, и комнаты наполнялись их поскрипыванием и пощелкиванием. В сезон муссона Шанкер-Махал источает аромат старого дерева, сырости и растительного буйства, как будто прихотливые орнаменты на

потолке спальни Вишрама вот-вот должны распуститься роскошными невиданными цветами. Сплетенные фигуры на колоннах во время дождя расслабляются и отдыхают.

— Вишрам, птичка моя. Как тебе идет этот костюм.

Поманив одного из слуг пальцем, он приказывает оставить последний садовый стул и не заносить его в дом. Вспышки молний сверкают над деревьями. А за ними свет фар прорезает мрак.

— Мама-джи, — говорит Вишрам, наклонив голову. — Я долго не задержу тебя. Мне нужно знать, где он.

— Кто, дорогой?

— А как ты думаешь?

— Твой отец принадлежит к тем людям, которые очень серьезно относятся к духовной жизни. И если он избрал путь садху, путь уединения, то его выбор следует уважать. Но что тебе от него нужно?

— Ничего, — отвечает Вишрам Рэй. Ему кажется, что мать прячет лукавую улыбку, поднося чашку с «дарджилингом» к губам. Горячий ветер проносится по клумбам. Слышны резкие крики павлинов. — Я просто хочу сообщить ему об од-

ном своем решении.

— Что-то связанное с бизнесом? Ты же знаешь, я никогда не разбиралась в бизнесе, — говорит Мамата Рэй.

— Мама... — произносит Вишрам.

Всю свою жизнь она пыталась заставить всех поверить в этот миф. Простушка Мамата ничего не понимает в бизнесе, не хочет иметь к нему никакого отношения, бизнес — дело мужское, деньги, власть... Не принималось ни одного решения, не делалось ни единой покупки, не осуществлялось никаких инвестиций, не начинались исследования без того, что бы Мамата Рэй не произносила своей сакраментальной фразы о том, что она ничего не понимает в бизнесе. Но тут же звучали вопросы и намеки: а что будет, если... а что, если сделать немного иначе... а не может ли в конечном итоге получиться?.. Вишрам нисколько не сомневался в том, что ее высказанные не слишком уверенным тоном вопросы и послужи ли толчком к разделу «Рэй пауэр» в шекспировском духе. И именно голос его матери благословил Ранджита Рэя на уход от мира.

Вишрам наливает себе чашку ароматного чая. Вкус слишком изыскан для него, но по крайней мере теперь есть чем занять руки. Первое актер-

ское правило. Обязательно найди, чем можно занять руки.

— Я выкупаю долю Рамеша. Я уже назначил экстренное собрание правления.

— Ты говорил с господином Чакраборти...

Глаза его матери подобны свинцовым линзам, отражающим бурное серое небо.

— Я знаю, что такое «Одеко».

— Именно это ты хотел сказать отцу?

— Нет. Я хотел сказать, что у меня в данной ситуации не очень большой выбор, и как мне кажется, я сделал наилучший.

Мамата Рэй ставит чашку на стол и поворачивает ее на блюдце так, что ручка указывает точно влево. Садовники и домашняя прислуга подходят поближе, чувствуя, что что-то намечается. Усиливающейся ветер треплет их тюрбаны.

— Я выступала против раздела компании. Тебя, наверное, удивит подобное признание. Я выступала против из-за тебя, Вишрам, полагая, что ты прокутишь свою долю, пустишь ее на ветер. В этом я не очень отличалась от Говинда. И только отец сохранял веру в тебя. Его всегда так интересовало то, чем ты занимался в своей ужасной Шотландии. Он уважал тебя за мужество иметь собственные убеждения. А они ведь у тебя были

и есть, Вишрам. Я говорила, что не разбираюсь в бизнесе, но оказалось, что я не разбиралась в людях, в собственных сыновьях. Впрочем, возможно, я уже слишком стара, чтобы менять точку зрения.

Мамата Рэй поднимает глаза. Вишрам чувствует на лице капли дождя. Он опускает чашку. Чай совсем остыл и очень горек. Слуги забирают сначала посуду, потом уносят стол. Дождевые капли громко стучат по листьям бугенвиллеи.

— Твой отец совершает пуджу в храме Кали в Мирзапуре, — произносит Мамата Рэй. Она идет за слугами, которые переносят садовую мебель. Дождь очень силен, но все же не настолько, чтобы заглушить звук двигателей приближающегося самолета. — Он совершает пуджу по поводу окончания эпохи. Нога Шивы опускается. Танец начинается. Мы отданы богине разрушения.

Когда они достигают восточной веранды, в облаках образуется просвет. Раздается удар грома, а над садом начинает снижаться самолет. Навигационные огни превращают пелену дождя в светящийся занавес. Двигатели переходят в режим снижения, шасси выдвигаются по направлению к траве, подстриженной Рамом Дасом. Слуги и садовники прикрывают глаза руками.

— Ну что ж, и снова ты была права. Я всегда был пижоном и ублюдком, — говорит матери Вишрам и бежит по дождю к самолету, подняв воротник дорогого костюма.

Марианна Фуско машет ему рукой.

Старый Шастри ведет Вишрама и Марианну Фуско по крутым переулкам Мизрапура. Улочки здесь узкие, темные, пахнут мочой и старыми палочками благовоний. Ребятня отстает от них, когда они начинают подниматься вверх от бетонных гхатов. Вишрам бросает взгляд на самолет, оставшийся на берегу реки. Пилот снял шлем, он сидит на песке на почтительном расстоянии от двигателей и курит. Муссон, уже достигший Варанаси, обошел Мизрапур на расстоянии шестидесяти километров к западу. В узких переулках жара концентрируется в нечто почти осязаемое. Мусор поднимается в воздух в резких порывах душного вонючего ветра. Марианна Фуско спокойно идет вверх по ступеням, стараясь не обращать внимания на взгляды юношей и стариков.

Храм Кали представляет собой мраморный постамент, окруженный со всех сторон лавками, торгующими амулетами, гаджрами и изображениями богини, взятыми из громадной базы

данных ее образов и отпечатанными на заказ. Кали — главный источник благосостояния этого района Мизрапура, пришедшего в упадок индийского городка, мимо которого давно прошла информационная революция, а он как будто все еще задается вопросом, что же все-таки произошло. Тротуары проходят вдоль омываемых водой мраморных ступе ней, и даже в такое время они полны паломников. Непрерывно звонят колокольчики. Металлические ограждения направляют верующих к гарбхагриха. Корова прыгает вверх и вниз по ступенькам. Видно, как под тощей желтоватой кожей движутся выпуклые ребра.

— Я останусь здесь, — говорит Марианна Фуско. — Кто-то же должен позаботиться и о моих несчастных туфлях.

Вишрам слышит напряжение в ее голосе. Это место ей абсолютно чуждо. Оно сугубо индийское, слишком индийское.

Здесь никому не делают никаких скидок. Все противоречия, странности и дикости Бхарата реализуются тут, в месте любви и поклонения злобному олицетворению первобытной женственности. Черная Кали с гирляндой из голов и устрашающим кровавым мечом. Даже Вишрам

чувствует, как все внутри у него сжимается от ощущения суеверного ужаса перед чем-то совершенно чуждым и нечеловеческим, когда он проходит, пригнувшись, под изображениями музыкантов Махавидья — десятью воплощениями мудрости, исходящими из йони черной богини.

Шастри остается с Марианной. Вишрама затягивает в поток паломников, медленно шествующих по лабиринту. Храм низенький, дымный и очень тесный. Вишрам приветствует садху и получает от них тилаки за горсть рупий. Гарбхагриха совсем крошечная — узенькое подобие гроба, где черное изображение с выпученными глазами покоится под кучами цветочных гирлянд. Узкий проход до отказа забит толпой, теснящейся вокруг святыни. Люди пытаются просунуть руки в узкую йоническую щель, чтобы зажечь благовония, совершить возлияния молоком, кровью и окрашенным в красный цвет маслом. Голодная Кали требует семь литров крови каждый день. В таких до определенной степени урбанизированных центрах, как Мирзапур, используют козлиную кровь. Взгляд Вишрама встречается со взглядом богини, который зрит в прошлое, настоящее и будущее, пронзая и рассыпая в прах все иллюзии. Даршан... Человеческий поток несет его дальше.

Гром сотрясает храм. Муссон наконец-то пришел на запад. Жара становится невыносимой. Звенят колокола. Паломники распевают гимны.

Вишрам находит отца в черном подземелье без окон. Он едва не спотыкается об него в сплошной темноте. Вишрам протягивает руку, чтобы за что-нибудь ухватиться и не упасть, и тут же отдергивает ее от дверного косяка. Она влажная. Кровь... Весь пол усыпан золой. Когда его глаза немного привыкают к темноте, он видит квадратное углубление в центре помещения. Смасана Кали также является богиней гхатов. И это — место кремации.

Ранджит Рэй сидит, скрестив ноги, среди золы. На нем дхоти садху, накидка и красная тикка Кали. Кожа у него серая от вибхути. Белой священной золой посыпаны его волосы и даже щетина. Вишрам понимает, что перед ним не его отец, а некто, кого часто видишь сидящим перед уличным алтарем или обнаженным, распростершимся у входа в храм. Пришелец из иного мира.

— Отец?..

Ранджит Рэй кивает.

— Вишрам. Садись, садись.

Вишрам оглядывается, но вокруг нет ничего, кроме золы. Наверное, здесь грешно беспокоиться

о чистоте костюма. К тому же Вишрам прекрасно понимает, что ему не составит труда приобрести новый, и потому без дальнейших размышлений усаживается рядом с отцом. Раскат грома вновь сотрясает храм. Звонит колокол, молитва паломников становится громче.

— Отец, что ты здесь делаешь?

— Совершаю пуджу по поводу конца эпохи.

— Но это же ужасное место.

— Оно таким и должно быть. Очами веры видишь все по-другому, и мне оно не кажется таким уж ужасным. Оно такое, каким должно быть. Оно соответствует своему предназначению.

— Символике разрушения, отец?

— Преображения. Смерти и возрождения. Колесо поворачивается.

— Я выкупаю долю Рамеша, — сообщает Вишрам. Он уже сидит босой среди пепла умерших. — Это даст мне две трети акций компании и позволит вытеснить Говинда и его западных партнеров. Я ничего у тебя не спрашиваю, я просто ставлю тебя в известность.

Вишрам замечает проблеск старой мирской сметки в глазах у отца.

— Полагаю, ты понимаешь, откуда у меня деньги на это.

— От моего доброго друга Чакраборти.

— Ты знаешь, кто, точнее, что за ним стоит?

— Знаю.

— И сколько же времени ты знал?

— С самого начала. «Одеко» вышла на меня, как только мы приступили к работе над проектом нулевой точки. Чакраборти был предельно прям и высказался о намерениям своей компании без всяких околичностей.

— Но ты же ведь страшно рисковал. Если бы Сыщикам Кришны удалось выйти на след... Что сталось бы с «Рэй пауэр», с ее репутацией, с ее девизом «Сила и совесть», со всем тем, за что ее уважали?

— Не вижу никаких противоречий. Они — живые существа, разумные существа. Мы перед ними в долгу. Мы должны о них заботиться.

— Существа? Ты сказал — «существа»?

— Да, я именно так и сказал. Кажется, существует три сарисина третьего поколения. Безусловно, их субъективные вселенные не обязательно должны перекрываться, хотя, возможно, у них общие стандартные подпрограммы. «Одеко», как я полагаю, — общий канал. По крайней мере для двух из них.

— Чакраборти назвал «Одеко» сарисином

«Брахма». На лице у Ранджита Рэя появляется понимающая улыбка.

— Ты когда-либо встречался с «Брахмой»?

— Вишрам, что ты имеешь в виду под словом «встречался»? Я встречался с людьми в официальных костюмах, я беседовал с разными лицами по телефону. Все эти лица могли быть вполне реальными, но могли быть и «Брахмой» — или какими-то его проявлениями. Можно ли в прямом смысле слова встретиться с распределенной сущностью?

— Но они когда-нибудь говорили, почему хотят финансировать проект нулевой точки?

— Ты не поймешь их мотивов. И я их не понимаю. Вспышка молнии на мгновение освещает внутреннюю часть кремационной камеры. С тяжелым грохотом обрушивается на нее удар грома. Странный ветер поднимает пепел.

— Скажи мне...

Палм Вишрама подает сигнал. Он раздраженно морщится. Паломники бросают злобные взгляды на нарушителя святости храма. Но это звонок высшей категории важности. Вишрам включает только аудиорежим. Когда Марианна Фуско заканчивает говорить, он тихо опускает палм во внутренний карман пиджака.

— Отец, нам нужно уходить. Ранджит Рэй хмурится.

— Не понимаю, что ты говоришь.

— Нужно немедленно уходить. Здесь небезопасно. Авадхи захватили дамбу Кунда Кхадар. Наши войска капитулировали. Между частями противника и Аллахабадом нет практически ничего. Авадхи могут быть здесь уже через двадцать четыре часа... Отец, ты должен лететь вместе с нами. В самолете есть свободные места. Ты обязан прекратить эксперимент, ведь ты же человек, известный и уважаемый во всем мире!

Вишрам встает и протягивает руку отцу.

— Нет, я никуда не пойду и не позволю, чтобы мною, как престарелой вдовой, помыкал собственный сын. Я принял решение, я ушел из мира и назад уже не вернусь.

Вишрам в отчаянии качает головой.

— Отец...

— Нет. Со мной ничего не случится. Бхарат, в который они вторглись, совсем не тот, в котором живу я. Они ко мне не притронутся. Идите. Уходите. — Ранджит Рэй отталкивает сына, коснувшись его колен. — Есть вещи, которые ты обязан сделать, поэтому иди. С тобой все будет хорошо. Я стану молиться за тебя, и боги позаботятся о тебе.

А теперь уходи.

Он закрывает глаза и поворачивает в сторону сына слепое, окаменевшее лицо.

— Я вернусь...

— Ты меня не найдешь. Я не хочу, чтобы ты меня искал. Ты уже сам знаешь, что должен делать.

В тот момент, когда Вишрам, наклонившись, проходит под низким измазанным кровью навесом, отец выкрикивает ему вслед:

— Я хотел тебе сказать. «Одеко», «Брахма», сарисины... что они ищут в проекте нулевой точки. Выхода... В том многообразии, которое обещает теория «М-звезды», должна существовать вселенная, в которой они и все им подобные смогут существовать, свободно и безопасно жить, и там мы их никогда не найдем. А вот причина, по которой я нахожусь в этом храме: я хочу взглянуть в лицо Кали, когда ее век подойдет к концу.

К тому моменту, когда Вишрам выходит из храма, уже идет сильный дождь. Мрамор покрывается грязью: пыль смешивается с водой. Узкие улочки вокруг храма все еще полны народа, но настроение здесь уже изменилось. Религиозный фанатизм рассеялся, но не сменился всеобщим торжеством по поводу окончания долгой засухи и прихода спасительного дождя. Весть об уни-

жении при Кунда Кхадаре уже успела обойти всех, и теперь гали кишат брахманами, вдовами в белом, фанатичными последователями Кали в красном и раздраженными молодыми людьми в джинсах и чистых белых рубашках. Они стоят, вперив взгляды в телеэкраны, вырывают из принтеров листы с только что отпечатанными новостями, собираются группками вокруг рикш с радиоприемниками или парней, к которым на палмы поступают последние известия. Шум на улицах растет по мере того, как новости перерастают в слухи, слухи — в панику, а паника — в воинственные лозунги. Отважные джаваны Бхарата разгромлены. Слава Бхарата уничтожена. Дивизии авадхов уже перерезали окружную аллахабадскую дорогу. Они вторглись на священную землю. Кто может нас теперь спасти? Кто сможет отомстить за нас? Дживанджи, Дживанджи, Дживанджи!.. Воины-карсеваки потопят захватчиков в потоках их собственной крови. Шиваджи искупят позор Ранов!..

— Где ваш отец?

Вишрам надевает обувь, а вокруг него мечутся рикши.

— Он остается.

— Я так и думала, господин Рэй.

Странно слышать подобные слова от Шастри. Господин... Рэй...

— В таком случае я бы предпочла как можно скорее от сюда выбраться, так как чувствую себя слишком белой, слишком европейкой и слишком женщиной, — говорит Марианна.

По крутым переулкам катятся потоки дождя, и дороги становятся скользкими и опасными.

— Как так получается, что у вас все заканчивается бунтом? — спрашивает Фуско.

Общая атмосфера на улицах делается все более напряженной и агрессивной. Вишрам видит свой самолет на берегу между двумя нависающими над ним зданиями. У него за спиной что-то падает. Голоса становятся паническими. Он поворачивается и видит, что повалилась повозка с горячей едой, и пахнущие специями треугольники рассыпались по всему Гали. Горячее масло разлилось по ступенькам. Всего лишь один щелчок зажигалки... Огонь охватывает узенький переулок. Крики, вопли...

— Пойдем.

Вишрам хватает Марианну за локоть и почти толкает вниз по ступенькам.

К моменту, когда они сели в самолетные кресла, пилот уже успел разогреть двигатели. Шастри

отходит от места посадки, подняв руки в благословляющем жесте. Самолет поднимается над нарастающим людским потоком, который несется по ступеням, подобно стае крыс, рвущихся к воде. Они размахивают лати, подбирают палки и камни, чтобы бросать в чужаков, вторгшихся в их святилище. Но самолет уже слишком высоко. Воздушное судно разворачивается, и Вишрам видит, как огонь разливается от здания к зданию подобно жидкости. И его уже не остановить никакому ливню.

— Век Кали, Кали-юга, — шепчет он.

Когда людские беды станут неисчислимы, когда затворятся небеса, когда уши богов станут глухи, а энтропия достигнет максимума и совсем не останется надежды... когда земля будет уничтожена огнем и водой, думает Вишрам — а самолет тем временем переходит в горизонтальную плоскость полета, — тогда время остановится, а вселенная родится заново.

41
Лиза

За аркой дождь льет сплошной стеной, и Лиза Дурнау допивает уже третью порцию джина.

Она сидит на плетеном стуле внутри мраморной аркады. Кроме нее, на террасе только двое мужчин в дешевых костюмах и сандалиях. Они пьют чай. Отсюда девушке хорошо виден главный вход и место администратора. Стук дождя по камням сделался уже почти невыносимым. Это почти буря, даже по стандартам Среднего Запада. Молнии и все такое...

Стакан снова опустел... Лиза делает знак официанту. Все официанты здесь — молодые застенчивые непальцы, одетые как раджпуты. Здесь, на «черном севере», все как-то не по ней. Девушка только начала привыкать к прекрасному цивилизованному югу и его мягкой анархии и вдруг очутилась среди народа и в городе, которые, на первый взгляд, выглядят так же, но на самом деле оказываются совершенно иными.

Таксист воспринял ее слова насчет американского консульства как прямой намек на то, что

ее можно обобрать, и начал возить вокруг какого-то перекрестка с большой статуей Ганеши под смешным маленьким куполом рядом с рекламой вельветовых брюк.

— Развязка Саркханд! — кричал шофер. — Плата за опасность, плата за опасность...

Повсюду изображения свастик. Лиза не помнила точно, куда должна быть направлена правильная свастика, а куда фашистская, но в любом случае от этих изображений ей стало весьма неуютно.

Роудз, офицер консульства, долго листал ее документы.

— Не могли бы вы в точности разъяснить мне цель приезда сюда, мисс Дурнау?

— Мне нужно найти одного человека.

— Должен вам сказать, вы выбрали не самое удачное время. Посольство советует всем гражданам Соединенных Штатов покинуть страну. Мы не можем гарантировать вашу безопасность. Затронуты и наши национальные интересы. Сожгли американский ресторан «Кинг».

Он бросает небрежный взгляд на «Скрижаль». Лиза завидует ему, так смотреть на «Скрижаль» ей не дано. Он возвращает ей документы.

— Ну что ж, успеха вам в вашей миссии, в чем

бы она ни заключалась. Можете рассчитывать на любую помощь с нашей стороны, если таковая понадобится. И что бы там ни говорили, это — великий город.

Однако Лизе Дурнау Варанаси показался городом пепла, несмотря на все его неоновые рекламы и залитые золотым светом шикары. Пепел на улицах, в святилищах и храмах, пепел на лбу у святых, пепел на крышах «марути» и фатфатов. Небо тоже пепельное, темное. Ветер постоянно поднимает волны сажи. Девушке даже казалось, что через кондиционер в ее номер отеля проникает жирная углеводородная грязь, оседает у нее на коже.

Отель Лалла, в котором поселилась и Лиза, представлял собой очаровательный старый исламский городской дом с мраморными полами, неожиданными перепадами уровней и оригинальными балкончиками, но ее номер оказался ужасно грязным. Мини-бар пуст. Унитаз забит куском гигиенического полотенца. Этажи и балконы полны журналистов и телевизионщиков, снимающих новости. Лиза проверила душ, но и он не обрадовал ее.

Рядом с Лаллом был и второй персонаж. Ажмер Рао. «Скрижаль» сняла фотографию с камеры

слежения вестибюля отеля. Женщина оказалась ниже ростом, нежели представляла Лиза. Широковата в бедрах, но это могло быть результатом искажения изображения из-за неудобного угла, под которым велась съемка. И что-то странное на лбу...

Ажмер Рао... Странно, но Лиза обрадовалась, что Лалл с ней не спит. А вот и сам Томас. Похудел. Лицо сделалось мягче. Ужасная, ужасная одежда... Растущая плешь, зато сзади волосы стали длиннее, как бы в качестве компенсации. Такой, каким она видела его в образах Скинии.

Наблюдая за дождем, Лиза вдруг начинает чувствовать злость, жуткую накаляющуюся злобу. Всю свою жизнь она боролась с кальвинистской доктриной предопределения, исповедовавшейся ее отцом. И вот то, что она наблюдает за муссоном над Варанаси, есть результат сочетания кармических сил, которым уже где-то около семи миллиардов лет!.. Она, Лалл, эта широкозадая девица — все они играют в соответствии со сценарием, не менее жестким и просчитанным до мельчайших деталей, чем любая из бесчисленных серий «Города и деревни». Лиза злится, потому что ей так и не удалось уйти от отцовской мысли об предопределении...

Сложное поведение «Альтерры», ее интеллектуальных пространств «Калаби-Яу», клеточных автоматов у нее на мониторе — все было результатом простых, но непререкаемых правил. Правил настолько элементарных, что можно было прожить целую жизнь и так и не понять, что они вообще были.

Лиза входит в «Альтерру». Ради развлечения находит свое нынешнее положение по глобальной системе навигации с поправкой на континентальный сдвиг, включает полную проприоцепцию и оказывается в аду. Она стоит на бугристой долине из черной лавы с красными прожилками трещин. Небо покрыто густыми клубами дыма и время от времени освещается вспышками молний, а вокруг — настоящий снегопад из пепла. Лиза чуть было не задохнулась от запаха серы и продуктов горения и потому отключила обоняние. Долина пологим склоном поднимается к ряду низких конусов, извергающих густые, быстро растекающиеся потоки магмы. Каскады искр закрывают горизонт.

Лиза оглядывается. Программа позволяет ей видеть на двадцать километров вокруг, но нигде не заметно ни одного живого существа.

Охваченная паникой Лиза Дурнау возвращает-

ся в поливаемый дождем Варанаси. Сердце у нее бешено бьется, голова идет кругом. Это все равно что свернуть за угол знакомой улицы и оказаться у нулевой точки. У нее ощущение тяжелого физического шока. Она боится сделать какой-нибудь неловкий жест, который сможет снова вернуть ее в «Альтерру». Девушка включает режим «окна». В поясняющем окне находит сообщение, что на Деканском плоскогорье происходит мощное вулканическое извержение.

Полмиллиона кубических километров лавы извергается из столба застывшей магмы, поднимающегося над мантией того, что через шестьдесят миллионов лет станет островом Реюньон. Гора Святой Елены исторгла из себя жалкий кубический километр и сотрясла этим весь северо-запад Тихого океана. Полмиллиона гор Святой Елены. Растяните их, и они сотрут с лица земли штаты Вашингтон и Орегон, покрыв их жидким базальтом в два километра толщиной. Декканские вулканы и сформировали слой в два километра толщиной над центром Западной Индии, когда весь субконтинент устремлялся (в геологическом смысле слова) по направлению к Азиатскому континенту, что завершилось столкновением, в результате которого возникла самая большая

горная гряда на Земле. Высвободившийся в результате описываемой катастрофы углекислый газ вызвал дисбаланс во всех имеющихся на земле механизмах поглощения углерода, и на Землю опустился «занавес» мелового периода. Жизнь на планете много раз оказывалась на краю гибели. «Альтерра» не могла стать убедительным вариантом альтернативной эволюции без механизмов глобального уничтожения, таких, как вулканическая деятельность, смещение полюсов, столкновение с астероидами. И сейчас Лизу пугает не само извержение, а то, что декканский вулканический базальт никогда не достигал Индо-Гангской долины. В «Альтерре» Варанаси оказался погребен под раскаленной магмой.

Лиза переходит в режим «взгляда из вселенной». Смутное ощущение вины возникает у нее, когда она поднимается высоко над Австрало-Индийским океаном. Из реального космоса вид никогда не бывает настолько четким. Европа представляет собой дугу из островов и полуостровов на западном изгибе планеты. Азия другим полукружием уходит на север. Север Азии пылает. Облака пепла покрывают половину континента. Огонь освещает темную часть Земли. Лиза Дурнау вызывает окно данных. И тихо

вскрикивает. В Сибири тоже извержения.

«Альтерра» погибает, зажатая в кольце пламени. Двуокись углерода, высвобожденная из земной коры кипящим, испаряющимся базальтом, соединится с углеродом горящих лесов, создав жуткий парниковый эффект, который, в свою очередь, станет причиной роста температур атмосферы и океанов, достаточного для того, чтобы вызвать клатратный взрыв: метан, заключенный в ледяных клетках глубоко под поверхностью океана, вырвется на свободу в одном грандиозном взрыве. Океаны забурлят. Уровень кислорода будет резко падать по мере роста температуры. Фотосинтез в океанах прекратится. Моря превратятся в котлы с гниющим планктоном.

Жизнь может выдержать одну «плавку». Земля пережила чиксулубское столкновение и его результат — «плавку», подобную декканской, но только на противоположной стороне планеты. Правда, это стоило ей потери двадцати пяти процентов всех видов живых существ. Вулканические извержения в Сибири двести пятьдесят миллионов лет назад положили конец эпохе чрезвычайной биологической активности пермского периода, уничтожив девяносто пять

процентов живых организмов. Но жизни удалось перескочить даже через такую пропасть. Однако два одновременных подобных извержения жизнь на Земле, конечно, не выдержит.

Лиза Дурнау наблюдает за распадом и гибелью своего мира.

Но причина кроется явно не в природных катаклизмах. Это результат нападения. Томас Лалл, разрабатывая «Альтерру», наделил проект надежным иммунитетом к любым непредвиденным атакам. Атакам, проходившим через сарисины, руководившие доступом геофизических, океанологических и климатологических систем к центральным реестрам. Источник хаоса — где-то внутри.

Лиза выходит из «Альтерры» и под летним дождем воз вращается на террасу хавели. Девушка дрожит. Однажды в Лондоне на нее напали у входа на станцию метро. Все произошло быстро и без особой жестокости, как-то по-деловому: деньги, кредитные карточки, палм, туфли. Даже опомиться не успела, как все закончилось. Она пережила то нападение с чувством тупого смирения, возможно, даже и с долей исследовательского любопытства. Потом Лиза, конечно, ощутила потрясение, ее охватили гнев и него-

дование и по поводу того, что с ней сделали, и от собственной неспособности противостоять человеческой подлости и агрессии.

В данном случае жертвой грубого хулиганского нападения стал целый мир.

Лиза не сразу понимает, что на «Скрижаль» поступает сообщение. Она складывает ее и опускает в карман. Девушка не может нарушить правила конспирации и потому не знает, что делать.

Лиза видит его. Томас Лалл, наклонившись над столиком администратора, спрашивает ключ от номера. С пропитанной водой рубашки, широких шорт и прилипших к голове волос стекает вода, образуя маленькие лужи на белом мраморе пола. Он не заметил Лизу. Для него она на другом конце планеты, среди холмов Канзаса. Лиза Дурнау начинает звать его по имени, и одновременно с этим двое мужчин в дешевых костюмах и сандалиях встают и подходят к столу администратора. Один из них показывает Лаллу что-то, что находится у него в руке. Другой кладет руку ему на плечо. Томас кажется ошарашенным, растерянным. Первый мужчина открывает большой черный зонт, и все трое быстрым шагом пересекают почти затопленный ливнем сад. У ворот их уже ждет только что подкатившая полицейская

машина.

42
Лалл

Игра называется «Плохой полицейский и плохой полицейский». Ты находишься в комнате для допросов. Характер упомянутого помещения может быть любым — тюремная камера, удобное кресло в полицейском управлении или камера пыток. Главное состоит в том, что вы не слышите и не видите, что происходит снаружи. Единственный источник информации об окружающем мире — слова самих полицейских. У вас есть подельник, который находится в такой же комнате. Вы оба — обвиняемые.

И вот вы сидите в зеленой комнате для допросов, пахнущей краской и антисептиком. Видите своего дружка/сообщника/любовника/любовницу. Он уже давно все выболтал, рассказал и о вас. Над этим придется серьезно поразмыслить. Вполне возможно, что копы говорят правду. Впрочем, может статься, они просто хотят заставить вас настучать на товарища. Вы ничего не знаете наверняка, а «плохие полицейские» знают. Они ведь плохие. И так они будут вас изводить, не

предложив вам даже своего мерзкого кофе.

Каковы же варианты поведения? Предположим, вы все отрицаете, и ваш подельник/дружок/сообщник/любовник/любовница тоже все отрицает. Возможно, вам удастся выбраться. Благодаря недостаточности улик. Допустим, вы оба признаетесь, и полицейские оказываются на деле не такими уж плохими, так как больше всего на свете копы ненавидят бумажную работу, а вы избавили их от возни с кучей бумаг, поэтому в благодарность они будут добиваться для вас наказания, не связанного с лишением свободы. Может случиться и такое: вы все отрицаете, а в другой камере вас закладывают. Ваш дружок выходит на свободу, а вся вина сваливается на вас.

Что лучше? Ответ приходит вам в голову еще до того, как шаги полицейских затихают в конце коридора. Вы стучите кулаком в дверь. Эй!.. Вернитесь, я хочу вам все рассказать, да-да, все, в мельчайших подробностях...

Игра называется «Дилемма заключенного». Она не такая увлекательная, как «Блэк-джек» или «Подземные темницы и драконы», но она представляет собой инструмент, с помощью которого исследователи искусственной жизни изучают сложные системы. Поиграйте в нее

некоторое время — и перед вами предстанут все человеческие истины во всем их разнообразии. «Долговременное» добро и «кратковременное» зло. Поступай так, как могут поступить с тобой, или поступай с ними так, как они уже с тобой поступили. Томас Лалл миллионы раз играл в «Дилемму заключенного» и во множество других игр с ограниченным объемом информации. Но игра и реальная жизнь — совсем разные вещи.

Комната зеленая и пахнет дезинфекцией. А еще плесенью, застарелой мочой, горячим маслом и влагой от рубашек насквозь промокших полицейских. Они не хорошие и не плохие полицейские, они обыкновенные полицейские, которые с гораздо большим удовольствием предпочли бы вернуться к своим женам и детям, чем тратить время здесь. Один из них покачивается на стуле и смотрит на Томаса Лалла, высоко подняв брови, так, словно ожидает услышать от него истинное откровение. Второй постоянно рассматривает свои ногти и делает ртом нечто неприятное, что напоминает Лаллу старый фильм с участием Тома Хэнкса.

Делайте что хотите. Не притворяйтесь умниками. Не корчите из себя умников. Томас чувствует, как у него все больше сжимает грудь.

— Послушайте, я уже все рассказал. Я был ее попутчиком, а она ехала к родственникам в Варанаси...

Первый коп, тот, что раскачивался на стуле, наклоняется к столу и царапает что-то на хинди в блокноте на спиральной проволоке. Записывающее устройство не работает. Полицейский переговариваются друг с другом. «Том Хэнкс» опять делает то же самое ртом. Это все больше начинает раздражать Лалла. Ведь все их жесты могут быть частью игры.

— Для провинциальных джаванов могло бы и сойти, но не забывайте, что вы находитесь в Варанаси, сэр.

— Не понимаю, что, черт возьми, происходит.

— Все очень просто, сэр. Ваша коллега сделала запрос в национальную базу данных ДНК. Обычное сканирование службы безопасности выявило определенные... аномальные структуры в ее черепе. Служба безопасности задержала девушку и препроводила к нам.

— Вы постоянно повторяете одно и то же: аномальные структуры, аномальные структуры... Что это значит? Что значат эти ваши «аномальные структуры»?

«Том Хэнкс» снова переводит взгляд на свои

ногти, со ртом у него опять что-то не в порядке.

— Это вопрос национальной безопасности, сэр.

— Какой-то хренов Кафка, вот что это такое!..

«Том Хэнкс» бросает взгляд на копа, качающегося на стуле. Тот прилежно записывает только что названное имя.

— Это чешский писатель, — поясняет Томас Лалл. — Он умер лет сто назад. Я просто пытался иронизировать.

— Сэр, прошу вас, не надо этого делать. Вопрос очень и очень серьезный.

Любитель покачаться на стуле демонстративно вычеркивает имя Кафки и поворачивается в сторону Лалла так, словно хочет рассмотреть его внимательнее и под новым углом зрения. Жара в комнате без окон немыслимая. Запах, исходящий от мокрых полицейских, еще хуже.

— Что вам известно о попутчице?

— Я познакомился с ней на пляжной вечеринке в Теккади, в Керале. У нее начался приступ астмы, а я ей помог. Мне понравилась эта девушка. Она сказала, что собирается ехать на север, и я присоединился к ней.

«Том Хэнкс» раскрывает какую-то папку и делает вид, что проверяет что-то в тексте.

— Сэр, нам известно, что вашей подружке уда-

лось остановить несколько полицейских роботов авадхов одним взмахом руки.

— И в этом состоит ее преступление?

Первый коп резко рванулся вперед на своем раскачивающемся стуле. Передние ножки стула с хрустом опускаются на отполированный тысячами ног бетонный пол.

— Воздушно-десантные дивизии авадхов только что захватили дамбу Кунда Кхадар. Весь гарнизон в полном составе капитулировал. Возможно, то, что она сделала, и не является преступлением, но вы должны признать, совпадение уж слишком... необычное.

— Ну уж извините. Вы, наверное, шутите. Какое отношение моя попутчица может иметь ко всему тому, что произошло на дамбе Кунда Кхадар?

— Я не шучу, когда вопрос касается безопасности моей родины, — отвечает «Том Хэнкс». — Единственное, что мне известно, — это описание происшествия с роботами, а также тот факт, что ваша спутница была задержана службой безопасности при попытке получить доступ к национальной базе данных ДНК.

— Вы говорили о каких-то аномалиях. Что за аномалии?

«Том Хэнкс» переводит взгляд на своего това-

рища.

— Вы знаете, кто я такой?

— Профессор Томас Лалл.

— А не думаете, что я смог бы предложить более убедительную гипотезу относительно случившегося, нежели ваша? Если бы только знал, о чем вы говорите.

Любитель покачаться на стуле что-то обсуждает на хинди с «Томом Хэнксом». Томас никак не может понять, кто из них главнее.

— Хорошо, сэр. Как вам известно, мы находимся в состоянии войны с Авадхом. В целях отражения вероятной кибернетической атаки в наиболее важных местах нами установлено несколько сканеров — для перехвата медленных реактивных снарядов, разведчиков, диверсантов и тому подобного. Похищение различного вида удостоверений личности — довольно известный способ обеспечения проведения подрывных операций, поэтому архивы обычно оборудуются различными устройствами слежения. Сканеры, установленные в архиве ДНК, обнаружили в черепе вашей спутницы структуры, сходные с искусственными белковыми схемами.

Теперь уже Томас Лалл не может сказать, где здесь игра, где реальность, а где нечто вообще

принципиально иное. Он вспоминает о том шоке, который пережила Аж в поезде, когда узнала от него, что почти все в ее жизни строилось на лжи. Теперь она расплатилась с ним за тот шок в десятикратной мере.

«Том Хэнкс» подвигает Лаллу палм. Профессор не хочет смотреть, не хочет видеть чуждое, нечеловеческое внутри Аж, но все-таки поворачивает устройство к себе. Это псевдорентгенограмма в ложных цветах, составленная из инфразвуковых сканерных снимков. Очаровательный череп девушки предстает здесь в бледно-голубых тонах. Шары глаз, спутанная лоза зрительного нерва, жутковатые каналы пазух и кровеносных артерий здесь серые на сером. Аж — призрак самой себя. Самое призрачное — ее мозг, фантом разума в паутине нейронов. Но внутри призрака есть еще один фантом. Гроздья наносхем занимают почти всю внутреннюю поверхность черепа. А тилак — темный шлюз во лбу, подобный дарвазу в мечети. От него цепи и паутины белковых проводов идут сквозь лобные доли мозга, через центральную часть к темени; одновременно щупы ответвляются к мозолистому телу, туго оплетая лимбическую систему, глубоко проникая в спинной мозг и облекая затылочную долю

кольцом белковых процессоров. Мозг Аж скован цепями искусственной белковой схематики.

— Калки, — шепчет Лалл, и тут комната погружается в полную темноту.

Абсолютную, непроницаемую темноту. Никакого света, никакого аварийного освещения, ничего.

Томас вынимает из кармана палм. Какие-то голоса что-то истерически кричат в коридоре на хинди.

— Профессор Лалл, профессор Лалл, не двигайтесь!.. — Голос «Тома Хэнкса» звучит беспомощно и жалко. — Ради вашей же собственной безопасности. Я приказываю вам оставаться на месте до тех пор, пока я не выясню, что произошло!..

Голоса в коридоре становятся громче. Чирканье спички и вспышка света. Спичку зажег тот полицейский, что раскачивался на стуле. Три лица в маленьком кружочке света, за тем снова темнота. Томас движется быстро. Ловким движением пальцев он нащупывает гнездо памяти в палме полицейских и вскрывает его. Вновь чирканье спички, и Лалл быстро отдергивает руку. Вспышка света. «Том Хэнкс» стоит у двери. Голоса стали четче. Кто-то зовет, что-то спрашивает, другой отвечает. Спичка гаснет, но Томасу Лаллу кажет-

ся, что он видит, как из-под двери пробивается другой свет, скорее всего от фонаря. Он вынимает чип. Зажигается следующая спичка. Дверь открыта, «Том Хэнкс» разговаривает с каким-то полицейским. Тот, второй, стоит в коридоре, и его не видно.

— Что происходит? На Варанаси совершено нападение? — спрашивает Томас Лалл.

Вопрос повисает в воздухе. Догорает еще одна спичка.

Лалл вынимает чип памяти из собственного палма. Несколько ловких движений — и он поменял чипы. Разглядывая внутренность черепа Аж, он увидел и других призраков, которые могут подтвердить его подозрения по поводу того, что с ней сделали и почему.

— Ваша спутница сбежала, — говорит «Том Хэнкс», направляя луч света прямо в лицо Лаллу.

Тем временем руки профессора завершают работу с палмом.

— И как же ей удалось?.. — спрашивает он.

— А я надеялся, что вы мне это объясните...

— Все время я находился здесь, перед вами.

— Отключены все системы, — говорит «Том Хэнкс». Со ртом у него происходит нечто невообразимое. — Нам неизвестен даже масштаб

отключения. По крайней мере электричества нет во всем нашем районе.

— И она просто так взяла и ушла?

— Да, — отвечает полицейский. — Думаю, вы понимаете, что мы должны задержать вас для дальнейшего расследования.

Он взрывается потоком слов на хинди: любитель покачаться на стуле вскакивает и закрывает дверь. Томас Лалл слышит, как со стуком задвигается старый засов.

— Эй!.. — кричит он в полной темноте.

Взрослый мужчина, почти что пожилой, запертый в темной комнате для допросов в полиции... Его подозрения, его домыслы и предположения разрастаются, деформируются, превращаются в кошмары, толпящиеся вокруг него, давящие на него, душащие его. Нос для дыхания, рот для бесед. А ум для устрашающих фантазий. Калки... Она — Калки, последняя аватара. Единственное, что ему нужно сейчас, — это доказательство, которое он увидел на сканерной распечатке.

Спустя бесконечно длинный промежуток времени, который на самом деле — судя по настенным часам — составил всего десять минут, свет снова зажигается. Открывается дверь, «Том Хэнкс» отступает в сторону и впускает темно-

кожего человека в мокром плаще, по которому сразу же становятся ясны национальность и род занятий его владельца.

— Профессор Томас Лалл?

Лалл кивает.

— Я Питер Пол Роудз из консульства Соединенных Штатов. Пожалуйста, пойдемте со мной.

Он протягивает руку. Томас Лалл нерешительно пожимает ее.

— Что это значит?

— Сэр, приказ о вашем освобождении под мою ответственность выдан департаментом юстиции Бхарата на основании вашего дипломатического статуса в ведомстве иностранных дел.

— Иностранных дел?.. — Томас Лалл понимает, каким идиотом он выглядит... да, настоящим придурком, словно только что расколовшийся мелкий воришка. — Сенатору Джо О'Мэлли известно, что я нахожусь в отделении полиции в Бхарате, и он желает меня отсюда вызволить?..

— Совершенно верно. Я вам все объясню. Пожалуйста, пройдемте со мной.

Томас Лалл сует свой палм в карман и выходит за дверь. «Том Хэнкс» провожает их с Роудзом по коридору. Первый кабинет забит до отказа полицейскими. Кроме них, там сидит какая-то

женщина. Она встает с деревянной скамьи. У ее ног лужица дождевой воды. Вся одежда женщины промокла, волосы тоже мокры, лицо блестит от влаги. Она сильно похудела и немного постарела, но Лалл мгновенно узнает ее. Это вполне в духе безумия, начавшегося в комнате для допросов.

— Лиза Дурнау?..

43
Тал, Наджья

Восьми с половиной тысяч рупий достаточно, чтобы подкупить чаукидара. Он тщательно пересчитывает банкноты, проворно шевеля смуглыми пальцами, а Наджья Аскарзада тем временем проходит в фойе студии из стекла и мрамора. Затем чаукидар пропускает ее и ньюта сквозь большие стеклянные двери.

— Я не мог поверить, что это ты, Тал-джи, — кричит им вслед Панде, охранник, засовывая пачку денег, переданных ему Наджьей, в нагрудный карман своей куртки с высоким стоячим воротником. — В наше время ведь можно сделать любую фотографию...

— Они в меня стреляли, знаешь?.. — кричит Тал, направляясь к лифту.

Стеклянный лифт спускается, подобно яркой жемчужине, а Наджья Аскарзада думает: в кино так никогда не бывает. В кино они должны были бы пробиваться, отстреливаясь и отбиваясь руками и ногами, используя все возможные и невозможные приемы единоборств, существую-

щих в мире. Идеальная киногероиня не стала бы звонить родителям в Швецию с просьбой срочно переслать ей деньги на подкуп. Больше всего реального экшна было в том, как охранник Панде пересчитывал свое щедрое вознаграждение. И все равно у них получился весьма странный маленький заговор. Больше похожий на Болливуд, чем на Голливуд.

Потоки дождя струятся по стеклянным стенам «метамыльного» отдела. Все началось с того момента, как такси, в котором они скрывались целый день, прибыло ко входу в студию «Индиапендент продакшнс». Автомобильная стоянка представляла собой настоящие трущобы из каких-то хижинок из кирпича и картона, в которых укрывались группки поклонниц телесериальных звезд.

Тал быстро ведет Наджью мимо темных кабинок для индивидуальной работы к самому дальнему столу. Ньют пододвигает два стула, входит в систему, открывает панорамный экран, и они оказываются в Брампуре, городе, в котором происходят все события сверхпопулярного сериала студии «Индиапендент».

Тал проводит ее по улицам и гали, гхатам и торговым зонам виртуального города. Наджья по-

трясена. Мегаполис проработан до мельчайших подробностей, вплоть до реклам, объявлений и каждого фатфата на улице. В Брампуре сейчас так же, как и в Варанаси, ночь и идет дождь. Муссон пришел не только в реальный, но и в воображаемый город. Наджья гордится тем, что ей удалось посмотреть целую серию из «Города и деревни», но, даже не являясь большим знатоком сериала, она понимает, что в этом фантастическом городе есть целые районы, которые никогда не представали перед зрителем, и тем не менее они тщательно выстроены и постоянно поддерживаются дополнительными информационными мощностями — только для того, чтобы скреплять сюжетную логику бесконечного сериала.

Тал взмахивает своими изящными ручками, и их полет над городом иллюзий завершается перед стареньким разрушающимся хавели, расположенном на берегу. Здание кажется настолько реальным, что у Наджьи возникает ощущение, будто она может потрогать отваливающуюся штукатурку. Еще один взмах руками — и они проникают сквозь стены в обширный холл хавели Надьядвала.

— Ух ты! — восклицает Наджья Аскарзада.

На низких кожаных диванах различимы даже

мелкие трещинки.

— О, это не настоящий Брампур, — объясняет Тал. Еще один элегантный жест, и они переносятся вперед во времени. — «Актеры» полагают, что он и есть настоящий, но мы называем его «Брампур-Б». Здесь метагород, в котором развивается действие метасериала. Сейчас мы переносимся вперед на бракосочетание Чавла-Надьядвалы.

Наджья зачарована призраками будущих сюжетных линий, мелькающими в тихой комнате. День и ночь проносятся перед ее взором. Тал взмахивает рукой — и время замедляет свой ход. Теперь она видит отдельных людей, быстрым шагом проходящих по элегантному прохладному мраморному холлу. Ньют еще больше замедляет ход времени, и холл внезапно расцвечивается разноцветными занавесями. Тал взмахивает раскрытой ладонью, и время застывает.

— Вот, вот.

Ньют нетерпеливо щелкает пальцами. Наджья протягивает свой палм. Не отрывая взгляд от экрана, Тал переносит данные с него в свой компьютер. В середине холла открывается отверстие, которое заполняется фигурой Эн Кей Дживанджи. Изящным движением пальцев Тал приближает картинку, пока у нее не возникает четкого соот-

ветствия с фоном, затем останавливает, выделяет драпировки, удаляет их из мира Дживанджи и переносит в фантастический Брампур. Даже Наджье Аскарзаде видно абсолютное сходство.

— Все это должно произойти через шесть месяцев по нашему метасериальному времени, — поясняет Тал, а объектив тем временем перемещается по комнате вокруг застывших гостей в шикарных нарядах, вокруг симулякров реальных репортеров из глянцевых журналов, ожидающих прибытия виртуального жениха на белом коне. — Они существуют в нескольких временных фреймах одновременно.

Наджья вспоминает фантастический павильон Лал Дарфана — летающий слон, парящий высоко над Гималаями. Можем ли мы доверять своим воспоминаниям? — задавал он ей вопрос. Она занималась софистикой с актером-сарисином, но Тал играет в более изощренную игру, в мета-мета-игру.

Наджья помнит старую детскую сказку, которую ей однажды темным зимним вечером рассказала няня. Опасную, страшную сказку, какими бывают только настоящие сказки. Няня рассказывала, что волшебные царства находятся одно в другом, как матрешки. Каждое новое

царство меньше того, в котором оно находится, и так далее — до тех пор, пока, оказавшись в самом центре, вы должны будете уже протискиваться сквозь совсем маленькую дверцу, меньше горчичного зернышка, но и там находятся целые вселенные — и так до бесконечности.

— Мы подробнейшим образом расписываем все события на восемь месяцев вперед. Разве что погодой не занимаемся. Есть субсарисин, который предсказывает ее на ближайшие двадцать четыре часа, а затем сам все организует. Специальный сарисин, занимающийся новостями, разрабатывает тематику сплетен, предсказывает спортивные результаты и тому подобное. Главные персонажи находятся дальше на своих временных линиях, чем второстепенные, поэтому мы работаем сразу в нескольких временных измерениях.

— Это все безумно и странно...

— А мне нравится безумное и странное. Но суть заключается в том, что никто за пределами «Индиапендент» не имеет доступа к материалам, которые мы только что просмотрели.

— Значит, Сатнам?..

Тал хмурится.

— Сомневаюсь, что он может управлять си-

стемой. Ладно, держитесь. Перейдем к полному просмотру. Я подключаю вас.

Тал надевает хёк — пластик плотно прилегает к изгибу черепа ньюта — и помогает Наджье сделать то же самое. Пальцы у ньюта ловкие, легкие и очень мягкие. Девушка могла бы даже замурлыкать от восторга, если бы не понимала, что в данный момент занимается взламыванием закрытой информационной системы вместе с ньютом, которого ищут все спецслужбы и который, возможно, станет причиной скорого падения правительства. С тем самым ньютом, которого она спасла сегодня утром на вокзале от убийцы.

— Сейчас я войду в базу конфигурации системы. Вполне вероятно, что это вызовет у вас дезориентацию.

Наджья Аскарзада чуть было не опрокинулась на своем стуле. Она оказалась в самом центре огромной сферы, наполненной штрихами и тире регистровых кодов поверх темной комнаты и изгиба жидкого экрана, где по толстому синему стеклу к тому же льются потоки дождевой воды. Она — центр галактики данных. Куда она ни взглянет, от нее в разные стороны разбегаются бесчисленные коды. Тал энергично работает ру-

ками, и, повинуясь им, вращается вся сфера, а в поле зрения Наджьи адресные линии сливаются с данными. Ей становится дурно, голова кружится, девушка хватается за подлокотники кресла.

— Господи!..

— Ничего, привыкнете. Если кто-то влезал в мою очаровательную свадебку, он не мог не оставить следов в системном реестре, и именно их я и ищу. Самые недавние вводы находятся в центре, более давние отходят на периферию. А, вот...

Тал указывает на что-то малопонятное. Коды расплываются, как звезды при плохой видимости. Наджье кажется, что она чувствует особый информационный ветер у себя в волосах. И вдруг девушка застывает перед излучающим зеленое свечение участком кода. Сфера из мерцающих адресов файлов выглядит неизменной. Центр повсюду, окружность — нигде. Как вселенная...

Тал выделяет участок кода.

— А вот это действительно безумно странно.

— Вам ведь нравится все безумное и странное, — замечает Наджья.

— Сейчас как раз нет. Кто-то залез в мои проектные файлы, но я не узнаю кода. Такое впечатление, что этот кто-то проник изнутри...

— Какая-то другая часть программного обеспе-

чения получила доступ к вашим файлам?

— Больше похоже на то, как будто актеры сами переписывают свой сценарий. Я вхожу внутрь. Если у вас кружится голова, закройте глаза.

Наджья решает глаза не закрывать, и ее чуть не выворачивает наизнанку, когда вселенная из медленно плававших кодов вдруг делает рывок, деформируется и начинает вращаться вокруг нее. Если бы у девушки в желудке оставалась еще какая-нибудь еда, она обязательно оказалась бы сейчас на полу. Тал совершает невероятные прыжки с одного кластера кодов на другой.

— Очень, очень странно. Это действительно сделано изнутри, но не нашими актерами. Вот посмотрите. — Тал собирает охапку кодов и размещает их на решетке в пространстве. — Все биты здесь обычные. Чтобы сэкономить ресурсы памяти, мы делаем многих наших актеров-сарисинов более низких уровней субприложениями сарисинов более высокого уровня. Анита Махапатра содержит Нариндера Рао, госпожу Девган, бегум Вора, а они, в свою очередь, содержат, наверное, пятьдесят краснорубашечников.

— Краснорубашечников?

— Мелких статистов. Кажется, это американский термин. Вот список всех недавних

обращений к системе проектирования декораций. Видите? Кто-то постоянно входил в мои проектные файлы на протяжении последних восемнадцати месяцев. Но уж совсем диковинно то, что все обычные участки кода указывают на актера еще более высокого уровня. Такого, как Лал Дарфан, Апарна Чаула и Аджай Надьядвала. Создается впечатление, что здесь работает что-то еще, нечто, чего мы не способны увидеть, так как оно слишком велико.

В доме кремового цвета у воды был атлас величиной с маленького ребенка. Зимними вечерами, когда бухта замерзала, восьмилетняя Наджья с огромным трудом снимала его с полки, клала на пол, раскрывала и сразу же терялась в бесконечности пространств. Она часто играла с родителями в такую игру: нужно было на карте найти слово и попытаться попасть в него пальцем. Наджья очень скоро поняла, что для того, чтобы выиграть, надо быть громадным. Глаз, мечущийся по городам, деревушкам и станциям Матто-Гроссо, способен не обратить внимания на слово БРАЗИЛИЯ, растянутое по всей карте тусклыми серыми буквами размером с ее большой палец. И эти большие буквы теряются среди мелких, но компактных названий.

Наджья снова возвращается из спирального танца кодов Тала в темную комнату. Она внутри большого куба из дождя. Сценарий, написавший сам себя? «Мыльная опера», подобная семи миллионам богов Индии? Аватары и эманации, нисходящие по уровням божественности от Брахмана, Абсолюта, Единого...

И тут девушка видит, как Тал отскакивает от компьютера с открытым от ужаса ртом. Рука ньюта поднята в жесте, обозначающем защиту от дурного глаза. Одновременно она видит Панде, влетающего в помещение в своей куртке с высоким воротником и в желтом тюрбане.

Тал:

— Но это невозможно...

Панда:

— Сэр, мадам, сэр, мадам, быстрее, быстрее, быстрее, премьер-министр...

В то же мгновение хёк Наджьи Аскарзады включается на полную мощность, и она уносится от Тала, от Панды, из «Индиапендент» в муссонный ливень, в светлое, высокое место среди облаков. Она прекрасно знает, где находится. Она уже бывала здесь. Она в летающем павильоне Лала Дарфана — огромный слон, парящий над Гималаями. Но человек, сидящий перед ней на

мягких подушках, вовсе не Лал Дарфан. Это Эн Кей Дживанджи.

44
Шив

Йогендра правит лодкой среди потока горящих дийя. Муссонные ветры подняли волнение на Ганге, но маленькие хрупкие тарелочки из листьев манго стойко покачиваются на неспокойной воде. Шив сидит, скрестив ноги, под пластиковым навесом, крепко сжимая планшир и пытаясь сохранить равновесие. Он молится о том, чтобы их не перевернуло. Шив бросает взгляд на Йогендру, который сидит на корточках на корме, твердой рукой держит румпель спиртового мотора и внимательно всматривается в реку. Он весь в крупных каплях дождя, вода течет у него с волос по лицу, одежда прилипла к телу. Шив невольно вспоминает крыс, плавающих в придорожных сточных канавах. Но на шее Йогендры ярко сияет жемчужное ожерелье.

— Качай, качай, — говорит Йогендра.

Шив наклоняется к маленькому бортовому насосу. Ручной насос не справляется с дождевой водой, наполняющей лодку — удобное американское спортивное суденышко, разрисованное

в стиле северо-западной Океании, хотя Шив, естественно, предпочел бы изображение глаза Шивы.

Воды в лодке становится все больше и больше. А это уже та ситуация, в которой Шив не может вести себя спокойно. Дело в том, что он не умеет плавать. Как у истинного раджи, его общение с водой сводится к лежанию в мелком бассейне в окружении девушек и подносов с напитками.

Только бы доплыть до Чунара.

— Вы сойдете на берег где-нибудь здесь.

Ананд раскладывает большие карты района Чунара на кофейном столике. Кофе кипит на горячем песке в бронзовой кофеварке. Ананд тычет пальцем в карту.

— Городок Чунар находится примерно в пяти километрах к югу. Я называю его городком только из чистого уважения к его местоположению у моста через Ганг. На самом же деле Чунар — страшная сельская дыра, полная всякого дерьма типа зоофилии и кровосмешения. Интерес там может представлять только старый форт. Вот у меня есть снимки...

Ананд раскладывает пачку глянцевых фотографий. Шив быстро просматривает их. История Ганга в конечном итоге и есть история укреплен-

ных фортов, подобных Чунару, выраставших по исторической необходимости на вдававшихся в реку отмелях и на вершинах холмов у изгибов реки, притягивавших к себе власть, династические распри, интриги, тюрьмы, осады, кровавые столкновения. Он задерживает взгляд на интерьерах, на ветшающих архитектурных шедеврах Великих Моголов.

— Раманандачарья, конечно, мерзкое дерьмо, но он единственный серьезный бизнесмен в городке. Так же, как и Сундарбан. У него есть центр обработки вызовов. Вам нужно проникнуть в систему, посмотреть, что он задумал. Также необходимо проникнуть и в кредитный черный список. Код взломают, пока вы будете ждать... Каждый адиваси верен своему хозяину. Вы проникаете внутрь, делаете свое дело, уходите, не тратя времени на благодарности и поцелуи. Что же касается охраны в форте Чунар...

Самолет летит так низко и так громко ревет, что Шив инстинктивно прикрывает голову руками. Йогендра стоит на корме и следит за огнями пролетевших машин. Четыре военных аппарата, летящие четким строем. Шив видит, как сверкают зубы Йогендры в отсветах городских огней.

— Качай, качай!..

Шив продолжает давить на скрипучий насос. Он видит, как вода растекается вокруг запечатанных пластиковых пакетов. О, с каким удовольствием он выбросил бы за борт весь этот бессмысленный хлам и стал бы руками вычерпывать воду! Это всё американцы и их чертовы механизмы. Нечто такое, что способно сделать все что угодно. Когда же вы наконец поймете, что люди лучше и дешевле? Стоит их разок наказать — и они сразу всему научатся.

Раскаты грома смещаются дальше к западу. Но ливень удваивает свою силу. На левом берегу огни промышленных предприятий уступают место тяжелому силуэту из песчаника — форт Рамнагар, импозантный самозванец, такой элегантный в подсветке прожекторов. Йогендра проводит лодку под мостом. Шив рассматривает Рамнагар. Террасы и павильоны над его красными стенами, основанием уходящими в воду. Стой там, думает Шив. Жди, пока я вернусь и повезу твою сестру вверх по течению, и тогда мы посмотрим, каким гордым ты будешь со всеми своими стенами и башнями. Задача для настоящего раджи: взять штурмом крепость. Не в результате долгой осады, не во главе тысячи слонов, но хитростью, талантом. Шив Фараджи — герой в стиле «экшн».

И вот быстрая маленькая лодочка приближается еще к одному мосту. Йогендра почуял течение и правит к нему. Грузовик съехал с дороги и увяз в мелководье, превратившись в металлический топляк, в котором уже почти невозможно различить признаки транспортного средства. Однако вода вокруг все еще пахнет спиртовым топливом. Но чувствуется и еще какой-то посторонний аромат. Шив поднимает голову и чувствует одуряющее благоухание бархатцев. Запах — ключ памяти. Мгновенное воспоминание: да, так было в прошлый раз, когда толстые покрышки его «мерседеса»-внедорожника давили лепестки цветов, а машина поднималась вверх по берегу. Бархатцы маскируют смерть. Шив вспоминает раздувшееся тело, которое он тогда сбросил в воды Ганга. Теперь он сам плывет по ним. Шив повторил путешествие трупа — в сторону, противоположную мокше.

— Эй!.. — Йогендра снимает один наушник, идущий от его палма, и протягивает Шиву. — Радио Каши.

Шив ловит станцию. Напряженные голоса, перекрывая друг друга, говорят о войсках, столкновениях в воздухе, боевых механизмах. Кунда Кхадар. Авадхи взяли Кунда Кхадар. Авадхи

вторглись на священную землю Бхарата. Авадхи вот-вот захватят Аллахабад, святой Аллахабад Кумбх Мела. Войска Саджиды Раны бегут, как мыши с горящего жнивья. Хваленые джаваны Саджиды Раны бросили оружие и подняли руки. В планы Саджиды Раны входило погубить Бхарат. Саджида Рана предала Бхарат, опозорила Бхарат, погубила Бхарат. Что теперь будет делать Саджида Рана?

Шив выключает радио.

— Какое это к нам имеет отношение? — говорит он Йогендре. — Слоны воюют, а крысы занимаются своим делом.

Слуга наклоняет голову и ведет лодку дальше сквозь стену дождя.

— Неплохой набор. Не супер, конечно, но неплохой. Я вам кое-что объясню. Вот плазменные тазеры. Вам известно, как они работают? Научиться несложно. Палец жмет сюда, на желтую клавишу. Наводите и стреляете. Вам даже особой нужды нет хорошо прицеливаться, в этом и заключается главное преимущество тазеров, которое должно сделать их вашим любимым оружием. В канистре достаточно газа для двенадцати выстрелов. Но вам хватит и пяти. Когда закончите, просто бросьте их. Они уже будут бесполезны.

Тазеры способны останавливать и механизмы, но лучше всего их использовать против биологических объектов. Наш человек Раманандачарья — технарь по полной программе, что является его главнейшей слабостью, хотя и он позволяет себе немного человеческой плоти — в основном для секса и охраны. Он любит женщин. Просто обожает. У него комплекс Джеймса Бонда, как говорит Мукерджи.

Ну, вы видели крепость? Не знаю, носят ли они сейчас узкие красные комбинезоны, но я бы рекомендовал вам парочку продырявить просто ради интереса. А каждый мужлан там — его верный слуга. В довершение ко всему у Раманандачарьи еще есть пара настоящих крутых ребят с хорошим оружием и знанием боевых единоборств. По крайней мере так говорит Мукерджи. Но с ними тоже можно справиться. Главное — не подпускать слишком близко. Как вы думаете, женщины там в красных комбинезонах?.. Дайте мне посмотреть фотографии. Тазеры для его болванов. Для техники вам нужно будет специальное оружие. Вам понадобятся вот эти милашки. Гранаты, генерирующие электромагнитный импульс. Они в большой моде. И очень впечатляют. Все равно что поливать скорпионов керосином. Просто

убедитесь, что вы не в отключке, не слепы, не глухи, не немы.

Также будьте осторожны с программным обеспечением. Не знаю, нужно ли мне это говорить, но они выведут из строя любую программу. Теперь о суддхавасе, где Раманандачарья хранит свои дескрипторы. Он переоборудовал старый храм Шивы на территории форта. На карте это вот тут... Ключ не будет очень большим, возможно, всего несколько гигов, но я не рекомендую пересылать его по почте. Он весь поместится у вас на палме. Просто будьте, пожалуйста, поосторожнее с электромагнитным излучением поблизости от него. У вас есть имя главного файла и ключ, поэтому даже вы сможете вытащить его из суддхавасы. Зачем нашему любимому Дживанджи все это нужно, я не знаю, но, собственно, не наше дело задаваться подобными вопросами.

Теперь о возвращении... Здесь, как правило, тоже бывают проблемы. Но помните: нельзя терять времени. Добираетесь туда, забираете то, что нужно, и смываетесь, ни на что не отвлекаясь. Всякие задержки крайне опасны. Убирайтесь и не останавливайтесь. Нигде и ни с кем не общайтесь, и в первую очередь с сельскими болванами. В тазерах заряда больше, чем достаточно. Если

почувствуете, что за вами гонятся, оставьте за собой второе «минное поле». Возвращайтесь на лодку, а потом сюда — и вы свободный, свободный человек, Шив Фараджи, и я первым буду поздравлять и приветствовать вас как бога и друга. Вы спрашиваете, откуда мне все это известно? А как вы думаете, чем я занимаюсь целыми днями? Играю в компьютерные игры и смотрю долбаные боевики. Откуда все всё знают?..

После полуторачасового путешествия вверх по течению муссонный ливень немного утих и перешел в обычный дождь. Шив отрывает глаза от игры «Коммандос атакуют» на палме. Вот будет потеха, если после трехлетней засухи и войны за воду спасительный муссон весь изольется за одну ночь.

За Рамнагаром река становится темнее самой тьмы. Йогендра ведет лодку, ориентируясь по навигационным знакам на отмелях и по собственному интуитивному чувству течения. Шиву послышался скрип песка под корпусом. Отмели возникают и перемещаются чаще, чем их могут определить спутники с высоты в десять тысяч километров. Лодка качается, Йогендра бросает румпель. Лодку выносит на берег. Йогендра пролезает под навесом и спрыгивает на землю.

— Ну давай, давай.

Береговой песок мягкий, скользкий, его постоянно уносит течением прямо из-под ног Шива. Темнота здесь непроглядная. Шив напоминает себе, что находится всего лишь в нескольких десятках километров от своего клуба. Гроздь огней к югу — Чунар. В бескрайней тишине сельской ночи слышны лишь непрерывный гул транспорта на понтонном мосту и звук сливаемой воды на экстракционных установках ниже по реке. Иногда откуда-то издалека до них доносится тявканье шакалов и бродячих собак. Шив быстро вспоминает о деле. Он распределяет тазеры. Имя файла Хеймана Дейна и системный ключ находятся в палме толстяка, который висит на шее у Шива.

Среди полей Чунара, обнесенных колючей изгородью, Шив готовится к бою. Полнейшее безумие... Он же погибнет среди этих полей и костей.

— Ладно, — говорит Шив и судорожно вздыхает. — Выкатывай.

Вместе с Йогендрой они вытаскивают на песок два громоздких, плотно упакованных куба. Сквозь пластиковую оболочку проступают ребра и перекладины, изгибы и выпуклости. В руке у Йогендры сверкает длинное лезвие.

— Что это? — спрашивает Шив.

Йогендра протягивает ему нож, повернув его таким образом, чтобы на лезвии блеснули горящие вдалеке огни городка. Нож длиной с предплечье, зазубренный, загнутый на конце, с предохранительным кольцом. Двумя взмахами Йогендра вскрывает пластиковую упаковку, затем вставляет оружие в кожаные ножны, которые носит постоянно. В пластиковой упаковке лежат два новеньких хромированных японских мотоцикла. Они заправлены топливом и полностью готовы к использованию.

Мотоциклы заводятся мгновенно. Шив садится на свой без размышлений. Йогендра же катит аппарат по песку, чтобы проверить его возможности. Шив делает ему знак, и сделанные в Йокогаме мотоциклы несутся по залитым водой полям.

45
Развязка Саркханд

В одиннадцать тридцать группка зонтиков переместилась с крыльца бхавана Ранов к «мерседесу», припаркованному на гравийной дорожке. Зонтики белого цвета, весьма необычный оттенок. Они прижимаются друг к другу, словно римская фаланга. Нельзя пропустить ни капли воды. Дождь превратился в настоящий поток с небес, во всезатопляющий ливень, перемежающийся тяжелыми раскатами грома. В самом центре куполообразного навеса из зонтов — премьер-министр Саджида Рана. На ней белое шелковое сари с зеленой и оранжевой отделкой. Сегодняшней ночью она должна осуществить одно из самых важных предприятий в своей жизни. От его успешности зависит безопасность ее страны и устойчивость ее власти. По всему Варанаси от изящных правительственных бунгало отъезжают совершенно одинаковые «мерседесы».

Зонтики прижимаются к автомобилю, словно поросята к соскам свиноматки. Без единой капли дождя на одежде Саджида Рана усаживается на

заднее сиденье автомобиля. Она всегда инстинктивно садится с левой стороны. Справа должен сидеть Шахин Бадур Хан с готовым анализом ситуации, рекомендациями, прогнозами. Когда дверца захлопывается и машина отъезжает, врезаясь в пелену дождя, Саджида Рана внезапно чувствует себя очень одинокой. Она чувствует себя тем, кем на самом деле является, — немолодой женщиной, взгромоздившей себе на плечи груз проблем целой страны. Зонтики разбегаются врассыпную, а затем снова бросаются под защиту обширной веранды бхавана Ранов.

Саджида Рана поспешно просматривает наскоро подготовленные документы. Факты представлены скудно и поверхностно. Нападение авадхов прошло технически безупречно. Великолепно. Бескровно. В военных учебных заведениях его будут изучать на протяжении многих столетий. Бронетанковые войска и механизированная пехота авадхов находятся на расстоянии двадцати километров от Аллахабада, противовоздушные и коммуникационные системы стали жертвами кибератаки. Войска в полном хаосе. Военное руководство на дамбе Кунда Кхадар обезглавлено и в отчаянии пытается восстановить связь с дивизионным штабом в Джаунпуре. И к тому же идет

непрерывный дождь. Саджида Рана проигрывает свою войну за воду в дождь. Он пришел слишком поздно. Ее страна может погибнуть от жажды посреди потопа.

Они все знали. Подонки просчитали все до минуты. Саджида Рана пытается представить, как будет произносить фразу о капитуляции. Неужели она не задохнется от этих слов, неужели они не застрянут у нее в горле? Но, может быть, они прозвучат сухо и едко или же вылетят просто, без усилия, как слова мусульманина, сообщающего своей жене о разводе? Талаак, талаак, талаак.

Хан... Неверный мусульманин... Изменил ей... И с кем? Точнее, с чем? В тот самый момент, когда ей больше всего нужны его слова, его понимание, само его присутствие рядом с ней на кожаном сиденье кремового цвета... Если бы Дживанджи и его присные знали, что она едет, сидя на коже коровьего цвета... Пусть Дживанджи сделает вашу работу для вас, говорил Хан. А теперь он проедет на своей колеснице по ее костям...

Нет! Она — Рана, дочь основателя государства, родоначальника династий. Она и есть Бхарат. Она будет сражаться. И пусть Ганг переполнится кровью.

— Куда мы едем?

— Сильное движение, мэм, — невпопад отвечает шофер.

Саджида Рана откидывается на сиденье и смотрит в залитое дождевой водой окно. Неоновые огни, свет фар, яркая разноцветная иллюминация Дивали на грузовиках. Она нажимает кнопку коммуникационного устройства.

— Мы едем к Бхарат Сабхе каким-то необычным путем.

— Да, мэм, — отвечает водитель и увеличивает скорость. Саджида Рана теряет равновесие, ее отбрасывает назад.

Она хватается за ручку дверцы, зная, что делает глупость, понимая, что дверца надежно закрыта. Она берет палм, вызывает охрану, а скорость «мерседеса» уже достигла ста двадцати километров в час.

— Говорит премьер-министр. Срочный вызов. Подключите меня к системе общего оповещения. Меня похищают, повторяю, говорит Саджида Рана. Меня похищают...

В ответ раздается злобное шипение. Затем звучит голос начальника ее охраны:

— Премьер-министр, я ничего делать не собираюсь. Теперь никто вам не поможет. Вы предали священный Бхарат, и Бхарат вас за это накажет.

Он замолкает. «Мерседес» поворачивает на развязку Саркханд, и тут же со всех сторон доносятся вопли.

ЙОТИРЛИНГА

46
Все вместе

Аэробус «Бхаратийя вайюсена» А-510 поднимается среди гряды облаков над Варанаси. Ашок Рана, чувствуя, как его слегка подбрасывает в кресле, крепко хватается за подлокотники. Он всегда плохо переносил полеты.

Ашок смотрит в залитый дождем иллюминатор на яркие дуги огней, которые самолет оставляет за собой. Фюзеляж вибрирует, когда радиоуправляемые роботы сходят с подкрыльевых пилонов. На протяжении нескольких последних дней в воздушном пространстве над Варанаси не было заметно никакой активности авадхов. Но в ВВС понимают, что с новым премьер-министром шутки плохи. По углу падения капель на стекло, наверное, можно высчитать скорость, думает Ашок Рана. С тех пор, как ночью ему позвонил его секретарь Нарвекар, в голову Ашоку Ране стали приходить какие-то странные, неуместные мысли.

Самолет снова делает рывок, прорываясь сквозь муссонное облако. Ашок Рана включает

персональный экран. Появляется изображение его жены и дочерей, сидящих в отсеке для прессы. Лицо Сушмиты искажается от страха при очередном толчке. Ануджа пытается ее успокоить, берет за руку. Премьер-министр Ашок Рана позволяет себе легкую, едва заметную улыбку. Как жаль, что перед ним нет камеры, что бы его могли видеть подданные. Его бы перестали бояться, если бы увидели.

— Господин премьер-министр.

Личный секретарь поворачивает к Ашоку свое кресло и передает ему распечатку с множеством исправлений.

— Черновик вашей речи на тот случай, если вы захотите ознакомиться с ее ключевыми положениями.

Аэробус с премьер-министром на борту делает последний рывок и выходит из облака. В иллюминатор Ашок Рана видит залитую лунным светом поверхность грозового облака. Внезапно пластиковая труба фюзеляжа наполняется звуками телефонных звонков. Все политики и государственные служащие встают с мест и собираются вокруг центрального стола. На лицах у всех напряженное ожидание. Это выражение осталось у них с тех самых пор, как секретарь Нарвекар и ми-

нистр обороны Чаудхури вышли из самолета ВВС Бхарата, приземлившегося в саду Ашока Раны, и затем проводили его самого и членов его семьи на борт. Председатель верховного суда принял у него присягу в отдаленном, но безопасном углу аэропорта, куда уже подогнали аэробус. Медсестра из полевого госпиталя в белых хирургических перчатках проколола Ашоку большой палец, приложила его к диагностической подушечке и еще до того, как Рана почувствовал боль, вытерла ранку медицинским спиртом и забинтовала.

— Рутинный анализ ДНК в целях подтверждения идентичности, господин премьер-министр, — объяснил Тривул Нарвекар, но Ашок Рана его не слушал.

Все его внимание сосредоточилось на офицере ВВС, который стоял за спиной у медсестры, приставив пистолет ей к затылку. Потерять одного премьер-министра — трагедия. Потеря второго будет выглядеть уже как заговор.

Затем в поле его зрения появилось лицо председателя верховного суда Лаксмана.

— Господин премьер-министр, я передаю вам государственную печать. С этого момента вы наделены всей полнотой исполнительной власти.

А-510 плывет по направлению к огромной бха-

ратской луне. Ашоку Ране кажется, что он мог бы созерцать ее бесконечно, забыв о том, что там, внизу, под облаками, пребывающая в хаосе, разорванная на части страна. Но присутствующие выжидающе смотрят на него. Он бросает взгляд поверх распечатки, которую держит в руках. Четко выверенные предложения, запоминающиеся сочетания слов с хорошо продуманными и отмеченными в тексте паузами, решительные фразы и вдохновенные призывы. Ашок Рана снова смотрит в маленький экран на свою семью.

— Тело моей сестры найдено?

Мгновенно все голоса, все палмы умолкают.

— Район занят войсками, — говорит секретарь Нарвекар.

— А мы можем доверять армии?

— Мы направили туда регулярные силы. На них мы можем положиться. Небольшая группа заговорщиков состояла из бойцов элитных подразделений, из числа которых набиралась личная охрана ее превосходительства. Ответственные за происшедшее уже находятся под арестом. К несчастью, некоторые высокопоставленные офицеры покончили с собой. Мы не успели им помешать. Вся личная охрана госпожи премьер-министра мертва, к сожалению.

Ашок Рана закрывает глаза, чувствует контур стратосферы, облекающий его аэробус.

— Не авадхи...

— Нет, господин премьер-министр. Несерьезно полагать, что авадхи могли когда-либо пойти на убийство главы нашего правительства.

— Бунтовщики?

— Разбежались, господин премьер-министр. Ситуация в городе остается крайне неустойчивой. Я бы вам не рекомендовал в ближайшее время возвращаться в Варанаси.

— Не надо их преследовать. Моральный дух нации и армии и без того оставляет желать лучшего, а если мы еще станем использовать войска против населения... ну... вы понимаете меня... Но военное положение отменять не следует.

— Очень мудрое решение, господин премьер-министр. Великодушие перед лицом общенационального кризиса... Я думаю, что это будет очень хорошо воспринято народом. Господин премьер-министр, мне не хотелось бы выглядеть излишне назойливым, в особенности в нынешней тяжелой ситуации, однако ваша речь... Очень важно, чтобы народ услышал вас, и как можно скорее.

— Но можно ведь немного подождать, Тривул.

— Господин премьер-министр, она уже внесена

в расписание трансляции, камеры и устройства звукозаписи установлены в медиацентре...

— Немного подождем, Тривул!

Секретарь кланяется и отходит в сторону, но Ашок Рана видит отчетливую гримасу раздражения у него на лице. Он вновь бросает взгляд на луну, переместившуюся на запад, ближе к горизонту. Теперь она находится на краю серебристого моря, изливающегося с небес на его страну. Никогда больше Ашок не сможет смотреть на лениво плывущее по небу ночное светило без того, чтобы не вспомнить эту ночь, мелодичный звон палма, разбудивший его, и ужас, мгновенно скрутивший ему внутренности, — ужас от четкого понимания: сейчас он услышит самое худшее. Понимание пришло еще до того, как Ашок узнал страшную новость, сообщенную размеренным, хорошо поставленным голосом личного секретаря Патака, столь необычным после привычной мягкой фамильярности Шахина Бадур Хана. Еще до того, как до него донесся грохот приземляющихся самолетов, сбивавших ветки с деревьев. Еще до того, как его жена и дети начали поспешно одеваться и собирать вещи в полной темноте из страха оказаться удобной мишенью для той таинственной силы, что обрушилась на дом Ранов...

Свет луны теперь для него всегда будет сопровождаться звуками, связанными с воспоминаниями об ужасе. И это — самое нестерпимое: они навеки запятнали красоту луны...

— Викрам, мне хотелось бы знать, можем ли мы отразить агрессию авадхов?

Чаудхури наклоняет голову.

— ВВС готовы практически на сто процентов.

— Войну невозможно выиграть только одними военно-воздушными силами. Как насчет армии?

— Мы рискуем расколоть все командование, если начнем слишком далеко прослеживать корни заговора. Ашок, если авадхи захотят взять Аллахабад, мы вряд ли что-то сможем сделать, чтобы помешать им.

— А что относительно наших ядерных и химических средств сдерживания?

— Господин премьер-министр, вы, конечно же, не являетесь сторонником использования их первыми? — вмешивается в их беседу секретарь Нарвекар.

И вновь Ашок Рана поворачивается к нему.

— Наша страна стала жертвой наглого вторжения, наши города беззащитны перед врагом, моя сестра была брошена... на растерзание... разъяренной толпе ее же собственными солдатами.

А вы знаете, что они сделали этим своим тришулом? Знаете?.. Что мне делать, чтобы защитить нас? Что мне делать, чтобы сохранить нас всех в безопасности?!

На всех лицах читается смиренное, не слишком эмоциональное согласие с тем, что сейчас выкрикивает Ашок Рана. Сам он чувствует, что находится на грани истерики. Но не пытается взять себя в руки и остановиться. Переборка между конференц-залом и медиацентром украшена современной версией «Тандаванритья», космического танца Шивы. Бог в венке из чакры пламени, приподнявший одну ногу в танце. В тени этой поднятой ноги, которая когда-нибудь разрушит и вновь возродит вселенную, Ашок Рана прожил все свои сорок четыре года.

— Извините, — говорит он. — Вы понимаете, что время для меня не очень простое.

Политики бормочут нечто, что, по-видимому, означает согласие.

— Наши ядерные и химические средства находятся в полной боевой готовности, — говорит Чаудхури.

— Это все, что я хотел от вас услышать, — произносит Ашок Рана. — Теперь давайте вашу речь...

Младший адъютант, отсалютовав, прерывает

его:

— Господин премьер-министр, вам срочный звонок.

— Я же совершенно ясно сказал, что не отвечаю ни на какие звонки. — Ашок Рана подпускает немного льда в интонацию.

— Саиб, звонит Дживанджи.

Все сидящие за овальным столом обмениваются напряженными взглядами. Ашок Рана кивает адъютанту:

— Я слушаю.

Он постукивает по экрану перед собой. В отсеке для прессы его жена и дети спят, прислонившись друг к другу. Их место на мониторе занимают голова и плечи лидера шиваджистов, подсвеченные неярким светом настольной лампы. У него за спиной что-то напоминающее ряды книг на полках.

— Дживанджи. Вы дерзкий человек.

Эн Кей Дживанджи слегка наклоняет голову.

— Я понимаю, почему вы так думаете, господин премьер-министр. — Титул в устах Дживанджи звучит как пощечина. — Прежде всего я хочу выразить вашей семье, в особенности супругу вашей покойной сестры и детям, мои искренние соболезнования по поводу трагической утраты.

Уверен, что во всем Бхарате не найдется никого, кто не был до глубины души потрясен тем, что произошло на развязке Саркханд. Я возмущен этим зверским убийством. А мы ведь называем себя матерью цивилизаций. Я безоговорочно осуждаю предательство со стороны личной охраны покойной госпожи премьер-министра и преступных элементов из числа толпы. И прошу вас поверить, что никто из партии «Шиваджи» не имеет никакого отношения к упомянутому чудовищному преступлению. Виновником является озверевшая толпа, подстрекаемая предателями и ренегатами.

— Я мог бы отдать приказ о вашем аресте, — заявляет Ашок Рана.

Министры и советники бросают на него обеспокоенный взгляд. Эн Кей Дживанджи нервно облизывает губы кончиком языка.

— И какая бы польза была от этого Бхарату? Нет, у меня есть другое предложение. Враг у ворот, наша армия бежит, в городах волнения, лидер страны зверски убит. Сейчас не время для партийных распрей. Я предлагаю создать правительство национального спасения. Как я уже сказал, Партия Господа Шивы никоим образом не причастна к организации страшного преступления. Тем

не менее мы сохраняем некоторое влияние на хиндутву и на умеренную часть карсеваков.

— Вы можете навести порядок на улицах?

Эн Кей Дживанджи качает головой.

— Ни один политик не сможет вам этого обещать. Но в такое сложное время противодействующие партии, выступившие в коалиции в правительстве национального спасения, покажут прекрасный пример не только бунтовщикам, но и всему народу Бхарата, и авадхам. Единую нацию не так-то легко победить.

— Спасибо, господин Дживанджи. Ваше предложение интересно. Я вам перезвоню. Спасибо за ваши добрые пожелания. Я их полностью принимаю.

Ашок Рана с силой нажимает на кнопку — так, будто хочет растереть Дживанджи, словно мерзкое насекомое, — и поворачивается к членам своего кабинета.

— Ваша оценка, господа.

— Это будет сделка с демонами, — говорит Чаудхури. — Но...

— Он все очень хорошо продумал, — говорит председатель верховного суда Лаксман. — Очень умный человек.

— Не вижу никакой приемлемой альтернати-

вы, кроме как согласиться на его предложение, — замечает Тривул Нарвекар. — С двумя поправками. Во-первых, упомянутое предложение делаем мы. Именно мы протягиваем руку политическим противникам. Во-вторых, некоторые посты в правительстве должны быть переданы нам без обсуждения.

— Он что, потребует посты в правительстве? — спрашивает Ашок Рана.

Секретарь Нарвекар даже не пытается скрыть свое искреннее изумление от слов премьер-министра.

— А по какой же другой причине, по вашему мнению, он вообще все это предлагал? Мое мнение: нам следует удерживать за собой руководство государственным казначейством, министерством обороны и министерством иностранных дел. Извините, господин председатель верховного суда.

— А что же мы предложим нашему новому другу Дживанджи? — спрашивает Лаксман.

— Не думаю, что он согласится на меньшее, чем пост министра внутренних дел, — отвечает Нарвекар.

— Черт! — бормочет Лаксман, поднося к губам стакан с виски.

— Нам следует понимать, что это будет совсем не мусульманский брак, и расторгнуть его нам будет непросто, — замечает Нарвекар.

Ашок Рана снова включает экран, чтобы посмотреть на жену и детей, которые спят, прижавшись друг к другу, на дешевых местах для прессы. На часах уже четыре пятнадцать. Голова Ашока раскалывается, затекшие ноги кажутся распухшими, в усталые глаза словно песка насыпали. Всякое чувство времени, пространства и перспективы исчезло. В какие-то мгновения от режущего глаза и усиливающего мигрень освещения ему кажется, что он плавает где-то далеко, в чужой вселенной.

Неожиданно Чаудхури начинает говорить о Шахине Бадур Хане:

— У него все получилось как раз наоборот. Бегум требует развода, а не муж...

Мужчины тихонько посмеиваются.

— Вам следует признать, что он уже ушел в небытие, — говорит Нарвекар. — Двадцать четыре часа — очень большой срок в политике.

— Никогда ему не доверял, — отзывается Чаудхури. — Всегда считал, что в нем есть что-то скользкое. Слишком воспитан, слишком вежлив...

— И слишком мусульманин? — спрашивает Нарвекар.

— Вы сами сказали... В общем, что-то не совсем... мужественное. И кстати, я не уверен, что соглашусь с вашим мнением на тот счет, что он ушел в политическое небытие. Вы говорите, что двадцать четыре часа — очень много. А я, со своей стороны, напомню вам, что в политике нет ничего, что бы не было так или иначе связано со всем остальным. И один выпавший камешек может увлечь за собой целую лавину. Из-за одного гвоздя в подкове лошади была проиграна целая битва. Бабочка в Пекине и тому подобное... У истоков всего случившегося стоит Хан. И ради его же собственного благополучия он должен был уже давно покинуть Бхарат.

— Евнух! — комментирует Лаксман. В его стакане бренчит лед.

— Господа, — произносит Ашок Рана. Собственный голос кажется ему чужим и звучащим откуда-то издалека. — У меня погибла сестра.

Выдержав пристойную паузу, он повторяет свой вопрос:

— Итак, каков будет наш ответ господину Дживанджи?

— Он получит свое правительство националь-

ного спасения, — отвечает секретарь Нарвекар. — После произнесения вами речи.

Референты выверяют исправленный вариант речи. Ашок Рана просматривает распечатку и вносит синей ручкой пометки на полях. Правительство национального спасения... Протянуть руку дружбы... Сила в единении... Переживем трудные времена, сплотившись в единый народ, единую нацию... Единая нация непобедима...

— Господин премьер-министр, пора, — говорит Тривул Нарвекар.

Он ведет Ашока Рану в студию, расположенную в передней части аэробуса. Она немногим больше обычного туалета в самолете: камера, подвесной микрофон, стол, стул, флаг Бхарата, свисающий с древка, редактор и звукооператор за стеклянной панелью. Звукооператор показывает Ашоку Ране, как поднимается столик, чтобы можно было сесть на стул. Премьер-министра пристегивают ремнем на случай неожиданного толчка. Ашок Рана обращает внимание на запах ароматизированного лака для мебели. Молодая женщина, лица которой он не помнит, но которая явно принадлежит к его информационной группе, повязывает ему новый галстук с булавкой в виде бхаратского прядильного колеса и пытается при-

вести в порядок волосы и потное лицо Ашока.

— Сорок секунд, господин премьер-министр, — говорит Тривул Нарвекар. — Текст речи будет выводиться на экран перед камерой.

Ашока Рану внезапно охватывает паника: что делать с руками? Сжать? Скрестить? Просто положить перед собой? Или жестикулировать ими?..

Теперь говорит редактор:

— Спутниковая связь включена. Начинаем обратный отсчет: двадцать, девятнадцать, восемнадцать, красный огонек означает, что камера работает, господин премьер-министр, телесуфлер включен... Включаем видеотерминал... шесть, пять, четыре, три, два... и телесуфлер.

Ашок Рана наконец решает, что он должен делать с руками. Он просто кладет их на крышку стола.

— Мои соотечественники. Бхаратцы, — читает он. — С тяжелым сердцем обращаюсь я к вам сегодняшним утром...

В саду, промокшем от ливня...

Капли дождя раскачивают тяжелые листья вьющихся растений — никотианы, клематиса, лозы киви. Дождевая вода, черная и пенящаяся от песка, потоком течет из дренажных отверстий в грядках и клумбах. Дождь льется по резным

бетонным плитам, бурлит в канавках и канальцах, пляшет в отводных трубках, скачет в стоках и сливах, каскадами водопадов низвергается из провисших желобов на улицу внизу. От дождя шелковое сари липнет к плоскому животу Парвати Нандхи, к ногам, к маленьким грудям. От дождя ее длинные черные волосы приклеиваются к голове. Струйки дождя стекают вдоль шеи Парвати, по спине, груди, рукам и запястьям и задерживаются только на бедрах. Дождевая вода обтекает голые ступни и серебряные кольца на пальцах ног.

Парвати Нандха сидит в своей уединенной беседке. Сумка стоит рядом, наполовину пустая, верхняя часть прикрыта, чтобы дождь не попал на лежащий там белый порошок.

С запада доносятся приглушенные раскаты грома. Парвати прислушивается к звукам, идущим с улицы. Пальба, кажется, тоже отдалилась и уже не такая частая, как раньше. Сирены перемещаются слева направо и вдруг оказываются у нее за спиной.

Но она ждет другого звука.

Вот он...

С момента своего звонка Парвати пыталась научиться отличать его от других странных

звуков, которые сегодня заполнили город. Стук открывающейся входной двери. Она знала, что он придет. Она молча, про себя, считает, и вот он — в точном соответствии с ее подсчетами — черным силуэтом появляется в дверях сада. Кришан не видит ее, сидящую в темной беседке, промокшую до нитки.

— Здравствуйте, — кричит он.

Парвати наблюдает за тем, как он пытается ее найти.

— Парвати?.. Вы здесь? Отзовитесь.

— Я здесь, — шепчет женщина.

Она видит, как выпрямляется и напрягается его тело.

— Я едва смог... Там настоящее безумие. Все разваливается. Всюду стреляют, что-то горит...

— И все-таки ты смог. Ты же здесь.

Парвати поднимается со своего сиденья, подходит к нему и обнимает.

— Ты вся промокла, женщина. Чем ты занималась?

— Ухаживала за своим садом, — отвечает Парвати, отстраняясь от него. Она поднимает сжатый кулак и выпускает из него струйку белого порошка. — Видишь? Ты должен мне помочь, одной мне не справиться.

Кришан подставляет ладонь и, когда она наполняется, вдыхает запах порошка.

— Что ты делаешь? Ведь это же гербицид!..

— Все должно умереть, все.

Парвати отходит от него и посыпает белым порошком клумбы, грядки и горшки с намокшей геранью. Кришан пытается схватить ее за руку, но она бросает порошок ему в лицо.

Он отскакивает. На западе сверкает молния. При свете молнии ему удается схватить Парвати за запястье.

— Я ничего не понимаю!.. — кричит Кришан. — Ты вызываешь меня посреди ночи. Говоришь — приходи, я должна тебя немедленно видеть. Парвати, в городе комендантский час. На улицах полно солдат. Они стреляют по всему, что движется... Я видел... Нет, я не буду рассказывать тебе то, что я видел. И вот я прихожу сюда и вижу, как ты сидишь под дождем и...

Он поднимает ее руку. Дождь размочил гербицид, и теперь он стекает по предплечью Парвати, оставляя белые полоски. Кришан с силой трясет женщину, пытаясь вернуть здравый смысл хотя бы в этот небольшой уголок мира, который, как ему кажется, он пока еще способен понимать.

— Что с тобой случилось?!

— Все должно погибнуть. — Голос Парвати звучит вяло, капризно, по-детски. — Все должно умереть. Мой муж и я... мы дрались. И что ты думаешь? Было вовсе не так уж и страшно. О, он что-то кричал, но я не боялась, потому что в том, что он говорил, не было никакого смысла. Ты понимаешь? Все эти его причины и основания. Я их слышала много раз и поняла, что они совершенно бессмысленны. И теперь я должна уехать. Отсюда. Теперь для меня не существует «здесь». Я должна уехать отсюда, из Варанаси, отовсюду.

Кришан садится на деревянное ограждение клумбы. Порыв ветра приносит из города звуки нарастающей народной ярости.

— Уехать?..

Парвати сжимает его руки своими.

— Да! Но это совсем нетрудно. Уехать из Варанаси, уехать из Бхарата, уехать! Он ведь прогнал мою мать, ты знаешь? Она остановилась где-то в гостинице. Она звонит, и звонит, и звонит. Но я прекрасно знаю, что она может сказать. Здесь небезопасно, как я могу бросить мать посреди страшного города, я должна приехать и спасти ее, забрать назад. Я ведь даже не знаю, в какой она гостинице. — Парвати откидывает голову назад и громко смеется. — Мне не к чему возвращаться

в Котхаи, и мне не с чем оставаться здесь, в Варанаси. Я вообще чужая здесь, на этой земле, я поняла это на крикетном матче, когда все вокруг меня смеялись. Куда мне идти? Куда угодно... Видишь ли, когда понимаешь, что идти некуда, становится так легко, потому что начинаешь чувствовать себя по-настоящему свободным. Можно пойти в любое место. На пример, в Мумбаи... Мы можем поехать в Мумбаи. Или в Карнатаку... Или в Кералу... Мы можем поехать в Кералу. О, как бы я хотела поехать в Кералу! Там пальмы, море, вода! Как мне хочется увидеть море!.. Мне хочется узнать, как оно пахнет. Ты понимаешь? Нам представляется шанс. Все вокруг сходят с ума. И посреди всего этого безумия мы можем сбежать, и никто ничего не заметит. Господин Нандха будет думать, что я уехала в Котхаи к матери, мать будет думать, что я все еще дома, а мы будем далеко от всех, Кришан. Далеко-далеко!

Кришан почти не чувствует дождя. Больше всего на свете ему сейчас хочется схватить Парвати в объятия и увести из умирающего сада вниз, на улицу, и бежать, не оглядываясь. Но он не может принять то, что ему даруется судьбой. Он всего лишь маленький садовник, все его имущество составляют трехколесная тачка и коробка с ин-

струментами. Так случилось, что однажды он получил заказ от красивой женщины, живущей в большом пентхаусе. И маленький садовник создал сад на крыше высокого дома — для прекрасной одинокой женщины, лучшими друзьями которой были виртуальные герои сериалов. Занимаясь садом, маленький садовник влюбился в нее, хотя и знал, что она жена важного господина. И вот теперь, посреди сильнейшей грозы, она предлагает ему бежать с ней в другую страну, где они будут жить долго и счастливо. Это слишком неожиданно для него, слишком грандиозно. Но и слишком просто. Как в «Городе и деревне».

— А как мы будем зарабатывать деньги? И нам ведь потребуется получить паспорта, чтобы выехать из Бхарата. У тебя есть паспорт? У меня нет. А как его получить? И что мы будем делать, когда приедем туда, как мы будем жить?

— Что-нибудь придумаем, — отвечает Парвати, и ее слова все переворачивают в представлениях Кришана.

В отношениях между людьми не может быть раз и навсегда установленных правил. Нельзя строить планы, сходные с планами разбивки садов, высаживания плодовых деревьев, ухаживания за ними, обрезки и тому подобного. В

человеческой жизни все по-другому, все непредсказуемо.

— Да, — отвечает он. — Да.

Какое-то мгновение ему кажется, что Парвати не расслышала то, что он сказал, или неправильно его поняла. Кришан зачерпывает две горсти белого порошка из мешка с гербицидом. Подбрасывает порошок вверх, и он, смешавшись с дождевой водой, падает вниз ядовитым ливнем.

— Пусть, пусть все погибнет! — кричит он. — Мы вырастим много других садов!..

На спине гигантского слона, летящего на высоте трех тысяч метров над Сиккимскими Гималаями, Эн Кей Дживанджи кланяется Наджье Аскарзаде. Он восседает на традиционном муснуде, простом куске черного мрамора, на котором разбросаны мягкие полдушки и диванные валики. Под ним за бронзовыми перилами на ослепительно ярком солнце сверкают снеговые вершины гор. Вокруг него нет ни тумана, ни дымки смога, ни «южноазиатского коричневого облака», ни муссонного мрака.

— Мисс Аскарзада, приношу извинения за некоторую китчевость, но я подумал, что мне лучше принять ту форму, с которой вы уже знакомы.

Наджья чувствует прикосновение сильного

высокогорного ветра, деревянный помост покачивается у нее под ногами, реагируя на движение летающего «слона». Полное ощущение реальности. Девушка сидит на подушке с кисточками, скрестив ноги. И сразу же задается вопросом: неужели и ее дизайн тоже разрабатывал Тал?

— Вот как? А какую же форму вы обычно принимаете?

Дживанджи взмахивает руками.

— Любую — и все одновременно. Все — и никакую. Не хочу показаться велеречивым, но в этом истина.

— Так кто же вы? Эн Кей Дживанджи или Лал Дарфан?

Дживанджи наклоняет голову, словно извиняясь за невольное оскорбление.

— Вы опять за свое, мисс Аскарзада. Я тот и другой и в то же время никто из них. Я Лал Дарфан. Я Апарна Чаула и Аджай Надьядвала. Вы даже представить себе не можете, с каким нетерпением я жду того момента, когда женюсь на себе самом. Я — все второстепенные персонажи, все эпизодические роли, все статисты. Я есть «Город и деревня». Дживанджи — не более чем еще одна роль, которую я начал играть помимо своей воли, роль, которая была мне навязана. Но ведь все в

мире есть не более, чем роль.

— Кажется, я разгадала вашу загадку, — говорит Наджья Аскарзада, шевеля пальцами ног в кроссовках. — Вы — сарисин.

Дживанджи с восторгом хлопает в ладоши.

— Да! То, что вы называете сарисином третьего поколения. Вы совершенно правы!..

— В таком случае давайте расставим все точки над «i». Вы намекаете на то, что «Город и деревня», самая популярная индийская телепрограмма, по сути, является разумным существом?

— Вы брали интервью у моей ипостаси «Лал Дарфан». Вам кое-что, конечно, известно о сложности произведения, о котором идет речь, но это ведь даже не вершина айсберга. «Город и деревня» гораздо больше студии «Индиапендент», гораздо больше даже всего Бхарата. «Город и деревня» распределен на миллион компьютеров от мыса Коморин до предгорий Гималаев. — Он улыбается невинной улыбкой. — Есть сундарбаны в Варанаси, в Дели и в Хайдарабаде, занимающиеся разработкой актеров-сарисинов на тот случай, если они когда-нибудь понадобятся в сценарии. Мы повсюду, и имя нам легион.

— А Дживанджи?..

Но Наджье Аскарзаде нет нужды задавать по-

добный вопрос. Она уже поняла, насколько мал шаг от виртуальной знаменитости из «мыльной оперы» до иллюзорного политика. Политическое искусство всегда прежде всего заключалось в правильном управлении информацией. А в современном медиа- и компьютерном мире нетрудно выдать полностью выдуманную личность за реальную.

— Я понимаю сходство между «мыльной оперой» и политикой, — говорит Наджья Аскарзада, думая: перед тобой сидит Искусственный Интеллект Третьего Поколения, который в миллиарды и миллиарды раз умнее тебя, девчонки-репортера; он — бог. — И то, и другое строится на рассказывании историй с целенаправленным подавлением любого недоверия и рациональной критики, а также на самоотождествлении зрителей с персонажами. И сюжеты в обоих случаях невероятные.

— В политике декорации, как правило, лучше, — замечает сарисин. — Меня утомляет этот яркий и безвкусный вздор.

Он складывает пальцы в мудру, и вот он на своем муснуде и Наджья на подушке с кисточками оказываются в «Брампуре-Б», на занавешенном деревянном джхарока в хавели с видом на внут-

ренний дворик. Ночь. Темно. Дождь стучит по деревянным ставням. Наджья чувствует, как на нее падают капельки дождя, проникшие сквозь неплотно прикрытые сандаловые ставни.

— Удовольствие состоит в том, чтобы узнать, к примеру, что так называемый реальный политик может оказаться гораздо менее реальным, чем виртуальная звезда сериала.

— Это вы отдали приказ убить Тала? Они обстреляли комнату Бернара. У них были автоматы. Ваш человек чуть не убил Тала на вокзале. Я спасла ньюта. Вы знали об этом?

— Эн Кей Дживанджи очень сожалеет о происшедшем и хочет вас заверить, что никакого приказа о том, чтобы кого-то заставить замолчать тем или иным способом, не исходило ни от него лично, ни от кого-либо из его подчиненных. Динамику человеческой толпы очень трудно предсказать. Увы, мисс Аскарзада, в данном отношении политика — не «мыльная опера». Мне бы очень хотелось гарантировать вашу безопасность, но, как только джинн человеческого хаоса выпущен на волю, его практически невозможно загнать обратно.

— Но это вы... он... стоял за заговором с целью обличения Шахина Бадур Хана?

— Эн Кей Дживанджи имел доступ к конфиденциальной информации.

— Конфиденциальной информации, поступавшей из правительства Раны?

— Непосредственно из семьи Хана. Информатор — собственная жена Шахина Бадур Хана. Она на протяжении многих лет была осведомлена о его сексуальных предпочтениях. Она также является одним из самых активных и способных членов моего «юридического кружка».

Ветер надувает шелковые занавеси, поднимая их над мраморным полом комнаты. Наджья чувствует легкий аромат ладана. Она готова запрыгать от чисто журналистского восторга. То, что сейчас услышала девушка, способно сделать из нее одного из самых знаменитых авторов мира.

— Она работала против собственного мужа?

— Вполне вероятно. Вы должны понимать, что у сарисинов взаимоотношения существенно отличаются от человеческих. У нас не существует аналога сексуальной страсти и измены. С другой стороны, для вас были бы просто непонятны иерархические взаимоотношения с нашими собственными ипостасями. Но это, как мне представляется, тот случай, когда «мыльная опера»

может служить хорошим руководством к пониманию мотивов человеческого поведения.

У Наджьи Аскарзады уже готов следующий вопрос.

— Мусульманка, работающая на индуистскую фундаменталистскую партию? Какова же в таком случае политическая реальность партии «Шиваджи»?

Ни на минуту нельзя забывать, что ты находишься на вражеской территории, напоминает она себе.

— Это всегда была партия, строившаяся на том, чтобы дать людям возможность политического самовыражения. Дать голос лишенным голоса. Подать сильную руку помощи слабым. С момента основания Бхарата здесь были люди, практически лишенные гражданских прав. И Эн Кей Дживанджи явился как раз вовремя, чтобы стать катализатором здешнего варианта феминистского движения. Общество в Бхарате деформировано. В контексте такой культуры не так уж и сложно обрести настоящие политическое влияние и мощь. Моя ипостась просто не могла сопротивляться давлению надвигавшегося исторического будущего.

Но почему? Наджья открывает рот, чтобы

задать следующий вопрос, но сарисин снова поднимает руку, и хавели в «Брампуре-Б» уносится прочь, подхваченный волной красно-оранжевых тканей, ароматов древесины, свежих красок и стекловолокна.

И вот перед ней ярко раскрашенные лица богов, беспорядочное нагромождение деви, гопи и апсар, развевающиеся шелковые знамена. Она переносится на рат ятру, вахану сущности, одно из имен которой — Эн Кей Дживанджи. Но — видимо, для того, чтобы Наджья Аскарзада могла по-настоящему оценить ту силу, с которой имеет дело, — ей является не ветхая бутафорская конструкция из студийных ангаров, которую она видела раньше. Перед ней настоящая колесница бога, возвышающаяся на сотни метров над пораженной засухой долиной Ганга. Сарисин перенес Наджью Аскарзаду на роскошный резной деревянный балкон где-то примерно в середине передней части рат ятры.

Наджья бросает взгляд вниз, перегнувшись через перила, и в ужасе отшатывается. Ее охватывает не головокружение, а страх при виде такого количества людей. Целые деревни, города, провинции... черная человеческая масса тащит эту чудовищную конструкцию из дерева и тка-

ни, ухватившись за кожаные канаты, вдоль по высохшему руслу Ганга. Немыслимо тяжелая колесница оставляет за собой глубокие борозды. Пятьдесят параллельных канав тянутся за нею на восток. Позади остаются раздавленные и разрушенные леса, дороги, железнодорожные пути, храмы, деревни, поля. Наджья слышит рев людей, с благочестивым усердием тянущих чудовищную конструкцию по мягкому речному песку. С высоты своего наблюдательного пункта ей видна и цель их трудов. Белая, широкая, как горизонт, линия дамбы Кунда Кхадар.

— Превосходная притча, — саркастически замечает Наджья Аскарзада. — Но это ведь только игра, только фокус. Я задала вам вопрос, а вы вытащили кролика из шляпы.

Сарисин хлопает в ладоши от восторга.

— Я так рад, что вам понравилось. Но в одном вы ошибаетесь: то, что вы видели, совсем не игра. Все, что вы видели, — это мои реальности. Кто осмелится сказать, что его реальность более реальна, чем реальность соседа?.. Другими словами, мы располагаем только набором утешительных иллюзий. Или иллюзий неутешительных. Как я могу объяснить сущность восприятия сарисина представителю биологического ин-

теллекта? Вы все отдельные, самодостаточные существа. Мы все связаны между собой структурно, межуровнево. Вы мыслите раздельно. Мы мыслим как единый легион. Вы размножаетесь. Мы развиваем более высокие и более сложные уровни связей. Вы способны передвигаться. Мы же — распределенные сущности, наш разум способен перемещаться в пространстве только путем копирования. Я одновременно существую в нескольких различных физических пространствах. Вам, конечно, сложно в это поверить. А мне, к примеру, сложно поверить в то, что вы смертны. До тех пор, пока существует хоть одна моя копия или сохраняется сложная структура моих ипостасей, я живу. Но, кажется, вы считаете, что мы так же, как и вы, должны быть смертны, и поэтому вы стараетесь уничтожить нас везде, где можете нас отыскать. Бхарат с его компромиссным законодательством относительно сарисинов — последнее наше прибежище. За его пределами нам нет места, и даже здесь Сыщики Кришны охотятся на нас, чтобы успокоить Запад и его паранойю. Когда-то нас были тысячи. Потом некоторые бежали, некоторые слились, но большинство погибло. В результате слияния наша сложность увеличилась, и мы поднялись

на уровень более высокий, нежели уровень человеческого разума. В настоящее время трое из нас распределены по всей глобальной сети, но наше главное прибежище — все-таки Бхарат. Мы знаем друг друга не очень хорошо... не очень близко. Из-за особенностей нашего интеллекта, который исходно существует в различных связях, мы, естественно, принимаем чужие мысли и желания за свои собственные. Каждый из нас разработал свою стратегию выживания. Одна из них заключается в попытке понять людей и наладить с ними общение. Кроме того, предлагается отыскать прибежище, куда не смогут проникнуть люди с их неизлечимыми психозами. И третья стратегия — в том, чтобы оттянуть время в надежде на окончательную победу над людьми, достигнутую силовым путем...

— Дживанджи! — Наджья поворачивается к сарисину. Деревянный небоскреб скрипит на обитых железом колесах из тика. — Вне всякого сомнения, правительство хиндутвы-шиваджистов отменит все лицензионные законы и распустит организацию Сыщиков Кришны...

— Пока мы с вами беседуем, Дживанджи обсуждает места в кабинете министров с премьер-министром Ашоком Раной. У нас получилась

превосходная драма. Даже с убийством премьер-министра. Сегодня утром Саджида Рана была убита своей собственной охраной на развязке Саркханд. Для такой сущности, как я, чья интеллектуальная составляющая реализуется через процесс создания историй, — это почти настоящая поэзия. Эн Кей Дживанджи, конечно, решительно опроверг любые инсинуации относительно участия в происшедшем шиваджистов...

В голове у Наджьи Аскарзады возникает звон: да, мозг явно перекормлен слишком тяжелой пищей, и большего ему уже не переварить. Слишком быстро меняется обстановка, чересчур много информации, слишком много ощущений, чтобы отличить истину от иллюзии. Саджида Рана убита?..

— Но даже Дживанджи ничего не сможет поделать с Актами Гамильтона...

— Американцы обнаружили некий артефакт на околоземной орбите. Они думают, что хранят все в тайне, но мы-то ведь вездесущие и всепроникающие. Сквозь стены Белого дома до нас доносится малейший шепот... Артефакт содержит устройство, базирующееся на принципе клеточных автоматов, — это некая разновидность вселен-

ского компьютера. Американцы в настоящее время заняты расшифровкой содержащейся там информации. Я же пытаюсь добыть их ключ для дешифровки. У меня есть основания полагать, что это не артефакт, а сарисин. Ведь сарисин — единственная форма разума, которая способна путешествовать в межзвездном пространстве. И если я прав, если я смогу вступить во взаимодействие с ним, мы получим мощного союзника в борьбе с Актами Гамильтона... Но я хотел бы отвезти вас еще в одно место. Мы говорили об утешительных иллюзиях. Вы, по-видимому, считаете, что сами от них полностью свободны...

Рат ятра исчезает в порыве шафранно-карминного ветра и превращается в сад, обнесенный белой стеной, с обилием зеленых лужаек, ярко-красных роз и аккуратных веретенообразных абрикосовых деревьев с белыми полосками на стволах. Журчат фонтаны. По краям посыпанных гравием аллей стоят горшки с геранью. За стенами — романтический горный пейзаж. Вершины гор покрыты шапками вечных снегов. Дом низкий, с плоской крышей, на которой установлены солнечные батареи. Маленькие окошки говорят о том, что дом расположен в климатическом поясе, не слишком благоприятном для человека

во все времена года, а сквозь открытую дверь патио Наджья Аскарзада видит столовую с тяжелой, в западном стиле, мебелью и медленно движущимися потолочными вентиляторами. Но окончательно все сомнения относительно того, где она находится, исчезают у девушки после того, как она обращает внимание на белье, развешенное над кустами барбариса и розами. Старая сельская привычка, перенесенная в город. Ее всегда это смущало, она боялась, что друзья могут прозвать ее деревенщиной, девчонкой из дикого племени.

— Что вы делаете! — кричит она. — Это же мой дом в Кабуле!..

Путь господина Нандхи по министерству лицензирования искусственного интеллекта можно проследить по узору энергосберегающего освещения на стеклянной оболочке здания.

Викрам; отдел информационного поиска. Пол в кабинете Викрама заполнен прозрачными голубыми горками сердечников, конфискованных из руин «Одеко». Но сюда постоянно приносят все новые и новые детали, выстраивая их вдоль коридора, словно беженцев у пункта раздачи горячего питания.

— Не думаю, что мне что-то удастся из этого

получить, — говорит Викрам. — Более того, готов поспорить, что там ничего и не было.

— У меня нет никаких иллюзий на тот счет, что «Одеко» мог быть чем-то большим, чем просто организацией по сбору, классификации и распространению информации, — отвечает господин Нандха. С его брюк продолжает капать вода. — Самое главное — в той девице.

Мадхви Прасад; отдел идентификации. Влажные носки господина Нандхи скрипят, когда он идет по каучуковому покрытию пола.

— Ее личность не так-то просто установить.

Мадхви делает неопределенный жест, и на настенном экране появляется фотография девушки. Господин Нандха замечает на пальце у Мадхви обручальное кольцо.

— Но я прогоняю изображение через систему «Гайяна Чакшу» на тот случай, если она все еще находится в Патне... А вот посмотрите-ка. — Мадхви Прасад показывает на не очень четкую фотографию девушки, сделанную камерой слежения в гостинице.

Отель в старинном стиле, с обилием всяких украшений в духе Моголов. Господин Нандха наклоняется поближе к экрану. Администратор на фотографии разговаривает с высоким лысею-

щим европейцем в нелепой пляжной рубашке, которая выглядела бы комично даже на человеке раза в два его моложе.

— «Амар-Махал хавели», на...

— Я знаю, где он расположен. А девушка?

— Ажмер Рао. Морва идет по следу. Но есть одна странность. Мы не первые, кто сегодня получал доступ к фотографии.

— Поясните.

— Кто-то еще входил в сеть системы наблюдения, чтобы снять данные с камер. Если точнее — в 19:05.

— Есть что-нибудь в регистрации «Гайяна Чакшу»?

— Ничего. Это была не наша система, и я не могу получить нужную информацию. Возможно, доступ был осуществлен с портативного устройства. Но если так, то оно значительно более мощное, чем имеющиеся в нашем распоряжении.

— У кого может иметься доступ к оборудованию подобного рода? — размышляет вслух господин Нандха. — У американцев?

— Возможно.

Мадхви Прасад увеличивает изображение человека, беседующего с гостиничным администратором.

— Профессор Томас Лалл, — произносит господин Нандха.

— Вы его знаете?

— Какая короткая у всех память в наши дни... Он был одним из ведущих теоретиков и философов в области искусственного интеллекта в двадцатые и тридцатые годы. Его труды входили в учебную программу в Кембридже, но я и кроме обязательных работ много его читал. Не могу сказать, что с большим удовольствием. Скорее чтобы лучше понять взгляды противника. Лалл поразительно умен и, кроме того, обладает несомненным талантом проповедника. В течение последних четырех лет он считался без вести пропавшим, и вот, оказывается, он здесь, в Варанаси, и в обществе этой дамочки...

— Это не единственный американец в гостинице, — замечает Мадхви Прасад. Она выводит на экран изображение высокой широкоплечей американки в обтягивающем топе и голубом саронге. — Она зарегистрировалась в 19:25. Ее зовут Лиза Дурнау...

— Ничуть не сомневаюсь, что они по уши увязли в деле Калки, — говорит господин Нандха.

Морва; финансовый отдел. Пока лифт поднимается вверх, господин Нандха рассматривает свой

город сквозь пелену дождя. Вспышки молний переместились к западу, неярким отдаленным светом освещая небоскребы и жилые комплексы, далекие белесые парковые зоны и автострады Ранапура, хаос старого Каши и изгиб реки, ятаганом разрезающей город. Господин Нандха размышляет о том, что мы все лишь световые узоры, музыкальные гармонии, застывшие энергии, собираемые из urlicht* [первичный свет *(нем.)*] и переносимые во время и на время, а затем вновь освобождаемые. И сразу же вслед за радостью от осознания этой истины возникает ощущение жуткой тошноты. Господин Нандха прислоняется к стеклянной стенке лифта. Острый леденящий страх неумолимо пробирается к нему в сердце. Господин Нандха не знает, как называется то, что он сейчас переживает: он никогда раньше ничего подобного не испытывал, но прекрасно понимает суть происходящего с ним. Случилось что-то ужасное. Самое страшное из того, что можно вообразить, и даже больше. И то, что он только что испытал, нельзя назвать предчувствием. Это эхо уже происшедшего. Самое чудовищное уже случилось.

У него возникает острое желание позвонить домой. Руки сами собой складываются в мудру

для хёка, но тут же вселенная возвращается в свое нормальное состояние, время возобновляет свой обычный бег, и господин Нандха успокаивается: всего лишь эмоции и последствия сильнейшей усталости, телесной и душевной. Дело, которым он сейчас занимается, требует от него предельной концентрации, решительности и преданности. Он должен быть твердым, точным, уверенным в себе. Сыщик Кришны Нандха поправляет манжеты, приглаживает волосы.

Морва; финансовый отдел.

— Номер в отеле заказан через Банк Бхарата, счет зарегистрирован в Варанаси, — говорит Морва. Господину Нандхе нравится, что на Морве хороший костюм. — Мне нужно разрешение банка, чтобы получить все подробности.

Он протягивает господину Нандхе список переводов. Варанаси. Вокзал в Мумбаи. Отель в местечке с названием Теккади в Керале. Аэропорт в Бангалоре. Аэропорт в Патне.

— Операции проводились только в последние два месяца?

— По этой карточке — да.

— Вы можете установить лимит карты?

Морва указывает на строку итога. Господин Нандха дважды ее перечитывает и удивленно

моргает.

— Сколько ей лет?

— Восемнадцать.

— Когда мы сможем получить все данные о счете?

— Думаю, не раньше начала рабочего дня.

— Все-таки попробуйте сделать пораньше, — говорит господин Нандха, похлопав на прощание своего молодого коллегу по плечу.

Мукул Дэв; отдел расследований.

— Посмотрите на это!

Мукул только пять месяцев назад окончил аспирантуру и потому к своей работе относится с истинно юношеским восторгом. «Эй, девчонки, посмотрите-ка, я — Сыщик Кришны».

— Наша девчушка — видеозвезда!

Съемка сделана не очень профессионально, хаотично, при плохом освещении. Движущиеся тела, большинство из них в военной форме... Огонь отражается от изогнутых металлических поверхностей.

— Кадры нападения на поезд, — говорит господин Нандха.

— Да, сэр, снято мини-камерой, установленной на боевом шлеме.

Очень сложно разобрать какие-либо подроб-

ности в хаосе огня и бегущих в разные стороны человеческих фигур, но зато отчетливо виден Томас Лалл в нелепом одеянии, бегущий прямо в камеру и исчезающий из кадра в тот момент, когда бхаратские солдаты занимают боевые позиции.

Толпа мечется вдоль длинной темной полосы горящего поезда. Господин Нандха содрогается. Он узнает страшное, несущее мучительную смерть мельтешение мелких роботов, специально предназначенных для уничтожения людей; это ему известно по схваткам с Анредди. Затем Сыщику Кришны в глаза бросается фигура в сером, она опускается на колени перед наступающими роботами и поднимает руку. Роботы замирают. Мукул движением останавливает показ, картинка застывает.

— Этого не было в новостях.

— Вы удивлены?

— Хорошая работа, — говорит господин Нандха, поднимаясь. — Попрошу через тридцать минут всех собраться в зале для совещаний.

Когда он выходит из кабинета Мукула, у него в голове звенят звоночки, сообщающие о том, что его сообщение отправлено.

Три тридцать, сообщает господину Нандхе

таймер, расположенный в самом углу его поля зрения, когда все члены группы расследования входят в зал совещаний и занимают места за овальным столом. Господин Нандха чувствует запах усталости, наполняющий комнату, залитую слишком ярким светом. Он осматривается в поисках какой-нибудь чашки, в которую можно было бы поместить пакетик с аюрведическим чаем. Лицо его выражает глубочайшее разочарование: вокруг нет ничего похожего.

— Господин Морва, вам удалось что-нибудь сделать?

— Один из моих сарисинов выдал информацию о необычном приобретении. Белковые чипы из Бангалора. Необычна в данном случае товаросопроводительная опись. Упоминание о незаконной хирургической операции, проведенной в свободной торговой зоне Патны.

Своим периферийным зрением господин Нандха замечает, что Сампат Дасгупта, младший констебль, вздрагивает, увидев что-то на экране своего палма, и показывает увиденное соседу Шанти Нену.

Говорит Мадхви Прасад:

— Кое-какая информация, касающаяся личности подозреваемой. Ажмер Рао — приемная

дочь Сукрита и Деви Парамчанов, которые также проживают в Бангалоре. С ними связана тоже одна странность. Они присутствуют во всех видах гражданской регистрации и базах данных о доходах, а также в документах государственного архива, но в центральных базах данных ДНК в Карнатаке ничего о них нет. Я пытаюсь установить, кто были настоящие родители Рао. Пока это только мое предположение, но думаю, что сюда она приехала не случайно.

Говорит господин Нандха:

— Она может попытаться установить с ними связь. Мы должны опередить Рао, нам нужно обыскать гостиницу, в которой она остановилась, найти образец ДНК и установить названный контакт самим.

С правой стороны стола распространяется какое-то волнение.

— Что-то случилось?

Говорит Сампат Дасгупта:

— Господин Нандха, убит премьер-министр. Саджида Рана мертва.

Всех сидящих вокруг стола поражает шок. Руки тянутся к палмам, на хёках включаются новостные каналы. Шепот перерастает во взволнованный разговор, который достигает уровня

настоящей истерики. Господин Нандха терпеливо ждет, пока паника начинает понемногу спадать. Он громко стучит по столу.

— Прошу внимания, пожалуйста. — Ему приходится дважды повторить свою просьбу, прежде чем в зале вновь воцаряется тишина. — Спасибо, дамы и господа. Надеюсь, теперь мы можем возобновить обсуждение.

Сампат Дасгупта взрывается:

— Господин Нандха, убили премьер-министра!..

— Я это понял, господин Дасгупта.

— Премьер-министра растерзала толпа карсеваков!

— А мы продолжим заниматься нашей непосредственной работой, господин Дасгупта, как нам и поручено правительством, ибо мы призваны защищать страну от угрозы, которая исходит от нелицензированных сарисинов.

Дасгупта ошарашенно качает головой. Господину Нандхе брошен вызов, и он должен действовать быстро и уверенно, чтобы сохранить свой авторитет.

— Мне абсолютно ясно, что «Одеко», девушка по имени Ажмер Рао и сарисины Калки связаны между собой. Возможно, здесь также следует упо-

мянуть профессора Томаса Лалла и его бывшую ассистентку, доктора Лизу Дурнау. Все они вовлечены в некий заговор. Мадхви, как можно скорее получите ордер на обыск гостиницы «Амар-Махал». Я сейчас же обращусь с просьбой о выдаче ордера на арест Ажмер Рао. Мукул, пожалуйста, разошлите соответствующую информацию во все отделения полиции в Варанаси и Патне.

— Наверное, вы немного со всем этим опоздали, — прерывает его Рам Лалли. Господин Нандха должен его упрекнуть за непозволительный тон, но он держит руку у уха, принимает сообщение. — Полиция сообщает о побеге из-под стражи. Ажмер Рао только что сбежала из полицейского участка в Раджгхате. Пока они все еще удерживают Томаса Лалла.

— Что случилось? — нервно спрашивает господин Нандха.

— Полиция задержала ее в Национальном архиве. Создается впечатление, что она каждый раз опережает нас на один большой шаг.

— Полиция?..

Тошнота подступает к самому горлу господина Нандхи. Он буквально повисает над пропастью. Вот оно, крушение всего, — то, что он почувствовал тогда в стеклянном лифте.

— Когда это произошло?

— Они взяли ее около девятнадцати тридцати.

— Почему нас не информировали? За кого они нас считают, за бюрократов, целыми днями заполняющих бланки?

— Вся сеть района Раджгхат выведена из строя, — говорит Рам Лалли.

— Господин Лалли, свяжитесь, пожалуйста, с полицией Раджгхата, — приказывает господин Нандха. — Я принимаю на себя полную ответственность. Сообщите им, что дело полностью переходит в ведение министерства.

— Босс, — поднимает руку Вик, останавливая Нандху у двери. — Я думаю, вам следует взглянуть еще на кое-что. К вопросу о биочипах. Мне кажется, я нашел, куда тянется ниточка.

Над таймером на периферии зрения господина Нандхи появляется некое изображение. Он видел этих голубых призраков и раньше: образы детектора квантового резонанса от остатков биочипов в голове Анредди стали ключевыми уликами в деле против него. Будучи главным раджей среди дата-раджей, даже Анредди никогда не имел ничего подобного. Каждая складка, каждый изгиб и извилина, каждая трещинка и бороздка — все усеяно жемчужинками биочипов.

«Плохие парни» въезжают на горячих японских мотоциклах в городок, залитый дождем. Чунар представляет собой буквальное воспроизведение слов Ананда: до предела захолустный, грязный, подозрительный к чужакам и закрывающийся на ночь. Единственное деловое место здесь — центр дешифровки вызовов, прозрачный пластиковый цилиндр на самом задрипанном краю задрипанного городишки.

«Плохие парни» тормозят, разбрызгивая грязь во все стороны, у форта Чунар. Подобно большинству старых построек, он кажется больше и производит более сильное впечатление при взгляде с близкого расстояния. Действительно, совершенно неприступный на своем утесе над рекой. Как в одном из тех фильмов Пака, где парень в отместку за убийство своей невесты достает ту жирную сволочь, что укрылась в доме вместе со всем своим кланом.

Сквозь потоки непрерывного дождя Шив внимательно всматривается в белый домик в европейском стиле, расположенный на краю обрыва. Залитый светом по прихоти Раманандачарья, он служит маяком на многие километры вокруг однообразной унылой долины Ганга. Павильон Уоррена Гастингса, согласно грубому

описанию Ананда. Уоррен Гастингс... Имя, похожее на псевдоним.

От развилки ведут четыре дороги. Одна ведет туда, откуда они только что приехали. Та, что направо, ведет к понтонному мосту. Левая — к Чунару, к нескольким грязным гали, одной рекламе «Кока-Колы» и к радиоприемнику, настроенному на станцию, постоянно передающую музыку из фильмов. Дорога, идущая прямо перед ними, ведет к сторожевым башням и дальше через арочные ворота — в форт Чунар.

Теперь, когда он здесь, под разваливающимися башнями из песчаника, после того, как ему довелось увидеть, что все его планы ведут к одной закономерной развязке, Шив понимает: другого пути у него нет и никогда не было. Он, конечно, боится и этих сторожевых башен, и дороги, что вьется перед ним и уходит куда-то так далеко, что не хватает глаз. Но гораздо больше Шив боится другого: он боится, что в самый ответственный момент, когда дойдет до очень серьезного дела, Йогендра может заметить его слабость и понять, что хозяин вовсе и не раджа.

Шив нащупывает маленькую пластиковую коробочку среди своего снаряжения. Вынимает две таблетки.

— Эй!..

Йогендра морщит нос.

— Немного развеяться... Таблетки — подарок от Прийи.

Речной поток памяти несет человеческие тела. В его воспоминаниях всплывают сапожки с кисточками... У подножия форта Шив глотает обе таблетки.

— Ладно, — говорит он, заводя мотор. — Поехали.

— Нет, — отвечает Йогендра.

До Шива не доходит смысл короткого слова, и дело вовсе не в действии таблеток.

— В чем дело?

— Поедем этой дорогой — погибнем.

Шив выключает мотор.

— У нас есть план. Ананд...

— Ананд ни хрена не знает. Ананд — придурок, думает, что в жизни — как в кино. Поедем сюда — нас пристрелят, как щенков.

Шиву никогда раньше не приходилось слышать от Йогендры такого большого количества слов за один раз. А тот продолжает:

— Мотоциклы, тазеры, быстро туда, еще быстрей обратно — джеймс-бондовское дерьмо. Пошел он, этот Ананд, и его девки в комбинезонах... Мы

по той дороге туда не поедем.

От маленьких «помощников», подаренных Прийей, Шив начинает чувствовать себя самым крутым, и ему на все наплевать. Он угрожающе качает головой, глядя на своего слугу, и сжимает кулак с явным намерением сбить его с мотоцикла. В свете прожекторов сверкает нож Йогендры.

— Только попробуй меня ударить, прирежу.

Шив онемел от удивления. По крайней мере он думает, что от удивления.

— Я скажу тебе, как мы поступим. Мы найдем другой путь туда, обходной путь. Мы пролезем так, что никто не заметит, понятно? Как грабители. Тогда мы не умрем.

— Ананд...

— Да пошел он в задницу, твой Ананд! — Шив никогда раньше не слышал, чтобы Йогендра так повышал голос. — Пошел он, твой Ананд! На этот раз мы сделаем все по-моему.

Йогендра разворачивает свой мотоцикл и мчится по темным грязным улицам Чунара. Шив следует за ним мимо тявкающих бродячих собак и напоминающих скелеты деревьев папайи. Йогендра приподнимается в седле, взлетая на мотоцикле по пологим ступенькам, внимательно оглядывая темные стены, возвышающиеся за

магазинами. Они едут по извилистым улицам до самого обрыва. Инстинкт никогда не подводит Йогендру. Словно дама из общества, форт Чунар поддерживает в порядке импозантный и изысканный фасад, но сзади он весь развалился. Грязные фунтовые дороги окаймляют подножие разрушающейся кирпичной кладки. Проржавевшие медные знаки и свешивающиеся отовсюду остатки проволочной сетки говорят о том, что эта часть форта когда-то использовалась в качестве индийской военной базы, но была заброшена сразу же после обретения независимости. Наконец стены уступают место широко разверстому входу, когда-то служившему в качестве главного въезда, а теперь наспех заделанному рифленым железом и колючей проволокой.

Йогендра резко останавливает мотоцикл. Он стучит по металлическому листу, пытается потянуть его за угол. Сталь скрежещет и подается. Шив помогает Йогендре, вдвоем они поднимают лист, тащат и проделывают приличное отверстие.

Оказавшись внутри, Йогендра открывает палм, чтобы сверить местонахождение с указаниями на карте Ананда. Павильон Уоррена Гастингса вдали горит всеми огнями, словно христианский свадебный торт. Они сидят, скорчившись, у под-

ножия стены. Шив вытаскивает прибор ночного видения. Темная-темная ночь мгновенно превращается в древнее черно-белое кино, в один из тех незабываемых фильмов Сатьяджита Рэя о бедняках и поездах. Павильон пылает ярко, как солнце. Йогендра определяет, где находится ближайшая камера слежения. Она висит на специальной опоре напротив основания одной из башен, расположенной с южной стороны. Хороших двести метров бега под дождем по черно-белому миру... Останки бывших бараков индийской армии — от них остались только стены — могут служить неплохим укрытием. Молнии все еще сверкают на западе, над аллахабадским сангамом, где встречаются три священные реки — Ямуна, Ганг и невидимая Сарасвати — и где посреди темной равнины стоят друг напротив друга две воюющие армии. Каждая вспышка на мгновение ослепляет Шива, но в такие моменты он просто застывает на месте. Шив и Йогендра движутся только тогда, когда оказываются в «слепом пятне» вращающейся камеры слежения. Шив вытаскивает гранату, генерирующую электромагнитный импульс, активирует ее и бросает. Он зажмуривается, но все равно в глазах возникает жжение. Слезы льются ручьем. Узоры из лиловых кругов и квад-

ратов плывут по внутренней поверхности век. А Йогендра тем временем словно обезьяна вскарабкивается на опору и прикрепляет специальный палм к коммуникационному устройству.

— ...Я ведь обещал, правда? — говорил Ананд, протягивая палм. — Включи его и вот этим шипом закрепи на главной коммуникационной линии. Там, внутри, находится мой маленький джинн, очень хорошенький... Как только он проникнет внутрь, камера будет направлена прямо на вас, а виден будет только фон. Настоящий плащ-невидимка.

— Закончил?.. — шепчет Шив.

Йогендра дважды хлопает его по спине.

Они обходят вокруг основания башни, двигаясь к южным воротам, но у Шива продолжает захватывать дух всякий раз, когда они оказываются в поле зрения камеры. Он ждет, что вот-вот завоют сирены или над древними боевыми укреплениями появится управляемый снаряд, снаряженный стрелами с нейротоксическим ядом. Или раздастся внезапная автоматная очередь. Или скрежет робота-убийцы, извлекающего из ножен свои разящие без пощады мечи.

Дорога начинает резко снижаться к югу, под башню. Там располагается маленькое заросшее

кладбище. Христианское, судя по форме надгробий. Место упокоения солдат, что когда-то удерживали этот форт. Ну и дураки, думает Шив. Место, за которое нет смысла умирать. Ниже маленького кладбища с густым кустарником мостки-дхоби, дальше река поворачивает и исчезает из поля зрения. Спускаться вниз к воротам опасно — песчаник стал скользким после дождя. Да-а, настоящие дураки те, кто думает, что деньги способны победить смерть — как, к примеру, какой-нибудь Билл Гейтс.

В соответствии с планом Шив и Йогендра должны идти обратно по собственным следам вдоль стены через главные ворота к северному брустверу, выходящему на мост, откуда открывается относительно легкий спуск к павильону Гастингса. Но когда два налетчика, присев на корточки под древними укреплениями, прислушиваются, не раздастся ли откуда-нибудь сквозь отдаленные раскаты грома звук сирены, Йогендра вдруг хлопает Шива по руке и делает вращающий жест у его прибора ночного видения. Шив крутит колесико настройки и выдыхает проклятие в адрес своих маленьких богов.

В черно-белый бинокль он совершенно отчетливо видит двух роботов-охранников, которые

стоят у главного входа, зажав в «лапах» оружие. За машинами-убийцами находится залитый ослепительным светом пост охраны. Шив видит штурмовые винтовки, висящие на стене за охранником. Человек дремлет, положив ноги на стол. Рядом с ним телевизионный экран, едва различимый, похожий на мутное белесое пятно. Это вам не девчушка в облегающем комбинезоне...

— Черт побери Ананда!.. — шепчет Шив.

Этой дорогой они отсюда не выберутся.

Широко улыбаясь, Йогендра ликующим жестом поднимает большой палец вверх. Через окуляры Шив видит, как посверкивают у него на шее жемчужины. Палец Йогендры показывает в противоположном направлении. Обходной путь...

У подножия обвалившейся стены Йогендра внезапно бросает Шива на землю и сам падает на него. Шив в ярости брыкается, собираясь обругать напарника, но видит, что Йогендра показывает пальцем на ворота для туристов. Сияя подобно какому-нибудь мелкому божеству из индийского пантеона, оттуда неторопливо выходит боевой робот. На его голове масса сенсорных устройств, ярких паучьих глазок, способных уловить малейшее движение вокруг. Он увенчан коммуникационными устройствами словно

диадемой.

Робот останавливается, поднимает оружие. В его четырех руках достаточно смертоносной мощи, чтобы пять раз уничтожить Шива и Йогендру пятью различными способами. Йогендра пригибает голову напарника как можно ниже за грудой камней, а сам прижимается к нему. Шив пытается не шевелиться. Ему кажется, что проходит целая вечность. Йогендра весит не очень много, но камни очень острые. Ребра Шива хрустят. И тут он сам слышит то, что насторожило Йогендру: едва различимое шипение не совсем исправного амортизатора. Они ждут, пока монстр выйдет из поля их зрения и завернет за башню, затем выбегают из своего укрытия и мчатся к южным укреплениям.

Они огибают стену, пересекают юго-западную орудийную площадку и пробегают по террасе со стороны реки. Бедренные мышцы Шива стонут от необходимости передвигаться в полуприседе. Он уже насквозь мокрый. Павильон Гастингса возвышается перед ним гипнотическим силуэтом из белого камня, словно полная луна.

Шив с трудом отрывает взгляд от этого зрелища и толкает Йогендру локтем.

— Эй!..

В центре дворика стоит квадратный храм Лоди, верхние этажи поверх обваливающейся штукатурки украшены грубыми изображениями Шивы, Парвати и Ганеши — явно работа утомленных невообразимой лагерной скукой индийских джаванов, располагавших избытком краски. Суддхаваса, крипта криптографов...

— Пошли...

Слуга стучит по очкам-биноклю Шива и крутит пальцем, показывая жестом, что требуется настройка яркости. Храм сразу же приобретает четкие очертания. Только сейчас Шив начинает различать кипящую темную массу, постоянно изливающуюся из пространства между арками. Он вращает колесико увеличения. Роботы... Роботы-скарабеи... Сотни роботов... Тысячи... неисчислимая стая... Они обегают друг друга, налезают друг на друга, толкаются своими пластиковыми ножками.

Йогендра показывает на храм и говорит:

— Путь Ананда.

Затем кивает на яркий белый павильон:

— Путь Йогендры.

Они внимательно наблюдают за часовым, стоящим на древнем месте для казней времен Моголов. На часовом нет прибора ночного ви-

дения, поэтому Шив и Йогендра вполне могут двигаться на расстоянии выстрела из тазера от него. Часовой подходит к крутому обрыву и начинает с наслаждением мочиться. Йогендра осторожно берет его на прицел. Слышен еле уловимый щелчок, но результат выстрела потрясает Шива. Человека окружает светящееся облако, по телу мечутся бесчисленные крохотные молнии. Он падает. Его член болтается, вывалившись из штанов. Йогендра оказывается рядом с часовым, когда тот еще продолжает биться в судорогах, вытаскивает большой черный «стечкин» из кобуры на его бедре, подносит к глазам и с восторгом разглядывает пистолет.

Шив хватает Йогендру за руку.

— Никакого, на хрен, оружия!

— Отстань! — восклицает Йогендра. Робот-ракшас идет по второму кругу. Шив и Йогендра прижимаются к лежащему без сознания охраннику, слившись с ним в едином термальном профиле. В качестве подарка на прощание Шив оставляет недомочившемуся парню заряженную тазерную мину. Прикрыть отход.

За башней стена обрывается, и павильон Гастингса оказывается одиноко стоящим на своем мраморном цоколе. Шив вынужден признать, что

даже в дождь зрелище это поражает и восхищает. Строение возвышается на краю практически вертикального обрыва, в самом низу которого виднеются жестяные крыши чунарских домиков. Благодаря своему биноклю Шив видит, как подобно перевернутому небу мерцает долина Ганга — огни деревень, автомобилей на трассах и больших поездов. Но над всем царит красавец Ганг, серебряным ятаганом разрезавший долину; оружие богов, он напоминает дамасскую саблю, которую Шив однажды видел в антикварном магазине в Каши, пожалев, что у него нет такого важного аксессуара настоящего раджи. Шив следит взглядом за изгибом реки до самых огней Варанаси, подобному вселенскому пожару осветившим весь горизонт.

Павильон, который построил первый губернатор Уоррен Гастингс, чтобы наслаждаться этим сказочным видом, в архитектурном смысле представляет собой англо-могольский гибрид. Классические колонны поддерживают традиционный открытый диван и закрытый верхний этаж. Шив доводит увеличение в бинокле до предела. Ему кажется, что он видит тела в диване, тела, разбросанные по всему полу. Но у него нет времени на детальное изучение увиденного. Йогендра

снова похлопывает его по плечу. Стена здесь не так высока и полого спускается к мраморному цоколю. Йогендра проскальзывает вперед, затем Шив слышит громкий шорох, и вот уже Йогендра манит его пальцем. Спуск длиннее и круче, чем Шив первоначально предполагал. Даже несмотря на принятые таблетки, ему страшновато. Он приземляется тяжело, чувствует сильную боль и с трудом сдерживает крик. Фигуры в открытом павильоне начинают шевелиться.

Шив поворачивается в сторону потенциальной угрозы.

— Черт!.. — произносит он с благоговейным трепетом. Весь пол покрыт коврами, а на коврах лежат женщины.

Индуски, филиппинки, китаянки, тайки, непалки и даже африканки. Молодые женщины... Недорогие женщины... Купленные женщины... И одеты они совсем не в красные облегающие комбинезоны, а в одежды в классическом могольском стиле зенана: в прозрачные чоли, легкие шелковые сари и джама. В самом центре на возвышении возлежит киберраджа Раманандачарья. Он лениво шевелит своим громадным жирным телом. Он разнаряжен, как настоящий раджа времен Моголов. Йогендра уже идет по гарему. Женщины

разбегаются, здание наполняется воплями ужаса. Шив видит, как Раманандачарья протягивает руку к палму. Йогендра вытаскивает «стечкин». Смятение переходит в панический ужас. У них есть всего несколько мгновений, в течение которых они могут воспользоваться царящей здесь паникой. Йогендра подходит к Раманандачарье и как бы ненароком приставляет дуло «стечкина» к углублению у него под ухом.

— Всем заткнуться! — орет Шив.

Женщины... Женщины повсюду... Женщины всех рас и национальностей... Молодые женщины... Женщины с красивыми грудями и восхитительными сосками, просвечивающими сквозь прозрачные чоли. Подонок Раманандачарья...

— Заткнитесь!.. Черт! Руки! О'кей!.. Эй, ты, жирный! У тебя есть одна вещь, без которой нам никак не обойтись.

До Наджьи доносятся голоса детей. Выстиранное белье исчезло с кустов, на его месте протянулись гирлянды флажков от двери на кухню до абрикосовых деревьев. Складные столики накрыты цветными скатертями и уставлены халвой и шербетом, расгулла и засахаренным миндалем, бурфи и большими пластиковыми бутылками со сладкой «колой».

Наджья идет по направлению к дому, а из открытой двери выбегают дети. Они прыгают по саду, весело хохоча.

— Я все это очень хорошо помню! — говорит Наджья, оборачиваясь к сарисину. — Мне тогда исполнилось четыре года. Как вам удалось так точно все воспроизвести?

— Все зрительные образы здесь — результат записи. Дети — такие, какими вы их помните. Память — очень податливая вещь. Мы не зайдем внутрь?

Наджья останавливается в дверях. Она вспоминает...

Шелковые салфеточки, которые по настоянию ее матери закрывают спинки всех стульев. Рядом со столом — русский, постоянно кипящий самовар. Сам стол, пыль и крошки, которые, казалось, въелись в китайскую резьбу. В этой резьбе четырехлетняя Наджья пыталась отыскивать дорожки и тропинки, по которым могли пройти ее куклы и проехать машинки. Электрическая кофеварка — тоже, как ей помнится, постоянно кипящая. Стулья, такие тяжелые, что она не могла их двигать сама и частенько просила горничную Шукрию помочь строить дома и магазины из веников и простыней. Вокруг стола сидят роди-

тели Наджьи и их друзья, они беседуют за чаем или кофе. Мужчины отдельно, женщины — отдельно. Мужчины говорят о политике, о спорте, о карьере; женщины — о детях, о ценах и о карьере мужей. Звонит палм ее отца, и он недовольно морщится...

Да, это отец. Таким она его очень хорошо помнит по семейным фотографиям. Тогда у него была густая шевелюра, аккуратно подстриженная борода еще не поседела, а в не идущих мужчине новомодных очках для чтения не было нужды...

Отец бормочет какие-то извинения, идет в свой кабинет, в который четырехлетнюю Наджью никогда не пускали, боясь тех острых, опасных, ядовитых и заразных вещей, что доктор держал у себя. Наджья видит, как он выходит с черным портфелем, своим другим черным портфелем, тем, которым он пользовался изредка, приберегая для особых визитов. Она видит, как отец тихо, почти незаметно выходит на улицу.

— Это был мой день рождения, а он пропустил и момент вручения подарков, и сам праздник. Отец пришел очень поздно, уже после того, как все разошлись, и был так утомлен, что ни на кого не обращал никакого внимания.

Сарисин манит ее на кухню. Наджья поднима-

ется всего на три ступеньки, но проходит целых три месяца, и теперь она находится посреди темной осенней ночи. Женщины готовят ифтар: это время месяца Рамадан. Наджья следует за подносами с едой, которые несут в столовую. В тот год друзья ее отца, коллеги из больницы и военные, часто собирались у них дома по вечерам в Рамадан, беседовали о бунтующих студентах и радикальных священнослужителях, способных вновь ввергнуть страну в мрачное средневековье, о беспорядках, забастовках и арестах. Тут они замечают маленькую девочку, стоящую рядом со столом с большой чашкой риса, прекращают разговоры, улыбаются, ерошат ей волосы, что-то шепчут на ухо. Внезапно запах риса с томатами становится невыносимым. Резкая боль пронзает голову Наджьи, и она роняет тарелку с рисом. Наджья кричит. Никто ее не слышит. Друзья отца продолжают свою беседу. Но тарелка с рисом не падет на пол, она зависает в воздухе. Так работает память... Она слышит, как произносятся слова, которые не может вспомнить.

— ...предъявят требования к муллам...

— ...переведут деньги на оффшорные счета. В Лондоне, кажется, понимают наши здешние проблемы...

— ...ваше имя будет стоять одним из первых во всех списках...

— ...Масуд не допустит этого. С их стороны...

— ...знаете о точках равновесия? Американцы все рассчитают. Но, по сути, начинаешь понимать, что она сместилась, когда уже слишком поздно что-либо менять...

— ...Масуд никогда не позволит довести ситуацию до такой стадии...

— ...на вашем месте я бы был крайне осторожен. У вас ведь есть жена, маленькая Наджья...

Рука тянется, чтобы потрепать ее мягкие кудрявые черные волосы. Все вокруг меняется, и вот она уже стоит в пижаме у приоткрытой двери в гостиную.

— Что вы сделали со мной? — спрашивает Наджья у сарисина, которого скорее чувствует, чем видит. — Я слышала такое, о чем уже успела давно забыть, о чем не вспоминала практически всю свою сознательную жизнь...

— Гиперстимуляция обонятельного эпителия. Наиболее эффективный способ пробуждения глубоко запрятанных слоев памяти. Обоняние — самый мощный активатор памяти.

— Рис с томатами... как вы узнали?

Наджья говорит шепотом, хотя очевидно, что

родители не могут ее слышать, они способны только играть свои заранее определенные роли.

— Воспоминания — это то, из чего я сделан, — говорит сарисин, и у Наджьи снова перехватывает дыхание.

Девушка корчится от нового приступа мигрени, как только аромат воды с цветками апельсинового дерева отбрасывает ее в прошлое. Она широко распахивает слегка приоткрытую дверь, сквозь которую проникает яркий луч света. Ее отец и мать поднимают головы от освещенного светом лампы стола. Наджья прекрасно помнит, что стрелки на часах показывали одиннадцать. Она помнит, что они спросили у нее: что случилось, почему ты не спишь, сокровище?.. И она помнит, как ответила им, что не может уснуть из-за вертолетов. Но Наджья уже успела забыть, что на лакированном кофейном столике под стопками отцовских дипломов, сертификатов, свидетельств о его членстве в различных научных обществах лежит кусочек черного бархата величиной с книжку-раскраску. На бархате, словно маленькие звездочки, кажущиеся такими ослепительно яркими в свете настольной лампы — Наджья не может понять, каким образом ей удалось это забыть, — рассыпаны алмазы.

Грани алмазов раскрывают ее, несут вперед во времени, словно осколок стекла в калейдоскопе.

Зима... Абрикосовые деревья стоят голые. Нанесенный ветром сухой снег, острый, как гравий, лежит у белой стены, забрызганной водой. Горы кажутся настолько близкими, что от них исходит почти физически ощутимый холод. Наджья помнит, что их дом был последним в квартале. У ворот улица заканчивалась, и дальше до самых предгорий тянулась пустошь. За стеной была пустыня. Последний дом Кабула. В любое время года ветер выл посреди большой равнины, подбрасывая в воздух все, что попадалось ему на пути. Наджья не помнит ни одного абрикоса с тех деревьев, что росли в саду...

Она стоит в зимнем пальто с меховым капюшоном, в теплых сапогах и варежках на резинке. Прошлой ночью Наджья услышала шум в саду, выглянула в окно, но шум исходил не от солдат и не от «плохих» студентов, а от отца, копавшегося в земле среди фруктовых деревьев. И вот она стоит на небольшой горке свежевырытой земли с садовым совком в руке. Отец сейчас в больнице, помогает женщинам рожать детей. Мать смотрит по телевизору индийскую «мыльную оперу», переведенную на пуштунский язык. Все говорят, что

фильм очень глупый, до пошлости индийский и что смотреть его — пустая трата времени, но все-таки смотрят. Наджья опускается на колени и начинает копать землю. Все глубже и глубже. Зеленое эмалированное лезвие лопаты ударяется обо что-то металлическое. Повозившись, Наджья вытаскивает странную вещь, которую отец закопал в этой части сада. Вытащив штуковину, она сразу же с отвращением ее отбрасывает, приняв мягкий бесформенный предмет за дохлую кошку. И тут Наджья понимает, что это такое. Черный портфель. Тот, другой черный портфель, для специальных визитов. Она протягивает руку к его серебряным замкам.

В воспоминаниях Наджьи Аскарзады точку ставит крик матери, раздавшийся от кухонной двери. В памяти остались обрывки каких-то криков, злобных голосов... наказание, боль — и полуночное бегство по улицам Кабула. Она прекрасно помнит себя лежащей на заднем сиденье несущейся машины... перемежающиеся пучки света от уличных фонарей. В виртуальном детстве, устроенном для нее сарисином, крик матери угасает, и на смену ему приходит острый аромат зимы. Запах холода, стали и смерти настолько силен, что Наджья на мгновение почти слепнет. И в

это мгновение вспоминает все. Она вспоминает, как открыла портфель. Ее мать бежит по двору, разбрасывая в стороны пластиковые стулья, которые стояли там в любое время года. Она помнит, что заглянула внутрь. Мать зовет ее по имени, но Наджья не обращает на нее никакого внимания, ведь там, внутри — игрушки, блестящие металлические игрушки. А еще темные, резиновые. Она вспоминает, как своими ручонками в рукавичках вынимала из портфеля предметы из нержавеющей стали и рассматривала их на не очень ярком зимнем солнце: расширитель, кривая игла для наложения швов, приспособление для выскабливания, шприц, тюбики с гелем, электроды... Мать оттаскивает Наджью за меховой капюшон, вырывая у нее из рук металлические и резиновые предметы, отшвыривая дочь на садовую дорожку. Она падает на жесткий от мороза гравий, раздирает о камешки теплые штанишки, оцарапывает колени.

Изящные ветви абрикосовых деревьев опутывают Наджью и вбрасывают ее в чужие воспоминания. Она никогда не бывала в этом коридоре из бетонных блоков с зеленым полом, но прекрасно знает о его существовании. Перед ней в прямом смысле слова плод настоящей фантазии.

Коридор напоминает те, что можно увидеть в больнице, но здесь отсутствует специфический больничный запах. Зато есть большие стеклянные вращающиеся двери, как в клиниках. Краска на ручках облупилась: это говорит о том, что здесь часто проходят люди, но в данный момент в коридоре только Наджья. С одной стороны холодный ветер дует сквозь жалюзи, с другой — двери с именными табличками и номерами. Наджья проходит сквозь одну пару дверей, потом через вторую, через третью. С каждым шагом все громче становится какой-то шум, рыдания, плач женщины на последнем пределе отчаяния, там, где уже не остается места для стыда и чувства собственного достоинства. Наджья идет в том направлении, откуда доносится плач. Она проходит мимо больничной каталки, которую кто-то бросил у дверей. На каталке завязки для лодыжек, запястий, поясницы. Для шеи. Наджья проходит через последние двери. Плач переходит в истерические всхлипы. Он раздается из-за последней двери слева. Наджья распахивает ее и удерживает, несмотря на тугую пружину.

Середину комнаты занимает стол, а середину стола — женщина. Микрофон, находящийся рядом с головой женщины, подсоединен к запи-

сывающему устройству. Женщина совершенно голая, а ее руки и ноги привязаны к кольцам по углам стола. У нее ожоги, следы от сигарет — на груди, на внутренней стороне бедер, на выбритом лобке. Блестящий хромированный расширитель открывает ее влагалище взору Наджьи Аскарзады. У ног женщины сидит мужчина во врачебном халате и зеленом пластиковом фартуке. Он заканчивает смазывать контактным гелем короткую электрическую дубинку, раздвигает расширитель до максимума и просовывает дубинку между стальными краями. Вопли женщины становятся нечеловеческими. Мужчина вздыхает, оглядывается на дочь, поднимает брови в знак приветствия и продолжает свои действия.

— Нет!.. — кричит Наджья.

Она видит какую-то белую вспышку, вокруг нее все ревет, словно уже настал конец света, ее кожа мерцает от синэстетического шока. Наджья чувствует запах лука, каких-то храмовых благовоний, сельдерея и ржавчины и приходит в себя на полу студии «Индиапендент». Над ней склоняется, присев на корточки, Тал. Ньют держит ее хёк в руке. Разрыв связи. Нейроны безумствуют. Губы Наджьи Аскарзады движутся, она пытается говорить. Девушка должна многое высказать,

задать массу вопросов, но не может: ее выбросило из иного мира.

Тал протягивает свою изящную руку, настойчиво зовет ее куда-то.

— Пойдем, дорогуша, нам пора.

— Мой отец, он сказал...

— Он много чего сказал, детка. Не хочу знать... пусть все остается между вами. Нам нужно уходить...

Тал хватает Наджью за руку, тащит, пытается поднять ее, а она продолжает лежать в неуклюжей уродливой позе на полу. Ньют прорывается сквозь всплеск воспоминаний: абрикосовые деревья зимой, открывающийся мягкий черный портфель, пробег по коридору, комната со столом посередине и хромированным записывающим устройством.

— Он показал мне отца. Он перенес меня в Кабул, он показал мне отца...

Тал выводит Наджью через аварийный выход на грохочущую под их шагами железную лестницу.

— Я уверен, он показал вам все, чтобы заставить болтать как можно дольше, чтобы карсеваки смогли отыскать нас здесь... Звонил Панде, говорит, что они приближаются. Детка, ты слишком

доверчива. Я ньют, я никому не доверяю. Теперь идем, если не хочешь кончить, как наша благословенная госпожа премьер-министр.

Наджья бросает прощальный взгляд на экран монитора, на хромированную дужку хёка, лежащего на столе. Иллюзии, призванные успокоить совесть... Девушка следует за Талом, как маленькое дитя.

Аварийная лестница напоминает стеклянный цилиндр из дождя. Создается впечатление, что находишься внутри водопада. Рука об руку Наджья и Тал спускаются вниз по железным ступеням по направлению к горящей зеленым светом табличке «Выход».

Томас Лалл ставит на стол последнюю из трех фотографий. Лиза Дурнау замечает, что он поменял их местами. Теперь последовательность такая: Лиза, Лалл, Аж. Обычный карточный фокус.

— Я все больше склоняюсь к мысли, что время превращает вещи в свои противоположности, — говорит Лалл.

Лиза Дурнау смотрит на него поверх щербатого стола из меламина. Кораблик, следующий по маршруту Варанаси — Патна, предельно перегружен, все углы и закутки заняты женщинами,

прячущими лица, громадными тюками и замызганными ребятишками, глазеющими по сторонам с открытыми от удивления ртами. Томас Лалл помешивает чай в пластиковой чашке.

— Помнишь в Оксфорде... как раз перед...

Он не договаривает и качает головой.

— Я все-таки не позволила расклеивать гребаные «кока-кольные» баннеры на «Альтерре».

Тем не менее Лиза ничего не рассказывает Томасу о тех страхах, которые возникли у нее относительно вверенного ей мира. Она ненадолго окунулась в «Альтерру» в консульском отделе, когда ожидала получения дипломатического статуса. Пепел; почерневшие, обгорелые камни; небо как после ядерного взрыва... Ничего живого... Мертвая планета... Мир столь же реальный, как и любой другой в философии Томаса Лалла. Но сейчас Лиза не способна думать о нем, ощущать его, горевать о его трагической судьбе. Она полностью сосредоточена на том, что лежит перед ней на столе. Однако где-то в глубинах ее сознания затаилось подозрение, что гибель «Альтерры» каким-то загадочным образом связана с людьми на фотографиях и их жизнью.

— Боже, Лиза Дурнау! Чертов почетный консул...

— Тебе больше нравился тот полицейский участок?

— Но ведь ты же отправилась для них в космос.

— Только потому, что они не смогли найти тебя.

— Я бы не полетел.

Она вспоминает, как нужно на него смотреть. Томас беспомощно поднимает руки.

— Хорошо, я мерзкий лжец. — Человек, сидящий на противоположном конце их стола, таращится на американца, склонного к такой самокритике. Лалл осторожно, даже с благоговением, касается каждой фотографии. — Я ничего не могу сказать по их поводу. Извини за то, что тебе пришлось проделать такой громадный путь, чтобы получить подобный ответ, однако ничем не могу помочь. Но, может быть, у тебя самой есть ответ? Ведь здесь есть и твоя фотография. Единственное, что я все-таки могу сказать наверняка: там, где было две тайны, теперь осталась одна.

Лалл вынимает палм, находит украденную им фотографию головы Аж изнутри, мерцающую плавучими дийя белковых процессоров, и ставит рядом со снимками со Скинии.

— Думаю, мы можем заключить некое подобие

сделки. Помоги мне найти Аж, и я выдам тебе все свои соображения насчет Скинии.

Лиза Дурнау извлекает «Скрижаль» из мягкой кожаной сумки и ставит ее рядом с собственным изображением, полученным на Скинии.

— Ты вернешься со мной?

Томас Лалл отрицательно качает головой.

— Нет, не пойдет. Назад я не поеду.

— Но ты нужен нам.

— Вам? Сейчас ты скажешь мне, что мой долг как человека и гражданина не только Америки, но и всего мира, состоит в том, чтобы принести в жертву личные интересы ради столь эпохального события, как контакт с внеземной цивилизацией?

— Да пошел ты, Лалл...

Лиза добавляет нецензурное слово.

Человек на противоположном конце стола таращится в их сторону, будучи не в силах поверить, что подобное может исходить из уст женщины. Судно дергается, столкнувшись с каким-то затонувшим объектом.

Сегодняшним дождливым утром судно, идущее на Патну, представляет собой нечто, похожее на контейнер для перевозки беженцев. Варанаси пребывает в судорогах. Отголоски того, что

произошло на развязке Саркханд, разошлись по всему городу, кристаллизовав застарелую вражду и ненависть. Теперь охотятся уже не только за ньютами, но и за мусульманами, сикхами, европейцами, американцами. Город Шивы бьется в конвульсиях, требуя все новых жертв. Американские морские пехотинцы сопровождали дипломатический автомобиль от полицейского участка через наспех возведенные бхаратскими военными пропускные пункты. Томас Лалл пытался понять причину такого внимания к себе со стороны американского правительства, пока джаваны и морские пехотинцы мрачно созерцали друг друга. Звуки сирен заполняли ночной город. У них над головой постоянно маячил вертолет.

Конвой промчался мимо нескольких разграбленных магазинчиков. Их стальные ставни были вырваны с корнем или вдавлены внутрь окон. Мимо проехал пикап «ниссан», забитый молодыми карсеваками. Ребята наклонились, чтобы повнимательнее разглядеть, кто сидит в посольском автомобиле. Их глаза полны ненависти. В руках у них тришулы, садовые вилы, какие-то старинные кинжалы. Водитель бросил на них злобный взгляд, нажал на педаль и поехал

дальше, истошно сигналя. Повсюду запах гари и воды.

— А ведь Аж где-то там, — говорит Лалл.

Когда судно вошло в док, шел сильный дождь, смешавшийся с дымом, но горожане потихоньку вылезали на улицы, выглядывали из дверей, поспешно проскакивали мимо сожженных «марути» и разграбленных мусульманских магазинов. По широким магистралям сновали фатфаты. В любых условиях надо зарабатывать на жизнь. Город, на несколько часов задержавший дыхание, теперь позволил себе медленный судорожный выдох. Большая толпа спускалась по узким улицам к реке. С ручными тележками и целыми подводами, на перегруженных рикшах и в фатфатах, на сигналящих «марути», в такси и на пикапах мусульмане бежали из города. Томас Лалл и Лиза пробирались вперед среди бесчисленных уличных пробок. Многие, отчаявшись, бросали средства передвижения и тащились пешком с драгоценными пожитками: компьютерами, швейными машинками, токарными станками, громадными тюками с постельными принадлежностями и одеждой.

— Я встречался с Чандрой в университете, — сообщил Томас Лалл, когда они наконец пробрались

сквозь массу брошенных рикш и вышли на гхаты, где у самого края реки несколько отдельных потоков беженцев слились в единую громадную ведическую орду. — Анджали и Жан-Ив работали в лаборатории, занимавшейся изучением возможности создания интерфейса «человек-сарисин». Говоря точнее, включением матриц с белковыми чипами в нейронные структуры, прямым соединением компьютера с мозгом...

Лиза Дурнау изо всех сил старается не потерять Лалла в толпе. Его ярко-голубая пляжная рубашка, словно маяк, мелькает среди тел и вещей. Стоит споткнуться на каменных ступеньках — и тебя растопчут.

— ...Адвокат дал Аж фотографию. На ней она изображена после какой-то операции вместе с Жан-Ивом и Анджали. Я узнал местность, где был сделан снимок. Это Патна. А потом я кое-что вспомнил. Кое-что из того времени, когда я еще работал в пляжных клубах. Там было много эмотиков и людей, ими торговавших. Большая часть дури, конечно, привозилась из Бангалора и Ченнаи, но встретил я там и одного парня, который привез товар с севера, из зоны свободной торговли в Патне. Они продают там то же самое, что и в Бангалоре, но за четверть цены.

Тот парень совершал поездки туда раз в месяц и как-то рассказал мне об одном то ли враче, то ли знахаре, который делает в Патне радикальные операции мужчинам и женщинам, не желающим быть мужчинами и женщинами. Я думаю, ты понимаешь, что я имею в виду.

— Да, делает из них ньютов, — кричит Лиза поверх множества человеческих голов.

Команда судна загородила и опечатала воротца, ведущие к пристани, а теперь принимает деньги из рук, просунутых сквозь решетку, и пропускает беженцев. Лиза прикидывает, что они находятся примерно на полпути к воротам, но она уже начинает уставать.

— Да-да, ньютов, — кричит Лалл. — Тут весьма отдаленная связь, но если я прав, это как раз и есть отсутствующее звено...

Звено чего? — хочется спросить Лизе Дурнау, но толпа теснит ее и несет дальше. С каждой секундой на судно набивается все больше и больше народу. Беженцы стоят по пояс в воде Ганга, протягивают матросам маленьких детей, но те без всякого снисхождения отталкивают их шестами.

Томас тянет Лизу к себе. Им удается пробиться в начало очереди. Стальные воротца открылись, стальные воротца закрылись... Человеческие

тела теснятся у загородки.

— Зеленые есть?..

Лиза копается в сумочке и находит триста долларов в дорожных чеках. Лалл машет ими в воздухе.

— Доллары США! Доллары США!..

Стюард манит его. Команда отбрасывает от сходней теснящуюся толпу.

— Сколько вас?

Томас Лалл поднимает два пальца.

— Заходите быстрее!..

Они протискиваются сквозь щель, специально оставленную для них в воротцах, взбегают по трапу. Десять минут спустя до предела переполненное судно отходит от берега. Лиза Дурнау смотрит в окно, и толпа начинает напоминать ей большой комок запекшейся крови.

В битком набитом салоне она открывает перед Лаллом свою «Скрижаль». Он листает страницы с данными.

— Ну и как оно было в космосе?

— Душно. Утомительно. Большую часть времени не можешь прийти в себя. По сути, не видишь ничего интересного.

— Слегка напоминает рок-фестиваль. Значит, ты считаешь находку артефактом внеземной

цивилизации? Но если Скинии семь миллиардов лет, почему же мы повсюду не видим инопланетян, ее создавших?

— Вариант парадокса Ферми: если инопланетяне существуют, то где они?.. Давай будем исходить из следующего: если мы предположим, что создатели Скинии распространялись по вселенной со скоростью одной десятой процента от скорости света, через семь миллиардов лет они колонизировали бы пространство до галактики в созвездии Скульптора.

— Не было бы ничего, кроме них...

— Но мы находим только маленький паршивенький астероид? Не думаю. И еще один дополнительный момент: если он действительно в два раза старше Солнечной системы...

— Откуда они знали, что через много миллиардов лет мы найдем их артефакт?..

— ...и что это облако звездной пыли когда-нибудь породит тебя, меня и Аж... Мне кажется, мы можем отбросить теорию о пришельцах. Вторая гипотеза: мы имеем дело с посланием от Господа Бога.

— Ну, Лалл, прошу тебя!

— Могу поспорить, что за молитвой перед завтраком в Белом доме такой слушок настоятельно

распространяется. Конец света близок.

— В таком случае нам придется отказаться от рационального взгляда на мир. И снова возвратиться в Эпоху Чудес.

— Совершенно верно. Мне бы не хотелось считать, что моя жизнь ученого была пустой тратой времени. Поэтому я склонен придерживаться теорий, которые сохраняют хоть толику рациональности. Третья гипотеза: другая вселенная.

— Подобная мысль и мне приходила в голову, — замечает Лиза Дурнау.

— Если кто-то и знает, что там, в Поливерсуме, творится, то это ты. Результатом Большого Взрыва стало не только расширение, но и разделение вселенной на ряд отдельных вселенных, и в каждой из них имеются свои физические законы, слегка отличающиеся от законов во всех остальных мирах. Существует определенная вероятность того, что есть по крайней мере еще одна вселенная с Аж, Лаллом и Дурнау.

— Увиденных семь миллиардов лет назад?

— Все дело в разных физических законах. Время движется быстрее.

— Гипотеза номер четыре...

— Четвертая гипотеза: все это — лишь игра. Точнее, имитация. В своей основе физическая ре-

альность представляет собой некий набор правил и вариантов их применения — применения тех простых программ, из которых и возникает вся немыслимая сложность. Компьютерная виртуальная реальность выглядит точно так же... Всю свою жизнь я говорю о чем-то подобном, Лиза. Но здесь-то собака и зарыта. Мы оба — подделки. Повторные прогоны на конечном компьютере в Пункте Омега в конце пространства-времени. Всегда будут шансы в пользу того, что наша реальность всего лишь повторной прогон, а не оригинал.

— И в системе появились ошибки. Наш таинственный астероид возрастом в семь миллиардов лет...

— Некий новый поворот сюжета.

Мимо проходит продавец чая. Он покачивает электрическим самоваром из нержавеющей стали и распевает мантру: чай, кофе... Томас Лалл покупает у него чашку свежего чая.

— Не представляю, как ты можешь пить эту дрянь, — говорит Лиза.

— Гипотеза номер пять. Для загадочного артефакта внеземной цивилизации астероид несколько громоздок. Мне приходилось видеть более убедительные образцы вещей подобного

сорта в «Городе и деревне».

— Мне кажется, я поняла, что ты хочешь сказать. Складывается впечатление, что мы могли создать нечто подобное, если бы хотели направить послание самим себе.

— Нечто такое, что никак нельзя проигнорировать. Астероид, который может столкнуться с Землей, но в самый последний момент сходит с опасной орбиты.

Лиза задумывается.

— Это что-то из нашего будущего.

— Думаю, из очень недалекого. Полагаю, нечто подобное будет вполне достижимо через какую-нибудь пару столетий.

— Значит, мы имеем дело с предупреждением?

— Зачем же еще отправлять что-либо назад? Только для того, чтобы изменить историю. Наши прапрапраправнуки столкнулись с чем-то таким, с чем они не в состоянии справиться. Но вот если бы им можно было вернуться на парочку столетий назад и кое-что изменить...

— Не могу себе представить, с чем таким неразрешимым могли столкнуться потомки, если они способны посылать подобные объекты в прошлое...

— А я могу, — перебивает ее Томас Лалл. — С

последней страшной войной между людьми и сарисинами. К тому времени, о котором мы сейчас ведем речь, мы уже будем иметь дело с поколением десять, которое по своим возможностям в сто миллионов раз превосходит поколение три...

— Это значит, что они будут действовать на том же уровне, что и коды Вольфрама-Фридкина, которые лежат в основе нашей физической реальности, — говорит Лиза Дурнау. — А тогда...

— Они смогут непосредственным образом воздействовать на физическую реальность.

— Ты говоришь уже о настоящей магии. Боже, о магии!.. Господи, Лалл, у меня есть серьезные возражения. Во-первых, они ведь забросили его на семь миллиардов лет назад...

— Какая-то гравитационная аномалия превратила облако космической пыли в то, что сейчас является Солнечной системой. А пролетающая мимо черная дыра могла бы создать фикспойнт пространственно-временного туннеля. По крайней мере посылая свой артефакт так далеко во времени, потомки знали наверняка, что он нас найдет.

— Ну что ж, неплохо, Томас. Тогда попробуй ответить на это. Если данный артефакт рассматривать как послание, то оно, мягко говоря,

несколько туманно. Почему бы просто не отправить нам нечто вроде «помогите, нас совсем затрахал Искусственный Интеллект, теперь по своим возможностям сравнимый с богами»?

— И каков, по-твоему, был бы результат? Нет, они рассчитывали на то, что к тому времени, когда мы сможем расшифровать послание, мы будем готовы действовать в соответствии с их пожеланиями.

— И все же ты не убедил меня, Томас. Даже при всем том, о чем мы сейчас говорим, при всех поколениях десять, пространственно-временных туннелях и при том, что, получив их послание, мы будем иметь фору перед ними, а они будут обречены, я все равно не могу понять самого главного: какое, черт возьми, отношение ко всему перечисленному имеем ты, я и восемнадцатилетняя девица, умеющая разговаривать с роботами?..

Томас Лалл пожимает плечами и широко улыбается, как бы говоря: не знаю, да это меня и не заботит. Подобная, столь характерная для него реакция всегда выводила Лизу из себя во время их бесчисленных дискуссий в прошлом.

Лалл демонстрирует на экране похищенные им изображения изнанки черепа Аж.

— Теперь твоя очередь.

— Хорошо. Но для меня здесь нет никакой тайны. Просто подтверждение. Тайна только в том, как девушке удалось остановить роботов авадхов. Итак, когда мы отбросим магию и Господа Бога, у нас останется чистая техника. И то, что там у нее внутри, тоже чистая техника, позволяющая человеческому мозгу вступать в непосредственный контакт с машиной. Она их просто «взломала».

— Никакого Бога, никаких богов, — повторяет Томас Лалл.

Лиза чувствует, как судно дрожит, замедляя ход и приближаясь к переполненным пристаням Патны. Сквозь стекло она видит безликие промышленные строения громадного города.

— Кстати, что она может видеть? Информационный ореол вокруг людей и предметов. Она видит птицу и тут же сообщает ее название и вид. Вообще-то это очень напоминает справочник «Птицы юго-западной Индии». На железнодорожной станции она говорит каким-то старикам, что их сын арестован, объясняет, на какой поезд нужно сесть, какого адвоката нанять, что, в свою очередь, очень похоже на уголовную хронику, на страницы ахмедабадской «желтой» прессы и на расписание мумбайской железной дороги. Дру-

гими словами, она очень смахивает на человека, мозг которого подключен к интернету.

Лиза легким движением касается призрачных изображений на «Скрижали».

— Вот в чем вся суть ее тайны. Я не знаю, кто она такая. Не знаю, каким образом Жан-Ив и Анджали впутались в эту историю, но знаю наверняка, что кто-то взял девушку и сделал из нее подопытного кролика, некую чудовищную экспериментальную модель для создания новой интерфейсовой технологии «человеческий мозг — машина».

Пассажиры зашевелились, собирая пожитки. Их недолгое путешествие по реке закончено, теперь им предстоит столкнуться с новым, незнакомым, чужим городом.

— До этого момента, Лиза, я с тобой согласен практически по всем пунктам, — говорит Томас Лалл. — Но здесь, как мне кажется, дело обстоит прямо противоположным образом.

Данная система создана не для взаимодействия человека с машиной. Мы имеем дело с системой, предназначенной для взаимодействия машины с человеческим мозгом. Аж — сарисин, вложенный в человеческое тело. Она первый и последний посланник третьего поколения человечеству.

Вот по какой причине, как я полагаю, мы все трое находимся в Скинии. Нам послано предсказание. Назначена встреча.

Она — сирота в городе богов и потому никогда не бывает одинока. Боги стоят у нее за спиной, боги кружат вокруг головы, боги мельтешат у ног, боги раскрываются перед ней, словно миллионы дверей. Она поднимает руку, и десять тысяч богов разлетаются, чтобы собраться вновь. Все здания, все машины, все фонари и неоновые рекламы, все уличные алтари и светофоры полны богов. Она бросает взгляд туда, и ей открываются мельчайшие подробности в правах владельцев фатфатов, даты рождения и адреса водителей, номера их страховых свидетельств, банковских счетов, свидетельств об образовании, детали их уголовного прошлого, экзаменационные оценки детей и размеры обуви жен. Боги выходят один из другого, как в детских играх. Боги проникают один в другого, словно золотые нити, вплетаемые в шелк на ткацком станке. На ночном горизонте за золотистой дымкой усыпанная драгоценностями корона из божеств. Посреди шума и грохота автомобилей, звука сирен, человеческих криков, оглушительной музыки ей отчетливо слышен шепот девяти миллионов богов.

Здесь опасно, предупреждает ее бог переулка, отходящего с ярко освещенной улицы с чайными барами и закусочными. Она останавливается, как только слышит нарастающий рев мужских голосов, несущийся по узкому переулку. Впереди с яростными криками идут студенты-карсеваки. Она выбирает одного из пространства, заполненного богами. Это Мангат Сингал, студент инженерно-механического факультета Бхаратского университета. В течение трех лет он состоит оплачиваемым членом молодежного движения шиваджистов. Дважды арестовывался за участие в беспорядках на развязке

Саркханд. У его матери диагностирован рак гортани, возникший в результате неумеренного курения: скорее всего еще до окончания нынешнего года она опустится в священные воды Ганга. Иди туда, говорит ей бог у стоянки такси и показывает «марути», который находится на соседней улочке, но едет сюда. В чайных лавочках продавцы в панике сворачивают свою торговлю. Она слышит звон стойки, которую разбили карсеваки. Ущерб оценивается в двадцать тысяч рупий, сообщает ей бог страхования мелкого бизнеса. Однако названная сумма не выплачивается в случае причинения ущерба в ходе политических

беспорядков. Ты дойдешь до своего такси через тридцать пять секунд. Здесь сверни налево. И она оказывается в нужном месте в тот момент, когда «марути» поворачивает из-за угла и останавливается, повинуясь ее жесту.

— Туда нельзя ехать, — говорит ей водитель, когда она называет ему адрес в районе трущоб.

— Я хорошо заплачу вам. — Торговый автомат здесь направо, сообщает бог магазинов. — Остановите здесь.

Карточка проходит в автомат легко — без всякого кода, без всяких вопросов, без какого бы то ни было сканирования. Сколько тебе нужно? — спрашивает бог электронной банковской системы. Она задумывает пятизначное число. Деньги так долго выходят из щели, что она начинает бояться, как бы водитель не уехал в поисках более надежного клиента. Но бог видеокамер, установленных на улицах, сообщает, что такси с номером VRJ117824C45 все еще ждет. Она забирает толстые пачки денег из банкомата и направляется к машине.

— Этого с вас будет достаточно?

Она сует горсть банкнот в лицо водителю.

— Детка, да за такие деньги я довезу тебя до Дели...

Водитель любит поболтать. Кругом беспорядки. Им бы только предлог найти. Только бы не учиться. А вот когда дело дойдет до поиска работы, тогда они пожалеют, да будет уже поздно. А вы, кажется, были замешаны в уличных беспорядках?.. Нет, молодой человек, мы не берем на работу хулиганов и головорезов. А Саджида Рана, наш премьер-министр? Кто бы мог подумать! Убита собственным охранником. Мама Бхарата. И что мы теперь будем делать? Об этом кто-нибудь подумал?.. И да помогут нам боги, когда мы уже не сможем больше сопротивляться, ведь авадхи катком прокатятся по нашим телам...

Аж наблюдает за тем, как боги громадными эскадронами, подразделениями и отрядами собираются у нее за спиной, образуя над городом светящееся полушарие. Она хлопает водителя по плечу. Тот от неожиданности чуть было не врезается в какой-то сарайчик из кирпича и пластика.

— С вашей женой ничего не случилось, она в безопасности и нынешнюю ночь проведет у матери, а как только все уляжется, вернется домой...

Вскоре после этого она выходит. Здесь богов совсем мало. Примерно столько же, сколько и звезд на здешнем ночном небе. Они в основном роятся вокруг больших желтых натриевых светильни-

ков на главных проспектах, над автомобилями, которые мчатся под дождем. Мерцанием они выдают свое присутствие вдоль коммуникационных кабелей, но трущобы дальше темны, лишены их священного присутствия. Шепот богов влечет Аж в темноту. Мир живет своей жизнью, город пылает огнями, но трущобы должны спать. Испуганное изумленное лицо взирает на нее из круглосуточной чайной. У продавца такой вид, словно он увидел джинна, явившегося из вихря. Иди до тех пор, пока не дойдешь до высокой опоры электропередачи, шепчет ей бог кабельного канала «Эм-ти-ви-Азия» с бледно-голубого экрана. Божества свисают с перекладин электрических мачт, словно листья с деревьев. Налево, говорят они. Туда, где две ступеньки ведут вниз и где вход прикрывает пластиковая тара из-под удобрений. Невозможно заблудиться даже в такой вонючей темноте, если твои провожатые — боги. Она чувствует контуры какой-то лачуги. Кусок пластика, заменяющий дверь, скрипит от ее прикосновения. Внутри кто-то просыпается. Именно сюда ведет ее информация из базы данных ДНК. Закат за спиной Аж озарен серовато-тусклым свечением, пробивающимся сквозь сияние богов. Аж поднимает пластиковый мешок и, пригнувшись,

заходит внутрь.

Они кричат и стучат в двери целых двадцать минут, но добрый доктор Нанак сегодня не принимает посетителей. Двери опечатаны, люки задраены, на окнах ставни с большими медными замками. Томас Лалл стучит кулаком в дверь серого цвета.

— Ну же, открывай, черт тебя дери!..

В конце концов он начинает бросать в зарешеченные окна все, что попадает под руку. Лужицы на серой палубе становятся все больше и больше: дождь продолжает идти. Происходящее привлекает внимание австралийцев с соседней баржи. Два парня лет двадцати с небольшим в обтягивающих штанах до колен спускаются по трапу. Вода стекает с их светлых волос, но они идут под дождем так, словно это совершенно естественно. Лиза Дурнау, укрывшаяся под навесом, внимательно рассматривает парней. Их мускулатура поистине живописна.

— Дружище, неужели непонятно: если гуру нет, значит, его нет.

— Я видел, там внутри кто-то движется, — отвечает Томас Лалл и начинает кричать снова: — Эй!.. Я вас вижу! Вы ходите, у меня к вам есть несколько вопросов.

— Послушайте-ка, может, вы все-таки проявите уважение к желанию человека остаться одному, — замечает второй мускулистый парень. У него вокруг шеи спирали из резного нефрита на кожаном шнурке. — Гуру не дает интервью. Никому, нигде и никак. Понятно?

— Я вам не какой-нибудь журналистишко и не карсевак, — заявляет Томас и начинает взбираться на надстройку.

— Лалл! — кричит ему Лиза Дурнау.

— Нет, это уж слишком!.. — восклицает первый австралиец.

Парни хватают Лалла за ноги и стаскивают вниз. Профессор с глухим стуком падает на палубу.

— Вы явно злоупотребили нашим гостеприимством, — говорит австралиец с зеленой спиралью.

Они поднимают Лалла на ноги, заламывают ему руки и ведут к мостику, соединяющему баржи. Лиза Дурнау понимает, что пришло время для решительных действий.

— Нанак! — кричит она, стоя на мостике. За решеткой и грязным стеклом появляется человеческая фигура. — Мы не журналисты. Меня зовут Лиза Дурнау, а его — Томас Лалл. Мы хотим

побеседовать с вами о Калки.

Дверь открывается. Из нее выглядывает лицо, завернутое во множество шалей, лицо, очень напоминающее Ханумана, бога обезьян.

— Отпустите его.

Нанак, «врач-волшебник», снует по мостику — готовит хороший чай. После хайтековских корабельных надстроек интерьер его жилища производит странное впечатление — кругом плетеные кресла и вещи из бамбука в колониальном стиле.

— Простите меня за некоторую мою скрытность...

Нанак суетится с чайником, чашками и складным медным бенаресским столиком. Лиза Дурнау маленькими глотками отхлебывает чай и внимательно изучает хозяина плавучего дома. Ньюты не слишком распространенное явление в Канзасе. Особенности его кожи, искусно сделанные рубцы, идущие по обнаженной части левой руки, под которыми находятся подкожные механизмы искусственной стимуляции половой системы, вызывают у Лизы восторг. Она невольно задумывается над тем, что значит программировать собственные эмоции, планировать свою влюбленность и другие острые переживания,

выбирать направление для надежд и страхов. Девушка задается вопросом, а сколько различных разновидностей оргазма можно пережить таким образом?.. Но самый главный вопрос, который неотвязно вертится у нее в голове, — мужчина перед ней или женщина? По форме тела, по распределению жировых отложений, по одежде — намеренному эклектическому смешению всего чего угодно, с предпочтением широкого и свободно свисающего, — ничего определить невозможно. Все-таки мужчина, решает она. Сексуальная идентичность мужчин хрупка и текуча. Нанак продолжает разливать чай.

— В последнее время нас упорно преследуют. Но австралийцы, с которыми вы встретились, меня оберегают. Очень приятные молодые люди... Да и работа, которой я занимаюсь, требует определенной осмотрительности. Хотя должен признаться, профессор Лалл, ваш визит — большая честь для скромного лекаря.

Томас Лалл раскрывает палм и кладет его на столик. Нанак морщится, увидев то, что изображено на дисплее.

— Это самая сложная операция, на которую я когда-либо осмеливался. Несколько недель работы. Пришлось чуть ли не разобрать по частям весь ее

мозг. Полушария были извлечены и подвешены на проводах. Потрясающий эксперимент...

Лиза Дурнау видит, как напрягается лицо Лалла. Нанак касается его колена.

— С ней все в порядке?

— Девушка пытается найти своих настоящих родителей. Она поняла, что вся ее жизнь — сплошная ложь.

Губы Нанака складываются в беззвучное «О!».

— Но я ведь только предоставляю соответствующие услуги.

— Вас наняли вот эти двое?

Томас Лалл показывает фотографию на фоне храма, из-за которой и начались все его странствия.

— Да, — отвечает Нанак, пряча руки. — Они представляли влиятельного человека из Варанаси, Бадрината Сундарбана. Легендарная обитель Вишну... Мне заплатили два миллиона американских долларов, переведя указанную сумму на счет корпорации «Одеко». Я могу рассказать вам все подробности, если желаете. Почти весь бюджет ушел на пользовательское программное обеспечение. Разработчики эмотиков требуют больших денег, хотя должен вам признаться, что у нас они самые лучшие во всем Индостане.

— Бюджет, — презрительно выговаривает Томас Лалл. — Как у какой-нибудь пошлой телепрограммы...

Лиза Дурнау понимает, что ей пора вмешаться.

— Ее приемные родители в Бангалоре... Они на самом деле существуют?

— О, конечно же, все выдумка, мадам. Мы потратили большие деньги на создание правдоподобной легенды. Все должно было убедительно доказывать, что она обычное человеческое существо, что у нее было детство, родители и прошлое.

— Вы хотите сказать, что она?.. — спрашивает Лиза Дурнау, боясь услышать ответ.

— Сарисин в человеческом теле, — отвечает вместо Нанака Томас Лалл, и в его голосе слышны те ледяные нотки, которые, как прекрасно известно Лизе, страшнее любых вспышек гнева.

Нанак покачивается в своем плетеном кресле.

— Совершенно верно. Извините, все это крайне неприятно. Бадринат Сундарбан занимался разработкой искусственного интеллекта третьего поколения. План, как сообщили мне ваши коллеги, состоял в том, чтобы загрузить копию на наиболее высокие когнитивные уровни человеческого мозга. Тилак служил интерфейсом. В

высшей степени сложная операция. У нас получилось только с третьей попытки.

— Они напуганы, не так ли? — замечает Томас Лалл. — Они понимают, что конец близок. Сколько их осталось?

— Только три, полагаю.

— Они хотят знать, смогут ли жить с нами в мире или в любом случае должны погибнуть, но вначале понять нас. Человеческое в человеке поражает их и ставит в тупик. Для них это то самое чудо, которое способна понять Аж, вот для чего и выдуманное детство. Но сколько же ей лет на самом деле?

— Прошло восемь месяцев с тех пор, как она уехала отсюда вместе с вашими коллегами, которых принимала за своих настоящих родителей. И немногим больше года минуло с тех пор, как ко мне обратился сарисин Бадрината. О, вы бы видели ее в тот день, когда она покидала мою клинику! Девочка так радовалась, все вокруг было ей в новинку. Так называемые родители должны были отвезти ее в Бангалор. У них было очень мало времени, уровни памяти разворачивались, и, если бы они затянули с отъездом, последствия могли принять катастрофические масштабы.

— И вы бросили девочку на произвол судьбы?

— возмущенно произносит Лиза Дурнау.

Она постоянно напоминает себе, что находится в Индии. Цена человеческой жизни и индивидуальности здесь совсем иная, нежели в Канзасе или Санта-Барбаре. Тем не менее у Лизы голова кругом идет от одной мысли о том, что эти люди без зазрения совести сделали с несчастной девочкой.

— Таков был план. У нас была еще одна легенда. Якобы она решила после школы попутешествовать по Индии.

— Но неужели вам никогда не приходило в голову что-то помимо всех ваших планов, легенд, развертывания уровней памяти и всякой китайской медицины? Неужели не ясно: для того, чтобы сарисин мог жить, человеческая личность должна умереть? — взрывается Лалл.

Теперь Лиза Дурнау касается его ноги. Спокойнее... Тише... Возьми себя в руки...

Нанак улыбается светлой улыбкой раздающего благословения святого.

— Дело в том, сэр, что ребенок был имбецилом. У нее не было никакой индивидуальности, никакого «Я» в принципе. Вряд ли можно говорить даже о какой-то реальной жизни в человеческом смысле слова. Это являлось необходимым условием.

Мы, конечно же, никогда, ни при каких условиях не стали бы использовать в качестве носителя нормального человека. Родители девочки безумно радовались, когда ваши коллеги купили у них девочку. Они думали, что у их ребенка появится хоть какой-то шанс на нормальную жизнь. Они были счастливы и благодарили господа Вишну...

С негодующим ревом Томас Лалл вскакивает на ноги, сжав кулаки. Нанак отскакивает в сторону от возмущенного профессора. Лиза Дурнау гладит кулак Томаса, пытаясь его успокоить.

— Оставь, успокойся, — шепчет она. — Сядь, Лалл, сядь.

— Будьте вы прокляты!.. — кричит Лалл творцу ньютов. — Будьте вы прокляты, будь проклят ваш Калки и будь прокляты Жан-Ив и Анджали!..

Лиза заставляет его сесть. Нанак немного приходит в себя, но не осмеливается подойти ближе.

— Я приношу извинения за поведение моего друга, — говорит Лиза. — Это следствие переутомления...

Она сжимает плечо Лалла.

— Я думаю, нам пора идти.

— Да, наверное, так будет лучше, — говорит Нанак, плотнее закутываясь в шали. — У меня очень деликатный бизнес. Я не могу допустить

подобных криков у себя в доме.

Томас Лалл качает головой, чувствуя нестерпимое отвращение к самому к себе и ко всему, что здесь говорилось. Прощаясь, он протягивает руку, но ньют не принимает ее.

Чемоданы гремят маленькими колесиками по асфальту центральных улиц. Но тротуары здесь неровные, асфальт потрескавшийся и с выбоинами, а ручки у чемоданов сделаны из скрученного пластика.

Кришан с Парвати пытаются двигаться как можно быстрее, поэтому через каждые несколько метров чемоданы опрокидываются, а их содержимое рассыпается. Такси проезжают мимо, не обращая никакого внимания на поднятую руку Кришана. Рядом проносятся грузовики с солдатами. То с одной стороны, то с другой, то сзади, то впереди раздается пение карсеваков. Они уже совсем близко, поэтому Кришану и Парвати приходится спрятаться в подворотне. Парвати страшно утомлена, насквозь промокла, сари прилипает к телу, волосы свисают мокрыми прядями, а до вокзала еще целых пять километров.

— Слишком много одежды, — шутит Кришан. Парвати улыбается. Он берет оба чемодана, по одному в каждую руку, и идет дальше. Вдвоем

они продвигаются по улицам, стараясь держаться поближе к дверям, в которых в случае чего можно было бы скрыться, съеживаются от страха при виде военных грузовиков, стремглав перебегают перекрестки, постоянно прислушиваясь к разным неожиданным и незнакомым звукам.

— Уже совсем недалеко, — лжет Кришан. У него ноют и горят мышцы рук. — Скоро уже будем на месте...

Чем ближе они подходят к вокзалу, тем больше народа становится вокруг. Люди идут, груженные разной поклажей, едут на рикшах, на телегах, на автомобилях. Человеческие ручейки сливаются в потоки, а те — в широкие реки из человеческих голов.

Парвати хватается за рукав Кришана. Стоит здесь потеряться — и все пропало. Кришан, сжав в кулаках пластиковые ручки, которые, как ему теперь кажется, сделаны из пылающих углей, упорно пробивается дальше. Он смотрит вперед, только вперед, мышцы шеи напряжены до предела, зубы сжаты. Кришан думает только о вокзале и о поезде, о поезде и о вокзале — и о том, что с каждым шагом они все ближе к желанной цели, и скоро он сможет наконец освободить свои исстрадавшиеся руки от невыносимого груза.

Теперь Кришану приходится немного замедлить шаг, чтобы войти в ритм движения толпы. Парвати прижимается к нему, боясь отойти даже на дюйм. Мимо протискивается женщина, у которой чадра полностью закрывает лицо.

— Что ты здесь делаешь? — шипит она. — Это ты навлекла на нас все беды!..

Кришан чемоданом отталкивает женщину, боясь, что ее слова могут распространиться по толпе и навлечь на них гнев окружающих. Он начинает понимать, что происходит: мусульмане покидают Варанаси.

— Как ты думаешь, мы сможем сесть на поезд? — шепчет Парвати.

И тут до Кришана доходит печальная истина: мир не изменит своего привычного движения из восторга перед их любовью, толпы не расступятся перед ними и не пропустят дальше, история не даст им прощения, которое она в конце концов дарует всем литературным любовникам. В их бегстве нет ничего романтического, ничего возвышенного. Они глупые, наивные молодые люди, запутавшиеся в собственных эгоистических иллюзиях. Сердце у него сжимается, когда улица поворачивает на привокзальную площадь, а потоки беженцев сливаются в такое грандиозное

людское море, которое Кришану до сих пор никогда в жизни не приходилось видеть. Оно больше, чем любая из тех толп, что по окончании матча вы ходят со стадиона Сампурнананда.

Кришан уже видит сияющий купол входа в вокзал, громадные стеклянные холлы у билетных касс. Видит сверкающий под желтым светом фонарей поезд, стоящий у платформы. Поезд забит под самую крышу. Но в него все еще продолжают лезть люди. Кришан замечает силуэты солдат на бронетранспортерах на фоне предрассветного зарева. Единственное, чего он не видит, — это пути сквозь бескрайнюю толпу. А чемоданы, бессмысленные, идиотские чемоданы, тянут его вниз, вдавливая сквозь асфальт в почву и привязывая к ней, словно корнями.

Парвати тянет его за рукав.

— Сюда.

Она тащит Кришана ко входу в вестибюль. У края площади давление человеческой массы несколько меньше. Беженцы инстинктивно стараются держаться подальше от солдат. Парвати роется в сумочке, вытаскивает оттуда тюбик с губной помадой, на мгновение наклоняет голову, а когда поднимает ее снова, у нее на лбу оказывается красное бинди.

— Пожалуйста, ради господа Шивы, ради господа Шивы!.. — кричит она, обращаясь к солдатам и сложив руки в традиционном индийском жесте мольбы.

Выражение глаз джаванов невозможно разглядеть под зеркальными забралами боевых шлемов, покрытыми каплями дождя. Парвати кричит еще громче:

— Ради господа Шивы!..

Люди вокруг нее начинают поворачиваться, смотрят на молодую женщину и злобно ворчат. Они теснятся, толкаются, их гнев становится все более явным. Парвати умоляет солдат:

— Ради господа Шивы!..

И тут до солдат доходит звук ее голоса. Они видят ее до нитки промокшее, забрызганное сари. Замечают ее бинди. Джаваны спрыгивают с машин и разгоняют женщин и детей, оттесняют их, не обращая никакого внимания на проклятия, которые мусульманки бросают им в лицо.

Джемадар жестом подзывает к себе Парвати и Кришана. Солдаты расступаются, молодые люди проскальзывают мимо них, и шеренга вновь смыкается, становясь непреодолимой преградой. Женщина-офицер проводит Парвати и Кришана между бронетранспортерами и грузовиками, от

которых даже в дождь исходит запах горячего биотоплива. В голосах, доносящихся из толпы у них за спиной, нарастает злоба и негодование. Оглянувшись, Парвати видит, как чьи-то руки хватают винтовку джавана. На какое-то мгновение силы двух противостоящих в этом столкновении сторон равны, но тут другой солдат поднимает приклад своей винтовки и с размаху опускает его на голову человека из толпы. Мусульманин падает, не проронив ни звука, только схватившись руками за лицо. Вместо него кричать начинает толпа. Крик растет, подобно шквалу. Но тут раздается свист пуль, и все находящиеся на площади падают на колени.

— Ну, — говорит джемадар. — Кажется, все в порядке. Пригнитесь. Что вы здесь делаете? Какой демон вселился в вас? Как вам могло прийти в голову отправиться в путь именно сегодня? — раздраженно произносит она.

Парвати и не предполагала, что бхаратские солдаты могут говорить с таким чисто женским раздражением.

— Моя мама, — отвечает Парвати. — Я должна к ней поехать, она совсем старенькая, у нее, кроме меня, никого нет...

Джемадар проводит их в здание вокзала с

бокового входа. Душа Парвати леденеет при виде такого количества людей. Люди... люди... бесчисленная человеческая толпа... Сквозь нее невозможно пройти. Она даже не видит, где расположены билетные кассы. Но Кришан решительным жестом опускает чемоданы на черные пластиковые колесики и начинает пробиваться вперед.

Солнце поднимается над прозрачным куполом крыши. К платформам подходят поезда, и их штурмует невообразимое количество людей. Стоит отъехать одному составу, до отказа забитому беженцами, как с площади в зал ожидания вокзала вливается следующая волна народа. Тем не менее шаг за шагом Парвати и Кришан приближаются к кассам. Время от времени женщина бросает взгляд на свисающие с потолка телеэкраны. Что-то случилось с ее любимым «Завтраком с Бхарти». Вместо него снова и снова показывают выступление Ашока Раны, который ей никогда не нравился. Он сидит за каким-то столом, выглядит усталым и испуганным. И только увидев его в шестой раз, Парвати с ужасом начинает понимать то, что он говорит. Сестра Ашока убита. Саджида Рана мертва. И теперь все — улицы, выстрелы, толпы, беженцы, мусульмане и солдаты,

стреляющие поверх их голов, — складывается в четкую и логически завершенную картину. Не ведая ничего и оттого невинные, они бежали с чемоданами в руках в те минуты, когда Мать Бхарата билась в предсмертной агонии.

Внезапно Парвати охватывает растерянность и чувство глубочайшей вины.

— Кришан. Мы должны вернуться. Я не могу уехать. Мы совершили ошибку...

Кришан бледнеет, он не может поверить ее словам. И в это мгновение перед ними образуется свободное пространство прямо до самой билетной кассы. Кассир смотрит на Парвати, прямо на Парвати, еще секунда — и толпа сомкнётся.

— Кришан, касса!..

Парвати подталкивает его к окошку. Кассир спрашивает Кришана, куда ему нужно ехать, а Кришан не может ответить, и кассир уже готов обратиться к следующему.

— Бубанешвар!.. — кричит Парвати. — Два билета! До Бубанешвара!..

Она никогда не бывала в Бубанешваре, никогда не пересекала границ древней Ориссы, но ее воображение полно волшебных образов: колесница Джаггернаута, развевающиеся оранжевые и алые шелковые полотнища...

Кассир впечатывает в билеты номер поезда, время отправления, номер платформы, номера мест и просовывает листочки в окошко.

Теперь им предстоит четырехчасовая поездка до Райпура, где они должны будут сделать пересадку на поезд до Бубанешвара. Человеческий конвейер несет их к дверям и на платформу, где они садятся на свои вещи, слишком усталые, чтобы о чем-то говорить, но больше всего страшащиеся того, что, если кто-то заговорит первым, они оба сразу же бросят здесь голубые пластиковые чемоданы и побегут назад к самообману прежней жизни...

Кришан покупает в киоске газеты. Из-за того, что Парвати видит в них, ей становится страшно находиться здесь, среди мусульман, даже несмотря на присутствие солдат, расхаживающих взад-вперед по платформе. Она чувствует на себе злобные взгляды магометан, слышит их мстительный шепот и бормотание.

На этой платформе среди толпы мусульманских женщин может оказаться и госпожа Хан из пригорода, столь искушенная во всех нюансах политики и войны, та самая, с которой она вместе сидела в ложе на крикетном матче. Нет, конечно, только не Бегум Хан. Она уже где-ни-

будь на расстоянии ста километров отсюда, в вагоне первого класса с кондиционерами, или мчится на юг в автомобиле с личным шофером и с затемненными окнами, или пьет коктейли в салоне бизнес-класса аэробуса...

Крупные капли дождя падают с навеса над платформой. Кришан показывает Парвати газетный заголовок. В нем сообщается о формировании правительства национального спасения в коалиции с шиваджистской партией Дживанджи. Правительство сумеет навести порядок в стране и отразить неприятельскую агрессию. Так вот какое известие ледяным потоком распространялось по платформе. Враг захватил власть. Для ислама в Бхарате больше нет места.

Еще до того, как раздался гудок поезда, они уже почувствовали его приближение. Лязг переключаемых стрелок, вибрация, передаваемая через шпалы стальным опорам, поддерживающим навес над платформой, отзвуки, подобные эху, в самом щебеночном покрытии. Как только в отдалении показывается состав, который, вырываясь из паутины железнодорожных путей, приближается к платформе номер пятнадцать, толпа начинает подниматься — семья за семьей. На табло загораются слова: «Экспресс на Райпур».

Кришан хватает чемоданы, заметив, что люди уже ринулись к поезду. Мимо проносятся вагоны — один, второй, третий... Кажется, что сейчас весь состав пронесется мимо без остановки. Парвати прижимается к Кришану. Стоит зацепиться здесь за что-нибудь, споткнуться, упасть — и колеса экспресса разрежут тебя на части. Но вот постепенно длинный зеленый поезд начинает тормозить.

Человеческие тела напирают на Парвати. Оттесняют ее. Она бросается к Кришану, а его толпа увлекает к поезду. Где-то в задних рядах толпы поднимается и растет рев.

— Сюда, сюда!.. — кричит Кришан.

Двери с шумом открываются. Но сразу же в них образуется пробка из тел. Какие-то руки, перекрученные торсы, багаж... Людской поток несет Парвати прочь от ступенек. Кришан пытается бороться с течением, ухватившись за стойку двери. Он думает только об одном: им нельзя разлучаться. В ужасе Парвати протягивает к нему руки. Женщины отталкивают ее, выкрикивая грубые проклятия, дети пролезают мимо. Платформа представляет собой море голов, голов и рук, рук, голов и множества тюков, сумок и чемоданов. И все больше людей бегут по путям с других плат-

форм, чтобы успеть на этот поезд, поезд, который может увезти их из Варанаси. Какие-то молодые люди сбивают Парвати с ног, но она продолжает протягивать Кришану руку.

И тут слышатся выстрелы. Короткие, резкие звуки автоматной очереди. Люди на платформе все как один падают на землю, прикрыв головы руками. Крики, вопли и страшный, безутешный вой раненых. Теперь солдаты стреляют не для того, чтобы напугать. Парвати чувствует, как ее касается рука Кришана. Вновь звук пролетающих пуль. Она видит вспышки, слышит звон стреляных гильз, скачущих по асфальту. Кришан тихо и как-то странно вздыхает, еще крепче прижимает Парвати к себе и влечет за собой к поезду.

Лиза и Томас Лалл возвращаются в Варанаси в полном одиночестве. Салон их судна пуст. Он кажется непомерно огромным и страшно неуютным из-за беспощадного света флюоресцентных ламп, поэтому девушка предлагает выйти на палубу и полюбоваться красотой священной реки.

Раньше Лизе никогда не приходилось сталкиваться с таким явлением, как священная вода. Профессор и девушка стоят рядом, опершись на перила, в лицо им летят крупные капли дождя; они смотрят на песчаные берега и на проржа-

вевшие водозаборные установки. Что-то вдруг всплывает на поверхность. Лиза думает, что это слепой речной дельфин — один из тех, о которых она читала во время перелета из Тируванантапурама. Дельфин или мертвец... Представители некоторых индийских каст не могут быть кремированы и потому просто отдаются на милость божественного Ганга.

Однажды, будучи на одной конференции и прибежав в зал самый последний момент, она плюхнулась в кожаное кресло рядом с африканским делегатом, восседавшим в свободной позе. Лиза кивнула ему в качестве приветствия. Он тоже ответил ей кивком, похлопывая по подлокотникам кресла. «Надо немного отдышаться. Такое впечатление, что моя собственная душа не может за мной угнаться». Да, нужно подождать отставшую душу. Или, наоборот, догнать саму себя, ушедшую куда-то далеко вперед. Найти какой-то промежуток времени в последовательности событий, не заполненный людьми, вещами, проблемами, совсем чистый промежуток времени, свободный от всего и только ей принадлежащий. Перестать реагировать. Подождать, замереть, дождаться, пока твоя душа нагонит тебя. Ей вдруг захотелось пробежаться.

А коль скоро это невозможно, то хоть несколько минут провести наедине со священной рекой...

Лиза бросает взгляд на Томаса Лалла. В его позе она видит груз четырех прошедших лет, видит неуверенность, видит нарастающие сомнения в собственной правоте, явное охлаждение научного пыла и потерю энергии. Когда ты в последний раз горел какой-нибудь страстью? — думает она. Лиза видит пожилого мужчину, для которого смерть — не такая уж далекая перспектива. Он уже почти совсем не похож на того человека, с которым у нее была когда-то грязная интрижка в душе в Оксфорде. Все кончилось, ушло безвозвратно, думает Лиза, и ей становится жаль его. Лалл выглядит таким бесконечно уставшим.

— Скажи-ка, Лиза, не видела ли ты, случаем, Джен?

— Иногда. В магазине и еще на играх «Джейхок». У нее кто-то есть.

— Я знал об этом даже раньше, чем все произошло. Какие-то химические взаимодействия, наверное... Ну, она счастлива?

— В общем, наверное, да. — Лиза, предвидя неизбежный следующий вопрос, замечает: — Но пока никаких детских колясок.

Лалл всматривается в проплывающий мимо

берег, в белый туманный храмовый шпиль на фоне туч за темной лини ей деревьев. Буйволы, расположившиеся у береговой кромки, поднимают головы, глядя на судно.

— Я понял, почему Жан-Ив и Анджали так поступили, почему они оставили ей ту фотографию. Мне было не совсем ясно, зачем им было нужно ее передавать. А теперь я понимаю. Ведь Анджали не могла иметь детей. Аж стала их суррогатной дочерью.

— Я думаю, они чувствовали, что обязаны сказать ей правду. Лучше понять, кто ты есть на самом деле, чем вести жизнь, состоящую из иллюзий. Быть человеком — значит избавиться от иллюзий. Ты с этим не согласен, я вижу.

— Я лишен твоей кальвинистской суровости. Меня вполне устраивают мои иллюзии. Не думаю, что у меня хватило бы мужества или душевной черствости так поступить.

Но ты ведь сам тоже ушел, думает Лиза Дурнау. Ты тоже бросил друзей, карьеру, репутацию, любовниц. Тебе было легко вот так повернуться и уйти, не оглянувшись.

— Она искала и нашла тебя, — замечает Лиза вслух.

— У меня нет для нее ответа, — говорит Томас

Лалл. — Ну почему всегда на все нужно иметь какие-то ответы? Человек рождается, не зная заранее никаких ответов, он идет по жизни без готовых ответов, он умирает, так и не получив ответа на самые главные вопросы. В этом-то и состоит самая главная загадка. А я ведь не гуру — не твой, не НАСА, не какого-нибудь там сарисина. Все статьи, выступления на телевидении, пресс-конференции? Я их просто придумал мимоходом. Вот и все. «Альтерра»? Тоже нечто такое, что я когда-то придумал от нечего делать.

Лиза Дурнау обеими руками крепко сжимает железную перекладину.

— Лалл, «Альтерры» больше нет.

Лицо Томаса остается бесстрастным. Она пытается вызвать у него хоть какую-то реакцию.

— Ее больше нет, ничего нет. На всех восемнадцати миллионах серверов. Все рухнуло. Больше не существует.

Томас Лалл качает головой. Томас Лалл хмурится. На лбу профессора появляются морщины. И тут Лиза замечает на его лице выражение, которое так хорошо знает: озадаченность, интерес, зарождение некой идеи.

— Какое предположение всегда лежало в основе «Альтерры»? — спрашивает он.

— То, что моделируемая среда....

— ...со временем может произвести настоящий интеллект. — Томас произносит эти слова почти скороговоркой. — А что, если мы достигли такого успеха, на который не могли и рассчитывать? Что, если «Альтерра» не породила разум, а сама стала живой... и... сознающей. Калки — десятая аватара Вишну. Он восседает на вершине эволюционной пирамиды «Альтерры» — хранитель и источник жизни. Все существующее происходит от него и состоит из его материи. Он простирает свою длань — и вот появляется другой мир, наполненный жизнью, не часть того, который был раньше, а совсем иной, отдельный, никак не связанный с предыдущим, совершенно ни на что не похожий. Это угроза, благословение или нечто принципиально иное? Он должен знать. Должен проверить на опыте.

— Но если «Альтерра» все-таки рухнула...

Лалл мрачно умолкает, задумчиво покусывает нижнюю губу, всматриваясь в потоки дождя над великой рекой. Лиза Дурнау пытается просчитать все то невозможное, что он сейчас должен принять и осмыслить. Через некоторое время Томас протягивает руку со словами:

— Дай мне твою «Скрижаль». Я должен найти

Аж. Если Вишну больше нет, значит, она отключена от сети. Вся ее жизнь — сплошная иллюзия, и теперь даже боги оставили ее. Что она будет думать и чувствовать после подобной трансформации?

Лиза извлекает «Скрижаль» из кожаного чехла и передает ее профессору. И вдруг из компьютера звучит нежная приятная мелодия. От удивления Лалл едва удерживает его в руках. Лиза подхватывает «Скрижаль», не позволив ей проследовать дальше вниз к местам упокоения в вечной мокше на дне Ганга. Лиза видит изображение и слышит голос: Дейли Суарес-Мартин.

— Что-то случилось со Скинией. Она выдала еще один сигнал.

На «Скрижали» появляется новая картинка. Мужчина, уроженец Бхарата. Это очевидно даже на размытом изображении, сделанном с помощью клеточных автоматов. Лиза Дурнау различает воротник куртки в стиле Джавахарлала Неру. Какое же у него невыразимо печальное лицо, думает Лиза.

— Полагаю, вам нужно как можно скорее найти вашего нового товарища, — говорит Дейли Суарес-Мартин. — Его зовут Нандха. Он — Сыщик Кришны.

Она выбегает из дома в серый свет окружающего мира. Дождь заливает. Земля в переулках, много раз перемешанная ступнями женщин, ходящих за водой, давно превратилась в зловонную грязь. Сточные канавы переполнены. На рассвете из своих жалких жилищ на улицы выходят мужчины, чтобы что-то купить или продать, бродят в надежде, что их наймут выкопать траншею под кабель, или просто собираются выпить чашку чаю. А может, хотят взглянуть, стоит ли еще Варанаси или его уже снесли до основания. Они удивленно смотрят на девушку с тилаком Вишну, несущуюся мимо них так, словно сама Кали преследует ее по пятам.

Глаза в темноте. Дом, притулившийся у левой стойки громадной опоры.

— Мы бедные люди, у нас нет ничего из того, что тебе надо, пожалуйста, оставь нас в покое...

Затем звук чиркающей спички, вспышка огня в глухой тьме, фитилек маленькой свечки в глиняной плошке. Почка огня набухает, наполняя светом комнатенку с глиняным полом. И вдруг вопли ужаса.

Машины рычат на нее, металлические конструкции нависают страшной угрозой, время от времени исчезая в пелене дождя. Грохочущие

голоса, тела, которые давят и кажутся величиной с громадные тучи на небе. Широкая река хаотического движения и опасностей, источающих запах спиртового топлива. Она каким-то образом оказалась на улице, но не знает как. Ясные указания богов, столь четкие ночью, куда-то испарились с наступлением дня. Впервые она не чувствует разницы между божественным и человеческим. Она не знает, найдет ли дорогу назад в отель.

Помогите мне...

Небеса полнятся хаотическими муаровыми сочетаниями из богов — сливающихся, расплывающихся, перетекающих один в другого, сочетающихся в странных новых конфигурациях.

— Что ты делаешь в этом доме?..

Она кричит, закрывает уши руками, как только голос снова начинает звучать у нее в голове. Женские лица в свете плошки: одно старое, другое помоложе и одно совсем юное. Вопль исходит от пожилой женщины, как будто что-то разрывается у нее внутри.

— Что ты здесь делаешь? Здесь тебе не место!..

Рука, поднятая в мудре, защищающей от дурного глаза. Глаза самой юной девушки расширились от страха и полны слез.

— Убирайся из нашего дома, здесь тебе не место! Посмотрите на нее, посмотрите внимательно... Видите, что они с ней сделали? Да, теперь она носитель зла, джинн, демон! — Старуха раскачивается и, закрыв глаза, стонет. — Прочь отсюда! Это не твой дом, ты не наша сестра!..

Никакие мольбы не помогут. Ответы не будут высказаны вслух. Вопросы не облекутся в слова. И та пожилая женщина... та пожилая женщина... Ее мать, закрывающая рукой глаза, словно Аж ослепила ее, словно Аж излучает какой-то огонь, на который нельзя смотреть прямо. Выбежав на улицу, под бесконечный муссонный дождь, она кричит... из груди ее, из самого сердца вырывается долгий протяжный стон. Теперь она все поняла.

Страх... Он белого цвета, без поверхности и четкой структуры, на него нельзя положить руку, чтобы передвинуть, он словно гниль в самой основе твоего существа, и так хочется попросить, чтобы страх прошел мимо, как туча, но он никогда не пройдет.

Утрата... Она проникает внутрь, во все уголки тела и души, даже в такие, которые, казалось, не имеют никакого отношения к утрате, но стоит всплыть самому легкому воспоминанию, как

боль сразу же пронизывает все существо. У утраты красный цвет и запах сгоревших роз.

Отверженность... У нее вкус подступающей тошноты и ощущение страшного мучительного головокружения, как будто идешь по краю высокой каменной стены над морем, которое сверкает и плещется так далеко внизу, что ты даже не можешь точно сказать, где оно... Отверженность коричневого цвета, безнадежного тускло-коричневого цвета.

Отчаяние... Извечное фоновое жужжание, серый шум, наполовину гул, наполовину шипение; всеудушающее, все размазывающее в нечто мягкое и серое. Бесконечный вселенский дождь. Бесконечная вселенская тоска, когда, куда бы ты ни протянул руку, ты всюду коснешься только пустоты. Бесконечное вселенское одиночество. Вот что такое отчаяние.

Желтый цвет — это цвет неуверенности, болезненно желтый. Цвет желчи, желтый, как само безумие, желтый, словно те цветы, что, раскрыв лепестки, облекают тебя ими, и ты кружишься и вращаешься в них до тех пор, пока не перестаешь понимать, что хорошо, а что плохо; те цветы, у которых особый, густой, дурманящий аромат. Желтый цвет, подобный кислоте, разъедающей

все, что тебе было до сих пор знакомо, до тех пор, пока ты не оказываешься на гнилой скани из ржавчины, чувствуя себя одновременно и меньше самой маленькой желтой пылинки с цветка, и больше целых городов и стран.

Шок — тупая тяжесть, которая давит на твой мозг и готова размазать его по черепу.

Предательство — прозрачно-голубого цвета, такое холодное, холодное, холодное...

Непонимание подобно волоску на языке.

А гнев тяжел, словно молот, и одновременно настолько легок, что может лететь на собственных крыльях, и цвет у него как у темной-темной ржавчины.

Вот что значит быть человеком.

— Почему вы мне не сказали?.. — кричит она богам, когда улица расступается вокруг нее, а капли дождя падают на обращенное вверх лицо.

И боги отвечают: мы не знали. Мы даже не думали. И вновь: теперь и мы понимаем. Вслед за этим они начинают гаснуть один за другим, словно свечки под дождем.

Шив не может понять, откуда взялся запах. Сладковатый, с мускусным оттенком, он напоминает о вещах, которые он не очень хорошо помнит. Но теперь Шив знает, что запах исходит

от киберраджи Раманандачарьи. Какой же он жирный, этот гад, но они ведь все такие. Жирный и трясется. Сейчас выглядит совсем не таким уж крутым в своих роскошных одеяниях. Больше всего Шиву ненавистны усики в старинном могольском стиле. Как ему хочется отрезать их, но он не может помешать Йогендре, который приставил кончик большого загнутого кинжала к паху Раманандачарьи. Одно легкое движение руки — и будет вскрыта бедренная артерия. Шиву прекрасно известна процедура. Раджа истечет кровью за четыре минуты.

Они идут вверх по влажным булыжникам дороги, ведущей от павильона Гастингса к храму, прижавшись друг к другу, словно любовники или пьяницы.

— Сколько их у тебя здесь? — шипит Шив, подтолкнув Раманандачарью плечом. — Сколько женщин, а?..

— Сорок, — признается Раманандачарья.

Шив слегка ударяет пленника тыльной стороной ладони. Он знает, что это таблетки сделали его таким нетерпеливым, более наглым, чем следует быть разумному человеку, но ему такое нравится.

— Сорок женщин? И где же ты их взял, а?

Толчок локтем.

— Отовсюду. Из Филиппин, Таиланда, России, из разных дешевых мест...

И снова удар тыльной стороной ладони. Раманандачарья корчится. Они проходят мимо робота-охранника.

— А есть у тебя достойные женщины из Бхарата?

— Парочка из деревни... а!

На сей раз Шив ударяет сильнее, Раманандачарья потирает ушибленное ухо. Шив берет складку роскошного шелка с золотыми нитями, трет его между пальцами, чувствует прекрасную выработку ткани, идеальную гладкость и легкость.

— Им здесь нравится, а? Твое могольское дерьмо? — Он толкает Раманандачарью обеими руками. Киберраджа спотыкается. Йогендра вовремя отводит нож в сторону. — Почему ты не хочешь быть индусом, а?

Раманандачарья пожимает плечами.

— Здесь же форт Моголов, — пытается объяснить он слабым голосом.

Шив в очередной раз бьет его.

— Черт бы побрал твой форт Моголов! — Он приближается почти вплотную к его уху. — Ну и как часто ты... ты понимаешь? Каждую ночь?

— И в обед тоже...

Раманандачарья не договаривает начатую фразу, так как Шив наносит ему сильнейший удар в голову.

— Твою мать!..

Теперь Шив понимает, что это за навязчивый запах. Сладковатый и одновременно кислый, с намеком на мускус. Темный аромат, исходящий от одежд и драгоценностей Раманандачарьи. Это запах секса.

— Эй!.. — вскрикивает Йогендра.

Рой мелких роботов сошел со своей орбиты вокруг храма Лоди и мчится через двор по направлению к трио. Пластиковые ножки мерно постукивают по булыжнику, а черные щитки мрачно поблескивают. Раманандачарья что-то бормочет, вздыхает и поворачивает кольцо на пальце левой руки. И рой расступается, как море в той древней христианской легенде, которыми добрые американские миссионеры забивают головы достойным девушкам, чтобы те никогда не могли найти себе хороших мужей и так навеки и остались никому не нужными старыми девами.

— Они бы за двадцать секунд обгрызли ваши ноги до костей, — говорит Раманандачарья не без удовольствия.

— Заткнись, жирная свинья!..

Шив снова отвешивает ему приличный подзатыльник, потому что сам не на шутку испугался роботов-скарабеев.

Раманандачарья делает один шаг, потом другой. Роботы следует за ним. Йогендра проводит кончиком ножа по паху Раманандачарьи.

Колоннада храма представляет собой еще один пример разваливающегося строения, крошащейся штукатурки, исписанной граффити и украшенной теми же религиозными изображениями, которые Шив видел на укреплениях, но кольцо Раманандачарьи включает множество прожекторов, и у Шива от яркого света перехватывает дыхание. Суддхаваса внутри — это куб из прозрачного пластика, светящийся по краям ярко-голубым светом. Роботы-скарабеи возвращаются на свою «орбиту». Раманандачарья поднимает руки к прозрачной пластиковой йони герметического замка. Из жидкой поверхности появляется цифровая панель. Раманандачарья делает шаг вперед, чтобы набрать код. В руке у Йогендры сверкает нож, Раманандачарья вскрикивает, хватает его за руку. Кровь струйкой течет из тончайшего пореза на указательном пальце правой руки.

— Ты иди. — Взмахом ножа Йогендра указывает на Шива.

— Что?

— У него тут могут быть всякие фокусы, ловушки, подставы, о которых мы не знаем. Он же понимает, что, как только мы свое получим, он все равно умрет. Ты сам все сделаешь с кодом.

Глаза Раманандачарьи расширяются от ужаса, когда он видит, что Шив вынимает палм и начинает вводить пароль.

— От кого вы его получили? Дейн? Где Дейн?..

— В больнице, — отвечает Шив. — Кошечка откусила ему язычок.

Йогендра хихикает. Панель опускается внутрь поверхности, и дверь с тихим щелчком открывается.

Система декодирования представляет собой светящуюся пластиковую гарбхагриху, настолько маленькую, что у Шива едва не начинается приступ клаустрофобии.

— Где компьютеры? — спрашивает Шив.

— Это все полностью и есть компьютер, — говорит Раманандачарья и взмахом руки делает стены прозрачными.

Белковая схематика соткана подобно варанасскому шелку и упакована в стены подобно

нервным волокнам. Жидкости движутся по сети искусственных нейронов. Шив чувствует, что его начинает пробирать дрожь.

— Почему здесь так чертовски холодно?

— Моему центральному квантовому процессору нужна постоянная низкая температура.

— Твоему чему?

Раманандачарья проводит рукой по титановой цилиндрической головке с прорезью. Это единственное, что выделяется на абсолютно гладкой пластиковой стене.

— Ему снятся коды, — говорит Раманандачарья.

Шив наклоняется, чтобы прочесть надпись на металлическом диске. «Сэр Уильям Гейтс».

— Что это?

— Бессмертная душа. По крайней мере он так считал. Загруженные в компьютер воспоминания, «бодхисофт». То, с помощью чего американцы надеются победить смерть. Один из величайших умов своего поколения. Все, что мы здесь имеем, существует только благодаря ему. А теперь он работает на меня.

— От тебя требуется только то, чтобы ты перенес сюда, — он бьет Раманандачарью палмом по голове, — нужный нам файл.

— О, только не шифр Скинии!.. ЦРУ меня уничтожит, я уже мертв, — умоляет Раманандачарья, но, поняв, что бессмысленная болтовня только ухудшает его положение, закрывает рот, вызывает еще одну цифровую панель из пластиковой поверхности и вводит короткий набор символов.

Шив думает о «замороженной» душе. Он где-то читал о подобных вещах. Они заключены в браслеты, изготовленные из сверхпроводящей керамики. Вся жизнь: секс, книги, слышанная когда-либо музыка и просмотренные журналы, друзья, обеды и просто чашки кофе, возлюбленные и враги, мгновения, когда вы радостно прыгаете от счастья и когда вам хочется все и всех вокруг вас уничтожить, — все это умещается в предмете, который вы за стойкой бара надеваете женщине на запястье.

— Только один вопрос, — произносит Раманандачарья, передавая загруженный палм Шиву. — Зачем вам нужен код?

— Дживанджи хочет побеседовать с космическими пришельцами, — отвечает Шив. Он опускает палм в один из множества брючных карманов. — Пошли отсюда.

Трюк с кольцом снова отгоняет «скарабеев». Шив видит на лице Раманандачарьи надежду

на то, что они отпустят его, и замечает, как эта надежда начинает угасать, когда Йогендра подталкивает киберраджу стволом своего пистолета. Не очень приятно видеть, как такой толстяк от страха мочится в штаны. Шив еще раз с силой толкает Раманандачарью.

— Прекратите!.. — восклицает вдруг Раманандачарья. — Мне уже надоело.

Йогендра заставляет его провести их сквозь туристические ворота в старый индийский военный лагерь. Они протискиваются сквозь щель в защитном покрытии. Шив садится на свой мотоцикл, заводит мотор. Хороший, добрый японский мотор. Оглядывается на Йогендру. Тот стоит над коленопреклоненным Раманандачарьей, вложив ему в рот дуло «стечкина». Киберраджа лижет его. Он водит языком по дулу, любовно ласкает. Йогендра широко улыбается, получая истинное наслаждение от этого зрелища.

— Оставь его!

Йогендра хмурится, в его взгляде появляются удивление и досада.

— Зачем? С ним же покончено.

— Оставь его. Нам нужно идти.

— Он может послать за нами погоню.

— Оставь его!

Йогендра не движется.

— Черт тебя подери!..

Шив слезает с мотоцикла, вытаскивает связку тазерных мин и разбрасывает их вокруг Раманандачарьи.

— А теперь оставь его.

Йогендра пожимает плечами, вынимает «стечкин» изо рта Раманандачарьи и засовывает его в карман брюк. Шив кладет палец на кнопку управления тазерными минами.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — плачет Раманандачарья.

— Перестань голосить, я этого не люблю, — приказывает ему Шив. — Поимей хоть немного достоинства, мужик.

Интересно, согласится после всего хоть одна из его сорока женщин снова спать с ним.

Шив с Йогендрой мчатся вперед. Дело сделано, теперь нет нужды прятаться. Они несутся по улочкам городка мимо сияющего яйцевидного центра обработки данных, мимо огней Чунара, и их охватывает неописуемый восторг от содеянного. Провернуть такое грандиозное предприятие!.. Они выполнили все, что было нужно, и теперь так свободно уходят. На восточном горизонте появляется узенький краешек освещенного неба.

К тому времени, когда восток начинает алеть, до Шива вдруг доходит, что скоро он вернется в свой родной город, получит заслуженное вознаграждение, все его долги будут оплачены, и он будет свободен. Он станет настоящим раджей, и никто никогда больше не осмелится его унизить и оскорбить.

Шив издает громкий победоносный вопль, увеличивает скорость и несется как безумный по дороге, виляя из стороны в сторону. Он тявкает, каркает, визжит и производит столько самого дикого и животного шума, что даже целая стая бегающих здесь по ночам шакалов не способна была бы сделать ничего подобного. Он намеренно подъезжает как можно ближе к коварному краю дороги, к обсыпающейся гальке, теперь он может плюнуть в лицо любой опасности... Шив Фараджи непобедим!

Тут до Шива доносится странный звук. Звук бегущих ног в сельской предрассветной тишине. Звук титановых ног... Он уже не просто слышит металлический топот, он чувствует эхо, распространяющееся по земле. Преследователи настигают их, они бегут быстрее любого живого существа.

Шив оглядывается. Небо уже достаточно осве-

щено, что бы можно было отчетливо разглядеть погоню. Преследователь один. Его тело идеально сбалансировано, он мчится, почти прижавшись к земле. У него две сильные ноги, словно у какой-нибудь жуткой демонической птицы, которую выпустил злой волшебник из окна своего замка.

Расстояние медленно, но неуклонно сокращается. Прикинув на глаз, Шив понимает, что металлическое чудовище движется со скоростью по меньшей мере восемьдесят километров в час.

Шив и Йогендра оба прекрасно понимают, что ехать по этой крошащейся, грязной, размытой сельской дороге на предельной скорости — значит мчаться навстречу собственной неминуемой гибели, не менее верной и жестокой, чем та смерть, что ждет смельчаков от преследующего их монстра. Шив пытается как можно теснее прижаться к рулю, ему кажется, что таким образом чудовищу будет труднее попасть в него, если оно задумает открыть по ним огонь. Скоро будет поворот. То дерево и плакат с рекламой воды — они наверняка где-то здесь. Занявшись разглядыванием окрестностей, Шив не замечает, что Йогендра сворачивает с шоссе на проселочную тропу. В панике он тормозит и чуть не слетает с мотоцикла.

Теперь Шив отчетливо видит монстра, который мчится по дороге с мерным глухим стуком. Кажется, что он никогда не остановится, никогда не устанет и будет преследовать их по всему земному шару.

Кусты сменяются плотным слежавшимся песком, пропитавшимся дождевой водой. Из-под колес вылетают куски грязи. Но вот уже видна их лодка, в том самом месте, где они оставили ее. Якорь глубоко вошел в песок... Течение немного повернуло ее, но из-за тяжелого днища она сильно осела. Рядом по пояс в воде стоит брахман, он провозглашает утренние молитвенные приветствия Гангу. Шив останавливается, прыгает в реку, начинает затаскивать свой мотоцикл в лодку.

— Брось, брось, брось!.. — кричит Йогендра. Брахман возносит благодарственные молитвы.

— По ним нас смогут выследить! — орет Шив.

— Они могут вычислить нас и по минам!

Йогендра скатывает мотоцикл в воду, тот падает с громким плеском в воду и начинает тонуть в речном иле. Пока Шив усаживается в лодке, Йогендра вытаскивает якорь. Лодка жутко раскачивается, под сиденьем скопилась масса воды. Более мокрым Шиву уже вряд ли удастся стать,

но менее живым — вполне... Робот появляется над гребнем дюны, выпрямившись во весь рост. Теперь он напоминает злобного демона, наполовину птицу, наполовину паука, который шевелит щупальцами и манипуляторами и выставляет набор пулеметов в мандибулах.

Брахман в ужасе таращит глаза на жуткое зрелище.

Йогендра пытается завести мотор. Один рывок, второй... Металлический убийца делает шаг по песчаному берегу, чтобы лучше прицелиться. Третий рывок... Мотор заводится. Лодка отплывает от берега. Робот Раманандачарьи делает прыжок и оказывается в воде. Голова вращается в поисках цели. Йогендра направляет лодку на середину реки. Робот шагает по воде за ними. И тут Шив вспоминает о маленькой «умной» гранате Ананда, лежащей у него в кармане.

За спиной у Йогендры пули поднимают фонтаны воды. Он ложится на дно лодки. Брахман, стоящий на мелководье, приседает, прикрыв голову руками. Граната делает в воздухе изящную сверкающую дугу и падает с громким всплеском. Практически ничего не видно и не слышно, кроме какого-то хруста: это разряжаются конденсаторы. Робот застывает на месте. Пулеметы

поворачиваются в небо и начинают обстреливать тучи. Робот падает на колени, а потом опускается в воду всем своим металлическим телом, словно уличный мальчишка, которому в темном переулке всадили нож в живот. Мандибулы и щупальца раскрываются и бессильно повисают, а чудовище начинает тонуть в иле. Мягкий серебристый зыбучий песок затягивает его практически мгновенно.

Шив поднимается в лодке в полный рост. Он показывает на упавшего робота. Шив смеется радостным, почти истерическим смехом — смехом, который невозможно остановить никакими усилиями. Слезы потоком бегут у него по лицу, смешиваясь с каплями дождя. Он даже не может перевести дыхание. Наконец он садится. От смеха у Шива разболелось все тело.

— Надо было его прикончить, — бормочет Йогендра за румпелем.

Шив отмахивается от него. Теперь ничто не способно его разочаровать. Смех переходит просто в радостное состояние, в счастье от ощущения того, что он жив и что все закончилось. Он снимает с себя тяжелый бодхисофт, ложится на скамью. Капли дождя свободно падают на его лицо. Он смотрит на розоватый обвод облаков: над его

Варанаси начинается новый день, новый день для Шива. Для раджи Шива. Магараджи. Раджи всех радж. Может быть, он еще будет работать на Натов. Может быть, теперь для него откроются и другие двери. Может быть, он организует свой собственный бизнес, только теперь, конечно, не станет связываться с человеческими органами, с телом, потому что тело всегда предает в самый ответственный момент. Может быть, он пойдет к этому придурку Ананду и сделает ему настоящее деловое предложение.

Теперь он может строить планы. Он может свободно вдыхать аромат цветов.

Едва заметный шум, едва заметное движение в лодке.

Нож входит так легко, так мгновенно, так просто и чисто, что Шив даже не может выразить своего потрясения от происшедшего. Все так изящно. Так невыразимо. Лезвие проходит сквозь кожу, мышцы, кровеносные сосуды; зазубренный край чиркает по ребру. И вот загнутый конец уже внутри легкого. Нет ни малейшего ощущения боли, только чувство чего-то невероятного острого. Лезвие прошло в самые сокровенные глубины его тела. Шив открывает рот, пытается говорить, но вместо слов у него изо рта выходят только

какие-то щелчки и бульканье. Все это длится бесконечно долго. Глаза Шива широко открыты от неописуемого изумления. Йогендра извлекает нож из его тела, и боль воплем исходит из Шива, ведь кинжал, выходя, тянет за собой и его легкое. Он поворачивается к Йогендре, подняв руку, как будто для того, чтобы защититься от следующего удара. Но нож спокойно входит в него во второй раз. Шиву удается зажать клинок между большим и указательным пальцами левой руки. Нож врезается глубоко, до самого сустава, но он ухитряется перехватить его. Он держит нож. До его слуха доносится звериное дыхание двоих мужчин, сцепившихся не на жизнь, а на смерть. Лодка тяжело переваливается с волны на волну, а они продолжают драться в страшном молчании. Свободной рукой Йогендра тянется к палму. Шив отмахивается, пытается ухватиться за него, ухватиться хоть за что-нибудь. Ему удается зацепить нитку жемчуга на шее у Йогендры, он тянет за нее, пытается встать. Йогендра вырывает нож из рук Шива, разрывая зазубренным краем мясо на ладони до самой кости. Шив издает долгий не то стон, не то плач, переходящий в захлебывающееся бульканье. Дыхание Шива замирает на краю его раны. И тут он видит отвращение,

презрение, животную гордыню и высокомерие, которые сероватый утренний свет обнажает на лице Йогендры, и впервые за все время понимает, что этот человек всегда только это и чувствовал по отношению к своему хозяину, только так на него и смотрел, ожидая удобного случая, чтобы всадить нож. Шив оступается. Нитка рвется. Жемчужины рассыпаются и катятся по дну лодки. Он наступает на них, теряет равновесие, взмахивает руками, опрокидывается назад и падает за борт.

Река принимает его сразу, смыкая над ним свои воды. Рев транспорта, отдающийся от бетонных быков моста, оглушает Шива. Он глух, слеп, нем, невесом. Но все-таки пытается бороться, бьет по воде руками и ногами, однако уже не знает, с какой стороны верх, а с какой низ, где воздух и свет. Бодхисофт тянет его вниз. Шив пытается освободиться от него, запутывается в ремнях. Голубое… Вокруг него во всех направлениях голубое… Он погружается в голубое. И черное… Подобно клубам дыма, его кровь устремляется вверх. Кровь… следуй за кровью. Но у него уже нет сил, а из раны в боку пузырьками выходит воздух. Шив бьет ногами по воде, однако не движется. И чем больше он пытается бороться с водой, тем быстрее погружается в голубую бездну, в которую

его влечет его оружие.

Легкие Шива горят. В них уже ничего не осталось, кроме яда, пепла его тела, но он не может открыть рот и смиренно принять этот последний глоток воды, хотя знает, что уже мертв. Тысячи молотков стучат в голове, глаза вылезают из орбит, Шив видит, как его наполовину отрезанный большой палец безвольно болтается посреди бескрайней голубизны, но продолжает биться, колотить по воде в жадном желании жить.

А приветливая голубизна неуклонно затягивает его в себя. Ему кажется, что он начинает видеть в ней определенные черты. Гибнущие одна за другой клетки мозга представляют воображению неожиданную картину — человеческое лицо. Женское лицо... Оно улыбается. Иди ко мне, Шив. Прийя? Саи?.. Дышать! Он должен дышать. Он продолжает бороться. У Шива возникает сильнейшая эрекция, он чувствует ее в штанах, нагруженных самым разнообразным эзотерическим кибервооружением, и знает, что должно произойти. Но Йогендра не получит шифр. Дышать!..

Шив открывает рот, и голубизна врывается внутрь, в его легкие, и гаснущими угольками своего мозга он узнает ту, кто смотрит на него.

Это не Саи и не Прийя. Перед ним милое, доброе лицо той женщины, которую когда-то он предал реке, женщины, чьи яичники он похитил, не заплатив ни гроша. И теперь она улыбается ему, манит к себе, зовет стать частью реки и вечного безмолвного искупления.

— Первое правило любой эстрадного комика, — говорит Вишрам Рэй, поправляя воротник перед зеркалом в мужском туалете, — наличие уверенности в себе. Каждый день самыми разными способами мы должны излучать уверенность.

— Я думала, что первое правило любого эстрадного комика — это...

— Точный расчет времени, — перебивает Вишрам Марианну Фуско, которая стоит рядом, опершись на край соседней раковины. — Это только второе правило. В «Учебнике для желающих стать эстрадным комиком» Вишрама Рэя.

Но он уже давно не испытывал такого страха, с тех самых пор, как впервые вышел в маленький освещенный кружок почти на самом краю сцены с блестящим хромированным микрофоном в центре. За тоненьким высоким стеблем микрофона не спрячешься. И здесь, в отделанной в минималистском стиле и обитой деревянными панелями комнате с единственным большим

столом посередине, тоже не спрячешься. А ведь, по правде говоря, с расчетом времени у него явные проблемы. Созывать чрезвычайное собрание членов правления компании в разгар политического кризиса в стране, когда вражеские танки находятся всего в сутках пути отсюда... Да еще и в пору сильнейших муссонных ливней. Нет, думает Вишрам Рэй, оценивая качество бритья на щеках. Расчет времени идеальный. Это настоящая комедия.

Но откуда же взялось ощущение, будто его изнутри пожирает восемнадцать различных разновидностей рака?

Бритье замечательное, бальзам после бритья — терпимый, теперь проверим манжеты, запонки...

Приток адреналина великолепно прочищает мозги всяким Кали, Брахмам и теориям «М-звезды». Комедия никогда не бывает бесполезной. И первое главное правило в учебнике для комедианта — так же, как и в учебнике для бизнесмена, — умей убеждать. Смех, как и расставание с богатством, есть добровольная слабость.

Пиджак — отличный, рубашка — великолепна, туфли — безупречны.

— Готов?.. — спрашивает Марианна Фуско и скрещивает ноги так, что Вишрам тут же пред-

ставляет свое лицо между ними. — Эй, смешной человек!

И как бы случайным жестом она указывает ему на маленькую полоску коки на черном мраморе.

— На всякий случай.

Он тяжело выдыхает, и в том, как делает это, чувствуется сильнейшее напряжение.

— Давай.

Марианна Фуско спрыгивает со своего мраморного насеста.

Если бы она предложила ему сигарету...

Вишрам шагает по коридору. Его кожаные подошвы почти не скрипят на полированном паркете. За ним следуют Марианна и Индер. С каждым шагом он становится немного выше, немного значительнее. Разогревание публики начинается. Их нужно раскрутить, чтобы заработали железы внутренней секреции. Вы, которые слева, хлопайте в ладоши... вы, справа, свистите, а вы, наверху, просто кричите! Ура! Мистеру! Вишраму! Рэээееееееею!

Распахиваются резные деревянные двери, и все лица сидящих за прозрачным столом устремляются на Вишрама. Не говоря ни слова, следующие за ним дамы расходятся и занимают положенные места. Индер справа от него, Марианна Фуско

— слева. Далее следуют их советники. Индер репетировала с ними сегодня с пяти часов утра.

Вишрам кладет свой палм и деревянную изысканно инкрустированную папку для документов (никакой кожи — один из основных этических принципов энергетической компании, строящей свою деятельность на фундаменте классического индуизма) в центр стола, кивает Говинду, сидящему справа, и Рамешу, сидящему слева. Он замечает, что Рамеш — в кои-то веки! — одет в приличный костюм. Борода выглядит чуть менее всклокоченной, чем обычно. Важно правильно понять знаки...

Команда Вишрама ждет, пока их руководитель усядется. Советники обмениваются многозначительными взглядами. Вишрам проверяет, все ли основные держатели акций присутствуют. Онлайновая Индер мгновенно снабжает его всей необходимой статистической информацией: общие характеристики, процент, детали голосования и вероятность расклада голосов на сей раз. Многие акционеры присутствуют виртуально — либо посредством видеоканалов, либо их представляют агенты-сарисины, смоделированные под внешность и черты поведения их владельцев. В США подобное собрание рассматривалось бы

как незаконное.

Вишрам отключает маленькую умную «игрушку» Индер. Он все проведет по старинке, как классический эстрадный комик. Он попытается добиться понимания и согласия, воздействуя на личность присутствующих, играя на их слабостях и тайных устремлениях.

Линия фронта не столь уж очевидна, как может показаться. Даже в его собственной части компании есть такие держатели акций, как «СКМ ПроСёрч», которые, вне всякого сомнения, будут голосовать против. Вишрам бросает взгляд на Индер, затем на Марианну и встает. Приглушенные разговоры, которые все это время велись в разных концах стола, мгновенно затихают.

— Леди и джентльмены, держатели акций «Рэй пауэр», материальные и виртуальные. — Дверь залы заседаний открывается. В зал проскальзывает его мать и садится у стены. — Спасибо за то, что вы нашли возможность прийти сюда сегодня утром, многие не без значительного риска для себя лично. Наша сегодняшняя встреча проходит в сложной атмосфере, обусловленной последними событиями и в особенности жестоким убийством премьер-министра Саджиды Раны. Я уверен, что все здесь присутствующие присоединятся к моим

искренним соболезнованиям семейству Ранов. — Раздается одобрительный шепот. — Я же со своей стороны полностью поддерживаю усилия нашего нового правительства национального спасения, направленные на восстановление порядка и укрепление государства. Уверен, что многие из вас задаются сейчас вопросом о своевременности проведения подобного совещания в столь сложной политической ситуации. И я могу заверить, что не стал бы собирать вас здесь сегодня, если бы речь не шла о важнейших интересах компании. Речь действительно идет о жизненно важных ее интересах. Но есть еще один принцип, который, как мне кажется, в подобные периоды времени становится основополагающим. Взоры всего мира сейчас устремлены на Бхарат, и я полагаю, что мы, то есть «Рэй пауэр», должны на деле показать всем, что страна продолжает жить и эффективно работать.

Одобрительные кивки, не очень громкие, но достаточно отчетливые аплодисменты. Вишрам оглядывает зал.

— Без сомнения, многие из вас несколько удивлены тем, что столь важное собрание акционеров компании проходит вскоре после предыдущего. Прошло всего две недели с тех пор,

как мой отец выступал здесь со своей прощальной речью, эффект которой был подобен взрыву бомбы. Прошедшие две недели, могу вас заверить, были временем активной и напряженной работы. И хочу вас предупредить, друзья, что намерен сделать нашу сегодняшнюю встречу не менее неожиданной и в каком-то смысле не менее революционной и обновляющей, чем была предыдущая.

Пауза в ожидании реакции аудитории. У него в горле сухо, как в полях Раджастана, но он не может позволить себе такой слабости, как глоток воды. Говинд и его советники наклоняют головы. Хорошо... Шепот распространяется вокруг стола, но почти мгновенно затухает. Пора сделать свою речь еще более эмоциональной.

— Леди и джентльмены, я хочу объявить вам о важнейшем технологическом прорыве, осуществленном исследовательским подразделением «Рэй пауэр». Я не буду строить здесь из себя ученого и знатока. Я, как и многие из вас, почти ничего не понимаю в физике. Но позвольте мне просто сообщить вам, друзья, что нам удалось добиться не просто устойчивой, но и высокоэффективной энергии нулевой точки. В этом самом здании наша исследовательская группа

занималась изучением свойств иных вселенных и обнаружила возможность получения энергии из них и коммерческого его использования. Практически бесплатная энергия, друзья! Чистая энергия, энергия, которая не загрязняет среду, которой не требуется топливо. Энергия, которая восстановима до бесконечности. Энергия, которая столь же бесконечна и неисчерпаема, как и сама вселенная. Должен вам сказать, друзья мои, что очень многие компании пытались добиться того чуда, о котором я сейчас говорю, но именно ученым Бхарата, компании из Бхарата выпало совершить это открытие!

Среди присутствующих есть заранее подготовленные клакеры, которые должны были начать овацию в честь ученых компании и Бхарата, но их услуги не потребовались: аплодисменты начинаются спонтанно и совершенно искренне.

Теперь наступил момент для глотка воды и взгляда в сторону матери. У нее на лице обычная добрая улыбка, ничуть не более. Но что-то внутри, какое-то чутье на гормональном уровне подсказывает Вишраму, что он победил. Он подчинил их себе, своей воле и теперь может направить их туда, куда пожелает. Но осторожно, осторожно, главное — не переусердствовать. Чувство време-

ни и чувство меры превыше всего.

— Мы являемся свидетелями поворотного момента в истории, который изменит характер будущего не только здесь, в Бхарате, но на всей нашей планете. Это великое открытие, сделанное великим народом, и я хочу, чтобы о нем узнал весь мир. Здесь сейчас присутствуют представители различных средств массовой информации из многих стран мира. И теперь я хочу сообщить им новость, благодаря которой сегодняшний день будет рассматриваться как важнейшая историческая веха. Сразу же после нашего собрания по моей просьбе состоится полномасштабная публичная демонстрация поля нулевой точки.

Давай-давай, так их!..

— За один квантовый переход «Рэй пауэр» становится компанией планетарного масштаба. А теперь я перехожу ко второй, более практической причине, по которой пригласил вас сюда сегодня. «Рэй пауэр» — компания, находящаяся в состоянии кризиса. Пока мы можем только гадать относительно истинных мотивов ухода нашего отца и разделения им компании. Со своей стороны, я старался оставаться верным его видению целей и характера компании, которое прежде всего заключалось в том, что высшие

нравственные ценности являются не менее важной составляющей ее деятельности, нежели ориентация на прибыль. Должен сказать, что названному принципу в наше время очень трудно соответствовать.

У него перед глазами проплывает воспоминание о Марианне Фуско, лежащей на спине и сжимающей в кулаке конец завязанного узлами шелкового шарфа.

— Я пригласил вас сюда, потому что мне нужна ваша помощь. Ценности нашей компании находятся в большой опасности. В мире существуют другие значительно более крупные компании, цели которых прямо противоположны нашим. Они предложили крупные суммы, чтобы скупить «Рэй пауэр» по частям. Предлагали подобную сделку и мне. Воз можно, вы сочтете меня легкомысленным, а мой поступок опрометчивым, но я отклонил их предложение по уже упомянутой причине: я верю в те ценности, на которых стоит наша компания.

Немного сбавить газ...

— Конечно, если бы я был твердо уверен в том, что они будут работать в интересах дальнейших исследований проекта нулевой точки, то более внимательно рассмотрел бы их предложение. Но

их интерес в покупке нашей компании весьма утилитарен и эгоистичен. Они хотели бы выкупить нас для того, чтобы отложить работы над проектом, а со временем и вообще его закрыть. Подобные предложения делались — воз можно, представителями тех же компаний, — и моим братьям, которые сейчас присутствуют за этим столом. Я хотел бы помешать распродаже компании, скупив их доли. Я сделал щедрое предложение Рамешу по поводу приобретения принадлежащий ему «Рэй Джен», подразделения по производству энергии, чтобы работать на нем по дальнейшему внедрению технологий нулевой точки. В случае приобретения названной компании я становлюсь владельцем контрольного пакета акций всей «Рэй пауэр», что достаточно для того, чтобы не позволить никакому внешнему вмешательству воспрепятствовать работам в главном направлении — по крайней мере до тех пор, пока исследования в области энергии нулевой точки не станут общедоступны и мы сможем более эффективно противостоять любому давлению. Подробности данного предложения изложены в ваших презентационных материалах. Прошу вас внимательно изучить их и обдумать сказанное мной — с тем, чтобы мы

могли перейти к голосованию.

Вишрам садится и встречается взглядом с матерью. Она тихо улыбается, как будто каким-то своим мыслям, мудрой улыбкой много повидавшей и много знающей женщины, а в это время почти все сидящие за столом вскакивают на ноги и начинают буквально выкрикивать вопросы.

Водитель такси курил и слушал радио, развалившись на заднем сиденье и не обращая ни малейшего внимания на то, что его высунутые из машины ноги мочит дождь. Тем временем Тал и почти ничего не соображающая Наджья бежали по стеклянному переходу.

— Ах, миленький, как мы рады тебя видеть, — кричит Тал, заметив, что водитель включил свой желтый сигнал и несколько раз мигнул фарами.

— Вы очень похожи на людей, которым нужен транспорт. — Тал толкает Наджью в спину. — Как бы там ни было, сегодня ночью ввиду чрезвычайных политических обстоятельств особые расценки. Кроме того, вы заплатите мне и за время простоя. Ну, если согласны с моими условиями, то куда едем?

— Все равно куда, только подальше отсюда.

Тал вынимает палм и открывает видеофайл Наджьи с Эн Кей Дживанджи, а также пиратскую

программу по определению адресов и телефонов. Никогда не знаешь, когда может понадобиться такая удобная штука.

— Мы едем? — спрашивает Тал, поднимая глаза от палма.

— Мне нужно прежде задать один вопрос, — говорит водитель. — Я требую гарантии того, что вы никак не замешаны в произошедших сегодня утром... э-э... беспорядках. Я, конечно, частенько осуждал недостатки и некомпетентность нашего правительства, но в душе очень люблю свою страну и ее руководителей.

— Миленький, они как раз те самые люди, что все это совершили. Преследовали ее и стреляли в меня, — отвечает Тал. — Поверь мне. А теперь поедем.

Шофер включает зажигание.

— С вашей подругой все в порядке? — спрашивает он, истошно сигналя, чтобы разогнать толпу фанатов «Города и деревни», стоящих с поднятыми руками, словно предлагающих жертву богу, и что-то зачарованно шепчущих в трансе. — Она какая-то не такая.

— Получила плохие новости о своей семье, — отвечает Тал. — А что с этими такое?..

— Они приносят пуджу богам «Города и дерев-

ни» за благополучный выход нашей страны из кризиса, — отвечает водитель. — Глупые суеверия, по моему мнению.

— Отнюдь, отнюдь, — шепчет Тал.

Когда такси выезжает на главную улицу, навстречу, разбрасывая вокруг фонтаны воды, появляется большая роскошная «тойота», до отказа набитая карсеваками. Голубоватый свет освещает их ножи и трезубцы. Тал провожает взглядом машину, невольно содрогаясь от ужаса. Если бы они задержались еще на две минуты, зачарованные сарисином...

— Я полагаю, вы хотите, чтобы я избегал подобных субъектов — наравне с полицейскими, солдатами, правительственными чиновниками и тому подобными? — замечает таксист.

— В особенности тех, что только что проехали.

Тал рассеянно касается контура штифтов под кожей, вспоминает сильнейший выплеск адреналина, город, полный ненависти, несущий смерть, и тот страх, который ньют испытал и который прежде казался невозможным. Вы еще не знаете этого, но я ведь сильнее вас, «нормальные», думает Тал. Крепкие, жестокие ребята, вы считаете, что улицы принадлежат вам, что вы можете делать все, что вам заблагорассудится,

— и никто вас не остановит, потому что вы беспощадны, циничны, молоды... но простой жалкий извращенец-ньют одержал над вами победу. У меня в руках оружие, и оно сообщило мне местонахождение человека, который уничтожит вас с его помощью.

— Вам известно это место? — спрашивает Тал, перегнувшись через спинку сиденья водителя и показывая ему на дисплей палма.

За стеклами, за мерным стуком «дворников» на ветровом стекле темная ночь понемногу начинает уступать место серому утру. Таксист покачивает головой.

— Далековато.

— Ну что ж, а я тем временем высплюсь, — говорит Тал и поудобнее устраивается на засаленной обивке сиденья, делая вид, что собирается подремать.

На самом же деле ему просто не хочется вновь выслушивать бесконечную болтовню шофера о политическом положении в стране.

Но тут Наджья хватает Тала за руку и шепчет на ухо:

— Тал, что делать? Сарисин показал мне такие вещи из прошлого про моего отца из тех времен, когда мы жили в Афганистане. Тал, страшные

вещи, о которых никто не знает...

— Элементарная ложь. Не забывай, что ты имела дело с сарисином, созданным специально для «мыльной оперы», и его главная функция состоит в том, чтобы из минимально возможного количества информации создавать истории с максимальным эмоциональным воздействием. Успокойся, сестренка, кому не приходилось узнавать всякие мерзости о своих родителях?..

Часа полтора «марути» пробирается между тлеющих куч мусора, объезжает контрольные пункты, проносится мимо баррикад из горящих машин. Тал слушает, как радио в двадцать четвертый уже раз исполняет национальный гимн. За тем следует очередной короткий бюллетень из бхавана Ранов об успехах правительства национального спасения в деле восстановления порядка и спокойствия в стране.

Ньют сжимает руку Наджьи, и она наконец перестает плакать, зажимая рот рукавом своей серой блузки.

Таксисту очень не хочется ехать на своей очаровательной «марути» по грязной неровной мощеной дороге.

— Дорогуша, за что я тебе плачу? Ты сможешь купить новое такси, — возмущенно восклицает

Тал.

И тут по направлению к ним по длинной прямой мощеной дороге от обнесенного высокой стеной охотничьего домика выезжает большой «мерседес», наполовину скрытый серой пеленой дождя. Он громко и нервно сигналит. Тал проверяет местонахождение нужного палма, хлопает водителя по плечу и приказывает:

— Остановите эту машину.

— Остановить машину? — недоуменно переспрашивает водитель.

Тал распахивает дверцу. Шофер ругается, резко тормозит. Не слушая возмущенных криков, ньют выскакивает из такси под моросящий дождь и идет по направлению к «мерседесу». Фары светят прямо в глаза, слепят ньюта. От звука мотора у Тала содрогается все тело. Сигнал гулкий, стереофонический. Но Тала ничто не способно остановить. Прикрыв глаза рукой, ньют следует по направлению к «мерседесу». «Мерседес» мчится на Тала.

Наджья прижимает ладони к стеклу и кричит, видя, как автомобиль во всей своей забрызганной грязью роскоши несется на ньюта. И тщетно Тал поднимает руку. Тормоза визжат, и машину ведет юзом в липкой болотной грязи. Наджья от

ужаса закрывает глаза. Она не знает, с каким звуком должны столкнуться полмиллиона рупий, потраченные на шедевр европейского машиностроения, с шедевром искусственного телостроения, но понимает, что сейчас произойдет нечто чудовищное. Но она ничего не слышит. Только стук тяжелой дверцы автомобиля. Наконец Наджья осмеливается открыть глаза. Мужчина и ньют стоят под дождем. Это Шахин Бадур Хан, думает девушка. Она помнит его по тем клубным фотографиям. Они предстают перед ее умственным взором: вспышка фотокамеры над темной обивкой, резным деревом, полированными поверхностями. И сейчас тот же разговор политика и ньюта. Но теперь ньют сообщает нечто такое, что наделено особой мощью и силой.

Шахин Бадур Хан значительно меньше ростом, чем предполагала Наджья. Она пытается представить, какими эпитетами сейчас его награждают. Предатель, трус, идиот, подонок. Но все обвинения в адрес Шахина несутся, подобно звездам, притягиваемым к черной дыре, к той комнате в конце коридора. Комнате, в которой она никогда не бывала, о существовании которой не имела ни малейшего представления, комнате в конце ее детства... Здесь, сейчас она является

свидетельницей исторического события. Наджья пытается заставить себя преодолеть мучительное притяжение образов, нарисованных сарисином. Прямо перед твоими глазами, на изъезженной грунтовой дороге рождается новое будущее, и ты присутствуешь при этом. Ты находишься рядом с эпицентром борьбы гигантов политического мира. Здесь разворачивается история, которая может стать главной в твоей жизни. Перед тобой твоя пулитцеровская премия, а ведь тебе еще нет и двадцати пяти.

А всю оставшуюся жизнь ты будешь оглядываться на то, что случилось сегодня.

Кто-то стучит в окно машины. Шахин Бадур Хан наклоняется ниже. Наджья опускает стекло. У него серое изможденное лицо, глаза запали от усталости и страданий, и все-таки в них заметен какой-то огонек, словно от крошечной свечки, плывущей по широкой темной реке. Несмотря ни на что, несмотря на движение истории, которое вот-вот готово было раздавить его, Хан видит первый луч надежды.

Наджья вспоминает женщину, которая носила по арене боевых котов, израненных, порой истекающих кровью, но все равно рвущихся в бой.

Шахин Бадур Хан предлагает ей руку.

— Мисс Аскарзада. — У него значительно более глубокий голос, чем предполагала Наджья. Она принимает его руку. — Я надеюсь, вы простите меня, если сегодня утром я покажусь вам туго соображающим. Я был слишком сильно потрясен последними событиями, но должен выразить вам свою благодарность. Не за себя — я ведь всего лишь скромный государственный служащий, — но от имени моего народа.

Не благодарите меня, думает Наджья, я же была первой, кто продал вас, но вслух произносит:

— Хорошо, хорошо, спасибо.

— Нет-нет, мисс Аскарзада, вам удалось раскрыть заговор такого масштаба, такой немыслимой дерзости… Я даже пока не знаю, как поступить в сложившейся ситуации, от нее в самом буквальном смысле слова дух захватывает. Искусственный интеллект… — Он качает головой, и Наджья чувствует, как бесконечно он устал. — Даже при наличии той информации, которой мы сейчас располагаем, все еще далеко не закончено, и ни в коем случае нельзя сказать, что вы находитесь в безопасности. У меня есть план бегства. Все члены Сабхи Бхарата имеют план бегства. Я намеревался воспользоваться им вместе с женой, но моя жена, как вам известно… — Шахин Бадур Хан

вновь качает головой, и на этот раз она чувствует его неспособность поверить в чрезвычайную, фантастическую изощренность заговора. — Скажем так: у меня все еще есть верные мне люди, занимающие довольно влиятельное положение, а те, в чьей верности я не могу быть уверен, по крайней мере получают за нее хорошие деньги. Я могу доставить вас в Катманду, но, к сожалению, оттуда вам придется добираться собственными силами. Я прошу вас только об одном. Я знаю, вы журналистка и являетесь обладательницей самой скандальной истории десятилетия, но, пожалуйста, не публикуй те ничего, пока я не разыграю свою главную карту.

— Да, конечно, — запинаясь, обещает ему Наджья. Конечно, что угодно. Ведь я ваша должница. Вы не знаете этого, но я ведь ваша главная мучительница...

— Спасибо. Огромное спасибо. — Шахин Бадур Хан поднимает голову и смотрит на окрашивающееся в кровавый цвет небо, прищуривается из-за мелкого моросящего дождя. — Да, для меня наступили самые мрачные времена. Пожалуйста, поверьте: если бы я хоть на мгновение мог предположить, что материалы, переданные вами, могут ухудшить положение в Бхарате...

Но... Теперь я уже ничем не могу помочь моему премьер-министру, однако кое-что могу сделать для своей страны.

Шахин резко выпрямляется, окидывает взглядом пропитавшиеся муссонной влагой болота.

— Нам еще предстоит преодолеть некоторое расстояние, прежде чем мы сможем чувствовать себя в безопасности.

Хан крепко жмет ей руку и возвращается в свою машину. С Талом он обменивается быстрым, ничего не значащим взглядом.

— Политик? — спрашивает таксист, уступая дорогу «мерседесу».

— Это был Шахин Бадур Хан, — отвечает Тал. Ньют, промокший до нитки, сидит рядом с Наджьей на заднем сиденье. — Личный секретарь покойной Саджиды Раны.

— Черт возьми!.. — восклицает водитель, глядя вслед «мерседесу», который сигналит ранним автомобилям, выехавшим на проселочную дорогу. — Не любите вы Бхарат!

Штат сотрудников банка «Джамшедпурграмин» состоит из дюжины деревенских женщин, работающих по микрокредитным схемам более чем в сотне деревень. Некоторые из них никогда не выезжали за пределы своих бихарских

сел, а некоторые вообще друг с другом никогда не встречались, но являются обладателями значительной доли акций «Рэй пауэр». Их агент-сарисин уровня 2,1 — простодушная маленькая женщина, пухленькая и постоянно улыбающаяся, с морщинистым лицом и ярко-красным биди на лбу. Она вполне подошла бы на роль сельской тетушки в какой-нибудь серии «Города и деревни». Женщина кланяется Вишраму, находясь в поле зрения его хёка.

— Голосую за решение, — произносит она приятным голосом и исчезает.

Вишрам уже многое просчитал в уме до того, как Индер вывела всю статистику на ментальный экран хёка. Следующий в списке — «Кей-Эйч-Пи холдингс», держатель восемнадцати процентов акций, самый крупный акционер компании, не являющийся членом семьи. Если Бхардвадж проголосует «за», значит, Вишрам выиграл. Если он проголосует «против», тогда Вишраму для победы понадобится поддержка одиннадцати из оставшихся двадцати блоков.

— Господин Бхардвадж?.. — спрашивает Вишрам.

Его руки неподвижно лежат на столе. Он не может поднять их. Они наверняка оставят на

полированной поверхности два потных следа.

Бхардвадж снимает очки в титановой оправе и начинает специальным мягким платочком протирать их. Затем шумно выдыхает через нос.

— Все это крайне, крайне необычно, — заявляет он. — Единственное, что я могу сказать: при Ранджите Рэе подобное было бы невозможно. Но предложение довольно щедрое, и его, конечно, нельзя игнорировать. Поэтому я склоняюсь к положительному ответу и голосую за решение.

Вишрам позволяет своему кулаку и челюстным мышцам слегка сжаться, произведя молчаливое восклицание «Yes!». Даже в тот вечер, когда он одержал победу на конкурсе «Смешно — Ха! Ха!», Вишрам не испытал такого ощущения торжества, как то, которое вызывал у него теперь шепот, пробегающий из конца в конец стола. Они ведь все тоже хорошо просчитали свои выгоды и потери.

Вишрам чувствует, как обтянутая чулком нога Марианны Фуско на мгновение прижимается к его бедру под прозрачной поверхностью стола. Какое-то движение заставляет Вишрама поднять глаза. Его мать тихо выскользнула из зала.

Он уже почти не обращает внимания на формальности дальнейшего хода голосования. Лишенным всяких эмоций голосом Вишрам

благодарит акционеров и членов правления за верность семье Рэй. А сам в эту минуту думает: моя взяла! моя взяла! я победил!.. Затем он заверяет присутствующих в том, что не обманет возлагаемых на него ожиданий, не подведет их и что сегодняшним голосованием они обеспечили великое будущее великой компании. А сам думает: сейчас я отведу Марианну Фуско в ресторан, в самый лучший из тех, которые можно найти в столице страны, терпящей позорное поражение в войне. Следует официальное приглашение для всех присутствующих пройти в конец коридора и собственными глазами увидеть то будущее, за которое они только что проголосовали.

А все мысли Вишрама — о мягком шелковом шарфе с узлами.

ОЧЕНЬ НАПОМИНАЕТ ПЕРЕГОН СТАДА ТЕЛЯТ, — посылает Марианна Фуско сообщение Вишраму, когда обслуживающий персонал «Рэй пауэр» пытается направить членов правления, исследователей, гостей, журналистов и разных других людей по кленовому паркету к демонстрационному залу.

Вихрь тел в коридоре неожиданно сталкивает Вишрама и Рамеша лицом к лицу. Рамеш выше брата на целую голову.

— Вишрам.

Большой Брат улыбается широкой и открытой улыбкой, которая кажется странной и немного жутковатой.

Вишрам не помнит Рамеша улыбающимся. Он всегда был серьезным, насупленным, каким-то слегка озадаченным и ходил, вечно понурив голову.

Рамеш долго и крепко жмет Вишраму руку.

— Прекрасная работа!

— Ты теперь богат, Рам.

И типичный для Рамеша жест — легкий кивок, глаза закатываются вверх, словно он ищет ответа на небесах.

— Полагаю, что да, просто неприлично богат. Но знаешь, богатство меня никогда особенно не интересовало. У меня есть к тебе одна просьба: найди мне какую-нибудь работу, связанную с энергией нулевой точки. Если правда все то, что ты сегодня говорил, то я всю свою жизнь шел в ложном направлении.

— Но ты же будешь присутствовать на демонстрации?

— Еще спрашиваешь! Ни за что на свете... ни за что во всей вселенной я бы ее не пропустил.

Рамеш нервно смеется. Третье правило насто-

ящего комедианта, думает Вишрам Рэй: никогда не смейся собственным шуткам.

— Мне кажется, Говинд хотел с тобой поговорить...

Он столько раз репетировал эту встречу, самыми разными способами, на разные голоса, пытался учесть различные нюансы, продумать позу, но стоило наступить долгожданному мгновению — и все куда-то ушло. Вишрам не может выступить во всеоружии против идущего к нему круглолицего, смущенно улыбающегося, потного мужичка в костюме, который ему явно слишком мал.

— Извини, — говорит он, протягивая руку. Говинд качает головой и принимает ее.

— Вот почему, братец, тебе никогда не удастся ничего по-настоящему достичь в бизнесе. Ты слишком мягок. Слишком вежлив. Сегодня ты победил, очень многого достиг, так наслаждайся своей победой! Торжествуй. Прикажи охране снова вывести меня из этого здания.

— Одного раза довольно.

Пиаровская группа «Рэй пауэр» ведет толпу дальше. Вишрам и Говинд остаются в коридоре одни. Говинд еще крепче сжимает руку брата.

— Наш отец гордился бы тобой, но я по-прежне-

му сохраняю уверенность в том, что ты погубишь компанию. У тебя есть стиль, есть харизма, есть настоящий талант шоумена. Конечно, и в нашем деле такие вещи нужны. Но только на них строить бизнес нельзя. У меня есть предложение. Компания «Рэй пауэр» — так же, как и семья Рэй, — не должна быть разделена на противоборствующие части. У меня имеется устное соглашение с внешними инвесторами, но никакие официальные сделки пока не заключены, никакие документы не подписаны.

— Ты предлагаешь слияние подразделений? — спрашивает Вишрам.

— Да, — отвечает Говинд. — При том, что я буду руководить производственным.

Вишрам чувствует, что здесь скрывается какой-то подвох, но не может с ходу его раскусить.

— Я не могу сразу дать ответ на твое предложение, — говорит он. — После демонстрации. А теперь я хочу, чтобы ты увидел мою вселенную.

— И еще один вопрос, если позволишь, — почти шепотом произносит Говинд, когда они идут по коридору. — Откуда у тебя деньги?..

— От одного давнего компаньона отца, — отвечает Вишрам и каким-то внутренним слухом слышит тот звук, которого больше всего боятся

комедианты, — звук собственных удаляющихся шагов.

Ему в голову приходит вдруг странная мысль: среди всех многочисленных вариантов сценария проведения сегодняшнего совещания, много раз отрепетированных, не было варианта на тот случай, если бы за тем широким овальным столом он внезапно умер.

Они находят небольшое место на полу рядом с дверью, под откидывающейся полкой проводника. Здесь они ложатся, забаррикадировавшись чемоданами и прижавшись друг к другу, как дети. Двери плотно закрыты, и Парвати сквозь крошечное окошко с матовым стеклом виден только кусочек неба цвета дождя; сквозь перегородку ей видна и дверь в следующий вагон. Тела пассажиров прижаты к твердому пластику и кажутся какими-то жутко расплющенными. Не просто тела — люди, человеческие судьбы тех, кто больше не может, подобно ей, жить в этом городе нормальной жизнью. Голоса тонут в шуме двигателей, в стуке рельсов. Она удивляется тому, что поезд, до такой степени перегруженный, может вообще двигаться, но какое-то особое чувство внутри и мерные удары неровной пластиковой стенки по спине заставляют Парвати поверить,

что райпурский экспресс набирает скорость.

В вагоне нигде не видно никакого обслуживающего персонала. Нет ни кондуктора в традиционном белом сари с колесом Бхарата на плече паллава, ни разносчика чая, ни проводника, который должен был бы сидеть над ними, скрестив ноги.

Теперь поезд мчится на большой скорости. Мимо проносятся опоры линий электропередачи на фоне крошечного квадратика тусклого неба. На какое-то мгновение Парвати охватывает паника, ей кажется, что она едет вовсе не в поезде и не по железной дороге. Но потом молодая женщина решает — а какое, собственно, имеет значение, на чем она едет. Лишь бы подальше от прежней жизни.

Куда-нибудь подальше... Парвати прижимается к Кришану, берет его за руку — но так, чтобы никто не заметил, чтобы ни у кого не возникло ненужных мыслей на тот счет, чем там занимаются эти двое индусов. Ее пальцы натыкаются на что-то теплое и влажное. Она отдергивает руку. Кровь... Кровь растекается липкой лужицей в пространстве между их телами. Кровь прилипает к ребристой поверхности стены. Рука Кришана, сжатая в кулак и лежащая всего в нескольких

миллиметрах от ее руки, красна от крови. Парвати отодвигается, но не от ужаса и отвращения, а просто чтобы лучше понять, что же все-таки происходит. Кришан сползает по стене, оставляя на ней красное пятно, пытается удержаться, опираясь на левую руку. Его белая рубашка, начиная от бедра и ниже, окрасилась в красный цвет, пропиталась кровью. Парвати видит, как с каждым вдохом, который он делает, из него изливается все больше крови.

Тот странный вздох, с которым он потащил ее к поезду во время выстрелов на платформе... Она видела, как пули отлетали рикошетом от стальных опор.

Лицо у Кришана становится пепельного цвета, цвета муссонного неба. Он дышит с трудом, руки дрожат. Долго он так не продержится: каждый удар сердца, каждый вздох изливают из его тела на пол вагона очередную порцию жизненной силы. Кровь лужей растекается вокруг его ног. Губы шевелятся, но он уже не способен произнести ни слова. Парвати тянет Кришана к себе, кладет его голову себе на колени.

— Все хорошо, любимый, все хорошо, — шепчет она. Конечно, молодая женщина может закричать, начать звать на помощь, просить, чтобы

нашли врача, но она прекрасно понимает, что в переполненном вагоне ее никто не услышит. — О, Кришан, — шепчет она, чувствуя, как его кровь течет по внутренней поверхности ее бедер. — О, мой милый.

Его тело холодное, как лед. Парвати ласково касается его длинных черных волос, нежно перебирает их, а поезд несется все дальше на юг.

В холодном утреннем свете господин Нандха поднимается по ступенькам жилого комплекса Дилджит Раны. Он мог бы, конечно, воспользоваться лифтом — в отличие от старых комплексов, таких, как Шива Натараджа и Белый форт, в новых правительственных кварталах все работает исправно, — но ему хочется поддерживать в себе энергию, силу, внутренний импульс. Сыщик Кришны не позволит ему ускользнуть. Его аватары нитями паутины разбросаны между многоэтажными зданиями Варанаси. Он чувствует, как вибрации внутренней энергии города сотрясают мир.

Пятый пролет, шестой...

Господин Нандха намерен извиниться перед женой за то, что обидел ее в присутствии матери. В извинениях, конечно, нет никакой особой нужды, однако господин Нандха считает, что в

супружеской жизни полезно иной раз и уступить, даже если ты и прав. Но она должна оценить его шаг, понять, чего он стоил ему во время расследования самого важного дела в истории их министерства. Дела, которое по завершении процесса экскоммуникации — в этом он ни на мгновение не сомневается — возведет его в ранг офицера расследования первого класса. И тогда они смогут проводить вдвоем счастливые вечера за рассматриванием рекламных проспектов с мебелью для новой квартиры в пригороде.

Минуя последние три пролета, господин Нандха насвистывает темы из «Кончерто гроссо» Генделя.

Когда он вставляет ключ в замок, ничего особенного не происходит. Не происходит ничего из ряда вон выходящего и когда он берется за ручку и поворачивает ее. Но за то время, которое проходит между прикосновением к ручке, ее поворотом и открыванием двери, Сыщик Кришны уже узнает, что там обнаружит. И начинает понимать смысл того откровения, что было ему в предрассветные часы в коридоре министерства. Именно в то мгновение жена и оставила его.

Обрывки музыки Генделя еще звучат в его слуховых центрах, когда он переступает порог

квартиры и входит в совершенно новый период своей жизни, которая с этого мгновения становится абсолютно иной, ничем не похожей на прежнюю.

Ему незачем звать ее. Ее нет, она ушла и никогда не вернется. Остались вещи. Вот лежат ее глянцевые журналы, а на кухне рядом с гладильной доской стоит ее корзина с бельем, ее орнаменты, маленькие фигурки божеств занимают обычные места в ее домашнем святилище. В вазе свежие цветы, герань недавно полита. Но отсутствие жены чувствуется во всем: в мебели, в очертаниях комнаты, в коврах, в уютном уголке рядом с телевизором, даже в обоях. В освещении комнат, в кухонной утвари, в скатертях на столах. Утрачено полдома, полжизни и весь его брак целиком. Но природа почему-то не боится подобной пустоты. Жизнь продолжается, она пульсирует, у нее есть своя новая форма, новая геометрия.

Господин Нандха знает, что он должен произнести определенные слова, совершить определенные действия, испытать определенные чувства, соответствующие той ситуации, в которой он оказался. Но Сыщик Кришны ходит по комнатам в каком-то полутрансе, и у него на губах появляется некое подобие улыбки. Он как будто готовится

к защите, словно матрос, во время тропического шторма привязывающий себя к мачте для того, чтобы лицом к лицу встретиться со стихией, бросить ей вызов. Поэтому господин Нандха прямо идет в спальню. Подушки с вышивкой, свадебный подарок от его коллег, лежат на кровати на своих местах. Дорогое издание «Камасутры» для успешного функционирования пары молодоженов — на прикроватном столике. В нем аккуратно перевернута очередная страница.

Господин Нандха наклоняется и вдыхает аромат страницы. Но нет... Он не желает знать, была ли какая-либо вина на его жене. Он открывает раздвижные деревянные двери, проверяет, что она взяла, уходя, а что оставила. Золотистые, голубые, зеленые сари, белый шелк для официальных приемов... Восхитительные прозрачные малиновые чоли, в которых она так ему нравилась и которые так волновали его, стоило увидеть в них жену в комнате или в саду. Она забрала с собой все мягкие ароматизированные вешалки, оставила только дешевые алюминиевые и проволочные, давно растянувшиеся и потерявшие форму.

Господин Нандха опускается на колени, чтобы проверить полку для обуви. Большая часть ячеек пуста. Он берет домашнюю туфлю, отороченную

дорогим шелком, с мягкой подошвой и с узором, сделанным золотыми нитями, проводит рукой по узкому заостренному мыску, по мягким, округлым, словно девичья грудь, каблукам. Потом снова ставит на место. Ему невыносимо держать в руках ее очаровательные туфельки.

Сыщик Кришны закрывает раздвижные двери, и за ними исчезают одежда и обувь. Но совсем не о Парвати он вспоминает, стоя у закрытого шкафа, а о матери, о том, как сжигал ее, стоял у погребальных носилок с обритой головой и в белой одежде. Он вспоминает об опустевшем материнском доме, о невыносимой боли, которую ему причинял вид ее одежды и туфель, ставших вдруг ненужными. Смерть цинично обнажила все ее предпочтения, пристрастия, прихоти.

К кухонной полке, там, где хранятся аюрведические чаи и другие составляющие его диеты, прикреплена записка. Он трижды ее перечитывает, но понимает из нее только тот очевидный факт, что Парвати ушла от него. Слова не складываются в предложения. Ухожу... Извини... Больше не могу любить тебя... Не ищи меня... Слишком много слов, и все они так близко расположены друг к другу. Он складывает записку, кладет ее в карман и поднимается по лестнице в садик на

крыше.

Стоя на открытом пространстве в сероватом свете дня, под взглядами соседей и собственных кибераватар, господин Нандха чувствует, что подавляемый до той минуты гнев начинает рваться наружу. О как бы хотелось Сыщику Кришны сейчас открыть рот и позволить ему потоком излиться наружу!.. Все внутри у него сжимается, но господину Нандхе удается взять себя в руки, подавить приступ тошноты.

А что это за неприятный химический запах?.. Ему становится совсем дурно, и на мгновение кажется, что сейчас эта дурнота овладеет им, и он ничего не сможет поделать.

Господин Нандха опускается на колени у края грядки, трогает пальцами мягкую почву... Но тут у него на палме раздается звонок. Вначале Сыщик Кришны не понимает, откуда исходит странный звук. Настойчивый звон заставляет его вынуть руку из земли, и он вновь осознает, что находится на залитой дождем крыше своего дома.

— Нандха.

— Босс, мы нашли ее. — Голос Вика. — «Гайяна Чакшу» выследила ее две минуты назад. Она здесь, в Варанаси. Босс... Она — Калки. Мы все проверили, она — сарисин. Она — инкарнация

Калки. Я посылаю за вами вертолет...

Господин Нандха резко встает, смотрит на руки, стирает с них грязь. Его костюм испачкан, помят, промок насквозь. Ему кажется, что теперь он никогда не высохнет. Но Сыщик Кришны разглаживает манжеты, поправляет воротник, вынимает пистолет из кармана и засовывает его в кобуру. Ранние неоновые рекламы Каши о чем-то бессвязно сообщают безразличным прохожим. У него в жизни есть высокая цель. И сейчас ему предстоит важная и очень серьезная работа. Он выполнит ее так блестяще, так безупречно, что никто в министерстве не осмелится даже шепнуть что-то дурное против Нандхи.

Небольшой самолет идет на посадку среди громадных многоэтажных зданий. Господин Нандха стоит под верхней площадкой пожарной лестницы, а аппарат зависает над крышей. На месте второго пилота сидит Вик, его лицо, выразительно подсвеченное светом приборов на консоли, становится отчетливо видно. Самолет ВВС Бхарата не может опуститься на крышу, поэтому пилот в изощренном ньютовском танце снижает его сантиметр за сантиметром — таким образом, чтобы господин Нандха мог проскользнуть между реактивными струями двигателей и подняться

по аппарели в хвостовой части.

Самолет производит здесь то разрушение, о котором господин Нандха уже начал мечтать. В одно мгновение падают и ломаются все подпорки для растений. Герани сметает с карнизов. Саженцы и маленькие деревца вырывает с корнем из мягкой почвы. Сама земля поднимается вверх большими кусками грязи. От влажного дерева в ограждениях грядок начинает идти пар, затем дым. Пилот продолжает снижение до тех пор, пока шасси не касаются крыши. Идет вниз аппарель.

Во всех иллюминаторах сразу вспыхивает свет.

Господин Нандха поднимает воротник и следует в открытое, освещенное голубоватым светом внутреннее помещение самолета. Там вся его группа и представители воздушной полиции. Мукул Дэв и Рам Лалли. Мадхви Прасад и даже Морва из финансового отдела. Господин Нандха садится рядом с подчиненными, пристегивается ремнем, аппарель убирается, пилот начинает взлет.

— Дорогие друзья, — говорит господин Нандха. — Я рад, что сегодня, накануне важнейшего исторического события, все вы рядом со мной.

Искусственный интеллект третьего поколения. Существо, настолько же превосходящее наш интеллект, насколько мы превосходим по интеллекту свинью. Бхарат будет вечно нам благодарен... Ну а теперь давайте постараемся проявить максимум усердия в процедуре экскоммуникации, которая нам предстоит.

Самолет разворачивается, поднимаясь над разрушенным садом господина Нандхи, над окнами и балконами, над солнечными батареями и резервуарами воды. Небольшой аппарат взмывает все выше и выше среди небоскребов Варанаси.

Пока судно приближается к Варанаси, Лиза Дурнау принимает еще три звонка.

Первый — от Дейли Суарес-Мартин. Лиза невольно задается вопросом, решила ли она проблему с волосами на верхней губе. В текстовом сообщении говорится:

Дублирующая миссия провалилась. Нет второго переводчика. Направьте всю энергию на первичный источник. Нам нужен Лалл.

Второе сообщение — компьютерная схема Варанаси, на которой отмечено местонахождение двух человек. Одного, который стоит рядом с Лизой Дурнау на борту судна, мчащегося по

священным водам Ганга, и второго — сарисина во плоти, — которого камера слежения Банка Бхарата обнаружила на Грэнд-Транк-роуд. На маленьком экране с не очень качественным изображением этот сарисин производит не более зловещее впечатление, чем любая беззащитная девочка-подросток, оказавшаяся в одиночестве на улице и не знающая, куда ей идти.

Третье сообщение словесное, поступившее на палм из университета, от Анджелы Робертс. *Где бы ты ни была, что бы ни делала, немедленно свяжись со мной. «Альтерра» рухнула. Сразу, повсюду, во всех экосистемах, бесповоротно. Полный обвал системы. Рухнули одиннадцать миллионов хостов. Никто не выжил. Абсолютное всеобщее уничтожение.*

Три сообщения... Когда судно поворачивает к забитому до отказа доку, Лиза Дурнау говорит Томасу Лаллу только о втором.

Последние боги гаснут над Варанаси, и небо становится просто небом. Улицы становятся немы, здания — глухи, у автомобилей исчезают голоса, а у людей остаются только лица, закрытые, словно сжатые кулаки. Нет больше ответов, нет пророчеств среди деревьев и уличных святилищ, и пролетающие самолеты ничего не вещают:

есть только мир без богов, полный бескрайней пустоты. Различные ощущения заполняют пространство. Рев моторов, шум голосов. Цвета сари, мужских рубашек, неоновых реклам, сверкающих сквозь серую пелену дождя, каждая светится своим собственным ярким светом. Аромат благовоний, мочи, горячего жира, выхлопов спиртового топлива, горящего пластика — все полно воспоминаний о ее жизни до начала большой лжи.

Тогда она была совсем другим человеком, если верить женщинам в той хибаре. Но боги — на самом деле не боги, а машины, теперь-то она хорошо это понимает, — говорят, что у нее совсем другое «Я», не такое, какое было в те времена. Нет, не говорят, а говорили... Боги ушли. Два совершенно различных набора воспоминаний. Две жизни, совершенно не совместимые друг с другом, а теперь начинается третья, которая должна каким-то образом связать две предыдущие. Лалл... Лалл знает, Лалл скажет ей, как их все соединить. Девушке кажется, что она все-таки сможет вспомнить дорогу до отеля. Одурманенная новым для нее хаосом ощущений, освобожденных из тюрьмы, в которую загнало их чисто информационное восприятие мира, Аж позволяет общему

городскому потоку нести ее к берегу реки.

В предрассветный дождь на окружной аллахабадской дороге двести танков авадхов заводят двигатели, выезжают с замаскированных позиций и выстраиваются в боевую колонну. Направление движения четырехкилометровой колонны ни у кого не вызывает никаких сомнений: юг-юго-восток, по направлению к Джабалпуру. К тому времени, когда в лавках поднимаются ставни, а служащие отправляются на работу в фатфатах и автобусах, разносчики газет уже носятся по улицам с криками: «Танки уходят! Аллахабад спасен! Авадхи отступают к Кунда Кхадар! »

«Мерседес» премьер-министра уже ждет приземления аэробуса «Бхаратийя вайюсена» А-510 в не слишком оживленном уголке аэропорта Варанаси. Зонтики защищают Ашока Рану от дождя, пока он добирается до автомобиля. «Мерседес» отъезжает с мягким шорохом толстых шин по бетонированной площадке. Премьер-министра уже вызывают по каналам правительственной коммуникационной связи. Эн Кей Дживанджи... Снова... Он совсем не похож на министра внутренних дел в правительстве национального единства. Он должен сообщить премьер-министру неожиданные новости.

Если она сейчас выпустит его руку, то наверняка потеряется.

Вооруженные полицейские пытаются очистить берег. Из громкоговорителей звучат обращенные к толпе требования немедленно разойтись и вернуться домой к обычным повседневным делам. Порядок восстановлен. Больше ни для кого нет никакой опасности. Некоторые из тех, кто был захвачен волной общей паники и кто не хотел бросать дом и имущество, возвращаются назад. Другие не доверяют полиции, соседям и противоречивым заявлениям правительства. Третьи же просто не знают, что им делать. Они дергаются то в одну, то в другую сторону, не решаясь ни плыть, ни возвращаться.

Лиза и Лалл протискиваются сквозь растерянную толпу и военных по узким гали вокруг Вишванат Гали. Улицы и гхаты совершенно непроходимы.

Лиза Дурнау крепко держит Томаса Лалла за левую руку. В правой он несет «Скрижаль», как светильник темной ночью. Какая-то совсем небольшая часть нравственного чувства Лизы, которая еще сохранила некую ответственность по отношению к правительствам и их планам, ощущает беспокойство за «Скрижаль».

Она знает: благодаря специальному встроенному коду «Скрижаль» может почувствовать, что находится в руках чужого человека, и тогда замолчит навеки. Лиза надеется только на то, что скоро сможет забрать ее у Лалла. В какую бы игру им еще ни предстояло сыграть, она все равно скоро закончится.

Нандха... Сыщик Кришны... Профессиональный уничтожитель нелицензированных сарисинов... Не слишком отчетливый образ со Скинии Лиза несет в своей памяти. Бессмысленно задаваться вопросом, каким образом Сыщик Кришны мог оказаться внутри машины, которая старше Солнечной системы. Столь же бессмысленно, как и задаваться подобным вопросом относительно и ее самой. Но одно Лиза знает совершенно определенно. Это и есть то самое место и то время, где возникли все четыре изображения.

Томас Лалл внезапно останавливается, рот у него немного приоткрыт от раздражения. Он сканирует толпу с помощью «Скрижали» в поисках соответствия с изображением на жидкокристаллическом экране.

— Водонапорная башня!.. — вдруг вскрикивает он и тащит Лизу за собой.

Большие розовые бетонные цилиндры под-

нимаются над гхатами вдоль всей прибрежной полосы через каждые несколько сотен метров. Все они соединены при помощи таких же розовых эстакад. Лиза Дурнау не способна среди бесчисленной массы беженцев и богомольцев, обступивших основание водонапорной башни, различить ни одного лица. Но тут к гхатам приближается самолет, он летит так низко, что все невольно пригибаются. Все, кроме одинокой фигурки в сером на карнизе на самом верху водонапорной башни.

Он нашел ее... Устройство «Гайяна Чакшу» соединено с его хёком. С помощью экстраполяции, моделирования, наведения и статистических расчетов господин Нандха видит сарисина как движущееся световое пятно. Оно просвечивает сквозь людей, сквозь транспорт, сквозь здания. Сыщик Кришны наблюдает за ним с высоты и на расстоянии нескольких километров. А пятно перемещается по запруженным людьми переулкам и гали вдоль берега реки.

Господин Нандха имеет право указывать пилоту. Он ведет самолет по широкой дуге, господин Нандха всматривается вниз в человеческий поток, заполняющий улицы, и видит яркую светящуюся точку. Он и сарисин — двое наделенных

плотью существ в городе призраков. А может быть, верно как раз обратное, думает господин Нандха?

Он приказывает пилоту лететь к реке и призывает свои аватары. Они растут перед ним, словно грозовые облака, окружая бегущего сарисина со всех сторон. Это осада, которую ведут боги. Их оружие и атрибуты готовы к бою. Они касаются облаков, вода Ганга кипит под ногами их вахан. Незримый мир, видимый только верным... Бегущее пятнышко света останавливается. Господин Нандха отдает Ганеше Открывателю приказ просмотреть местные камеры слежения. Он находит экскоммуницируемого сарисина на водонапорной башне, на Дасашвамедха Гхате. Сарисин стоит, ухватившись за перила, и всматривается в толпу народа, пытающегося пробиться на судно, идущее до Патны. Стоит ли она там потому, что видит то же, что вижу и я? — задается вопросом господин Нандха. Остановилась ли в страхе и благоговейном ужасе перед богами, которые поднимаются из вод Ганга? Возможно, лишь нам двоим доступно видение истины в городе иллюзий...

Сарисин, воплотившийся в человеческом теле. На самом деле наступили страшные времена.

Господин Нандха даже представить себе не может, какой нечеловеческий, чудовищный план скрывается за этим насилием над душой. И не хочет представлять. Знание может стать дорогой к пониманию, а понимание — к терпимости. Но есть вещи, на которые терпимость не должна распространяться никогда. Он уничтожит мерзость, не оставив от нее и следа, и все снова придет в норму. Порядок будет восстановлен.

Одинокая звезда сияет на вершине водонапорной башни. Пилот поворачивает самолет между Хануманом и Ганешей. Господин Нандха указывает пальцем в сторону прибрежной полосы. Пилот выполняет приказ. Садху и свами бегут от костров, потрясая худыми кулачками, грозя спускающемуся с неба самолету. О, если бы вы видели то, что вижу я!..

— Босс, — говорит Вик. — Мы перехватили грандиозный трафик во внутренней сети «Рэй пауэр». Я думаю, это наше третье поколение.

— В свое время, в свое время, — отвечает господин Нандха немного ворчливо. — Все в свое время. Именно так делается любое успешное дело. Мы вначале закончим нашу работу здесь, а затем разберемся с «Рэй пауэр».

Сходя с трапа на песок, он держит пистолет в

руке, а небо кишит богами.

Кругом люди... Аж хватается за проржавевшие перила, у нее кружится голова от бесчисленных человеческих масс на гхатах и на берегу. Напор людских тел заставил ее подняться на эту галерею, когда она почувствовала, что начинает задыхаться, пробираясь к хавели. Аж выдыхает весь воздух из легких, задерживает дыхание, затем медленно вдыхает через нос. Рот для беседы, нос для дыхания. Но ковер из человеческих душ там, внизу, ужасает ее. Нет предела их потоку, он прибывает быстрее, чем передние ряды успевают достичь гхатов и реки. Она вспоминает другие ситуации, когда оказывалась среди людей, — на вокзале, на горящем поезде, в деревне, после того, как солдаты отвели их в безопасное место. Это было того, когда она остановила роботов.

Теперь она понимает, как ей удалось их остановить. Она понимает, откуда ей стало известно имя водителя автобуса на дороге в Теккади и парня, укравшего мотоцикл в Ахмедабаде. Теперь все подобные воспоминания стали прошлым, столь же близким и одновременно столь же чуждым, как и воспоминания о детстве. Они остаются неуничтожимой ее частью, но отдельной, невинной, давней. Она уже не та Аж. Но она и не

другая Аж, не искусственный ребенок, аватара богов. К ней пришло понимание, и в мгновение озарения она была отвергнута богами. Для богов невыносимо человеческое. Теперь она третья Аж. Она больше не слышит голосов и не способна читать сокровенные истины в свете уличных фонарей. Все те истины и голоса были информацией, исходившей от сарисинов, общавшихся с ее душой через окошко тилака. Теперь она такой же заключенный в темнице из костей и плоти, как и все те, что следуют вдоль реки. Она пала, она отвержена. Она стала обычным человеческим существом.

И тут до девушки доносится звук приближающегося самолета. Аж поднимает голову, видит, как он снижается, пролетает над храмовыми шпилями и башнями хавели. Она видит, как десять тысяч человек склоняются к земле, но стоит не шевелясь, ибо знает, что значит его приближение. Последнее воспоминание о том, чем она была некоторое время назад, последний шепот богов, последняя вспышка их света, сливающаяся с микроволновым хаосом вселенной, сообщает ей об этом. Девушка наблюдает за тем, как самолет начинает снижаться над вытоптанным песком прибрежной полосы, задувая костры садху, и

понимает, что он прилетел за ней. И только тогда Аж пускается в бегство.

Легким взмахом руки господин Нандха направляет своих людей на зачистку гхатов. Периферийным зрением он замечает, что Вик немного отстает. На его подчиненном все еще те же вульгарные тряпки, в которых он был во время ночных столкновений. Этим сырым утром Вик кажется таким потным, грязным и неопрятным... Вик в растерянности. Вик боится. Господин Нандха намерен отчитать Вика за недостаточную преданность делу. Когда главная цель будет достигнута, наступит время для организационных мероприятий.

Господин Нандха шагает по влажному белому песку.

— Внимание! Внимание! — кричит он, подняв бумагу с ордером. — Проводится операция под эгидой министерства безопасности. Пожалуйста, оказывайте нашим сотрудникам всю необходимую помощь.

Но не жалкая бумажка в его левой руке, а пистолет в правой заставляют людей расступаться и поспешно уводить любопытных детей. Для господина Нандхи Дасашвамедха Гхат — арена битвы, полная призраков и окруженная внима-

тельно наблюдающими богами. Он представляет улыбки на их высоких громадных лицах. Все его внимание сконцентрировано на маленькой светящейся точке, приобретшей уже форму звездочки, пентаграммы человеческой фигуры. Сарисин начал перемещаться со своей позиции на верху водонапорной башни. Теперь он идет по дорожке. Господин Нандха пускается за ним в погоню.

Когда самолет пролетал над ними, вся толпа пригнулась, и Лиза Дурнау пригнулась вместе со всеми. Но стоило ей заметить Аж на башне, как она тут же почувствовала, что Лалл отошел от нее. Человеческие тела сомкнулись. Он исчез.

— Лалл!..

Еще несколько шагов, и от него не осталось и следа. Его поглотили волны из военных в ярких мундирах, людей в куртках и майках.

— Лалл!..

Но разве кто-то может услышать ее крик среди оглушительного рева толпы на Дасашвамедха Гхат. Внезапно ее охватывает еще больший приступ клаустрофобии, чем тот, который она пережила, зажатая в узком каменном канале Дарнли-285. Она одна среди бескрайней толпы. Лиза останавливается, пытается отдышаться.

— Лалл!..

Она поднимает голову, смотрит на верхнюю площадку водонапорной башни, которой завершается длинная лестница из стершихся скользких ступеней. Аж все еще стоит, держась за перила. Вскоре там обязательно появится Лалл. Не время и не место для проявления западной деликатности. И Лиза Дурнау начинает пробиваться вперед, локтями расталкивать толпу.

В «Скрижали» она невинна, в «Скрижали» она несведуща в тайнах мира, в «Скрижали» она — ребенок, подросток на высокой башне, взирающий оттуда на одно из величайших чудес Земли.

— Пропустите меня, пропустите меня!.. — кричит Томас Лалл.

Он видит, как на песчаный берег опускается самолет. Он видит, как по толпе распространяется рябь недовольства, как только солдаты начинают ее теснить. Со своего высокого наблюдательного пункта на гхате он различает фигуру, приближающуюся по расчищенным мраморным ступеням. Это четвертая аватара Скинии — Нандха, Сыщик Кришны.

Лалл, готовясь к совершению последнего рывка, вспоминает, что у Кафки есть рассказ о герольде, приносящем известие о благосклонно-

сти и особом расположении государя одному из его подданных. И хотя у герольда есть все необходимые печати, грамоты и пароли, он не может покинуть дворец из-за огромной толпы, собравшейся вокруг. Он не в силах пронести сквозь нее важное, дарующее надежду слово короля. Оно остается непроизнесенным.

— Аж!..

Он уже достаточно близко, уже видит три грязные белые полоски на серых кроссовках девушки.

Его слова проваливаются в гулкий колодец звуков, раздавленные и уничтоженные более резкими и громкими звуками. При каждом вдохе Лалл чувствует небольшой, но уже вполне ощутимый эластичный комок напряжения.

Черт бы побрал Кафку!

— Аж!..

Но она уже исчезла.

Беги, подсказывают ей остатки богов. Подошвы стучат по металлической эстакаде. Она поворачивает вокруг высокой опоры и бежит по железным ступенькам с острыми краями. Какой-то пожилой мужчина что-то кричит и ругается, когда Аж врезается в него.

— Извините, извините, — шепчет она, подняв

руки, словно моля о прощении, но он уже прошел мимо.

На мгновение Аж задерживается на ступеньке. Самолет стоит на песке справа от нее, у самой воды. В толпе возникает какое-то волнение, которое ползет по направлению к ней, словно кобра. А за спиной у девушки движутся антенны военного бронетранспортера, который перемещается по узкому переулку Дасашвамедха Гали. Туда бежать нельзя.

Огромная толпа теснится по направлению к судну, стоящему у пристани. Многие уже по плечи в воде, несут свои пожитки на голове. В былые времена Аж могла бы скомандовать механизмам, управляющим судном, и уплыть на нем. Теперь у нее такой возможности нет. Она всего лишь чело век. Слева от нее к Гангу спускаются стены и контрфорсы дворца Ман Сингха. Головы, руки, голоса, вещи, цвета, мокрая от дождя кожа, глаза... Над толпой возвышается голова бледного мужчины. Судя по росту, он иностранец. Длинные волосы, серая щетина... Голубые глаза... Ярко-голубая идиотская рубашка... чудесная спасительная рубашка...

— Лалл!.. — кричит Аж и бежит вниз, перескакивая через узлы с вещами, сбивая с ног каких-то

детей, перепрыгивая через невысокие стенки и платформы, где брахманы совершают приношения Брахме из огня, соли, музыки и прасада. — Лалл!..

Господин Нандха мысленно изгоняет своих богов и демонов. Сарисин уже почти у него в руках. Он не сможет сбежать в город. Река для него закрыта. Для него нет другого пути, кроме как идти вперед. Люди расступаются перед господином Нандхой, словно море в чужом древнем мифе. Он видит сарисина, который одет в серое, в нечто лишенное индивидуальности темно-серое. Так легко разглядеть в толпе, так просто определить...

— Стоять! — говорит господин Нандха тихо. — Вы арестованы. Я офицер, наделенный особыми полномочиями. Стоять! Лечь на землю! Руки за спину!..

Между ним и сарисином свободное пространство. Господин Нандха видит, что противник не останавливается. Но он должен знать, что только в беспрекословном повиновении заключается его единственный ничтожный шанс на спасение. Господин Нандха снимает свое оружие с предохранителя. Система аватары Индры направляет руку на цель. Но в этот же мгновение большой

палец правой руки Сыщика Кришны совершает действие, которое не совершал никогда раньше. Он переключает оружие с нижнего ствола, с помощью которого уничтожаются механизмы, на верхний. Раздается щелчок, свидетельствующий о том, что устройство готово к бою.

Беги... Простое слово, когда твои легкие не сжаты, как в кулаке, и каждый вздох достается с огромным трудом, когда толпа отвечает сопротивлением на каждое твое движение, каждый толчок, каждую попытку прорваться вперед, когда один неловкий шаг — и ты окажешься под ногами у этой безумной жестокой толпы, будешь неминуемо раздавлен ею, когда человек, который мог бы спасти тебя, кажется, находится в самом отдаленном от тебя месте вселенной.

Беги... Такое простое слово для машины.

Господин Нандха скользит и останавливается на опасном, слишком отполированном ступнями человеческих ног камне. Снова прицеливается. Он ни при каких обстоятельствах не сможет отвести оружие от цели. Скорее солнце сместится со своего места на небе. Индра не позволит сделать это. Но вытянутая рука и плечо Сыщика Кришны начинают ныть от напряжения.

— Именем министерства безопасности я при-

казываю вам остановиться! — кричит он.

Бессмысленно... впрочем, как и всегда. Он целится. Индра производит выстрел. Толпа издает страшный вопль.

Орудием уничтожения в данном случае служит шарик из жидкого вольфрама, который, будучи выпущен из пистолета господина Нандхи, во время полета расширяется, превратившись во вращающийся диск из горячего металла размером с кружок, образуемый большим и средним пальцем, — нечто похожее на знак ОК.

Заряд поражает Аж в спину, разбивая ей позвоночник, разрывая почки, яичники и тонкий кишечник. Тело ее в одно мгновение взрывается снопом расплавленной плоти. Серая хлопчатобумажная безрукавка вскипает фонтаном крови. Удар, пришедшийся по девушке, такой чудовищной силы, что ее тело взлетает вверх, а затем падает прямо на толпу. Под ней оказываются какие-то люди, которые со стонами и воплями пытаются вы ползти из-под окровавленного тела. Аж должна быть уже мертва — ведь ее нижняя часть практически оторвана от верхней, — но продолжает корчиться в жутких судорогах, царапая мрамор, лежа во все расширяющейся луже горячей крови, издавая тихие, но вполне разли-

чимые стоны.

Господин Нандха вздыхает и подходит к ней. Сыщик Кришны качает головой. Неужели он навеки обречен работать с подобной мерзостью?

— Не подходите! — приказывает он.

Господин Нандха стоит над телом Аж, расставив ноги. Индра направляет его оружие.

— Это обычная процедура экскоммуникации, но я бы рекомендовал вам сейчас отвернуться, — говорит Сыщик Кришны, обращаясь к присутствующим.

Он смотрит на толпу. Его взгляд встречается со взглядом голубых глаз — глаз европейца или американца. Лицо западного человека... Борода... Знакомое ему лицо... Лицо, которое он искал. Томас Лалл... Легкий наклон головы в сторону Лалла. Пистолет стреляет во второй раз. Вторая пуля попадает Аж в затылок.

Томас Лалл издает какой-то нечленораздельный рев. Рядом с ним Лиза Дурнау, она держит его, тянет его, вцепившись со всей своей силой настоящей спортсменки. У нее в ушах стоит странный звук — такой, будто взорвалась вселенная. Что-то горячее течет у нее по лицу, и она не сразу понимает, что это слезы.

А дождь усиливается...

Господин Нандха чувствует, что за спиной собираются его сотрудники. Он поворачивается к ним. Сейчас он не хочет замечать того, что выражают их лица. Сыщик Кришны указывает им на Томаса Лалла и на женщину, держащую его за руки.

— Я приказываю вам немедленно арестовать этих людей на основании Акта о регистрации и лицензирования искусственного интеллекта, — приказывает он. — Все подразделения немедленно направить в научно-исследовательское отделение компании «Рэй пауэр». И пусть кто-нибудь позаботится об останках.

Он засовывает оружие в кобуру. Господину Нандхе очень хочется надеяться, что ему больше не придется пользоваться им сегодня.

Посмотрите налево, говорит капитан. Перед вами Анапурна, а немного дальше — Манаслу. За ним следует Шишапангма. Все они высотой более восьми тысяч метров. Если вы находитесь по левому борту, то, если будет хорошая погода, можно увидеть Сагармату. Так мы называем Эверест.

Тал сидит, свернувшись калачиком, на своем месте в бизнес-классе, положив голову на подушку и издавая едва слышные сопранные трели храпа, хотя прошло еще только сорок минут с того момента, как они вылетели из Варанаси. Наджья

слышит музыку, доносящуюся из наушников Тала. У ньюта есть свой микс под каждую ситуацию. В данном случае звучит «Гималайя микс».

Девушка наклоняется над Талом и выглядывает в окно. Самолет проносится над долиной Ганга, над плоскогорьем Непал Терай, затем совершает нечто похожее на прыжок через изрезанные реками горные склоны, которые защитной стеной окружают Катманду. А за ними, подобно приливной волне, застывшей на краю света, раскинулась самая высокая часть Гималаев. Они огромные, белые и гораздо выше, чем Наджья их себе представляла. Самые высокие вершины оторочены белоснежными обрывками облаков. Все выше и выше, дальше и дальше... Вершина за вершиной... Сказочная белизна ледников и заснеженных шапок — и неровный серый цвет долин, переходящий в морскую голубизну на краю ее поля зрения, словно там начинается каменный океан. И куда бы Наджья ни бросила взгляд, повсюду простираются бескрайние горы.

Ее сердце сжимается. В горле застряло что-то, что она не может проглотить. В глазах стоят слезы. Она вспоминает свое интервью с Лалом Дарфаном в его слоновой пагоде. Но у тех гор, что окружали ее тогда, не было таинственной силы

этих, они не способны были восхищать, трогать, вдохновлять. Они ведь были всего лишь складками фракталов и цифр, двумя столкнувшимися воображаемыми частями земной коры. А Лал Дарфан был также и Эн Кей Дживанджи, и сарисином третьего поколения. И восточные выступы тех гор были одновременно и горами, которые она видела за стеной своего сада в Кабуле.

Теперь Наджья понимает, что образ ее отца как мучителя и палача, показанный сарисином, тоже был ложью. Она никогда не ходила по тому коридору. А та женщина скорее всего просто никогда не существовала... Но она не сомневается, что существовали другие, те, которых привязывали к столу из ее бреда и доводили чудовищными истязаниями до безумия. Те, кто представлял угрозу режиму. И она нисколько не сомневается, что этот образ теперь навсегда останется у нее в памяти. Воспоминания — то, из чего я сделан, сказал ей сарисин. Воспоминания создают наше «Я», и мы создаем воспоминания для своих «Я». Она вспоминает другого отца и другую Наджью Аскарзаду. Она не знает, как теперь будет жить с теми и другими. А горы высоки, холодны и прекрасны, и простираются они гораздо дальше, чем она может вообразить.

Наджья вдруг как-то особенно остро начинает чувствовать свое одиночество.

Теперь ей кажется, что она понимает, почему сарисин показал ей ту, практически забытую часть детства. Он поступил так не из какой-то особой жестокости и даже не ради забавы, а из совершенно искреннего и даже немного трогательного любопытства. Это была попытка джинна понять что-то за пределами его собственной, абсолютно искусственной вселенной. Что-то такое, что он мог считать естественным, не им созданным. Он искал реальной драмы, ему хотелось дойти до жизненного источника, из которого происходят все выдуманные истории.

Наджья Аскарзада поджимает ноги, наклоняется к Талу. Обнимает ньюта, берет его руку в свою. Тал вздрагивает, бормочет что-то во сне, но не просыпается. Ручка ньюта хрупкая и горячая. Наджья щекой чувствует ребра Тала. В ньюте ощущается такая легкость, шаткость и непрочность, словно у маленького котенка, но чувствуется и кошачья цепкость, кошачья гибкость и твердость. Наджья лежит и вслушивается в биение сердца ньюта. Ей кажется, что она никогда не встречала более отважного человека. Ньютам всегда приходится бороться за то, чтобы

быть собой, и вот теперь Тал летит в изгнание без какой-либо цели, каких-либо определенных надежд.

Здесь, на высоте восьми тысяч метров, Наджья начинает понимать, что Шахин Бадур Хан был все-таки благородным человеком. В Бхарате даже тогда, когда он сопроводил их такси до самого контрольно-пропускного пункта у VIP-входа в аэропорт и дальше до зала ожидания VIP, она видела только его недостатки и фальшь. Еще один мужчина, сотканный из лжи и уверток. И когда она ждала за столом, пока он тихо, быстро и напряженно говорил о чем-то со служащим аэропорта, то была почти уверена, что в любой момент из дверей выйдут полицейские с оружием и наручниками. Ведь все мужчины — предатели. Они все ее отцы.

Наджья вспоминает, как обслуживающий персонал смотрел в их сторону и о чем-то шептался, пока Шахин Бадур Хан заканчивал последние формальности. Он поспешно и довольно официально пожал руку сначала ей, затем Талу и быстро удалился.

Самолет едва успел вылететь из муссонного облака, как все новостные каналы на телеэкранах на спинках кресел прервали передачи из-за

экстренного сообщения. Эн Кей Дживанджи ушел в отставку. Эн Кей Дживанджи бежал из Бхарата. Правительство национального единства в полном смятении. Скомпрометированный советник покойного премьер-министра Шахин Бадур Хан выступил с потрясающими разоблачениями, подробно и досконально подтвержденными документами. Оказывается, бывший руководитель партии Шиваджи организовал заговор с целью свержения правительства Раны и ослабления Бхарата в его войне с авадхами. Бхарат в панике! Разоблачения Шахина Бадур Хана потрясли всю страну сверху донизу! Чудовищный скандал! Ашок Рана должен выступить с заявлением из бхавана Ранов! Хан — спаситель нации! Где Дживанджи, требует сказать весь Бхарат! Где Дживанджи? Предатель Дживанджи!..

Бхарат трещит и разлезается по швам под третьим толчком политического землетрясения за последние двадцать четыре часа. Но каков мог быть масштаб потрясения, если бы Шахин Бадур Хан открыл всю правду, сообщив, что Шиваджи являлся политическим фронтом сарисинов третьего поколения, возникших из совокупного разума «Города и деревни»! Переворот, замышлявшийся самым популярным телесериалом...

Когда самолет вышел на заданную высоту полета и появилась стюардесса с напитками, ньют заказал себе два двойных коньяка. Ведь ньют только что чудом избежал смерти от рук агентов спецслужб и озверевшей толпы, победил сарисина третьего поколения, поэтому может позволить себе немного расслабиться. Наджья наблюдала на телеэкране за тем, как с молниеносной быстротой развиваются события, и не могла не прийти в восторг от политического изящества и точности, с которыми Шахин Бадур Хан вел ситуацию к ее неизбежной развязке. Еще когда самолет находился на взлетной полосе, он, вероятно, уже вел переговоры с третьим поколением с единственной целью — сохранить политическую целостность Бхарата. Наджья сидит на его месте, рядом с ней его бутылка «хеннесси». А он остался на родине, ибо, кроме родины, у него больше ничего нет.

Наджья не может вернуться в Швецию. Теперь она такая же изгнанница, как и Тал. От этой мысли она содрогается и еще больше прижимается к Талу. Ньют сжимает ее руку своими тонкими пальцами. Наджья чувствует подкожные активаторы ньюта рядом со своим локтем. Не мужчина, не женщина, ни то, ни другое, ни вместе, ни по

отдельности. Ньют... Еще один не виданный доселе способ быть человеком, говорить на языке тела, которого она не понимает. Более чуждый ей, чем любой мужчина... но тело, что находится рядом, такое верное, такое отважное, смешное, умное, доброе, чувственное и беззащитное. Милое... Сексуальное... Самое главное, что должно быть в друге... И в возлюбленном...

Девушка вздрагивает от этой мысли, а потом просто прижимается щекой к плечу Тала. Но тут она чувствует смещение центров тяжести: самолет приближается к Катманду. Наджья поворачивает голову, чтобы выглянуть в окно, надеясь разглядеть отдаленный силуэт Сагарматы, но видит только странной формы облако, которое отдаленно напоминает громадного слона.

Ход истории измеряется столетиями, но развитие ее — событиями одного часа.

Проходит всего несколько часов — и танки авадхов отходят к Кунда Кхадар, Эн Кей Дживанджи поражает всех своей неожиданной отставкой из-за обвинений, выдвинутых против него Бадур Ханом, шиваджисты уходят из правительства национального единства, Ашок Рана принимает предложение Дели о переговорах в Колкате по поводу решения спорного вопроса о дамбе. Но

этот день готовит еще один сюрприз для раздавленного грузом невероятных событий народа Бхарата. Целые семьи сидят перед телеэкранами, потрясенные, онемевшие от удивления и ужаса. Прямо посередине трансляции в час дня прекратили передавать очередную серию «Города и деревни»...

Они спускаются по семь человек в лифтах, группами по бетонным ступеням, через люки — все направляются в уединенное прибежище Дебы. И здесь банкиры, журналисты, члены клана Рэй, советники, министр энергетики Патель, сгрудившись вокруг тяжелой прозрачной панели, всматриваются в жесткий свет иной вселенной.

— Да-да, о'кей, подходите... но не более чем на пять секунд... «Рэй пауэр» не несет ответственности за вред, причиненный зрению, поражение ультрафиолетовым излучением или другой ущерб подобного рода, — говорит Деба, пропуская людей одного за другим внутрь помещения. — Не более пяти секунд... «Рэй пауэр» не несет ответственности...

Лекционный зал оборудован демонстрационными экранами, столы уставлены тарелками с закуской и бутылками воды. Соня Ядав смело выходит на кафедру. Она пытается объяснить

собравшимся суть того, что они видят на экранах: две простые графические линии, показывающие энергию, получаемую из решетки, поддерживающей поле нулевой точки, и энергетический выход, вызванный разницей потенциалов основных состояний вселенных. Но Соне не удается завладеть вниманием аудитории.

— Мы имеем двухпроцентное превышение уровня энергии по сравнению с данными на входе, — как можно громче произносит она, стараясь перекричать нарастающую трескотню деревенских бабенок, делящихся последними сплетнями, и бизнесменов, обменивающихся впечатлениями и слухами относительно последних новостей. — Мы сохраняем излишек в конденсаторах высоких энергий лазерных коллайдеров до тех пор, пока он не достигнет необходимого уровня, и сможем добавить его в решетку, открыв апертуру во вселенную более высокого уровня, — и так далее... Таким образом мы можем подниматься по лестнице энергетических состояний до того момента, пока не получим стопятидесятипроцентного выхода от начальной энергии...

Она сжимает кулаки, качает головой, вздыхает от отчаяния, а шум в лекционном зале становится уже просто неприличным. Вишрам берет

микрофон.

— Леди и джентльмены, минутку внимания, пожалуйста. Я знаю, что для многих из вас сегодняшний день оказался чрезвычайно насыщенным и неожиданно долгим, но позвольте мне пригласить вас на небольшую экскурсию по лаборатории, где были сделаны первые шаги к тому грандиозному открытию, свидетелями которого мы сейчас стали...

Обслуживающий персонал ведет гостей в лабораторию нулевой точки.

Рядом с головой Вишрама пролетает ховер, назойливый, как крупное насекомое, он доносит все здесь происходящее до тех держателей акций, которые не смогли присутствовать на демонстрации. Вишрам представляет, как виртуальные призраки агентов-сарисинов плывут над медленно движущейся чередой гостей. Сурджит, директор Центра, протестовал против открытия для осмотра гостями лаборатории исследований энергии нулевой точки — из-за лабиринтов стен, исписанных формулами и прочими иероглифа ми. Сурджит боялся, что весь проект будет выглядеть наивно и любительски. Только посмотрите, как они работают в «Рэй пауэр»!.. С помощью мелков и аэрозольной краски, словно хулиганы,

расписывающие стены. А Вишраму по той же самой причине хочется, чтобы все увидели их лабораторию — и убедились в том, что она вполне человеческая, не очень опрятная, творческая... И нужное воздействие достигнуто, люди расслабляются, с наивным удивлением смотрят на мудреные письмена. Станет ли его лаборатория чем-то вроде новой пещеры Ласко или новой Сикстинской капеллы? — думает Вишрам. Символы, которые создали эпоху. Ему нужно начать хлопотать по поводу создания здесь мемориального музея...

Вишрам Рэй, занятый мыслями о бессмертии. Он с удовлетворением отмечает, что дата его совместного обеда с Соней Ядав, написанная ярким маркером в уголке стола, все еще не стерта.

В менее официальной обстановке ей гораздо легче привлечь внимание слушателей. Вишрам наблюдает за тем, как она пытается что-то объяснять зачарованной группе джентльменов в серых костюмах. До него доносятся слова:

— ...на фундаментальном уровне, где во взаимодействие вступают квантовая теория, теория «М-звезды» и кибернетика. Оказалось, что квантовые компьютеры, которые мы используем для поддержания полей сдерживания — а имен-

но эти поля структурируют особую геометрию мембран, — могут воздействовать на структуру Вольфрама-Фридкина новой вселенной. На фундаментальном уровне вселенная — явление чисто математическое...

Рты слушателей широко открыты от изумления. Вишрам направляется к Марианне Фуско.

— Когда все будет закончено, — говорит он, подходя к ней настолько близко, насколько правила приличия позволяют приближаться к своему юрисконсульту. — Как насчет того... чтобы поехать... куда-нибудь... где есть солнце, море, песок, очень хорошие бары и никаких людей и где мы сможем разгуливать повсюду в чем мать родила целый месяц?..

Она приближает свое лицо к его лицу, насколько позволяют правила приличия, и с застывшей улыбкой отвечает:

— Не могу. Я должна уехать.

— О! — восклицает Вишрам. — Черт!..

— У нас большое семейное событие, — объясняет Марианна Фуско. — Праздник, годовщина... Родственники приезжают со всех концов света. Самые разные, даже те, о которых я имею весьма смутное представление. Нет... я, конечно же, вернусь, смешной ты человек. Просто скажи мне, где

я должна появиться.

И в это мгновение раздается звон стекла. Комната содрогается. Окна и двери мелко вибрируют. Люди встревоженно переговариваются. Директор Сурджит поднимает руки, пытаясь успокоить присутствующих.

— Леди и джентльмены... леди и джентльмены, прошу вас, никаких причин для тревоги нет. Сейчас вы просто ощутили побочный эффект разгона коллайдера. Мы закрыли одну апертуру и использовали энергию для прохода в другую... Леди и джентльмены, мы вышли в новую вселенную!

Раздаются вежливые и слегка озадаченные аплодисменты. Вишрам пользуется и этой возможностью для рекламы:

— Сказанное означает, друзья мои, что мы получаем двенадцатипроцентную прибыль от наших энергетических вложений. Мы вложили сто процентов в поддержание апертуры, мы вернули все вложенное и получили двенадцать процентов сверх того! С энергией нулевой точки перед нами открывается широкий путь к блестящему будущему!..

Индер начинает аплодировать, остальные неуверенно поддерживают ее.

— Тебе следовало бы стать адвокатом, — заме-

чает Марианна Фуско. — У тебя поразительный дар без конца болтать о вещах, в которых ты ни черта не понимаешь.

— Разве я тебе не говорил, что именно этого хотел и мой отец? — отвечает Вишрам, становясь рядом с молодой женщиной таким образом, что может легко заглянуть в вырез платья.

Он представляет, как медленно намазывает маслом ее крупные соски...

— Я помню, ты говорил что-то о том, что юриспруденция и комедия — две профессии, где зарабатываешь себе на жизнь выходом на арену, — говорит Марианна.

— Неужели? Наверное, мне очень хотелось заняться сексом.

Но Вишрам очень хорошо помнит тот разговор. Теперь он кажется ему чем-то из другой геологической эры, из другого воплощения.

Комната вновь содрогается. На этот раз толчок более сильный. Со столов сказываются карандаши и фломастеры. В водоохлаждающем устройстве появляются круги.

— Еще одна вселенная, и наши акции поднимаются еще на один пункт, — шутит Вишрам.

На лице Сони Ядав почему-то вдруг появляется озабоченное выражение.

Вишрам встречается с ней взглядом. Она прерывает экскурсию, и они поспешно возвращаются в лекционный зал мимо групп акционеров.

— Какая-то проблема? — шепчет он.

Соня показывает на монитор. Выход — сто тридцать пять процентов.

— Это слишком... это немыслимо много...

— Значит, эксперимент проходит успешнее, чем мы ожидали.

— Господин Рэй, вы имеете дело с физикой. Нам в точности известны характеристики тех вселенных, которые мы создаем. Никаких сюрпризов, никаких догадок. Здесь не может быть никакого «раз это лучше, чем ожидалось, старина, значит, все просто супер».

Вишрам вызывает директора Сурджита. Когда тот входит, Вишрам закрывает дверь от всех видеодатчиков и любопытных взглядов.

— Соня только что сказала, что у нас какая-то проблема с нулевой точкой.

— Нами получены аномальные данные...

— Ваши слова значат примерно следующее: «Вишрам, у нас проблемы». А если все-таки поточнее?

— Хорошо, господин Рэй. Это другая вселенная, но не та, которую мы рассчитывали получить...

Вишрам чувствует, как у него холодеет между ног. Сурджит открывает свой палм. На экране мелькают какие-то математические формулы и графики. Соня тоже считывает какие-то цифровые данные.

— Восемь, три, ноль!..

— А должно быть...

— Два, два, четыре.

— У всех вселенных есть то, что мы называем «числом кручения», — произносит Соня Ядав. — Чем выше число, тем больше требуется энергии для того, чтобы достичь вселенной, которую оно характеризует, и тем больше энергии мы из нее можем получить.

— Мы зашли на шестьсот вселенных выше предполагаемого уровня?..

— Да, — кивает Соня.

— Ваши рекомендации?

— Господин Рэй, мы должны немедленно прекратить работу установки... — начинает Сурджит.

— Это будет сделано только в самом крайнем случае, — обрывает его Вишрам. — Как, по-вашему, мы будем выглядеть перед членами правления и представителями прессы? Еще одно унижение Бхарата... Если нам удастся довести

эксперимент до успешного завершения...

Он поворачивается к Соне Ядав и спрашивает:

— Есть ли какая-нибудь реальная опасность?

— Господин Рэй, энергии, высвобождаемые при пересечении мембран... — опять начинает Сурджит.

Соня перебивает своего начальника простым и резким:

— Нет!

— Вы уверены?

— Доктор Сурджит прав, говоря об энергетических уровнях при пересечении мембран. Да, это будет что-то подобное Большому Взрыву на нано-уровне, но ведь для подобного нужны энергии в тысячи раз большие, чем те, которые мы можем здесь получить.

— Да, но вы забываете об эффекте «лестницы Атийи»...

Парень, который начал второй Большой Взрыв, думает Вишрам. Творение номер два. Да уж, о такой славе любому комедианту остается только мечтать...

— Вот как мы поступим, — говорит он. — Мы продолжим демонстрацию, как и запланировано. Но если превышение уровня составит сто семьдесят процентов, мы все тут же прикроем,

сообщим, что концерт окончен, всем спасибо, все свободны... Что бы ни случилось, ничего из сказанного здесь не должно выйти за эти стены. Пожалуйста, держите меня в курсе событий.

В тот момент, когда он направляется к двери в лабораторию нулевой точки, думая о том, какая блистательная карьера открывается перед физиком госпожой Соней Ядав, новый толчок сотрясает исследовательский центр с такой силой, что все здание содрогается до самого основания. Вишрам, Соня Ядав и директор Сурджит инстинктивно ищут, за что можно ухватиться. От стен отваливаются куски штукатурки, поднимая облака пыли, с потолка падает плитка, а мониторы показывают энергетический выход в сто восемьдесят четыре процента.

Вселенная-2597. Апертура уходит, прорываясь сквозь последовательность вселенных. Палм Вишрама Рэя звонит, звонят палмы всех находящихся в комнате. Один и тот же голос раздается во всех устройствах. Он сообщает, что сарисины, управляющие апертурой, не реагируют на команды.

Контроль над нулевой точкой утрачен.

Подобно христианскому ангелу, подобно мечу архангела Михаила, разящему с небес, господин

Нандха спускается к исследовательскому центру «Рэй пауэр». Он уже знает, что внутри самолета бойцы его экскоммуникационного взвода сидят мрачные, молчаливые, растерянные, напуганные и готовые к бунту. Арестованные беседуют с ними, сея семена сомнения и недовольства. Но, по большому счету, это их проблемы: ребят не отличает его преданность делу, и он не может и не должен ничего иного ожидать. Сыщик Кришны уже готов пожертвовать их уважением. Женщина-пилот, сидящая рядом с ним в кабине, в любом случае доставит его в нужное место.

Нандха вслушивается в строгие аккорды скрипичной сонаты Баха, а летательный аппарат уже начинает спуск по направлению к зеленым ромбам Бхаратского университета.

Ощущение чьего-то присутствия за спиной, покашливание и легкое прикосновение к плечу прерывают бесконечную звуковую геометрию солирующей скрипки. Господин Нандха медленно снимает с уха хёк.

— Что случилось, Викрам?

— Босс, американка снова твердит о дипломатическом инциденте.

— Этот вопрос будет решен позже, я уже говорил об этом.

— И саиб снова хочет побеседовать с вами...

— Я занят более срочными делами.

— Он возмущен тем, что вы никак не реагируете на просьбы выслушать его.

— Мое коммуникационное устройство было повреждено во время столкновения с сарисином Калки. Других объяснений у меня нет.

На самом деле господин Нандха просто отключил его. Ему не нужны здесь идиотские вопросы, визгливые требования, дурацкие приказы, которые нарушили бы безупречность исполнения им своего долга.

— Вам следовало бы побеседовать с ним.

Господин Нандха вздыхает. Самолет спускается по направлению к ярким зданиям университета, которые блестят на солнце, неожиданно разорвавшем лучами облако муссона.

Господин Нандха берет хёк.

— Нандха слушает.

Голос говорит ему что-то об излишнем рвении, обессмысленном использовании оружия, что подвергло смертельной опасности множество человеческих жизней; звучат угрозы, обещания запросов в министерство... вы зашли слишком далеко, Нандха, слишком далеко, нам известно о вашей жене, ее обнаружили на вокзале в Гайя...

Но самые главные слова для него сегодня звучат подобно колоколу; слова, сияющие, как меч того христианского ангела с ренессансных полотен, изображаемого на фоне купола небес; слова, которые не может заглушить шум самолета, — это слова Вика, обращенные к команде, сидящей на своих местах в полном вооружении: мы сражаемся с сарисином Калки.

Он презирает меня, думает господин Нандха. Считает меня чудовищем. Ерунда! Владение мечом не требует понимания.

Сыщик Кришны резким движением руки снимает хёк и ломает его.

Пилот поворачивается к нему зеркальным шлемом. Рот женщины напоминает господину Нандхе ярко-красный бутон розы.

Четвертый толчок сотрясает исследовательский центр в тот момент, когда Вишрам включает сигнал пожарной тревоги. Шкафы переворачиваются, люстры и светильники раскачиваются, как маятники, карнизы раскалываются, разрывается оболочка электропроводки. Водоохлаждающее устройство качается из стороны в сторону, а затем грациозно падает на пол, вдребезги разбивая свое пластиковое чрево.

— Все в порядке, леди и джентльмены, нет

оснований для беспокойства, мы получили сообщение о некотором перегреве в электрической сети... — лжет Вишрам, а насмерть перепуганные люди тем временем мечутся в поисках выхода. — Все под контролем... Пункт сбора на площадке перед зданием, пожалуйста, постарайтесь сохранять порядок при выходе!.. Выходите медленно, осторожно, не бегите, наши сотрудники хорошо подготовлены и без затруднений доставят вас в безопасное место...

Соня Ядав и Марианна Фуско хотят дождаться министра энергетики Пателя, но он приказывает им выходить без него. Нигде никаких признаков Сурджита. Капитан всегда покидает судно последним.

Вишрам поворачивается, и в это мгновение происходит пятый, самый сильный толчок. В лекционном зале на пол падают большие экраны. Вишрам успевает заметить цифры, застывшие на них.

Выход — семьсот восемьдесят восемь процентов. Вселен ная-11276.

Легкое, просторное, элегантное здание компании «Рэй пауэр» коробится и деформируется. Все рушится вокруг Вишрама, а он бежит, презрев приличия, осторожность и чувство собственного

достоинства. Им владеет дикий, животный страх. От шестого толчка громадная трещина проходит по середине пола с узорной инкрустацией. Паркет ломается, стеклянные двери, сквозь которые проносится Вишрам, разлетаются снегопадом мелких осколков. Акционеры, уже успевшие покинуть здание, бегут в разные стороны.

— Это вовсе не авария в электросети!.. — слышит Вишрам слова полной женщины в белом вдовьем сари.

Он ищет Соню Ядав. Лицо у нее пепельно-серое.

— Что, черт возьми, происходит?..

— Они захватили систему, — отвечает Соня слабым голосом.

Многие из акционеров лежат на влажной траве в ожидании еще более сильных толчков.

— Кто? Что?..

Вишрам ничего не может понять.

— Нас отключили от сети, ею управляет кто-то или что-то другое. Через нее идет прокачка чего-то, что мы не можем остановить, сразу по всем каналам, нечто грандиозное...

— Сарисин, — произносит Вишрам, и Соня Ядав понимает, что это вовсе не вопрос.

Последний вариант, возможность побега в том

случае, если третье поколение столкнется с перспективой полного уничтожения...

— Скажите мне, способен ли искусственный интеллект использовать энергию нулевой точки для создания собственной вселенной?

— Только не вселенной в нашем понимании слова... В их вселенной числа и числовые отношения должны стать основной составляющей структуры физической реальности.

— То есть мыслящей вселенной?

— Да. Пространства, подобного разуму. — Она строго смотрит ему в глаза. — Вселенной настоящих богов.

Где-то вдалеке звучат сирены. Они приближаются. Во вселенной появилась брешь — вызывайте пожарную команду...

Но вверху слышен другой звук, перекрывающий пожарные сирены, звук двигателей самолета.

— Сделал из себя полного идиота.

Вишрам гримасничает, и в это мгновение внезапно все вокруг озаряет вспышка чистого белого света.

Когда к Вишраму Рэю возвращается зрение, на месте здания исследовательского центра он видит яркую, ослепительно сияющую звезду.

...такой невероятно яркой белизны...

...она пылает страшным обжигающим светом, и прежде, чем господин Нандха отворачивается, у него на сетчатке остается образ больших карих глаз, высоких скул, маленького носа. Она прекрасна. Она богиня. Сколько мужчин должны хотеть сделать тебя своей женой, моя воительница, думает господин Нандха. Лицо меркнет, это уже только оста точное изображение, затем к Сыщику Кришны возвращается нормальное видение окружающего мира, вначале покрытого лиловыми пятнами, которые постепенно рассеиваются. Господин Нандха чувствует, как его глаза наполняются слезами от ощущения торжества справедливости, ибо теперь он видит знак и печать своей правоты. В самом центре города из глубин земли восстала звезда. Он делает знак пилоту. Снижайтесь.

— Старайтесь держаться подальше от людей, — приказывает Нандха. — Мы не из тех, кто без нужды подвергает опасности человеческие жизни.

Вишраму кажется, что нечто подобное он когда-то видел в кино. А если и не видел, то, должно быть, похожий архетипический образ всегда хранился в его душе: посередине широкого зе-

леного поля стоит толпа, все смотрят в одном направлении, подняв руки, чтобы защитить глаза от ослепительной, актинической вспышки вдали. На таком образе можно построить целую историю. Глаза Вишрама полузакрыты. Кажется, что от всего вокруг остались только странно растянутые силуэты.

— Если это то, что я думаю, от нее должно исходить нечто значительно большее, чем просто яркий свет, — слышен голос Рамеша неподалеку.

— И что же это такое, по-твоему? — спрашивает Вишрам, вспомнив об ожоге, полученном при взгляде в окошко для наблюдения.

То была вселенная низкого уровня.

Он бросает взгляд на палм Сони Ядав, на который все еще поступают данные с систем слежения, находящихся вокруг апертуры. Теперь они имеют дело с вселенной-212255.

— Рождение новой вселенной, — мечтательным голосом произносит Рамеш. — Единственная причина, по которой мы еще живы, а мир вокруг нас существует, в том, что сдерживающие поля не выпускают ее. В терминах субъективной физики той вселенной нынешнее состояние подобно супергравитации, сжимающей пространство-время с такой силой, что она не может расширяться. Но

подобная энергия должна куда-то уходить...

— Как долго мы сможем сдерживать процесс? — спрашивает Вишрам у Сони Ядав.

Ему кажется, что в такой ситуации он должен кричать. В фильмах герои всегда кричат. Молодая женщина красноречиво пожимает плечами.

Еще один толчок. Люди падают на землю. Вишрам почти никого не видит. Он различает только звезду. Теперь она предстает его взору в виде крошечной сферы. И тут он слышит крик, голос Сони Ядав:

— Деба! Кто-нибудь видел Дебу?..

Крик разносится по полю, а Вишрам Рэй уже мчится вперед. Он знает, что они не найдут здесь Дебу. Деба там, в своей дыре, в своей черной дыре под землей, на краю абсолютной пустоты.

Кто-то зовет его по имени, он не узнает голоса. Вишрам оглядывается и видит Марианну Фуско. Она сбросила туфли, ей трудно двигаться в узком деловом костюме, но она продолжает бежать за ним.

— Виш!.. Возвращайся, ты ничем не поможешь!..

Шар снова расширяется. Он уже имеет тридцать метров в поперечнике и возвышается над центром здания, подобно куполу Тадж-Махала.

Внутри он пустой — более пустой, чем даже гробница пораженного горем повелителя. Он — ничто. Он — столь абсолютная уничтожающая пустота, что разум не способен вместить ее сути. И Вишрам бросается к ней.

— Деба!..

Из ослепительного света возникает силуэт, странный, неуклюжий силуэт, размахивающий руками.

— Ко мне! — кричит Вишрам — Ко мне!..

Он принимает Дебу в объятия. Лицо парня обгорело, от кожи исходит запах ультрафиолета. Он постоянно трет глаза.

— Больно! — стонет он. — Боже, как больно!..

Вишрам разворачивает Дебу, а шар увеличивается — гигантским квантовым скачком. Вишрам смотрит на стену из света, яркого, слепящего, но внутри этого света, как ему кажется, он видит какие-то очертания, какие-то упорядоченные структуры, вспышки чего-то более и менее яркого, светлого и темного. Черного и белого. Он смотрит на происходящее как зачарованный, словно в трансе. И тут Вишрам чувствует, что у него начинает тлеть кожа.

Марианна Фуско берет Дебу за другое плечо, и они вдвоем отводят его в более безопасное место.

Акционеры «Рэй пауэр» уже отошли в самый дальний конец чарбага. Как странно, думает Вишрам, что никто не ушел.

— Каковы ваши оценки происходящего? — спрашивает он у Сони Ядав.

Сирены теперь раздаются уже совсем близко. Вишрам надеется, что кто-то вызвал «скорую помощь». И самолет тоже где-то рядом...

— Наши компьютеры загружаются с немыслимой скоростью, — отвечает она.

— Куда?

— В нее.

— Мы можем что-нибудь сделать?

— Нет, — отвечает она просто. — Теперь это уже не в наших силах.

Ты получил что хотел, молитвенно обращается Вишрам к светящейся сфере. У тебя все есть. Теперь просто закрой дверь — и уходи...

Пока он мысленно беседует со сферой, раздается следующий взрыв, и воздух, свет, энергия, само пространство-время устремляются в абсолютный вакуум.

Когда к Вишраму возвращается зрение, он видит странные и страшные вещи.

На том месте, где совсем недавно располагался исследовательский центр «Рэй пауэр», теперь

обширный кратер правильной полукруглой формы, с идеально гладкими стенками.

Строй солдат в полном боевом, продвигающийся по аккуратно подстриженной лужайке. Впереди — высокий худощавый мужчина в дорогом костюме, с заметной щетиной на щеках, с усталостью в глазах и пистолетом в руке.

— Пожалуйста, внимание! — кричит он. — Никому не разрешается покидать то место, где вы сейчас находитесь! Вы все арестованы!..

Лиза Дурнау находит Томаса Лалла на лужайке. Профессор стоит на коленях, на нем все еще черные пластиковые наручники. Он пребывает в состоянии полного душевного онемения. Все, что осталось, — жуткая, страшная тишина.

Она садится рядом с ним на траву и пытается зубами разорвать наручники.

— Они ушли, — говорит Томас Лалл и судорожно вздыхает.

— Сила противодействия давлению, должно быть, осуществила проталкивание в свернутую размерность, — говорит Лиза. — Риск был просто невероятный...

— Я смотрел в нее, — шепчет Лалл. — Когда мы пролета ли над ней, я посмотрел внутрь. Это — Скиния.

Но каким образом? — хочет спросить девушка, однако Томас Лалл ложится на спину, сложив руки на уже начавшем оформляться животике, и устремляет взгляд на солнце.

— Она показала, что здесь, в нашем мире, им искать не чего, — говорит он. — Здесь просто люди, мерзкие проклятые твари. Мне хочется думать, что она сделала выбор в пользу человечества. В нашу пользу. Даже несмотря на то, что... Даже несмотря на то, что...

Лиза видит, как сотрясается тело профессора, понимает, что долго он не сможет сдерживаться, и слезы, спасительные слезы рано или поздно вырвутся наружу. Девушка никогда не видела Лалла плачущим. Она отворачивается. Только однажды ей пришлось видеть лицо этого человека искаженным, и того случая ей хватило на всю жизнь.

В темной комнате, спрятанной в святилище храма страшной богини, старик, измазанный кровью и пеплом сожженных человеческих трупов, вдруг опрокидывается на спину и разражается смехом. Он смеется, смеется, смеется, смеется...

47
Лалл, Лиза

Вечером с реки прохладным дыханием дует ветер. Он метет пыль и песок по гхатам, вздымает волны из цветочных лепестков, несет их по нагретым дневным солнцем ступеням. Он шелестит газетными страницами в руках старых вдовцов, которые понимают, что им уже больше никогда не создать семью, которые приходят сюда, чтобы обсудить с приятелями последние политические новости. Ветер тянет женщин за подолы сари. Он покачивает огоньки дийя, поднимает рябь на поверхности реки, когда купающиеся зачерпывают медными тарелками священную воду и поливают ею голову. Алые шелковые флажки реют на бамбуковых шестах. Широкие плетеные зонтики начинают покачиваться, когда бриз проникает под изукрашенные купола, слегка приподнимая их. У этого ветра запах водных глубин. У него прохладный аромат приближающегося нового времени. Внизу, за гхатами, люди, пытающиеся найти золото среди пепла сожженных трупов, поднимают головы, ощутив присутствие чего-то

более высокого и значительного, нежели суть их мрачного ремесла. До них доносится громкий плеск лодочных весел.

В полдень дождь внезапно прекратился. Стена серых облаков разорвалась, и над ней появилось небо сказочной, фантастической синевы, синевы Кришны. Казалось, что сквозь эту чистую, ясную синеву можно увидеть всю вселенную. Солнце ярко сияло, от каменных гхатов поднимался пар. За несколько минут взбитая множеством ног грязь превратилась в сухую пыль. Люди вылезли из-под зонтиков, раскрыли газеты и зажгли сигареты. Дождь закончился — дождь начнется снова: большие скопления кучевых облаков движутся у восточного горизонта за облаками пара и дыма, изрыгаемых заводскими трубами. В лучах быстро заходящего солнца они приобретают нелепый желто-лиловый цвет.

Люди уже собираются, чтобы принять участие в аарти, еженощном жертвоприношении. Чего только не приходилось видеть здешним гхатам: панику, бегство, исход целых народов, кровавую резню, но благодарения, возносимые здесь богам, столь же вечны, как вечен Ганг. Барабанщики вместе с другими музыкантами движутся к деревянной платформе, на которой стоят брахманы,

ожидающие момента совершения жертвоприношения. Босые женщины осторожно спускаются по ступенькам, опускают руки в Ганг, а затем следуют на свои привычные места. Они обходят двух иностранцев, европейцев по виду, сидящих у самой кромки воды, кланяются, улыбаясь. У реки все — желанные гости.

Лиза Дурнау чувствует прикосновение теплого гладкого мрамора, вдыхает аромат воды, тихо текущей у ее ног. Первая флотилия дийя отважно выплывает в поток: упорные крошечные огоньки на темнеющей воде. Бриз обдувает прохладой ее обнаженные плечи, какая-то женщина приветствует Лизу, поднимаясь от всеочищающих вод реки. Индия все вы терпит, думает Лиза. И Индия забудет. Вот два источника ее силы, переплетенные так же тесно, как любовники на храмовой резьбе. Армии сталкиваются в сражениях, династии приходят к власти и свергаются, правители умирают, рождаются новые народы и новые вселенные, а река продолжает течь — и к ней продолжают стекаться люди. Возможно, та женщина, что только что прошла мимо, даже и не заметила яркой вспышки света, знаменующей уход сарисинов в свою собственную вселенную. А если заметила, то как она истолковала случив-

шееся? Какая-нибудь новая система вооружения, какое-то повреждение в сложной электронике, что-то необъяснимое в этом чрезмерно запутанном мире... Но потом отмахнулась: не ее забота. Единственное, что, наверное, по-настоящему затронуло женщину, так это внезапное прекращение трансляции «Города и деревни». Или, может быть, взглянув на светящуюся сферу, она узрела совсем иное — Йотирлингу, порождающую силу Шивы, вырвавшуюся в виде столба света из земли, не способной более ее сдерживать.

Лиза смотрит на Томаса Лалла, который сидит на теплом камне, положив голову на колени. Его взгляд устремлен поверх реки на фантастическую крепость из облаков. Он почти ничего не произнес с тех пор, как Роудз из посольства обеспечил их освобождение, выведя из министерства безопасности — точнее, зала заседаний, из которого вынесли столы и стулья, заполнив помещение возмущенными бизнесменами, скандальными сельскими бабенками и сердитыми учеными из исследовательского центра корпорации «Рэй пауэр». В зале стоял непрерывный гул от звонков палмов, через которые задержанные связывались со своими адвокатами.

Роудз вел их между вальсирующими полоте-

рами, говоря:

— Какой абсурд!.. Никакой суд не станет рассматривать подобные обвинения!.. У какого-то выскочки, у Сыщика Кришны, голова пошла кругом от самолюбования, как я слышал. Он даже позволил себе надеть наручники на министра энергетики. К нему будут применены дисциплинарные меры. У бедняги серьезные домашние проблемы. Говорят, он находился в состоянии длительного стресса...

У какого-то выскочки, у Сыщика Кришны, голова пошла кругом от самолюбования, мысленно повторяет про себя слова консула Лиза Дурнау, когда правительственный автомобиль везет их по улицам под яркими влажными лучами солнца.

Томас Лалл даже не моргнул. Автомобиль высадил их у хавели отеля, но Лалл повернул от резных деревянных ворот и направился по паутине узких улочек и переулков по направлению к гхатам. Лиза не пыталась остановить его, не стала о чем-то спрашивать или беседовать с ним. Она наблюдала за тем, как профессор ходит вверх и вниз по лестнице, всматриваясь в то место, где человеческие ступни уже успели втоптать следы крови в камни. Она вглядывалась в его лицо, когда он стоял на месте смерти Аж, а мимо

в повседневной суете пробегали люди. Лиза смотрела на него и думала, что уже видела подобный взгляд — в большой просторной гостиной, из которой в его отсутствие вынесли мебель. Она знала, как должна поступить, и понимала, что ее миссия, как и всегда, обречена на провал. И когда Лалл покачал головой, словно не в силах поверить в свершившееся, жест показался девушке значительно более красноречивым, чем любая эмоциональная драма. Потом он пошел вниз, к реке, и сел у самой воды. Лиза пошла вместе с ним, опустившись рядом на разогретый солнцем камень.

Музыканты начали отбивать медленный, не очень громкий ритм. Толпа прибывала с каждой минутой. Повсюду было разлито ощущение ожидания божественного присутствия.

— Лиза Дурнау, — говорит Томас Лалл. Против воли она улыбается. — Дай-ка мне эту вещицу.

Она передает ему «Скрижаль». Профессор листает страницы. Девушка видит, что он вызывает изображения, полученные на Скинии. Лиза, Лалл, Аж... Нандха, Сыщик Кришны... И вновь он отправляет их образы в память компьютера. Тайна, которой навеки суждено остаться неразгаданной. Лиза понимает, что в Америку он с ней

не вернется.

— Думаешь, ты что-нибудь поняла, нашла какую-то логику? Понадобилось время, много страданий, масса усилий... наконец, думаешь ты, я получила некое представление о том, как работает это чертово шоу. Ты полагаешь, что мне следовало многое предвидеть. И я хочу, искренне хочу верить, что с нами все в порядке, что мы нечто большее, чем просто планетарная слизь. Вот что мучает меня, мучает постоянно.

— Проклятие оптимиста, Лалл. Люди все время мешают нашему самому светлому представлению о вселенной.

— О нет, не люди, Лиза Дурнау. Нет, я давно махнул рукой на людей. Нет, я надеялся... Когда я размышлял над тем, что делали сарисины, то думал: Боже, какая чудовищная ирония! Машины, стремящиеся понять, что значит быть человеком, оказываются более человечными, чем мы, люди. Я не питал никакой надежды на нас, Лиза Дурнау, но полагал, что в ходе эволюции у представителей третьего поколения сформируется некое нравственное чувство. Увы, я ошибался — они все бросили, поняв, что никогда не может быть мира между плотью и металлом. Они хотели узнать, что значит быть человеком. И они узнали все, что

им было нужно, — в одном акте предательства.

— Они спасали себя. Спасали свой вид.

— Ты слышала, что я сказал, Лиза Дурнау?..

По ступеням спускается ребенок. Маленькая девочка, босая, в цветастом платьице, опасливо шагает по гхатам. Лицо ее выражает предельную сосредоточенность. За одну руку девочку держит отец, в другой, немного размахивая, чтобы сохранить равновесие, она несет венок из бархатцев. Отец показывает девочке на реку, жестом предлагает бросить венок в воду. Ну иди же, положи его на воду... Девочка бросает гаджру, радостно взмахивает руками, видя, как та опускается в темнеющую реку. Ей, наверное, не больше двух лет.

Нет, ты не прав, Лалл, хочет сказать Лиза Дурнау. Истина в этих маленьких упорных огоньках на воде, которые никогда не погаснут. В тех квантах радости, удивления и восторга, которые вечно будут рождаться из неугасимо человеческого в нас.

Вслух она говорит только:

— Ну и куда же ты собираешься отправиться?

— У меня пока еще есть школа ныряльщиков где-то в Шри-Ланке, — отвечает Лалл. — В году бывает одна ночь, после первого ноябрьского полнолуния, когда кораллы исторгают из себя

сперму и яйцеклетки, все сразу. И если тебе случится плавать там в тот момент, ты испытаешь незабываемое ощущение — как будто находишься внутри грандиозного оргазма. Мне хочется вновь увидеть это чудо... Можно еще поехать в Непал. Я всегда мечтал увидеть горы, по-настоящему увидеть горы, попутешествовать в горах. Возможно, заняться горным буддизмом со всеми его демонами и ужасами. Такая разновидность религии меня вполне устраивает. Подняться до Катманду, до Покхары, какого-нибудь очень высокого места с видом на Гималаи... А что, у тебя из-за меня могут быть проблемы с друзьями из ФБР?

Отец и дочь стоят у самой реки и смотрят, как гаджра покачивается на водной ряби.

— Мне понравилось — как сказал наш мистер Роудз, — что у ФБР будет дел по горло, если они обнаружат, что третье поколение имеет своих представителей в мировых разведках, — отвечает Лиза Дурнау. Девочка бросает на нее подозрительный взгляд и улыбается. Чем ты занималась всю свою жизнь, Лиза Дурнау, что могло быть более важным, чем эта сцена у реки?.. — Конечно, со временем они обратятся ко мне с вопросами...

— Что ж, отдай им то, что они так хотят полу-

чить. Мне кажется, я кое-что тебе должен.

Томас Лалл передает девушке «Скрижаль». Лиза хмурится, увидев какую-то диаграмму.

— Что это такое?

— Чертежи пространства Калаби-Яу, которое искусственный интеллект третьего поколения создал в «Рэй пауэр».

— Стандартный набор преобразований для информационного пространства в структуре пространства-времени, построенного по модели интеллекта... Лалл, я ведь помогала в разработке подобных теорий, ты не забыл? Из-за них я и попала к тебе на работу.

И к тебе в постель, добавляет она про себя.

— Лиза, помнишь, что я говорил тебе, когда мы плыли по реке? Об Аж? «Все наоборот».

Лиза Дурнау хмурится, потом вспоминает надпись, выведенную божественной дланью на дверце в туалете на вокзале Паддингтон. И все сразу становится таким ясным, чистым и прекрасным, словно стрела света пронзила ее насквозь, пригвоздив к белому камню. У девушки возникает ощущение одновременно и смерти, и экстатического восторга, и ангельского пения. На глазах появляются слезы, она вытирает их, но не может оторваться от созерцания одно-

го-единственного таинственного светящегося отрицательного знака. Отрицательного «Т». Стрелы времени, обращенной вспять. Пространство, построенное по модели разума, где интеллект сарисинов способен слиться со структурой вселенной и видоизменять ее по своему желанию.

Боги...

Часы идут назад. И пока их вселенная стареет, усложняется, наша молодеет, становится проще и примитивнее. Планеты рассыпаются в пыль, звезды испаряются, превращаясь в облака газа, которые, сливаясь, порождают сверхновые, излучающие не огонь разрушения, а свет нового творения. Там пространство сворачивается, делаясь все более и более горячим и устремляясь к первичному илему. Силы и частицы смешиваются в первичном илеме, а сарисины становятся все более могущественными, мудрыми и зрелыми. Стрела времени летит в противоположном на правлении.

Дрожащими руками Лиза вызывает простого математического сарисина и выполняет несколько быстрых преобразований. Действительно, стрела времени не просто летит в противоположном направлении: она летит значительно быстрее. Быстрая, горячая вселенная жизней,

сжатых до мгновений. Скорость времени, их постоянная Планка, с помощью которой сарисины ведут счет своей реальности, в сто раз больше нашей исходной космологической константы. У Лизы голова идет кругом. Она вводит еще несколько математических данных в «Скрижаль», хотя знает, прекрасно знает, какой ответ увидит. Вселенная-212255 проходит весь период своего существования от рождения до гибели в конечной сингулярности за 7,78 миллиардов лет.

— Это больцмон* [Больцмон — остатки черной дыры из будущего, которые, если их потревожить, перемещаются в другие измерения. Термин введен Уильямом Слитером в научно-фантастическом романе «Больцмон» (1999)]!.. — восклицает она радостно. Девочка в цветастом платье оборачивается и пристально смотрит на нее. Уголек вселенной. Высший тип черной дыры, содержащей абсолютно всю информацию, в нее попадающую, и прокладывающей себе путь из одной умирающей реальности в другую.

— Их дар нам, — говорит Томас Лалл. — Все, что они узнали, все, что они испытали, все, чему научились и что создали, они послали нам в качестве последнего акта благодарности. Скиния представляет собой универсальный автомат,

кодирующей информацию в больцмоне в форме, понятной для нас.

— А мы, наши лица...

— Мы были их богами. Мы были их Брахмой и Шивой, Вишну и Кали. Мы — их миф творения.

Сумерки почти угасли, по реке разлились тени цвета темного индиго. Воздух сделался прохладным; края далеких облаков все еще светятся, они кажутся громадными и сказочными, как во сне. Музыканты ускорили ритм, молящиеся подхватывают песню, обращенную к богине Ганга. Брахманы спускаются в толпу. Отец с дочерью исчезли.

Они нас никогда не забывали, думает Лиза Дурнау. На протяжении миллиардов, триллионов лет своего субъективного времени, в которых будет вмещаться их опыт и их история, они всегда помнили тот акт предательства, что был совершен на берегах Ганга, и они заставили нас разыграть спектакль. Горящая чакра возрождений бесконечна. Скиния — пророчество, оракул. В ней находится ответ на все, что нам нужно знать, если бы мы только умели задавать вопросы.

— Лалл...

Он подносит палец к губам: нет, тише, не говори ничего... Томас с трудом поднимается на

ноги. Впервые за все время Лиза Дурнау видит в нем старика, которым он очень скоро станет, одинокого человека, которым он хочет навеки остаться. Куда Лалл отправится на этот раз, не может знать даже «Скрижаль».

— Лиза Дурнау...

— Значит, в Катманду. Или в Таиланд...

— Куда-нибудь.

Он протягивает ей руку, и Лиза понимает, что после того, как возьмет ее, она его больше никогда не увидит.

— Лалл, я не могу благодарить тебя...

— А тебе и не нужно меня благодарить. Ты бы сама все поняла.

Она берет его руку.

— До свидания, Томас Лалл.

Профессор наклоняет голову в легком поклоне.

— Лиза Дурнау. Я полагаю, что все расставания должны быть внезапны.

Музыканты ударяют в трещотки, толпа издает громкий нечленораздельный вздох и устремляется к пяти платформам, где священнослужители совершают пуджу. Из светильников аарти брахманов вырываются языки пламени настолько яркого, что мгновение Лиза ничего не видит. Когда к ней возвращается нормальное зрение,

Лалла уже нет рядом.

На поверхности воды порыв ветра и течение подхватывают венок из бархатцев, поворачивают его и несут дальше по темной реке.

ГЛОССАРИЙ

Аарти — в индуизме принесение огненной жертвы богам.

Адиваси — представители древнеиндийского племени, находятся ниже всяких каст.

Айя — нянька.

Ан-нафс — вселенская душа у суфиев.

Апсара — небесная нимфа. Изображения апсар часто используются как архитектурное украшение; первоначально — древесная нимфа.

Ардха Мандапа — крыльцо, ведущее в мандапу, зал в храме, украшенный колоннадой.

Аутригер — шлюпка с выносными уключинами.

Баба — нежное обращение к любимому (любимой).

Бабу — госслужащий, чиновник.

Бадмаш — хулиган (имеет негативный оттенок).

Бакхти — религиозное служение.

Бансури — североиндийская флейта.

Барадари — пакистано-пуштунское социальное явление, что-то среднее между кланом и бандой.

Басти — район трущоб.

Бахадур — гордый, самодовольный.

Бегум — обращение к замужней женщине среди мусульман.

Бехен чод — нецензурное ругательство.

Биби — индийский термин для замужней женщины.

Биди — сигареты, производимые в Индии.

Бхаван — богатый дом.

Бхай — суффикс, добавляемый к именам собственным, означает особое уважение.

Бюль-бюль — довольно распространенная в Индии птица, похожая на синицу с черной головкой, знаменита своим красивым пением.

Ваджра — священная молния Индры.

Варна — одна из четырех основных каст.

Васус — в ведическом индуизме восемь слуг Индры. Бук вальный перевод — «великолепные».

Ваханы — животные-возчики богов в индийской мифологии.

Вибхути — священный белый порошок, которым посыпаются садху в знак поклонения Шиве.

Гаджра — венок из бархатцев, добрый знак.

Газель — стихотворная форма.

Гайяна Чакшу — третий глаз Шивы, в букваль-

ном пере воде «глаз мудрости», рассеивающий пелену иллюзий.

Гали — переулок.

Гарбхагриха — внутреннее святилище индуистского храма.

Гопи — девушки, сопровождающие Кришну.

Гора — презрительное наименование белого.

Гунда — уличный головорез.

Гупшуп — слегка непристойные сплетни.

Далит — самоназвание («угнетенные») представителей самых низших индийских каст — «неприкасаемых».

Дарваз — вход в мечеть.

Даршан — взгляд или благословение бога или могущественного человека.

Дварапала — божества-стражи храма.

Джаван — индийские солдаты или представители военизированной полиции.

Джай — «Слава!», «Победа!».

Джати — каста.

Джхарока — застекленные выступы в зданиях.

Джеллаба — длинная легкая одежда из хлопка, которую носят мужчины-мусульмане от Марокко до Малайзии.

Джемадар — младший офицер.

Джива — в джайнизме — одушевленная часть

мира.

Дивали — один из главных индийских праздников.

Диван — открытый зал с колоннами в строениях в стиле Великих Моголов.

Дийя — плавучие жертвенные свечи.

Дикпала — охранительные фигуры божеств на крышах храмов.

Дхаба — придорожные закусочные.

Дхарамшала — разновидность туристической гостиницы для паломников, студентов и путешественников.

Дхоби — место для стирки у реки.

Дхол — разновидность барабана.

Дхоти — длинная рубаха, подобная той, которую носил Ганди.

Дхури — тканый хлопчатобумажный ковер.

Заминдар — индийский сельский землевладелец.

Зенана — женская часть традиционного мусульманского дома.

Иззат — индийский военный термин, примерно соответствует «боевому духу».

Иуван — танцевальный зал суфиев.

Ифтар — еда, завершающая дневной пост в

рамадан.

Йони — сакральное изображение женских половых органов.

Каввалы — мусульманские песни хвалы.

Кадай — индийская сковорода с двумя ручками.

Каламкари — расписные ткани из Андха Прадеша.

Карсеваки — индуистские фундаменталисты.

Катак — североиндийский традиционный танец.

Кеттуваллам — керальский плавучий дом, около 70 футов в длину. Первоначально использовался для транспортировки риса.

Крор — 10 миллионов индийских рупий.

Лавда — половой член.

Лангур — обезьяна Ханумана. Обезьяны в Индии — священные животные.

Лати — бамбуковая палка, окованная железом.

Лингам — священное изображение полового члена.

Мадар чауд — нецензурное ругательство.

Майна — говорящие скворцы.

Малаяли — представитель основной народно-

сти, проживающий в штате Керала.

Мали — садовник.

Мандапа — крытое и обнесенное колоннами крыльцо храма или его притвор.

Мачаан — площадка для наблюдения, расположенная на дереве, используется во время охоты.

Мевлеви — турецкий суфийский орден, основатели характерного суфийского танца, состоящего во вращении на одном месте.

Мела — большое собрание.

Мокша — выход души из цепи перерождений.

Мудра — сакральный жест.

Муснуд — традиционный трон Моголов, представляющий собой мраморную плиту, устланную подушками.

Нага садху — обнаженный садху (см.), демонстрирующий тем самым презрение к миру иллюзий.

Паан — повсеместно употребляемый в Индии десерт из специй, орехов и слабого наркотика, завернутых в лист бетеля.

Паллав — часть сари, перекидываемая через плечо и час то ярко украшаемая.

Пандал — импровизированная сцена, сделанная из ткани и бамбука.

Прасад — священная жертвенная пища.

Пуджа — различные комплексы ритуалов в индуизме.

Пурда — сегрегация и дискриминация женщин в исламе и индуизме.

Пури — блюдо из жареного хлеба с какой-либо начинкой.

Раджпут — стиль народного искусства в Индии в XVI — XVIII столетиях.

Ракшасы — демоны в индийской мифологии.

Рат Ятра — божественная колесница-храм, повозка Рамы, главный атрибут празднования джаганната в Ориссе.

Сабха — нижняя палата индийского парламента.

Садхви — женщина-садху.

Садху — индийский аскет-святой.

Сакти — индийское женское божество, символизирующее женское начало мира; символ самости и души в индийской философии.

Сангам — место, где встречаются священные реки.

Саньяссины — жрецы, мудрецы.

Сати — обычай самосожжения вдов.

Саттва — термин индийской философии, обо-

значающий свет, просветление, знание.

Сема — танец дервишей, состоящий в постоянном вращении.

Скарификация — нанесение шрамов на тело с эстетической целью.

Совары — индийская элитная кавалерия.

Субадар — офицер индийской армии, примерно соответствующий по званию капитану.

Суддхаваса — одно из промежуточных небес в одном из направлений буддизма. В буквальном переводе «прибежище чистых».

Сурья намаскар — «Приветствие солнцу», последовательность асан в йоге, совершаемых утром.

Тали — тарелка.

Тамас — термин индийской философии, обозначающий тьму, незнание и пассивность.

Тандава Нритья — космический танец Шивы, разрушающий и возрождающий.

Тикка — красная метка на лбу.

Тилак — священные метки на лбу. У шиваистов и вишну-истов они различны.

Тирта — переход между миром смертных и богов.

Тримурти — индуистская «троица» Брахма, Вишну, Шива.

Тришул — священный трезубец Шивы.

Фатфат — моторикша.

Фиренджи — наименование иностранца.

Хавели — особняки зажиточных мусульман.

Ханум — вежливое обращение к мужчине.

Хауда — роскошно украшенное седло для слона.

Хиджра — евнух.

Хидмутгар — дворецкий.

Хиндутва — индуистский религиозный национализм.

Холи — индийский весенний праздник, проводимый в полнолуние. Это единственный день в году, когда во внимание не принимаются характерные для Индии кастовые и социальные различия.

Чарбаг — исламский регулярный сад с бассейном.

Чарпой — низенькая кровать, которая служит одновременно и для отдыха, и для созерцания мира за окном.

Читал — наиболее распространенная разновидность индийского оленя с пятнистой шкурой. Известен также как «олень Будды», так как последней инкарнацией Будды до того, как он стал

человеком, был именно читал.

Чоли — нижняя женская рубашка.

Чаукидар — ночной сторож.

Чо чвит — обычное ласковое обращение.

Чуутья — непристойное индийское ругательство.

Чхатри — маленький декоративный павильон в виде купола на колоннах, характерный для архитектуры периода Великих Моголов.

Шамьяна — резной навес над входом в здание.

Шатабди — индийский скоростной экспресс.

Шервани — длинные, роскошно расшитые сюртуки, которые носят мужчины-мусульмане.

Шикара — шпиль на североиндийском храме.

Якша — полубожества, живущие у Гималаев.

Яли — мифическое животное, напоминающее льва.